

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ИЗГНАННИКИ**

— Сочинения —
Василия Васильевича
РОЗАНОВА

Под редакцией
В.Г. Сукача

Москва —
«Танаис»
1996

В·В·РОЗАНОВ

О ПОНИМАНИИ

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДЫ,
ГРАНИЦ И ВНУТРЕННЕГО СТРОЕНИЯ
НАУКИ КАК ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Москва
«Танаис»
1996

имени с главными событиями и деятелями русской культуры конца XIX — начала XX века. «Мир Розанова» — вполне законное представительство в географии русской культуры: в Розанове отразился век.

Литературное наследие, оставленное писателем, по своему объему составляет около 1500 авторских листов (без учета писем и официальных бумаг). Таким образом, мы можем рассчитывать на 50-томное издание его трудов. Характер его творческого наследия с большим трудом поддается общему описанию: это и книги, и большие монографии, и фельетоны (в старом понимании), и рецензии. Это также и газетные редакционные статьи, газетные сообщения типа «Среди газет и журналов» или примечания к чужим статьям или письмам (в этом жанре писатель обладал особым даром). В целом же это продукция периодической печати. Розанов — типичный представитель русского литературства второй половины XIX — начала XX века. Это подлинный труженик газет и журналов, обязанный как откликаться на злобу дня и юбилейные даты, так и поддерживать редакционную идеологию газеты («Нового Времени»). Он не был свободным писателем. Однако он сумел выйти из безликой братии газетчиков прежде всего необыкновенной авторской подачей тем, пронизанной особым философским духом. Пафос его статей, тематически объединенных под отдельными корешками книг, еще более подчеркивает их индивидуальность. Среди книг Розанова многие отличаются прежде всего авторским стремлением поставить тему как открытую задачу обществу разрешить те или иные проблемы. Кажется, это основная характеристика его публицистических выступлений. Розанов — писатель, почти начисто лишенный писательского честолюбия. Это редкий дар у современного литератора, который сроднился с грехом авторского эгоизма. Так, Розанов наряду со своими статьями включает в книги «полеми-ческий материал», критические статьи, которые откликались на его проблемные выступления в печати. Эти статьи часто кардинально перечеркивали розановскую постановку проблемы. Но Розанов творил «под знаком истины», и поэтому в книгах он продолжал полемику в обширных примечаниях к «полемическому материалу». Эти книги — подлинные памятники эпохи, и разъять их уже невозможно в переизданиях.

Все свои издания Розанов строил по хронологическому принципу. Это более всего соответствовало характеру творчества писателя, с наибольшей полнотой выявляло его творческие замыслы.

При издании сочинений Розанова особую трудность представляет задача тематического распределения материала. Для Розанова характерно тематическое разнообразие: это и литературная критика, и психология писательства, и проблемы религиозного сознания и религии, взаимосвязь Ветхого и Нового Завета, христианства и его конфессий, государства и права, сектантства, просвещения, семьи, брака, развода и незаконнорожденных детей, наконец, так называемая тема пола, и многое другое. Поскольку темы свои Розанов почти всегда развивал непрограммированно и бессистемно (нерационально), они проникали друг в друга. Темы Розанов не строил. Они у него вырастали сами, и он их только «проводил в печать».

Собрание сочинений Розанова впервые было осуществлено самим писателем. Он сумел издать 39 книг и брошюр и некоторые из них переиздать со значительными дополнениями. Это составляет едва ли не восьмую часть его опубликованного и неопубликованного наследия. Во втором коробе «Опавших листьев» (СПб., 1915. С. 295-299) он оставил «план для издания (своих) статей, еще не перепечатанных в книги». Там приведено 16 названий. По поводу «полного» собрания сочинений своих трудов Розанов высказывался весьма скептически. Однако известно, что Розанов желал видеть все им написанное напечатанным и тиражированным («ради библиографической сохранности»), и в этом угадывается его желание видеть свое собрание сочинений по возможности «полным». Действительно, «полный Розанов» нужен: внутренняя цельность его гения, «несочиненность» Розанова, предстала читателю такую картину «судьбы личности в мире», такое «богословие человека», какое дал Розанов во всем объеме своего литературного творчества во всех своих писаниях, этих «опавших листьях» своей души. Забота о выраженной на бумаге человеком мысли как об «оставленном человеческом следе на земле» совпадает также с заботой Розанова о судьбе вещей в мире, которая вызывала в нем личную и острую внутреннюю боль. Судьба вещей в мире, их конечность и без-

защитность связываются с центральным нервом мировоззрения мыслителя. Это своего рода розановское понятие о бессмертии.

В нашем собрании сочинений мы принципиально отказались от нумерации томов. Этот цифровой ряд был бы враждебен существу Розанова. Кроме того, помня о лихолетье переживаемого времени, легкомыслием было бы всякое обещание читателям. Мы построили издание так, что любой набор его книг Розанова может быть законченным, поскольку каждый том исчерпывает тематически весь материал из творческого наследия писателя и носит индивидуальный заголовок. Объединяет наше издание классическое русское название: «Сочинения Василия Васильевича Розанова». Бог в помощь всем, кто поддержит это издание по силам своим.

Москва,
15 окт. 1994 г.

В.Г.Сукач

ВРЕМЯ ЧИТАТЬ РОЗАНОВА

Ненавязчивая глубина под поверхностной рассудочной схемой — вот то, что только сегодня по-настоящему раскрывается нам в раннем Розанове. Можно не затрудняясь планом читать его с любого конца. Мы жалеем будущего рецензента, который начнет перетасовывать установки, взгляды, идеи большой розановской книги: почти все они подобраны из расхожей в то время учебной литературы, а задумчивый Розанов, экономя таким образом свои силы, тайно показывает на этом материале свой размах.

Розанова с самого начала манит ожидание близкого счастья, решающего постижения. Оно в освободительном знании безусловной непостижимости мира. «Мир во всем своем объеме был бы разгадан и понят» — если бы причина и следствие были прояснены. Но они не прояснены и никогда не будут прояснены. Из ясности этой темноты вырастает последнее понимание, «полное неизъяснимого интереса» (329)*.

Мощь отпущенного на волю ума возвращается у Розанова, в его письме, к тысячелетней опоре парменидовского *того же*, основе мысли и бытия. Эта опора открывается до логики в запредельном видении, что все в мире, близкое и далекое, присутствующее и отсутствующее, схвачено мгновением в своем тождестве, равенстве себе. Постоянная розановская матема-

*Цитируем по 1-му изданию: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания Вас. Розанова. М.: Типография Э.Лисснера и Ю.Романа. Арбат, дом Платонова, 1886. На экземпляре, которым мы пользуемся благодаря В.Г.Сукачу, автограф: «Уважаемому и дорогому наставнику Константину Ивановичу Садокову с признательностью и любовью свой труд бывший ученик (1872-78) Василий Розанов. Брянск, 19 ноября 1886 года».

тика *того же, другого, избытка последующего в предыдущем* покажется плоской арифметикой, если не хуже, без того раннего видения мира, когда в его счастливой полноте ясно, что «все и повсюду должно оставаться вечно тем же и там же, чем и где пребывало вечно» (332). Чувства кричат о другом, о вечной изменчивости вещей. Из двух зрений, абсолютно несовместимых и одинаково надежных, одно угадывает во всем постоянство, другое прослеживает везде сплошной поток. «Вот затруднение... оно непреодолимо... в нем сосредоточиваются, как в центральном узле, все величайшие тайны природы и все величайшие интересы стремящегося к пониманию разума» (там же). Розанов не будет приводить противоположности к единству; он знает, что обрыв входит в экономию бытия.

Так же и противоположность между причинным и целевым объяснениями. Цель не вытесняет причину, а просто встает рядом с ней повелителем из другого мира. «В целесообразности нам представляется замечательное явление господства небытия над бытием, того, чего еще нет, над тем, что есть или совершается» (340). Метод книги соответственно не конструирование — из небытия не строят, — а обращение внимания. Философско-научная номенклатура спокойно берется при этом без особой критики, с уверенностью сильного ума, что рано или поздно все понятия будут просвечены простым началом. Цель Розанова не система, а само действие (энергия) терпеливого вглядывания. Тема книги, понимание — одновременно ее предмет и прием. Не надо поэтому искать, на какие термины в ней опереться; все сводится к неостановимому движению мысли. Когда это есть, не очень важно, с каких ходов начинать. Все подлежит прояснению, развертыванию, приведению к последней тайне, как и начиналось все с раннего удивления или страха.

Не надо поэтому успокаиваться, встречая у Розанова примитивную схему, будто целесообразное действие существует сначала в разуме. Будьте уверены, он не упустит прийти к тому, что ясно нам: что «целесообразное действие» не существует заранее вообще ни в какой сфере доступного нам интеллектуального мира и осмысливается только задним числом, а не с самого начала ориентируется на какой-то заранее заданный замысел целесообразности. Цель целей не в замысле,

а в самом бытии, которое для нашего зрения не отлично от побытия и, как увидит Розанов, не сводится к «потенциальному существованию цели в разуме». В конце концов «явления целесообразности имеют, как кажется, форму существования вечно реальную» (343). Они скрыты от нас именно своей вечной реальностью. Именно потому, что они всегда заранее уже есть, уже обладают безусловным существованием, ни в чем больше не нуждаясь,— именно поэтому они парадоксальным образом пребывают для нас в небытии и оказываются целью. «Но это темная сторона вопроса, требующая точнейших изысканий» (там же). В том, что главным несуществующим, подлежащим прежде всего осуществлению, остается «нечто вечно пребывающее», есть тайна, остроту которой Розанов не хочет сгладить и которая изменяет существо понимания, требует еще и еще внимания.

В эпоху эволюционизма, релятивизма, дарвинизма Розанов обратил внимание на постоянство форм природы и истории и на укрытость постоянных форм в ненаглядном, неуловимом. «Постоянные и уже вечно неподвижные типы не те, которые живут теперь, но те, к которым незаметно стремятся живущие». Направление взгляда меняется. «Постоянство форм... переносится из настоящего в будущее» (352). Как цель не существует потому, что всегда уже успела осуществиться в полноте, так понимание и понимающий разум, хотя определяют собою все в истории, не вычлениваются в наблюдаемом бытии, не развиваются из биологии, не могут быть приобретены по желанию, не поддаются применению для практических целей. Не понимание принадлежит нам, а мы — пониманию. Эта недостижимость понимания, его непонятность, его слитость с непониманием до несравнимости отделяют розановское понимание от распространенной «научной» рациональности, которую Розанов, совпадающий здесь с Ницше (и с Леонтьевым), мог бы тоже назвать не наукой, а научным методом*. Конечно, и в любом методе все тоже держится пониманием. Но в качестве цели понимание, всегда опережающее, должно быть

*«Не победа науки есть то, чем отличен наш 19-й век, но победа научной *методы* над наукой» (Ницше. Воля к власти. № 466).

еще схвачено. Самое реальное всегда оказывается самым далеким.

Самое реальное, к области которого принадлежит чистое существование, целесообразность и понимание, настолько отличается от человеческих понятий и построек, что не перекликается и не сотрудничает с ними (и поэтому Розанов несовместим с символизмом и «синергизмом»), а применяет их в своих интересах. «Целесообразность... действует через причинность» (371). Отсюда безмятежное, даже небрежное спокойствие, с каким Розанов инвентаризует расшатанное хозяйство современного ему знания. Там, где мы видим банальность и штампы, для Розанова все просвечено другим светом. Поэтому кроме нашего мира он не хочет другого, взамен ему не собирается искать ничего сверхприродного, экзотического, чудесного. Пусть человеческим разумом могут быть усмотрены только человеческие вещи; в том нет никакой нашей беды или ограниченности. Так или иначе другое, высокое, отвлеченное не проявится иначе как скрыто в обычном. В примелькавшееся надо вглядываться, чтобы увидеть, как оно применяется постоянными формами в своих целях.

В том, как Розанов берет и повертывает простые наблюдаемые вещи, есть феноменологическая хватка, ловкость мастера. Первоначальные именованья тут могут быть взяты наугад, фактографический и терминологический арсенал громоздок и устарел уже для 19-го века, но никогда для Розанова дело не идет о фиксации терминологии или выстраивании конструкций, он охотится за другим. Счастливым жест остановки мимолетного почти никогда не изменяет ему. Я спорил бы с теми, кто думает, что захваченность не главное в философии. К чему размышления или системы, если нет сначала прорыва во всем и через все к своему, воли возвращения к родному? Философской мысли нет без расправы с лексикой, без узнавания во всем себя, без *понимания*.

«Совершенное тожество существует только в одной форме, именно в форме тожества всего самому себе... Как совершенное тожество каждая вещь имеет только одно — именно с собою, каждая же вещь имеет и одну противоположность, и именно в себе же — когда извращается ее природа. Так доброе находит свое от-

рицание в злом» (389). Одной хваткой здесь и бытие взято как тождество (тема Парменида), и зло как предопределенное бытием (тема Лейбница, Шеллинга, Хайдеггера). В своей сути, в жесте угадывающего видения книга Розанова систематизирована, лучше сказать, размечена прорывами, как этот. Только они придают ей смысл. Хлипкая школьная диспозиция «предметов» нужна тут была только для того, чтобы как можно шире поставить опыт видения, не упустить чего. Почестному Розанов должен был тогда сам знать, что читателя для его книги пока еще нет. Он уверенно предсказывает будущее, может быть, отчасти наступившее для мысли 20-го века, которая ставит вопрос не о бытии сущего, а о чистом бытии. В формулировке Розанова: о «существовании независимо от существующих вещей». «Мы едва ли пренебрежем истиною, если скажем, что некогда учение о чистых сторонах Космоса разовьется в такие же сложные и глубокие учения, в какие развилась математика» (397). Заметить, что это предсказание начало сбываться в гуссерлевской феноменологии, мало что даст. Знаем ли мы уже сейчас существо гуссерлевской феноменологии? Понимаем ли движение европейской мысли после Гуссерля? Совсем не несомненно, что история закончилась, как ни хочется многим почувствовать себя совсем вольными стрелками. Нет никакого сомнения, что если она еще будет продолжаться, то с абсолютно нового начала. Я часто вспоминаю, как о.Александр Мень говорил, что по закладке оснований под новые цивилизации наше время сравнимо с 1-м веком после Рождества Христова. Пророчество Розанова о будущем «изучении сторон бытия независимо от бывающих вещей» волнует и тем, что оно буквально осуществилось в философии Хайдеггера, и тем, что погоня технической цивилизации за вещами все равно ведет в тупик и явно по своему существу нацелена на невидимое, непонятное бытие, которое не привязано к вещам так, как мы привязаны к ним.

Розанов не скучает и не устает, когда пишет свою длинную книгу, потому что не просто как русский мальчик переписывает карту звездного неба, классификацию наук, а ведет свою невидимую охоту. Она началась с заглавия, с *понимания*, уникального в позитивистской половине 19-го века и угадывавшего следую-

учить. Она не привязана даже к знаку и записи. Истина «существует и тогда, когда и не записана, и не сознается» (441). Розанов не будет никогда анализировать, как он пишет. Как-то так. Все зависит от «неуловимого», неподдающегося никакому анализу сочетания слов, которое бессознательно употреблял автор, которому непреодолимо покоряется читатель» (449). Свобода — но и любовь и милость; оттого простота. Но и широта мысли и ее торжественность. Труд, терпение. Эта книга подарок, крупный и долговечный. Хотя не всякий сумеет читать ее без недоумения, мало кто к ней готов, но снова и снова будут находиться те, кто принять подарок способен. «Невольно и непреодолимо началась эта деятельность», розановская работа понимания (459). Невольно и непреодолимо начался и сам Розанов и его книга. Зачем она? Каков ее научный результат? Спросите так, и чтение уже не удалось. Ее диктовала привязанность и ее велел писать ужас перед тем, что вызывает отвращение. «Отвращение от ничего не объясняющих знаний, хотя бы и новых и интересных в самих себе» (459). Отвращение к информации? Да, именно так, без рабского опасения, что всякая информация благо.

Как весело должно быть издателям спустя сто десять лет после ее полного рыночного провала в 1886 г. снова пускать эту тихую, тайную книгу в мир. Теперь, кроме прочего, она еще и ключ, обещающий разгадку всего, что сбивает людей с толку в публицисте Розанове. Вздор о том, что Розанов отказался или отошел от своего раннего труда, отпадет сам собой. Если извращенным любителям соленья и хмельного придется упустить из рук Розанова-«философа жизни», то никому от этого хуже не станет. Современным потребителям его таланта отрезвление явно не помешает.

Для чего все-таки должна быть эта книга о понимании? Просто для того, чтобы понимание *было*. Она делает то, о чем пишет. «Понимание как состояние есть цель понимания как процесса» (460). Стало быть, понимание ради понимания, как видение ради видения у Аристотеля? Отвечать надо бы утвердительно, но сам вопрос как-то не звучит. Когда затягивает как водоворот, завораживает страсть, уже не спрашиваешь, для чего страсть, для себя самой или для чего-то другого. Все равно ведь когда человек захвачен не он

диктует, а захватившее. Он «пассивный носитель», если выносит это несение. В творчестве есть «самоопределяемость» (464). Оно уж как-то само знает ради чего оно, что и как несет тем и в тех, кто его перенесет.

Что человек и общество держатся любовью, без которой никакой порядок не поможет,— это мы слышим от Розанова как правду, подтвержденную опытом наших дней. Но как Розанов может говорить, что свободный человек всегда нравственный? Свободный для него значит захваченный, следовательно гениальный, т.е. неспособный на злодейство. То, что Розанов говорит о Религии, еще не скоро будет осмыслено. Религия возвращает человека к его чистоте, а это значит к упоению, к мечте, к захваченности. «Интересы неизмеримо важнейшие, истины высшие, иезели все, чем он жил дотолле, всецело овладевают им и как бы заволакивают от его глаз и людей, и природу. Он остается наедине с собою и с своим Творцом» (479). Это сказано о религии. Но то же самое говорится о понимании, которое тоже оставляет человека со своим Творцом, тоже дает свободу от жизни. «Когда я понимаю, я не имею отношения ни к людям, ни к жизни их; я стою перед одною моею природою и перед Творцом моим; и моя воля лежит в воле Его. В это время Его одного знаю и Ему одному повинуюсь; и все, что становится между мною и между Творцом моим, восстает против меня и против Творца моего» (719). А если бы религия была чем-то другим чем понимание? В религии и в понимании происходит перемещение человеческого существа в другое «пространство». Для рассудочного выбора в новой захваченности уже не остается места. «Настолько прекрасно, настолько велико то, чем он живет в эти минуты, что когда волнующаяся вокруг него жизнь снова пробуждает его к действительности, он не находит в себе для нее ничего, кроме осуждения» (479).

В этом огне, в этом жару, в котором тлеет все что казалось жизнью и который захватывает человека так, что отнять его у него уже нельзя, говорить о заповедях, нравственных или интеллектуальных, уже не очень уместно. Когда огонь, который здесь назван религиозным чувством, а в другом месте пониманием, подступает или отступает, создаются науки, искусство, поэзия. Отличие этой розановской экстастики от роман-

тической и от возрождающейся символистской было в том, что Розанов не пробовал заигрывать с огнем, трезво видел несоизмеримость человека и Бога. Человек в такой же мере не может обеспечить себе истину и добро, как он не может обеспечить себе красоту. Человек «только арена борьбы, и потому-то она так и страшна, что идет о нем и в нем, а он бессилён что-либо сделать или предпринять здесь» (549). Ни вера, ни понимание не даются ему по его воле. Единственное, что ему дано, — это помнить о своей огненной природе и сделать истину, добро, красоту, веру, понимание темой, главным вопросом своей мысли. Что Розанов и делает.

Через головы поколений, переставших на свою беду бояться огня, Розанов приближается к нам в трезвом знании постоянного присутствия среди нас сил сильнее нас. Розанов как мы видит, что решает не человеческое планирование, «но та непонятная и могущественная сила, которая так непреодолимо сковывает волю человека, и направляет судьбы его истории путями, которых никто не знает, к целям, которых еще никто не уразумел» (там же). Среди наших сегодняшних слов, которые мы с изумлением встречаем уже готовыми у Розанова, есть *немошь*. Природа человека — огонь, через человека действуют космические силы, но будет лучше, если он не забудет, как мало из всего этого он держит в своей власти. «Мы бессильны предвидеть и... бессильны выполнять». В окружении захлестывающих нас сверхсил нам «остается жаждать и ожидать. Пусть это немошно, пусть это не изменит хода человеческого развития; оно определит наше отношение к нему, оно рассеет фантомы, которыми окружены мы и за которыми скрыто от нас истинное положение вещей» (550). Ах это хорошая, вечная философия. Когда мы пришли и стали смотреть, главные вещи уже случились. Они страшно крупны и в них добро и зло, обещание и ужас. «Связь высочайшего добра с величайшим злом, невозможность для первого возникнуть без второго является хотя непонятным по своей цели, но несомненным законом» (602). Розанову, как и нам, странно, почему добро и зло, ежеминутно задевая человека, до сих пор не стали ни первой, ни хотя бы важной темой мысли. Впрочем, пожалуй, мы знаем ответ на этот вопрос. Все дело в том, что сознание до сих пор не догадалось, что

выбор добра и борьба против зла не в его власти; оно считает себя от природы справедливым и *сознательность* кажется ему синонимом нравственного. Розанов понял, что не человеку выбирать между добром и злом. Тем важнее сделать то единственное, что в силах человека: задуматься о добре и зле, взвалить на себя тяжесть этой темы. Правда, Розанов тоже оставил «общую теорию добра и зла» на потом, решившись задеть в главе XVII о добре и зле только частности будущей науки, которую он по Лейбницу и Шеллингу мог бы назвать метафизикой зла.

Розанов предлагает подробный проект общественного строения с централизованным здравоохранением, экономикой, воспитанием и образованием, с полицией нравов, идеологическим надзором, с государственным воспитанием и направлением воли, с покровительством искусству, даже с государственным внедрением красоты и с чем-то вроде совета по делам религий. Если еще в прошлом веке Розанов (как и Леонтьев и Соловьев) с такой ясностью видел черты будущего социализма в России (вплоть до предполагаемой тематики государственно финансируемых научных исследований: «определить все причины и все последствия субъективного религиозного настроения... определить все причины и все последствия централизации учреждений...»), то мнение о русском социализме как историческом завихрении надо пересмотреть. С другой стороны, задачу будущему сильному централизованному государству Розанов намечает прямо противоположную той, какая была у нас! Оно никогда ничего не должно себе ставить в качестве цели. «Никогда цели, сами по себе прекрасные, не были так несправедливо и порою так непоправимо запятнаны, как... дурными средствами. То отвращение, которое невольно внушали к себе эти последние, естественно переносилось, по ассоциации чувств, и на самые цели» (653). Хорошие цели с хорошими средствами остались бы только благим пожеланием, но даже не в этом дело. Суть в том, что отмечено выше: хорошие (как впрочем и злые) цели вообще не во власти человека. Государство должно стать школой как угодно строгой, но учащей только средствами, «чему бы они ни служили, лишь бы были прекрасны», никогда не целям. Образом действий государства останется насилие, но подавляться будут толь-

ко претензии авторитетов на знание последних целей. Собственно цели надо оставить в покое; бытие не нуждается в заботах и хлопотах сознания. «Формы, в которые сама собою стремится завершиться человеческая природа и жизнь, и прекрасны, и непреодолимо влекут к себе... Борьба с этим влечением если и возможна на время, будет безуспешна в конце концов, потому что не на что будет опереться человеку в сопротивлении тому, что из его же природы вытекает; и к тому же ненужна эта борьба, потому что влекущее не дурно, или по крайней мере придуманное будет хуже» (668).

Розановское государство подобно самому Розанову до садизма равнодушно к человеческим поделкам и проектам, но отчаянно оберегает стихию природы и духа. Покоем уверенности, что эта стихия с ее неприемной мощью возьмет верх над интригами сознания, сильно розановское понимание. Пушкин называл поэтов «сверхкомплектными жителями света». Понимание так же сверхкомплектно. Оно не диктуется жизнью и само не хочет ничего ей диктовать. «Обоюдное влияние их хотя и возможно, однако не несет в себе никакой внутренней необходимости» (733). Именно свобода от жизни позволяет человеку, отрешенному существу, найти себя в понимании. Во всей работе о понимании у Розанова уже есть то невозмутимое безразличие к постройкам сознания, какое будет потом в розановской публицистике к современным ему политическим, этическим, идеологическим мнениям при безграничном, мы сказали бы даже — в хорошем смысле рабском уважении к устоям бытия.

Внимание к «типам», к прочным ускользающим от грубой фиксации формам, «в которые влагается все видимое» и которые в конечном счете всегда утверждают себя, оказывается главной, по существу единственной тенденцией розановской ранней книги и не всего ли вообще Розанова? Именно на «типы» нацелена розановская феноменологическая хватка. Понимание питается этими типами (формами), уходящими от определения и перечисления в неуловимую простоту. Они не структуры и не числа, они существуют как-то *так*. Розанов может начинать свою охоту за ними от любой данности и любой схемы; искомое окажется везде и нигде. Единственным свидетельством остается опыт,

уникальный и непередаваемый. Поэтому Розанов спокойно берет для него самые первые и прямые слова. Все равно решает не дефиниция, а жест, счастливая удача хватки, свободная укорененность в свободе.

Существование (бытие) и его разум (понимание) надежно защищены несуществованием и непониманием. «Разум не имеет *никакого* существования... он есть пустое *ничто*... совершенная пустота» (32, курс. *Розанова*). Настоящее чтение и понимание подобных тезисов начнется, может быть, только в 21-м веке. Это чистое новое начало мысли по размаху и широте сравнимо с греческим. Переходить от Розанова и Соловьева к Фалесу, Пармениду и Гераклиту как-то неизбежно. Напрасно кто-то попытался бы суммировать взгляды или систему Розанова. Его лексика оказалась бы на поверхности сразу слишком уязвимой. Его прозрения, которые не в лексике, а в жесте мысли-слова (ср. выше его замечание о неуловимости писательских приемов), потребовали бы от исследователя как минимум такого же грациозного жеста, такой же умной хватки. Пока не видно, кто из современных умов способен хотя бы приблизиться к этому танцу. Алексей Федорович Лосев, втайне очень внимательный к Розанову? Михаил Михайлович Бахтин, посоветовавший молодым читать прежде всего Розанова? Современные развязные «розановеды» имитируют от силы разве что раскованность розановского слова, но совершенно не причастны закону розановских прозрений, которые «следуют одно за другим в некотором строго определенном порядке, правильности которого не в состоянии нарушить ни природа, ни сам человек» (32). О строгости свободы, которая только кажется вседозволенностью, Розанов говорит как о России: «Едва мы, обманутые... пытаемся заместить предполагаемую пустоту каким-нибудь реальным существованием, как тотчас чувствуем, что эта кажущаяся пустота не есть ничто: в ней есть что-то живое, потому что вводимые впечатления все отталкиваются и воспринимается только одно определенное» (33—34).

Розанов смело входит в вопрос, не ставившийся в России или вообще в конце 19-го века: «Что такое существование вообще, без отношения его к тому, что и в чем существует» (136). Он один, не слыша откликов, развертывает тематику, для которой только

теперь появились глаза и уши. Многие сейчас зависят от того, сумеем ли мы прочесть эту книгу и через нее заново Розанова, поверим ли, что он не зря доверял свободе своего ума, догадаемся ли, что вопросов важнее, чем в этой книге, начиная с существования, небытия, существования небытия, добра и зла, нет и никогда уже не будет.

«Разрешение сомнений и вопросов» не в силах Розанова, он ставит своей задачей только их «возбуждение» (152). Так или иначе возбуждали тогда собственно все, будили Россию все. Но кто один хотел повернуть мысль страны к вопросам бытия и небытия? Кто был так уверен, что это одно спасет? Только одно, тайная вдумчивость, способность к вещам снам спасает в конечном счете Россию, которая как ни одна страна в мире открыта выстуживающим ветрам. На таком сквозняке казалось бы все должно быть мобилизовано на обустройство. Но именно у нас Розанов смеет позволить себе бескрайнюю широту вопросов. После него говорить, принадлежит ли Россия мировой цивилизации, уже анахронизм. После Розанова Россия вся, с провинцией, деревней, пригородами, огородами, коровой, колодцем, с пьяным в канаве, вошла, широко въехала в единственную историю мира. Если кто-то еще этого не заметил, а другой вообразил, что дело тут идет все еще о чем-то специфическом вроде русской личности, то мы с гордостью скажем: розановская простота, кажущаяся наивностью,— признак нездешней силы.

У людей, избавивших себя от «русской темы», теперь много забот с погоней за постмодерном и с преодолением метафизики. Они будут бояться, не слишком ли Розанов традиционен и не надо ли его деконструировать. Их лучше предупредить: Розанов слишком элементарен (стихиен), чтобы его можно было деконструировать. До такой элементарности взгляда и вопроса деконструкторам едва ли удастся когда-нибудь дойти. «Первое невольное удивление и невольный вопрос его (понимающего разума.— В.Б.) — что это такое, что существует этот мир? т.е. что такое это существование мира, что лежит в мире, отчего он существует, что такое существование само по себе?» Ответа на так поставленный вопрос нет. Единственным верным

решением здесь будет, раз поставив его, никогда уже больше не снимать.

Комок глины слепится или не слепится, случайно или нарочно, и так же распадется. «Не необходимо эти процессы производят те вещи, которые они производят; и производимые ими вещи не необходимо производятся путем этих процессов, которые их произвели» (241). Слепивший несуществен, конгломерат нестойк. Но автор Розанов, случайно ли он заговаривает о «двойном отсутствии необходимости» в комке глины, случайно ли противопоставляет его кристаллу, чья индивидуальная определенность подчинена, наоборот, двойной необходимости? «Ясно, что процессы неопределенные имеют большее распространение в природе... Область же процессов определенных не столь обширна, но зато более совершенна: все немногое и лучшее, что лежит в Космосе, производится ими» (242). Странен, если задуматься, этот оценочный подход к содержимому космоса. Едва ли верно, что в космосе вообще есть неопределенные процессы. С этим возражением Розанов сразу согласится, но свою классификацию не отменит. Она и актуальнее и острее, чем как мы ее с налету прочитали. В самом деле, человек, комок глины, сугубая неопределенность, очень распространенная в природе, — он же и самое совершенство, малое и лучшее в мире. Человек одновременно распался и до дрожи и надрыва сосредоточен вокруг этого различия между комком и кристаллом. Для человека нет ничего важнее. И во всем мире нет лучше места, вообще нет ни для чего места, кроме как там, где всерьез идет речь об этом различии между распадом и собиранием, хотя сам человек не в силах охранить себя от распада и обеспечить себе собирание. Книга Розанова вся — процесс, который по-человечески не может себе обещать блестящего результата, совершенства, удачи. Но что Розанов не уйдет от ответа, не прекратит разбирательства, не угасит, не притупит остроты разграничений — это нам вроде бы обеспечено.

Как наш последний пример, так каждый абзац Розанова ненавязчиво, почти скрытно приглашает к обновлению зрения. «В душе нашей поднимается незнакомое смущение, как от приближения к чему-то для нее новому, чуждому и непостижимому» (283). Скрытость охраняется странностью, в которую на каждом шагу

щий век. Средства розановской охоты, как мысленный эксперимент с заполнением пространства всеми возможными геометрическими фигурами, заставляют вспомнить о ранних приемах мысли, отпущенной на свободу в древней, еще малоазиатской и италийской Греции. Но как в ранней греческой мысли, так и у Розанова опорного, определяющего чувства природы не меньше, чем у самой современной физики, считающей своим новым достижением, например, ущербный «антропный» принцип. Розанов уверен: «Природа физическая обладает строением не более грубым, чем наш разум, и вещество в своих последних формах столь же тонко и неуловимо, как мысль» (402). Или еще: «По происхождению своему числа и величины столь же первообразны, как первообразно само бытие». *По происхождению* — т.е. до сознания, или, как говорит Розанов, во «внешней природе» (403). Хайдеггер скажет: «снаружи», *Draußen*. Я знаю, как сознанию трудно отделаться от иллюзии, будто оно само как-то рождает, находит или артикулирует в себе свои смыслы. Тем удивительнее читать у молодого Розанова о «порядке вступления их (смыслов, понятий. — В.Б.) в это сознание» извне, из ранней полноты.

Увлеченный Розанов ходит в своей ранней книге по краю океана. Как Леонардо да Винчи часто поручал себе в своих заметках написать потом книгу о захватившем его сейчас вопросе, так Розанов заглядывается в загадочную даль, которой ему не достичь. «Мы не решаемся ответить что-либо на эти вопросы, и только указываем на них, как на необходимые в науке, на которые должен быть дан ответ» (404). Он замечает кричащий факт: отсутствие понимания времени при непрерывном применении его. Розанов раздумывает со спокойствием, которое идет не от равнодушия, а от радости удачливого открывателя: «Трудно сказать, есть ли недостающее учение о времени необходимый и неизбежный недостаток в человеческом понимании, или же временный и восполнимый, происходящий от того, что не пришла на мысль человеку какая-то идея, которая есть и ждет только своего открытия» (405). *Или* в этой фразе — плотинское, однозначное, открывающее горизонты. Человек, знает Розанов, еще (по)вернется к времени от мало осмысленного счета часов, минут и секунд, как он всегда вернется к су-

ществованию от бесконечного перебора существующих вещей.

«О понимании» — светлая и просторная книга. Она для будущего, для терпеливого разбора, для постепенного начала новой, совсем другой науки. Это школа нескованной, беспристрастной, терпеливой мысли. Когда Розанов говорит: «Но предположим на время, что все сказанное не сказано», то можно верить, что это не писательский прием, а красивый жест свободного ума, который да, умеет остаться ни с чем, вернуться к выпускающей пустоте. Откуда школа мысли у нас, в провинциальной России? Ответить поможет розановский «Русский Нил». В розановские ученические годы у нас была хорошая, может быть, лучшая в истории России или вообще лучшая школа. Розанов, кроме того, получил уроки европейского свежего позитивизма и строгого раннего нигилизма, райски принятые в смысле бодрой чистоты, широкой простоты ума. Утром все видно ясно и далеко. В ту зарю русского позитивизма (реализма, аристотелизма) его молодой силы хватало на большой размах. Розанов говорит о своем первом начале и одновременно об исторической ситуации: «Это существование, не соединенное ни с каким местом и чуждое всякого средоточия, есть единственно чистая и совершенная форма существования, где к нему не примешивается ничего чуждого, что внешним образом определяло бы его, т.е. ограничивало бы и стесняло бы его первоначальную и истинную природу, которая состоит в соприкосновении ее с пространством — не с *этим*, и не с *тем*, вообще не с местом в пространстве, но с ним самим в его целом» (443). Пространство здесь надо понимать открытым и многомерным по Лобачевскому, которого Розанов любит. Об отношении этого розановского пространства к современной топологии бытия нужно думать и говорить особо.

Во всяком случае розановская школа открытой мысли возникла не на пустом месте. Прибавьте сюда розановскую хватку, о которой мы уже говорили. Наука Розанова хочет быть «одною мыслью, раскрывающиеся формы которой охватят разбегающиеся формы бытия» (433 — 434).

Когда мысль так свободна, не надо бояться от нее насилия или ограниченности. Сами ошибки будут ее

выступает думающий. Как существованием (бытием) вбирается несуществование, так пониманием включается непонимание. Странное среднее двух полярных противоположностей не имеет имени. Для того, что замахивается сказать Розанов, нет слова. Его слово часто говорит не то, что мы думаем. Вот еще один пример. Расписание будущих учений в конце гл. VIII («учение о свойствах газов должно быть возведено в ряд законов о газах... учение о свойствах жидкостей должно содержать законы, которым подчинены явления в жидкостях... учения о свойствах растительных и животных тканей должно быть сведено к учению о жизненных законах...») кажется схоластикой худшего сорта. Но скоро повнимаешь, куда клонит тихий потрясатель основ: он ждет, когда имена в науке будут обеспечены правилами их применения («законами») и для научной мифологии не останется места.

Читать раннего Розанова, к чему он сам поздний и другие в 20-ом веке нас подготовили, и можно и пора. В конце VI гл. мы спотыкаемся о классификацию «результатов генезиса в Космосе», странно похожую на ту древнекитайскую классификацию животных, над которой смеялся Мишель Фуко в начале «Слов и вещей»: элементы или «тела», как предлагает называть элементы Розанов, царство минералов, царство организмов, разум, чувство, воля, нравственные и религиозные учения, искусство, государство «и прочее другое». Ключ к этой классификации — *результат, происшедшее, установившееся* (255). Перечисление призвано показать одинаковый бытийный статус «установившегося» во всем диапазоне от «тел» (элементарных частиц) до общественных институтов. Какие-то формы в космосе удались, осели, состоялись, другие нет. Состоявшиеся, наверное, могли быть и другими, но вот они не другие, а какие есть, и этого уже не изменишь. Удача атомного строения как попадание в качестве удачи («установившегося») не другая по сути, чем удача архитектора. Там и тут собственная убедительность состоявшегося вдруг прорезывает туман хаоса. Этим вторжением настоящего учреждается время естественной и человеческой истории. Своей «классификацией» Розанов приглашает строить науку на внимании к настоящему. Привязкой к состоявшемуся и только к не-

му предполагается отказ от голых мыслительных нагромождений.

Да что же это, скажут, за исследование такое, что за понимание, если в него еще надо вчитываться, исследовать его и понимать? Кто-то опять в раздражении отодвинет книгу. Мысль в ней прорастает негромко и загадочно, как трава. Она учит терпению и мудрости земли. Раньше философия нам казалась, возможно, чем-то более удобным. Мы, возможно, привыкли к тому, как ее преподают в университетах. Есть, конечно разные ее школы. Но любая школа пойдет нам не в прок, если мы пройдем мимо этой нашей.

В.В.Бибихин

О ПОНИМАНИИ

**ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРИРОДЫ, ГРАНИЦ И ВНУТРЕННЕГО
СТРОЕНИЯ НАУКИ КАК ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ**

СОДЕРЖАНИЕ

Книга I

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАУКИ

Глава I. О ПРЕДМЕТЕ, СОДЕРЖАНИИ И СУЩНОСТИ НАУКИ.	5
Глава II. О СХЕМАХ РАЗУМА И СТОРОНАХ СУЩЕСТВУЮЩЕГО	28

Книга II

СТРОЕНИЕ НАУКИ

Глава I. УЧЕНИЕ О ПОЗНАЮЩЕМ И ЕГО ФОРМЫ . . .	63
Глава II. УЧЕНИЕ О ПОЗНАВАНИИ И ЕГО ФОРМЫ: ОБ ИССЛЕДОВАНИИ	70
Глава III. УЧЕНИЕ О ПОЗНАВАНИИ И ЕГО ФОРМЫ: О МЫШЛЕНИИ	80
Глава IV. УЧЕНИЕ О ПОЗНАВАНИИ И ЕГО ФОРМЫ: О МЕТОДАХ	92
Глава V. УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О СУЩЕСТВОВАНИИ	122
Глава VI. УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: ОБ ИЗМЕНЕНИИ	181
Глава VII. УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О СУЩНОСТИ	230
Глава VIII. УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О СВОЙСТВАХ	268
Глава IX. УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О ПРИЧИННОСТИ	281
Глава X. УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ	300
Глава XI. УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ	341

Глава XII. УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О ЧИСЛЕ, ИЛИ О КОЛИЧЕСТВЕ	354
Глава XIII. УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ТВОРЯЩЕМ, ИЛИ О ДУХЕ	368
Глава XIV. УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ТВОРЕНИИ, ИЛИ О ПРОЦЕССАХ	404
Глава XV. УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ТВОРИМОМ, ИЛИ О ФОРМАХ ЖИЗНИ	435
Глава XVI. УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ЗАКОНАХ, ИЛИ СООТНОШЕНИЯХ	495
Глава XVII. УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ДОБРЕ И ЗЛЕ	515
Глава XVIII. УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ЦЕЛЯХ, ИЛИ О ДОЛЖНОМ	542
Глава XIX. УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О СРЕДСТВАХ, ИЛИ О ПУТЯХ К ДОЛЖНОМУ	585
Глава XX. УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ДОСТИГНУТОМ, ИЛИ ОБ ИСТОРИИ	597

Книга III

О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ НАУКОЮ, ПРИРОДОЮ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ЖИЗНЬЮ

Глава I. ОБ ОТНОШЕНИИ НАУКИ К ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА И К ЕГО ЖИЗНИ	613
Глава II. ОБ ОТНОШЕНИИ ВОЛИ ЧЕЛОВЕКА К НАУКЕ	630
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	641

Приложение

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ I, II И III, РАСКРЫВАЮЩИЕ СОДЕРЖАНИЕ ИДЕИ ПОНИМАНИЯ И УКАЗУЮЩИЕ СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ВЕТВЯМИ НАУКИ КАК ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Едва ли может подлежать сомнению, что если наши успехи в науке незначительны, то наше понимание ее природы, границ и целей ничтожно. Трудясь в отдельных областях знания, мы никогда не имели ни случая, ни необходимости задуматься над ним, как целым. Не мы устанавливали вопросы, на которые отвечали приобретаемые нами знания, и не мы находили им место в ряду других, ранее установленных знаний. В построении великого здания человеческой мысли мы были делателями, но мы не были зодчими.

Такое положение трудящихся, от которых остается скрытым и то, что именно возводится ими, и то, зачем оно возводится и где предел возводимого — не может быть удобно. Не говоря уже о невольных ошибках, к которым ведет это положение, оно неприятно и потому, что всякий труд, цель и окончание которого не видны, утомителен.

Но и ошибки, невольные при этом условии, немаловажны. Может случиться, что строящие уклонятся от плана, которого они не видят, и вместо необходимого возведут ненужное, что придется или оставить недостроивши, или, еще хуже, совсем уничтожить. Может случиться также, что строители, у которых скрыт план, сами не согласны между собою относительно его, и в то время, как одни заботятся о высоте и красоте здания, другие находят такую постройку непрочною и неудобною. В этом случае доверчивые труженики могут трудиться над взаимно противоположным.

Нечто подобное, как кажется, и действительно случилось. То, что в умственной области создается человеком, с давнего времени носит два названия — науки

и философии. Уже эта двойственность имени является странною аномалиею, возбуждающею сомнения: если разум один и истина одна, то каким образом могли произойти различные названия для того, что является результатом деятельности первого и совокупностью вторых. Но за различием имен скрывается и различие действительности: тот глубокий антагонизм, которым проникнуты все отношения науки и философии, показывает, что и в самом деле есть две независимые области, куда разум несет свои приобретения, и что, следовательно, единства познания не существует.

Мы не будем вдаваться в обсуждение доводов, которыми каждая область защищает свое право на исключительное господство в умственном мире. Там, где все сомнительно, трудно высказать что-либо несомненное. Отметим только, что доводы одной стороны не кажутся убедительными для другой, и вместо того, чтобы, согласившись идти к одним целям одним путем, наука и философия продолжают развиваться каждая самостоятельно, взаимно отрицая друг друга.

Однако как бы ни достоверны были знания, составляющие содержание обеих областей, не менее их достоверна старая истина, что об одном не может быть двух знаний одновременно и различных, и справедливых. И следовательно, если нет единства познания, то нет и убедительности в нем.

При таком раздвоении умственной деятельности положение выжидającego скептицизма было бы самое правильное для нас. И в самом деле, очень трудно принудить себя верить в плодотворность труда, когда нет единства ни в цели его, ни в способах, какими он мог бы успешно выполняться, ни в указаниях, в чем именно состоит он. И если побочные интересы могут продолжать еще действовать на нас, то интереса чистого знания здесь уже не может быть. С точки зрения последнего нам остается или выждать, чем разрешится спор, или, приняв участие в нем, попытаться ускорить его разрешение.

Однако есть еще одно, что может стать предметом нашей деятельности. Это — обозрение в целом того, над отдельными отраслями чего мы трудились до сих пор. Именно для нас, никогда не задававшихся подобною целью, выполнение ее не может не быть плодотворно.

По-видимому, совершить это обозрение вне пределов науки и философии невозможно. И в самом деле, как ни противоположны они, ими исчерпывается совокупность всего до настоящего времени созданного разумом человека. И следовательно, каково бы ни было достоинство построенного, ключ к его разумению может лежать только в плане, хотя бы и двойном, того, что строило.

Это положение обозревающего могло бы стать безвыходным, если бы вне науки и вне философии не лежало третьего, что может быть поставлено наряду с ними, чего не может коснуться сомнение и что способно послужить к раскрытию природы, границ и строения обозреваемого. Это — *Понимание*.

И в самом деле, в стороне от спора, разделяющего науку и философию, и вне каждой из спорящих сторон лежит истина, что, какова бы ни была деятельность разума, она всегда будет по существу своему пониманием, и кроме этого же понимания ничего другого не может иметь своею целью. В этой истине, как, по-видимому, ни проста она, заключается способность дать ряд выводов, воспользовавшись которыми можно, не касаясь ни науки, ни философии, определить то, к чему должна стремиться и первая, и вторая.

И если необходимо сомнительны, как противоречащие, указания науки и философии на то, чем должно быть возводимое здание человеческой мысли, то указания, вытекающие из того одного, что оно должно быть пониманием, не могут быть сомнительны так же, как и сама эта истина.

То же, что входит в содержание науки и философии, что не относится к плану, но составляет лежащее внут-

ри его, по указаниям, вытекающим из идеи понимания, может разместиться без вражды и противоречия в формах его. Но последние не будут все наполнены, потому что *Понимание* не только несомненное науки и философии, но и обширнее, чем они. Формы, оставшиеся незамещенными, укажут, каких границ и каких целей еще не достиг человек и что, следовательно, предстоит еще выполнить ему.

В идее понимания не заключено никакого знания, способного стать содержимым, но только знания относительно содержащего. Поэтому выводимое будет рядом истин формального значения. Они образуют собою: определение науки*, выделяющее ее из ряда всех других областей человеческого творчества и строго устанавливающее ее границы извне, учение о строении науки, т.е. о тех внутренних формах ее, выполнение которых должно стать содержанием ее будущего развития, и учение об отношении ее к природе человека и к его жизни, и его воли к ней.

Так как в том новом смысле, какой мы придаем ему, *Понимание* становится полным органом разума, то мы не ограничимся одною формальною стороною вывода, но и присоединим к ней многое, что касается самого содержания. Именно, отмечая формы, из которых слагается наука, будем всякий раз или устанавливать истины, которые должны лечь в основание каждой из них, или указывать путь, которым эти истины могут быть найдены.

* Здесь, как и всюду далее, слово «наука» будет употребляться не в смысле того, что существует под этим именем, но в значении того, что существовало ранее разделения знания на науку и философию и что должно было бы существовать теперь, если б не было этого разделения. Этого, теперь уже двусмысленного, слова нельзя избежать, говоря о *Понимании*, заменяющем — науку ли, философию ли, трудно сказать, — *вследствие недостающего* в них и возмещающем недостаток.

КНИГА I

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАУКИ

Глава I

О ПРЕДМЕРЕ, СОДЕРЖАНИИ И СУЩНОСТИ НАУКИ

I. Определение науки. Двойственное значение этого определения: его первая часть раскрывает предмет, содержание и сущность науки; его вторая часть раскрывает отношение науки к природе человека. Раскрытие внутреннего содержания первой части определения и доказательств справедливости ее. — II. Нензмнно существующее как объект науки; временно существующее как объект простого, ненаучного знания. — III. Нензмненное познание, как содержание науки; истинность, как условие неизменности познания; определение истинного и ложного в познании. — IV. Понимание, как сущность науки. Различие между знанием и пониманием. Вывод признаков первого и второго. Полнота познания, содержащегося в понимании. Способность понимания к усовершенствованию; анализ и синтез как два фазиса этого усовершенствования; предвидение и всемогущество, которые дает человеку усовершенствованное понимание. — V. Ум и Разум, как источники знания и понимания. Пассивный характер ума и его деятельности; активный характер разума и его деятельности. Причина этой активности лежит в самой природе понимающего, а не во внешних условиях понимания. — VI. Отделение знаний от понимания и выделение их из области науки. Два условия, делающие необходимым это ограничение области науки областью понимания: невозможность ввести в науку все знания без различия и невозможность провести различие между отдельными знаниями. Три признака, по которым вводятся обыкновенно в науку знания, относятся не к природе вводимых знаний, но к способам приобретения их. Заблуждение, лежащее в основе воззрения тех, кто вводит в науку эти знания.

I. Так как деятельность разума неизменно направляется к пониманию и в нем же одном состоит как процесс; и далее — так как это понимание, будучи не промежуточно, но конечно в его (разума) деятельности, естественно стремится стать неподвижным, то правильным и полным определением науки будет следующее: она есть *неизменное¹ понимание неизменно² существующего, в стремлении и в способности образовать которое раскрывается природа человеческого разума.*

Из существующих знаний все те, которые обладают³ характером, выраженным в этом определении, входят в состав науки; из знаний же, не обладающих этим характером, некоторые хотя и называются обыкновенно научными, однако их справедливее было бы выделить из области науки, так как между ними и между знаниями несомненно ненаучными нельзя провести определенной границы. Таким образом, определение это может служить критерием для отделения знаний, могущих остаться в науке или быть введенными в нее вновь, от знаний, которые не могут ни оставаться в ней, ни когда-либо вводиться в нее.

Оно естественно распадается на две части. Из них одна раскрывает природу науки и через это определяет ее границы извне, указывая, что не есть наука. Другая часть раскрывает отношение этого заключенного к разуму, из которого исходит оно.

Что ни одно из понятий, вошедших в это определение, не извлечено ни из чего-либо лежащего вне истины, принятой за основную, это делается очевидным при рассмотрении самых понятий⁴.

II. Предметом науки может быть только неизменно⁵ существующее. Это требование вытекает из того, что понимание есть единственная деятельность разума. Потому что если бы последняя могла состоять еще из чего-либо другого, то ради этого другого как цели понимание могло бы временно возникать и изменяться во времени как средство. Если же оно одно есть цель и к этой цели направлена вся деятельность разума, то нет причины и условия для его изменения — оно должно быть постоянным. Но характером постоянства могут обладать только знания о неизменно существующем, всякое же знание о временно существующем необходимо будет временным — оно утрачивает свое значение с исчезновением того, что составляет предмет

его. Это можно видеть из следующего примера⁶: знание различных случаев теплоты или различных случаев движения тел не составляет науки и не входит в нее; но знание постоянных свойств теплоты и постоянных законов движения образует науку; потому что замеченные⁷ случаи нагревания или движения исчезли и могут не повториться, а с ними и то, что мы заметили о них, исчезло, утратив свое значение; свойства⁸ же теплоты и законы движения никогда не исчезнут и будут постоянно обнаруживаться в явлениях теплоты и в явлениях движения, как бы ни изменялись последние; поэтому и знание о них никогда не утратит своего значения. Основываясь на этом, не будет ошибочным⁹ сказать, что знание и всего, что случилось с тех пор, как существует мир, не составило бы науки, ни даже малой части ее; но вывод одного постоянного закона или одного¹⁰ постоянного свойства уже кладет основание науке, уже составляет часть ее.

Ясно, что, определив, что в существующем временно и что постоянно, мы определили бы, знание чего не составляет науки и знание чего образует ее. Временно в нем то, что единично и частно¹¹, а постоянно общее, производящее это единичное и частное. Первое проявляет собою второе, это последнее проявляется в нем. Таким образом, в каждом существующем и во всем происходящем, будет ли то вещь или явление, есть две стороны — временная, наружная и обусловленная, и постоянная, скрытая и обусловливающая. Только вторая составляет объект науки, первая же служит предметом простого, ненаучного знания¹².

Так, вещество, не произведенное и не обусловленное вещами, производит и обусловливает вещи и в них проявляется; вне вещей неизвестно вещество и не может быть познаваемо; но познание самых вещей было бы ничтожно, если бы через них мы не познавали вещества. Так, силы не произведены и не обусловлены явлениями, но производят и обусловливают их и в них проявляются; вне явлений не известны силы и не могут быть наблюдаемы; но самое наблюдение этих явлений не имеет значения, когда в них не наблюдаются силы. Так, законы не созданы и не определены существующим и происходящим, но создали и определили порядок в происходящем и соотношение в существующем; вне этого порядка и соотношения не проявляются законы

и не могут быть исследованы; но, исследуя этот порядок и соотношение, мы интересуемся не им самим, но тем невидимым и скрытым, что произвело его и что мы называем законом его. Так, типы, по которым образуется все в Космосе и происходит все в генезисе, не созданы этим возникающим и умирающим во времени, но могущественно направляют образующую силу и определяют формы, в которые отливаются предметы и явления. Вне этих единичных предметов и процессов не могут быть познаны эти типы; но, познавая эти отдельные предметы и процессы, мы должны иметь в виду не описание только их, но определение этих типов как невидимых форм, в которые влагается природою все видимое.

III. Относительно этого неизменно¹³ существующего человек может образовать знания *ложные* и *истинные*. Первые в самой природе своей носят начало изменчивости: они или заменяются другими ложными знаниями, или исчезают, когда на место их становятся знания истинные. Последние же по самой природе своей неизменны: потому что нет другого знания, которое могло бы заменить их.

Таким образом, временны те знания, которые или, будучи истинны, имеют предметом временное, или, имея предметом постоянное¹⁴, — ложны. Вечные же знания суть те, которые и истинны, и имеют предметом постоянное¹⁵. Только последние образуют науку; это требование также обуславливается тем, что содержание ее не может изменяться¹⁶.

Теперь рассмотрим¹⁷, что нужно разуметь под знаниями ложными и истинными. Ложные знания суть те, которые неправильно образованы; а истинные знания суть те, которые образованы правильно, т.е. в согласии с природою понимающего начала (разума). Во всех случаях, когда возможно сопоставление знания с предметом его, мы заметим, что ложные из них не соответствуют своему предмету, а исследовав причину этого несоответствия, всегда найдем, что она лежит в каком-либо отклонении, сделанном в процессе образования этого знания; так что, уничтожив это отклонение, мы восстановим тождество знания и его предмета, а увеличив его, увеличим их различие. Знания же истинные соответствуют своему предмету, и причина этого соответствия лежит в правильности их образова-

ния, так как стоит нарушить последнюю, как уничтожается первое. Но не следует думать, что истинность знания зависит от соответствия его с предметом своим или что это соответствие и есть истинность; потому что существует много истинных знаний, которых соответствия с предметом мы не можем проверить, и есть даже такие между ними, о которых мы наверное знаем, что в действительности нет ничего соответствующего им: таковы, например, все знания о мнимых величинах в алгебре. Несомненно, что они истинны, как несомненно, что они не суть копии чего-либо наблюдаемого. Но и не поэтому одному «истинное» нельзя определять как «соответствующее действительному»; но также и потому, что истинно сознаваемое обширнее истинно существующего и мир, заключенный в разуме человека, шире мира, лежащего вне его. Так, истинное знание может быть образовано не только о том, что существует и чему это знание может соответствовать, но и о том также, что должно существовать и чему должно соответствовать это существующее. Таковы все истины в мире нравственных и политических идей. Ни их образование, ни стремление усовершенствоваться и усовершенствовать свою жизнь не могло бы зародиться в человеке, если бы познание его ограничено было одним существующим. Таким образом, между тремя свойствами знания: правильностью, истинностью и соответствием предмету — существует такая зависимость, что первое обуславливает второе, а второе — третье; но не наоборот. Знания не потому истинны и не потому правильны, что соответствуют предмету; но они соответствуют предмету потому, что истинны, и истинны потому, что правильно образованы. Поэтому, когда несомненно существование в знании первого свойства, не проверяя можно сказать, что существует и второе — всегда, и третье — когда оно может существовать. Что же касается до самой правильности образования знаний, то, как уже сказано, она состоит в полном соответствии процесса этого образования с природою понимающего разума. Все это исследуется в отдельной области науки — в *Учении о познании*.

IV. Но и из истинных знаний не все входят в науку, но только те, которые образуют или имеют целью образовать *понимание*.

Знание и понимание различаются по природе и происхождению. Первое ограничивается простым сознанием, что объект его существует; причем ни один из вопросов, которые могут быть предложены относительно этого объекта, не находит разрешения и, что касается до чистого знания, даже не возбуждается; так как это возбуждение вопросов, идущих дальше сознания простого существования, и стремление их разрешить есть переход к пониманию. Последнее же включает в себе сознание, что то, что существует, и не может не существовать; причем совокупность всех вопросов, которые могут быть предложены относительно его объекта, получает разрешение. Первое ограничивается внешними признаками существующего и наружными формами происходящего, — теми признаками и формами, которые доступны органам чувств, — оно поверхностно; второе раскрывает то, что лежит под этими внешними признаками и формами и что производит их, т.е. достигает понимания внутренней природы и строения существующего и внутреннего процесса, который происходит в явлениях, — оно отличается глубиной. Первое отрывочно, бессвязно: оно не соединяет различных явлений в одно целое, неразрывно скрепленное внутреннею причинною связью; второе цельно: оно понимает отдельные явления в их взаимной связи, понимает целое, части которого составляют эти явления. Поэтому для первого все случайно и необъяснимо; для второго все необходимо и понятно.

Самое происхождение знания и понимания различно. Первое образуется в человеке потому, что он одарен органами чувств, — его разум остается при этом пассивным; и так как органы чувств одинаковы у всех людей, то и знание всем им доступно в одинаковой степени. Понимание образуется при господствующем участии человеческого разума, и внешние чувства — только орудия для него, которые направляет он и впечатления которых он исследует, чтобы раскрыть то, что лежит за этими впечатлениями и что вызывает их. И так как разум неодинаков у различных людей, то и понимание свойственно им не в одинаковой степени: есть отдельные люди и даже целые народы, почти совершенно лишенные его; и есть народы, богато одаренные им.

Наконец, и в развитии знания и понимания лежит резкое и глубокое различие: первое увеличивается через

простое механическое прибавление одних знаний к другим, второе совершенствуется, становясь глубже и полнее. Каждое приобретенное знание замкнуто в самом себе и не вызывает необходимо нового знания; всякое начавшееся понимание приобретает этот замкнутый характер только тогда, когда оно становится совершенным. До этого же времени оно необходимо вызывает в разуме вопросы, остается как бы открытым для введения новых, объясняющих и пополняющих знаний. Истины, в которых выражается знание, присоединяются друг к другу; но только в понимании они соединяются.

Заметим еще, что знание происходит по причине, а понимание образуется с целью. Первое бессознательно и безучастно усваивается человеком вследствие самого строения его организма, способного воспринимать впечатления внешнего мира; второе есть стремление понять то, что уже известно как знание.

Совокупность человеческих знаний — это бесконечный ряд отражений в его уме того бесконечного ряда явлений, который проходил перед ним во времени; отражений неизменных и явлений непонятых, в создании которых он не участвовал и силе которых он поработен. Человеческое понимание — это отдельный мир, сложный и углубленный, создаваемый мыслью человека, медленно и неустанно ткущею нити, последний узор которых неизвестен, но в котором содержится последняя разгадка всего. В этом мире идей, вечно неподвижных в своем основании и вечно развивающихся путем внутреннего самораскрытия, живет и господствует великий зиждитель их — человеческий разум, в совершенном повиновении своей природе осуществляя свою высшую свободу. И этот мир уже не отражает одни мимо идущие явления: он проникает в то, что лежит за ними и что, оставаясь доступным одному мышлению, производит и объясняет доступное ощущению.

Чтобы объяснить указанное различие между знанием и пониманием и чтобы показать справедливость его, проведем параллель между двумя истинами, из которых одна представляет собою знание, а другая — понимание, причем предмет их один и тот же.

а) *«Явление теплоты сопровождается расширением тел».*

1. Это знание не отвечает ни на один из вопросов, которые могут быть предложены относительно пред-

мета его. И действительно, относительно рассматриваемого явления, как и вообще всех явлений, совершающихся без участия сознания, может быть предложено два вопроса: «как?» и «почему?», т.е. какой внутренний процесс происходит при нагревании тела и увеличении его объема и почему тело, нагреваясь, увеличивается? (В явлениях, совершающихся при участии сознания, к этим вопросам присоединяется еще следующий: «для чего, т.е. с какой сознательною целью?») Оба эти вопроса в разбираемом знании остаются без ответа: в нем мы имеем указание на два явления, из которых одно следует за другим, но почему это так и что именно происходит при этом в телах, это остается неизвестным, а потому и самое явление — непонятным.

2. Это знание есть простое сознание существования того, что мы видим. Это прямо следует из предыдущего рассуждения: кроме утверждения существования двух явлений, о которых говорит нам зрение, в этом знании не заключается ничего; следовательно, оно есть простое отражение существующего в сознании.

3. Это знание ограничивается внешними признаками и формами явления, непосредственно наблюдаемыми. И в самом деле: в нем указывается на существование двух явлений: на изменение температуры тел и на изменение их объема — и оба эти явления наружны и доступны непосредственному наблюдению.

4. Это знание поверхностно, потому что, выражая внешнюю сторону явления, оно не раскрывает того внутреннего процесса, который скрывается под этой наружною стороною и производит ее.

5. Это знание отрывочно. И действительно, в нем мы имеем указание на два явления, и они ни с чем не связаны; не связаны даже и между собою, потому что, видя их сопутствующими друг другу, мы не знаем ни того, почему они сопутствуют, ни того, сопутствуют ли они только в известных нам случаях или всегда. Поэтому:

6. Это знание таково, что составляющее предмет его является случайным по происхождению.

7. Это знание образовано при участии органов чувств и без участия разума. И действительно, что тела, нагреваясь, увеличиваются, это мы знаем потому, что видим, и притом, только поэтому.

8. Это знание может быть увеличено, но не усовершенствовано. Напр., к нему механически может быть присоединено знание, что такие-то тела нагреваются быстрее и расширяются сильнее, другие — наоборот; это будут знания, ничем не связанные с данным знанием, не объясняющие его и не объясняемые им. Но усовершенствовать это знание нельзя иначе как только переведя его в понимание.

9. Это знание произошло по причине, но не образовано с целью. И в самом деле, оно явилось в человеке потому, что его органы получили впечатление от двух явлений — нагревания тел и их расширения, но в происхождении этого знания не участвовала никакая цель, его приобретение не было целесообразною деятельностью.

б) *«Теплота, с увеличением которой тела расширяются, есть молекулярное движение, происходящее в телах».*

1. Это понимание показывает, что замеченное явление и не может не существовать. И действительно: теплота есть движение частиц, увеличивающееся с увеличением ее; объем тела обуславливается расстоянием центров движения этих частиц; поэтому когда тела нагреваются, или, что то же, когда увеличиваются расстояния между центрами движения молекул, то и объем тел не может не увеличиваться. Таким образом, мы имеем здесь три *обуславливающие* друг друга явления и понимаем, что с изменением одного из них *необходимо* изменяется и другое.

2. Это понимание таково, что в нем содержится ответ на совокупность вопросов, которые могут быть предложены относительно предмета его. И в самом деле, вопросы «почему?» и «как?» находят здесь свое разрешение: 1) нагреваясь, тела увеличиваются потому, что увеличивается расстояние между их частицами; 2) нагревание и увеличение объема тел есть усиление колебаний молекул, составляющих эти тела.

3. Это понимание раскрывает то, что лежит под внешними признаками и наружными формами наблюдаемых явлений и что производит их; оно обнаруживает природу этих явлений и скрытый процесс, происходящий в них. И действительно: внешний признак явления — нагревание тела; наружный процесс, происходящий в нем, — расширение тела. Но под

этим признаком и процессом скрывается молекулярное движение, которое производит их, обнаруживаясь одною стороною своею в повышении температуры тела, а другою — в расширении его объема. Поэтому, не зная о существовании этого скрытого процесса, невозможно понять и объяснить этого наблюдаемого явления.

В мире физическом явления *скрытого процесса* суть движения элементов и групп их, обуславливаемые свойствами движущегося и законами движения; оба изучаемые элемента в этом случае (частицы и частичное движение) суть элементы мыслимые, но не наблюдаемые. В мире явлений человеческой жизни явления скрытого процесса суть состояния и движения человеческого духа, которые лежат за наблюдаемыми в истории фактами жизни религиозной, политической, нравственной, умственной, художественной и всякой другой. Эти скрытые психические движения также не подлежат наблюдению извне, но только внутреннему сознанию и мышлению.

4. Это понимание цельно; оно связывает наблюдаемые явления в одно неразрывное целое.

Одна из характерных черт знания состоит в том, что оно представляет собою как бы звенья разорванной цепи. Эти звенья, которыми владеем мы, — явления, доступные внешним чувствам; ненайденные или потерянные звенья этой цепи — это те скрытые от чувств явления, которые одни могли бы связать и объяснить нам то, что знаем мы. Понимание же и есть восстановление этой непрерывности явлений, и есть связывание отдельных звеньев великой цепи через нахождение недостающих звеньев ее. Так, в рассматриваемом примере: в знании мы имеем два явления — нагревание и расширение; оба явления совершенно непонятны, их соотношение — полно загадочности. По видимому, что общего между теплотою, о которой дает нам понятие осязание, и между увеличением объема, что доступно зрению и недоступно осязанию? тепло и холод, с одной стороны, и объем — с другой, могут ли иметь что-нибудь общее? не разнородны ли совершенно для *наблюдающего* оба эти явления? Таким образом, мы имеем здесь два факта, ничем не связанные, и два знания, ничем не соединенные. Но вот открывается новый невидимый факт — молекулярное

движение, и это третье звено связывает два другие, становясь между ними; а с тем вместе и два знания связываются третьим и объясняются им: необъяснимое становится понятным, знание переходит в понимание. Мы имеем: увеличение температуры *есть* усиление движения молекул, *проявляющееся* в их учащенном колебании и в увеличении расстояний между центрами этих колебаний, совокупность которых (расстояний) *есть* объем тела. Раз отнято какое-либо звено в этой цепи явлений, и она рассыпается в ряд необъяснимых фактов, а знание о них становится рядом бессвязных утверждений.

5. Это понимание обязано своим происхождением не внешним чувствам, но разуму; и не наблюдению, но мышлению. И действительно, ни существование молекул, ни их движение недоступны для органов чувств, и, руководясь только ими, человек никогда не открыл бы этого недостающего звена между двумя явлениями и никогда не понял бы их.

Всматриваясь в явления природы и жизни и изучая историю науки, нельзя не заметить, что *явления наружные непосредственно не связаны между собою*; но этою связью между ними служат явления внутренние, скрытые от прямого наблюдения. Так устроен мир, изучить который цель науки, и так создан человек, который изучает его, что объяснение доступного чувствам лежит в недоступном для них, видимого в том, чего нельзя видеть, и осязаемого в том, чего нельзя осязать. Эти внутренние невидимые и неосязаемые явления — частичное движение в мире физическом и психические состояния в мире нравственном — составляют ту основу, на которой происходят явления видимые и осязаемые, образуют ту ткань, которая проникает собою, обуславливает и регулирует все *массовые изменения*, которые одни подлежат наблюдению. Температура и объем, трение и электричество, колебание пластинок и звук, — что́ понял бы человек в этих сопутствующих друг другу явлениях, если б он ограничился чувственными наблюдениями и если б более острое зрение его разума за этими видимыми фактами не открыло тех невидимых процессов, которые лежат под ними, связывают и объединяют их в одно целое, тождественное по природе своей, но различно действующее на органы чувств его? Что мог бы сделать он, как не

заключить только, что «теплота расширяет тела» и что «трение производит электричество», а «колебание пластинок — звук»? Но где мысль в этом наборе слов и где причина, не позволяющая их набрать в другом порядке? Вот почему наблюдение и опыт, насколько они являются произведением только органов чувств, бессильны создать что-нибудь, кроме знаний, лишенных связи и мысли, бессильны подняться до понимания. И так как цель науки — не знать, но понимать, то и господствующее положение в ней должно принадлежать не опыту и наблюдению, но умозрению, направляющему их.

Это господствующее положение мышления в науке невозможно ни уничтожить, ни ослабить. Причина его лежит не в произволе человека, но *в самом соотношении между изучающим и изучаемым, между человеком и природою*. Нельзя изменить этого соотношения иначе как или видоизменив организм человека — сделав его органы способными ощущать сверхчувственное, или видоизменив природу — уничтожив это сверхчувственное в ней самой. Этим, и никаким другим путем, возможно было бы дать в науке чувственному наблюдению господствующее положение над умозрительным исследованием. И так как этот единственно ведущий к цели способ невыполним, все же выполнимое не ведет к цели, то и всякое усилие сделать науку исключительно опытной и наблюдательной не может иметь своим последствием ничего другого, как только возвращение ее из состояния понимания к состоянию простого знания.

Будем продолжать начатое исследование.

Рассматриваемое понимание не только образовано разумом; но в разуме лежит и та причина, которая вызвала стремление образовать его. И в самом деле, оно произошло потому, что человек не удовлетворился наблюдением двух явлений — нагревания и расширения тел, но спросил себя, какова природа этих явлений, что происходит при них и почему они всегда сопутствуют друг другу. Этих вопросов нельзя объяснить из причин, лежащих вне разума: явления, которые он наблюдает, сами по себе просты и с детства знакомы всякому из массы наблюдений. Поэтому человек, не одаренный пытливостью, никогда не задумается над этими явлениями и никогда не спросит себя о причине их, — как не задумался над ними никто, кроме европейцев, и из

последних никто, кроме немногих. Пытливость же есть свойство ума, а не что-либо внесенное в него извне. В самом понимании этом содержится раскрытие внутреннего процесса, происходящего при нагревании и расширении тел, и причинной связи, соединяющей эти два явления, — но самая потребность открыть то и другое не могла быть внушена этими явлениями. Видя, что нагревание всегда вызывает расширение тел, почему человек не остановился на простой мысли, что причина расширения есть нагревание? почему, видя только эти два явления и не видя ничего другого, он не объяснил одного из них другим, а стал искать объяснения в третьем явлении, о самом существовании которого он ничего не знал? и почему, вопреки свидетельству своих чувств, показывавших, что, кроме этих двух явлений, и действительно нет ничего, он с таким постоянством и с такою уверенностью искал этого третьего явления, как будто бы он видел и осязал его? Причина этого лежит в том, что он понял невозможность объяснить одно явление другим — заметил, что температура и расширение — два факта, различные между собою по природе, что каждое из них — явление *sui generis** и необходимо или найти третье связующее звено между ними, или свести одно явление к другому через отождествление их с третьим. Это третье связующее явление и найдено было в молекулярном движении. Существующее и сверхчувственное, оно составляет сущность наблюдаемых явлений, и видимая сторона их — только двойное проявление этой одной сущности.

Истинный признак ума, способного образовать науку, состоит не столько в умении связывать отдельные явления, сколько в понимании невозможности связать непосредственно явления разнородные, хотя и смежные, и в тонком понимании этой разнородности явлений. Отсюда вытекает стремление отыскивать, путем разложения сложного на простое, в разнообразном повидимому однообразное в действительности, сводить одно явление к другому и таким образом идти постоянно и неуклонно к отысканию единства и тождества во всем бесконечно разнообразном мире явлений. Мы сравнили человеческие знания с разорванной цепью, а стремление к пониманию — с стремлением восстановить ее целостность, найти невидимые звенья, сое-

* особого рода (лат.). Здесь и далее переводы И.Маханькова.

диняющие видимые кольца этой цепи. Чтобы сделать полнее это сравнение, добавим, что звенья этой бесконечно длинной цепи бесконечно малы в отдельности, так что только острое зрение в состоянии открыть, что многих из них недостает. Для зрения же обыкновенного цепь кажется целой, и люди, слабо видящие, не могут понять, чего ищут люди, хорошо видящие: им кажется, что они видят все, что нужно, хотя в действительности не видят и того немногого, что могли бы видеть.

Вот почему мир природы и жизни так понятен для людей с грубым умом и так непонятен для людей с умом глубоким и тонким. Тогда как для первых все уже ясно, для вторых еще все темно; для первых нет ничего, что не было бы естественно и обыкновенно, для вторых каждое обыденное явление полно загадочности; первые живут не удивляясь и не беспокоясь, жизнь вторых — непрерывное удивление перед непонятным и беспокойство перед неизвестным, сущность чего необъяснима для них, но о существовании чего они твердо знают. Отсюда-то вытекает умственное равнодушие первых и жажда познания вторых.

6. Это понимание может быть усовершенствовано; самое же усовершенствование может быть двойное: *прямое* — через дальнейшее выяснение подробностей скрытого процесса, природа которого раскрывается в этом понимании, и *посредственное* — через усовершенствование понимания главного явления, к которому сведены другие явления. В рассматриваемом случае прямое усовершенствование будет состоять в определении формы, величины и законов молекулярного движения и в отыскании постоянного математического соотношения между формой и величиною этих движений, с одной стороны, и между температурою тел — с другой. Посредственное же усовершенствование будет происходить через усовершенствование понимания *движения* вообще, как явления природы, рассматриваемого в самом себе, без отношения к явлениям тепловым. Чем глубже проникнет человек в сущность, свойства и законы движения как космической силы природы, тем яснее будут становиться для него все явления теплоты как одного из частных проявлений этой общей космической силы.

Усовершенствование всякого понимания имеет два фазиса в своем развитии: фазис анализа и фазис син-

теза. Первый из них состоит все в дальнейшем и дальнейшем разложении изучаемого на составные элементы до тех пор, пока эти элементы различного, по-видимому, не окажутся тождественными между собою, а видимое разнообразие самого изучаемого не сведется к разнообразию в сочетании открытых элементов и групп их. Это тождество различного должно быть последнею целью анализа, и оно всегда будет открыто, если изучаемые явления и предметы действительно находятся в связи между собою; так как только тождественное может быть производящею причиною тождественного, явления же в самой сущности разнородные не могут влиять друг на друга. С достижением понимания одного общего в видимом разнообразии оканчивается анализ; и затем наступает синтез как объяснение наблюдаемого разнообразия из открытого общего в нем, как понимание процессов и законов происхождения этого разнообразия. Так, все физические явления, как, по-видимому, ни различны они, сводятся к движению вещества; но с этим открытием еще не оканчивается задача науки: ей предстоит объяснить, каким образом это движение переходит во все то разнообразие явлений, которое наблюдается в космосе. Так, разнообразие явлений в мире человеческом сводится к психическим состояниям; но наука должна еще, поняв эти состояния, вывести из них все факты, наблюдаемые в этом мире.

Создаваемая таким образом наука дает человеку предвидение и всемогущество, — и давать это она начинает с того момента, как закончен анализ и открыто в разнообразном единое тождественное. Тогда, понимая элементы, человек начинает предвидеть следствия сочетаний их и, владея этими элементами, получает способность не только воспроизводить явления природы, но и создавать новые, еще неизвестные в природе явления, заставляя элементы вступать в новые, еще не испытанные сочетания. Он начинает как бы *творить природу*.

Таким образом, вот признаки знания: *бессилие разрешить вопросы разума относительно предмета его; ограничение сознанием существования этого предмета; ограничение знанием внешних признаков и наружных форм его, но не внутренней природы и строения; отрывочность предмета его; кажущаяся случайность его*

существования или появления (т.е. для разума, не видящего причинной связи его с чем-либо другим); *неусовершеншаемость* его; *отсутствие мышления в произведении* его; *бесцельность* в его образовании. Все эти признаки связаны между собою, так что присутствие одного из них неизменно сопровождается присутствием всех остальных. Эти признаки постоянны в знании и исключительно ему принадлежат (так как их нет в понимании, а знание и понимание исчерпывают собою всю область умственной жизни человека); следовательно, они суть признаки, определяющие знание, т.е. его *критериумы*. Для того чтобы узнать, есть ли известное произведение ума знание или понимание, следует только посмотреть, есть ли один из этих признаков в нем или нет.

Понимание же имеет следующие признаки: *необходимость существования предмета* его; *содержание в себе ответа на совокупность вопросов*, которые разум может предложить относительно этого предмета; *раскрытие внутренней природы понимаемого предмета и скрытого процесса*, происходящего в понимаемом явлении; *цельность* его (понимания); *господствующее участие разума* в произведении его; *усовершеншаемость* его; *целесообразность* в его образовании. Эти семь признаков также постоянны в понимании и исключительно свойственны ему, т.е. определяют его и служат его критериумами. Но кроме того, так как в этом состоит понимание и так как человек исследует все, чтобы понимать, то они могут служить руководящею таблицею при всяком исследовании, показывая, чего именно следует искать в изучаемом (признаки 1, 2, 3, 4) и каким путем это может быть сделано (признаки 5-й и 6-й).

Рассмотренный нами пример теплоты, расширения и молекулярного движения мы взяли потому, что, строго ограничиваясь тремя явлениями, он чрезвычайно прост и потому удобен для объяснения различия между знанием и пониманием. Но ясно, что природа и признаки знания и понимания остаются постоянно те же, как бы ни изменялось то, что составляет предмет их.

V. Так как по отношению к человеку знание и понимание различаются главным образом степенью его участия в их произведении, то мы и сделаем различие в том, что образует их. При образовании первого сознание только отражает в себе текущие явления

и удерживает в себе эти отражения; при образовании понимания оно является деятельным началом. Поэтому пассивно узнающее в человеке мы назовем *умом* (говорить и поступать умно — значит поступать и говорить сообразно с вещами, как они *являются* человеку), а деятельно понимающее в нем — *разумом* (что стремится уразуметь, понять являющееся чувством через обнаружение скрытого от них).

Ум по преимуществу раскрывается в практической деятельности человека — в способности умело вести дела личные и в умении устраивать дела общественные. На ранних ступенях исторического развития он встречается так же нередко и в такой же силе, как и в более зрелых периодах исторического развития. Его ясность обнаруживается в способности не ошибаться, его сила обнаруживается в способности приводить в движение и направлять сложное и массовое. Разум раскрывается в теоретической деятельности человека и отражается в жизни только в те редкие моменты, когда сама жизнь пытается стать его отражением. Его ясность обнаруживается в правильности и простоте понимания, его сила обнаруживается во всеобъемлемости этого понимания. Ум представляет собою что-то несамостоятельное, как бы приданное к другим способностям человека; и подобно этим последним он употребляется им, как орудие, для достижения различных целей. Он не имеет своих задач и поэтому бездействует и ослабевает всегда, когда утихает внешняя деятельность, помогать которой есть его назначение; деятельное состояние его можно назвать состоянием «узнавания» и «обдумывания». Разум представляет собою нечто замкнутое в себе и глубоко самостоятельное; не человек обладает им, но он живет в человеке, покоряя себе его волю и желания, но не покоряясь им. В самом себе носит он свою цель и скорее заставляет человека забывать о всех нуждах и потребностях своих, нежели служит им. Внешняя деятельность болезненно подавляет его, и только в полном самоуединении и покое раскрывается он во всей силе и полноте своей. Что разум не есть только высшая ступень в развитии ума, это видно из того, что они редко встречаются вместе и что с пробуждением и усилением одного из них глохнет и замирает другой.

VI. Науку образуют не знания, но понимание; из знаний же имеют к ней отношение только те, которые имеют целью образовать понимание и ведут к нему.

Рассмотрим необходимость и правильность этого ограничения области науки областью понимания.

Есть два условия, лежащие в самой природе знаний, которые побуждают к этому: 1) невозможность ввести в науку все знания без различия, 2) невозможность провести различие между отдельными знаниями; вследствие чего, допустив в содержание науки некоторые знания, необходимо было бы допустить и все остальные, что противоречит первому условию.

Все знания невозможно ввести в науку, во-1-х, потому, что в таком случае всякий человек без особенного труда мог бы расширять содержание науки, — стоило бы лишь о чем-нибудь узнать что-нибудь достоверное. Ясно, что при этом условии невозможно было бы ни придать науке какую-либо правильность, ни сообщить ее развитию какую-либо последовательность. Ее форма, содержание, задачи представляли бы собою нечто неуловимо изменчивое, подвижное и лишенное всякой определенности. Во-2-х, потому, что в таком случае необходимо было бы признать наукою те массы знаний, которыми обладали и обладают народы, о которых справедливо привыкли думать, что они не создали науки. Напр., дикие народы имеют много знаний, верных и точных, но что случилось бы с наукой, если бы в содержание ее ввести все эти знания? Китайцы также имеют много знаний, интересных, удивительных и истинных, но совокупность их знаний мы не решимся назвать наукой, потому что у этого народа никогда не замечалось стремления к чистому пониманию и свои знания он приобретал не для того, чтобы достигнуть его. Греки многое знали до Фалеса, но только с Фалеса начинается у них наука; потому что хотя он и не приобрел никакого важного знания с точным значением, однако в нем в первом пробудилось стремление к пониманию, т.е. к объяснению того, что знал ранее и он, и другие. Римляне, столь положительные и точные в жизни и в знаниях, также не создали науки. Наконец, — и это особенно замечательно — и из новых народов признаются образовавшими у себя науку только романо-германцы, живущие в пределах Европы, — хотя не только знания, но и академии, универ-

ситеты и ученая литература существуют и у других народов, живущих как в Европе, так и за ее пределами. Где источник этого убеждения, никем не оспариваемого? Не значит ли это, что наука, с одной стороны, а знания и даже ученость — с другой, не тождественны? И причина их различия не лежит ли в различном отношении к ним человека, в различии самых побуждений, которыми руководится он, в одном случае создавая науку, а в другом — только ученость и знания? То видимое целое — литература и учреждения, — что мы называем наукою греков и европейцев, не есть ли только видимое проявление, бессознательно созданное и никогда не служившее само себе целью, невидимой жизни духа, стремящегося к пониманию и движимого пытливостью? а то разрозненное и нестройное, что мы называем произведением учености и знания у других народов, не есть ли только искусственное создание этих внешних форм, с надеждою, мы думаем напрасною, что в них зародится со временем тот дух, который должен был бы вызвать их?

Таким образом, невозможно вводить в науку все знания, не может составить части ее каждое знание. Но однако, принято многие знания называть *научными*, хотя — достойно замечания — совокупность их никогда не называют наукою. Справедливо ли это? Можно утверждать, что нет, относительно всех знаний, приобретенных не с целью достигнуть понимания; на том основании, что ни в природе, ни в свойствах этих знаний нет никакого отличия от всех других знаний, которых никто не решится ввести в науку.

И в самом деле, если мы всмотримся в то, почему одни знания вводятся в содержание науки, а другие — нет, то увидим, что причина этого лежит не в самих знаниях, а в условиях их приобретения. Этих условий три: 1) количество приобретаемых знаний: если их много, их вводят в науку, если мало — не вводят в нее, хотя природа их одинакова: вводимые знания состоят из многих, порознь не вводимых в нее. Сюда относятся все так называемые «собрания сырых материалов», т.е. простых описаний, наблюдений и известий о предметах и явлениях. Напр., описание обычаев жителей какого-либо одного селения не вводится в науку; но собрание наблюдений над нравами и обычаями многих селений вводится в науку этнографии и статистики.

Отдельное наблюдение над состоянием температуры и влажностью воздуха не считается научным; но если этих наблюдений сделано несколько тысяч, их вводят в науку метеорологию. Отдельное известие о жизни какого-либо замечательного человека или о каком-нибудь замечательном событии не называется научным; но собрание таких известий нередко называется наукою истории. Это же описание отдельных предметов, фактов и явлений составляет содержание бесчисленного множества так называемых «монографий», особенно наполняющих собою естествознание. Все эти описывающие и рассказывающие науки, равно как все описывающее и рассказывающее в науках, не ограничивающихся этим, вносились и вносится в науку согласно с определением ее как «совокупности человеческих знаний»; но должно быть строго выделено из нее как из «понимания». 2) В количестве труда, употребляемого для приобретения этих знаний. Так, напр., ценность этнографических наблюдений возрастает в мнении людей, если они сделаны в странах отдаленных и малодоступных. Ценность зоологических и ботанических описаний возрастает, если предмет их — существа, редко встречающиеся в природе. Ценность исторических рассказов увеличивается по мере отдаленности тех эпох, которых они касаются. 3) В малой доступности этих знаний как для тех, которые захотели бы образовать их, так и для тех, которые захотели бы их усвоить. Сюда относятся многие специальные ученые сочинения, требующие долгой предварительной подготовки, напр. изучение рукописей и критика текстов в филологии. Знания, составляющие содержание этих и подобных трудов, не имеют внутреннего значения и достоинства; но трудность, с которою они приобретаются и усваиваются, и малое количество людей, занимающихся ими, увеличивает уважение к этим знаниям и их вводят в науку. Заметим, что из рассмотренных трех условий, способствующих введению в науку простых знаний (не имеющих целью образовать понимание), первые два чрезвычайно расширяют содержание науки и вводят в число создателей ее людей, не обладающих ни глубиной интереса к истине, ни силою ума; а третье условие чрезвычайно суживает содержание науки и вводит в число создателей ее людей, обладающих часто большою силою

воли и большим трудолюбием, но лишенных нередко всякого интереса к пониманию. Все три условия производят то, что наука становится достоянием как бы отдельного класса людей и как занятие наполняет их досуг и доставляет им удовольствие; но одновременно с этим она теряет интерес для всех других людей, потому что утрачивает связь со всеми глубокими интересами человеческого ума и человеческой жизни.

Как кажется, в основании воззрения тех, которые вводят в науку эти и подобные знания, лежит молчаливое убеждение, что развитие науки зависит от количества собираемых знаний, что, чем больше будет сделано наблюдений и записано фактов, тем лучшим материалом будут служить они для выводов, — хотя бы и были сделаны без всякой определенной цели и предусмотренного плана. Это убеждение глубоко ошибочно. Оно основано на непонимании самой природы способов изыскания истины. Можно собрать громадное количество наблюдений, и при всей точности своей они могут быть таковы, что из них невозможно получить ни одного вывода, способного занять место в науке. Все выводы, получаемые из таких простых наблюдений, верны только в пределах сделанных наблюдений: мы видели, что данное явление совершалось так-то или что ему сопутствовало то-то, и знаем это; но будет ли оно всегда происходить так же и будет ли ему всегда сопутствовать то же, этого мы не знаем и не можем знать, потому что *не понимаем, почему* оно происходит так, а не иначе или *почему* ему сопутствует то, а не другое. И понимания этого невозможно извлечь ни из каких наблюдений, как бы много их ни было. Для этого необходимы другие приемы исследования: опыт — простой, но хорошо *придуманый*. История науки всего лучше убеждает в этом: напр., в физике все открытия были сделаны не путем бесчисленных наблюдений, но при помощи двух-трех опытов, искусно произведенных, т.е. таких, в которых не только смотрели глаза, но и думал ум.

Таким образом, из знаний только те имеют значение для науки, которые были приобретены с целью образовать понимание. Из них только могут быть выведены истины, имеющие не временное значение, верное в пределах сделанных наблюдений, но неизменное, постоянное. Бесцельно же собранные знания должны быть

выделены из области науки — безразлично, будут ли они многочисленны или одиночны, с трудом приобретены или без него, с предварительной научной подготовкой или без нее. Можно с помощью простых или сложных приемов описать небо и землю, сосчитать песчинки в пустыне и капли в море; это будут знания бесчисленные и точные, приобретенные трудом нескольких поколений; но это не будет наука, ни даже тень науки.

Это ограничение области науки областью понимания не носит в себе отрицания многочисленных и разнообразных знаний, приобретаемых человеком для нужд и без нужды. Оно только выделяет их из науки как нечто несамосущее, изменчивое и временное. И с тем вместе это отождествление науки с пониманием замыкает первую в самой себе, превращая ее в самостоятельную область человеческого творчества. В этом творчестве и исходным началом, побуждающим к деятельности, и целью, к которой направляется деятельность, служит не временное в человеке и не произведенное в нем, но, как это будет показано ниже, его первоизданная и вечная природа.

Заключенное в этих границах вполне соответствует тому, что называлось наукой в лучшие для нее времена, и тому, что есть лучшего в ней теперь; потому что оно обнимает собою все, что создавалось и создается в науке, выделяя лишь то, что никогда ничего не создавало в ней и не стремилось ничего создать. Но, что особенно важно, оно вполне выражает природу того, о чем смутное, но глубокое и прекрасное понятие сложилось в жизни — по крайней мере в нашей — и упорно хранилось несмотря на все, что являлось под именем науки и что нередко так не соответствовало этому понятию. Возведение науки к чистому пониманию только проясняет это смутное сознание, и отрицание научности во всем, что не связано с пониманием, только оправдывает это влечение, столь глубоко коренящееся в человеческих инстинктах, что ни века своею тяжестью, ни сложившаяся история своим авторитетом до сих пор не подавили его. Оно показывает, что в свободном и чистом проявлении этого инстинкта, доселе робкого, как бы чувствующего неправоту свою, и состоит всецело сущность науки. И в самом деле, как простая любознательность служит признаком только внешности

и бессодержательности ума, так и ученость, не соединенная с пытливостью, скорее подавляет разум, нежели служит обнаружением его; потому что и та и другая есть приобретение познаний извне, и порождается невольною потребностью наполнить внутреннюю пустоту его, занять чем-нибудь познавательную способность, внутри бессодержательную и безжизненную. Не коренясь ни в каких инстинктах человеческой природы, в этом виде наука не есть нечто необходимое для человека, не есть невольное проявление его творчества, не есть раскрытие его разума и орган последнего. И появляется она в этом виде тогда только, когда или еще не пробудилась его природа в истории, или уже погасла подавленная.

Показав, что предмет науки есть неизменно существующее, ее содержание — истинные знания о нем, а ее сущность — соединение этих знаний в понимание, перейдем теперь к исследованию, объяснению и доказательству второй части определения науки. Здесь перед нами точнее раскроется, в чем именно состоит понимание и как относится оно к разуму, из которого исходит, и к понимаемому миру, о котором слагается.

Глава II

О СХЕМАХ РАЗУМА И СТОРОНАХ СУЩЕСТВУЮЩЕГО

I. Раскрытие внутреннего содержания второй части определения науки и доказательства справедливости ее. — II. Рассмотрение общего процесса образования полного понимания. Существуют ли какие-либо знания в разуме ранее опыта? Два представления, без которых и немислимо и невозможно какое-либо знание, сами невозможны и немислимы без предшествующего чувственного впечатления. Эти два чувственные представления необходимо предшествуют и образованию аксиом; однако процесс самого образования аксиом совершается помимо опыта, не только чувственного, но даже и умственного. — III. Существует ли самый разум ранее опыта? Порядок возникновения в разуме идей, образующих полное понимание. Идея существования как необходимо предшествующая всем другим идеям разума. Центр схем понимания. Образование идеи о сущности бытия. Образование идеи об атрибутах бытия. Образование идеи о причине бытия; отличие процесса образования этой идеи от процесса образования предшествующих идей и его значение в общем развитии человеческого понимания. Образование идеи о цели бытия. Образование идеи о сходстве и различии бытия; условия, необходимые для возникновения этой идеи; особенности ее образования. Образование идеи числа; вероятный порядок возникновения чисел. — IV. Строение разума, раскрывающееся в процессе образования полного понимания. Вид существования разума; понятие о существовании реальном и потенциальном; два вида потенций: неопределенные и определенные; бесформенность и инертность первых, законченность и скрытая жизненность вторых; первые носят в себе то, из чего образуется реальное бытие, вторые — то, во что образуется оно; к которому виду этих потенций может быть отнесен разум; первое определение его. — V. Природа жизненности, присущей разуму. Она определяется через выделение из познания того, что идет от внешнего мира, и того, что идет от самого разума. В полном понимании познаваемое взято из внешнего мира, познавание идет от разума. Первое дает содержание пониманию, второе состоит из стремления приобрести это содержание и из способности образовать его. Раз-

личное отношение разума к знанию и к пониманию. Понимание есть жизнь разума и сущность его. Второе определение разума. — VI. Формы, в которых проявляется жизненность разума. Схемы понимания. Факты, показывающие невозможность, чтобы эти схемы были произведены в человеке внешним миром. Из существующего вне разума воспринимается им и понимается только то, что имеет в нем соответствующую себе схему; трудность точного определения этих схем. — VII. Соотношение между схемами понимания и сторонами бытия; это соотношение предсуществует влиянию бытия на разум и разума на бытие; его объяснение поэтому следует искать в общем происхождении бытия и разума. Потенция идеи существования как центр этих схем. Сущность каждой и отдельной схемы состоит в чистом стремлении и в чистой способности образовать идею, соответствующую своей природе, о существующем. Шесть схем понимания: схема сущности, соответствующая природе существующего; схема атрибутов, вытекающих из природы существующего; схема причинности, соответствующая производящему в существующем; схема целесообразности, соответствующая производимому в существующем; схема сходства и различия, соответствующая родам и видам в существующем; схема чисел, соответствующая количественной стороне в существующем. Третье и окончательное определение разума. — VIII. Объяснение явлений процесса понимания из природы разума, выведенной из наблюдений над этим процессом. Уничтожение эмпиричности в истинах об этих явлениях понимания и сообщение им характера необходимого и постоянного. Первый ряд аксиом относительно познания: 1. познание неизменно и необходимо складывается из наблюдения и умозрения, 2. наблюдение неизменно и необходимо предшествует умозрению, 3. раз начавшийся процесс понимания неизменно и необходимо переходит во всепонимание, 4. этот процесс понимания движется, направляется и определяется самою природою познающего разума, но не природою и влиянием внешнего познаваемого мира. Второй ряд аксиом относительно познания: 1. познавание есть явление, произведенное и обусловленное соответствием схем понимания со сторонами бытия, 2. границы понимания человеческого определения схемами человеческого разума. Три возможные случая в соотношении между миром идей и миром вещей; невозможность для человека когда-либо переступить через границы, положенные для его разума в самом строении этого разума; сущность этой ограниченности разума.

I. В стремлении и в способности образовать науку как понимание раскрывается природа человеческого разума.

Не трудно заметить, что в науке как в «совокупности человеческих знаний» природа разума человеческого остается скрытою, необнаруженною. Даже более: в образовании подобной науки совершенно не видно его участия. Получать простые знания, присоединять

их одно к другому — это процесс, свойственный не только всем людям без различия, но, как кажется, и существам низшим. Здесь ум человека является простым приемником внешних импульсов, зеркалом, отражающим и удерживающим мимо идущие впечатления. В этой способности получать и удерживать впечатления не проявляется никакой внутренней жизненности духа, нет ничего, о чем мы могли бы утверждать, что оно присуще ему по самой природе его: к этой работе способен и мертвый механизм. Скажем более: рассматривая эти знания, невозможно узнать, существует ли самый этот разум ранее полученных впечатлений, так как ни до восприятия их, ни после того, как они восприняты, он ничем не обнаруживает своего самостоятельного, от них независимого существования. Быть может, с получением внешних импульсов не пробуждается он: до них его просто нет; быть может, он, как совокупность полученных впечатлений, и возникает только в момент их восприятия; самая сущность его, быть может, и есть только пучок этих собранных впечатлений, и раз рассыплются они, исчезнет и он бесследно.

Совершенно другое понятие составим мы о разуме, если рассмотрим процессы образования понимания. Сложное и строго определенное, по мере того как образуется оно, в нем выступают его скрытые формы и обнаруживается его невидимое строение и природа; подобно тому как проступают бесцветные и невидимые формы сосудов, когда в них впитывается окрашивающее вещество.

II. Рассмотрим же, чтобы обнаружить эти формы разума, общий процесс, через который проходит всякое образующееся понимание. Его можно проследить и проверить на себе во всякое время.

Прежде всего и опыт и размышление убеждают нас, что никакое понимание не может быть образовано без предварительного чувственного впечатления; ничто не может появиться в сознании, пока не появилось что-либо в ощущении. Потому что без этого внешнего впечатления *нет предмета для понимания*: нельзя понять что-либо, когда не знаешь, существует ли что-нибудь. Невозможно, чтобы ранее соприкосновения с внешним миром в разуме было какое-либо знание; потому что всякое знание есть необходимо знание

о чем-нибудь, а самое *сознание о существовании* чего-либо может быть почерпнуто только из опыта.

Из этого общего закона о происхождении человеческих знаний не могут быть исключены так называемые аксиомы, о которых утверждают обыкновенно, что они присущи разуму по самой природе его и существуют в нем ранее всякого опыта. Пока обращалось внимание на то, что истинность и непоколебимость содержимого в них знания превосходит собою истинность и непоколебимость всех опытных знаний, до тех пор можно было думать, что они действительно предшествуют всякому опыту и независимы от него. Но если мы обратимся от этого содержимого знания к тому, *что составляет предмет его*, если от свойств и отношений, утверждаемых или отрицаемых в аксиомах, перейдем к *существованию* обладающего свойствами и вступающего в соотношения, то мы тотчас увидим невозможность выделить происхождение аксиом из общего происхождения всех знаний и признать их знаниями *предопытными*. И в самом деле, как может разум знать, что, напр., параллельные линии никогда не сойдутся, когда он не знает, существуют ли вообще какие-нибудь линии; а знание о существовании линий он получает только соприкасаясь с внешним миром. Или как он может знать, что целое равно сумме своих частей, когда он не знает, существуют ли вообще какие-нибудь предметы, — а тем более что эти предметы делятся на части. Для того чтобы образовать какое-нибудь понятие о чем-либо, человек необходимо должен предварительно образовать два представления: 1) *о существовании того, о чем что-либо утверждается*, 2) *о существовании того, что о чем-либо утверждается*. Но всякое представление о существовании чего бы то ни было чуждо разуму, рассматриваемому в самом себе. О том, есть ли что-нибудь, он узнает тогда только, когда существующее внешним импульсом дает ему знать о своем существовании.

Но если, таким образом, аксиомы не могут быть признаны знаниями *предопытными*, то тем не менее истины, в них заключенные, подобно многим другим, следует признать *сверхопытными*; потому что процесс образования их совершается помимо опыта не только чувственного, но даже и умственного. Так, в примере, взятом нами, положение, что «параллельные линии

никогда не сходятся», получается не через рассмотрение существующих параллельных линий и не через умственное продолжение их в пространстве, но путем простого умозаключения. И в самом деле, из предложений: 1) «параллелизм линий есть свойство их на всем протяжении находиться на одном и том же расстоянии друг от друга» и 2) «сходимость линий есть свойство их на своем протяжении изменять взаимное расстояние от некоторой величины до нуля» — ум прямо заключает, что две линии не могут обладать одновременно и параллелизмом и сходимостью, потому что каждое из этих двух свойств состоит в отсутствии другого свойства, т.е. что 3) «параллельные линии никогда не могут сойтись» (предполагаемая предопытная аксиома). Но ни этого и никакого другого знания разум не может иметь ранее опыта, потому что только опыт дает ему сознание о существовании тех предметов, имена которых служат логическими подлежащими и логическими сказуемыми в предложениях, выражающих какое-либо предполагаемое до опыта знание.

Но так как реальное (уже существующее) содержание разума могут составлять только реальные (действительно существующие, т.е. уже образованные) истины, то из всего сказанного о происхождении знаний вытекает следующее: *разум, рассматриваемый в самом себе, не есть что-либо действительно существующее (не есть существо реальное).*

III. Теперь, чтобы не оставить ничего неразъясненным относительно разума и чтобы определить точнее значение одного из терминов, вошедших в выведенное положение о нем, разрешим следующий вопрос: *«разум, не имеющий реального существования, есть ли вообще отсутствие всякого существования?»*

Вопрос этот может быть разрешен следующим образом: если разум не имеет *никакого* существования сам по себе, то, следовательно, он есть пустое *ничто*; но если он есть совершенная пустота, то в то, что по предположению заменяет его, может быть поставлено все желаемое, т.е. что в нем безразлично отразится всякое впечатление, какое мы пожелаем в него ввести, и образуется безразлично всякое представление.

Вот рассуждение, справедливость которого едва ли может быть подвергнута сомнению и которое ожидает

только опыта, чтобы дать безусловно твердое решение в ту или другую сторону. Произведем же этот опыт.

Знания могут быть или о существовании чего-либо, или о природе чего-либо существующего, или о каком-нибудь свойстве его, или о его причине или цели, или, наконец, о его сходстве с чем-нибудь или различии от чего-либо. Если до соприкосновения с внешним миром разум не имеет никакого существования, то в таком случае из этих шести видов знания в нем безразлично может образоваться первым каждое. Посмотрим, действительно ли это может произойти. И опыт (его может каждый совершить на себе), и наблюдение над другими, и размышление одинаково убеждают нас, что нет. Разум не может образовать первое свое представление о природе чего-либо, потому что в нем нет еще представления о существовании чего-либо; разум не может сперва узнать о свойстве предмета, а потом о том, что существует предмет, обладающий этим свойством; он не может сперва узнать о цели чего-либо, а потом о том, что есть это нечто, имеющее цель, и т.д. Одним словом, опыт убеждает, что и получаемые разумом впечатления, и представления, возникающие в нем, следуют одно за другим в некотором строго определенном порядке, правильности которого не в состоянии нарушить ни природа, ни сам человек. Именно, первое соприкосновение разума с миром внешним необходимо отразится некоторым сознанием, которое будет *первым* для него, и этим сознанием неизменно будет *идея чистого существования: «есть нечто»* — вот первое, что говорит в себе разум, первое движение его, первая жизнь в нем. Идея чистого бытия ранее всех других вступает в разум и составляет первое реальное, уже сформировавшееся содержание его. Никакая другая идея ей не предшествует, она неизменно предшествует всем идеям.

Таким образом, произведенный опыт обнаруживает одно скрытое свойство разума, которое при обыкновенных условиях, вследствие быстроты воспринимаемых друг за другом впечатлений, остается незамеченным. Это свойство его состоит в неспособности воспринимать какое-либо впечатление и образовать какую-либо идею прежде, чем будет образована идея существования, т.е. в свойстве и получать представле-

ния и образовывать идеи в некоторой последовательности. И так как оно обнаруживается в момент восприятия первого впечатления, ранее которого ничто не произошло в человека из внешнего мира, то, следовательно, оно исходит изнутри его; а так как оно есть способность, свойство, свойство же не может не быть свойством чего-либо, т.е. какого-либо существа, то, следовательно, разум есть, существует ранее первого впечатления.

Это свойство разума в связи с рассуждением, из которого исходит произведенный опыт и на котором он был основан, дает, таким образом, отрицательное разрешение постановленного вопроса относительно предопытного существования разума: *«хотя разум и не имеет реального существования до соприкосновения с внешним миром, тем не менее он не есть отсутствие всякого существования»*. Правда, до получения внешних впечатлений он ничем не обнаруживает своего присутствия в человеке; но вот едва мы, обманутые этим, пытаемся заместить предполагаемую пустоту каким-нибудь реальным существованием, как тотчас чувствуем, что эта кажущаяся пустота не есть ничто: в ней есть что-то живое, потому что вводимые впечатления все отталкиваются, и воспринимается только одно определенное.

Это особенное, что находится в разуме до восприятия впечатлений внешнего мира, может быть выражено в следующем определении: *«это есть центр, к которому сходятся все схемы понимания, воспринимающий на себя все первые впечатления внешнего мира и представляющий собою потенцию идеи чистого существования, простую и неразложимую, состоящую в чистой способности образовать эту идею»*.

Объясним некоторые выражения этого определения. Это есть *центр*, узел, к которому сходятся все схемы человеческого понимания, потому что, как видно будет из дальнейшего исследования, всякое понимание в своем развитии движется по некоторым, строго определенным, схемам, и эти схемы впервые пробуждаются к жизни с восприятием впечатлений этим центром. Он воспринимает *все* первые впечатления внешнего мира, потому что, о чем бы из существующего в этом мире ни узнавал разум, он всегда узнает сперва о существовании познаваемого, — будет ли то пред-

мет, свойство, причина и пр. Этот центр схем понимания имеет *потенциальное* существование, потому что до получения впечатлений внешнего мира он лишен всякого реального существования и представляет собою только условие, только возможность действительного бытия, — но при этом такую, которая неизменно и необходимо переходит в реальность при первом соприкосновении с лежащим вне разума. Чтобы яснее понять сущность этой потенциальности, возьмем во всем сходный пример семени и растения, которое из него вырастает. Несомненно, что в семени растение еще не имеет реального существования, но также несомненно, что оно уже существует в нем потенциально со всеми своими будущими формами и отличительными признаками, родовыми и видовыми. Наконец, этот центр понимания есть *потенция простая*. Всякая потенциальность представляет собою или одну *способность*, т.е. совокупность всех условий, — с присоединением некоторых других, — перейти к реальному существованию; или способность и вместе *стремление* перейти к этому существованию. Так, семя, не посаженное в землю, представляет собою простую потенцию возможности, но семя прорастающее представляет собою сложную потенцию возможности и стремления перейти в дерево.

Разрешив вопрос о предопытном существовании разума, перейдем к исследованию того процесса, через который из потенциального состояния он переходит в состояние реальное, или — что то же — рассмотрим процесс образования в нем полного понимания. Чтобы раскрыть все формы этого процесса, будем следить за тем, что происходит в разуме после восприятия им первого впечатления и образования в нем первой идеи — идеи существования.

Едва появится в разуме сознание существования чего-либо, как оно тотчас вызовет в нем некоторое особенное состояние, которое можно назвать состоянием спрашивающего недоумения. Знание «есть нечто» немедленно вызовет вопрос: «что есть существующее нечто?» Образовавшаяся в разуме *идея бытия* вызывает в нем *стремление образовать идею о сущности (о природе) бытия*. Этот второй момент жизни разума вызывается первым моментом и уже не связан непосредственно с впечатлениями внешнего мира, но обусловлен строением самого разума. Пусть человек ниче-

го не знает о природе того, что произвело на него впечатление, — но раз в нем от этого первого впечатления образовалась идея существования, эта идея (но не то, что вызвало ее) неизменно и необходимо вызовет стремление познать природу неизвестного существующего. Это стремление, вызванное природою разума, побуждает человека обратиться к внешнему миру и с помощью разнообразных приемов исследовать природу того, что произвело на него впечатление, т.е. образовать знание, удовлетворяющее тому стремлению, которое пробудилось в нем. В разуме образуется *вторая идея* — *идея о сущности бытия*, и эта идея так же не может быть предупреждена никакою третьей или четвертой идеею, как сама не может предупредить первую. Следовательно, это есть идея строго определенная как по своему содержанию, которым может быть только природа познаваемого, так и по своему положению относительно всех других идей (следует за идеей бытия и предшествует всем другим идеям).

Когда окончилось образование в разуме второй идеи, в нем пробуждается новое стремление — познать *свойства* (атрибуты) существующего. Причина этого стремления лежит также в пробудившемся к жизни центре схем понимания, но не во второй, уже образованной идее. Это стремление побуждает человека снова обратиться к внешнему миру и узнать свойства произведшего впечатление, путем ли простого наблюдения или путем сложных процессов мысли (напр., в тех случаях, когда свойства вещи не могут быть усмотрены непосредственно, но выводятся умозрительно из природы ее, как, напр., свойства линий и фигур в геометрии). Образуется в разуме *третья идея* — *идея об атрибутах познаваемого*, столь же строго определенная по своему содержанию и положению относительно других идей, как и идея вторая.

Тот факт, что вследствие наружного положения признаков вещей они как будто познаются одновременно с природою существующего или даже ранее ее, заставит многих усомниться в правильности высказанного взгляда относительно неизменного содержания и положения этой третьей идеи. Поэтому вопрос этот следует рассмотреть внимательнее.

Чтобы узнать, не познаются ли признаки ранее сущности, нужно взять случай, когда различные сторо-

ны познаваемого воспринимаются поодиночке и притом с некоторыми промежутками. Тот невольный вопрос, который пробудится в разуме при восприятии первого впечатления о существовании чего-то вне его, разрешит вопрос и о содержании второй и третьей идеи, и о их взаимном положении. Итак, пусть идущий в темноте по ровному месту натолкнется нечаянно на что-нибудь. В тот момент, когда он остановлен препятствием, у него есть сознание о существовании того, что остановило его. Каков будет затем первый вопрос его о нем? Неизменно вопрос о том, что́ это такое, но не вопрос о том, каково оно. Разум не только не спросит себя прежде всего о цвете, о тяжести, о твердости предмета, но не спросит даже и о форме, о величине и о положении остановившего его, хотя знание об этих свойствах предмета для него важнее, чем знание о том, что́ именно за предмет это. Так же спутник, идущий вслед за первым, при виде невольной остановки товарища (т.е. сознав о существовании остановившего его), повинувшись бессознательно природе своего разума, неизменно спросит его: «что́ это такое?», но не «каково оно?» При виде разбросанного и растащенного имущества или истребленных запасов хлеба первый невольный вопрос — «кто здесь был?» и «кто истребил запас?», хотя вопрос о том, как велика случившаяся трата имущества, есть единственно интересный вопрос для потерпевшего, вопрос же о том, кто именно причинил потерю, второстепенен. Так же при встрече с каким-нибудь неожиданным фактом или необыкновенным явлением, моментально сообщающим сознанию о существовании чего-то, что мы не ожидали встретить в данном месте, мы невольно спрашиваем себя: «что это такое?» Словом, всюду и всегда, когда что-нибудь дает разуму несомненное знание о своем существовании и при этом остается скрытым всеми другими частями своего бытия, — всякий раз, когда человек останавливается удивленный, пораженный или испуганный чем-то неизвестным, он спрашивает себя прежде всего о природе этого неизвестного. Это показывает, что в строении разума есть нечто, что заставляет человека неизменно и необходимо вслед за идеей о существовании образовывать идею о сущности пребывающего. И даже в тех случаях, когда вследствие самого положения внешних вещей и строения своих

чувств человек узнает о самом существовании предмета через появление перед собою какого-либо признака существующего, он невольно и моментально образует идею о его сущности, хотя и в самой общей форме, и уже к ней относит воспринимаемый признак, — что выражается и в языке всех народов («что-то белеет вдали» = «предмет какой-то белый виден вдали», но не «белое вдали»).

Идеи вторая и третья — о природе и о свойствах существующего — исчерпывают познаваемое, рассматриваемое в самом себе. Но разум не удовлетворяется этим познанием, и в том новом стремлении, которое теперь пробуждается в нем, лежит истинная причина безграничности человеческого исследования. Переводя разум от изучения вещи, произведшей на него впечатление, к *отысканию* и *изучению* вещей, смежных с нею, и вслед за познанием их к отысканию и изучению того, что уже им предшествует и за ними следует, и т.д. до бесконечности, — это стремление становится тем двигателем, который не давал и не даст человеку успокоиться дотоле, пока его понимание не станет всепониманием. И причина и источник этого стремления также лежит в природе и в строении человеческого разума, в той *пустоте, ищущей содержания*, которая и ранее побуждала его к изучению природы и свойств познаваемого и теперь снова побуждает к исследованию, потому что не все еще формы ее наполнены.

Рассмотрим внимательнее это явление и определим его значение для познавания.

Раз закончилось познавание вещи в самой себе, в разуме пробуждается стремление познать *причину* ее: «есть нечто, что произвело существующее познанное», — вот новое сознание, которого роль в миропонимании так замечательна и так своеобразна. И в самом деле, и по своему происхождению, и по своему значению это сознание занимает положение, отличное от положения всех других актов сознания. Происхождением своим эта идея обязана исключительно разуму, тому безотчетному убеждению, что «все происходящее происходит из чего-нибудь». Нет ничего вне разума, что побуждало бы человека думать это, только одна природа и одно строение познающего начала мешает ему видеть в вещах изолированные друг от друга элементы и делает невозможною мысль, что явления

ни из чего происходят, ни почему существуют, ни от чего исчезают. Что же касается до роли этого нового сознания в развитии человеческого исследования, то она состоит в том, что идея причинности заменяет собою внешнее впечатление, делает ненужным его, становится на место его импульсом исследования. Как мы видели выше, для того, чтобы начался процесс понимания, необходимо только сознание, что «есть нечто», и это сознание может быть вызвано только соприкосновением с внешним миром. И в дальнейшем процессе исследования единственным побуждением к нему может быть также только это сознание («есть нечто»), но теперь уже оно возникает в разуме помимо внешнего впечатления и при этом непрерывно до тех пор, пока не будут поняты все вещи во всех отношениях. Так что весь сложный, многообъемлющий и продолжительный процесс понимания движется вперед и управляется в своем движении исключительно природою и строем разума, и только один момент его зарождения нуждается в прикосновении внешнего мира и в возникновении сознания, что «есть этот мир».

Образование идеи о причине существующего проходит через тот же процесс, как и образование других идей в разуме. Различие в познании здесь заключается только в том, что предметом исследуемым теперь становится не то, что произвело впечатление, и потому определенное и известное, но нечто такое, в существовании чего разум только имеет твердое убеждение, но что само по себе совершенно неизвестно, что разум должен еще разыскать, найти, чтобы потом уже приступить к познанию.

Раз эта причина найдена и связана с вещью, которая произведена ею, она затем сама становится предметом исследования, столь же всестороннего, как и первый объект изучения, — впрочем, не ранее, как когда образованы будут еще некоторые идеи о первой вещи. Разум последовательно познает природу и атрибуты этой причины и, связав их с природою и атрибутами первой познанной вещи и объяснив ими их, переходит к отысканию причины этого второго познанного и т.д. до «причины первой», или, что то же, до «причины всего существующего и совершающегося».

Совершенно тождественно с образованием этой четвертой идеи происходит образование *идеи пятой* —

о цели познанного существующего или о его следствии. Здесь изменяется только область исследования: прежде оно совершалось в сфере действительно существующего, теперь переходит в сферу готовящегося к осуществлению (потенциального). С тем вместе и весь процесс исследования, проходя те же фазисы развития, как и прежде, изменяет свой характер: готовящееся к существованию необходимо здесь предугадать через изучение существующего и затем перевести познаваемое из состояния потенциального в состояние реальное, в одно время и опираясь на умозрение, и проверяя его.

Эти пять идей обнимают собою уже не один объект, а три; и когда закончилось их образование, становится возможным образование еще двух идей — *идеи сродства и различия* и *идеи числа*. Поняв природу, свойства, происхождение и цель вещи, разум останавливается в своей деятельности, потому что вследствие самого строения его в нем прекращается всякое стремление. Он выходит из состояния того спрашивающего недоумения, о котором было сказано выше и которое держит его в непрерывном напряжении от момента образования первой идеи до момента образования идеи пятой. Теперь понимание вещи — как в самой себе, так и в отношении к тому, с чем она связана, — закончено.

Это освобождение ума в соединении с увеличившимся количеством ему известных объектов и делает возможным образование идей 6-й и 7-й. Когда закончилось понимание вещи, разум погружается в созерцание познанного и, осматривая одновременно все три объекта, впервые и невольно сравнивает их и замечает их сходство и различие. В нем образуется шестая идея, столь же определенная по своему содержанию и по своему положению относительно других идей, как и все предыдущие.

Но в идее этой есть и некоторые резкие отличия от идей, ранее образованных. Именно: 1) в образовании ее нет никакой внутренней необходимости, и 2) ее происхождение обязано разуму, а не вещам в большей степени, чем происхождение всех прочих идей. И в самом деле, сравнение вещей есть деятельность разума самая свободная, самая невынужденная. Нет в процессе образования первых пяти идей ничего, что делало бы необходимым образование этой шестой идеи;

нет ничего, что вызывало бы невольно это образование, что удерживало бы разум в состоянии неудовлетворенности, пока не совершится оно и не будет создана эта идея. Всего лучше это различие может выясниться при сравнении идеи рассматриваемой с идеями предыдущими: когда раз возникло в разуме сознание, что существует вещь, в нем тотчас и необходимо возникает и твердое убеждение, что существует некоторая причина, произведшая ее, и это новое сознание порождает невольное стремление открыть и познать эту причину, объясняющую происхождение познанной вещи. Ничего подобного нет в происхождении идеи сходства и различия: когда в разуме уже образованы идеи о вещи и обо всем, что может быть узно об ее природе, свойствах, причине и цели, в нем нет и не может явиться сознания, что эта вещь необходимо должна быть с чем-либо схожа или от чего-либо отлична, нет и не может пробудиться стремления узнать это сходство или различие, так как нет сознания о самом существовании его. Далее, в самом образовании идеи сходства и различия разум проявляет необыкновенно большое творчество, и творчество это зависит не столько от присущей разуму соответствующей схемы понимания, сколько от развития той *общей* жизненности и самодеятельности, которая пробудилась и укрепилась в нем во время образования предыдущих идей. Процесс сравнения и, как результат его, понятие о сходстве и различии — это почти вполне создания разума: перед ним лежат только вещи с их атрибутами и проходят явления с их причинною связью. Каждая вещь существует сама в себе и сама по себе, каждое явление только производится или производит другое явление. Принадлежность и производимость вещей и явлений — вот все отношение их между собою в реальном мире, и если разум, не ограничиваясь этим, познает в них еще нечто другое, то причина этого лежит уже не в самых вещах, но в творческой силе мышления, поднимающейся над ними и начинающей от простого понимания, лежащего в вещах и явлениях, переходить к выводу истин через свободное комбинирование уже познанного в связи с комбинированием своих представлений и идей. Так происходит образование идеи сходства и различия. От вещей, которые в мире реальном неотделимы от своих атрибутов,

разум отвлекает эти атрибуты, как бы снимает их с вещей и, запоминая, какой атрибут с какого предмета взят, начинает их комбинировать в своем мышлении как некоторые самостоятельные сущности, уничтожая тождественные из них и сохраняя различные. Затем снова как бы налагает их на вещи, причем те из последних, которые получили атрибуты, не соединившиеся в одно в мышлении и не разделяемые в момент их распределения, остаются вещами, между собою не соединенными общностью атрибутов, т.е. *различными*; а те вещи, атрибуты которых слились в мышлении, так что в момент распределения их этот один атрибут необходимо как бы воссоздать столько раз, сколько вещей, — эти вещи являются соединенными между собою единством происхождения своих атрибутов, т.е. *сходными* между собою.

Когда окончено образование идеи о сходстве и различии познанного, тогда наступает — и уже необходимо — образование *идеи числа*. Нет сомнения, что единица не есть первое число, идея о котором образовалась в разуме: зная один предмет, разум ничего не знает о числе его, потому что он не различает этого одного от многих, существование которых еще скрыто от него. Первое число, вступающее в разум, необходимо должно быть каким-нибудь сложным числом, из которого единица потом выделяется как часть. И, следя за процессом образования полного понимания, невольно можно склониться к мысли, что это первое число, вступающее впервые в разум, есть *три*. Чтобы объяснить это, заметим первоначально, что идея о числе как о чем-то отвлеченном от счисляемых предметов не рано образуется у человека и не рано образовалась у человечества. Он долго мог считать предметы как бы машинально, как бы инстинктивно, прежде чем сознательно сосредоточил мысль — не говорю на самом счислении — но просто на числе. Он долго различал — не мыслию, но глазами — один предмет от многих, два предмета от трех и т.д., как различал большие предметы от малых, окрашенные от неокрашенных, не отвлекая, а потому не сознавая даже и существующими чисел, величин, цветов. Сознательная идея о числе впервые образуется в разуме тогда лишь, когда в нем уже пробудилась и несколько развилась вообще сознательная деятельность, — т.е. тогда, когда он уже

перестает только отражать в себе мимо идущие предметы и явления и начинает стремиться уразуметь их. И так как эта сознательная деятельность разума пробуждается впервые в процессе образования полного понимания, то, следовательно, и идея числа впервые образуется в нем в этом процессе. Но ранее образования идей о существовании, природе, свойствах, причине и цели познаваемого объекта идея числа образоваться не может потому, что для этого требуется не один объект, а несколько, и еще потому, что образование всех этих идей, между собою связанных, не дает освободиться мышлению. Наконец, процесс сравнения и идея о сходстве и различии также предшествуют образованию идеи числа, потому что процесс образования последнего сложен, и одна из составных частей его есть сравнение, которое разум должен пронзвести отдельно, прежде чем научится производить его в соединении еще с другим процессом. Но за образованием этой шестой идеи уже необходимо следует образование идеи числа. Раз сложилось в мышлении понятие о сходстве и различии предметов, в нем естественно и необходимо наступает образование идеи *о сходстве и несходстве количеств предметов сходных и различных*. Но так как познаваемых объектов здесь *три* (вещи: изучаемая, ее создавшая и ею создаваемая), то число это сперва бессознательно запечатлевается в разуме, а затем и сознательно выступает в нем, когда, как часть его, выделяется в сознании число *два*. Это *два* есть число предметов, найденных разумом, — причины и следствия. Они выделяются в сознании из числа известных предметов как имеющие между собою то общее, что не были даны разуму непосредственно, но были отысканы им. Это число найденных предметов (2) должно выделиться в мышлении ранее, чем число данного ему предмета (1), потому, что на нахождение их он употребил значительные усилия и на них он, естественно, более сосредоточивает свое внимание, более интересуется ими. Наконец, как последнее, выделяется в сознании и число предмета, впечатление от которого послужило началом образования процесса понимания, — это число есть *единица*. Таким образом, вот вероятный порядок вступления в разум чисел: 3. 2. 1. Заметим, что полное выделение в сознании идеи числа как чего-то совершенно отличного от счисляемо-

го здесь еще не закончено; оно образуется постепенно и медленно: напр., человек уже хорошо научится считать предметы, прежде чем поймет, что можно считать и признаки предметов. В дальнейшем счислении число *три*, вероятно, было некоторое время основным, начальным, с которым сравнивались числа других вещей; так что, образуя идею о количестве вновь встречаемых предметов, человек первоначально произносил мысленно: «больше трех на два», «меньше трех на одно» и пр., и так продолжалось до тех пор, пока неудобства этого счисления не заставили его как бы перевернуть в своем сознании первые три числа, поставив на первое место единицу и на последнее — три. Это принятие единицы за начало счета предполагает уже высокое развитие умственной деятельности: для этого необходимо было вдуматься в происхождение чисел и понять, что число, принимаемое за первое (3), само произошло из третьего (1), да как будто и все другие числа только повторяют собою это же число (1). Любопытно, что в тройственности предметов, впервые познаваемых человеком, открывается и единство: предмет, его производящая причина и им производимое следствие есть одна и та же вещь в различные моменты своего существования; реальная вещь есть осуществленная потенция-причина и неосуществленная потенция-следствие.

Нам остается еще показать, что рассмотренный процесс познания выражает собою полное понимание, без излишка и без недостатка. Это можно сделать, доказав, что ни одна из рассмотренных идей не составляет части какой-либо другой идеи и что, напротив, всякое знание, какое приобретает человек, входит как часть в одну из указанных идей.

Что все рассмотренные идеи действительно первоначальны, это можно видеть из того, что они, во-первых, не сводимы ни к каким иным высшим идеям, и, во-вторых, несводимы друг к другу. И действительно, единственно высшая идея, которая обнимает их собою, есть *идея сущего*, идея бытия не в смысле существования, но в смысле того, что обладает существованием. Но между этою высшею и последнею идеею и между идеями рассмотренными нет *ничего промежуточного*, связующего: идея бытия непосредственно разлагается на идею существования, на идею сущности, на идею атрибутов, на идею причины, на идею

цели, на идею сходства и различия и на идею числа, — и непосредственно слагается из этих идей как образующих начал своих. То, что составляет объект этих семи идей, есть отдельные стороны того единого и всеобщего, что составляет объект этой последней идеи: бытие *существует* в вечном пребывании своем и в формах временного бывания своих частей, в своей сущности, неподвижной и скрытой, и в своих проявляющихся атрибутах, в причинности и в целесообразности совершающегося в нем, в сходстве и различии частей своих и в численных отношениях их; и ничего, кроме этого, познавая бытие, не познает разум. Несводимость этих идей друг к другу видна из этого, что ни одна из них не составляет части другой и что все они разнородны. И в самом деле, хотя существование есть и в природе, и в атрибутах, и в причине и в цели, и в сходстве и различии, и в числах (все это «существует»), тем не менее сущность всего этого лежит не в самом пребывании этом, но в чем-то таком, что именно не есть пребывание, но только пребывает. Равным образом, хотя каждая из этих семи сторон бытия имеет свою сущность, но последняя в каждой из них есть нечто совершенно другое, чем то, что мы разумеем под сущностью бытия как под одною из сторон его, — так, напр., сущность атрибутов есть принадлежность чему-либо и обусловленность им, тогда как сущность, как сторона бытия, есть нечто самосущее и не обусловленное; сущность причины есть не то же, что сущность цели и т.д. относительно всех других идей и относительно того, что составляет объект всех их. Каждая из них не заключает в себе всех других идей, но внешним образом опирается на них как на необходимые условия всего пребывающего; в самой же сущности своей это опирающееся есть нечто разнородное от всего другого, есть нечто самобытное и ни с чем не связанное, кроме самого сущего, сторону которого оно составляет.

Что всякое знание, какое приобретает человек, есть только частное проявление этих общих идей, это прямо следует из того, что идеи эти обнимают собою стороны бытия, частное проявление которого составляет все познаваемое. Человек, правда, познает различные вещи, но в этих вещах он познает всегда только существование, только сущность, только причинность, только цель, только сходство и различие, только чис-

ло. Изучаемые вещи имеют различные причины и цели, различную сущность и атрибуты, — но все это разнится только в приложении (причина и цель) или только в неважном (сущность и атрибуты), — все же существенное и важное в них остается неизменным и тождественным. Словом, изменяются предметы изучения, но то, что изучается в этих предметах, остается неизменным. Изучает ли человек небесные светила или исследует невидимую и неразложимую частицу вещества — начальный атом, из которого образовался этот сложный мир; разбирает ли он круги, по которым движутся эти небесные тела, или процессы происхождения всего сложного из простого и органического из безжизненного; переходит ли он от этого мира материальных вещей и явлений к миру вещей и явлений другого порядка — к явлениям добра и зла, страдания и радости; изучает ли нравственность, государство, самое познание, — всегда и всюду, неизменно и вечно он сперва узнает о существовании изучаемого, затем определяет его природу, описывает его свойства, раскрывает его происхождение и назначение, сходство и различие от окружающего и, наконец, его количественную сторону.

Из этих всеобщих и единственных форм понимания не следует выделять такие познания, как познание времени, пространства или положения и количества; потому что все это не разнится с указанными идеями и составляет только или частное, хотя и своеобразное проявление этих идей, как время и пространство, или только один из видов их, как количество и положение.

IV. Мы проследили общий процесс, через который проходит понимание каждой отдельной вещи и который, как элемент целого, повторяется во всем человеческом знании. Теперь мы можем перейти к исследованию и утверждению того положения, ради которого был рассмотрен этот процесс, именно — что в нем раскрывается природа человеческого разума.

Уже ранее был установлен *вид существования* разума. Именно, было доказано, что рассматриваемый в самом себе, до соприкосновения с внешним миром, он не имеет реального существования, но потенциальное; причем под первым разумелся тот вид бытия его, когда он представляет собою некоторую систему идей, а под вторым — то состояние его, когда он, не заклю-

чая в себе никакого сформировавшегося знания, представляет собою, однако, совокупность определенных условий, которые тотчас переходят в идеи, как только внешним миром будут даны объекты для них.

Рассмотрим ближе природу и свойства этой потенции.

Есть два вида потенций. Одни из них представляют собою ряд условий, случайно соединенных между собою в случайном порядке, которые с присоединением некоторых других дополняющих условий переходят в реальное бытие, причем это реальное бытие определяется не условиями дополненными, но условиями дополнившими и бывает тем или другим, смотря по тому, каковы последние. Так, земля, в которую бросают семя, есть потенция растения, которое вырастает из нее. В ней лежит все то вещество, которое станет содержимым этого растения, но каково будет самое растение, это зависит от того, что мы присоединим к этой потенции — какое семя положим в землю. Она дает содержание, но не она определяет форму, в которую будет заключено это содержание. Она есть совокупность условий, которые переходят в бесчисленные и разнообразные вещи, смотря по тому, с какими дополняющими условиями вступают они в соединение. Потенции этого первого рода можно назвать потенциями *неопределенными*, незаконченными, как бы бесформенными и безжизненными.

Другие потенции представляют собою нечто строго замкнутое, тесно определенное, могущее перейти только в один вид реального бытия и не переходящее ни в какой другой вид его, каковы бы ни были условия, в соединение с которыми вступает оно. Оно не может стать реальным бытием без присоединения новых условий, но самое это бытие, его сущность, формы и признаки определяются не этими недостающими условиями, но самою потенциею. Таково семя, которое бросают в землю. Растение, из него вырастающее, состоит не из того, что есть в семени, но из того, что присоединила к нему земля; как вещество — семя погибло; но оно дало вид и форму растению, состоящему из земли, и живет в его жизни; дало ему все, что в нем есть не-вещество, что отличает его от бесформенной и безжизненной материи и что, собственно, мы и называем *растением* как совокупность некоторых

определенных форм и жизненных явлений. Этот второй вид потенций мы назовем потенциями *определенными*, законченными, носящими в себе скрытую жизненность, т.е. способность, а иногда и стремление к развитию в формах, в ней уже предустановленных.

К которому из этих двух видов потенциального бытия принадлежит разум? Вопрос этот разрешается при рассмотрении полного понимания, процесс образования которого был рассмотрен ранее. Если бы разум, получив первое впечатление от внешнего мира и отразив его в себе, продолжал затем оставаться в покое до нового впечатления, то мы могли бы утверждать, что он есть простой приемник впечатлений и хранитель их, есть та *tabula rasa**, на которой по произволу внешний мир отмечает моменты своего существования. Каковы будут эти отражающиеся предметы и явления, таковы будут и отражения их в сознании человека, а следовательно, и определяющее значение будет принадлежать не разуму, а им, и мы должны будем отнести его к первому виду потенций — к потенциям неопределенным. Но этот разум не есть простой приемник впечатлений, если отвергает одни из них и ищет другие. Он не есть только *tabula rasa*, если сам направляет пишущую руку и сам слагает слова определенного содержания и в определенном порядке об этом внешнем мире. Это последнее явление мы и замечаем в нем. Первое полученное впечатление не остается в нем бесплодным; то, что за ним следует, далеко переступает за пределы того, что это впечатление могло бы произвести в мертвом механизме. Будучи раз выведен из состояния покоя, он тотчас обнаруживает некоторую деятельность, которая не объяснима влиянием внешнего мира и причину которой мы должны, следовательно, отнести к его собственной природе. Эта деятельность строго определена по своему направлению — она ищет удовлетворить некоторым требованиям, пробудившимся в разуме. Она обнаруживает в нем свойства, которые чужды мертвым механизмам, потому что в своем искании он отвергает все, не ведущее к этой цели, и останавливается лишь на том одном, что ведет к ней. Вот явления, наблюдаемые в процессе понимания и побуждающие нас отнести

* чистая доска (лат.).

разум к потенциям второго рода, определенным и законченным, которые только ожидают немногих дополняющих условий, чтобы перейти в реальное бытие, в данном случае — в понимание, состоящее из определенных идей.

С тем вместе это наблюдение дает нам возможность, прилагая к разуму то, что было сказано о потенциях второго рода, дать его первое, еще пока неполное, определение: *разум есть потенция, в которой предустановлены формы понимания, материал для которого дается внешним миром, и обладающая скрытою жизненностью*, т.е. это есть потенция, представляющая собою не только совокупность условий, могущих с присоединением некоторых других перейти в ряд идей, но и заключающая в себе стремление вступить в соединение с этими условиями, — стремление, которое остается скрытым до соприкосновения с внешним миром, но пробуждается тотчас, как это соприкосновение произошло, и совершается в формах, от этого внешнего мира независимых и, следовательно, обусловленных природою самой потенции.

V. Теперь рассмотрим сущность как этой жизненности, так и этих форм.

Несомненно, что все содержимое полного понимания взято человеком из внешнего мира, что все, что обнимается идеями его разума, принадлежит не ему самому, но тому, что лежит вне его: и природа, и свойства, и причина, и цель познанного найдены разумом в самом познанном. Но кроме этих идей, из которых слагается понимание, в процессе его образования есть еще другое, что уже не взято из внешнего мира: это то, что слагает эти идеи в понимание, что *движет* и что *направляет* его. Пути, по которым движется понимание, раскроют перед нами впоследствии формы разума; движущее его по этим путям раскроет теперь перед нами природу его жизненности. Она неизменно слагается, как и все деятельное, изменяющееся, производящее в природе, из двух начал: из того, что́ есть первая причина движения, — из *стремления*, и из того, что́ есть его вторая причина, — из *способности* удовлетворить этому стремлению. Ни без первого из этих двух начал, ни без второго не могло бы произойти что-либо в космосе. Что источник этого стремления лежит в разуме, а не во внешнем мире, это ясно из того, что,

прежде чем образовать некоторые идеи понимания, разум должен предварительно открыть, разыскать то, что могло бы послужить их объектом (причина и цель) и что, следовательно, никак не может быть источником стремления к пониманию себя. В этом *стремлении* разума после первого полученного впечатления приобрести содержимое дальнейшего понимания в форме определенных идей и в этой *способности* удовлетворить пробудившемуся стремлению через образование соответствующих идей и заключается его скрытая жизненность. Как бы сложны ни были процессы познавания и с тем вместе как бы ни были сложны формы разума, раскрывающиеся в процессах этого познавания, сущность последних, то, что в них остается за выделением направлений, из чего состоят они, всегда будет неизменно слагаться из чистых стремлений и из чистых способностей. Все мирообъемлющее человеческое понимание, будучи разложено на свои первые, простые элементы, окажется слагающимся из этих стремлений и способностей, движущимся через их повторение, как бы пульсирующим в них.

Таким образом, процесс понимания, движущийся между двумя крайними моментами своими — между первым моментом сознания, что есть внешний мир, и между последним моментом сознания, — если когда-либо наступит он, — что мир этот понят, весь распадается по своему содержанию и по своему происхождению на две стороны: на идущее от внешнего мира и на идущее от разума. Он состоит главным образом из обращений к внешнему миру, но то, что заставляет его обратиться к нему, не принадлежит внешнему миру, но разуму. В природе находит человек ответы на свои вопросы, но самые вопросы предлагает не природа, а разум. В природе находятся некоторые признаки, по которым можно доискаться ответа на эти вопросы, но то, что отличает эти признаки и раскрывает под ними искомое, часто путем сложных приемов, не есть природа. Повсюду и неизменно в понимании начало деятельное исходит от разума, начало пассивное дается природою. Она дает материал для понимания, объекты, которые облакаются идеями; разум образует самое понимание, движет и направляет его, раскрываясь в живых формах, вбирающих содержимое

и претворяющих его в строгую и законченную систему идей, облакающих природу.

К чему направлена эта жизненность разума, что служит объектом стремления и способности, в которых проявляется она? Одно *понимание*, т.е. нахождение *объясняющих знаний*; но никогда самое знание. Природе человеческого разума совершенно чуждо стремление приобрести знания, в нем лежит только стремление понять то, что уже дано ему как знание. Он не ищет новых предметов и явлений, но ищет причины и следствия предметов и явлений уже известных ему, хочет определить их сущность и их свойства. Он стремится отыскать связанное с тем, что случайно узнано им и что может объяснить это узнанное; но он не переходит, оставив это узнанное, к отысканию нового, с ним не смежного и не связанного и его не объясняющего; потому что в нем нет ничего, побуждающего к отысканию нового неизвестного. И размышление, и наблюдение одинаково убеждает в справедливости сказанного. Человек не может стремиться узнать того, о существовании чего у него нет понятия; всякое же стремление познать то, существование чего ему уже известно, есть стремление к пониманию. Он равнодушен к тому неизвестному, что окружает узнанное им, если его разум свободен; он с отвращением воспринимает невольные впечатления от этого неизвестного, когда его разум погружен в понимание этого узнанного. Отсюда объясняется, почему привязанность к подвижной жизни, к путешествиям, вообще любознательность, как желание узнавать новые и новые разнообразные предметы, есть признак незанятости ума и, когда она продолжительна, — его поверхностности и внутренней пустоты. И в этом соображении источник выраженного ранее отрицания истинного достоинства в той науке, которая жадно ищет новых и новых знаний, но не останавливается над вопросом, как связать их в цельное понимание; которая многое узнает, но ни над чем не задумывается, в которой познаваемое вновь не объясняет познанного ранее. И действительно, ни такая любознательность, ни такая наука не связана ни с какими потребностями разума и противна истинной природе его. В силу своего строения он равнодушно созерцает мимо идущее; но почему-либо остановившее его внимание и ставшее предметом его

понимания он не может оставить без некоторого внутреннего страдания. Помимо сознательного участия своей воли он как бы вовлекается, как бы втягивается в его объяснение и испытывает неприятное и тяжелое чувство от прикосновения всего, мешающего развитию начавшегося в нем процесса понимания. И чем большие затруднения представляет собою объяснение заинтересовавшего, тем сильнее и сильнее привязывается он к нему и сосредоточивается на нем, тем менее и менее бывает в силах оставить его. И когда наконец искомое объяснение найдено, он испытывает высокую и чистую радость, — радость не потому, что окончен труд, так как ничто не принуждало его к нему, но потому, что найдено знание, объяснившее непонятное и удовлетворившее разум. В незначительных размерах примеры этого можно наблюдать на решающих математических задачах, на производящих опытные исследования в физике, на тех, наконец, чья мысль останавливается на разрешении каких-либо вопросов теоретического характера; примерами этого, исполненными величия и порою трагизма, полна история творческой науки. Только строением разума можно объяснить это неудержимое стремление его к пониманию; только присущею ему жизненностью можно объяснить тот факт, что в моменты высочайшего проявления его деятельности все человеческие инстинкты кажутся как бы подавленными, человеческая воля — как бы разбитою и парализованною. И в самом деле, если разум есть только произведение внешних впечатлений, если уже ранее получения их он не обладает определенным строением и скрытою жизненностью, то как понять, что некогда люди так глубоко задумывались над вопросами, о которых ничего не говорила им природа, что почти утрачивали сознание окружающего их, почти переставали чувствовать эту природу и, оставляя все удовольствия и радости жизни, в нищете и лишениях искали разрешения своих сомнений? Если разум лишь пустой восприимчивый впечатлений, если он безжизненная *tabula rasa*, то как понять, что в те далекие времена, которые мы привыкли считать варварскими, находились люди, предпочитавшие вытерпеть все мучения, чем испытать одно — перестать думать о том, над чем уже исстрадалась их мысль? Где источник этого стремления, если не в разуме? Как может *tabula rasa* желать,

чтобы на ней было написано то, а не другое? Как может мертвый механизм или животный организм предпочесть быть разбитым, чем отказаться от стремления к тому, сущности чего он еще не знает и в достижении чего он еще не уверен?

Если бы разум не существовал уже до соприкосновения с внешним миром и если бы он не имел своего самостоятельного предопытного строения, то этого резкого различия в его отношении к пониманию и к простому знанию не могло бы существовать. Впечатления внешнего мира всегда одинаковы — это явления одно другому сопутствующие и одно за другим следующие, смежные в пространстве и смежные во времени. Если бы разум только отражал их в себе и удерживал или если бы его функции были созданием этих внешних явлений, то он и скорее и более должен бы был привыкнуть искать все новых и новых впечатлений, т.е. образовывать все новые и новые бесцельные и бессвязные знания, но он не мог бы привыкнуть стремиться к пониманию. Да последнее и вообще по самой своей природе не может никогда стать делом механической привычки. Но так ничтожно влияние этих внешних впечатлений на законы деятельности разума и так могущественно обусловило их его строение, что ему совершенно чуждо стремление приобретать знания и исключительно свойственно стремиться к пониманию.

Теперь мы можем сделать второе определение разума, введя в него определение той жизненности, на которую было только указано в определении первом: *«разум есть потенция, в которой предустановлены формы понимания, материал для которого дается внешним миром, и обладающая скрытой жизненностью, состоящею в стремлении и в способности образовывать это понимание».*

VI. В этом определении выражены как вид существования разума, так и сущность его природы и его деятельности. Остается еще определить его строение, раскрыв предустановленные в нем формы понимания. Как и природа, они обнаруживаются в процессе образования полного понимания, и, чтобы выделить их, достаточно выделить в последнем то, что принадлежит внешнему миру; тогда оставшееся укажет, что принадлежит самому разуму.

Цельное понимание обнимает собою все понимаемое. Слагается оно из идей, обнимающих отдельные стороны этого понимаемого. В этих идеях то, из чего состоят они, т.е. их содержание, идет от внешнего мира, то, что обнимает это содержание, как форма обнимает вложенный в нее материал, не заимствовано от внешнего мира и, следовательно, принадлежит самому разуму. Следующее размышление невольно убеждает нас в этом. Если бы не только содержание идей, но и самые формы их были произведены в нас внешним миром, если бы его влиянием было создано не только то, что входит в наше сознание, но и то, что воспринимает в себя входящее, то в таком случае *все существующее одинаково могло бы образовать в нашем разуме соответствующую себе идею*. Между тем в этом существующем есть некоторые вещи, существование которых для нашего разума несомненно, но составить идею о которых этот разум, безусловно, не в силах. Таков, напр., факт или вечности мира, или происхождения его из ничего.

И в самом деле, мир как «целое», как «бытие», как «все» или *вечен*, или *не вечен*. Раз он существует — и это для нашего сознания несомненно, — он необходимо или имеет начало во времени, или не имеет этого начала. Мы ничего не знаем о том, который из этих двух фактов имел некогда место, но мы знаем твердо, что один из них необходимо существовал, так как ничего третьего существовать не могло. Но если мир вечен, то это значит, что не было времени в прошедшем, когда бы он не существовал, и не было предела, где бы кончалось это время. Если же он не вечен, то это значит, что в прошедшем был некоторый момент, когда он возник; и так как он есть «все», то, следовательно, в момент, этому предшествующий, не было ничего; т.е. что мир возник из ничего, из пустоты, которая одна лежала за ним, одна предшествовала ему. Теперь если один из этих фактов несомненно существовал, то и в сознании нашем, принимающем это существование, необходимо должно быть понимание этого факта, если только оно во всем своем целом есть произведение внешнего существующего. Между тем идеи ни об одном из этих двух фактов наша мысль вместить в себя не может. Наш язык легко произносит слова: «мир безначален», «мир возник из ничего»; но

это только слова, поставленные в известном порядке, но не мысли, не идеи. Это звуки, которые мы можем слышать, но то, что обозначается этими звуками, мы не можем ни понять, ни представить, хотя и понимаем, что это факты. Мы знаем и понимаем отдельные вещи, о которых говорится в этих предложениях, — «мир», «начало», «время», и мы можем слова, обозначающие эти существующие и понятные вещи, поставить в известное отношение друг к другу, но представить в мысли это истинное и существующее отношение мы не в состоянии. Всякое усилие представить себе возникновение мира из ничего будет бесплодно — все, что мы можем сделать, это представить себе то, из чего он возник, неясным, темным, бесформенным, но тем не менее существующим, реальным столько же, как и возникающий из него мир. Всякое усилие представить мир вечным поведет только к тому, что его начало мы отодвинем так далеко, что оно будет как бы теряться во времени, станет неясным для нас, но всегда, однако же, мы невольно будем думать, что вот за этим неясным и лежит его начало, которого мы только не видим, но которое, однако, есть. И вот, в то время как этих реальных фактов наше сознание никак не может понять, оно легко представляет себе факты, которых не существует, и при этом столь образно, что даже порою верит в их действительное существование. Так, воображение всех народов создавало различных чудовищ, и даже нам самим легко представить себе в мысли невозможные в действительности существа, одновременно с этим сознавая, что их нет.

Итак, если разум в состоянии представить себе невозможные комбинации из элементов, порознь известных ему из опыта, и не может представить существующее сочетание из элементов, о которых он порознь также знает из наблюдений, то не ясно ли, что в нем предустановлены формы понимания, в которых образуются представления, и что из происходящего и существующего в мире, для него внешнем, он может воспринять и понять лишь то одно, что имеет в нем (разуме) соответствующую себе форму; все же остальное хотя и существует вне его, однако не может существовать в виде идеи в нем самом, так как не имеет предустановленной для себя формы в его сознании.

Это предсуществующее в разуме человека и обуславливающее собою возможность опыта едва уловимо в природе своей и с трудом поддается определению. Не следует забывать, что ранее опыта в сознании не существует не только представлений о предметах, обладающих существованием, природою, свойствами, причиною, целью и т.д., но в нем *нет идей* и о самых этих сторонах бытия — о существовании, о сущности, об атрибутах, о причинности, о целесообразности и т.д., в которые (идеи), как в общее, входили бы представления об отдельных вещах, представляющих собою единичные и конкретные синтезы этих общих сторон бытия. Вот почему выражение «форма, воспринимающая содержание», которое мы выше прилагали к лежащему в разуме ранее опыта, не столько выражает его природу, сколько подготавливает нас к пониманию того гораздо менее грубого, что представляет собою разум. Не заключая в себе идей даже о сторонах бытия, он носит в себе ранее опыта только как бы символы этих сторон; что-то неосязаемое и в то же время несомненно присутствующее; не могущее быть выраженным ни в какой точной идее, как не представляющее собою никакой идеи, и в то же время обладающее зиждительною силою, которая из материала чувственных впечатлений, несовершенных, грубых и ограниченных, образует идеи законченные, отвлеченные и общие. Можно бы сказать, что предопытное и предыдейное в разуме так же относится к идеям, имеющим вступить в него, как беспричинное и безотчетное предчувствие относится к тому, что наступит со временем, если бы эти предчувствия разума не были так определены в своем содержании и не предопределяли бы сами всего, что образуется в нем впоследствии. Ближе всего природу этих потенций идей, не выразимых ни в каком точном названии, можно обозначить словом «схема». Как в мире физическом схемы, не будучи сами вещами материальными, представляют собою как бы типы, по которым образуются все вещи, не имея никакого реального существования, невидимо зиждут все реально существующее и входят в него, так находящееся в разуме ранее опыта, не имея даже идеального существования, зиждет и образует, движет и направляет весь мир идей, настолько же превосходя своею абстрактностью эти идеи, насколько последние, как схемы вещей, превосходят своею абстрактностью эти вещи.

VII. Это соотношение между познающим разумом и познаваемым космосом, обуславливающее собою возможность самого познания, полно загадочности и интереса. Тот несомненный факт, что ранее чувственного опыта и соприкосновения с миром в разуме человека лежат уже схемы идей, готовых обнять собою мир; и тот факт, что мир этот, существующий независимо от человеческого разума и ранее его, действительно вступает в эту схему идей, раз соприкосновение между ними произошло, невольно заставляет видеть и в разуме нечто космическое, и в космосе нечто разумное. Разум есть как бы мир, выраженный в символах, — мир есть как бы разум, выраженный в вещах; и только поэтому возможно познание мира разумом, возможно *понимание*, возникающее о мире в разуме, — возможен мир идей, отличных от этих соотносительных начал, не из них возникающий, но через их соприкосновение. Как будто все бесконечно долгое и бесконечно сложное развитие свое космос совершал только для того, чтобы создать этот загадочный разум и, как в семени своем, соединить в нем все, что он сам заключал в себе от начала; или как будто сам разум раскрылся в этом мире вещей, подобно тому как содержимое семени раскрывается в растении, из него вырастающем. И если объяснения этого соотношения мы не находим в их одновременном существовании, если от начала мы видим его уже предустановленным, то мы вынуждены искать разгадки этого явления в общем происхождении и космоса, и разума: было нечто, что дало жизнь и разуму, и космосу и что вложило и в космос разумность, и в разум космичность, что совмещало в себе и то и другое, но что не было в отдельности ни тем, ни другим.

Все эти схемы сходятся, как к центру своему, к потенции идеи существования, простой и неразложимой, представляющей собою чистую способность образовывать эту идею. Все впечатления внешнего мира воспринимаются этою потенциею, и, прежде чем она не получит их, разум не обнаруживает никакой жизни. Но раз этот центр схем понимания воспринял необходимое впечатление и образовал идею, соответствующую его природе и его назначению, все схемы понимания обнаруживают скрытую в них жизненность, и эта жизненность раскрывается в чистом стремлении и в чистой

способности воспринять содержание, соответствующее природе и назначению каждой из них в отдельности, т.е. образовать идею, обнимающую какую-либо сторону космоса, и представление, соответствующее стороне единичного наблюдаемого предмета в нем.

Этих схем понимания, присущих разуму и обнимающих собою стороны космоса, шесть: 1) *схема природы*, соответствующая сущности космоса и вещей в нем, которая стремится и способна понять: «*что́ есть все?*» или «*из чего все и каково его строение?*»; 2) *схема атрибутов*, соответствующая свойствам космоса и вещей в нем, которая стремится и способна понять: «*каково все?*»; 3) *схема причинности*, соответствующая производящему в космосе, которая стремится и способна понять: «*почему все?*»; 4) *схема целесообразности*, соответствующая производимому в космосе, которая стремится и способна понять: «*для чего все?*»; 5) *схема сходства и различия*, соответствующая родам и видам вещей в космосе, которая стремится и способна образовать классификацию мира, поняв единое в различном и различие в едином, и 6) *схема чисел*, обнимающая количественную сторону космоса.

Теперь мы можем сделать последнее и полное определение разума: «*разум есть потенция, слагающаяся из потенции идеи существования, простой и определенной, и из сходящихся к ней, как к центру, схем понимания, представляющих собою сложные и определенные потенции идей, соответствующих сторонам существующего*», или, заменяя в этом определении некоторые термины их значением: «*разум есть потенция, слагающаяся из потенции идеи существования, состоящей в чистой способности образовать эту идею, и из сходящихся к ней, как к центру, схем понимания, представляющих собою потенции, обладающие скрытою жизненностью, которая пробуждается с принятием первого впечатления этим центром и обнаруживается в чистом стремлении и в чистой способности образовать идеи, соответствующие сторонам существующего и в своем сочетании содержащие полное понимание его*».

VIII. Это определение разума было выведено из наблюдения над процессом образования полного понимания и представляет собою одно точное название всего, что в этом процессе обнаруживает разум. Оно истинно и выражает собою существенное и неизменное

в разуме, потому что взят был не частный случай понимания, но последнее было рассмотрено в своем общем виде. Но самый процесс понимания тем не менее остается необъяснимым; и наше знание о нем есть простое эмпирическое наблюдение, но не понимание, потому что хотя мы и знаем, как он происходит, однако не понимаем, почему он происходит так, а не иначе. Для того чтобы отнять у него этот эмпирический характер и из простого знания перевести его в понимание, произведем теперь обратное исследование: мы вывели природу и строение разума из наблюдений над общим процессом образования полного понимания; теперь, взяв эту природу и строение за основание, выведем уже умозрительно из нее формы и явления, наблюдаемые в процессе понимания, и тем самым покажем, что все, замеченное в этих формах и явлениях, существует в них необходимо и неизменно.

1. Если разум есть бытие потенциальное, то оно и не может перейти в бытие реальное без присоединения к нему чего-либо, способного придать ему реальность. Но так как из существующего все есть или разум, или не-разум, в первом же нет ничего не потенциального, то, следовательно, и придающее разуму реальность необходимо и неизменно должно идти из того, что лежит вне его, т.е. из мира вещей. Это значит, что *процесс образования полного понимания неизменно и вечно слагается из соединения идущего от разума с идущим из природы, т.е. из умозрения и опыта, а самое понимание, как результат этого процесса, возникает через соприкосновение чувственных впечатлений, получаемых в опыте от мира вещей, с абстрактною сущностью самого разума, пробуждающеюся к жизни в умозрении.*

2. Так как все, идущее в разум из мира вещей, воспринимается центром схем понимания, — центр же этот представляет собою потенцию не сложную из стремления и способности, но простую, состоящую из чистой способности, то, следовательно, и переход разума из бытия потенциального в бытие реальное не может произойти иначе как через импульс, идущий от внешнего мира; т.е. что *процесс образования полного понимания необходимо и неизменно начинается с действия мира вещей на разум, и опыт в познании неизменно необходимо предшествует умозрению.*

3. Так как схемы понимания суть потенции не простые, но сложные из стремления и способности, то и переход разума из состояния потенциального в состояние реальное, раз начавшись от внешнего импульса, продолжается непрерывно и уже без всяких импульсов извне до тех пор, пока все схемы его не приобретут реального содержания; т.е. что *раз начавшийся процесс понимания необходимо продолжается до тех пор, пока служащее объектом его не будет понято вполне.*

4. Так как в разуме предустановлены схемы идей, из которых слагается понимание, то и процесс последнего, *неудержимо развивающийся после первого импульса, движется по определенному плану к определенным целям вечно и неизменно, следуя не природе вещей, но природе разума.*

Теперь выведем мы из того же определения разума некоторые важные положения об отношении его к миру, для него внешнему, и этого последнего — к познанию. Выводы эти следующие:

1. *Познание возможно и существует потому, что схемы понимания, присущие разуму, совпадают со сторонами бытия, лежащего вне его.* Если бы этого соответствия не было, то не было бы возможно и не существовало бы познание, потому что по отношению к последнему и мир, и разум суть только потенции, в отдельности ничего не способные произвести: ни в мире не возникло бы понимание, если б не существовало разума, ни в разуме, если б не существовал мир, ни в них обоих, если б в них не было предустановленного соответствия и соотношения.

2. *Границы человеческого понимания определены схемами его разума и не могут быть ни сужены, ни раздвинуты, но вечно и необходимо должны оставаться неизменными.* Это потому, что в разуме, как одной из потенций понимания, образуются только те познания, которые имеют в нем соответствующую себе схему. Всякое же познание, не имеющее такой схемы, не может возникнуть, так как для него недостает необходимой потенции, подобно тому как растение не может возникнуть без семени, хотя бы и было собрано все вещество, необходимое для его образования. Самые же схемы не исчезают и не возникают, не уничтожаются и не создаются. Поэтому и границы познания, ими обусловленные, никогда не могут ни сузиться, ни расшириться.

3. Точно ли совпадает мир идеальный (мир познания) с миром реальным, зависит от того, совпадает ли точно система схем разума с системой сторон мира.

При этом может быть три случая: полное совпадение, недостаток и излишек; каждый из них должен различно отразиться на отношении познающего разума к познаваемому миру.

4. Возможно, что схемы разума точно, без недостатка и без избытка, соответствуют сторонам мира; тогда понимание человеческое может стать, рано или поздно, всепониманием; мир может быть разгадан вполне, без остатка и истинно.

5. Возможно, что в мире вещей существуют стороны, не имеющие в разуме соответствующих им схем понимания; тогда познание человеческое должно вечно и необходимо оставаться ограниченным. Разум никогда не может ни узнать чего-либо об этом бытии, ни понять совершенно бытие ему известное. Потому что последнее объяснение этого известного лежит в том, что никогда не может быть узнано.

6. Возможно, что разуму присущи некоторые схемы, не имеющие соответствующих им сторон в мире вещей. Тогда эти схемы, как чистые потенции, никогда не могут получить реального содержания, т.е. выразиться в ясных и точных идеях, и должны вечно наполнять разум призраками бытия, обманчивыми и неясными. От этих призраков бытия разум никогда не в состоянии будет освободиться, не имея силы ни уничтожить в себе эти схемы, ни создать вне себя вещи, которые могли бы предать реальность им, как потенциям.

Сущность этой возможной ограниченности и несомненной обусловленности человеческого познания необходимо хорошо усвоить, чтобы правильно установить свое отношение к науке — не требовать и не надеяться от нее более, чем сколько она может дать. Ошибочно было бы думать, что эта обусловленность и ограниченность состоит во временной неполноте и недостаточности знаний, которая будет восполнена и уничтожена с увеличением количества наблюдений, с усовершенствованием умозрительной силы в человеке, с открытием новых средств и новых орудий исследования природы. Ошибочно думать, что лежащее за границами познания есть виды того же бытия, кото-

рое лежит в границах его, что это продолжение того же мира вещей, который знаем мы, но только пока еще недостижимое и недоступное для человека — достижимое, но не достигнутое только им. В действительности эта обусловленность и ограниченность познания и глубже и серьезнее. Может лежать в мире нечто иррациональное, совершенно непостижимое, как бы бессмысленное; о чем нельзя ни подумать, ни сказать чего-нибудь; что немислимо и однако же существует; непредставимо и однако же реально. И это непостижимое — не новые виды уже знакомого бытия, но нечто не имеющее с ним ничего схожего и ничего общего, нечто не сравнимое с ним. Это и не вещи непостижимые, но это непостижимые стороны в вещах, которые другими сторонами своего бытия хорошо известны нам. И причина этой непостижимости лежит не в ограниченности наших чувств, но в самом строении разума и в несоответствии этого строения со строением мира. И так как человек не в состоянии изменить ни строения мира — приведя его в соответствие со своим разумом, ни строения разума — приведя его в соответствие с миром, то и возможная ограниченность познания не есть временная неполнота его, но нечто необходимое и вечное.

В общем процессе понимания раскрывается только общее и основное строение разума. В науке, как в бесконечно углубленном и разветвленном понимании, раскроется разум во всей своей бесконечной сложности.

КНИГА II

СТРОЕНИЕ НАУКИ

Глава I

УЧЕНИЕ О ПОЗНАЮЩЕМ И ЕГО ФОРМЫ

I. Предварительные замечания. Невозможность сообщить правильное строение науке как «совокупности человеческих знаний» и неспособность ее к последовательному развитию как следствие отсутствия этой правильности в строении. Способность к этой правильности строения и последовательности развития науки как понимания. — II. Три основные формы понимания: учение о познающем, учение о познавании и учение о познаваемом. Естественность и всеобъемлемость этого деления. Порядок этих учений соответствует порядку возникновения науки и всякого изменения в ней. — III. Учение о познающем и его внутренний состав. О форме существования разума; вопросы, на которые предстоит ответить этому учению, и возможные способы разрешить их. Учение о сущности разума; два вопроса, к которым сводится это учение, и пути разрешения их. Учение о свойствах разума; положительное и отрицательное определение их; явления в разуме, не составляющие процессов познавания. Учение о происхождении разума; различие его от учения о происхождении идей. Учение о назначении разума; реальное как цель потенциального. Учение о сходстве и различии разума; определение отношения разума к идеям, возникающим внутри его, и к вещам, лежащим вне его, как двойная задача этого учения. Учение о числе разума; определение отношения единичного разума ко всеобщему как содержание этого учения.

I. Как «совокупность человеческих знаний» наука не имеет ни определенных очертаний извне, ни правильного строения внутри и не может поэтому органически развиваться, но только механически увеличивается в объеме содержания. Причем ни те знания, к которым

прибавляются новые, не совершенствуются от этих последних, ни эти новые не освещаются светом старых. Не различимы в такой науке ни границы исследования, где бы мог найти успокоение разум, ни последние цели познания, влекущие к себе мысль, ни пути к выходу из лабиринта сомнений.

Нет при таком взгляде на науку цельного познания, нет науки как цельного воззрения человека на мир и на себя. Есть только отдельные науки — не разветвления целого, но группы знаний о группах однородных предметов и явлений. Вот почему они не располагаются сами в известном соотношении друг к другу, следуя своей естественной связи; но могут быть только подвергнуты, и то с трудом, искусственной классификации.

Как понимание — наука есть стройное целое, все части которого гармонически соединены между собою, и в своем естественном и необходимом развитии стремятся к некоторым определенным и законченным формам. Это внутреннее строение науки вытекает из самой сущности ее как понимания; и по мере того, как разум будет раскрывать содержание этого термина, перед ним раскроются формы ее архитектоники.

И так велика эта стройность цельной науки, так глубоко отдельные формы ее вытекают из одной общей сущности, что ранее, чем возникли они, можно умственно проследить их до последних границ и видеть взаимную связь отдаленнейших из них. Для мысленного взора, проникающего в эту сущность, по-видимому, простую, всю сжатую в одном слове, вдруг раскрывается целый мир познания. И так широки пределы этого мира, что, только подробно и внимательно рассматривая все его части, можно заметить среди его отдельные и далеко разбросанные точки — науки, уже существующие. То безграничное, что окружает их, как море окружает свои капли, открывает для разума необъятную, еще не испытанную область бытия и бесчисленные, еще ничем не наполненные формы науки.

И так велика эта цельность науки как понимания, что, безгранично расширившись, она сливается в единое и нераздельное, в котором можно рассмотреть его внутреннее строение, но в котором нет никаких частей, настолько выделяющихся из общего, чтобы им можно было дать свои имена как отдельным самостоятельным наукам. Это не ряд обособленных органов, сое-

диненных между собою внешнею связью, но это один орган человеческого разума, который ветвится и разрастается по мере того, как разрастается жизнь в самом разуме.

Рассмотрим внутреннее строение этого органа и проследим эти нити, на которые ветвится он. И то и другое раскроет перед нами анализ термина «понимание», в котором скрыта вся сущность и все содержимое науки. Только в немногих и не в существенных местах мы будем перерывать анализ этого термина и обращаться к миру реальных предметов и явлений; все же основное и существенное здесь, как и ранее, будет извлечено из той простой и несомненной истины, которую мы установили выше, как первоначальную в понимании.

II. Понимание как целое слагается из трех начал: познающего, познавания и познаваемого; и, следовательно, наука как понимание распадается на *три* первичные и основные формы: на *Учение о познающем*, на *Учение о познавании* и на *Учение о познаваемом*. Первое стремится уразуметь то, что познает, второе — как познает, третье — что познается.

На эти три формы распадается наука естественно, как на свои первичные элементы. И действительно, ни соединить которые-нибудь из них в одно мы не можем, потому что они совершенно разнородны; ни, разделив который-нибудь из них, не можем поставить его части рядом с остающимися элементами, потому что тогда они не будут равнозначащи по общности; ни придумать что-либо четвертое к ним — потому что его не существует.

И, слагаясь из этих элементов, наука становится *всеобъемлющей*; потому что мы чувствуем и сознаем, что не только все знания существующие входят в это деление, так что не ускользает ни даже малейшее из них, — но что и в будущем, темном и бесконечном, человек никогда не в силах будет создать что-либо, что бы смогло переступить за эти грани и для чего бы потребовалось придать еще что-либо к этому делению. Вне познающего, познавания и познаваемого нет предметов для понимания; все могущее быть понятым обнимается ими.

И хотя форм этих три, однако они не суть части, на которые разделяется целое и которые имеют свое са-

мостоятельное и отдельное значение (подобно существующим наукам); так как ни без познающего нет познавания и познаваемого, ни без познаваемого — познающего и познавания, ни без познавания — их обоих. Все три формы как бы входят одна в другую и составляют неразъединимое целое.

В порядке следования друг за другом формы эти расположены таким образом, что порядок этот не только выражает преемственно возникающее и развивающееся в истории знание, но и указывает естественный и необходимый путь, которого человек должен держаться в стремлении открыть истину. Так как не только в начальном происхождении науки разум является ранее познавания и создает его, а познавание — ранее самого познания и обуславливает его; но и всякое последующее изменение в науке происходит таким образом, что сперва изменяется, совершенствуясь или ухудшаясь, познающее, затем, повинувшись и следуя за ним, изменяется познавание и наконец уже последним — само познание. И этот ряд преемственных обусловленностей показывает также, что для приобретения познания глубокого и твердого человек должен предварительно исследовать самый орган познающий, затем изучить законы его деятельности и способы владеть им, чтобы затем перейти уже к лежащему вне его познаваемому.

Все эти свойства и достоинства в указанном делении познания являются потому, что деление это разум не устанавливает в нем, но только усматривает.

Перейдем к анализу каждой из этих трех первичных форм, следуя порядку их естественного расположения.

III. *Учение о познающем*, согласно с этим порядком, должно быть положено в основание всех учений, содержащихся в науке. В чем состоит оно? Ответ на это уже дан в самом названии науки: не узнать что-либо о разуме — хотя бы истинное и важное — должна она, но *понять* его; понимание же есть познание понимаемого во всех проявлениях бытия его через образование о нем идей, соответствующих всем схемам разума; откуда прямо следует, что учение о разуме распадается на следующие составные формы, вторичные по отношению к первой из трех основных форм науки: на *Учение о существовании разума*, на *Учение о сущности разума*, на *Учение об его свойствах*, на *Учение о его*

происхождении и назначении, на Учение о его сходстве и различии с лежащим вне его и на Учение о его числе.

Вот система знаний о разуме, которые необходимы для того, чтобы стать пониманием и занять место в науке. И уже одно перечисление этих знаний ясно обнаруживает, что хотя изучение познающего начала в человеке и продолжается два тысячелетия и хотя об нем узнано действительно и многое, и важное, однако все эти познания таковы, что не могут дать несомненного и полного ответа ни на один из вопросов ищущей понимания мысли.

Учение о существовании разума должно определить форму этого существования, т.е. найти, реально или потенциально оно, временно или вечно, прерывающееся или непрерывное, изменяющееся или неизменное. Не на многие из этих вопросов, думается, можно найти ответ путем прямых изысканий; но найти их разрешение можно путем исследований косвенных, посредствующих. Нужно, во-первых, ясно определить, в чем состоит существование и что такое несуществование, и чем необходимо и неизменно сопровождается первое; затем найти этот признак в разуме и проследить его как в развитии последнего, так и в моменты его видимого возникновения и исчезновения, чтобы узнать, действительно ли он появляется и исчезает в эти моменты или только обнаруживается и скрывается. Можно также воспользоваться для определения формы существования разума познанием сущности его, выведя умозрительно эту форму из этой сущности и затем только проверяя полученный вывод наблюдениями. Наконец, если невозможна положительная форма изысканий, если не допускает ни прямого изучения, ни какого-либо доказательства вопрос о его *положительном* существовании, то необходимого результата можно доискаться путем *отрицательного* изучения и *отрицательных* доказательств: положение может быть достигнуто через отрицание, знание о действительной форме существования — через знание о невозможном виде его. Так, разум существует потенциально, если он не может существовать реально; существует вечно, если по природе своей есть нечто не возникающее и не исчезающее; непрерывно, если бытие его никак не может быть прервано; неизменно, если не может быть изменено, — и наоборот. Есть еще одно

средство познать предмет, когда он сам по себе совершенно недоступен познанию: можно изучить его, изучая не его самого, но то, что вокруг него. Так, напр., в данном случае можно узнать, существует или не существует разум потенциально, вечно, непрерывно и неизменно, узнав, что ничто из соприкасающегося с ним не может ни произвести или уничтожить его, ни прервать или возобновить его существование, ни изменить последнее — или вследствие своей разнородности с разумом, или вследствие отсутствия причинной связи с ним, или не всегда совпадающего существования.

В учении о сущности разума должны быть разрешены два вопроса: во-первых, из чего он, и, во-вторых, каково его строение. Первый вопрос может быть разрешен путем косвенного отрицательного изучения. Именно — сознавая, что в существующем все по своему составу или вещественно, или невещественно, а из последнего все или идеально, или предыдеально (более абстрактно и неиндивидуально, чем идеи), затем, отыскав признаки и проявления каждого из этих видов бытия, можно найти, которыми признаками *не обладает* разум, и через это определить, к какой области бытия следует отнести его. Второй вопрос — о строении разума — разрешается через изучение форм возникающего в нем (мышления и идей) и через выделение в них всего того, что относится собственно к самому возникающему. Остающееся выразит в себе строение разума.

В учении о свойствах разума следует определить его признаки положительно (напр., жизненность), и отрицательно (напр., непротяженность). Далее здесь же должны быть познаны те из явлений, совершающихся в нем, которые не представляют собою правильных процессов, оканчивающихся открытием истины (т.е. все явления разума, кроме явлений познавания). Сюда относятся различные состояния разума: сомнение, созерцание, пытливость и другие.

Учение о причине разума или его происхождении не следует смешивать с учением о происхождении идей, которые только образуются в разуме и пребывают в нем, но не суть разум. Познание происхождения разума может быть достигнуто через установленное ранее учение о сущности его в связи последнего с той аксиомой, что все происходящее происходит из однородного по природе, что́ разнится от происходящего

только в несущественном — в том, что относится не к двум первым сторонам бытия, соответствующим центру схем понимания и первой схеме. Когда этим путем будет определено умозрительно существование, сущность и важнейшие свойства неизвестной причины, от которой происходит познающее в нас начало, тогда может быть отыскано в существующем и то, к чему может быть отнесено выведенное определение через выделение того, что не подходит под него; т.е. найдена, указана и названа причина разума.

Назначение разума познается также умозрительно через рассмотрение его природы, строения и существенных свойств, в особенности внутреннего направления одного из них — его жизненности. Потенциальность разума может облегчить открытие этого назначения. Очевидно, цель всего неосуществленного — осуществиться, цель всего потенциального — стать реальным; и следовательно, цель разума как потенции разумения — стать самым разумением, превратиться в законченное и истинное понимание всего доступного пониманию.

В учении о сходстве и различии разума определяется его отношение к идеям, возникающим в нем, и к миру реальному, лежащему вне его. Это достигается сопоставлением познанных ранее атрибутов и сущности разума с сущностью и атрибутами как идей, так и объектов их, и через отделение несовпадающего при этом сопоставлении от совпадающего.

В учении о числе разума определяется отношение единичного разума, лежащего в природе каждого отдельного человека, к разуму всеобщему, которым одарены все люди.

Вот частные формы учения о разуме. Немногое в некоторых из них может быть наполнено знаниями, уже созданными философией духа. С восполнением недостающего — этот труд предстоит будущему — исчерпано будет все, что когда-либо может быть узнано и сказано о разуме.

Глава II

УЧЕНИЕ О ПОЗНАВАНИИ И ЕГО ФОРМЫ: ОБ ИССЛЕДОВАНИИ

I. Учение о познании и его положение в науке. Оно естественно следует за учением о познающем и необходимо должно предшествовать учению о познаваемом. Распадение его на учение об исследовании и на учение об изыскании. Определение первого и второго. — II. Два объекта исследования — сознаваемое и совершаемое. Причина безуспешности производившихся до сих пор исследований. Три основные начала всеобщего исследования. — III. Критериум способа как общий для всего сознаваемого; его преимущества перед обычными критериями мнений и знаний. Критериум соответствия как общий для всего совершаемого. Необходимость при нем частных критериумов для отдельных областей жизни. Общее правило для нахождения этих частных критериумов. Объяснение приложения этого правила на примере образования. — IV. Необходимость для исследования теории целей и средств и теории причинной связи в мире человеческом.

I. *Учение о познании* есть учение о деятельности разума, в которой выражается и раскрывается его природа; или, что то же, учение о процессах, происходящих в нем, которые оканчиваются появлением среднего и связующего между разумом и существующим вне его — *разумением существующего, или истиною.*

Оно является связью между учением о познающем и учением о познаваемом и составляет переход от одного к другому. Оно должно следовать за учением первым, потому что, только поняв разум, можно правильно и глубоко понять совершающееся в нем; и должно предшествовать учению о познаваемом, потому что, только научившись познавать, можно достигнуть самого познания.

Так как ранее, чем приступить сознательно к установлению правильного мировоззрения, человек уже

обладает многими бессознательно усвоенными взглядами, мнениями, верованиями; то и приобретению новых истинных понятий должно предшествовать испытание понятий уже приобретенных, чтобы или удержать их — проверив, или отвергнуть — если обнаружится их ложность. Это предварительное испытание есть как бы подготовка — разума к чисто творческой деятельности и сознания — к восприятию чистой истины.

Отсюда естественно и необходимо является распадение учения о познавании на следующие две формы, вторичные в нем: на *Учение об исследовании* и на *Учение об изыскании*. Под исследованием я разумею вторичное проверяющее познание чего-либо, уже ранее узнанного; под изысканием — первичное познание чего-либо неизвестного.

Эти две формы познавания, различаясь по задачам своим, различаются и по сферам, в которых вращаются они. Так как цель исследования — изменить исследуемое через открытие и уничтожение недостатков в нем, то ясно, что ему подлежит исключительно творчество человека как единственно могущее быть усовершенствованным; а изысканию — по преимуществу творчество природы, которое может только познаваться человеком, но не исправляться им.

II. Исследовать же можно, во-первых, познанное — истинно ли оно, и, во-вторых, совершенное — хорошо ли оно. Поэтому и самое учение об исследовании распадается на следующие две формы, третичные в учении о познавании: на *всеобщее исследование человеческих мнений* и на *всеобщее исследование человеческих дел*. Первое изучает сознаваемое, еще не перешедшее в жизнь; второе изучает жизнь, в которую обратилось некогда сознаваемое, так как в основе всего совершенного и совершаемого лежит правильное или ложное, ясное или смутное признание чего-либо истинным. Эти два учения обнимают собою всю область произвольной деятельности человека, могущей подлежать улучшающему изменению.

По-видимому, выполнить эти две задачи невозможно по неопределенной бесчисленности объектов изучения и по отсутствию общих и бесспорных начал, могущих послужить исходным основанием этого всеобщего исследования. И история как будто подтверждает эти

сомнения. И в самом деле, не бесконечны ли в ней оспаривания и защиты существующего в сознании и в жизни и не бесплодны ли они до настоящего времени, когда, по-видимому, ничего не осталось бесспорным? Пусть многое обличено и отвергнуто в ней, но можно ли успокоиться, что отвергнутое уже никогда не встанет, и не свидетельствует ли все, что на месте одного уничтоженного зла или заблуждения тотчас появляется другое, часто худшее и грубейшее? Где возможность избавиться от этого вечно возникающего зла и заблуждения, где средство предвидеть его и подготовиться к нему? И не породила ли критика более зла, чем добра; и более заблуждения, чем истины — разделив непримиримую враждою людей и вызвав к жизни все ослепляющие страсти? Так что не лучше ли перетерпеть неуничтожимое зло и заблуждение, чтобы в борьбе с ним не впасть в худшее?

Но не трудно при внимательном наблюдении заметить, что причина неуспешности производившихся исследований лежит не в том, против чего направлены были они, но в том, как они были направлены; не в неуничтожимости самого зла и самых заблуждений, но в неспособности уничтожить их теми средствами, с помощью которых боролись против них. Совершаясь вне руководящего плана, эти исследования никогда не могли дать полного и законченного изучения своих объектов; направляемые против отдельных воззрений и фактов, они уничтожали только отпрыски зла и заблуждений, но не корни их, из которых и выросло потом на место истребленного другое, с ним однородное по сущности, хотя по внешним признакам и отличное от него. Наконец, вследствие отсутствия одного определенного основания для всех отдельных исследований одни и те же факты и мнения по необходимости рассматривались с различных точек зрения и исследовались различными способами, что, естественно, порождало много гнева и мало истины.

Как и всегда, самое зло должно научить здесь, как бороться против него; из рассмотрения его природы можно извлечь способы уничтожить его. Эти способы, эти общие начала, которые должны лечь в основу всего исследования, суть следующие:

1. Исследование должно быть направлено не против частных заблуждений и не против частного зла,

становящегося в данный момент нестерпимым — как это всегда бывало; но, временно оставляя в стороне все нестерпимое, оно должно вестись в систематическом порядке и должно быть доведено до конца. Для этого предварительно должен быть составлен общий обзор всего подлежащего исследованию, и оно должно быть приведено в систему через соответствующую классификацию. Только веденное в этом порядке исследование может не оставить чего-либо неизученным.

2. Систематически подвигаясь, исследование должно быть направляемо не на отдельные воззрения, возникшие в сознании, и не на отдельные факты, сложившиеся в истории и в жизни, но на те общие начала, на которых покоятся обширные группы воззрений и фактов; не на то, что дурно, но на то, из чего исходит дурное; не на самые заблуждения и зло, но на источники заблуждения и зла. Веденное таким образом исследование, во-первых, может быть выполнено до конца, потому что начал этих уже определенное и ограниченное количество, и утверждение или отрицание каждого из них или укрепляет, или уничтожает множество общих по происхождению мнений и фактов; а во-вторых, уничтожая ложные начала, оно уничтожает самую возможность возникновения в будущем чего-либо однородного с исчезнувшим.

3. Оно должно совершаться через приложение к исследуемому некоторых критериев, и в открытии их — первая и основная задача всего исследования. Эти критерии должны обладать *общностью* настолько великою, чтобы все исследуемое могло обняться ими и вне их невозможны были бы никакие другие критерии и с ними — другие способы исследования и другие точки воззрения на исследуемое; далее — *истинностью* настолько очевидною, что она не допускала бы ни сомнения, ни возражения; и наконец, *простотою* столь ясною, что при ней невозможно было бы их непонимание или ошибка в их приложении.

III. Этих общих критериев, сводящих всякое отдельное исследование к процессу применения общего правила к единичному случаю, два: для исследования человеческих мнений или всего сознаваемого — *критериум способа* и для исследования человеческих дел или всего совершаемого — *критериум соответствия*. Под *критериумом способа* я разумею *всеобщий критериум*

сознаваемого человеком, заключающийся в положении, что из сознаваемого истинно то, что явилось как результат правильного изыскания, и сомнительно или ложно все, что произошло другим способом; и в вытекающем из этого положении указании, что исследование всякого отдельного мнения должно состоять не в изучении его самого, но того способа, которым оно было образовано, в сравнении этого способа с общими способами, устанавливаемыми в учении об изыскании, и в признании мнения истинным, если эти способы совпадают, ложным, если они разнятся, сомнительным, если способ образования неизвестен и не может быть подвергнут исследованию.

Этот критерий включает в себе все достоинства, на которые было указано ранее как на необходимые:

1. Он обнимает собою все мнения и исчерпывает всю область сознания, так как всякое мнение возникает как-нибудь и все, появляющееся в сознании, появляется через какой-нибудь процесс или способ.

2. Он несомненен, потому что возникающее в сознании, будучи всецело произведением познавательного процесса, исключительно обусловлено в своем достоинстве его правильностью.

3. Он прост, потому что весь процесс исследования — при обыкновенных условиях не кончающийся иногда и вековыми спорами — сводит к простому открытию способа, которым исследуемое было образовано. Таким образом, все защиты или оспаривания, основанные на вреде или пользе сомнительного, на его новизне или давности, на авторитетности или неавторитетности, обычности или странности, всеобщем признании или всеобщей отчужденности, привлекательности или антипатичности, очевидности для всех или неочевидности, на совпадении с некоторыми фактами или противоречии с ними, на сходстве с некоторыми умозрениями или различии от них, на способности что-либо хорошо объяснить или неспособности к этому и т.д., и т.д., и т.д., все эти оспаривания и защиты, состоящие в последнем анализе из сопоставлений сомнительного с чем-либо обыкновенно так же сомнительным или из рассмотрения его свойств, — падают как не основанные ни на природе познания, ни на природе исследования.

Заметим, что все эти ложные способы исследования, столь употребительные в науке, в литературе

и в жизни, не будучи в состоянии привести к чему-либо положительному (по своей неопределенности и неясности), таковы по своей сущности, что необходимо разрешают один спор в бесчисленное множество других споров. И в самом деле, когда исследование основывается на рассмотрении самых мнений исследуемых и свойств их, то оно делает орудием своим скрытые чувства симпатии или антипатии к мнению; а чувства эти столь же различны у людей, как различны сами люди, и по самой природе своей не допускают ни опровержения, ни доказательства, потому что выходят из пределов разума и относятся к области чувствований, о которых нельзя утверждать ни того, что они истинны, ни того, что они ложны. А когда оно основывается на сопоставлении исследуемого с чем-либо, то эти предметы, с которыми сопоставляется оно, делаются в свою очередь предметом исследования как нечто также сомнительное и т.д. Это производит то известное явление, что спорящие стороны обыкновенно удаляются от предмета спора. Здесь начало удаляющее и есть именно ложные способы исследования, вводящие как орудие доказательства новые предметы в спор, для исследования которых в свою очередь вводятся еще другие предметы, и т.д. до бесконечности. Все исследования первого рода, как недопускающие доказательства, не приводят ни к чему; и как основанные на чувстве — производят раздражение, когда касаются незначительного, и вражду — когда касаются важного. Исследования же второго рода уводят исследующих в бесконечность неисследимых единичных предметов и явлений и, достаточно утомив спорящих и также ни к чему не приведя, оставляются. Ничего подобного не может произойти при введении критериума способа: здесь защищающая сторона или в состоянии изложить способ, каким возникло исследуемое мнение, или не в состоянии; в первом случае происходит простое сопоставление изложенного с излагаемым в науке об нахождении истины, ясным и несомненным, для всех сторон одинаковым; во втором — защищаемое мнение признается ни на чем не основанным и перестает быть истиной. В обоих случаях спор или разрешается, или прекращается быстро.

Под критериумом соответствия я разумею всеобщий критериум совершаемого человеком, заключающий-

ся в положении, что все совершаемое должно быть совершаемо для чего-нибудь и в вытекающем отсюда указании, что для исследования каждого отдельного поступка человека или факта жизни необходимо найти цель, ради которой он совершается или существует, и исследовать — соответствует ли это совершаемое и существующее этой цели, т.е. находятся ли они в причинной связи между собою.

Этот критерий также содержит в себе все условия, необходимость которых была ранее указана:

1. Это есть критерий *всеобщий* для совершаемого, потому что ничто из последнего не делается бессознательно, а сущность сознательности в области действия и заключается в целесообразности. Здесь следует только заметить, что в некоторых сферах человеческого творчества цель совершаемого совпадает с причиною: совершается нечто, *чтобы* выразить что-либо, или *потому*, что нечто требует своего выражения (напр., поется с целью выразить некоторое чувство или потому, что некоторое чувство требует своего выражения).

Вне этого критерия не может быть никаких других, или, что то же, он обнимает собою, как общее обнимает свои частные проявления, все критерии существующие или могущие быть придуманными. И в самом деле, какой бы критерий мы ни взяли или ни придумали — нравственное, прекрасное, полезное, справедливое, — всегда он будет состоять в определении стремления к этому как к *цели*, т.е. всегда будет критерием соответствия в его единичном проявлении.

2. Это есть критерий *несомненный* и неоспоримый; потому что ясно, что совершающееся для чего-нибудь заимствует свое достоинство от того, достигает ли оно того, для чего совершается.

3. Это есть критерий *простой* для совершаемого и возможно менее сложный для существующего.

Из самой сущности критерия соответствия вытекает, что при исследовании отдельных сфер человеческой деятельности и отдельных областей его жизни необходимо построение отдельных критериев, приложимых к этим отдельным областям исследуемого (этого свойства нет в критерии способа). Эти критерии будут частным выражением общего критерия соответствия, как и самое исследуемое будет частным проявлением совершаемого.

Вот общее правило для нахождения этих критериев и для исследования с помощью их: *исследуемое частное подвергается определению, выражающему постоянное понятие того, чего временное проявление составляет это исследуемое; затем из этого определения выводится определение цели постоянного через подставление вместо имени его — имени цели и через изменение логического сказуемого первого определения из формы существительной в форму глагольную. Полученное определение цели разлагается на свои слагающие понятия, которые выражаются в ряде определений; затем существующее исследуемое разлагается на свои слагающие явления и факты, выражающиеся также в ряде предложений, не определяющих, но формулирующих подлежащее исследованию; полученные члены двух рядов сравниваются, и если они тождественны, то, значит, исследуемое соответствует своему назначению, если разнятся — не соответствует ему и должно быть изменено по указаниям членов первого ряда разложения.* Объясним приложение этого правила на следующем примере. Пусть, напр., требуется произвести исследование образования в данной стране в данное время. Исходным основанием его будет определение образования вообще как жизненного и исторического явления, без отношения его к данному времени и месту. Выражая собою самую сущность образующего процесса, это определение сложится в следующую форму: «Образование есть усовершенствование духовной природы человека и подготовка к жизни людей, способных понимать ее и правильно относиться к ней». Оно правильно, потому что сущность образования действительно состоит в том, чтобы изменять улучшая, чтобы преобразовывать что-либо в высшие и лучшие формы. На некоторых ступенях исторического и общественного развития становятся недостаточны способности и силы человека в их естественном состоянии и естественном развитии, и отсюда является стремление *искусственно* увеличить их и искусственно продолжить далее их развитие. Орудием этого улучшения являются системы образования, которые все, как бы они ни видоизменялись, бессознательно или сознательно, правильно или нет, преследуют эту цель и вытекают из этой причины. Получив определение образования, выводим из него, по указанному прави-

лу, определение его цели: «Цель образования есть усовершенствовать духовную природу человека и подготовить к жизни людей, способных понимать ее и правильно относиться к ней». Разлагаем далее, по правилу, это определение на слагающие понятия и даем их определения: 1) «цель» есть нечто существующее для себя и для чего существует нечто другое, в самом себе не имеющее значения; 2) «усовершенствование» есть улучшение природы и свойств совершенствуемого сообразно с их естественным назначением; 3) «духовная природа» есть совокупность естественных психических способностей человека — разума с его свойствами: обширностью, глубиной и правильностью, чувства с его свойствами: живостью, чистотою и силою; и, наконец, воли как способности сохранять свой внутренний мир от неправильных влияний внешнего мира и преобразовывать этот последний сообразно с первым и т.д. (анализ должен быть доведен до последних элементов); 4) «способность понимать жизнь» есть способность воспринимать в себя все формы человеческого творчества, из которых слагается жизнь, разумея одни из них и чувствуя другие; 5) «правильно относиться к жизни» — значит уметь оценивать эти воспринимаемые формы сообразно с идеалом лучшего и улучшать их в твердом стремлении к этому идеалу. Когда этот анализ доведен до конца и выражен в ряде истинных определений, переходим к анализу сложившегося существующего и разлагаем его в ряд точно соответствующих действительности предложений. Эти предложения должны выразить всю совокупность *отдельных, неразложимых* далее, *образующих процессов*, из которых слагается исследуемое образование, и совокупность *всех изменений* в природе человека, какие производятся этими процессами. Когда получатся таким образом эти два ряда, простое сравнение их определит достоинство исследуемого.

IV. В учении об исследовании как в первой форме познания должна быть дана полная, подробно и отчетливо разработанная, теория умственных процессов и приемов изучения, с помощью которых определяются достоинства вещей и мнений. Воспользоваться же этою теорией и произвести самое исследование обеих областей, сознаваемого и совершаемого, возможно, только опираясь еще на два учения — на учение о це-

лях и средствах и на учение о причинном сцеплении между явлениями человеческой жизни. Оба этих учения относятся к другой области науки и будут рассмотрены ниже. С помощью их возможно будет определить *достоинство* и *самых целей*, ставимых в жизни, через определение их соответствия или несоответствия с некоторою высшею и общею целью всего совершаемого человеком; и *достоинство* употребляемых им *средств* через определение в них присутствия или отсутствия причинной связи с целями (соответствия или несоответствия целям своим).

Глава III

УЧЕНИЕ О ПОЗНАВАНИИ И ЕГО ФОРМЫ: О МЫШЛЕНИИ

I. Учение об изыскании и его формы: учение о мышлении и учение о сочетаниях элементов мышления. — II. Мышление как движение идей; состав учения об идеях. — III. Об идее в сторонах ее существования; трудность определить форму существования идей; их видимое появление и исчезновение и постоянство их содержания и формы; природа идей и отличие ее от природы разума и реальных предметов; свойства идей, преломляемость некоторых из них; происхождение и назначение идей; типы и число их. — IV. О раскрытии идей; форма раскрывающего процесса; сила, движущая раскрытием; законы раскрытия; конечные формы раскрывающихся идей. — V. О разложении идей на термины; об определении терминов. Понятие об определении; три рода и девять видов определений; значение определений для науки. — VI. Учение о сочетаемости и сочетаниях идей. — VII. Учение о системе идей.

I. Учение об изыскании распадается на три формы: на учение о мышлении; на учение о комбинациях элементов мышления, дающих в результате истинное познание лежащего вне мышления и на учение о комбинациях элементов мышления, дающих в результате истинное разрешение затруднений, возникающих в самом мышлении.

Учение о мышлении должно быть положено в основу общего учения о познании, потому что всякое познание состоит в мышлении и всякая истина есть результат его. Все разнообразные способы изучения, даже те из них, которые, по-видимому, сводятся к одному наблюдению и описанию, при внимательном рассмотрении разложатся на комбинации мыслительных процессов: последние всегда *побуждают* к изучению через постановку вопросов, на которые бы это изуче-

ние отвечало; всегда *направляют* изучение через открытие способов изучения; всегда *делают* из этого изучения *заклучения*. Это наименьшее, что относится к чистому мышлению во всяких познавательных процессах. И если порою эти мыслительные элементы остаются незаметными, то это не потому, что их нет, но потому, что сознание человека, обращенное в моменты изучения на внешнее, как бы теряет на время из виду происходящее внутри его самого.

II. Самое же учение о мышлении есть учение об идеях; потому что мышление есть движение идей, как в низших формах их — в представлениях и понятиях, так и в высших — собственно в идеях. Оно распадается на следующие формы, четверичные в учении о познании: на учение об идее вообще, на учение о жизни идей, или о процессе их внутреннего раскрытия, на учение о сочетаемости идей и о формах их сочетаний и, наконец, на учение о системе идей.

Первое из этих учений рассматривает идею как предмет или явление без всякого отношения к познавательному характеру ее, вне всякой цели приобрести какое-нибудь знание из нее или через нее, но только об ней самой. Она изучается в этой форме науки подобно тому, как изучаются предметы и явления природы в других формах ее. Подчиняясь общему закону всего изучаемого, и идея, становясь предметом полного понимания, дает начало следующим ветвям его: учению о существовании идеи, учению о сущности идеи, учению о свойствах ее, учениям о ее происхождении и назначении, учению о сходстве и различии в идеях и учению о числе их.

III. Учение о *существовании идей* должно определить форму этого существования. В отличие от разума, потенциальная сущность которого только с присоединением некоторых внешних условий переходит к реальному состоянию познания, идеи имеют всегда реальное существование, так как, во-первых, несомненно, что они существуют, а, во-вторых, также несомненно, что они не превращаются ни в какие другие формы бытия. Относительно вопросов, временно или вечно, непрерывно или прерываясь существуют они, следует сохранять большую осторожность, с одной стороны внимательно рассматривая процессы возникновения идей в отдельных, единичных умах, а с другой — изу-

чая идеи в истории, где некоторые из них, наиболее определенные, как бы живут из века в век в своем неизменно неподвижном состоянии, так что все усилия человека убить или изменить их в своем сознании постоянно оставались бесплодными. Таковы многие идеи, тяжелые для сознания, от которых, однако, человечество никогда не могло освободиться, — напр., идея, что при господстве в мире добра и зла необходимо признать существование двух первых и равносильных источников доброго и злого; или идея о несовместимости нравственной свободы и причинной необходимости в мире; или идея о том, что хорошая цель оправдывает употребление дурных средств, и многие другие. Таковы же по своей неизменной неподвижности все идеи геометрии. Если в сознании единичных умов мы и видим их возникающими, то самый характер этого возникновения таков, что нельзя, по-видимому, не признать их только обнаруживающимися через некоторые предварительные процессы в сознании: до такой степени последнее не в состоянии чего-либо прибавить своего к этим идеям и до того тождествен процесс их появления во всех единичных умах, у всех народов и во все времена. Раз мысль направлена на вопрос, связанный с какою-либо из этих идей, в ней неизменно и необходимо слагается она; и, сложившись в полном виде неизменно и необходимо, против воли сознающего ее, начинает свою жизнь, раскрываясь — всегда в одних и тех же формах — в бесчисленные, но строго определенные идеи низших порядков (следствия). Ничего подобного не замечается в процессах образования обыкновенных, единичных знаний, столь разнообразных, изменчивых и непостоянных. При образовании этих неизменяемых и неуничтожимых идей разум остается как бы пассивным: не он образует их, но они образуются в нем. Его произвол здесь ограничен. Он не может ни уничтожить, ни изменить эти идеи, ни воспротивиться их появлению, раз обратился мысленно к чему-либо, с ними связанному.

И однако, все-таки эти идеи проявляются в сознании. Пусть исчезнут все люди и с ними сознание их, где будут идеи эти, обнаруживающиеся в нем? В истории были эпохи, сумрачные для науки, когда ни у одного человека на земле не было и не могло остаться в разуме этих идей, так как исчезали самые представления

О том, чего касались они, — спрашивается, где в эти эпохи были эти идеи? Пусть при первом обращении мысли к вопросам, с ними связанным, эти идеи возникли в сознании во всей своей целостности, но между этими моментами своего скрпания и обнаружения — где и как существовали они? или их существование было прерываемо? Хотя, правда, все отношения геометрические, напр., существовали даже и тогда, когда люди не подозревали их существования и не думали о них; а, следовательно, существовали, вне сознания только, и все истины об этих отношениях. Это трудные вопросы, требующие большой тонкости в анализе и большой осторожности в умозаключениях.

В учении *о сущности идеи* следует определить последнюю, не смешивая ее ни с сущностью разума, в котором образуются и пребывают они, ни с сущностью познаваемого, которое лежит вне их. От этого познаваемого идеи отличаются своею нематериальностью, от разума — своею определенностью: в области сознания человеческого идеи выделяются и формируются подобно тому, как в бесформенной минеральной массе выделяются и формируются кристаллы. По своей незаменимости, неуничтожаемости, неподвижности и неизменяемости в строении идеи представляют собою для разума, когда-либо испытывавшего их формирование в себе, нечто в одно и то же время и идеальное и реальное; идеи — это тела, по своей сущности духовные, по своей замкнутой определенности ясно *ощутимые* для наблюдающего сознания, в котором они движутся, и в этом движении вытесняют все, что препятствует их развитию. Достаточно припомнить временность, изменяемость и подвижность чувств, чтобы понять, что идеи не представляют собою только *состояния* сознания, но суть некоторые самостоятельные существа, пребывающие в нем.

В учении *о свойствах идей* должны быть раскрыты: жизненность их, обнаруживающаяся в развитии своего внутреннего содержания; их неподвижность и неизменяемость, раз это развитие совершилось; их всеобщность; соответствие их с вещами внешнего мира; преломляемость некоторых из них. Последнее, очень загадочное свойство, состоит в том, что последние формы, в которые раскрывается такая идея, отрицают начало, из которого развились они; что окончательные истины,

логически вытекающие из положения, взятого за основание, представляют собою противоположение, отрицающее свое основание. Это свойство некоторых идей самоуничтожаться в своем развитии, как бы *преломляясь* на своем пути, возвращаясь к своему началу и уничтожая его, можно, например, проследить на идее счастья, как идее верховного начала человеческой жизни. В своем логическом развитии она дает три параллельных ряда, из которых первый состоит в раскрытии последовательного порядка чистых истин, третий — в указании порядка реальных явлений жизни, соответствующих членам первого ряда, а второй соединяет оба этих ряда, нося в себе элементы обоих их; это — ряд императивов, создаваемых сознанием человека и создающих явления жизни, вытекающих из первого ряда и объясняющих существование ряда третьего. Все эти три ряда в своем последовательном развитии как бы преломляются, и их последние члены отрицают собою первые — порожденное уничтожает породившее: истина, что счастье есть конечная цель человеческой жизни, в своем логическом развитии дает истину, что оно не есть эта цель; требование, что человек должен стремиться к нему, заканчивается указанием, что он не должен думать о нем; явление, что человек постоянно ищет счастья, заменяется фактом, что в этом искании он находит только страдание.

В учении *о происхождении идей* исследуются процессы обнаружения одних из них и происхождения — других. Здесь же изучаются процессы восходящего и нисходящего образования идей; т.е. из низших и частных идей происхождение идей высших и более общих, и обратно — из идей высших порядков происхождение идей порядков низших.

В учении *о назначении идей* изучается цель их существования; т.е. исследуется, во-первых, их отношение к существованию внешних вещей, во-вторых, их значение для познания и, в-третьих, их роль в истории.

В учении *о сходстве и различии идей* рассматривается их сходство и различие внешнее и внутреннее. Изучая первое, следует определить точки соприкосновения и различия между идеями и разумом и между идеями и миром реальных вещей. С первым сходство их состоит в одинаковости состава, а различие — в неодинаковости формы; со вторыми же они сходятся в форме

и различаются в составе. Изучая второе — внутреннее сходство и различие, — следует определить типы идей, выделив родственные из них по своему характеру и соединив их в отдельные группы. Здесь же должны быть указаны и изучены всесторонне наиболее типичные идеи для каждой из таких групп.

Наконец, в учении *о числе идей* следует определить, существует ли их неограниченное множество, или они численно ограничены.

IV. Учение о жизни идеи есть учение о процессе внутреннего самораскрытия идей. Свойственный всем им, процесс этот с особенной ясностью может быть наблюдаем на идеях обширного и отвлеченного значения: таковы — идея добра, идея истинного, или даже и более частные — идея государства, идея права. Всякая такая идея, если ничто внешнее не препятствует ей (если в разум, сознавший ее, ничто внешнее не привходит, не рассеивает и не отвлекает его), раскрывается в целый мир нисходящих идей, с постепенно утрачивающейся абстрактностью и увеличивающейся конкретностью. Весь такой процесс, медленный и правильный, происходит в идеях по некоторой внутренней необходимости, обусловленной самою природою их, и совершается в формах, предустановленных в каждой отдельной идее. Самое раскрытие состоит в последовательном ряде разложений общего на частное, в выделении из идеи отвлеченного характера идей характера более конкретного; до тех пор, пока последние выделившиеся ростки ее не сольются с представлениями, образующимися в сознании от впечатлений единичных объектов внешнего мира.

Всматриваясь внимательно в этот процесс, мы можем различить в нем, во-первых, то, *что раскрывается*, или самую идею; во-вторых, то, *как раскрывается*, или самый процесс; в-третьих, то, *почему раскрывается*, или причину и законы процесса; и, в-четвертых, то, *во что раскрывается*, или конечные формы его. По этим началам, входящим в процесс и образующим его, учение о жизни идеи распадается на следующие формы, пятнадцатичные в учении о познании: на учение о формах раскрывающего процесса; на учение о начале, или о силе, движущей идею в ее раскрытии; на учение о законах раскрытия идей; и, наконец, на учение о конечных формах, в которые раскрываются идеи.

Раскрывающий процесс, как уже сказано выше, складывается из повторяющихся процессов *внутреннего распада* идеи высшего порядка на группу идей порядка низшего, причем эти низшие идеи являются *заключенными* в идее высшей; далее в распадении, также внутреннем, каждой из этих низших идей опять на группу идей еще более низших, из которых каждая снова и снова внутренне распадается — до тех пор, пока последние идеи не станут однозначными с представлениями о предметах и явлениях внешнего реального мира. Таким образом, единичные вещи, из которых состоит космос, являются внутренним содержанием самых низших форм идей, как бы реальным ядром, заключенным в идеальной оболочке; несколько таких низших идей и с ними реальных предметов внутренне входят в идею следующего высшего порядка; несколько идей этого порядка входят в идею порядка еще более высшего и т.д. до идеи высшей, какая может быть мыслима, — до идеи всего сущего. Поэтому процесс этот представляется различно с двух противоположных концов своих: если перенестись мысленно к высшей, начальной точке его, то он представится процессом постепенного высвобождения мира реального из мира идей, исходящего из одной высшей идеи; а если стать мысленно у его низшей, конечной ступени, то он представится стремлением мира реального возвыситься через посредствующий мир восходящих идей до некоторой одной и высшей идеи. Как на примеры подобных процессов раскрытия можно указать на идею добра, внутренне распадающуюся на идею нравственного, прекрасного, полезного и т.д.; или на идею понимания, внутреннее самораскрытие которой излагается в настоящем учении о строении науки.

Сила, движущая процесс раскрытия, или, что то же, его причина, может лежать или в источнике, из которого исходит движение, т.е. в высшей идее; или в том, что движет к себе процесс, т.е. в мире реальном; или в самых формах, через которые движется процесс. В строении этих форм может лежать нечто, что делает как бы неустойчивою каждую из них и заставляет ее немедленно после образования разлагаться в новые низшие формы.

Законы этого процесса суть постоянные и необходимые соотношения между элементами, из которых складывается он. Они могут относиться, во-первых, к со-

держимому отдельных его форм и, во-вторых, к самым формам его; и далее обнимать соотношения смежных элементов и элемента высшего с низшими.

Учение о конечных формах, в которые раскрывается процесс, должно изучить соотношение и зависимость между низшими идеями, получающимися в результате всего раскрытия, между однозначными с ними представлениями от предметов внешнего мира и между самыми вещами реальными.

V. Как в составной части общего учения об изыскании, здесь должны быть даны руководящие правила для раскрытия всякой данной идеи, или, что то же, должна быть построена теория анализа идей. Этот анализ сводится к двум процессам: 1) к *определению* идей и 2) к *разложению* определений. В чередующейся смене этих процессов первое и высшее место занимает определение разлагаемой идеи; затем следует разложение этого первого определения на составные понятия его, образующие собой первый ряд терминов; каждый из этих терминов снова подвергается определению; каждое из этих последних определений подвергается новому разложению и т.д. до конца. Так как процесс анализа начинается с определения и так как определение и разложение чередуются в этом процессе, то последним звеном его необходимо будет ряд терминов, а не определений; и весь анализ заканчивается тогда, когда полученный ряд терминов станет однозначным с именами реальных предметов или явлений. Напр., идея счастья как идея верховного начала человеческой жизни разлагается в своем определении на термины: «цель», «жизнь» и «счастье», из которых каждый может быть выражен в новом определении, а каждое из этих новых определений снова может быть разложено на свои термины и т.д. до единичных явлений жизни личной и общественной.

Самое разложение определений должно быть таково, чтобы в получаемых терминах не заключалось ничего, чего бы не было в разложенном; и чтобы в разлагаемом не оставалось ничего, что не вошло бы в термины. Таким образом, совокупность терминов должна вполне соответствовать определению и их ряд должен получаться путем простого отнятия связи в нем.

Далее, здесь же должна быть дана теория определений, этих важных элементов науки, в значительной

степени служащих и целью изучения, и исходной точкой его, и его орудием. И в самом деле, всякое изучение должно начинаться с определения изучаемого, еще, правда, несовершенного; потому что прежде чем приступить к изучению чего-либо, нужно ясно и отчетливо сознать, что именно подлежит изучению, т.е. выделить предмет его из ряда всех других предметов. Далее, в своем совершенном виде определение есть в значительной степени последняя цель науки; так как найти истинное и полное определение изучаемого нередко значит истинно и вполне понять его. Наконец, оно служит и орудием исследования; потому что всегда проводит ясную границу между известным (поддающимся определению) и неизвестным (не поддающимся ему) и, будучи способно давать из себя следствия, служит источником плодотворных выводов.

Определить что-либо — значит выделить в нашем сознании понятие о нем из ряда всех других понятий. Это делается через указание на признак, постоянный в определяемом и исключительно принадлежащий ему. Поэтому определение есть предложение, логическое подлежащее которого есть имя определяемого предмета, а логическое сказуемое — имя его постоянного и исключительного признака; где под предметом и признаком разумеется вообще все могущее определяться и определять*.

Определений есть три рода и девять видов, по трем началам определяемым и по трем началам определяющим, или, что то же, по трем формам логических

* Но не указание *рода* и *вида*, к которому принадлежит определяемое, как это утверждают. И в самом деле, название вида всегда есть собственно указание видового признака, т.е. именно постоянного в определяемом и исключительного в нем; название же рода не имеет значения, что видно из того, что оно изменяется (напр., «человек есть *животное* разумное», «человек есть *существо* разумное» и т.д.). Факт же, что в определении всегда есть то, что иногда бывает именем рода, объясняется просто грамматической необходимостью: имя постоянного и исключительного признака всегда выражается в имени прилагательном, которое должно быть отнесено к чему-нибудь; в определении этою грамматическою опорой, не имеющею действительного значения, и служит так называемое имя рода, — что видно из того, что его можно совершенно выпустить, заменив местоимением *нечто*: «человек есть нечто разумное и нравственное».

подлежащих и по трем формам логических сказуемых в предложениях, выражающих собой определения: I-а) *субстантивно-субстанциальные*, где подлежащее есть имя предмета, а сказуемое содержит в себе раскрытие его природы (сущности), напр., «окружность есть замкнутая кривая, все точки которой находятся на равном расстоянии от некоторой точки, находящейся внутри ее и называемой центром»; I-б) *субстантивно-атрибутивные*, где подлежащее есть имя предмета, а сказуемое есть имя его постоянного и исключительного свойства (атрибута), напр., «человек есть существо ограничено разумное и ограничено нравственное»; I-с) *субстантивно-релятивные*, где подлежащее есть имя предмета, а сказуемое есть указание его постоянного и исключительного отношения к чему-либо, напр., «солнце есть тело, вокруг которого движется земной шар по эллипсису»; II-а) *атрибутивно-субстанциальные*, где подлежащее есть имя свойства, а сказуемое содержит раскрытие его сущности, напр., «цветность есть способность поглощать в себя одни из составных лучей света и отражать от себя другие»; II-б) *атрибутивно-атрибутивные*, где подлежащее есть имя свойства, а сказуемое есть имя его постоянного и исключительного признака, напр., «теплота есть нечто, расширяющее тела» или «параллельность линий есть свойство, препятствующее им встречаться при продолжении»; II-с) *атрибутивно-релятивные*, где подлежащее есть имя свойства, а сказуемое есть имя его постоянного отношения к чему-либо, напр., «теплота есть нечто, появляющееся в телах при их горении и испускаемое ими»; III-а) *релятивно-субстанциальные*, где подлежащее есть имя отношения, а сказуемое содержит раскрытие его сущности, напр., «причинность есть производимость»; III-б) *релятивно-атрибутивные*, где подлежащее есть имя отношения, а сказуемое есть имя его постоянного свойства, напр., «причинность есть такое соотношение между предметами и явлениями, при котором существование, изменение и исчезновение одного из них всегда ведет за собою существование, изменение и уничтожение другого»; III-с) *релятивно-релятивные*, где подлежащее есть имя отношения и сказуемое есть имя его постоянного и необходимого соотношения с чем-нибудь, напр.,

«сходство и различие есть такое соотношение между предметами явлениями, по которым мы распределяем их в группы».

Из этих девяти видов определений релятивные (те, в которых *сказуемое* есть имя отношения) обыкновенно служат исходною точкою изучения. Они не способны давать из себя никаких выводов и ничего совершенно не говорят о предмете, подлежащем изучению, но только отмечают его, указывают. Так, изучение электричества началось с выделяющего определения «электричество есть особенное свойство, замечаемое в янтаре при его трении», изучение света — с определения «свет есть то, что вместе с теплотою исходит из солнца и позволяет нам видеть предметъ» и пр. Атрибутивные определения (в которых *сказуемое* есть имя признака) заключают в себе уже некоторое определенное знание о предмете и появляются во все время изучения от его начала и до окончания; они уже способны давать из себя некоторые выводы. Субстантивные определения служат целью и венцом изучения. Раскрывая сущность изучаемого, они содержат уже в себе не знание только его, но и понимание. Выводы, которые способны они давать из себя, имеют и обратное значение, т.е. могут объяснять ранее узнанное, и прямое, т.е. могут открывать новые знания. Это различное значение определений, в связи с ролью их в развитии знания, позволяет в некотором смысле определить всю науку как последовательный переход разума человеческого от релятивных определений, в которых только сознается познаваемое, к определениям субстантивным, в которых оно понимается.

При раскрытии идей термины последних должны выражаться всегда в определениях субстантивных; потому что только эти последние захватывают сущность определяемого, которая не должна ускользать из раскрывающего процесса на всем протяжении его.

VI. Учение о сочетаемости и сочетаниях идей есть учение о соединении идей независимого происхождения в одно целое и об истинах, которые являются результатом этих сочетаний и не содержатся прямо ни в одной из сочетаемых идей. Здесь изучается всесторонне сущность и причина как сочетаемости одних идей, так и несочетаемости (несоединимости) других и подвергаются специальному исследованию все формы возможных сочетаний или, что то же, формы мышления.

Два учения — о раскрытии идей и о сочетаниях идей — исчерпывают собою общие процессы познания, и вне их нет путей для отыскания истины. Учения о комбинациях элементов мышления, о которых было упомянуто выше и будет подробнее сказано потом, суть только частные применения к двум различным объектам — сознанию и лежащему вне его — тех общих форм познания, которые излагаются в учениях о раскрытии и о сочетаниях идей.

VII. Учение *о системе идей* должно распределить все сознаваемое разумом предварительно в несколько идей не столь общего характера и потому без труда определяемых; а затем, путем внимательного изучения этих идей, — найти одну, которая обнимала бы их все, как целое обнимает свои части. Затем, ясно сознав эту идею, следует дать ей свободно раскрыться во всем своем содержании. Эта идея со своим раскрывшимся содержанием явится в форме целого мира идей, изучение которого и есть задача рассматриваемой формы науки.

Эта система должна быть всесторонне понята как в своем целом, т.е. в том, что относится до ее строения и расположения, так и в своих частях. Отдельные идеи, ее составляющие, должны быть подвергнуты тщательному и подробному специальному изучению в своей форме и содержании, в своих свойствах, происхождении, назначении и отличии от других идей.

Глава IV

УЧЕНИЕ О ПОЗНАВАНИИ И ЕГО ФОРМЫ: О МЕТОДАХ

I. Учение об изыскании через методы и его состав: о способах познавать лежащее вне мышления и о способах разрешать затруднения, возникающие в мышлении. Семь основных методов первого. — II. Методы познавать и доказывать существование; двойственная задача их: открытие существования и определение его формы; три рода способов открывать существование; как могут быть найдены способы определять форму существования. — III. Методы познавать и доказывать природу существующего; троякая задача этих методов; их важное значение для науки; общий характер и строение их. — IV. Методы познавать и доказывать свойства; что дается познанию этими методами; три рода этих методов: открытия и объяснения, понимания и открытия и объяснения сочетаний из свойств. — V. Методы познавать и доказывать причины. Необходимость внимательно рассмотреть их происхождение как единственно открытых в науке. Существует ли антагонизм между логикой Аристотеля и логикой Бэкона. Различие их задач и взаимная необходимость их друг для друга. Логика Аристотеля как учение о сочетаемости идей, рассмотренной по шестой схеме разума; логика Бэкона как учение о комбинациях элементов мышления, дающих в результате истинное познание четвертой стороны бытия. Описательный характер первой и дедуктивное происхождение второй. Исследование мнимого закона о всеобщей связи причины со следствием; различие происхождения этого закона от происхождения математических аксиом; его гипотетичность; он не необходим для индуктивной теории. Определение причинности как истинное основание индукции. Исследование определения ее как постоянного и неизменного преемства; оно не исчерпывает всех явлений причинности; оно указывает на признак причинности, но не на природу ее; его бесплодность обнаруживается в истории его усовершенствования, показывающей, что причинность распознается не по признаку, содержащемуся в определении. Правильное определение причинности. Дедуктивный вывод из этого определения трех основных правил индуктивной теории. Приемы индуктивного исследования природы как распознавания причин по

признакам, содержащимся в определении причинности. — VI. Методы познавать и доказывать цели; на чем основана возможность этого познания; элементы в существующем, через изучение которых открываются неосуществленные цели его. — VII. Методы познавать и доказывать сходства и различия. Четыре момента сравнения: наблюдение существующего, описание наблюдаемого, сравнение описанного, умозаключение из сравнения. Недостатки органов чувств, затрудняющие правильность наблюдения; недостатки языка, затрудняющие правильность описания. Ошибки субъективные и объективные. Сущность процесса сравнения. — VIII. Методы познавать количества. — IX. Учение о комбинациях элементов мышления, дающих в результате разрешение затруднений, возникающих в мышлении, и его формы: общая теория разрешения сомнений и общая теория разрешения вопросов. Важность и возможность этих теорий; затруднения в них. Общее учение о сомнении; пути для выхода из него. Общее правило для разрешения вопросов. — X. Учение о методе открывать методы.

Как может быть найден он и как следует руководиться им.

I. Мышление, рассмотренное как элемент, должно быть рассмотрено затем в разнообразных видоизменениях и применениях, которым оно подвергается при сложных изучениях. Выполнение этой задачи образует собою третью форму учения о познании — *Учение о методах*. Как уже сказано было, оно распадается на две ветви по двум объектам своим: вещам внешнего мира, которые познаются; и затруднениям в мышлении, которые разрешаются.

Из них первое — *учение о комбинациях элементов мышления, дающих в результате истинное познание лежащего вне мышления*, — определяет, с помощью каких мыслительных процессов и как расположенных образуется в разуме полное и правильное понимание объектов внешнего мира. Согласно с природою понимания, слагающеюся из семи идей, соответствующих семи сторонам существующего, и методы изучения этого последнего сводятся к следующим: 1) к способам определять существование, 2) к способам познавать сущность пребывающего, 3) к способам изучать свойства его, 4) к способам находить его причину, 5) к способам открывать его цель (или следствие), 6) к способам изучать сходства и различия и 7) к способам познавать числа или вообще количественную сторону в существующем. Остановимся на каждом из этих методов и определим точнее задачи их.

II. В учении *о способах познавать и доказывать существование* предметов и явлений должны быть най-

дены руководящие методы, с помощью которых возможно было бы, во-первых, открывать существование и, во-вторых, определять его форму. Если принять во внимание, что познание чего бы то ни было не может начаться ранее убеждения в его существовании и что только самая ограниченная область существующего открывается нам в непосредственном ощущении — именно одно осуществившееся, и в нем только одно вещественное, — то мы поймем, как велико значение этих методов и как обширна область их приложения. Методов *открытия существования* три рода: во-первых, методы различения объективного (лежащего вне познающего начала) от субъективного (лежащего в познающем начале). Эти методы важны потому, что многие предметы и явления, существующие только в духе человека, представляются последнему лежащими вне его, — что производит различные фантомы, обманы чувств и пр. (сюда относятся субъективные звуки, субъективное ощущение света, субъективные образы и, быть может, еще многие другие явления). Здесь должна быть всесторонне изучена сущность этих субъективных явлений в их форме существования, — случайно ли оно и только временно вызывается или же постоянно, но только остается скрытым; в их природе и признаках — что именно такое они и каковы бывают; в их происхождении и назначении — откуда и как они возникают и какой смысл имеет их появление; и, наконец, в их отношениях к объективному — сходственном, причинном и целесообразном. Когда, таким образом, будет понята эта сущность субъективного, кажущегося существующим, тогда могут быть найдены и определены способы отличать его от объективного, которое действительно существует. Во-вторых, методы чувственного усмотрения, т.е. такого, в котором процесс, оканчивающийся сознанием существования, начинается с чувственного впечатления и где эти два элемента — начальный и конечный — связываются непосредственно одним умственным процессом, состоящим в следующем теоретическом умозаключении: «всякое изменение имеет свою причину; в состоянии моих органов чувств произошло некоторое изменение; следовательно, существует некоторая причина, произведшая это изменение». В-третьих, методы умственного усмотрения, т.е. такого, в котором существование че-

го-либо открывается путем сложного умозрения, начинающегося чувственными впечатлениями, непосредственно не связанными с открываемым. Эти последние способы сводятся к признанию существования неизвестной причины, когда в изученном, разложенном на причины и следствия, обнаруживается избыток следствий над причинами; или, что то же, когда в изученном есть нечто, что не может быть отнесено как к своей причине ни к чему из известного. *Методов определения форм существования* столько же, сколько существует в природе этих форм. Будут ли эти способы состоять в наблюдении, опыте или умозрении — найдены они могут быть только с помощью умозрения, именно через внимательное изучение рядов следствий, вытекающих из логических определений форм существования.

III. *Учение о способах познавать и доказывать природу вещей и явлений* должно указать руководящие методы для открытия и определения, во-первых, той сущности, из которой состоит изучаемое; во-вторых — внутреннего строения существующего или — что то же — расположения в нем этой сущности; и, в-третьих, наконец, скрытого процесса в происходящем. С помощью первых методов познается, напр., вещественна или идеальна природа изучаемого; с помощью вторых методов раскрывается внутреннее расположение в предметах их сущности, уже определенной, например, каково строение изучаемой идеи или как размещены вещественные частицы в том или другом газе, жидкости или твердом теле; с помощью третьих методов обнаруживается внутренний процесс, совершающийся в явлениях, напр., что именно происходит в телах при переходе их из одного состояния, положим, жидкого, в другое состояние, положим, газообразное, или при их намагничивании, электризовании и пр.; или что совершается в семени в моменты его прорастания, или в истории в эпохи разложения народностей, или в чувстве во время ощущения радости. Эти методы суть важнейшие из всех, которыми пользуется познание; потому что с помощью их открывается важнейшее в существующем и совершающемся — та основная сторона бытия, которая в значительной степени носит в себе объяснение остальных сторон его. Поэтому, пока не будут найдены они и не будет построена

теория пользования ими — существующее и совершающееся не может быть понято; а с тем вместе ни наука не может быть образована, ни разум — удовлетворен. Вообще говоря, самые способы эти должны *опираться* на нисходящее умозрение, в основу которого должны быть положены аксиомы разума о природе вещей и явлений; *состоять* в опыте, здесь необходимо посредством, так как природа вещей и явлений прямо недоступна органам чувств; и *оканчиваться* восходящим умозрением, заключающим от наблюдаемого наружного к скрытому внутреннему. Так, способ определять строение единичных вещей необходимо должен исходить из правильного понимания того, что такое строение вообще; и далее, через опытное изучение всего наружного в познаваемых вещах, восходить путем умозаключения к определению искомого внутреннего строения их.

IV. Учение о способах познавать и доказывать свойства предметов и явлений. Если без предыдущих методов невозможно достигнуть понимания существенного в космосе, то без методов, о которых будет говорить здесь, невозможно найти объяснение всех бесконечно дробящихся и видоизменяющихся явлений в нем. Первые дают познание бытия в его скрытой основе, вторые — познание бытия в его видимом проявлении. Посредством первых мир понимается в своем целом, посредством вторых он объясняется в своих подробностях.

Этих методов познавания свойств три; из них два основные и один производный от них: 1) методы открытия и объяснения свойств, 2) методы понимания и открытия свойств, 3) методы объяснения комбинаций из свойств. Их различие основывается на различии в порядке чередования опыта и умозрения, с одной стороны, и познания свойств и природы — с другой. Посредством первых методов усмотренное в предметах и явлениях через ощущение объясняется теоретически через умственное рассмотрение природы того, чему принадлежит оно; напр., наблюдаемые свойства теплоты и света объясняются через построение теорий о природе света и теплоты. Посредством вторых через рассмотрение природы чего-либо теоретически выводятся свойства, которыми должна обладать эта природа, и затем они отыскиваются в данном изучаемом

через наблюдение и опыт; так, напр., поняв природу света и теплоты, разум сперва предсказывает и затем опыт открывает многие световые и тепловые явления, дотоле остававшиеся незамеченными; или таким же путем в геометрии через рассмотрение природы линий и фигур выводятся их многочисленные свойства, которые путем прямого наблюдения никогда бы не могли быть открыты и из которых только некоторые обнаруживаются в мире знакомых нам реальных явлений. Посредством третьих методов объясняются сложные явления природы, представляющие собою результат взаимодействия нескольких свойств, порознь открытых и изученных ранее. Сюда относится значительнейшая часть явлений природы, которые вообще редко служат проявлением одного чего-либо. Изучая эти сложные явления, следует прежде всего разлагать их на простые элементы, из которых они слагаются; затем — путем искусственного опыта — рассматривать, что происходит от соединения этих элементов по два, по три и т.д.; и, наконец, достигнув этим путем знания всех сочетаний элементарных свойств и того, что производится этими сочетаниями, — приложить его к объяснению сложного наблюдаемого в природе.

V. Учение о способах познавать и доказывать причины есть единственная теория методов познания объектов, уже установленная; и вместе с учением о сочетаемости и сочетаниях идей она исчерпывает почти все открытое в области учения о познании. Поэтому внимательное рассмотрение происхождения этой теории может пролить некоторый свет, хоть на первых шагах помогающий различить, что необходимо сделать для открытия недостающих методов познания объектов.

Прежде всего — между теорией о сочетаемости и сочетаниях идей (логика Аристотеля) и между теорией познания причин (логика Бэкона) нет исключаящего противоречия, которое представлялось и Бэкону, и продолжает нередко представляться его последователям. Эти два учения имеют каждое свою область и каждое свою цель. Так что достигнуть того, чего достигает одно из них, правда, невозможно с помощью другого; но не по бессилию которого-либо из них, но только по различию. Не потому не дает теория

силлогизмов познания природы физической и нравственной, что она бессильна дать его, но потому, что она и не имеет этого своей целью; не потому индукция не дает возможности строить правильные умозрения, что не в силах дать его, но потому, что предмет ее совершенно другой. Каждая из этих теорий выполняет свое особенное назначение; и то, что достижимое с помощью одной не достигается с помощью другой, доказывает не бесполезность которой-либо из них, но, напротив, именно служит подтверждением необходимости и важности их обоих.

Первая из этих двух теорий (логика Аристотеля) есть именно то, что мы назвали выше учением о сочетаемости и сочетаниях идей; хотя это учение и не исчерпывается вполне этою теорией: именно учения о сочетаемости идей в ней почти совершенно недостает. Описаны только формы сочетаний, или, что то же, изучена сочетаемость по шестой схеме разума — сходства и различия, но самое явление сочетаемости одних идей и несочетаемости других не понято ни в своей сущности, ни в своем происхождении, ни в других сторонах своего бытия.

Вторая теория (логика Бэкона) есть учение об одной из комбинаций элементов мышления, дающих в результате истинное познание объектов, именно познание четвертой стороны бытия — его причинности. Таким образом, то, что в первой теории описывается как элемент, во второй содержится как сочетание элементов, откуда ясно, что ни вторая без первой не могла бы существовать, ни первая не уничтожает значение и важность второй.

И действительно, если какой бы то ни было процесс индуктивного изучения мы разложим на его простейшие, неразложимые далее элементы, то мы увидим в нем то, что уже описано в «Органоне» Аристотеля. те же простые умозаклучения, которые сами по себе в своей отдельности так долго оставались бесплодными. Эти формы умозаклучения — элементы всякого познавания, вошедшие и имеющие войти во все, что когда-либо совершалось и будет совершаться в области умственного творчества человека. Но это только элементы познавания, и потому самого познания они дать не могут, подобно тому как первые элементы вещества не создают еще организма, хотя он и состоит

из них. Для того чтобы возможно было достигнуть познания, правда, необходимо взять эти элементы мышления, но, взяв, нужно еще придать им то, чего в них не содержится и на что в них нет даже указания — именно определенное целесообразное строение; хотя самый процесс приведения взятых элементов в целесообразную систему также может совершиться только при помощи этих элементов. Таким образом, они суть то, *из чего* состоит система и *с помощью чего* строится она; цель же, для которой она строится, план построения и строящее начало уже не есть этот элемент мышления.

Обратимся теперь к рассмотрению этих двух теорий. Так как из них состоит почти всецело наука логики, то определение их происхождения не только прольет свет на способы нахождения методов вообще, но и разрешит также некоторые вопросы, частью неверно разрешаемые, частью еще совсем не поставленные. К первым относится вопрос о взаимном отношении и обусловленности двух методов, кажущийся антагонизм между которыми так долго мешал последователям каждого из них по справедливости оценить другой; ко вторым — интересный вопрос о том, к каким наукам следует отнести самую логику, классифицирующую все другие науки по способам их происхождения на описательные, дедуктивные и индуктивные, или, что то же, вопрос о том, с помощью каких методов было образовано учение о самых методах.

Что касается до логики Аристотеля, содержащей в себе учение о типах умозаключения или о формах мышления, то по происхождению своему она должна быть отнесена к наукам чисто *описательным*. И в самом деле, по своему содержанию это есть система схем первичного мышления, определение тех форм, в которых совершается движение разума, если отнять в последнем то, что составляет содержание его и что составляет конкретную цель самого движения. Как получилась эта схема? Через выделение из *наблюдаемого* мышления всего, что не есть мышление (т.е., мыслимых объектов); в *сравнении* оставшегося между собою по сходству и различию; в уничтожении всего повторяющегося сходного; и затем, наконец, в *точном описании* всего полученного путем этого процесса. Таким образом, наблюдение конкретного, выделение

и классификация в нем однородного и описание полученного — вот приемы, с помощью которых образовано было учение о формах мышления и которые мы находим во всех описательных науках, напр. в ботанике и зоологии прежнего времени. Ни одна истина, содержащаяся в этом отделе логики, не получена путем сложного умозаключения, разумеется, если не причислять сюда немногих элементарных умозаключений, неизбежных и в самом простом описании, но не образующих из себя ни дедуктивного, ни индуктивного мышления.

Иначе произошла логика Бэкона. Теория наведения и все приемы ее выведены дедуктивно из гипотезы всеобщей связи причины со следствием и из логического определения причинности. Таким образом, индукция, так нередко противопоставляемая дедуктивному мышлению, сама имеет дедуктивное происхождение и на нем покоится как на своем основании. Так что всякое усилие поколебать теорию дедукции с помощью индукции колеблет почву под самою индукцией; и всякое усилие показать бесплодность дедуктивного мышления разбивается о факт, что с помощью этого мышления была открыта столь плодотворная теория, как теория наведения.

Чтобы показать справедливость этого, необходимо предварительно исследовать закон всеобщей связи причины со следствием и затем определить его отношение к теории индуктивного изучения.

Утверждается обыкновенно, что истина «все имеет свою причину» одинакова по происхождению и по природе с математическими аксиомами и вместе с последними принадлежит к числу немногих положений, которые хотя и не имеют другого основания, кроме согласия всех известных случаев и отсутствия случаев противоречащих, однако обладают характером безусловной достоверности; т.е. что истина «все имеет свою причину» достоверна потому, что из наблюдаемого ничто не совершается без причины. Нетрудно заметить, что за утверждением этим скрывается бессилие объяснить себе происхождение как этих аксиом, так и этого закона. И в самом деле, согласно с ним, и основы математики, и предполагаемая основа индуктивной теории являются необъяснимой аномалией: одновременно говорится и то, что они достоверны, и то,

что они добыты с помощью методов недостоверных; вопрос же, почему эти истины, добытые с помощью недостоверных способов, так достоверны, — или, что то же, *что* именно придает им этот характер несомненности, которого мы не находим и тени во всех других истинах одинакового происхождения, остается без ответа и даже не поднимается. А между тем и вопрос этот естественен, и ответ на него необходим; потому что если есть различие в степени достоверности каких-либо двух истин, то ясно, что есть и причина этого различия, — иначе достоверность закона, утверждающего, что нет ничего беспричинного, являлась бы первым опровергающим примером существования беспричинного факта.

Внимательное изучение уничтожает эту аномалию и кажущееся исключение подчиняет общему правилу о недостоверности всех знаний, полученных путем индукции через простое перечисление. Это изучение показывает, что аксиомы математики получены другим способом и достоверны, а предполагаемый закон всеобщей связи причины со следствием, добытый действительно этим путем, недостоверен.

И в самом деле истины, на которых покоятся выводы, например, геометрии, не могли быть получены через наблюдения согласных случаев, которым ничто не противоречит, потому что они справедливы не относительно наблюдаемых реальных предметов, но только относительно предметов мыслимых. Реальные же предметы оправдывают на себе выводы геометрии лишь в той несовершенной степени, в какой они соответствуют этим мыслимым предметам: так, радиусы во всех существующих кругах не равны между собой и равны только в одном круге — в мыслимом, так как только в нем одном все точки лежат в совершенно равном расстоянии от центра. Каким же путем произошли эти положения математики? Путем мысленного отвлечения атрибутов от вещей, которым они принадлежат и в которых они видоизменяются, и путем логического комбинирования этих вещей и атрибутов как самостоятельных сущностей. Таким образом, начало происхождения математических основ кроется, правда, в возбуждающем наблюдение, самое же образование их совершается в отвлеченном мышлении. Так, наблюдаемые в природе прямые линии все неправильны, и,

как бы обширно ни было их изучение, оно не в состоянии дать ничего, кроме смутных и приблизительных понятий об изучаемом, т.е. таких понятий, которые хотя и могут быть полезны в практическом отношении, однако не могут стать исходною точкою умозрительного исследования, не будучи в состоянии дать из себя ни одного плодотворного вывода. Этим прямые линии наблюдались некогда в продолжение тысячелетий и продолжают наблюдаться миллионами теперь; но ни в то время все люди, ни теперь многие не имели и не имеют понятия о геометрии и не знают ни об одном из свойств всем одинаково известной прямой. Для того чтобы получить понятие о линии, способное к дальнейшим выводам, необходимо было дать точное и ясное (геометрическое) определение ее; но чтобы могло возникнуть это определение, необходимо было, чтобы возник предварительно объект определяемый (геометрически правильная линия), что могло совершиться только в мышлении. Как произошло это? Наблюдая существующие линии, все более или менее кривые, человек обратил некогда внимание на то, что эта кривизна их то увеличивается, то уменьшается, тогда как самые линии остаются неизменно; и, вдумываясь глубже в это явление двух вечно сопутствующих друг другу фактов (протяженности и направления), из которых один неизменен, другой же — изменяется, он разделил наконец в своем мышлении то, что неразделимо в природе. Этот момент, когда в сознании отделилось понятие о кривизне как изменяющемся направлении, от представления самой кривой как некоторого протяжения, был моментом, когда зародилась наука геометрия; и тот, в чьем мышлении произошло это, был первым геометром, творцом новой науки о протяженности. Отделив мысленно кривизну как нечто сопутствующее и *изменяющееся* в линии от самой линии и далее продолжая, также мысленно, различным образом соединять эти два элемента, то увеличивая, то уменьшая изменяющееся между ними (кривизну), — он уже мог без труда прийти к созданию в своем представлении геометрически правильных линий, которых он не находил в природе, и к образованию в своем мышлении геометрически истинных определений их, способных дать из себя плодотворные выводы. Так, напр., произошло понятие о прямой линии. Заметив, что в линиях,

существующих в природе, кривизна иногда уменьшается, человек мог уже создать мысленно линию, в которой кривизна совершенно исчезает, отсутствует. Это — линия с тождественным направлением во всех частях своих*, которая не существует в природе и которая, раз возникнув в воображении, затем могла быть подвергнута умозрительному изучению, давшему все те знания о ней, с которыми мы знакомимся теперь в геометрии. Все эти знания касаются *свойств* прямой линии, выведенных умозрительно через рассмотрение *природы* ее, выраженной в определении «прямая есть линия с тождественным направлением во всех частях своих». Так же произошло и геометрическое понятие об окружности. Видя, что в существующих линиях кривизна всегда неправильна, т.е. изменение направления непостоянно, человек мог придти к представлению линии с постоянною, правильною кривизною; или, что то же, к понятию об окружности, в которой каждый последующий элемент так же изменяет свое направление, как элемент предыдущий. Подобным же способом произошли и все другие первоначальные понятия геометрии, из которых затем было выведено умозрительно все содержание ее.

Таким образом, создавая истины, на которых покоится математика, разум не обобщает только наблюдаемое им в природе; и содержащееся в этих истинах не есть только отражение содержащегося в действительном мире. Образую их, он проявляет некоторое творчество, и объекты их — существующие только в сознании сочетания элементов, наблюдаемых в природе в других отношениях. Ничего подобного нет в учении о всеобщей связи причины со следствием; здесь объект изучения — не созданное творческим мышлением человека, но *факт внешнего мира*, подлежащий утверждению или отрицанию, но не изменению. Каким путем образовалась в разуме уверенность в существовании этого закона? Он не доказан им с помощью како-

* Обыкновенное в геометриях определение прямой как кратчайшего расстояния между двумя точками не есть ни первоначальное, ни совершенное определение, оно не первоначально, потому что указывает на свойство ее, вытекающее из ее природы и выведенное из нее (тождество в направлении); оно несовершенно, потому что, не раскрывая природы определяемого, указывает только его признак и содержит еще в себе понятие о точках, чуждое и внешнее для понятия о линии.

го-либо сложного процесса мышления как *необходимое* постоянное соотношение между явлениями, но усмотрен им в природе как факт постоянный до сих пор для наблюдающего. Разум не понимает, почему явления неизменно должны быть связаны между собою, не понимает даже, почему они вообще бывают соединены между собою. Закон этот не выведен дедуктивно из какого-либо еще более общего закона, он не вытекает ни из какого другого, высшего и основного порядка бытия. Он сам есть этот порядок, усматриваемый повсюду и всегда наблюдающим (но не мыслящим) разумом. В этом постоянстве его обнаружения и лежит единственная причина уверенности разума в необходимости его неизменного и безусловного существования; т.е. он образовался в сознании с помощью индукции через простое перечисление.

Не переступает ли разум за границы допускаемого, умозаклячая от постоянства факта к его необходимости и порядок бытия называя законом его? Несомненно, переступает. Закон есть то, что лежит в основе порядка и производит его; но не самый этот порядок, служащий только внешним обнаружением скрытого *в природе вещей* закона. Факт, что все до сих пор наблюдавшиеся явления имели свою причину, мог бы тогда лишь служить доказательством неизменного постоянства причинной связи, если бы границы наблюдаемого совпадали с границами существующего; индукция через простое перечисление только тогда может дать вывод всеобщего положения, когда она имеет характер исчерпывающий. Таковы ли наблюдения, на которых покоится закон всеобщей связи причины со следствием? Ясно, что нет: не исследовано еще все будущее, и в прошедшем — только ничтожный уголок Космоса. В вопросе о всеобщности причинной связи между явлениями сделанные уже наблюдения более ничтожны в сравнении с теми, которые остается еще сделать, чем наблюдения над цветом лебедей, сделанные до открытия Австралии, в сравнении с теми наблюдениями, которые были произведены после открытия этой части света; а с тем вместе и умозаклячение, что «все существующее имеет свою причину» менее достоверно и научно, чем умозаклячение, долго считавшееся непогрешимым и после открытия Австралии, оказавшееся ошибочным, что «все лебеди белы»¹⁸.

Но если таким образом индукция через простое перечисление не в состоянии дать достоверного и всеобщего знания, то не может ли она дать по крайней мере какого-нибудь знания? Можно утвердительно сказать, что нет. Все, что дает в результате этот метод, — это гипотеза, которая как для подтверждения, так и для отрицания своего нуждается в других методах. Факт, что все до сих пор известное имело и имеет свою причину, дает одну только возможность поставить вопрос: «Не имеет ли и все остальное существующее свою причину?» И даже исчерпывающая индукция, правда дающая в результате знание истинное и всеобщее, не может дать научного разрешения этого вопроса, которое не только описывало бы существующее, но также и объясняло бы его. Пока же индукция не имеет этого исчерпывающего характера, до тех пор не только научного, но и никакого знания не может она дать по самой природе своей.

Таким образом, мнимая аксиома о существовании всеобщей причинной связи между явлениями есть не более как гипотеза, и мнимый закон, эту связь выражающий, — не более как предположение. Устанавливая эту гипотетичность, мы не предрешаем направление будущего возможного знания, но указываем только на недостаточность знания существующего. Низведение считавшегося за аксиому к простой догадке не потому совершено, что возможно отрицание ее содержания, но потому, что невозможно утверждение.

Спрашивается, что же придает нашему разуму такую твердую уверенность в неизменном существовании этой связи между всеми явлениями? Что знание это не есть врожденное — это ясно из сказанного выше вообще о предполагаемых врожденных идеях: их нет в разуме, потому что в нем нет сознания о существовании того, к чему они относятся. Идея, что все соединено между собою причинною связью, не есть идея предопытная, потому что только в опыте открывается для человека существование самых явлений, соединяемых этою связью.

Поэтому твердость убеждения во всеобщности этой связи есть твердость предубеждения, никогда не находившего себе противоречия в фактах; оно не имеет в своем основании никаких особенных, непреложных и незыблемых процессов познания. В справедливости этого можно убедиться, глубже вдумываясь в сущ-

ность причинной связи и возможно отвлекаясь от наблюдаемых явлений: не только в таком отвлечении причинная связь перестает казаться естественною и необходимою, но, напротив, она становится загадочным и необъяснимым фактом, едва вероятным и трудно мыслимым: кажется гораздо более простым существование всех вещей и явлений отдельно и независимо, друг возле друга, но не друг с другом.

Этот предполагаемый закон всеобщей причинной связи между явлениями признается обыкновенно основою, на которой покоится индуктивное изучение природы. Не трудно заметить ошибочность этого мнения. И в самом деле, с помощью индукции изучается не явление причинности в Космосе, но открываются причины отдельных моментов в жизни этого Космоса; не познается взаимное сцепление существующего как целого, но обнаруживаются скрытые факты, производящие некоторые отдельные изменения в этом существующем. И для того чтобы совершить это открытие, нет необходимости в законе всеобщей причинной связи между явлениями, нет даже необходимости, чтобы эта связь существовала в непосредственно изучаемом: достаточно, если она предполагается как возможная. Не трудно убедиться в этом: пусть наблюдается в природе какое-нибудь явление; чтобы изучить его происхождение, для разума довольно поставить вопрос: многое из происходящего в природе (все до сих пор испытанное) имеет свою причину, — не имеет ли также свою причину и это явление, теперь наблюдаемое? Это суждение есть единственное, которое разум вправе сделать на основании индукции через простое перечисление, и оно вполне достаточно, чтобы побудить его к дальнейшему изучению происхождения данного наблюдаемого явления. Самое же изучение совершается с помощью методов, которые всецело покоятся на определении причинности и есть не более как следствия, дедуктивно выводимые из этого определения. Правильно совершаясь, это изучение необходимо обнаружит причину наблюдаемого явления, если она существует, или покажет его самосущность, если этой причины нет.

Знание о причинности следует строго отличать от знания о всеобщей причинной связи между явлениями. В первом понимается явление, второе утверждает факт; в первом не содержится никакого мнения о боль-

шей или меньшей распространенности понимаемого, и его истинность не зависит от этого; во втором всегда наблюдаемое распространяется на все существующее; первое поэтому может быть безусловно истинным, второе — безусловно гипотетично.

Попытки определить причинность (они имеют целую историю) все несовершенны, неполны и неправильны*. Они несовершенны, потому что не выражают собою сущности определяемого явления (причинности); они неполны, потому что вне их остается целый обширный ряд явлений причинности; они неправильны, потому что даже в пределах определяемого можно найти случаи, разрушающие определение. Согласно с выше сделанною классификацией определений, их следует отнести к определениям атрибутивным, где в определяющем не раскрывается природа определяемого явления, но только указывается на его постоянный и исключительный признак; найти же и выразить эту природу даже не сделано попытки.

Рассмотрим все эти недостатки делаемых определений причинности в порядке, обратном тому, в каком они были перечислены.

Указывая на неизменность и безусловность существования причины, когда существует следствие, эти определения упускают из виду случаи, когда один факт необходимо должен совершиться, чтобы совершился другой, и тем не менее не есть его причина. Так, в известном опыте над упругими шарами безусловно необходимо отвести один из них на некоторую высоту, чтобы затем, опустив, сообщить удар другому шару и заставить его приподняться на высоту, равную той, на которую приподнят был первый шар; но тем не менее это предварительное отведение в сторону первого шара, столь неизменно предшествующее движению шара второго, не есть причина этого движения; что видно из того, что, задержав приподнятый шар на высоте, мы задержим ожидаемое движение другого шара.

* По Юму: «Причина явления есть неизменное предыдущее явления, следствие явления есть неизменно последующее за явлением»¹⁹, по Броуну: «Причина есть совокупность предыдущих, за которыми всегда следует и будет следовать явление, называемое следствием»²⁰, по Д. С. Миллю: «Причина есть совокупность предыдущих, за которыми неизменно и безусловно следует какое-нибудь явление»²¹.

Далее, определения эти страдают тем недостатком, что они охватывают только одну форму причинной связи и опускают другую, столь же значительную, и, таким образом, выражают не причинность вообще, но только одно из проявлений ее. И в самом деле, под определение «неизменно и безусловно предшествующего» и «неизменно и безусловно последующего» подходят только факты преемств, но не факты сосуществования, между тем как причинная связь выражается вполне только в этих обоих типах своих.

С первого взгляда может показаться противоестественным, чтобы явления сосуществования так же могли быть подчинены закону причинной связи, как и явления преемства. Не привыкнув глубоко вникать в природу существующего и происходящего, мы до такой степени приучились к мысли об явлениях причинности как исключительно преемствах, что при каждом представлении причины и следствия у нас невольно возникает представление о прошедшем и будущем, о последующем и предыдущем; и всякая мысль, что следствие может существовать несколько не позднее своей причины, а причина несколько не ранее своего следствия, является нам как нечто странное и невозможное. Однако внимательное исследование некоторых фактов с очевидностью обнаружит перед нами существование таких одновременных рядов причинного соединения.

Рассмотрим явления, принадлежащие к трем различным областям существующего и составляющие предмет изучения трех различных наук. Из них одно будет относиться к явлениям пространственных соотношений, другое — жизненных и третье — физических.

В пространственных соотношениях, изучаемых в геометрии, основные свойства фигур суть причина, обуславливающая собою существование других, второстепенных свойств их. Всякий раз, когда в фигуре есть первые, — есть в ней и вторые; и всякий раз, когда не оказывается вторых, можно, не проверяя, сказать, что нет и первых, их создающих. Так, соотношение между окружностью и прямою касательной есть необходимое и постоянное следствие природы этих двух линий — тождественного изменения элементов одной и совершенной неизменности элементов другой. И однако, нельзя сказать, чтобы в изучаемых линиях сперва

появлялась природа их и затем из нее возникало их соотношение; и то и другое существует одновременно, и ни в какой момент не мыслима ни эта природа без этого соотношения, ни это соотношение без этой природы; хотя одно из них создает другое, и ни в каком случае они не равнозначщи.

В области явлений человеческой деятельности ценность существующего продукта есть следствие соотношения между количеством спрашиваемых и количеством предлагаемых продуктов*; и однако, эта причина и это следствие возникают и существуют одновременно. И в самом деле, в тот момент (не ранее и не позднее), когда на рынок вывезено n предметов и пришли покупатели, чтобы взять m тех же предметов, его

цена уже точно определена и равняется $\frac{m}{n}$ -ной доле своей естественной ценности. Самый же торг, происходящий на рынке, не есть установление еще не существующей ценности, но только отыскание этой скрытой цены, существующей уже, но никому не известной вследствие неизвестности ни точной цифры предлагаемого, ни точной цифры спрашиваемого. Что эта ценность действительно возникает ранее происходящего торга и одновременно с появлением на рынке спрашиваемого и предлагаемого, в этом можно убедиться, мысленно увеличивая в точное число раз оба члена соотношения: так, всякая цена точно увеличивается в 2. 3... m раз, когда продукт спрашивается в 2.

* Всякий предмет имеет двойную ценность — естественную и рыночную. Под первую я разумею его внутреннюю постоянную ценность без отношения к спросу и предложению, под вторую — ценность его в продаже, отступающую от естественной под влиянием спроса и предложения. Первая равна ценности труда, необходимого для вторичного воспроизведения данного продукта, но не труда, на него потраченного, — что ясно из высокой цены случайно (без труда) найденных, наприм., драгоценных камней и из превышающей всякую меру цены художественных произведений старых великих мастеров. Если эту естественную цену мы обозначим через a , то рыночная цена выразится простой формулой $\frac{ma}{n}$, где m есть количество спрашиваемых на рынке продуктов, тождественных с данным, а n есть количество предлагаемых. В приводимом примере причинного сосуществования речь идет о рыночной ценности.

3... *m* раз более, и уменьшается точно в 2. 3...*n* раза, когда в 2. 3...*n* раза более против обыкновенного увеличивается его предложение, т.е. цена находится в точном прямом отношении к спросу и в обратном отношении к предложению; но если она есть только результат отношения этих двух элементов, то ясно, что, раз существуют они, существует и их соотношение, т.е. цена; или, что то же, — причина и следствие сосуществуют.

В мире физическом проницаемость вещества есть следствие его атомности; и однако, это следствие не появляется после своей причины, а эта причина не предшествует своему следствию, но они существуют одновременно.

Наконец, — и это самое важное — существующие определения причинности совершенно не выражают сущности этого явления, но только указывают на (мнимо) постоянный и исключительный признак его — на то, что один член этого явления *всегда предшествует* другому и что это отношение их имеет характер безусловный. Ясно, что это только наружная сторона явления, скрывающая под собою внутреннюю природу его — ту природу, которая и производит этот признак, и объясняет его. В этих определениях, носящих все признаки простого знания, самое содержимое их является непонятным, случайным, временным: из них не видно ни того, почему причина предшествует следствию, ни того, что она всегда необходимо будет предшествовать ему. До какой степени несовершенны эти определения, это показывает самая история постепенного совершенствования их: они изменялись, улучшаясь по мере того, как путем внимательного наблюдения открывалось, что есть явления причинности, не подходящие под данное сделанное определение; или, наоборот, что есть факты, подходящие под это определение и тем не менее не соединенные причинною связью. Так, Рид, критикуя определение причинности, сделанное Юмом, указал на постоянное преемство дня и ночи, которое, однако, не есть причинное преемство²². Спрашивается, какое значение имеет определение, когда предмет определяемый (существующие причины) распознается не по сравнению с ним, а по чему-то другому, в нем опущенному, и притом с такою легкостью и достоверностью, что ни на минуту не возникает сомнения

в том, что не это распознавание неверно, но неверно определение. Ясно, что сущность причинности, для всех простая и очевидная (иначе не было бы так легко распознавать явления, в которых она проявляется), по непонятной причине пропущена в определении, и в него вошло только то внешнее, что *обыкновенно* замечалось в явлениях причинной связи, но по чему они никогда не распознавались. Не очевидно ли, что это эмпирическое происхождение определения причинности, как простого обобщения наблюдаемого в природе, нисколько не предупреждает появления все новых и новых поправок в определении, по мере расширения самого наблюдения и по мере увеличения внимательности к наблюдаемому? Ничего подобного не могло бы произойти, если б для определения взято было не внешнее причинной связи, но то существенное, *по чему она распознается* и что могло быть уловлено через простое сравнение нескольких фактов, несомненно находящихся в причинном соединении; тогда причинность в отдельных явлениях природы узнавалась бы через сравнение их с определением, через открытие присутствия или отсутствия в них того существенного, что содержалось бы в нем; и никакие новые поправки в этом последнем были бы невозможны, потому что невозможно было бы открытие фактов причинного соединения, в которых не было бы этой сущности причинности; и, таким образом, не существующим проверялось бы определение, но через определение испытывалось бы существующее.

Но даже и как атрибутивное определение оно несовершенно потому, что в нем определяющим элементом является не основное свойство причины, но производное, признак не сущности, но признака же. И в самом деле — «постоянство и безусловность» причины по отношению к следствию есть только проявление взаимной «необходимости» их; и точное определение причины и следствия, даже в тех неполных пределах и неверной форме, в какой оно сделано, будет «необходимое предыдущее и необходимое последующее», а не «постоянно и безусловно предшествующее и следующее», что действительно справедливо, но не первоначально, а выведено из первого определения.

Обратимся теперь к истинному, полному и совершенному определению явления причинности. Оно в самом деле необходимо, потому что имена «причина»

и «следствие» принадлежат к числу тех словесных знаков, которые ничего не говорят о предметах, на которые они налагаются и смысл которых — чисто отрицательный, не дающий возможности смешивать находящегося под ними со всем тем, что носит на себе другое имя. И в самом деле, слово «причина» не значит ничего другого, кроме «не человек, не жизнь, не длина... не все, кроме причина»; оно относится более к другим вещам, нежели к явлению причинности; отделяет, как бы отгалкивает их от этого последнего, но ничего не говорит о нем самом.

Первые попытки сознательно отнести к явлениям, скрытым под именами «причина» и «следствие», необходимо должны были выразиться в каких-нибудь определениях, хотя бы и неверных, и неполных, содержащих в себе только колеблющиеся обобщения ускользающего в своей природе явления; таковы и действительно разобранные нами выше определения, бесценные в обоих смыслах этого слова — в первом по отношению к прежнему полному незнанию, во втором — по отношению к будущему совершенному знанию. Составив их, человек уже многое сознал о явлении причинности: и то, что оно распадается на двучленный ряд (причина и следствие); и то, что из них один обыкновенно предшествует другому; и то, что их соотношение носит какой-то безусловный и постоянный характер, так что один не может быть без другого. Но все эти знания, внешние, случайные и эмпирические, которые только сжато выражены в мнимом определении причинности, нуждаются в объяснении и обосновании, которое может быть найдено только в природе изучаемого явления. Найти эту природу и выразить ее в истинном определении — это значит одновременно и понять явление, и понять как необходимое то, что мы случайно знаем о нем.

В своей скрытой сущности, которая и объясняет все наблюдаемое для понимания, и обуславливает все происходящее в явлениях, «причинность» есть «производимость» вещей как естественное и необходимое проявление их несамосущности. Отсюда двучленность этого явления: невозможно в природе и немислимо для разума, чтобы несамосущее существовало само по себе, потому что это было бы противоречием и природы самой себе, и мысли; и поэтому, если существует что-

нибудь, существует еще и другое, на что оно опирается. Первый из этих членов, обозначаемый именем «причины», есть «производящее» в космосе; второй член, обозначаемый именем «следствия», есть «производимое» в нем; то, что соединяет эти два члена в одно, есть «произведение» как акт творчества, силою которого наделено все в космосе как бы взамен своей несамосущности. Соединение это есть нечто необходимое, т.е. постоянное и безусловное, потому что ни без произведенного не может быть что-либо производящим, ни без производящего — что-либо произведенным; иначе они были бы вещами — самосущими и производимости как явления не было бы. Каждый из членов причинного соединения, не имея существования полного (самосуществования), наделен двойным неполным существованием: он есть и нечто осуществленное, и нечто имеющее осуществить (есть действительное следствие и есть причина, от которой произойдет нечто); и, не будучи полным существом (самосуществованием), скрывает в себе два существа неполные: само себя, некогда появившееся и имеющее исчезнуть, и нечто другое, что появится из него в будущем и что в настоящее время пребывает в нем как потенция.

Теперь, снова оговорив, что, определяя причинность как «производимость» вещей, мы выражаем только природу явления, нисколько не распространяя его на всю область существующего, обратимся к выводу из этого определения индуктивной теории. Вывод этот ясно обнаружит дедуктивное происхождение этой последней.

1. Если причинность есть производимость, то все в сосуществующем и предшествующем, без чего может существовать изучаемое произведенное, не есть его производящее.

Обыкновенно это положение носит следующую форму: «Каждое предыдущее, которое может быть исключено без вреда для исследуемого явления, не стоит с этим явлением ни в какой причинной связи». Это так называемая первая аксиома индуктивной теории, получаемая из закона о всеобщей связи причины со следствием. Ясно, что к закону этому она не имеет никакого отношения; это просто есть вывод свойства причины и следствия из определения природы их, полученный дедуктивно и отражающий на себе, как и все

подобные выводы, те же несовершенства, которые лежат в основном определении (относятся только к предметам).

2. Если причинность есть производимость, то все в сосуществующем и предыдущем, без чего не может существовать изучаемое произведенное, есть его производящее.

Это так называемая вторая аксиома индуктивной теории, которая выражается обыкновенно так: «Предыдущее, которое нельзя исключить без вреда для последующего, состоит с ним в какой-нибудь причинной связи». Ясно, что все, сказанное о первой аксиоме, относится и к этой второй.

3. Если причинность есть производимость, то с изменением производящего изменяется и производимое.

Это так называемая третья аксиома индуктивной теории, которая имеет следующую форму: «Предыдущие и последующие, возрастающие и убывающие в количественном соответствии состоят в причинной связи между собою». Неясно, почему здесь говорится только о возрастании и убывании членов причинной связи, когда к области влияющего изменения относятся также и природа, и свойства, и другие стороны причины по отношению к следствию.

Это третье положение есть основное относительно первых двух, представляющих собою только частные случаи его; так как и существование, и исчезновение есть только крайние члены изменяемости. Существующее неподвижно — не изменяется; последняя же степень изменения есть исчезновение существования. Поэтому все три разобранные положения можно соединить в одно следующее: *«Если причинность есть производимость, то с существованием, изменением и исчезновением производящего существует, изменяется и исчезает его производимое».*

Как уже замечено было, эти три положения (или одно, заменяющее их) не суть аксиомы, но теоремы о свойствах причины и следствия, полученные дедуктивно из определения природы причинности.

Так как индукция есть теория открытия неизвестных причин по известным следствиям, то указанные в трех положениях свойства причины и следствия служат краеугольным камнем, на котором покоится само учение о способах нахождения скрытых причин по

данным следствиям. Проследим дедуктивное происхождение этих способов.

Найти причину данного явления — это значит *выделить* ее из всей массы фактов, предшествующих и сопутствующих ему; выделить же искомое из чего-либо — это значит *распознать* его; распознавание же всегда производится по *признакам*; следовательно, характером и соотношением признаков причины и следствия обусловлены способы выделения причины. Но этот характер и это соотношение признаков причины и следствия состоит в появлении, изменении и исчезновении одного из них с появлением, изменением и исчезновением другого; а следовательно, и способы открытия причин сводятся к способам наблюдать появление, изменение или исчезновение данного изучаемого явления в связи с появлением, изменением или исчезновением фактов, ему предшествующих и с ним сосуществующих. Из этого положения прямо вытекает учение о методах экспериментального изучения природы и человека: эти методы есть только частные практические применения этой общей теоретической истины, полученной, как мы видели, посредством ряда дедуктивно выводимых положений, исходное основание которых — логическое определение природы причинности. Эти методы все сводятся к тому, чтобы путем ли искусственного опыта или путем чистого наблюдения, когда опыты производятся самою природою и жизнью, выделить (элиминировать, как говорится в логике) производящее изучаемого произведенного из массы случайно сопутствующих ему фактов через изучение этих связных появлений, исчезновений и изменений. Мы не будем говорить о них, так как они общеизвестны.

VI. Учение о способах познавать и доказывать цели распадается на две формы: на учение о методах открытия целей в предметах и на учение о методах открытия целей в явлениях. Возможность познания целей основана на том, что они уже потенциально заключены в существующем ради них; а все потенциально скрытое в чем-либо может быть обнаружено через анализ скрывающего. Так как цель всегда заканчивает собою что-либо, то открывается она через изучение *направлений незаконченного* в предметах и в явлениях. В первых изучение это состоит в *анализе стро-*

ения, во вторых — в анализе процесса. При этом простое имеет единичные цели, а сложное имеет цель сложную, образуемую из соединения единичных целей того, что входит в него как части. Так, при изучении, например, назначения человека следует разложить его природу на составные элементы, открыть строение каждого из них и направление этого строения; те идеальные (теперь только мыслимые) формы, в которые стремятся перейти неразвитые формы его природы, и будут его назначением.

Нужно заметить, что изучение целей нередко совпадает с изучением следствий и методы, приложимые к открытию последних, могут быть приложены и к открытию первых, так как цель есть часто конечная форма, к осуществлению которой стремится ряд преемственно развивающихся друг из друга форм, из которых каждая последующая есть только следствие предыдущей.

VII. Учение о способах познавать и доказывать сходство и различие есть теория сравнения. Она слагается из следующих форм, соответствующих отдельным моментам сравнения как познавательного процесса: из теории наблюдения как учения о способах точного и полного восприятия сравниваемого; из теории описания как учения о способах точного и полного выражения воспринятого в слове; из теории сравнения получаемых описаний; и, наконец, из теории умозаключений, могущих быть построенными на основании сравнения. В первых моментах сравнения — наблюдении и описании — главная забота должна состоять в том, чтобы, стремясь к полноте, не впасть в излишество и, избегая излишества, не впасть в недостаток; чтобы ни при наблюдении не явилось в сознании чего-либо — чего нет в наблюдаемом, и в наблюдаемом не осталось бы ничего — что не отразилось бы в сознании; ни при описании, чтобы не выразилось в слове что-либо — чего нет в сознании, и в сознании чтобы не осталось чего-нибудь — что не выразилось бы в слове. Наблюдение должно быть совершеннейшим отражением наблюдаемого существующего в наблюдающем разуме — отражением, не изменяющим, не прибавляющим и не опускающим ничего в наблюдаемом как с внешней, так и с внутренней стороны его; описание должно быть совершеннейшим выражением наблюде-

ния, закреплении умственного впечатления, недолговечного и изменчивого, в слове вечном и неизменяющемся, но в котором так же не было бы ничего прибавлено к выражаемому впечатлению и ничего опущено в нем. Главное затруднение, которое здесь предстоит избежать, лежит в природе человека и в ее несовершенствах; и необходимо тщательно и точно изучить качества, силу и направление этих недостатков, чтобы, зная их как вечно присущий элемент наблюдения и описания, внести в последние поправки, точно соответствующие этим недостаткам и уничтожающие их влияние. Недостатков этих два вида, и характер ошибок этих двух родов: недостатки органов чувств и языка и ошибки субъективные и объективные. И те и другие состоят в следующем: органы чувств не всегда верно передают сознанию то, что лежит перед ними, и необходимо вмешательство разума в их деятельность, в особенности для того, чтобы сообщить впечатлениям от них полноту; язык как орудие не одной простой передачи впечатлений, но как орган выражения всех состояний души, из которых некоторые (чувства и желания) по самой природе своей часто бывают смутны и изменчивы, — этот язык по необходимости и слишком богат для выражения чистых впечатлений, и слишком беден: он излишне богат, потому что слова, его составляющие, не имеют одного точного значения, но всегда принимают множество оттенков, скрадывающих границы и очертания того общего смысла, около которого они группируются; он слишком беден, потому что для каждой отдельной формы впечатлений в нем нет особого слова, — эти виды впечатлений оттеняются в речи не словами, но строем ее. Характер ошибок при наблюдении и описании, не зависящий от несовершенства этих орудий передачи, как уже замечено было, двойкий — субъективный и объективный. Двойкость этого характера объясняется тем, что предметом сравнения, а следовательно, и наблюдения и описания, может быть как лежащее вне человека (объективное), так и лежащее в нем самом (субъективное). При наблюдении и описании первого (объективного) трудно избежать, чтобы к нему не примешалось чего-либо субъективного, будут ли то остатки прежних впечатлений и их изменяющее влияние на свойства и деятельность сознания или

же состояния самого сознания, ошибочно принимаемые за нечто внешнее, наблюдаемое. Наоборот, при наблюдении и описании второго (субъективного) трудно как в сознании, так и в речи избежать совершенно примеси чего-либо объективного. Третий и самый важный момент разбираемого процесса познания — сравнение — сводится во многих случаях к наложению впечатлений от наблюдения одно на другое и к описанию непокрытых частей его; хотя, быть может, этот метод наложения и не исчерпывает всех способов сравнения. Заметим в заключение, что сравнение всегда следует вести по схемам разума, чтобы не опустить какой-либо скрытой разницы в сравниваемом.

VIII. *Учение о способах познавать количества* распадается на столько форм, сколько есть форм количеств, т.е. на учение о способах познания величин вообще, без обозначения того, к чему они относятся; на учение о методах изучения чисел; о методах изучения частей пространства и их соотношений; о методах изучения напряженности и пр.

IX. *Учение о комбинациях элементов мышления, дающих в результате истинное разрешение затруднений, возникающих в самом мышлении*, распадается на две формы: на *общую теорию разрешения сомнений*, пробуждающихся в сознании, и на *общую теорию разрешения вопросов*, возникающих в нем.

Непонятно, каким образом человек никогда не мог прийти к мысли создать эти два учения, когда и сомнение так древне, и вопросы, порой возникающие в его сознании, так важны. Между тем ясно, что если иногда он разрешал эти сомнения и эти вопросы, то есть и общие методы такого разрешения, которые могут быть предметом открытия и изучения. Знакомый с такими состояниями духа, где познание необходимо, между тем как самый предмет его еще не определен, как мог он ограничиться в учении о познании теми одними случаями, когда предмет изучения дан уже внешней природой, — как будто то, что возникает в нем самом, не важнее неизмеримо того, что случайно является извне перед его органами чувств?

Теория разрешения сомнений распадается, во-первых, на учение о сомнении вообще и, во-вторых, на собственно теорию разрешения всех видов его. Первое

из этих учений, двигаясь по схемам разума, должно раскрыть сущность того неясного и мучительного для человека состояния сознания, которое мы кратко обозначаем словом «сомнение»; определить его свойства; изучить причины, его вызывающие, и процесс его образования; указать его следствие, т.е. влияние на различные стороны духа и на различные стороны жизни; и, наконец, свести эти состояния сознания к некоторым определенным типам, т.е. классифицировать формы сомнения. Второе учение должно раскрыть общий путь для выхода из всех видов сомнения и указать общие правила, которыми должен руководствоваться разум, следуя этому пути. Главным образом это второе учение должно свести к указанию способов, как уяснить сущность всякого данного сомнения и как находить и определять точно объект его, так как неясность есть основное свойство сомнения и отсутствие определенного предмета познания для его разрешения — причина неразрешимости его. Путь разрешения всякого сомнения — это путь последовательного сведения всех проявлений его к строго определенным и ясным вопросам, нахождения правильной точки зрения на эти вопросы, отыскания способа, как правильно поступать в случае разноречивых показаний наблюдения и опыта или в случае действительной противоположности различных сторон одного и того же предмета сомнения (например, когда одно и то же явление приносит и добро и зло, то как отнестись к нему правильно?) и т.д.

Общая теория разрешения вопросов должна указать способы, посредством которых разум, разлагая самую сущность возникшего в нем вопроса, мог бы находить или его прямое разрешение, или указание на то, исследование чего могло бы дать это разрешение. Не следует думать, что состояния разума сомневающегося и спрашивающего — тождественны. Сомнение есть знание, не уверенное в себе, вопрос есть отсутствие всякого знания; но в первом для того, чтобы укрепить колеблющееся знание, недостает самого объекта его — он скорее чувствуется в общем виде, нежели сознается в одном определенном; во втором состоянии, которое лишено всякого знания, взамен этого указан ясно объект; первое гораздо труднее для разрешения, второе есть часто только последний фазис в процессе разрешения сомнения.

Рассматриваемая теория, подробно и отчетливо разработанная, должна указать путь находить истинное разрешение как тех вопросов, в которые разрешается сомнение, так и тех, которые возникают в разуме из самой природы его при общем созерцании мироустройства и течения жизни. Эти последние вопросы, обыкновенно отличающиеся характером всеобщности, не только не могут возникнуть при изучении единичных предметов и явлений внешнего мира; но, напротив, это изучение, не давая разуму сосредоточиться в самом себе, препятствует образованию в нем этих вопросов, как бы развлекает его. Между тем по своей глубине и жизненности эти вопросы превосходят своим значением результаты изучения объектов внешнего мира, и нередко то или другое разрешение их преобразует и самого человека, и жизнь его. Тот не живет духом, в ком не возникают они, на том бледен и неясен человеческий образ, кто не знаком с ними; и самая жизнь людей пуста и бессодержательна, когда она не волнуется этими вопросами, чужда возвышающей тревоги о них. Таковы все вопросы нравственной жизни человека — о том, есть ли какая-нибудь конечная цель в его существовании? как и откуда произошло это в жизни? не связаны ли явления добра и явления зла причинной связью между собой? о гармонии в природе и жизни и многие другие. Трудность разрешения этих и подобных вопросов, возникающих в сознании, заключается в том, что, между тем как они чрезвычайно общи в своем содержании и объекте, — объектом непосредственного изучения может стать только одно конкретное; так что является затруднение, что именно следует узнать предварительно для того, чтобы найти истинное разрешение самого вопроса, как связать возникшее в сознании с доступным для изучения в мире вещей? Ясно, что этим связующим звеном может стать только одно умозрение. При помощи его возможно, тщательно определив самый вопрос, разложить его на несколько вопросов более частного значения и т.д. до мира конкретных фактов, изучив которые возможно путем обратного восхождения дать решение сперва на все частные вопросы, возникшие из основного, а потом, соединяя и комбинируя истины, заключенные в этих частных решениях, вывести из них ответ и на первоначальный вопрос.

Х. Как общее заключение учения о всех этих методах познания должно быть создано *учение о способах находить самые способы*, или, что то же, должен быть открыт *метод методов*. Это возможно сделать, изучая происхождение отдельных методов и выделяя в процессе этого происхождения их — постоянное и необходимое из случайного и изменяющегося; причем постоянство следует переводить в необходимость через открытие соотношения между постоянно наблюдаемым в процессе образования методов и между самою природою методов, логически разлагаемою. С помощью этой общей теории нахождения методов по данному предмету познания открывался бы частный метод познания его, и с помощью этого последнего достигалось бы уже самое познание.

Глава V

УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О СУЩЕСТВОВАНИИ

I. Учение о познаваемом и его формы: учение о космосе и учение о мире человеческом. Учение о космосе и его состав: о существовании, о сущности, о свойствах, о причинности, о целесообразности, о сходстве и различии и о числе. Тройственность каждого из этих учений. Первые члены их образуют собою общую теорию бытия, вторые — учение о дробном бытии или о вещах и явлениях в космосе, третьи — учение о целом бытии или о космосе как синтезе всего. — II. Учение о существовании и его формы: общая теория существования, о существовании лежащего в космосе и о существовании космоса как целого. Необходимость и возможность первого из этих учений; состав его. — III. *Общая теория существования и ее формы.* О пребывании существования; вопросы, разрешаемые в этом учении. — IV. О природе существования; двойкий путь определения этой природы; отношение единичного к общему условию всего — пространству — как сущность пребывания. — V. О свойствах существования основных и определяющих — VI. О происхождении существования; как возможно познание этого происхождения. Причина существования не могла предшествовать ему во времени; по своей природе она не могла быть чем-либо простым. Существование есть или первоначальное самосущее начало, или часть самосущей первоначальной причины всего, некогда выделившаяся из нее, после чего эта причина исчезла. — VII. О цели существования; способ, которым возможно определение этой цели, и самое определение ее. — VIII. О видах существования. *Небытие*; формы учения о нем; круг вопросов, связанных с этим видом существования. — IX. Бытие потенциальное; как относится оно к другим видам бытия, через какой процесс переходит в них и что побуждает его к этому переходу; пять видов потенциального бытия; ход общего изучения потенциальности в природе. — X. *Бытие образующееся*; два начала, входящие в него, противоположность этих начал; особенности образующегося бытия как следствие этой противоположности; сущность процесса образования; модусы образующегося существования. — XI. *Бытие реальное* и три вида его. Общие замечания о всех видах существования; трудность правильного понимания этих видов; как примирить простоту существо-

вания с разнообразием форм его; как следует понимать убывание и прибывание существования, неразрешимость вопроса о существовании небытия: очевидность факта, что оно существует; и невозможность для мышления допустить, чтобы оно существовало. — XII. *Учение о существовании вещей в космосе*; путь выполнения задач этого учения. — XIII. О форме существования материи; материя не есть только потенция оформленных вещей; доказательство, что материя никогда не была безвидною. — XIV. О существовании форм; доказательство, что в каждой частице пространства существуют все действительные и возможные формы; особенности в существовании форм. — XV. О существовании элементов вещества; почему их существование неизменно. — XVI. О существовании соединений из элементов; о постепенном распределении потенциальности определенной и неопределенной и о связи этого распределения с совершенством реальных существ, возникающих из потенциальности. — XVII. О существовании смесей; неопределенность их потенций. — XVIII. О существовании горных пород; начало распределения в их потенциальности элементов определяющих и определяемых. — XIX. О существовании минералов аморфных и кристаллических; дальнейшее распределение в их потенциальности начал определяющего и определяемого. — XX. О форме существования растений; совершенное распределение в их потенциях начал образующего и образуемого; явления жизни растений как необходимое следствие этой распределенности обоих начал; объяснение процессов питания, роста, движения соков, вдыхания и выдыхания, цветения и смерти растений; что такое семя по отношению к цельному растению. О форме существования животных. — XXI. О существовании явлений; объяснение, почему они не имеют формы образующегося существования. — XXII. *О существовании космоса как целого*. Как следует понимать его образующееся существование? Как следует понимать его потенциальное существование? Трудность вопросов, предстоящих этой форме понимания.

I. *Учение о познаваемом* — последняя из трех основных форм понимания — распадается на учение о двух мирах: о мире, в котором живет человек, и о мире, которым живет он; о мире, им созданном, и о мире, который не им создан; о мире Божием и о Мире человеческом.

Первое из этих двух учений есть *Учение о Космосе*. Согласно с природою понимания, оно должно обнять собою все стороны его, соответствующие схемам разума, и через это выделить из себя ряд форм, которые будут третичными в общем учении о познаваемом. В отдельности каждая из этих форм обнимет собою какую-либо одну сторону мира, все же вместе они сложатся в цельное и законченное миропонимание.

Эти учения о сторонах космоса все тройственны. Каждое из них внутренне распадается на три формы, из которых в первой содержится общая теория того, что как частное проявление рассматривается в двух остальных формах. Из этих последних одна обнимает собою проявление этого общего в Космосе, как в целом; а другая — проявление этого общего в вещах, лежащих в Космосе, и в явлениях, совершающихся в нем.

Таким образом, миропонимание будет и совершенно, и полно, если оно познает, во-первых, что такое существование вообще, без отношения его к тому, что существует и в чем существует, — и, поняв это мировое явление во всей его общности и отвлечении, определит затем форму существования лежащего в Космосе и самого Космоса; во-вторых, когда познает, что такое сущность в самой себе как основа, на которой зиждется все остальное, — и затем раскроет сущность вещей в Космосе и сущность самого Космоса; в-третьих, когда познает, что такое свойство как проявление сущности, — и исследует свойства всего лежащего в Космосе и свойства Космоса как целого; в-четвертых, когда познает, что такое причинность в самой себе, — и затем изучит распределение причинности в Космосе и откроет причину Космоса; в-пятых, когда познает, что такое цель и средства в самих себе, — и затем проследит целесообразность в Космосе и откроет цель Космоса; в-шестых, когда познает, что такое сходство и различие, — и определит сходное и различное в Космосе и сходство и различие познаваемого Космоса от познающего духа; в-седьмых, когда поймет количественность и откроет все количественные соотношения существующего и совершающегося в Космосе и изучит количественную сторону в частях самого Космоса.

Вот третичные ветви общего учения о Космосе. Если в тройственном составе этих учений мы выделим все первые члены и соединим их в одно, то получится *общая теория бытия*; если выделим и соединим в одно ряд вторых членов, то получится *учение о вещах и явлениях в космосе*; если выделим и соединим третьи члены, то получится *учение о космосе как целом*. Таким образом, естественно и необходимо группируясь в одном строго определенном порядке, эти формы науки могут быть рассматриваемы разумом с двух точек

зрения: или как учения, обнимающие стороны бытия, и тогда каждое из них будет тройственно по числу видов бытия (чистое, частное, общее), всех же учений будет семь; или их можно рассматривать как учения о бытии в его видах — и тогда каждое из них будет семерично по числу сторон бытия, всех же их будет три: учение о чистом бытии, учение о дробном (частном) бытии и учение о целом (общем) бытии. Вне этих учений ничего не может быть познано ни о мире, ни о том, что лежит в нем.

Рассмотрим внимательно внутреннее строение каждой из этих форм и определим, какие задачи предстоит выполнить каждой из них и как они могут быть выполнены.

II. *Учение о существовании* — первая из третичных форм в учении о познаваемом — согласно указанному ранее составу всех их, распадается на *Общее учение о существовании* и на два частных: на *Учение о существовании вещей в космосе* и на *Учение о существовании космоса как целого*.

Общее учение о существовании должно познать явление пребывания в Космосе без отношения к самому Космосу и к тому, что есть в нем. Здесь выделяется это явление из мира реального и рассматривается само по себе как нечто самосущее, проникающее этот мир. Необходимость и возможность этой формы науки видна из следующего: изучая существование Космоса (или чего-либо единичного в нем), мы изучаем Космос в одном из его проявлений; но не изучаем еще самое существование как нечто проявляющееся в Космосе. Это чистое существование, изучение которого мы выделяем в особую форму науки, общее, первоначальное и неуничтожимое Космоса; потому что и тогда, когда он не появился еще, уже было существование того, что потом вызвало его к бытию; и тогда, когда исчезнет он в наблюдаемых формах своих, останется еще существование того, что уничтожит его; только тогда, когда исчезнет самое существование, не останется уже ничего, — не будет даже пустоты, не будет этого самого *ничего*. Правда, существует всегда *что-нибудь*; но это существующее изменяется, тогда как самое существование остается неизменно. Следовательно, существование не нужно смешивать с существующим; оно не то же, что это последнее, отлично и отдельно от него,

хотя и является всегда вместе с ним. Вещи существуют, когда соединяются с существованием; но чтобы понять, что́ это такое, что они существуют, — необходимо понять предварительно, что такое самое существование, рассматриваемое вне соединения с вещами, которым оно придает действительность.

И здесь, чтобы, разрешая вопрос об этом загадочном явлении, не забыть чего-либо и через это не затруднить решение самого вопроса, следует все изучение медленно и обстоятельно вести по схемам разума. Таким образом, общее учение о существовании распадается на следующие формы, уже четверичные в учении о познаваемом: на учение о существовании, природе, свойствах, происхождении, цели, сходстве и различии и количественной стороне существования.

III. В первом из этих учений разрешается, таким образом, вопрос о существовании самого существования. Каков точный смысл этого вопроса, что именно должно быть познано для наполнения содержанием этой формы понимания? Этим содержанием должно стать точное знание о действительности или мнимости существования, его субъективности или объективности, и далее — о прерывности или непрерывности, уничтожаемости или неуничтожимости его. Быть может, существование есть только иллюзия ума человеческого, есть нечто мыслимое и кажущееся, но не действительно существующее. И даже в том случае, когда оно действительно есть и эта действительность его допускает доказательства, может случиться, что оно имеет не объективное положение, но субъективное; т.е. оно заключено внутри сознания и только ошибочно переносится последним за свои границы, — в самом же деле вне сознающего духа нет ничего, кроме иллюзий его в форме образов (мнимый мир вещей) и кроме мыслей об этих образах (мнимые отношения между вещами). Наконец, если могут быть найдены доказательства действительности и объективности существования, нужно разрешить вопрос, на который мы ответили приблизительно выше, но который нуждается в дальнейших изысканиях, — в каком смысле нужно понимать существование? т.е. есть ли только существующие вещи или есть самое существование, независимое от этих вещей и проявляющееся в их бытии? Которое предсуществует вещам и только до времени

остаётся для чувств недоступным — как нечто сверхчувственное — и для разума непостижимым — как вечно сопутствующее вещам, как никогда, в доступном для него мире, не отделяющееся от них; но что становится и для чувств осязаемым и для разума мыслимым, присоединяясь к вещам в момент их возникновения?

Когда, таким образом, вполне и совершенно будут разрешены вопросы о том, есть ли существование и в каком смысле оно есть, можно будет приступить к самому познанию его как уже твердо установленного объекта, о котором, правда, еще ничего не известно, но о котором уже разум знает, что он существует.

IV. Учение о природе существования должно ответить на вопрос, что такое существование, независимое от вещей и только проявляющееся в них как одна из сторон их? К правильному разрешению этого вопроса ведут два пути: путь постепенного изъятия из существующего его содержания — до совершенного уничтожения этого существующего — и путь постепенного прибавления к чистому «ничто» реального содержания — до появления существующей вещи. В обоих процессах — как отнятия, так и прибавления — мы необходимо перейдем через некоторый момент, когда исчезнет или появится существование; и то, что мы прибавляли или отнимали в этот момент, и будет составлять сущность изучаемого явления. Потому что если ни ранее этого прибавления не было существования, ни после этого отнятия его не оставалось, то ясно, что прибавляемое и отнимаемое и есть самое существование. Итак, пусть перед нами лежит какая-нибудь единичная реальная вещь. Станем уничтожать в ней (мысленно или действительно — безразлично, потому что здесь цель не созидание чего-либо, но понимание) *одно за другим* то, что составляет ее содержание, из чего состоит она. Вот мы отняли у нее один за другим все признаки — и перед нами остается еще что-то, правда, неразличимое уже от многих единичных вещей, от которых мы некогда различали лежащую вещь по свойствам; но, однако, сходную по своей природе с некоторыми родами, к которым мы и прежде относили ее. Отнимем у нее самую эту природу — останется еще нечто, о чем мы, правда, уже ничего не знаем, но что происходит от некоторой видимой нами

причины и дает из себя видимое нами следствие. Уничтожим эту связь оставшегося с причиною и следствием и вообще перервем в нем всякую связь с миром единичных и конкретных вещей, — все еще останется нечто, что пребывает, что находится, что существует. Что же нужно еще сделать, чтобы перейти к чистому «ничто»? Это можно узнать косвенно, именно определив, чего уже невозможно сделать: невозможно *изменить* остающееся существующее, так как оно не имеет уже никакого образа, к которому можно было бы что-нибудь прибавить или от которого можно было бы что-нибудь отнять; невозможно *изъять* из него что-нибудь, так как уже изъято все, кроме самого существования, о способе уничтожить которое и идет вопрос. Итак, единственное, что остается еще, это *отношение* безразличного существующего к чему-то, уничтожив которое (отношение), мы, быть может, уничтожим и самое существующее. Но отношение его к миру единичных конкретных вещей уже порвано; следовательно, остается еще уничтожить отношение его к тому, что не единично и не конкретно. Это оставшееся, связь с чем еще не порвана, — пространство; только с ним одним еще соприкасается то, что осталось от постепенно уничтожаемой вещи; прекратим это соприкосновение — и она исчезнет. Итак, если до уничтожения этого соприкосновения с пространством все еще существовало что-то, после уничтожения же этого соприкосновения уже ничего не было; то ясно, что самое существование и есть соприкосновение с пространством. Равным образом, если к пустому «ничто» мы прибавим сущность, затем наделим ее признаками, наконец, дадим ему причину и создадим из нее следствия, то оно еще не будет реальным предметом, но только образом — мыслимым, но не существующим; будет представлением вещи, но не самою вещью. И только тогда, когда синтез всего нами созданного соприкоснется с пространством, он станет реальностью. Следовательно, и здесь переход от несуществования к существованию совершается через соприкосновение с пространством, что также подтверждает, что в этом соприкосновении и состоит природа существования как космического явления.

Таким образом, существование есть отношение изменяющихся конкретных вещей к своему неизменному

и вечному условию — пространству, есть соприкосновение с этим условием. Но не следует думать, что существование есть замещение некоторой части пространства; так как многое существует, не занимая пространства, хотя нет ничего из существующего, что не пребывало бы в нем; напр., мысль, идея, желание, чувство существуют в пространстве, не занимая его.

Так как пространство по самой природе своей есть нечто совершенно однородное (во всех частях своих тождественное) и так как соприкосновение есть явление простое и чистое (несложное), — то и существование, состоящее из соприкосновения с пространством, по-видимому, должно быть однородным, постоянным и неизменяющимся. И если нам представляется порою, что оно изменяет свои формы, то трудно не признать, что это изменение только кажущееся и мнимое, но не действительное. Оно состоит не столько в изменении самого существования, сколько в изменении отношений существующего к миру единичных конкретных вещей — то в погружении его в этот мир и смешении с ним, то в выделении из него и обнаружении себя. Все, что существует, по-видимому, существует неизменно в том самом виде, в каком всегда существовало; и только для ограниченного чувства человека может казаться, что что-нибудь возникает или что-нибудь исчезает; в самом же деле все только или проявляется, или скрывается, в одном случае делаясь явным для ощущения, в другом — переставая действовать на него.

V. Учение о свойствах существования распадается на две формы: на учение о свойствах основных и на учение о признаках. В первом выводятся атрибуты существования, вытекающие из его сущности, уже раскрытой в предыдущем учении; во втором определяется то, через что распознается существование, что служит признаком или его присутствия, или его отсутствия. Те и другие свойства выводятся чисто умоэрительно; так как по самому предмету познания, недоступному для чувственного ощущения, здесь не может быть применен никакой другой способ. Познание основных свойств существования необходимо для понимания начальных основ миростроения: ясно и правильно построенное, оно может рассеять тот вечный сумрак, которым, по-видимому, природа одела первые источ-

ники своего бытия и в котором скрыла от любопытства разума последнюю разгадку всего, что знает он. Сюда относится, напр., свойство неуничтожимости существования, если только последнее действительно таково; а также и другие многие свойства. Все они могут пролить некоторый свет знания на те доступные нам в существовании, но ускользающие от всякого анализа элементы бытия, каковы сила, атом, закон и пр. Определение признаков существования важно в двойном отношении. через них открываются все новые объекты познания, и через них доказывается многое такое, что до сих пор не могло быть доказано никаким способом. Что открытие новых объектов познания совершается через предварительное открытие признаков существования этих объектов, это ясно из всего, что было сказано ранее о процессе образования полного понимания. Что же касается до того, что твердо построенная теория определения признаков существования может послужить источником таких доказательств, которые до сих пор не могли быть найдены никакими усилиями, то это требует объяснения. Есть вещи в мироздании, которые никогда не могут быть познаны, но о существовании которых человек может знать; и есть другие вещи, которые уже с значительным совершенством познаны теперь, но о которых, как это ни странно, по-видимому, он не знает еще, существуют они или нет. Первые относятся к тем высшим и темным областям бытия, в которые еще ни разу не проникал *знающий* взгляд человека; эти области могут быть совершенно недоступны для человека всеми сторонами своего бытия, но, однако, могут быть познаны в одной из этих сторон — в существовании. Такова, быть может, первая причина самого бытия. Здесь хотя познание по необходимости будет неполным, будет только в зачаточном состоянии; но тем не менее по глубокой важности самого предмета оно будет исполнено великого интереса и значения. В простом отрицании или в простом утверждении здесь может заключаться неизмеримо высший смысл, нежели в подробном и отчетливом знании чего-либо мелочного, ничтожного. К предметам, которые познаны достаточно, но относительно которых нет еще всеобщей и несомненной уверенности, существуют они или нет, принадлежит духовное существо самого человека; здесь мы видим, что психические явления описаны и разъяснены достаточно, самое же существование того,

в чем происходят они ($\psi\upsilon\chi\acute{\eta}$ *), до сих пор подвергается сомнению.

Это важное учение о признаках существования должно быть развито в ряд строгих правил, с помощью которых возможно было бы безошибочное утверждение или отрицание существования там, где оно не может быть открыто и доказано непосредственно, но только косвенно. Эта косвенность и должна состоять в замене указания на самое существование — где оно невозможно — указанием на признаки существования, которые должны быть заранее изучены и классифицированы в рассматриваемой форме понимания. Как образчик подобных правил, с помощью которых открывается и доказывается присутствие неизвестного, можно привести следующее: «Существование скрытого неизвестного несомненно, когда в познанном известном, разложенном на причины и следствия, обнаруживаются следствия, не могущие быть отнесенными ни к одной из полученных от разложения причин; т.е. когда в следствиях обнаруживается избыток в сравнении с причинами».

VI. Учение о происхождении существования должно открыть и доказать или самосущность его, т.е. первоначальность, вечность и нескончаемость; или указать источник, его породивший, т.е. найти причину, вызвавшую самое существование к бытию. То или другое разрешение этого вопроса возможно сделать, и притом в точных формах, рассматривая глубже сущность и основные атрибуты существования. Потому что причина, как бы повидимому непостижима ни была она, всегда может быть постигнута через пристальное рассматривание следствия, которое порождено ею, — в данном случае через рассматривание самого существования; ибо это следствие как бы низводит причину до нас и в своей природе скрывает и раскрывает тайную природу своего источника. Познавая причину через следствие, мы как бы познаем невидимое, отражающееся через наблюдаемое отражение; и вся достоверность познания здесь зависит от точного знания законов отражения или — переходя от примера к самому делу — от истинного понимания соотношений между причиной и следствием.

* душа (греч)

Так, если существование не первоначально, то была какая-то причина, некогда породившая его; но для того, чтобы породить следствие, действительно существующее (каково пребывание), эта причина должна была сама существовать, т.е. уже заключать в себе существование; откуда следует, что существование не могло быть позднее своей причины. Если же существование совечно со своей причиной, причина же эта не может быть не первоначально, то, следовательно, безусловно первоначально и самое существование; по крайней мере в том смысле, что не было ничего ранее его и оно не было позднее чего-либо. Но эта первоначальность не обозначает непроемчивости: хотя невозможно, чтобы существование было позднее чего-либо, однако возможно, что оно порождено причиной, ему одновременною; как возможно, что оно и ничем не произведено, но всегда пребывало само-по-себе. Приблизиться к разрешению этого сомнения, суживая возможные на него ответы, можно через рассмотрение основного атрибута существования — его простоты. Простое (не сложное) может быть произведено или простым же, или сложным. Но простое может произвести простое только после себя, иначе оно слилось бы с ним, отождествилось, стало бы одно; так, например, движение может произвести движение же, только совершившись. Выше же было доказано, что существование было не после своей причины; следовательно, произвести его могло только нечто сложное. Сложное же может произвести простое, только разложившись на свои начала, т.е. высвободив из себя, как часть себя, это простое, входившее в него. Следовательно, по происхождению своему существование есть или первоначальное самосущее (беспричинное), или оно есть первоначальная часть самосущей причины всего, некогда цельной, но потом разложившейся и выделившей из себя существование, которое дало бытие всему, войдя в это все, как одна из сторон его. Но если эта первоначальная самосущая причина всего выделила некогда из себя существование, то с ним она лишилась той стороны бытия, без которой невозможно дальнейшее соединение и пребывание других сторон его (сущности, атрибутов и пр.); т.е. с выделением существования, некогда совершившимся, эта первоначальная самосущая причина всего перестала сама существовать и, дав жизнь всему, исчезла, перейдя во все.

VII. Учение о цели существования должно ответить на вопрос, для чего появилось оно; или, если ему присуща вечность, — какой смысл и значение имеет это вечное пребывание его? На этот вопрос о первоначальном и конечном назначении существования можно ответить, рассмотрев, что выполнило оно появившись или что производит пребывая. Появившись (или существуя), оно не пребыло само по себе, одно; но, присоединившись к чему-то, произвело существующее, т.е. мир вещей и явлений. Итак, существование овеществило нечто; и, следовательно, чтобы овеществить — появилось. Что же именно овеществило оно? То, чем бывают вещи ранее, чем присоединяется к ним существование; и чем снова становятся они, когда лишаются его. Но так как и вещи, потеряв существование, становятся только символами, общими типами, идеями вещей — напр., круг, исчезнув, оставляет в воспоминании представление круга, в котором есть все, что и в исчезнувшем, кроме действительности, т.е. существования; и так как и идеи вещей, если им придать существование, становятся действительными вещами, — напр., представляемый мысленно круг, будучи изображенным, становится действительным кругом; — то трудно воздержаться от мысли, что первоначальное и конечное назначение существования состояло в том, чтобы осуществить идеи в вещах и мир, некогда помысленный, сделать действительным.

VIII. Учение о сходстве и различии бытия (пребывания) есть учение о *формах существования*. Эти формы суть следующие: *небытие, бытие потенциальное, бытие образующееся и бытие реальное*. Рассмотрим каждую из этих форм.

Небытие как противоположность бытия, как его отрицание или, быть может, — как его исходная точка. Не следует небытие смешивать с пустотою; потому что пустота, существуя, тем самым заключает в себе некоторое существование и становится бытием. Небытие есть только противящееся бытию, не допускающее его и несовместное с ним.

Интересен вопрос, может ли небытие каким-либо образом, при каких-либо условиях, перейти в бытие? Т.е. в том смысле, что в небытии, без участия чего-либо внешнего, может ли само с собою возникнуть и развиться бытие? Вопрос этот не только интересен сам по себе, но также и важен для разрешения множества

других интересных вопросов; потому что с появлением, напр., человека в мире появилось, по-видимому, многое такое, чего в нем ранее совершенно не было; именно сюда относится вся область духовного творчества человека — творчество художественное, политическое, религиозное. Если мы признаем, что в небытии не может зародиться бытие, то ясно, что все творчество человеческое в какой-то тайной форме существовало уже ранее, чем появился сам человек; и эти тайные формы он только воспринял в себе и выразил явно в своей истории. Если же мы не признаем возможным допустить это, то тем самым вынуждены будем допустить непостижимую тайну возникновения в небытии бытия, возникновения самопроизвольного, без всякой внешней привносящей причины.

Чтобы разрешить как этот, так и многие другие вопросы о формах бытия, частью возникающие тотчас при мысли о них, частью могущие возникнуть впоследствии, недостаточно ограничиваться общими представлениями об этих формах, но необходимо подвергнуть их всестороннему изучению по всем схемам разума.

Итак, первый вопрос, который предстоит разрешить здесь, заключается в том, существует ли вообще небытие? Трудно разрешить его непосредственно; но, как кажется, в самом утверждении «существует небытие» есть некоторое внутреннее противоречие: существовать может только что-нибудь, и, существуя, «небытие» уже включает в себе существование, т. е. становится бытием. Пустота, правда, существует; но она несомненно отличается от небытия; она есть некоторое положительное условие для бытия, потому что замещается им. Отрицание также существует; но и его не следует смешивать с небытием, потому что оно предполагает отрицаемое и даже указывает на него; небытие же ничего не предполагает — его просто нет. Итак, вероятнее, что существует только бытие; небытие же недействительно; оно только мнимо разумом как противоположное бытию, которое он знает и которое он познает. Заметим, что если это действительно так (а кажется, в этом нельзя сомневаться), то рассматриваемый случай представит любопытный образчик того явления, что и несуществующее может быть мыслимым, и притом мыслимое о нем может быть правильно

и неправильно; откуда следует, что и то, чего нет, может быть предметом как истины, так и заблуждения.

Возможно, впрочем, и то, что небытие, в ограниченном, неполном смысле — как противоположное бытию, появляется в момент исчезновения этого последнего и пропадает, когда исчезновение совершилось, становясь тогда чистым небытием; потому что в противоположность всему другому небытие действительно только тогда, когда его нет.

Второй вопрос, что такое это небытие? Так как небытия в действительности нет и есть только идея о нем, то вопрос этот сводится к возможно точному определению этой идеи, к возможно ясному и истинному выражению понятия о небытии. Выше было сказано, что небытие нельзя назвать ни пустотою, ни отрицанием только. Про него нельзя также сказать и того, что оно есть «отсутствие бытия», потому что отсутствует то, что еще не явилось, или то, что уже исчезло, и, говоря так о небытии, мы приписываем ему указание на эту двойственную возможность, тогда как оно ни на что не указывает, ибо его нет. Быть может, самое правильное отношение к небытию и самое правильное выражение его было бы *неопределенное отрицание*; неопределенное потому, что все определяющее, ограничивающее, отличающее свойственно бытию. Небытие есть нечто несказуемое, невыразимое, о чем не следует ни говорить, ни думать и только отрицать все, что по неосторожности кто-нибудь стал бы говорить или думать о нем.

Ясно, что вся эта форма науки, равно как и последующие учения о небытии, должны измениться в случае, если б нашлось доказательство его не мнимости только, но действительности.

Третий вопрос, каковы свойства небытия или, если оно недействительно, что может быть выведено как следствие из его положительного определения?

Если небытие недействительно, то определение его в отличие от определений всего другого является замкнутым в себе, не раскрывающимся ни в какие понятия, не выпускающим из себя никаких следствий. Если же небытие действительно, то его определение допускает вывод ряда отрицательных положений, выражающих его отрицательные атрибуты, или, что то же, отрицающих в нем присутствие положительных

свойств, каковы: «небытие неизменчиво», потому что нет ничего, во что оно могло бы измениться, продолжая быть небытием; «небытие неуничтожимо», потому что прерваться его существование (в случае, если мы допускаем последнее) могло бы лишь тогда, когда оно внутренне переродилось бы в бытие, что невозможно; «небытие не связано с чем-либо» — ни сходством, потому что ни с чем не имеет ничего общего; ни различием даже, потому что противоположно всему; ни причиной, потому что ничто не породило его; ни целью, потому что ничего не стремится и ничего не может породить.

Четвертый вопрос, откуда и как произошло небытие, если оно действительно, или как возникла идея о нем, если оно недействительно? Идея о небытии могла возникнуть из идеи бытия через отрицание в последнем всего, что составляет его и что есть в нем. Так, из понятия, что «бытие есть нечто существующее, обладающее природою, наделенное свойствами, производимое и производящее, сравнимое и измеримое» получается через отрицание утверждаемого понятие небытия: «есть нечто противоположное бытию, лишенное существования, природы и атрибутов, непроисходящее и непроизводящее, несравнимое и неизмеримое». Если же небытие действительно, то (смотря по тому, в каком смысле понимать его) оно или безначально, или происходит вследствие исчезновения бытия. Если понимать его не как отрицание бытия только, но как нечто самостоятельное, в самом себе пребывающее, то оно безначально; потому что как могло произойти творение «несуществования» и в чем мог состоять акт творчества, «ничто» породивший? Если же понимать «небытие» в смысле менее совершенном, т.е. лишь как отрицание бытия, как пустоту, являющуюся там, где оно исчезает, тогда возникновение его становится и возможным, и понятным: оно кроется в том несовершенном исчезновении, которое имеет место в наружных явлениях природы. Так, когда разрушается какой-либо предмет или прекращается какое-либо действие природы, тогда наступает небытие для разрушившегося и прекратившегося, небытие, таким образом, *частное* (касающееся только определенного предмета или явления) и *несовершенное* (потому что предмет или явление не исчезли совершенно, но

исчезла только прежняя форма бытия их, заменившись другою).

В-пятых, вопрос о цели небытия. Если цель понимать как нечто такое, к осуществлению чего стремится что-либо, то ее не может быть у небытия; потому что, будучи несуществующим, оно не может осуществить что-либо существующее иначе как переродившись в бытие; и не может стремиться к этому, так как лишено всего, что в состоянии было бы изменяться, — а стремление есть вид изменения.

В-шестых, вопрос о сходстве и различии небытия. Небытие имеет только одну категорию отношения: оно тождественно самому себе. Но ни с чем другим оно не имеет ни сходства, ни различия даже. Сходства оно не имеет ни с чем, потому что единственное, чем обладает оно, — это несуществование; всего же остального оно лишено; напротив, все другое, с чем его можно было бы сравнить, хотя и обладает всем, чего нет в небытии, однако лишено именно того одного, что есть в нем, — несуществования. Заметим еще, что если б небытие имело с чем-нибудь сходство, то оно слилось бы с ним как с тождественным; потому что в случае своей действительности небытие имеет только существование и ничего другого; но и то, с чем оно имело бы сходство, также содержит в себе существование; таким образом, имея нечто общее и ничего различающего, они обратились бы при сравнении в тождество и слились бы, как часть сливается со своим целым. Различия же с чем-либо небытие потому не имеет, что это последнее указывает на существование некоторых не общих признаков у различаемого, некоторую степень разницы в сравниваемом; небытие же не имеет никаких признаков, и нет степени разницы между ним и бытием. Оно не существует, а с тем, чего нет, ничего нельзя ни сравнивать, ни сличать, ни различать.

В-седьмых, о количественной стороне небытия. Здесь следует рассмотреть, может ли небытие увеличиваться или уменьшаться и может ли оно делиться или же всегда цельно и едино. Как кажется, справедливее думать, что небытие неделимо, во-первых, потому, что оно не связано ни с пространством, ни с временем, а, во-вторых, потому, что, разделяя небытие, в чем и через что мы стали бы проводить деление? Что касается до увеличения и уменьшения, то понимаемое в абсо-

лютом смысле небытие неувеличимо и неуменьшимо, а понимаемое в частном и ограниченном смысле оно может увеличиваться и уменьшаться с увеличением и уменьшением бытия — как пустота, образующаяся после исчезновения отдельных форм этого последнего.

В заключение снова напомним, что все сказанное о небытии имело целью не действительное познание его, но указание форм познания, которые предстоит в будущем образовать о нем; не разрешение сомнений и вопросов, но их возбуждение.

IX. *Бытие потенциальное*, как форма существования в настоящем того, чему предстоит или что может осуществиться в будущем. Сюда относится и бытие условное. Строго говоря, условность — только форма выражения, не относящаяся к самому бытию, но высказывающая отношение к нему говорящего. Потенциальное бытие переходит в реальное всегда при некоторых определенных условиях; когда говорится только о возможности его совершить этот переход, тогда выражение имеет характер категорический и только относится к будущему времени («это семя станет со временем деревом»); когда, говоря об этой возможности, указывают и на те обстоятельства (условия), при которых этот переход может совершиться, тогда выражение принимает форму условного предложения («это семя станет деревом, если к нему присоединится земля»); предмет же, о котором говорится, и в том и в другом случае остается тот же.

Что все, имеющее осуществиться некогда в будущем, существует уже теперь и действительное в настоящем существовало уже ранее — это необходимо принять потому, что иначе пришлось бы допустить беспричинное возникновение предметов и явлений, беспрерывное творчество в природе, самозарождение бытия в небытии. Но если допустить это невозможно, то необходимо признать, что возникающее, видимо, ранее возникновения своего существует в некоторой скрытой форме. Это скрытое предсуществование всего действительного мы и называем существованием потенциальным.

Было бы ошибочно думать, что это возможное в будущем существование есть нечто совершенно недействительное в настоящем; что его нет в природе и оно только предусматривается разумом, который,

созерцая реальное бытие, переносит в прошлое его логически необходимые зачатки. Нет, в смысле «существования» потенциальное бытие столь же действительно, как и реальное; но только эта действительность его имеет совершенно другой вид, нежели в бытии реальном. Нам трудно понять эту особенную форму скрытого предсуществования, но это не потому, что ее нет, и даже не потому, что она редка, но только от того, что мы живем чувствами более, чем сколько следовало бы, и разумом менее, чем сколько могли бы. Этим тайных невидимых форм предметов и явлений неизмеримо более, нежели видимых наблюдаемых, и эти последние — только незначительная часть их, получившая осуществление в данный момент. Их численное отношение можно хорошо выразить, сравнив первые с невидимыми пылинками, наполняющими темную комнату, а вторые — с теми немногими из них, которые ярко играют на проникающем в комнату солнечном луче, образуя собою светлый столб; причем пылинки, беспрестанно вступающие из темной области в сферу луча, представляются как бы появляющимися тут впервые, а выходящие из этой сферы — как бы совсем пропадающими; хотя в действительности, мы знаем, здесь не происходит ни появления, ни исчезновения.

Рассмотрим важнейшие вопросы, которые относятся к этому виду существования и разрешение которых должно составить в будущем содержание рассматриваемой формы понимания.

Сюда относится прежде всего вопрос об отношении потенциального существования к другим формам бытия — к небытию, к бытию образующемуся и к бытию реальному с его подразделениями. Разрешая этот вопрос, следует рассмотреть, что именно прибавляется или что именно убывает в бытии при переходе его из одного вида существования в другой, далее — каким именно способом, через какой скрытый процесс проходит это прибавление и убавление чего-то в бытии и, наконец, — в чем лежит источник, причина этого прибавления и убавления. Потому что если, например, семя не есть совершенно то же, что выросшее из него дерево, то, следовательно, к семени присоединилось нечто, вследствие чего оно перестало быть тем же, чем было; это присоединение прошло через какой-либо

сложный или простой процесс; и, наконец, была некоторая причина, сила, которая двигала прибавляемое, сближая его с семенем.

Далее следует разрешить сомнение, всякое ли потенциальное бытие переходит в последующие более совершенные формы существования — в состояние образующееся и в состояние реальное; или некоторые потенции вечно сохраняют свою природу, а другие необходимо приобретают реальность; или же, наконец, переход потенциального бытия в реальное есть вообще дело случая, так как зависит от случайной встречи потенции с сочетанием определенных условий, необходимых для такого перехода? Если последнее предположение справедливо, то существование всего видимого мира тогда необходимо должно будет признать произведением случая.

Сходно с предыдущим и следующее сомнение, только оно идет с противоположной стороны: все ли, что есть в природе реального, возникает из потенциального, или же есть такие вещи и явления, которые всегда бывают реальны и никогда — потенциальны?

В связи с этими двумя сомнениями находится также и этот вопрос: исчезая, реальное бытие переходит ли в потенциальное, или, оставаясь реальным, оно только превращается из формы одного предмета и явления в форму другого предмета и явления, столь же действительного, как и предыдущий; так что перемена происходит не в форме существования, но только в форме других сторон измененной вещи: в сущности, свойствах и прочем?

Когда будет разрешен вопрос о взаимном отношении потенциального существования к другим формам бытия, следует перейти к тщательному изучению самой потенциальности как явления и типов ее.

Едва ли несправедливо будет сказать, что сущность потенциальности заключается в раздельном существовании в природе начал формируемого и формирующего; ее свойства — в возможности и в стремлении к сочетанию этих двух начал; ее назначение — в самом сочетании, производящем реальное; ее источник и причина — в этой указанной разъединенности образующих и образуемых начал как необходимом условии безграничного разнообразия природы и беспредельного развития ее. В этом смысле потенция будет частью

реальной вещи, и как часть, как элемент она будет столь же реальна, как и самая вещь; потенциальна же она будет лишь по отношению к целому, которое из нее произойдет со временем, когда она соединится с другими частями этого целого. Но только слово «часть» здесь следует понимать в смысле «одного из образующих начал», а не в грубом смысле чего-то явившегося после разделения целого, как бы ни произошло это разделение, или из чего-то могущего составить из себя целое, как бы оно ни было сложено. Например, семя раздавленное уже не есть потенция дерева, хотя в нем есть все то, что есть и в нераздавленном семени; или части разрубленного дерева не суть потенции его. Потенции — это части, из которых может, а иногда и стремится возникнуть целое; между которыми, раз они встретились, вследствие скрытой в них жизненности, силы и законов, начинается некоторое взаимодействие, в котором сами они преобразовываются — исчезают как реальные существа и одновременно перестают быть частями, — а на месте их, когда таинственный процесс взаимодействия совершится, появляется новое целое, которого явно не было в соединившихся частях и которое явно не заключает их в себе. И только для анализирующего разума, видящего, что исчезло в процессе и что появилось из него, ясно, что исчезнувшее есть то же, что и появившееся; потому ни перестать совершенно существовать ничто не может, ни возникнуть что-либо из ничего.

Типов потенциальности пять: 1. *Материальные-определенные потенции*, которые переходят в один определенный вид бытия, в них уже предустановленный, например, семя по отношению к дереву, из него вырастающему; 2. *Материальные-неопределенные*, которые переходят в неопределенное множество предметов, соединяясь с неопределенным множеством видов их, заключенных в предыдущих (определенных) потенциях, например, вещество земли по отношению к растению, в которое оно входит; или по отношению к животному, которое этим растением питается; или по отношению к кристаллу, из него образующемуся; или по отношению к предмету, который выделяется из него человеком; 3. *Идеальные-неопределенные потенции*; это не заключающие в себе ничего вещественного условия невещественных же предметов — вида неопределен-

ного, но строго однородных между собою по сущности. Напр., пространство по отношению к формам, в нем образующимся; плоскость по отношению к линиям, которые на ней могут быть проведены; силы природы по отношению к явлениям, в которых они обнаруживаются; 4. *Идеально-определенные*; это невещественные условия единичных, определенных и, трудно сказать всегда ли, вещественных предметов; например, образ в мысли художника по отношению к статуе, которая воплотит этот образ; фигура в мысли геометра, который, открыв ее умозрительно, потом переносит на бумагу; 5. *Предыдеальные потенции*; из всех видов существования это, быть может, наиболее чистый, беспримесный; и по трудно постигаемой природе своей — быть может, наиболее интересный. Есть факты — они будут приведены ниже, — что это существование не связано ни с каким определенным пространством или временем, так что нет ничего, на чем человек, остановив свое внимание, мог бы сказать: «здесь оно существует», и между тем это, нигде не указуемое, есть, существует. Если принять во внимание, что все другие формы существования связаны с какими-либо частями пространства и времени, то предыдеальные потенции едва ли не следует признать единственно полным существованием, а другие формы бытия — ограничением его, как бы умалением полноты его природы. К этому виду потенций принадлежит, например, разум с его схемами по отношению к идеям о бытии и о сторонах его; истина о геометрических соотношениях ранее открытия этих соотношений мышлением человека; и многое другое.

В заключение мы должны сказать, что явление потенциальности должно быть изучаемо преимущественно путем наблюдения и опыта. Вот главнейшие ступени этого предстоящего изучения: необходимо прежде всего отыскать в природе возможно большее количество примеров потенциального существования, и притом по возможности разнообразных, *исчерпывающих* все существующие формы или типы потенциальности. Эти примеры следует искать в царстве растительном и животном, в явлениях психического творчества человека и в событиях исторической жизни, в предметах, создаваемых волею человека и силами природы и т.д., и т.д. Таким образом, *через наблюдение*

откроется потенциальность во всех своих проявлениях и будет создана первая и основная часть учения об этой форме бытия — *часть описательная*, содержащая в себе изображение всех видов и разновидностей этого бытия. Во-вторых, путем *искусственного опыта* прибавляя к найденным в природе потенциям недостающее или отнимая в них излишнее, мы можем переводить их в другие формы бытия — образующееся, реальное и др.; и, при этом внимательно наблюдая как за прибавляемым, так и за способом самого прибавления, можем точно определить *разность между всеми формами существования* и достигнуть понимания всех *процессов перехода существующего из одной формы пребывания в другую* и, таким образом, создать вторую часть рассматриваемого учения — *учение об отношении потенциального бытия к его другим формам*. Далее, *сравнивая* различным образом результаты предшествующих наблюдений и опытов и выделяя в них *общее и постоянное*, мы можем вывести некоторые *общие правила* об явлениях потенциальности — их природе, свойствах и отношениях. И наконец, *через умозрение открыв необходимость* в этих общих и постоянных правилах, можем достигнуть последней цели всего изучения — *возвести найденные в частных наблюдениях правила в вечные законы природы*, или, что то же, *понять потенциальность в ее вечных и необходимых проявлениях*.

Х. Бытие образующееся как переход потенциального в реальное, как осуществление возможного в действительном. Через эту особенную форму пребывания, которая отлична и от действительного существования — уже законченного и неподвижного, и от потенциального — которое также неподвижно и в котором только скрыта возможность действительности, проходит почти все существующее, по крайней мере все изменяющееся в существующем.

Что в природе действительно есть эта особенная форма существования, еще *не пребывающая*, но уже *и переставшая не пребывать*, это не подлежит сомнению и может быть проверено опытом и наблюдением: она есть во всем, что образуется, совершается, делается, выполняется. Так, есть моменты, когда семя уже разрушилось, а растение еще не выросло, когда смерть уже касается первого, а жизнь еще не наполняет второ-

го; или моменты, когда сомнение уже колеблется и проясняется, но идея еще не определилась в сознании; и т.д. до бесконечности. Во всех этих случаях то, во что переходит потенция (реальное), еще не существует; но уже не существует как возможность только и самая потенция; появилось нечто третье, промежуточное между этими двумя крайними формами бытия; нечто колеблющееся и постоянно изменяющееся, что в отличие от потенциального и реального мы называем *образующимся бытием*; а форма пребывания этого последнего и есть подлежащее познанию, несомненно лежащее в природе *образующееся существование*, — то существование, которого еще нет в полном значении этого слова, но которое уже есть в некотором особенном, ограниченном, ему только свойственном смысле.

В чем состоит сущность этого особенного вида пребывания? Его сущность состоит в *проявлении*. Есть нечто, что уже появилось и существует, и есть другое, что еще не появилось и чего еще нет; но есть третье, что *проявляется* только, что выполняет уже, но еще не выполнило скрытую в нем раньше способность к существованию, что осуществляет уже, но не осуществило еще свое стремление к этому пребыванию. Это зачаточное, недоконченное, несовершенное существование, все более и более *приближающееся* к совершенному и законченному, и есть образующееся. В нем реальное пребывание, как определенное в неясном, как строго очерченное в смутном, все ярче и ярче *проявляется*, *проступает*, пока это неясное и смутное не исчезнет совершенно и не уступит всецело своего места реальному.

Таким образом, бытие образующееся состоит из некоторого соединения бытия с небытием, принимая последнее в ограниченном смысле — в смысле пустоты, недостатка. В нем уже есть нечто, что образовалось; и есть другое, что не образовалось еще. Есть недостаток в сравнении с тем, что из него выйдет; но уже поэтому есть и нечто такое, что делает недостаток недостатком только, но не отсутствием, что, следовательно, есть, выполнено, достает. Есть появившееся и пребывающее, но и есть непооявившееся, непребывающее. Есть бытие, но недоконченное, к которому нужно еще нечто прибавить; и есть небытие, которому предстоит уничтожиться, есть недостаток, который воспол-

нится. И это бытие есть некоторые *части* будущего реального *целого*, а это небытие точно соответствует его *недостающим частям*, следовательно, есть небытие некоторого определенного, что имеет появиться и что уже появляется для восполнения недостающего в бытии. Но если из соединенных вместе бытия и небытия состоит бытие образующееся, то, следовательно, сущность этого последнего заключается в самом *смешении* этих двух начал, в смешении необходимо *временном*, продолжающемся до тех пор, пока продолжается образование. Самый же процесс образования есть не что иное, как постоянное изменение взаимного отношения обоих слагающих элементов — именно *постепенное уменьшение* небытия и *постепенное возрастание* бытия; до тех пор, пока совершенно уничтожится первое и проявится во всем своем целом второе, т.е. когда прекратит свое существование бытие образующееся и останется пребывать бытие реальное.

Основное свойство бытия образующегося — это *неустойчивость* его. Оно неустойчиво по самой своей природе, смешанной из противоположных начал, взаимно *исключающих* друг друга и только здесь *неестественно соединенных*. Неустойчивость и порождается этой неестественностью, этой *противоприродностью* их соединения. Они стремятся освободиться друг от друга, потому что, только *освободившись* от другого, каждый из этих элементов может стать *самим собою*, возратить себе свою природу, скажем более — стать *чем-нибудь*: потому что ни бытие, соединенное с небытием, не есть бытие; ни небытие, соединенное с бытием, не есть небытие. В этом стремлении каждого из двух начал, составляющих бытие образующееся, к *осуществлению себя* и лежит источник непостоянства их взаимного отношения, их неспособности пребывать неизменно, их *неуклонного* стремления разрушить в следующий момент то отношение, которое установилось в момент предшествующий, как нечто *противное* их природе, как нечто неестественное для них.

Неустойчивость, как *внутренний* и *невидимый* атрибут образующегося бытия, видимо, проявляется в другом, из него *вытекающем* свойстве — в *постоянной изменчивости*, *подвижности* образующегося бытия: что не может стоять, то должно двигаться; что не может оставаться в *прежнем* состоянии, то должно

изменяться. Эта подвижность, естественная и необходимая в образующемся бытии, есть условие его развития, есть причина того, что с каждым наступающим моментом оно все ближе и ближе подвигается к осуществлению чистого реального бытия. Сущность же его подвижности, как уже было сказано ранее, состоит в постоянном изменении в нем количественного отношения бытия и небытия, и именно в возрастании первого и в убавлении последнего. Эта постоянная правильность в изменении взаимного отношения составных элементов придает правильность и самому процессу образования: он правилен потому, что не состоит то в прибавлении, то в убавлении то одного элемента, то другого, но в постоянном прибавлении одного бытия и в постоянном убавлении одного небытия. Бытие постоянно превозмогает небытие и замещает его, восполняясь недостающим. Почему превозмогает именно бытие над небытием, а не наоборот? Потому что образующееся бытие исходит из потенции, в которой предуготовлено реальное бытие, то, которое и превозмогает поэтому, но в котором нет ничего, что могло бы способствовать увеличению небытия или что могло бы хотя только приостановить его исчезновение.

Таким образом, причина, почему существует образующееся бытие, — понятна, равно как и исходная точка его развития и его конечная цель. Оно существует потому, что невозможен для природы и невысказан для разума прямой переход потенции в реальность, без всего посредствующего, промежуточного, соединяющего; так как различное не переходит в различное, прямо превращаясь, но только приближаясь, т.е. постепенно утрачивая различающее и приобретая сходное. Это приближение, совершающееся путем бесчисленного множества неуловимых изменений, и выражается в бытии образующемся, где потенция, как возможное, переходит в реальное как действительное. Далее — исходная точка движения в образующемся бытии и есть соприкосновение потенций и начало их взаимодействия, а конечная цель в нем есть реальность.

Что касается до типов, или, правильнее, — *модусов* образующегося существования, то их четыре: *сложение, размещение, преобразование и превращение*. Первое

происходит, когда целое есть однородное большое, а его потенция — однородное с ним малое. В этом случае образование первого происходит через простое соединение нескольких вторых, напр. куча через соединение нескольких камней. Второе (размещение) происходит тогда, когда целое есть сложное, части которого строго определены в своей форме и содержании каждая и ранее появления целого существуют отдельно. В этом случае первое образуется, когда вторые размещаются относительно друг друга так, что, переставая быть самостоятельными предметами, становятся только частями одного нового, напр., сера, уголь и селитра — частями пороха, или камни и щебень — мостовую, или графит и дерево — карандашом. Третье (преобразование) происходит тогда, когда целое сложено из содержания и формы, которые ранее появления его (целого) существуют отдельно одно от другого. В этом случае целое происходит через преобразование своих потенций — именно через раздвижение формы до пределов, могущих вместить все содержимое, и через приобретение содержанием нового вида путем вступления в раздвинувшуюся форму. Обе потенции при этом утрачивают прежний образ и приобретают некоторый другой, или, точнее, — образ каждой из потенций осложняется чертами, заимствованными из другой потенции. Напр., образование дерева происходит через утрату семенем прежних размеров и приобретение новых, соответствующих количеству вещества, которое имеет вступить в него; а вещество, сохраняя свои размеры, приобретает формы семени. Четвертое (превращение) происходит тогда, когда потенции в процессе взаимодействия так влияют одна на другую, что каждая из них становится иным, отличным от того, чем была ранее, через приобретение новых свойств и утрату прежних (что происходит от вступления в новые соотношения). Так, напр., в химических соединениях сложное не походит на свои элементы ни по цвету, ни по вкусу и запаху, т.е., соединившись, элементы изменились во всех своих свойствах.

XI. *Бытие реальное* — то, которое есть, к осуществлению которого стремилось бытие образующееся и ради которого пребывала потенция; само же оно пребывает для себя.

Эта форма бытия есть единственно полная, совершенная и законченная форма. Правда, сравнительно с другими формами бытия она обнимает только ничтожную часть Космоса; но зато она есть венец этих других форм, которые только предуготовляют ее, в самих же себе не носят значения. К этим другим формам существования реальное бытие относится так же, как происходящие в данный момент явления природы относятся ко всей массе явлений, которые потенциально таятся в силах природы, могут быть произведены ими и произведутся в будущем; или как органический мир, живущий теперь на поверхности земли, относится к гораздо обширнейшему органическому царству, остатки которого скрываются в земной коре.

По характеру своего соединения с формой реальное бытие разделяется на следующие виды: 1) *бытие реальное временное* — то, которое, как единичное, приобретает и утрачивает свою форму, а с нею и существование; так как вне этой формы оно сливается с другим общим бытием, имеющим другое существование; сюда относятся вещи, создаваемые человеком, напр. статуя, инструмент, здание, учреждение; или предметы, встречающиеся в природе, напр. камень, цветок, лошадь; или явления, производимые силами природы, напр. горение, падение тела, звук, удар. Здесь то, из чего состоит вещь (вещество вещи), не возникает и не исчезает, равно не возникает и не исчезает форма, с которою соединено это вещество; но то, что составляют соединенные вместе вещество и форма — данная единичная вещь, — и появляется, и разрушается. Так, гранит, из которого состоит данный камень, равно как и вид его и всякого другого камня, постоянны; но, соединенные вместе *теперь и здесь*, они образуют *этот* камень, который и появился когда-то, и вновь разрушится. И если разъединившиеся с его разрушением вещество и форма когда-либо соединятся вновь, они образуют собою уже не этот, но *тот другой* камень, столь же временный, как и прежний. Таким образом, эта и все другие единичные вещи как бы *проходят* во времени и в этом прохождении *временно соприкасаются* с пространством, осуществляясь тогда; но постоянного отношения ни к пространству, ни ко времени они не имеют; поэтому им свойственно *бывание как ограниченная началом и концом форма бытия*.

2) *Бытие реальное, вечно изменяющееся*; сюда принадлежит вещество, из которого все делается человеком и создается природою; оно постоянно видоизменяется, соединяясь с различными внешними формами, так что собственно в нем самом отрицается всякая форма; но пребывает оно вечно, будучи соединено с постоянною формою существования — реальною. 3) *Бытие реальное, вечно неизменное*; сюда относятся, напр., геометрические соотношения: они неизменны, потому что они истинны; они безначальны, потому что не было времени, когда бы существовали другие соотношения, чем теперь, и, следовательно, теперь существующие никогда не возникали, но всегда были; они вечны в будущем, потому что невозможно, чтобы они, истинные, изменились во что-либо другое, ложное. Так, секущая всегда в двух точках соприкасается с окружностью; так, в прямоугольном треугольнике гипотенуза всегда равна квадратному корню из суммы квадратов катетов; так, объем шара всегда равен $\frac{4}{3}\pi R^3$.

К реальному бытию применяется строго все сказанное о бытии вообще, об его сущности, атрибутах основных и определяющих, происхождении и назначении. С тем вместе исчерпывается все, что может быть узнано о существовании вообще, рассматриваемом в самом себе, а не в проявлении его в Космосе и в вещах, лежащих в нем.

Скажем в заключение еще несколько остерегающих и объясняющих слов об этой форме понимания.

Понять существование есть первая и самая трудная задача науки как цельного миропонимания. Выходя из внутренней сосредоточенности, разум прежде всего встречает его. Познав себя и то, что совершается в себе, мышление обращается к тому, что лежит вне его, и первое невольное удивление и невольный вопрос его — что́ это такое, что существует этот мир? т.е. что такое это существование мира, что лежит в мире, отчего он существует, что такое существование само по себе? И чтобы разрешить этот первый и трудный вопрос, необходимо, чтобы предшествовавшее ему самоуглубление разума было не бесплодно; чтобы хорошо созданы были и учение о познающем, и учение о познавании, как предварительные ступени для учения

о познаваемом, существование которого предстоит понять теперь.

Трудность здесь состоит в запутанности вопросов; в том, что один вопрос перешлетается с другим, и притом так, что, разрешая один, как будто запутываешь другой, уже разрешенный; а снова разбирая первый, опять затрудняешь второй, уже распутанный. Так, например, определяя различные типы существования, как будто спутываешь вопрос об однородности, простоте существования; а снова восстанавливая ее, как будто затрудняешь определение его типов как различных форм. Далее, много представляет затруднений неясность вопросов, неточность границ их; как будто ускользает порою из-под мысли то, что мыслится, и из-под слова то, о чем говорится. Так с учением о потенциальном существовании: есть нечто в настоящем, что осуществится в будущем, следовательно, есть действительное существование потенциального пребывания, есть действительность в настоящем только возможного в будущем. Это полусуществование, однако необходимое для правильного мышления и для живой природы, чрезвычайно трудно уловить и мыслью, и выражением. Еще большие, хотя и однородные, трудности встречаются в учении об образующемся существовании: здесь, продолжая признавать его простым и потому неизменяемым, является необходимость говорить о его постепенном проявлении как переходе с каждым новым моментом в новое состояние, все более приближающееся к реальному, — является, таким образом, необходимость признать изменяемость в его состоянии. А между тем избежать этого невозможно, потому что трудно признать и то, что «существование» есть нечто сложное, и трудно признать одним обманом чувств явление происхождения, образования вещей. Во всех этих случаях, как бы невольно скользя по трудному вопросу, мысль незаметно стремится заменить его другим, ненастоящим вопросом — вопросом о потенциальности или образовании вещи существующей, а не самого существования, между тем как предмет изучения составляет именно это последнее: вещь, имеющая реальное существование, т.е. *во всем своем объеме и во всех своих формах* в некотором особенном значении имеет существование уже и в потенции, и в процессе; и оно то именно — неосязаемое, только прозреваемое

умом несовершенное существование *целого*, когда еще реальной формы его нет, и составляет здесь неудержимо ускользающий предмет познания. Наконец, есть случаи, когда как будто совершенно исчезает сущность того, о чем спрашивается в этой трудной форме науки; чувствуется смутно, что тут есть что-то, требующее познания, но не сознается, что такое это. Таково все учение о несуществовании. С одной стороны, наблюдая действительность, мы вынуждены думать и говорить: «этого нет, это не существует», следовательно, *«есть несуществование этого»*; а с другой стороны, *«если несуществование есть, следовательно, оно существует, т.е. заключает в себе существование, и, не заключая ничего другого, есть существование»*, т.е. *«несуществования нет, а есть только существование»*. Иначе невозможно примирить эти противоречия, как признав резкое различие между «несуществованием этого» и «несуществованием» безотносительным; приняв первое, как очевидное для чувства; отвергнув безусловно второе, как невозможное и немыслимое. Потому что ясно, что если несуществование есть, то оно есть существование, потому что есть; и вместе с тем ясно, что эта форма этой сделанной мною вещи есть теперь, когда я ее сделал, и нет вот теперь, когда я ее разрушил; есть цельность этой палочки, которую я держу, и нет этой цельности вот теперь, когда я ее переломил. Оба эти предложения безусловно справедливы или по крайней мере одно никак не менее справедливо, чем и другое. Хотя — и это сомнение вновь все спутывает — что же такое «несуществование вообще», как не «совокупность всех этих единичных несуществований»; и каким образом справедливое относительно общего может быть несправедливо относительно частного, которое подходит под это общее, несомненно содержится в нем.

Еще несколько пояснительных слов о том, почему, кроме существующих вещей, мы признали отдельно еще и существование; и почему, несмотря на очевидную простоту его состава, признали различные формы в нем, как будто несовместные с этой простотой.

Существование нам представляется более общим и более неподвижным, чем существующие вещи; представляется неизменным, когда они изменяются, — и потому отдельным от них. Рассмотрим их соотноше-

ние и кажущуюся неразрывную связь: есть существование и есть существующая вещь; находится ли первое во второй как только свойство, присущее ей? Пусть вещь изменилась во всем, даже в сущности, — существование ее осталось неизменным; пусть она разложилась на невидимые элементы — осталось неизменно существование этих элементов и промежутков между ними; пусть исчезнут самые элементы — остается существование пустоты, образовавшейся из слитых в одно промежутков; пусть в пустоте появится что-либо вновь — будет существование появившегося. Словом, невозможно уничтожение существования — оно вечно, хотя вещи появляются и уничтожаются; следовательно, не оно в вещах, но вещи в нем; они то погружаются в него, то выходят из него, то изменяются в нем; само же оно стоит неподвижно. Вот почему, подобно тому как пространство, хотя оно наблюдается только в протяженных вещах, однако мыслится и существует независимо от этих вещей, как высшее условие их бытия, как бесконечная возможность их конечного протяжения; так точно решились мы высказать, что есть вне существующих вещей существование, независимое от этих вещей, как другое, высшее условие их бытия, как вечная возможность их временного пребывания.

Признать, что есть различные формы существования, нас побудила необходимость различить то, что очевидно несходно; потребность различения есть основание классификации видов пребывания. Напр., дерево, уже выросшее, несомненно существует, и форму пребывания его мы назвали реальным существованием. Возможно ли ограничиться им одним и все другое признать или несуществующим, или существующим также? — вот основной вопрос. Если мы признаем, что дерево существует только тогда и только в той форме, когда и в какой форме оно выросло, то, следовательно, в семени дерева нет еще; т.е. что пока существует семя, существования дерева нет. Согласимся с этим и посмотрим, что из этого выйдет. Вот это семя мы разрушили, раздавили и разбросали его части. Дерева, которое могло бы из него вырасти, теперь также нет. Спрашивается, есть ли какое-нибудь различие в несуществовании дерева теперь, когда семя разрушено, и прежде, когда оно было здорово и цело? Кто решится сказать, что различия нет и что дерево теперь не

существует *не в большой степени*, чем прежде? Здравый смысл всех людей признаёт это различие: семя здоровое ценится, и притом не по своему достоинству (величине, вкусу), но по достоинству дерева, с которого оно снято и которое оно воспроизведет: а семя разрушенное не имеет никакой цены. Все попорченные семена одинаково бесценны, а здоровое семя розы дороже, чем семя крапивы. Следовательно, в семени *есть* нечто, кроме семени, что и ценится, ибо за ничто ничего не дают. Но пойдём далее: возможное дерево, семя которого сейчас разрушено, не существует в той ли же самой степени, в какой не существует дерево, уже не имеющее более живых представителей на земле, и семени которого нет не только здесь и теперь, но и нигде и никогда не будет? Вот вопросы, ясно показывающие, что есть различные виды несуществования, а с тем вместе и различные виды самого существования. Одно существование совершеннее другого, в одной форме его более заключено бытия, чем в другой. Существование может действительно прибывать и убывать в вещи, от полного появления своего в ней до исчезновения вместе с нею.

Каким образом возможно это прибывание и убывание существования, если оно просто по своему составу, как соприкосновение с пространством; и каким образом возможны различные формы его, когда оно несложно? Трудно примирить это иначе, как приняв, что существование во всех случаях остается неизменным и тождественным себе, но только не обнаруженным, обнаруживающимся и обнаруженным для чувственного ощущения человека, *проступающим* перед ним, — мы не можем найти более выразительного термина. Всего лучше это можно объяснить сравнениями. Бесцветный и легкий воздух не чувствуется человеком, живущим в нем, и становится ощутимым — когда сжат, хотя ни сам воздух и ничего в нем не изменилось. Во всяком данном пространстве существуют все фигуры, которые когда-либо создавались рукою человека и когда-либо будут созданы его мыслью, однако они все невидимы для нас, и становится осязаема только та, которую обведем мы: вот на чистом листе бумаги я черчу треугольник, — спрашивается, был ли он на бумаге ранее того, как я его начертил? ясно, что был, потому что были все точки, через кото-

рые проходят проведенные мною линии, и эти точки только проступили под карандашом, но не возникли; однако и они, и самый треугольник оставались невидимыми, и для взора недумающего человека его не было. Для большей убедительности треугольник может быть нацарапан ножом: на бумаге ничего не прибавилось, но виден отсвечивающий треугольник, которого не было и который был (для ощущения и в действительности); глаз видит, как под острием ножа *появляется* треугольник, — в сущности же он только *обнаруживается*, но был ранее.

Повторить все сказанное нам казалось необходимым ввиду трудности и неясности этих вопросов. Этим мы особенно оттеняем сомнительность невольво высказанных решений и указываем необходимость дальнейших и упорнейших изысканий. Теперь, исполнив это требование осторожности, мы можем перейти к рассмотрению двух частных учений о существовании.

XII. Учение о существовании вещей в Космосе должно определить форму бытия (пребывания) всего, лежащего в Космосе.

Для того чтобы выполнить задачу, предстоящую этой ветви понимания, необходимо рассмотреть важнейшие части, на которые распадается Космос, и определить форму бытия каждой из них; потом классифицировать вещи в группы по типам бытия.

Не разрешая самой задачи, мы попытаемся привести как руководящий пример несколько таких определений.

Космос распадается на следующие большие группы составляющих начал: **A. Вещество протяженное** (материя) и **формы**, соединяясь с которыми оно образует мир вещей; затем, как обширные группы сочетаний материи и формы, следует отметить: **a) элементы**, **b) соединения** (вещи, состоящие из нескольких соединенных элементов, например, вода), **c) группы соединений**, распадающиеся на α **неорганизованные** или минералы и β **организмы**, делящиеся на 1) **растения** и на 2) **животные**. **B. Начало непротяженное**, делящееся на **a) идеи**, **b) чувства**, **c) желания**. **C. Явления a) в элементах** (химические), **b) в соединениях и их группах** (физические), **c) в организмах** (физиологические), **d) в духе** (психические), **e) в жизни** (общественные). **D. Законы**, управляющие явлениями. **E. Силы**, производящие явления.

Заметим, что достоинство этой предварительной классификации определяется не правильностью ее, но полнотою; потому что не в ней цель, а в определении формы существования всех вещей в Космосе. Поэтому единственное условие, которое здесь должно быть соблюдено — но зато уже соблюдено необходимо, — это то, чтобы никакая вещь в Космосе не ускользнула из-под этой классификации, чтобы все из существующего входило в которое-нибудь из делений ее.

Теперь, сделав эту предварительную классификацию, приступим к примерному определению формы существования вещей. Ясно, что все, доказанное относительно какой-либо группы, справедливо относительно каждой отдельной вещи, входящей в группу, и совокупности всех их — составляющих ее.

XIII. *Вещество протяженное, или материя, находится под одной формой существования — реальной вечно изменяющейся.* Что она не есть только потенция вещей как оформленной материи, это можно думать потому, что она и сама не лишена формы; по крайней мере не было времени, когда бы она была бесформенна, безвидна. И в самом деле, пусть материя существовала ранее, чем появилась первая форма, давшая вид ей, следовательно, материя безвидная. Теперь — когда к ней присоединилась первая форма, то эта форма или изменила что-либо в материи, или не изменила. Если она не изменила ничего в ней, то, следовательно, материя осталась *после* присоединения формы тем же, чем была *ранее* этого присоединения; но если она осталась тем же, то это значит, что она и до присоединения формы была такою же, как после присоединения, т.е. *имела уже форму* этой новой формы и потому именно не изменилась с ее присоединением. Итак, материя или изменилась с присоединением к ней первой формы, или по самой сущности своей сама не лишена формы. Но если она изменилась после присоединения первой формы, то, следовательно, ранее этого присоединения она была отлична от того, чем стала потом, и форма, присоединяясь к ней, уничтожила это несходство. Но несхожим с формою может быть только форма же, и форма, присоединяясь к вещи, может изменить только вид ее: так как не сущность же, не свойство, не причину или что-либо другое, несоизмеримое с собою, изменяет в вещи форма. Следовательно, материя уже

имела вид ранее присоединения к ней первой формы — и именно тот, который получится, если воспроизвести в ней снова все изменения, совершившиеся с присоединением к ней этой первой формы.

Это можно объяснить и подтвердить следующим частным примером: если какое-либо вещество с присоединением к нему, например, формы шара стало шаровидным, то, следовательно, и ранее оно имело некоторую форму, потому что было нешаровидно; ибо о том, что совершенно бесформенно, нельзя сказать, что «это нешаровидно», так как оно не сходно ни с чем и не отлично ни от чего; следовательно, не похоже на шар может быть только имеющее форму не шара. Так и материя ранее присоединения к ней мнимой первой формы уже имела вид не тот, который получила после этого присоединения.

К этому же выводу необходимо ведет еще и следующее соображение: если в определенной форме мы произведем определенное изменение — то получится определенная же форма; но к безвидной материи присоединилась какая-либо одна определенная форма (а не форма вообще) и произвела в ней какое-либо одно определенное изменение (а не изменение вообще). Чтобы возвратить материю к прежнему состоянию, нужно в ней, уже оформленной, воспроизвести все те изменения, которые произвела своим присоединением первая форма, — исправить, изгладить, удалить эти изменения. Итак, совершая это, в определенной форме (первой в материи) мы произведем определенное изменение (удаляющее то изменение, которое произведено первою формою), следовательно, получится в результате определенная форма. Но, совершая это, мы приведем материю в состояние, предшествовавшее присоединению первой формы. Следовательно, ранее этого присоединения материя имела определенную форму. Но по условию присоединившаяся форма была первая, изменившая материю; следовательно, материя всегда имела форму.

XIV. Форма находится под тремя видами существования — вечною потенциальною, временною образующеюся и временною реальною. И в самом деле, в вечном условии всего сущего — в пространстве и в каждой частице его находятся все формы; но скрыто, невидимо, потенциально по отношению к реальным,

видимым и осязаемым формам, которые в нем образуются. Это может быть доказано следующим образом: во всяком данном пространстве мы можем безразлично начертить всякую фигуру, существующую или мыслимую, и сделать ее *осязательной, реальной*. Для этого достаточно заместить это пространство каким-либо окрашенным веществом и в нем изобразить эту фигуру. Окрашенное вещество точно совпадает с замещаемым им пространством, и каждый атом его точно совпадает с какой-нибудь замещаемой точкой, в которой он пребывает. Удалим вещество, и получится ряд точек, линий и плоскостей, расположенных так же, как расположены были материальные точки, линии и плоскости, из которых состояла фигура, но отличающихся от них своею нематериальностью, так как они состоят из чистых пространственных элементов. Но точки эти, равно как и линии, и плоскости, из них состоящие, не были привнесены красящим веществом, следовательно, они всегда здесь были; т.е. созданная реальная фигура существовала здесь ранее как потенция. И так как пространство во всех частях своих тождественно, а выбирая для построения фигуру, мы не определили ее форму, но взяли *безразлично* какую-либо из существующих или мыслимых; то из всего этого рассуждения прямо вытекает, что во всяком данном месте существует потенциально всякая фигура, возникающая в ней реально. Опыт более совершенно может быть произведен следующим образом: можно, мысля фигуру и одновременно двигая глаз, устремленный в данное пространство, согласно с мышлением, начертить в этом пространстве всякую фигуру так, что умственный взор будет как бы видеть ее. Эта изображенная мысленным взором фигура и есть потенция действительной фигуры, которая, овеществившись, заместившись веществом, становится реальною.

Эти потенциальные формы совечны пространству, т.е. всегда, когда существовало оно, существовали и они в нем. Но формы не соединены с веществом необходимо: вещество, правда, не может быть без формы, но форма может быть без вещества и есть. Она присуща пространству и проявляется видимо в материи потому, что последняя, пребывая в пространстве, всегда совпадает с какой-либо из форм, наполняющих его, и овеществляет эту форму, но не создает ее собою.

Образующееся существование формы временно, потому что оно превращается в реальное, когда вещь, в этой форме стремящаяся выразиться, заканчивает свое образование; или возвращается в прежнее потенциальное состояние, если дальнейшее образование вещи почему-либо задерживается и она погибает недоразвившись. Напр., образующаяся форма присуща дереву во все время его вырастания и прекращается в тот момент, когда рост закончен или когда не выросшее еще дерево срубается и сжигается.

Реально форма также существует и также временно, — именно, до тех пор, пока существует предмет, носящий ее (нарисованная фигура, сделанная статуя, минерал, растение). Как уже сказано было, предмет только овеществляет потенцию своей формы, бывшую до его появления в том месте, где он находится; только исполняет роль красящего вещества, которое, наполняя форму, делает ее видимой. С исчезновением предмета форма его остается по-прежнему, но только снова делается потенциальной, т.е. невидимой.

Отличительную черту всех форм составляет их неподвижность и неизменяемость. Они неподвижны, потому что *во всяком месте пространства* есть форма каждого данного предмета; и, передвигаясь, он не передвигает с собою свою форму (это видно из того, что в пространстве, опустевшем после удаления предмета, остается же форма этого предмета, что было бы невозможно, если бы она удалилась вместе с ним, так как во всякой частице пространства находится всякой формы по одной, — или если и много, то слившихся в одну), но, выйдя из нее и через это сделав ее снова потенциальной, вступает в новую форму, одинаковую с прежней по виду, но находящуюся в другом месте пространства — именно в том, куда он передвинулся. Таким образом, кажущееся движение какой-либо формы в сущности есть непрерывное скрывание и обнаружение видимых пространственных форм по пути движущегося вещества — скрывание и обнаружение, сопровождающие выход и вступление этого вещества из одной формы в другую; так что движется вещество, но формы остаются неподвижны. Неизменяемость форм обусловлена тем, что *всякая форма* есть в каждом данном пространстве; так что когда предмет, по-видимому, изменяет свой вид, в сущности он, не двигаясь с места,

выходит из одной формы (после чего она становится невидимой) и вступает в другую форму, которая через это становится видимой. Что это действительно так, это ясно из того, что с изменением вида предмета *его прежняя форма остается* в том пространстве, где он находится, а не исчезает, не разрушается; потому что в этом пространстве потом снова может возникнуть предмет, во всем подобный с прежним, — и, следовательно, обнаружить скрытую существовавшую потенцию прежней формы изменившегося предмета; с другой стороны, *новая форма не удваивается*; следовательно, изменившись, предмет только вступает из одной формы в другую, потенциально здесь бывшую, но не создает своим изменением эту другую форму.

Соединение вещества и формы образует собою оформленное вещество, или мир реальных вещей. Одна из важных задач учения о существовании вещей в Космосе состоит в определении формы пребывания различных сторон вещи вообще, т.е. ее сущности, атрибутов, причины, цели и пр. Но мы отнесем разрешение этой задачи не к учению о существовании, но к учению о других сторонах Космоса; так что форма пребывания сущности будет изучена в общем учении о сущности, форма пребывания атрибутов — в общем учении об атрибутах и т.д. Теперь же перейдем к определению формы существования целых вещей, образуемых сочетанием материи и формы; равно и того, что управляет ими.

XV. *Элементы вещества* имеют существование *реальное вечно неизменное*. Они реальны, потому что реально вещество, которое из них состоит; они лишены потенций, потому что ни из чего не происходят. Но относительно всего другого они являются неопределенным потенциальным бытием, потому что через их сочетание образуются все вещи. Это вторичное, впрочем, значение элементов, — то значение, в смысле которого все есть потенция всего, потому что Космос есть великое целое, где каждая часть поддерживает и обуславливает собою каждую другую часть. Далее — элементы вечны; потому что если бы они исчезали, то исчезали бы в них части вещества; и так как не определено, какие именно элементы могут исчезать, то, следовательно, может исчезать каждый из них; но если каждый элемент может исчезнуть, то могут исчез-

нуть и все они, а с ними и все вещество — что противоречит его постоянству. Они не изменчивы, потому что, будучи простыми, не могут разлагаться, не будучи сложенными, не могут отделять от себя чего-либо и, будучи слагаемыми, только становятся рядом, т.е. изменяется их расположение, но не изменяются они сами. Наконец, они не могут и превращаться во что-либо, потому что по превращении в элементе было бы два начала: то, которое превратилось (оно не исчезло, следовательно, пребывает), и то, в которое превратилось (потому что оно не привнесено извне, но образовалось из того, что было); но из двух сложенным может быть только не простое, т.е. не элемент; следовательно, элемент ни во что превратиться не может; превращению подлежит только сложное через замещение одного составляющего начала другим. Но так как разложение, убавление, увеличение и превращение очерчивают собою способы изменения, то, следовательно, элементы не изменяемы.

XVI. *Соединения* имеют все три формы существования: *потенциальное, образующееся и реальное.*

Потенции соединений суть элементы, из которых они слагаются, и силы сродства, которые их слагают. Рассматривая отношение этих потенциалов к этим соединениям, можно заметить в нем одну особенность, которая не случайна здесь, потому что может быть прослежена на всех ступенях мира оформленных вещей. Эта особенность состоит в том, что степень совершенства реального бытия, возникающего из потенциалов, находится в тесной зависимости от большей или меньшей распределенности начал оформливающего и оформливаемого в этих потенциалах, из которых выходит оно. Тогда как все сложное и высокоразвитое в природе слагается из потенциалов, из которых одна строго определена, а другая совсем неопределенна, напр. дуб вырастает из семени дуба и земли, — все несложное, неразвитое в природе слагается из потенциалов, которые обе полуопределенны, полунеопределенны. Как будто потенциалы этих несовершенных существ полусформированы, начала определяющее и определяемое, деятельное и пассивное — как будто еще не успели распастись в них, отделиться одно от другого и сосредоточиться в двух типах взаимно противоположных потенциалов. И если мы будем следить за от-

ношением потенциального бытия к реальному, которое возникает из него, то заметим, что постепенное развитие существ и усложнение их только следует за постепенным отделением этих двух начал в их потенциях; и что, таким образом, сложный и медленный процесс миробразования, некогда совершившийся и еще продолжающийся, есть только наружное проявление другого, более глубокого и скрытого процесса, некогда совершившегося в природе и также еще продолжающегося, — *процесса внутреннего распада смешанной потенциальности на определенную и неопределенную и постепенного сосредоточения первой в потенциях живых и законченных, все образующих в природе, а второй — в потенциях мертвых и бесформенных, из которых образуется все в ней.* Крайние моменты этого процесса распределения потенциальности мы можем наблюдать на потенциях крайних существ в природе: простых химических соединений, которыми начинается она, и организмов, которыми она заканчивается. О последних говорилось ранее и еще будет говориться ниже, теперь же рассмотрим внимательнее первые.

Как уже сказано было, основная потенция соединений есть то, из чего происходят они, — элементы. Указанная особенность их, как полуопределенных потенций, проявляется в том, что каждый отдельный элемент (положим, кислород) соединяется и не с одним каким-либо элементом, и не со всеми, но с *некоторыми* и в *некоторых пропорциях* и образует при этом не одно соединение и не всевозможные, но только *некоторые*. Во всем подобен ему по своей полуопределенности и другой элемент, с которым он вступает в соединение (положим, азот), — так что между соединяющимися началами здесь нет различия совершенно, и роль начала образуемого (вещество массы) и образующего (форма элемента) здесь не разделена, но смешана.

Но еще ярче, быть может, проявляется это свойство полуопределенных потенций в силах сродства, составляющих другую потенцию соединений, второе условие возможности их осуществления. Яркость эта обуславливается тем, что указанный закон соотношения между несовершенством существа и нераспределенностью его потенциальности, как верховный космический за-

кон, здесь подчиняет себе и изменяет даже такой общий закон природы, как закон постоянства действия сил и их безразличия в отношении к массе, на которую он действует. Указанный закон отклоняет эти силы от всех других сил природы, выделяет их из порядка последних и делает из них исключение, необъяснимое до сих пор, но становящееся понятным, естественным и необходимым, если мы будем рассматривать эти силы не в узкой сфере их действия и не как предмет изучения замкнутой в своей исключительности науки (химии), но с высшей точки миропонимания и в общем порядке мироустройства. И в самом деле, в природе все силы (например, притяжение) действуют, во-первых, постоянно, т.е. нет случаев, чтобы сила то действовала, то не действовала, во-вторых, одинаково, т.е. каждая отдельная сила во всякое время и во всяком месте производит при равенстве прочих условий одно и то же действие (например, притяжение всегда стягивает тела в одно), и, в-третьих, слепо, т.е. не различая, из чего состоят массы, на которые они действуют. Совершенно иное мы видим в силах сродства: они соединяют только некоторые элементы с некоторыми, и только в некоторых пропорциях; но не безразлично все со всеми во всяких пропорциях или один элемент с одним в одной пропорции. Таким образом, сила сродства действует не постоянно: она проявляется, сближая одни элементы, и ее нет, когда предстояло бы сблизить другие; она действует даже не одинаково: вообще сближая атомы элементов, она в иных случаях действует обратно своей природе — отталкивая их друг от друга; и, наконец, она действует не слепо, но различая вещество того, на что действует: всегда соединяет некоторые элементы, всегда остается безразличною в отношении других, всегда отталкивает третьи. Это странное, по-видимому, явление объясняется удовлетворительно законом нераспределенной потенциальности в потенциях несовершенных существ. Если элементы суть полуопределенные потенции соединений, в которых есть *только часть* начала образующего и *только часть* начала образуемого; то и в других недостающих потенциях должна заключаться *остальная часть* как начала образующего, так и начала образуемого — и это естественно и безусловно необходимо, иначе они (потенции) не были бы способны

произвести из себя реальность (соединения). Это соединение начал образующего и образуемого мы и наблюдаем в полуопределенности сил сродства как потенциалов: и в самом деле, если бы они соединяли все элементы со всеми во всяких пропорциях, — то они были бы потенциами совершенно неопределенными (как вещество для растения), и в таком случае все образующее начало должно было бы сосредоточиться в одних элементах и сделать их совершенно определенными потенциами, чего нет; напротив, если бы эти силы соединяли каждый отдельный элемент только с одним элементом только в одной пропорции для произведения одного соединения, то в таком случае они становились бы потенциами совершенно определенными, а элементы должны были бы стать потенциами совершенно неопределенными, т.е. способными ко всевозможным сочетаниям во всевозможных пропорциях. Но так как элементы суть только полуопределенные потенциалы, то и силы сродства не могут быть не чем иным, как тоже полуопределенными потенциами; и вот почему они не всегда действуют, но только между некоторыми элементами; и неодинаково, но иногда притягивая, а иногда отталкивая элементы; и не слепо, но различая вещество массы — в одном случае обнаруживая свою силу на ней, а в другом случае оставаясь недействительными.

Образующееся существование соединений проявляется в моменты сближения атомов соединяющихся элементов и в последующие моменты расположения этих атомов таким образом, что из них происходит третье тело, не похожее ни на одно из соединившихся. Этот процесс образования соединений совершенно не исследован как вследствие трудности следить за быстрым соединением атомов, так и по трудности различить атомы того и другого вещества в моменты их расположения. Быть может, первая трудность могла бы быть побеждена через искусственное замедление сближения атомов, что могло бы быть достигнуто, если бы опыты, напр., производить над элементами, подчиненными электромагнетизму, и в сфере влияния последнего, которое имеет свойство замедлять все движения (так, вращение стрелки, повешенной на нитке перед массой мягкого железа, замедляется в моменты его намагничивания электрическим током). Вторая же

трудность, быть может, могла бы быть побеждена соединением веществ, ярко различающихся по цвету, и чрезвычайным искусственным увеличением движущихся в соединении частиц через микроскоп ли или через отражение на экране, где все незаметные движения принимали бы огромные размеры. Быть может, также возможно сделать что-нибудь здесь и путем умозрения, именно отыскать действительное через выделение невозможного.

Реальное существование соединений продолжается все то время, пока элементы в них остаются соединенными. Существование это временно и потому несовершенно, неполно. Таким образом, тогда как форма, например, соединения, совечная пространству, существует, пока существует оно; само соединение, а с ним и все то, во что оно входит, существует и временно, и не столь необходимо; так что весь многообразный мир вещей до некоторой степени может быть признан порождением случая.

XVII. Здесь же следует рассмотреть форму существования *смесей*, т.е. таких сложных тел, которые образуются не через химическое соединение элементов, при котором образуется новое тело, отличное от соединившихся, но через механическое смешивание элементов и соединений их, причем образующееся тело (смесь) не есть совершенно новое, но только отличное по внешним признакам от смешанных тел, напр., известковая вода, бронза, чугун и др. сплавы.

Смесь есть низшая, несовершенная форма соединений, есть соединение неопределенное, непрочное и непостоянное. Она также проходит через все три формы существования — потенциальное, образующееся и реальное; но и потенциальность, и образование, и реальность смесей представляет некоторый недостаток, некоторую как бы недоразвитость в сравнении с потенциальностью, образованием и реальностью соединений. Потенции смесей мертвы, безжизненны: они обладают одною способностью к соединению, но не стремлением, как в соединениях химических, где атомы одного элемента с силою стремятся соединиться с атомами другого элемента. Они неопределенны: смешиваются не некоторые немногие вещества с некоторыми немногими в некоторых пропорциях, но почти все почти со всеми во всяких пропорциях. То явление,

что все-таки не безусловно все вещества смешиваются со всеми (например, вода не смешивается с маслом), и особенно то, что всякое почти вещество смешивается с одними веществами легче и прочнее, а с другими труднее и не столь прочно, это явление следует признать зачаточным образованием в смешиваемых веществах определенной потенциальности — образованием первоначальным и потому еще слабым. Силы, смешивающие вещества, также совершенно отличны от сил сродства, действующих в соединениях: они безразличны в своем отношении к веществу смешиваемых масс и, следовательно, представляют собою тоже неопределенную потенциальность.

Образующееся существование смесей не столь определено, как образующееся существование соединений, и еще менее необходимо, чем последнее. Оно неопределенно, потому что смеси образуются весьма различно, а не каким-либо одним способом (сплавление — например, в металлах, растворение твердых тел — в жидкостях, механическое раздробление и смешение раздробленного — напр., в конгломератах и землях). Оно не необходимо, потому что от случайных и совершенно внешних причин зависит возможность образования смеси: напр., сплавления данных металлов не произойдет, если они случайно не попадут в достаточно высокую температуру, которую человек должен производить искусственно, — так редко встречается она в природе; растворение данных тел не совершится, если они не попадут в воду, что опять зависит от случая; раздробления и срастания минералов не будет, если они сперва не подвергнутся быстрому, раздробляющему действию тяжести, а потом медленному и постоянному давлению. Реальное существование смесей более случайно и менее продолжительно, чем реальное существование соединений. Как велика случайность их существования, это можно видеть из того, что многих смесей совершенно нет в природе, но они создаются только волею человека, которая привходит в природу и как бы увеличивает ее творчество, помогая ее силам; рассматривая эти искусственные смеси, мы видим, что хотя все смешанные элементы существуют в космосе, однако как потенции они до такой степени безжизненны и инертны, а силы природы, которым они подчинены, до такой степени

действуют, не имея их в виду, — что требуется вмешательство живой силы человеческого разума, чтобы направить физические силы и сочетать элементы для произведения нужной смеси. Как мала продолжительность их существования, это видно из того, что, предоставленные самим себе, почти все смеси или естественно разрушаются, или превращаются в другие смеси через прибавление чего-либо нового или убавление чего-либо в них, бывшего прежде. Так, все растворы уничтожаются, когда пересыхает вода; все конгломераты и земли выветриваются; все сплавы окисляются, распадаются и вступают в состав новых смесей.

XVIII. *Горные породы* — несовершеннейший вид несовершеннейшего из трех царств природы — также проходят через все три формы существования. Они почти неотделимы от смесей, они почти те же смеси, о которых мы говорили выше, но создающиеся только в природе и образующиеся только из минералов, а потому уже несколько ограниченные и определенные. Их потенции — простые минералы, их образующееся существование — смешение этих минералов, их реальная форма — сама горная порода, состоящая из этих соединенных минералов. Напр., кварц, полевошпатовый шпат и слюда суть потенции гранита; процесс их соединения есть его образующееся существование; самый гранит есть реальная вещь, происшедшая через соединение этих потенций.

Большая определенность, ограниченность и постоянство горных пород в сравнении с простыми смесями обусловлена тем, что их потенции принадлежат к несколько высшему типу, чем потенции этих обыкновенных смесей. Правда, как и потенции смесей, они лишены стремления к соединению и обладают только одною способностью к нему; следовательно, их потенциальность не живая, но мертвая. Но в пределах этой несовершенной потенциальности уже есть некоторое различие у них в сравнении с потенциальностью простых смесей: именно, хотя и здесь не определены пропорции смешиваемых веществ, напр. в граните бывает то больше слюды, то меньше; однако самые смешиваемые вещества уже определены, чего нет в простых смесях: не всякий минерал соединяется со всяким, и число горных пород не безгранично; но только некоторые минералы соединяются с некоторыми в определенные горные породы, которых существует ограниченное число.

Некоторое подготовление к этой потенциальности мы видели уже и в простых смесях: и там, как уже сказано было, не безусловно же все вещества смешиваются со всеми, и одни смеси легче образуются и бывают прочнее, а другие бывают не столь прочны и образуются труднее. Развитие именно этого свойства мы и встречаем в потенциях горных пород.

От большей определенности в потенциях горных пород происходит и бóльшая определенность их образующегося существования; процессов образования их уже не неопределенное множество, как в смесях, но только два: растворение для непунических пород, как глина и др.; и сплавление для вулканических пород, как порфир, базальт и пр.

Эта же, хотя слабая, определенность их потенций произвела и постоянство реальных форм в горных породах; тогда как простые смеси случайны, временны и неустойчивы в своих свойствах и в своей сущности и потому неуловимы для цельного и систематического описания, горные породы уже распадаются на несколько определенных и постоянных типов, уже имеют неизвестное в смесях явление — *вид* (*species*), как постоянную и определенную форму реального бытия, и потому подлежат описанию, а затем и основанному на нем изучению. Смесей мы не можем изучать, потому что они и есть, и нет, но только смешивание как явление; напротив, горные породы могут быть изучаемы, как вещи, сами по себе, потому что они есть, т.е. существуют в постоянной и определенной форме (*species*, вид).

XIX. *Минералы аморфные* (т.е. не имеющие определенной формы, не кристаллизованные) по форме существования представляют еще высшую ступень в сравнении с горными породами: к последним они так же относятся, как эти — к смесям. Как и повсюду, это сравнительное совершенство их обуславливается большею развитостью их потенций. Последние вступают между собою в соединение не только некоторые с некоторыми, но уже и в некоторых определенных количествах. Это составляет новую ступень в последовательном определении потенциальности и ограничении ее отношения к реальному бытию. Здесь каждая потенция есть уже не вообще соединяющееся вещество, но часть его по сравнению с частью другого соединяющегося

вещества ($\frac{1}{3}$ вещества a и $\frac{2}{3}$ вещества b образуют единицу минерала c), и в этом смысле она более определена. Затем то, с чем она может соединяться, также ограничено и в веществе, и в количестве (например, вещество a вступает в соединения с $\frac{2}{3} b$, $\frac{3}{4} d$, $\frac{1}{5} e$, образуя три вида минералов, и только). Следовательно, здесь ограничены формы реальных вещей, которые могут произойти из каждой единичной потенции, — и поэтому ограничено отношение ее к реальному бытию (не так, например, в смесях, где потенция, напр. вода, может перейти в бесчисленное множество реальностей, т.е. смесей). Эта определенность и ограниченность потенции отразилась на возникающей из нее вещи еще более строгою индивидуальностью: минерал еще более постоянен, чем горная порода, — он не выветривается, как она, он не распадается с такою легкостью сам собою на составные части свои, — их бывает трудно даже и искусственно отделить одна от другой (напр., алюминий трудно отделить в глине); он более определен: его свойства всегда и везде те же, его всюду можно узнать по неизменным наружным признакам. Отсюда — новое явление в реальном бытии — род и вид (*genus et species*), отсюда — классификация и точное научное изучение этого первого царства природы, первого ряда уже значительно совершенных вещей в Космосе.

Кристаллы по форме существования поднимаются на новую ступень сравнительно с аморфными минералами, и это поднятие есть также только видимое обнаружение невидимого усовершенствования потенций их: последние не только «некоторые части некоторых веществ», соединяющихся между собою, но уже и имеющие «некоторый определенный вид». Эта внешняя ограниченность потенциальности отразилась определенностью формы в реальном бытии, которая возникает из нее, — кристаллизацией минерала.

XX. В последующих двух царствах вещей в Космосе — в царстве растительном и животном мы также будем повсюду встречать эту внешнюю очерченность предметов. Таким образом, форма завершает собою низшее из трех царств природы, минеральное, являясь

здесь на степени геометрической линии, плоскости и угла; развивается далее во втором царстве, растительном, становясь здесь по разнообразию своему неуловимой для геометрии; переходит затем, совершенствуясь, в третье царство, животное, и на вершине его — в области человека — переходит в *красоту*. На этой высшей ступени своей форма уже не только не поддается геометрическому определению, как в минералах, но даже и точному описанию — которому подлежат формы растений и животных. Сопутствуя материи, она уже одухотворяется здесь и становится доступной только созерцанию и пониманию.

Растения проходят все три формы существования: *потенциальное, образующееся и реальное*. В семени они существуют потенциально, через рост — образуются и с прекращением роста существуют реально.

Со всем, что было рассмотрено выше, растения представляют различие столь великое, что его можно сравнить только с различием его потенции от потенциалов этих других вещей. Все ранее рассмотренные вещи были безжизненны, все они были только веществом; в растении же есть уже новое начало — жизнь, и само оно не вещество только, но организм, т.е. жизнь, облеченная в вещество. Таковы особенности его в реальной форме существования; и под ними скрываются столь же великие особенности его потенции и образования.

Растение образуется через соединение двух потенциалов — семени и вещества земли. Величайшая особенность их состоит в том, что потенциальность уже совершенно распределилась в них: в семени сосредоточилось все образующее начало — оно есть потенция совершенно определенная; в веществе земли сосредоточилось все образуемое, пассивное начало — оно есть потенция совершенно неопределенная. Эта определенность выразилась в семени совокупностью способности и стремления осуществить из себя одно определенное реальное бытие — напр., в семени березы способностью и стремлением воспроизвести из себя только березу; в веществе же земли неопределенная потенциальность выразилась способностью безразлично стать чем-либо — минералом, растением, статуей, смесью какою-либо. Эта окончательная распределенность потенциальности встречается только здесь: ни в простых смесях, ни в горных породах, ни в минералах аморф-

ных и кристаллических мы этого не видим; в них повсюду мы встречаем в каждой из соединяющихся потенциалов и начало определяющее, но не все, и начало определяемое — также не все.

Эта совершенная распределенность потенциальности производит новое явление — необходимость преобразования потенциалов для произведения из себя реального бытия. И в самом деле, так как *вся* форма растения предустановлена в *одном* семени и *все* вещество его дано в *одном* веществе земли, а между тем и семя не лишено вещества, и вещество земли не лишено формы (очертаний), — то и предстоит при соединении этих потенциалов уничтожиться форме в питающей земле и веществу — в питающемся семени; тому веществу, без которого не могли бы выразиться формы семени, но которое не имеет отношения к будущему растению, и той форме, которую по необходимости носит земля, как материя, но которая также чужда растению. В каждой из двух потенциалов есть, таким образом, нечто *лишнее*, без чего *они сами*, эти потенциалы, не могут существовать (материальность в реальной форме и очертание в веществе), но *с чем* не может существовать то реальное бытие, которое возникнет из них (напр., растение не может иметь форму и земли, и растения одновременно). Этот излишек должен поэтому необходимо уничтожиться, исчезнуть: семя должно утратить все вещество и вещество земли должно утратить всю форму, т.е. обе потенциалы должны *преобразоваться*. Ничего подобного нет в потенциалов ранее рассмотренных вещей: в смесях и минералах элементы не преобразуются, но сохраняются так, как они были до соединения; они только размещаются иначе. Смесь, минерал — это группа соединившихся друг с другом потенциалов; в растении же нет уже более ни семени, ни земли. В первых потенциалы разместились, сохранившись; во втором потенциалы, разрушившись, преобразовались.

Эта необходимость преобразования обеих потенциалов для произведения реального бытия становится источником новых особенностей, относящихся уже ко второй форме существования — к бытию образующемуся. Здесь объяснение явления жизни растений.

Как уже сказано было, для произведения реального бытия — растения — семя должно утратить свое вещество, а земля — свою форму. Произойти же это

может только одним способом: из семени должно выделиться вещество и заместиться веществом земли; земля, видоизменяясь, должна войти в формы, предусмотренные в семени. Отсюда — явление *питания*. Обе потенции начинают соединяться: вещество выделяется из семени — последнее *сгнивает* и замещается веществом земли — *семя прорастает*.

Но так как вещество земли количественно перевешивает вещество, содержащееся в семени, а между тем должно все войти в семя для произведения реального бытия, — то формы, скрытые в семени, должны раздвинуться, расшириться для восприятия вещества. Отсюда — явление *роста*. Вот почему семя, сгнивая, не уничтожается и в растущем, напр., дереве, не разрываются его органы питания, но оно увеличивается, «вырастает»; то, что осталось в семени и что перешло от него в дерево, есть *единственно* форма, лишенная всего материального, а форма не может ни разрушиться, ни разорваться, но только увеличиться в объеме, сохраняя свой вид, или уменьшиться. А так как вещество потенции здесь должно входить, а не выходить, то форма и увеличивается. Таким образом, на совершенной разделенности в потенциях материи и формы основывается сохранение растущего дерева; из одного этого факта вытекает одновременно и необходимость роста, и его возможность.

Но, увеличиваясь, форма должна сохранять все свои очертания. Она только раздвигается, но не изменяет свой вид, потому что последнее было бы уничтожением для нее как формы; а уничтожиться она не может, так как была предусмотрена потенциально в семени и, следовательно, должна осуществиться в выросшем растении. Отсюда — то явление, что во все моменты своего развития растение сохраняет один вид. Дуб и годовалый и столетний есть все тот же дуб. Рост есть действительно изменение объема при сохранении формы.

Этим же неизменным сохранением формы при изменяющемся содержании объясняются явления *цветения* и *образования плода и семени*. Когда уже все потенциально предуготовленное вещество вступило в предусмотренные формы и более уже нечему вступать в растение, его формы начинают снова сдвигаться, сохраняя все очертания и утрачивая вещество: после-

довательно образуется цветок, затем плод и, наконец, семя — как последний синтез всех форм отживающего растения. Таким образом, заканчивая свое реальное существование, растение возвращается снова к тому, из чего вышло. Оно снова разлагается на две потенции — определенную, сохраняющую в себе его формы, и неопределенную, состоящую из его вещества (семя отпадает и сохраняет жизнь, растение умирает, сгнивает и превращается в землю).

Что умирание действительно не есть разрушение, но возвращение реальности к своим потенциям, в данном случае выражающееся вторичным отделением формы от вещества, это одинаково доказывается и умозрением, и наблюдением. И в самом деле, образование семени есть всегда высший момент развития растения и нередко последний момент его жизни. Создав семя, растение разрушается*, потому что в семени уже сосредоточились его формы, и, следовательно, само оно уже лишилось в сущности их. В нем нет уже более ограничивающего начала, которое сдерживало бы вещество от распада. То, что, по-видимому, еще оформливает его, в действительности есть только скелет формы, уже разрушающийся, но еще не успевший разрушиться окончательно; это не живая форма, имеющая силу сдерживать вещество, но вещество, с которого уже снята форма, но которое, прежде чем распасться, еще сохраняет некоторое время неясные очерки прежней формы. Вот почему, произведя семя, растение лишается жизни и умирает. С другой стороны — если растение умерло, то это значит только, что его вещество, утратив форму, возвратилось в землю и смешалось с нею; но растение состояло не из одного вещества, но и из форм, его заключавших; ни то, ни другое не может исчезнуть, потому что превращение бытия в абсолютное небытие невозможно; где его вещество — это мы знаем: оно обесформилось и ушло в землю; где же его формы? вот основной вопрос. Так как исчезнуть они не могли и так как их нет в веществе

* Мы рассматриваем здесь только те случаи, когда, отцветши, растение умирает; явление же периодического цветения многолетних растений, как более сложное, не противореча делаемым теперь объяснениям, нуждается в дополнениях к ним, которые и будут сделаны ниже.

растения, смешавшемся с землею (что ясно из того, что это вещество не имеет определенной формы, но видоизменяется от случайных внешних обстоятельств, тогда как самое растение имело одну определенную форму), то ясно, что она пребывает в том, что осталось от растения, кроме умерших его частей; но осталось одно семя — следовательно, в семени заключены его формы. Но формы растения суть живые формы, т.е. способные и стремящиеся раздвинуться и воспроизвести растение, восприняв в себя вещество неопределенной потенции. Следовательно, в семени кроме форм как очертаний заключена и эта способность, и это стремление, которые также не могли исчезнуть бесследно и не соединены с землею, в которую обратились все другие части растения, за исключением семени. Вот почему семя, отпавшее от умирающего растения, есть в точности то самое семя, из которого это растение выросло; а то растение, которое может вновь вырасти из отпавшего семени, будет в точности то самое, которое умерло и дало семя. Что все это действительно так, на это есть уже и точные опытные подтверждения: замечено, что лепестки цветка суть измененные листья его; тонкий анализ без сомнения откроет в будущем, что тычинки и пестики цветка суть преобразованные корни, ствол и крона растения, а самое семя — есть преобразованный цветок его, т.е. последнее сдвижение форм растения, его очертания, выраженные в *minimum*'е вещества.

Тот факт, что растение дает часто не одно семя, а несколько, и не один год, а многие года, носит в себе много загадочного, хотя и не противоречит вообще только что высказанному взгляду на него как на синтез форм растения, отделившихся от вещества его. Потому что замечено, что чем большее количество семян дает растение, тем более оно ослабевает, т.е. тем более утрачивает жизненной, *оформливающей* силы, тем бледнее становится его форма и ближе оно само к смерти. И также замечено, что многолетние растения нередко, дав семена, как бы умирают временно (на зиму); т.е. оформливающая сила, сдерживающая их вещество, настолько сосредоточивается в семенах и отпадает с ними, что некоторое время они (растения) как бы остаются безжизненными, их вещество как бы едва держится тем небольшим остатком образующего на-

чала, который еще задерживается в них по отпадении семян и которого совершенно не остается в однолетних растениях, поэтому и умирающих совершенно вслед за цветением и образованием плода и семени.

Явление многосемянности одного и того же растения, быть может, найдет свое объяснение в том, что каждое отдельное семя такого растения не есть синтез его форм в той определенной степени, как они (формы) заключены в самом растении; но есть как бы бледное воспроизведение их, как бы отпечаток оригинальной формы, сохраняющейся в растении для нового воспроизведения, пока сам оригинал не истощится в этих воспроизведениях своих, перейдя в их множество. И в самом деле, форма растения слагается из собственно очертаний и из силы — способной и стремящейся раздвинуть их; из чистой формы — как начала геометрического, пространственного, и из жизненности, наполняющей форму, — как начала деятельного, движущего форму в ее развитии. Итак, когда форма растения воспроизводится в одном семени и один раз, то в этом семени сосредоточиваются все очертания и вся жизненность растения; напротив, возможно, что в семени сосредоточивается вся форма растения как очертание, но не вся форма его как жизненность, а только некоторая часть последней. В таком случае оставшаяся жизненность должна еще и еще, снова и снова перейти во что-нибудь, пока не исчерпается вся, и так как выразиться она может только в форме как очертания, то и появляются еще и еще, снова и снова синтезы форм растения, т.е. семена его. Таким образом, совокупность всех семян, даваемых многолетним растением, представляет собою *одну и ту же* воспроизведенную много раз *форму* растения как очертание и *распределившуюся* в этих очертаниях *жизненность* растения как способность и стремление к воспроизведению себя. И явления жизни растений подтверждают это: между тем как в однолетних растениях гораздо менее жизни, чем в многолетних, семена их заключают в себе более жизненной энергии, чем семена этих последних: сохраняя одинаковую способность, они сильнее стремятся к воспроизведению растения (легче прорастают).

Здесь — как, впрочем, и в других формах учения о существовании — могут и должны быть произведены многочисленные и любопытные проверяющие опыты.

Что в семени абсолютно предустановлены формы растения, так что, например, все дубы должны быть абсолютно сходны по внешнему виду, это уже отчасти подтверждается тем, что они и действительно очень схожи друг с другом; а незначительная разница в их очертаниях объясняется отклоняющимися внешними физическими условиями. Поэтому через искусственное уничтожение этих отклоняющих условий, или, что то же, через искусственное создание абсолютно тождественных условий прорастания и дальнейшего роста их, можно было бы сделать окончательную проверку теории: дубы должны вырасти абсолютно тождественными по форме. Далее, что вещество растения так же точно предустановлено в земле, как форма в семени, это тоже можно проверить опытом: выросшие при абсолютно одинаковых условиях все растения одного и того же вида должны быть абсолютно тождественны между собою по весу и по объему (последний может быть точно узнаваем через погружение растения в воду и через измерение объема вытеснения воды). Но самые интересные опыты должны касаться, конечно, отношения вещества и формы, которое проявляется в явлениях цветения, оплодотворения, образования семени и, наконец, в строении и в жизни этого последнего.

Наконец, необходимостью сохранения форм одной потенции и соединения этих форм с веществом другой потенции объясняются и все остальные физиологические процессы в жизни растений, как-то: процесс обращения соков и распределения их по органам, вдыхания и выдыхания. И в самом деле, войдя в растения, вещество второй потенции само, как абсолютно бесформенное, способно расположиться во всяком виде; но так как формы растения, предустановленные в семени, должны сохраниться неизменно, то вещество и распределяется по этим формам, т.е. *движется* и наполняет их равномерно. Далее, так как некоторые вещества, потенциально предустановленные для растения, могут вступить в него только в соединении с некоторыми другими, не потенциальными по отношению к растению, то оно, отделив эти последние в своем организме, и выделяет их из себя через *выдыхание* (углерод). Наконец, так как некоторые вещества, потенциально предустановленные для растения, не находятся в земле, но находятся в атмосфере, то оно вдыхает их (кислород);

что это действительно так, это можно видеть из того, что крошечный отросток комнатного растения может первое время расти под стаканом, т.е. то время, пока его корни находятся в верхнем слое земли, куда проникает кислород; но, выросши, оно умирает, если его заключить под стекло, потому что до углубленных в землю корней его уже не достигает более воздух.

Животные организмы в своих трех формах существования очень схожи с растениями, и потому мы о них не будем говорить. Заметим только, что их потенциальность как бы переполнена определяющим началом: не только яйцо, соответствующее семени растения, но и то, чем питается оно, — кровь матери, соответствующая в растении веществу земли, не есть нечто инертное и безразличное по виду, но живое и определенное по составу. Это большее развитие определяющего начала, уже не вмещающегося в одной потенции и перелившегося в другую, есть естественная и необходимая причина большего совершенства животного организма в сравнении с растительным. А то, что вторая потенция все-таки еще не выполнена окончательно определяющим началом (кровь не столь строго определенная потенция, как яйцо), показывает, что известное нам в органическом царстве совершенство еще не есть высшее возможное совершенство, еще не есть нечто законченное, что уже никогда не будет превзойдено.

Идеи, чувства и желания мы не будем разбирать в формах их существования, потому что о первых уже было сказано нечто, достаточное для того, чтобы обратить внимание на необходимость определения форм существования их, а о последних будет сказано ниже.

XXI. Явления, как нечто совершающееся, происходящее, имеют две формы существования: *потенциальное* и *реальное временное*.

Потенциальное существование явлений есть возможность их действительности, скрытая в силах природы, в свойствах организмов и в способностях человека. Напр., явление соединения атомов, прежде чем обнаружиться в действительности, существует в возможности в силе химического сродства; раз это сродство существует действительно, потенциально существуют все явления химического соединения, — хотя бы в данный момент оно нигде не происходило. Также явление удара тел существует, пока существует сила

притяжения; и первое всегда потенциально, пока реально второе. Равным образом явление роста организмов существует в возможности, пока существует в действительности разъединенность вещества и формы в потенциях их. Мышление существует потенциально, пока существует разум, хотя бы в данное время он и ничего не мыслил. Наконец, словообразование существует потенциально в действительной способности человека образовывать членораздельные звуки для выражения своих внутренних движений.

Заметим, что потенциально предустановлены не единичные явления, но явления как роды; и в этом их глубокое отличие от вещей в Космосе, которые все предустановлены в своих потенциях, как неделимые. Напр., этот атом и тот атом образуют соединение, состоящее непременно из этих двух атомов, а не какое-нибудь другое, и возникающее именно там, где были эти два атома, а не в другом каком-либо месте; так же из этого семени вырастет это именно растение, которое уже предустановлено в нем. Словом, в мире вещей каждая потенция есть потенция единичной вещи, и каждая вещь имеет свою индивидуальную потенцию; так что, разрушив потенцию какую-либо, мы всегда разрушим вещь, в ней предустановленную; и раз осуществившись, вещь уже не может повториться снова иначе как воспроизведя из себя прежнюю потенцию. Напротив, в силе, в свойстве и в способности не предустановлено ни этого, ни того явления, ни вообще какого-либо единичного; в них есть только общая способность проявиться, т.е. общая возможность возникновения явления, без определения места, времени, формы и силы его, — подобно тому как если бы семя было одно и из него повсюду и всегда возникали бы разнообразнейшие растения. Таким образом, потенциальность явлений разлита в природе, но не сосредоточена в ней где-либо, как потенциальность вещей.

Образующегося существования явления не имеют вследствие трех особенностей: особенности своего отношения к потенциям, особенности своей природы и особенности своего отношения к вещам. Рассмотрим каждую из них порознь.

И в самом деле, потенции явлений — силы природы, способности духа и свойства организма — или начали проявляться, или не начали. Но когда сила, способность или свойство не начали проявлять себя,

явление имеет в них только потенциальное существование: его нет ни в действительности, ни в образовании — оно только возможно. Напротив, когда сила, способность или свойство начали проявлять себя, явление уже существует реально: оно уже есть действительно, оно перестало быть только возможным; но оно не есть и не перестало быть образующимся. Но силы, способности и свойства *всегда* или начали проявляться, или не начали проявляться; следовательно, образующегося существования явлений нет *никогда*. Объясним это примером: когда химическое сродство есть, но еще не действует ни на что — химического соединения как явления нет (т. е. оно потенциально), но раз это свойство проявилось в атомах и они начали соединяться, уже есть явление соединения (оно реально). Момента же, когда образовывалось это явление, не было.

Это отсутствие второй формы существования у явлений (оно доказано выше) объясняется второю особенностью их — особенностью их природы. И в самом деле, явление по самой природе своей всегда происходит, совершается; но не пребывает, как пребывает вещь. Самая сущность его, таким образом, состоит в происхождении, в образовании; и вот почему оно не образуется, но только есть. Явление не имеет образующегося существования, потому что оно реально в образовании. Образование не подготавливает его, как все другое, потому что оно уже действительно в нем, потому что оно и есть это образование. Так, горение постоянно *совершается*, вырастание всегда *происходит*, в мышлении неизменно *образуются* идеи.

Каким образом сущность явлений могла стать образованием, это объясняется третьей особенностью их: в явлении всегда образуется вещь; оно не есть что-либо самостоятельное, для себя существующее, но в нем осуществляется вещь. Таким образом, оно потому лишено второй формы существования, что само есть только вторая форма существования вещей в Космосе. Так, горение *только* совершается, потому что в процессе его образуется перегоревшая вещь (например, ржавчина), вырастание *только* происходит, потому что через него появляется растение, и т. д. до бесконечности.

Реальное существование явлений временно потому, во-первых, что в них только проявляются силы, спо-

способности и свойства; а во-вторых, потому, что через них образуются вещи. Явление прекращается, когда сила, способность или свойство перестает проявляться; или когда вещь, образовавшись, становится реальной.

Силы природы и законы действия сил будут рассмотрены подробнее ниже, и потому мы ограничимся здесь простым указанием на них как на подлежащие определению в формах своего существования.

Определив таким образом формы существования вещей — следует распределить эти вещи в группы по формам их существования, в таком роде:

1. *Существование реальное, вечно неизменное, свойственно элементам вещества.*

2. *Существование реальное, вечно изменяющееся, свойственно веществу (материи).*

3. *Существование потенциальное и реальное свойственно явлениям.*

4. *Существование потенциальное, образующееся и реальное свойственно собственно вещам, как соединениям элементов и групп их, причем:*

а. *Потенциальность неопределенная свойственна смесям.*

б. *Потенциальность определенная, но не распределенная свойственна соединениям (химическим).*

с. *Потенциальность полуопределенная и не распределенная свойственна царству минералов.*

д. *Потенциальность определенная и распределенная свойственна организмам (растительным и животным), причем:*

а) *Одна потенция совершенно определенная и одна совершенно неопределенная свойственна организмам растительным.*

б) *Одна потенция совершенно определенная и одна полуопределенная свойственна организмам животным.*

Вот важнейшие группы того, что мы назвали «вещами в Космосе». Учение о существовании их, приведенное нами, настолько несовершенно, насколько несовершенно захватывает оно все вещи в Космосе и насколько приблизительно точны сделанные определения формы существования захваченных этою классификацией вещей. Но задача создать это учение не была поставлена нами; а задача указать, как это учение может быть создано, выполнено на нем, как на поясняющем примере.

XXII. Учение о существовании Космоса как целого настолько трудно, что мы не решаемся сказать что-либо определенное о нем и ограничимся простым указанием на эту форму науки, как на необходимую. Затруднение здесь, между прочим, состоит в том, что необходимо постоянно воздерживаться от смешения Космоса с тем, что составляет только часть его; так, видя постоянное развитие в царствах растительном и животном, легко впасть в заблуждение, сказав, что Космос образовался некогда, переходя в высшие и высшие формы.

Познать, имеет ли Космос форму образующегося существования, — это значит познать, было ли некогда время, когда только возникало вещество, только слагались силы природы, только определялись законы как неизменный порядок в Космосе? т.е. было ли время, когда существовало что-то полузамещающее пространство, когда силы то начинали действовать, то переставали; когда совершавшееся в этом хаосе совершалось то в одном порядке, то в другом, различном или даже обратном прежнему? когда вещество то наполняло пространство, то исчезало снова бесследно, то стягивалось в густые массы, то снова распадалось, бессильное образовать из себя что-либо?

Познать, имеет ли Космос потенциальное существование, — это значит познать, был ли некогда синтез всего, что лежит в Космосе, сосредоточивавший в себе всю жизненность его, всю причинность, целесообразность, разнообразие форм, все законы и силы и все, что возникло из них? было ли некогда и способное и стремившееся осуществить космос?

Все это вопросы темные для разрешения, и потому не будем ничего говорить о них, чтобы неосторожно сказанным не повредить тому, что должно быть сказано в будущем. Теперь же, указав все формы учения о существовании, перейдем к изучению строения *Понимания* в других частях его, следуя установленному порядку.

Глава VI

УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: ОБ ИЗМЕНЕНИИ

Учение о генезисе и его положение в ряду учений о Космосе. Его отношение к учению о существовании. Состав его. — II. *Общая теория генезиса* и ее формы. Элементы изменения и размещение их, как объектов изучения, в формах общей теории. — III. Учение о существовании генезиса. Вопросы, подлежащие разрешению в этой форме понимания, и трудность их. Почему генезис не необходимо должен быть временным. — IV. Учение о сущности генезиса. Изменение, явление и процесс как объекты этого учения. Отрицательное определение изменения и превращение этого определения в положительную форму; сложение и разложение как сущность изменения. Явление как соединение изменений, связанных причинным сосуществованием; строение в пространстве как первая особенность явления; возникновение различия в самом различии как вторая особенность явления. Процесс, как соединение изменений, связанных причинным преемством; строение во времени как первая особенность процесса; возникновение изменения в самом изменении как вторая особенность процесса. Замечания о двояком отношении пространства и времени к явлению и к процессу. — V. Учение о свойствах генезиса. Признаки, по которым можно распознавать изменение и виды его — явление и процесс. Основные свойства генезиса: подвижность, последовательность, сохраняемость, постоянство образа, закономерность; важность последнего свойства; закон, как источник закономерности. — VI. Учение о законе как элементе изменения. Существуют ли только закономерные явления; или есть и закон как причина этой закономерности, имеющая свое самостоятельное существование? Затруднение признать безраздельное погружение закона в явления. Как следует понимать существование закона вне закономерных явлений, до их начатия и после их окончания? Отсутствие в законе потенциальной и образующейся формы существования. О сущности закона и об особенностях закономерных явлений как следствиях этой сущности. О свойствах, происхождении и назначении закона. О сходстве и различии в законах: законы основные и производные; всеобщие и частные. Общие замечания о классифика-

ции законов и об открытиях, к которым может повести сравнительное изучение их. — VII. Учение о происхождении генезиса или о началах пассивном и деятельном. Есть ли изменяемость только свойство предметов и явлений или результат взаимодействия двух и противоположных начал — деятельного и пассивного? Невозможность признать первое и необходимость принять второе. О форме существования начала пассивного, деятельного и момента соединения их. Совпадение сферы пребывания обоих начал как момент их соединения. Трудность определить природу начала пассивного и деятельного; противоположность этой природы их; изменение как третье, в котором оба начала, соединившись, являются утратившими часть своей первоначальной и чистой природы. Способность как основной атрибут начала пассивного; стремление как основной атрибут начала деятельного. Акт творчества как возможная причина начала пассивного; процесс вечного истечения как возможная причина начала деятельного. О модусах соединения начал пассивного и деятельного. Жизнь природы и разнообразие в ней как следствие разделенности начал пассивного и деятельного. О сходстве и различии начал пассивного и деятельного; пассивное в телах, в организмах, в духе и в жизни; силы движущие, соединяющие, разъединяющие, направляющие; силы общие и частные; силы, действующие в элементах вещества, между телами, в организмах, в духе и в жизни. О количественных соотношениях в началах пассивном и деятельном. — VIII. Учение о результатах генезиса; мир происшедших вещей как объект этого учения. Возникновение отдельных сторон образующейся вещи и ее самой как синтеза своих сторон. Процессы как причина возникновения вещей; явления как причина возникновения свойств в вещах. О соотношении между формами генезиса и формами возникающих вещей. — IX. О типах генезиса: процессы неопределенные и определенные; что производится первыми и что производится вторыми; двойная необходимость, отсутствующая в неопределенных процессах и присутствующая в определенных; особенности сил и законов, действующих в каждом из этих видов процесса. О трех формах определенного процесса: процесс замкнутый, раскрывающийся и сомкнутый; в процессе замкнутом сила находится вне генетирующего начала; в процессе раскрывающемся генетирующее начало есть синтез форм и сил; в процессе сомкнутом генетирующее есть соединение начал деятельного и пассивного. Зависимость строения этих процессов от взаимного расположения начал деятельного, пассивного и формы последнего. О сферах распространения каждого из трех видов определенного генезиса: безжизненное вещество как область проявления замкнутого процесса; живое вещество как область проявления раскрывающегося процесса; цельные части мироздания как область проявления сомкнутого процесса. — X. О количественных соотношениях между элементами генезиса. — XI. Учение о генезисе вещей в Космосе и его важнейшие задачи: 1. учение о силах природы; недостаток учений о силах органических, психических и общественных; 2. учение о происхождении вещей; генезис родовой и генезис индивидуальный; 3. учение

о модусах соединения и разъединения начал пассивного и деятельного в природе; 4. учение о явлениях и процессах в природе; 5. учение о вещах как результатах генезиса. — XII. *Учение о генезисе Космоса как целого.* — XIII. Учение о времени как условии и мере генезиса.

I. *Учение о генезисе как смене форм бытия, или об изменяемости и изменениях,* есть самое сложное и самое содержательное из всех учений о Космосе; оно обнимает собою все совершающееся, происходящее в Космосе, тогда как другие учения в своей сложности обнимают то, что существует в нем. В этих других учениях рассматривается все в своем неподвижном состоянии; в учении о генезисе рассматривается все в движении. В них вещи берутся изолированно друг от друга, в нем они изучаются, как соединенные неразрывною связью.

И, однако, несмотря на эту сложность и содержательность, учение о генезисе не может быть поставлено наряду с учениями о сторонах бытия, как равнозначащее с ними; но должно быть рассматриваемо как дополнение и завершение первого из этих основных учений — учения о существовании. Потому что изменение не есть нечто необходимое в бытии, присущее каждой части его, — не есть, таким образом, сторона бытия, но только явление в нем; существование же, сущность, свойство, причина, цель, сходство и различие и количество необходимо присутствуют в каждой вещи, присущи всему бытию. Это стороны бытия, а не явления в нем только.

Что действительно учение об изменении есть лишь завершение учения о существовании, это можно видеть из того, что в изменении только обнаруживается прежде скрытое и скрывается ранее обнаруженное, проявляется потенциальное и исчезает реальное, — что и производит видимое изменение самой вещи или явления. То, что изменилось, уже не существует более, а то, во что изменилось оно, начало существовать; первое преобразовалось во второе, как потенция в свою реальность.

По-видимому, таким образом, учение о генезисе совпадает с учением об образующемся существовании. Но это совпадение только кажущееся: в последнем изучается, как образуется существование вещи, в первом познается, как образуется самая вещь; предмет

второго — смена трех форм бытия, предмет первого — процесс, слагающийся из бесчисленных и сложных изменений, целесообразно направляющихся к созданию всего видимого разнообразия вещей в Космосе; второе изучает существование изменяющееся, первое — изменение существующее.

Следуя общему порядку расположения всех форм науки о Космосе, учение о генезисе распадается на *Общую теорию генетического процесса*; на *Учение о генезисе вещей в Космосе* и на *Учение о генезисе Космоса как целого*.

II. Общая теория генезиса должна образовать понимание явления изменяемости в самом себе, без отношения к тому, что изменяется. Согласно с природою понимания, она распадается: на *Учение о форме существования генезиса*; на *Учение о сущности генезиса*; на *Учение об атрибутах генезиса и о закономерности как первом и основном из них*; на *Учение о происхождении генезиса и о началах активном и пассивном*; на *Учение о вещах как результате генезиса*; на *Учение о видах генетического процесса*; и наконец, на *Учение о количественных соотношениях между элементами генезиса*.

Если явление генезиса мы разложим на его элементы, то увидим, что они уже вошли как объекты в эти частные учения, на которые разложилось понимание генезиса как целого. И в самом деле, внимательно всматриваясь в генезис, мы всегда различим в нем следующие начала, без которых он не может существовать: во-1-х, в генезисе всегда что-нибудь изменяется, переходит из одного состояния в другое — это *начало инертное*, «пассивное», как мы назвали его в четвертом из составных учений общей теории генезиса, — напр., минеральная масса в образовании кристалла; во-2-х, есть в нем необходимо то, что заставляет это инертное начало изменяться, что производит самое явление изменения, — это *начало деятельное*, «активное», как мы назвали его в том же учении, — напр., сила сродства, приводящая в движение минеральную массу; в-3-х, есть то, с чего началось изменение, — *момент первого воздействия начала деятельного на начало пассивное*, напр., выход частиц минеральных из состояния покоя, когда на них начинает влиять сила сродства; как объект изучения этот исходный момент также вошел в четвертое учение общей

теории под именем «происхождения Гenezиса»; в-4-х, есть в гenezисе то, во что превращается пассивное начало под воздействием активного, — *вещь, с образованием которой заканчивается гenezис*, напр., кристалл, в который преобразовалась минеральная масса; это составное начало гenezиса вошло как объект в общую теорию его под названием «*вещей как результатов гenezиса*»; в-5-х, самый *процесс изменения* или то, что происходит между его первым и последним моментом, — напр., последовательное и планомерное сближение и размещение частиц минеральной массы; этот процесс составляет объект учения о сущности гenezиса; в-6-х, самое *изменение как элемент*, повторяющийся в генетическом процессе, напр., явление передвижения в минеральной массе; оно входит составною частью в то же учение общей теории, в которое входит и процесс; в-7-х, тот порядок, в котором происходит изменение, или *закономерность гenezиса*, и *закон* как причина этой закономерности: напр., законы движения молекул в минеральной массе и законы размещения их, открытые Гаюи; это начало вошло как объект в третье и в седьмое учение общей теории гenezиса; в-8-х, *продолжительность* процесса — она составляет объект первого учения.

Из этих элементов, если мы задумаемся в их взаимное положение, мы увидим, что четыре относятся к тому, что генитирует, и три — к самому гenezису. Первые указывают, *что* изменяется, *из чего* изменяется, *во что* изменяется и *от чего* изменяется; вторые указывают *процесс* изменения, *закон* изменения и *продолжительность* изменения, отвечая на один вопрос: «как изменяется?» Законченное понимание этих элементов образует собою полную теорию гenezиса. Рассмотрим формы последней в том порядке, как они были установлены выше, и определим круг вопросов, подлежащих разрешению в каждой из этих форм.

III. В учении о существовании гenezиса, мы сказали, следует определить форму этого существования, т.е. указать его продолжительность в самом общем виде, напр. доказав или его необходимую временность, или в возможную вечность. Не разрешая самого вопроса, заметим только, что определить это существование гораздо труднее, чем это может показаться с первого раза. По-видимому, гenezис по самой сущности своей,

как изменение, должен быть временным; по-видимому, он исчезает, когда «то, что изменяется» переходит в то, «во что изменяется»; но может случиться, что генезис в каждый последующий момент будет повторять свою предыдущую форму и, таким образом, непрерывно и вечно будет варьировать в известных пределах. Это относительно конца как одного предела генезиса; но то же следует сказать и относительно второго предела его — начала. По-видимому, он возникает, когда начало активное начинает воздействовать на начало пассивное, но не невозможно, что есть нечто, в чем соединены оба эти начала и где, следовательно, воздействие это всегда продолжалось, но никогда не начиналось; также не невозможно, что, будучи разъединены, эти начала сосуществуют друг с другом, связанные причинностью. Все это вопросы, трудные для разрешения, и единственное средство приблизиться здесь к истине — это возможно точнее изучить взаимное отношение между элементами генезиса, особенно изучить характер их соединения, случайность или необходимость этого соединения.

IV. Учение о сущности генезиса должно раскрыть природу *изменения* как элемента генезиса; и природу *явления и процесса* как двух видов генезиса.

Познание того, что такое по своей сущности изменение, быть может, удобнее всего начать с отрицательного определения, чтобы затем, превратив его в положительное и развивая это последнее, выразить в нем природу изучаемого неизвестного. Таким первым отрицательным определением будет следующее: *«изменение есть несохранение тождества самому себе»*. И в самом деле, когда что-либо, оставаясь самим собой, т.е. не исчезая и не заменяясь ничем другим, в один из последующих моментов перестает быть тождественным с тем, чем оно было в один из моментов предшествовавших, то мы говорим о нем, что «оно изменилось», называя, таким образом, изменением происшедшее в нем нарушение тождества самому себе. Но тождество есть отсутствие различия, и, следовательно, несохранение тождества есть возникновение различия. Заменяя этим последним выражением соответствующее ему слово в отрицательном определении, мы получим первое положительное определение изменения: *«изменение есть возникновение в чем-либо различия»*.

Различие же есть *несовпадение* сличаемого в одной из сторон бытия своего (напр., белое и черное не совпадают в свойствах, временное и вечное — в формах существования и пр.), а самое несовпадение состоит или в *недостатке*, или в *излишестве*. Следовательно, *изменение есть возникновение в чем-либо или недостатка в сравнении с тем, что было в нем, или избытка*. Но когда появился недостаток в чем-либо, то это значит, что от него отделилось нечто, достававшее ему прежде; а когда появился избыток, то это значит, что к нему присоединилось нечто, чего прежде в нем не было. Итак, *сущность всякого изменения состоит в сложении и разложении чего-либо в чем-либо*.

Поясним сказанное примерами. Пусть какое-либо двигавшееся тело остановилось; в момент остановки в нем произошло изменение; в чем именно состояло оно? Это разрешается следующим образом: тело двигалось под влиянием действия на него силы и остановилось, — когда это действие прекратилось; следовательно, изменение здесь состояло в *отделении* силы от вещества. Под этот пример подходят все явления изменения, где что-либо прекращается. Наоборот, когда тело, бывшее в покое, начинает двигаться, то здесь происходит *соединение* силы и вещества, которые были прежде разделены; под этот тип явлений изменения подходят все те случаи, когда что-нибудь начинается. Пусть, далее, какое-либо тело нагревается. Что именно происходит при этом? Увеличение движения и ускорение движения в его молекулах. Но увеличение движения каждой отдельной молекулы состоит в том, что к прежней величине размаха *прибавляется* новая величина, а ускорение движения заключается в том, что к прежнему числу колебаний в какую-нибудь единицу времени *присоединяется* еще некоторое число колебаний. Таким образом, и в этом примере изменения температуры тела все сводится к сложению величин и чисел колебаний. Пусть еще изменился цвет какого-либо тела, напр. из белого перешел в желтый. Что произошло при этом? Белый луч солнца, некогда в полном своем составе отражавшийся от этого предмета, теперь *разделился*, и одна часть его, как и прежде, отразилась от его поверхности, а другая поглотилась им, т.е. пошла внутрь его. Что в бесчисленных явлениях изменения тяжести или изменения состава пред-

метов происходит сложение и разделение вещества, это не нуждается в разъяснениях по своей очевидности. А от изменения состава происходит изменение большей части свойств предмета — вкуса, запаха, цвета. Изменение формы предметов сводится к сближению одних частей его и удалению друг от друга *других* частей. Изменение роста, как уже было показано ранее, состоит в соединении материи и формы и т.д. и т.д. до бесконечности. Везде и повсюду изменение при внимательном рассматривании сводится к сложению и разделению.

Изменение есть элемент генезиса, простой и неразложимый. Самый же генезис есть причинное соединение таких элементов. По форме преобладающей причинной связи он распадается на два вида — на явления и на процессы.

Под явлением я разумею сложное изменение, состоящее из многих простых, соединенных между собою причинным сосуществованием. В ряду всех других изменений явление имеет две отличительные особенности. Первая особенность состоит в том, что, будучи изменением, а не существом и происходя, а не пребывая, оно тем не менее имеет *строение в пространстве*. Это объясняется тем, что, состоя из нескольких *одновременных* изменений, оно необходимо распространяется в пространстве, а так как изменения эти вообще *не одинаковы*, то они необходимо слагаются в некоторые группы, приобретают некоторое внутреннее строение. Вторая особенность состоит в следующем: как и всякое изменение, явление есть возникновение различия, но как изменение сложное, оно есть появление *различия в самом различии*. Это объясняется таким образом: всякое отдельное изменение, из которого состоит явление, есть уже само по себе появление различия, но так как изменения эти, сосуществуя друг с другом, отличаются одно от другого, то, следовательно, в явлении мы наблюдаем возникновение не простого различия, но различия различий. Как на примеры таких сложных сосуществующих изменений можно указать на явление радуги, на явление северного сияния, горения, нагревания и многие другие. Что в рассмотренных группах изменений действует сосуществующая причинность, это можно ясно видеть, напр., на явлении нагревания: здесь одновременно и от одной причины (следо-

вательно, причинно сосуществуя) происходит и увеличение колебаний каждой отдельной молекулы, и ускорение колебаний всех их вместе.

Под процессом я разумею сложное изменение, состоящее из многих простых, соединенных между собою причинным преемством. Как и явление, процесс имеет также две характеристические особенности. Первая особенность состоит в присущем процессу *строению во времени.* И в самом деле, слагаясь из преемственных изменений, процесс растягивается во времени, а слагаясь из изменений различных — приобретает строение. Вторая особенность состоит в том, что в целом процесс представляет собою *изменяющееся изменение.* И в самом деле, каждый элемент его уже сам по себе есть изменение; но каждый последующий элемент не повторяет собою предыдущего, — потому что в таком случае они все слились бы в одно и процесса не было бы, — но изменяет его в себе; таким образом, в процессе происходит постоянное изменение самого изменения, и он весь в своем целом — преемственно развивающееся, правильное по строению изменяющееся изменение. Как на примеры процессов можно указать на развитие организма, на образование кристалла, на движение небесных светил. Заметим, что процесс есть совершеннейший тип генезиса.

Уже выше замечено было, что явление и процесс представляют собою два вида сложных изменений по преобладающей форме причинного соединения, но не по исключительной. И в самом деле, и в явлении есть преемственные изменения, и в процессе есть изменения сосуществующие. Но важно то, что не преемственность изменения составляет явление, но именно сосуществование; и, наоборот, не одновременные изменения образуют собою процесс, но именно преемственные. И действительно, возьмем явление нагревания: здесь за одним увеличенным и ускоренным колебанием молекулы следует другое, за другим третье и т.д., вообще нагревание, как и всякое изменение, совершается во времени; но даже и в том случае если бы молекулы нагревающегося тела совершили только одно увеличенное и ускоренное колебание, то и тогда явление нагревания было бы. Следовательно, хотя преемственность во времени здесь и является всегда, однако в ней нет необходимости, т.е. не она составляет

явление. С другой стороны, возьмем процесс образования кристалла: здесь также всегда есть сосуществующие изменения, не один атом сближается с другим и принимает относительно его известное положение, но одновременно множество атомов сближаются и располагаются, образуя собою известную фигуру. Но не в этой многочисленности сближающихся атомов состоит процесс, но в том, что каждые два атома проходят через преемственный ряд изменений: сперва сближаются, потом размещаются. Что число атомов и, следовательно, сосуществование изменения здесь не имеет значения, — это ясно видно из того, что число это видоизменяется: и самый большой, и самый малый кристалл в своем образовании одинаково совершают процесс. Наоборот, преемственность изменения здесь не нарушается: ни сближение атомов, если за ним не последует размещение, ни размещение их, если ему не предшествовало сближение, не образуют собою процесса, но только *сперва* сближение и *потом* размещение. Возьмем еще процесс разложения обществ: здесь важно не то, сколько человек находится в разлагающемся обществе и сколько, следовательно, происходит одновременных изменений; но важны самые преемственные изменения, претерпеваемые каждым отдельным человеком и всеми ими вместе, важен последовательный ряд перерождений в духе и в жизни разлагающегося общества. Словом, всюду и постоянно в явлении преобладающее, характеризующее, исключительно значащее влияние имеет сосуществующее изменение, а в процессе — изменение преемственное. Явление есть сосуществование изменяющегося — необходимо во времени, процесс есть преемство сосуществующего — необходимо в пространстве; но ни для первого время, ни для второго пространство не имеют значения; они всегда есть, но в них нет внутренней необходимости ни для явления, ни для процесса, но только для того, что изменяется в явлении и в процессе.

V. Учение об атрибутах генезиса должно определить все свойства изменения, явления и процесса — как основные, вытекающие из самой природы их, так и выделяющие, по которым возможно было бы распознавание изменения и его видов.

Несомненными признаками присутствия генезиса служит обнаружение чего-либо прежде скрытого или скрытие чего-либо прежде явного. При этом если в обнаруживаемомся или скрывающемся предыдущее сходно с последующим, то это служит признаком, что мы имеем дело с явлением; если же предыдущее и последующее различны, то это значит, что мы имеем дело с процессом.

Из основных атрибутов генезиса замечательны следующие:

1. Подвижность: изменение, или явление, или процесс никогда не пребывает, но всегда совершается, т.е. два элемента генезиса (изменение и изменение) никогда не находятся в одном времени, но каждый элемент переходит через свое время, со временем другого элемента не совпадающее.

2. Последовательность: в генезисе, как в причинном соединении изменений, предыдущее всегда подготавливает последующее, потенциально заключая его в себе; и последующее всегда развивает собою предыдущее, реально осуществляя собою скрытое в нем. Таким образом, в генезисе все последовательно и нет ничего случайного.

3. Сохраняемость: генезис в своем развитии никогда не нарушается, всегда бывает целен; ему ничего не недостает из того, что необходимо, и в нем нет ничего излишнего, прибавочного, сверхнеобходимого. Если он нарушается чем-либо внешним, привходящим, то он разрушается, подобно тому как разрушается организм, существенно поврежденный.

4. Постоянство образа: каждый генезис происходит только одним образом, но не различными и, повторяясь, повторяется именно в той форме, в какой происходил всегда. Напр., горение совершается только через сближение и потом соединение атомов кислорода с атомами горящего тела; но оно никогда не происходит через разъединение атомов, или через их неподвижное пребывание друг возле друга, или каким-либо другим способом. Также рост всегда происходит через соединение раздвигающихся форм и вбираемого ими вещества. Это постоянство образа (*modus*) в происходящем, соответствующее постоянству вида (*species*) в существующем, позволяет распознавать одно и то же явление или один и тот же процесс в различные време-

на и в различных местах. Без него, без этого постоянства в порядке совершения каждого своеобразного изменения, невозможно было бы никакое изучение генезиса: все наблюдения, сделанные в одно время одним исследователем, были бы бесплодны для другого времени и для других исследователей, так как эти последние не могли бы распознать, то же ли самое изучают они, что изучали и их предшественники; никакой последовательности и преемственности в познании явлений и процессов тогда не могло бы быть, а с тем вместе не могло бы быть и самого познания.

5. Закономерность: это есть важнейший из основных атрибутов генезиса, потому что он именно сообщает ту правильность всему совершающемуся в природе, которую наблюдаем мы; в нем лежит источник того порядка, который царит в мире, той красоты, созерцая которую вокруг себя человек назвал этот мир «Космосом», т.е. самою «красотою».

VI. *Закономерность* же совершающегося есть проявление закона в этом совершающемся, и, следовательно, понимание закономерности сводится к пониманию закона и его действия. В учениях о генезисе вещей в Космосе и о генезисе самого Космоса должны быть изучены законы, действующие в природе и управляющие миром; в общей же теории генезиса должно быть установлено только *Общее учение о законе*, как ряд истин, относящихся не к которому-либо одному из них, но одинаково ко всем им.

Двигаясь по схемам разума, это учение о законе как одном из основных элементов генезиса должно образовать из себя ряд следующих форм: учение о существовании, о сущности, о свойствах, происхождении, цели или следствии, сходстве и различии и количественной стороне закона и производимой им закономерности. Остановимся на каждой из этих форм в отдельности.

Определяя существование закона, необходимо прежде всего остановиться на вопросе: следует ли ограничиться признанием существования одних только закономерных изменений, или независимо от них следует еще признать существование закона, сообщающего закономерность изменениям? Т.е., напр., достаточно ли признать только явления сближения вещества, происходящие всегда одинаково правильно; или вне

сближения следует еще видеть закон тяготения, регулирующий это сближение? Рассмотрим условия возможных решений этого вопроса.

Если мы признаем, что закон не имеет существования, отдельного от явлений и процессов, то это будет отрицанием самого закона и признанием только вечно правильных явлений и процессов — правильных почему, неизвестно. Самый же закон будет только обобщением этих единичных правильных изменений, т.е. произведением человеческого духа, но не чем-либо, лежащим в самой природе. Он будет субъективен по происхождению и положению, а не объективен. Но если в природе закона нет, то нет и того, что ложно приписывается ему, т.е. закономерности; так как без причины нет действия. Если же кто-либо, отрицая отдельное от явлений существование закона, тем не менее стал бы утверждать существование в природе закономерных явлений и процессов, тот утверждал бы, что есть следствия, не производимые никакою причиною; есть нечто в природе, что ни на что не опирается как на свое основание. Да и в самом деле, чем бы производилась закономерность явлений и процессов, если бы в них не было ничего, кроме силы, *движущей* вперед изменение, самого *процесса* (хода) изменения и того пассивного начала, которое *изменяется* в этом процессе, будет ли то вещество или что-то другое — безразлично. Где же то, что управляет ходом этого изменения, где начало, регулирующее процесс, откуда ход управляется и процесс регулируется? каким образом в изменении, как синтезе перечисленных элементов, является то, чего нет среди самых элементов? Итак, признание, что закон не имеет существования отдельного от явлений и процессов, есть отрицание вообще закона, а с ним и закономерности как вечной и необходимой правильности в совершающемся.

Пусть, далее, не соглашаясь признать закон одним субъективным произведением обобщающего разума, мы признаем его объективное и действительное существование в природе как начала регулирующего; но ограничим область бытия его одними явлениями и процессами, не сливая их в одно, но утверждая их неразделимость друг от друга. Пусть управляющий закон и управляемое явление или процесс отдельны по существу своему и самостоятельны по существованию,

но связаны одною областью (сферою) пребывания своего и неотделимы по взаимному положению. Пусть закон не проявляется только в изменении, но и существует в нем; так что, когда не совершается явление, нет и закона явления, и где не происходит процесс, там нет и закона процесса; что будет следовать из этого положения? Если мы признаем безраздельное погружение закона в явление и в процесс, не низводя его, однако, на степень простого атрибута изменения, но оставляя за ним самостоятельность природы и существования; то с этим вместе должны будем согласиться, что повсюду и всегда в момент возникновения явления возникает некоторое самостоятельное существо, не бывшее ранее, и в момент прекращения изменения это самостоятельное существо пропадает бесследно, ничего не оставляя по себе. Изменение, как синтез, возникало из соединения своих элементов, существовавших ранее, и прекращается, когда эти элементы вновь разъединяются. Откуда же возникает закон и куда пропадает он, ни из чего не слагаясь, будучи простым, и ни во что не разлагаясь? и притом, всякий раз пропадая, вновь возникает в том же самом виде, как существовал прежде, вечно и повсюду оставаясь абсолютно тождественным самому себе? Итак, признать нераздельное существование закона и изменения, не отрицая их самостоятельность, — это значит признать, что нечто реальное возникает постоянно и повсюду из ничего и в ничто же постоянно и повсюду превращается.

Таким образом, несомненно, что закон не только не одно с изменением, но и не всегда в нем; он предшествует явлению и процессу и остается, когда прекращаются они; он только обнаруживается в них, но не существует. Появляясь, они подходят под свой закон, уже существовавший ранее; и, возобновившись, снова подойдут под него, потому что он не исчез, как они, но пребыл неизменно.

Где же пребывает закон до своего обнаружения в изменении и после обнаружения? Если его нет в явлении и в процессе как в синтезе элементов — в чем после сказанного едва ли может быть сомнение, то не существует ли он в одном из элементов и вместе с ним не входит ли в изменение, начиная с этого момента регулировать его? Быть может, напр., что он пребывает

в силе как активном начале изменения; т.е. что сила всегда действует по определенному закону, и поэтому именно самое изменение всегда происходит одним определенным образом?

Признать это едва ли возможно, во-первых, потому, что тогда пришлось бы видеть двойственность в том элементе изменения, в котором мы признали бы пребывание закона, так как по природе своей этот последний есть нечто *sui generis*, не отождествимый ни с силою, ни с веществом, ни с каким-либо другим элементом изменения; а во-вторых, потому, что сила или что другое не необходимо должна проявиться в изменении — она пребывает и в самой себе, между тем как закон всегда есть закон процесса или явления, закон именно синтеза. Наконец, по существу своему закон есть постоянное и необходимое соотношение между чем-либо; но что́ может соотноситься в силе, когда в ней нет ничего, кроме самой силы и предполагаемого в ней закона? или в веществе, когда в нем нет ничего другого, кроме вещества и самого закона? Итак, едва ли возможно сомневаться в том, что закон есть столь же самостоятельный элемент изменения, как сила, вещество, процесс и пр., и что подобно им он разлит в Космосе, равномерно готовый проявиться всюду, где соединятся другие элементы изменения.

Перейдем к определению *формы существования* закона. Несомненно, что, проявляясь в синтезе элементов изменения, закон существует реально, и это по своей очевидности не требует особенных доказательств: когда происходят явления и процессы по известному закону, этот закон видимо управляет ими, т.е. существует в них действительно. Далее, перед своим проявлением закон не образуется — он не слагается из своих потенций, не развивается из форм менее совершенных в более совершенные; явления и процессы подходят под закон, уже готовый, никогда не формирующийся; до проявления он был только невидим, в проявлении становится видимым; перемена происходит здесь не в нем самом, но в отношении к нему человека. Но если, таким образом, существование закона ранее проявления закономерного изменения нельзя признать образующимся, то едва ли возможно признать его и потенциальным: он находится до этого проявления только в бездействии; но состояние де-

ятельное и состояние покоя нельзя смешивать с бытием реальным и бытием потенциальным; они глубоко различны между собою. Закон не действует, потому что не имеет объекта действия; но он существует, потому что тотчас начинает действовать, как только появляется объект для него, не требуя для этого обнаружения себя присоединения к себе чего-либо дополняющего; а это дополнение всегда необходимо для потенции, когда она готовится осуществить реальность. Так, закон падения тел существует реально не только в самые моменты падения, но постоянно и повсюду; падая, тела подходят под него и обнаруживают его перед взором человека, но ничего не прибавляют к нему и ни в чем не преобразуют его. Итак, вероятнее всего, что закон имеет только одну форму существования — реальную, вечно неизменную.

Сущность закона, как кажется, правильнее всего было бы выразить в следующем определении: «закон есть вечное и необходимое соотношение между элементами изменения, производящее вечную и необходимую правильность в ходе его». Это определение, выражая природу закона, объясняет и действие его: когда элементы изменения соединяются, они необходимо вступают в соотношение между собою и через это проявляют закон своего синтеза. Возьмем для примера закон: «два тела притягиваются взаимно с силою, прямо пропорционально массам и обратно пропорционально квадратам расстояний». В этом формулировании сущности закона тяготения нет ничего, кроме перечисления соотношений между элементами явления притяжения, но зато эти соотношения определены полно и точно: не упущен ни один из элементов изменения — ни начало деятельное (сила), ни начало пассивное (массы стягиваемых веществ), ни самый ход изменения (притяжение постоянно ускоряется по мере сближения тел).

Приведенное выше определение закона, как необходимо и невольно сложившееся при первой мысли об его сущности, следует расширять и углублять по мере того, как будет расширяться познание закономерности в природе с открытием все новых и новых законов, и по мере проникновения разума во внутренний механизм каждого отдельного из них. Закономерность проникает всю природу; и великое, и малое в ней одинако-

во проникнуто ею; она проявляется и в движении небесных светил, и в едва заметном прорастании семени; ее можно наблюдать и в сокровеннейших движениях человеческого сердца, и в ходе развития исторической жизни, едва обнимаемом мыслью. При таком разнообразии явлений и процессов, подчиненных закону, естественно, что и самые законы чрезвычайно разнообразны. Следует уловить в этом разнообразии неизменно повторяющееся и, заключив его в определение, охватить этим последним всю природу в ее закономерности.

Из *свойств* закона в общей теории последнего должны быть изучены и объяснены те только, которые вытекают не из природы законов, наблюдаемых в природе (так как это будут свойства законов частных), но из природы закона, идеально понимаемого разумом. Таковы, напр.: ненарушимость закона (его ничто не может изменить, извратить); его вечная деятельность (невозможно, чтобы закон какого-либо изменения хотя когда-нибудь не проявился бы в этом изменении); его неуничтожимость (невозможно, чтобы мог прекратить свое существование закон изменения, когда самое изменение не прекращается) и еще многие другие свойства.

Переходя затем к *происхождению* закона, общая теория его должна ответить не на вопрос, почему все закономерно в природе, — так как на него ответило уже открытие и признание существования закона; но на вопрос, откуда самый закон в природе, где его источник? Как кажется, мы не ошибемся, если скажем, что источник закона, царящего над всем, что происходит в Космосе, скрывается в сущности происходящего. И в самом деле, каждый определенный закон есть некоторое соотношение между элементами, вступающими в соединение в момент возникновения изменения. Чем определяется это соотношение, что обуславливает, что одно соотношение не походит на другое? Ясно, что обуславливающее значение здесь принадлежит природе того, что вступает между собою в соотношение; потому что всякий раз, когда природа соотносящегося остается неизменною, неизменно и соотношение, т.е. закон; и всякий раз, когда природа или одного соотносящегося элемента, или всех их изменяется, изменяется и самый закон; и при этом, чем значи-

тельное изменение природы этих элементов, чем менее схожи они между собою, тем значительнее разница в законах, которым подчинено изменение как синтез их. Так, напр., взаимное притяжение вещества, всюду и постоянно слагающееся из одних и тех же элементов, всюду и постоянно подчиняется одному и тому же закону; соединение противоположных электричеств или явления света уже подчинено другим законам, так как и электричество, и свет уже не есть вещество; но соединение и разложение идей или образование чувств повинуются законам гораздо более отличным от закона тяготения, чем законы световых и электрических явлений, потому что самые идеи и чувства еще более не похожи на вещество, чем свет и электричество. Итак, едва ли будет ошибочно признать, что источник закона как вечного и необходимого соотношения между элементами изменения лежит в сосуществующей с законом причине его — в природе элементов, соотносящихся в изменении.

Что касается до общего *назначения*, которое выполняет закон в природе, то его можно определить и прямо, исследуя, что именно производится законом; и косвенно, изучая, что произошло бы, если б его не было. Первый путь есть путь наблюдения, второй по преимуществу есть путь умозрения. Так, одним мышлением можно предугадать, что если б в природе были движущие силы, но не было бы закона, сообщающего правильность движению, то в таком случае едва ли могла бы сохраниться цельность Космоса: происходя без всякого порядка, явления и процессы сталкивались бы в своем развитии и разрушались бы.

Определение *сходства и различия* в явлении закономерности должно основываться на сравнительном изучении законов, действующих в природе, и иметь своею целью правильную классификацию этих последних. Совершеннейшая классификация есть, конечно, естественная — открытая, но не изобретенная, установленная природою, но не человеком. И без сомнения, внимательный взор откроет со временем некоторые естественные группы, на которые распадутся все законы природы. Но и ранее этого открытия не бесполезно построить несколько искусственных классификаций, которые не утратят своего значения даже и тогда, когда будет установлено естественное деление законов.

Потому что каждая такая классификация, опираясь на какой-либо избранный признак, принятый за основной при классифицировании, покажет распределение этого признака в законах природы. Так, напр., с большим удобством все законы могут быть распределены на *основные*, ни на что не опирающиеся, первичные по происхождению, и на *производные*, выведенные из основных; и далее эти последние могут быть сгруппированы таким образом, чтобы видно было все, производимое в природе каждым основным законом через посредство своих подчиненных законов, так что ясно будет и соотношение всех законов между собою, и, так сказать, строение закономерности в природе. Смотри по сферам действия, можно также разделить законы на *всеобщие*, действующие во всей природе; и на *частные*, которым подчинены отдельные области природы. С субъективной точки зрения можно их разделить на *законы узнанные*, относительно которых известно, что они суть «вечные соотношения между элементами чего-либо происходящего, управляющие его ходом», но в которых не объяснено, почему они необходимы в природе; и на *законы понятые*, относительно которых не осталось ничего не узнанным.

Сравнительное изучение законов природы может вообще повести ко многим важным и интересным открытиям. Может случиться, что будет найдено некоторое общее правило, по которому действуют все законы в Космосе, будет открыт *закон законов природы*. Может случиться, что будет найдено общее выражение всех законов, так что они сольются в одно *размеряющее начало* мира, разлитое повсюду в Космосе, которое только человек ошибочно принял за различные законы, видя его различное проявление в различных областях своего действия. Наконец, может случиться, что при сохранении отдельных законов, известных теперь, разумом будет найден или среди их, или вне их один такой *верховный закон*, из которого они вытекают, как следствие вытекает из своей причины.

VII. Учение о происхождении генезиса должно ответить на вопрос, каким образом *возможно* изменение и как, будучи возможным, оно стало *действительным*? Почему все движется в Космосе, а не стоит неподвижно, почему все изменяется, а не остается тем же? откуда этот неудержимый и вечный поток во

времени, в котором столькое возрождается и столькое погибает?

Перед умственным взором человека, раз он задался этим вопросом, выступают впервые два начала, совершенно противоположные одно другому, но столь тесно связанные друг с другом, что почти не встречаются в свободном состоянии. Одно из них постоянно изменяется, другое всегда изменяет; первое движется в генезисе, второе движет самый генезис; *начало пассивное* в природе, лишенное жизни, и *начало деятельное*, которое оживляет природу. Существованием этих двух начал объясняется возможность изменения, а их разделенность в природе объясняет необходимость появления генезиса как такого третьего, где они, предназначенные друг для друга, могли бы соединиться. Момент, в который происходит это соединение начала деятельного с началом пассивным, есть *начальный* в генезисе — тот, откуда происходит он; момент, в который начало деятельное снова отделяется от начала пассивного, есть *последний* в генезисе — тот, где кончается он. Между этими двумя моментами движется генезис, т.е. происходит изменение начала пассивного под воздействием начала деятельного. Изучая происхождение генезиса, следует, во-первых, понять все-сторонне природу обоих начал как вечных условий этого происхождения и, во-вторых, — раскрыть сущность их соединения, как самое это происхождение. Двигаясь по схемам разума, это изучение сложится в ряд форм науки, определяющих отдельные стороны познаваемых здесь элементов генезиса: форму существования, природу, происхождение, назначение или следствие и количественную сторону начала пассивного и начала деятельного и момента или акта соединения их.

Изучая *существование* начал пассивного и деятельного и момента соединения их, следует предварительно разъяснить, в каком смысле следует понимать это существование, и затем уже перейти к определению самой формы его.

Как кажется, не может подлежать сомнению, что начала пассивное и деятельное имеют каждое свое отдельное существование, и хотя пребывают обыкновенно в одном месте, но не необходимо и не постоянно. Это видно из того, что и начало пассивное не вечно

изменяется, и начало деятельное не всегда изменяет; но и первое пребывает иногда в покое, и второе находится в скрытом состоянии — моменты, когда разделенность их друг от друга не может быть предметом вопроса. Так, напр., движущееся вещество некогда начало двигаться и когда-нибудь перестанет двигаться. Ранее этого начала и после прекращения движения оно пребывало и пребудет в покое; и в это время, очевидно, оно не соединено с началом деятельным, но существует отдельно от него, одно. С другой стороны, и начало деятельное, во время движения вещества соединенное с ним, по прекращении движения, очевидно, отделилось от него и начало пребывать особо, также одно. Потому что невозможно ни то, чтобы начало пассивное, оставаясь под воздействием начала активного, остановилось — ибо где же была бы тогда причина остановки? ни то, чтобы начало деятельное, продолжая быть соединенным с началом пассивным, ни в чем не проявило себя — ибо каким же образом тогда оно было бы деятельным? И так как несомненно, что движение и покой существуют, то столь же несомненно, что в некоторой особенной форме пребывают отдельно друг от друга оба начала и только временно соединяются между собою для произведения генезиса.

Отрицать отдельное существование начал пассивного и деятельного возможно, только отрицая эти самые начала. Возможно в самом деле предположить, что нет в природе изменяемого и изменяющего, но только изменяющееся, нет движимого и движущего, но только движущееся; и предполагаемые деятельные начала можно признать только за свойства того, что ошибочно принимается за начало пассивное. Так, можно подумать, нет силы всемирного тяготения, которая стягивает вещество; но есть только тяготеющие друг к другу вещи, есть только вещество, одаренное свойством тяжести.

Исследуем, насколько вероятно такое предположение. Если начало деятельное отрицается как самостоятельное и изменяемость принимается за атрибут существующего, то она должна обладать и всем тем, что мы находим в других атрибутах. Посмотрим, действительно ли это так.

Во-первых, атрибут по самой природе своей есть нечто подчиненное по отношению к сущности и, следо-

вательно, не может подчинить себе эту сущность. Напротив, в изменении мы наблюдаем существующее, совершенно подчиненное чему-то, что уже по этому одному не может быть только атрибутом его. Напр., цвет тела не может видоизменить расположение его частиц, но, напротив, тело, видоизменяясь *от чего-то* в своем строении, изменяет свой цвет.

Во-вторых, свойство постоянно в том, чему принадлежит оно. Ни предмет, обладающий свойством, ни самое свойство не имеют в себе силы — первый проявить второе, второе — проявить себя; но всегда необходимо участие *третьего*, которое вызвало бы в предмете свойство или уничтожило бы его. Напр., ни предмет сам по себе, без всякой внешней действующей причины, не может изменить своего цвета; ни цвет сам по себе, без всякого внешнего влияния, не может измениться в предмете. Напротив, изменение то появляется в вещах, то исчезает, и, следовательно, если оно есть только проявление свойства вещей, то снова необходимо принять существование *чего-то* такого, что влиянием своим то вызывает это появление, то позволяет появившемуся скрыться. Таким образом, даже признание изменения свойством изменяющегося не уничтожает необходимости принять существование начала деятельного как причины видимой вариации в отношениях этого признанного свойства к своей мнимой сущности.

В-третьих, свойство всегда пребывает в том, чему принадлежит оно неподвижно, но не действует в нем. Напр., протяженность не действует в веществе, цвет не действует в теле, скорость не действует в движении. Напротив, всякое изменение по самой сущности своей есть нечто деятельное и, следовательно, быть атрибутом существующего не может, так как атрибут по своей природе пассивен в отношении к тому, в чем пребывает.

Таким образом, ничто из того, что принадлежит атрибуту, не обнаруживается в изменяемости; и ничто из того, что присуще изменяемости, не может быть приписано атрибуту. Следовательно, изменяемость не есть свойство существующего, но есть произведение двух отдельных начал — пассивного, принимающего воздействие, и активного — воздействующего.

Как в таком случае следует понимать существование обоих начал, предшествующее генезису и следую-

щее за ним, и как следует понимать самый генезис и его исходный момент? Ясно, что вне генезиса начало пассивное остается недвижимым, являясь, напр., в мире физическом чистою протяженностью и размещением; начало же активное представляет собою до генезиса и после него чистую и полную напряженность, — чистую потому, что в нем нет ничего, кроме напряженности, полную потому, что оно все — напряженность. Генезис начинается с того момента, когда происходит соприкосновение обоих начал, т.е. когда начинают совпадать сферы их существования. Тогда начало активное из напряженного становится деятельным, причем, впрочем, в нем не происходит никакой другой перемены, кроме той, которая происходит в пространственной линии при овеществлении ее; т.е. оно остается тем же, чем было до соприкосновения с пассивным началом, но теперь нечто внешнее для него, именно это начало пассивное, обнаруживает его. Действие и есть как бы овеществленная внешним объектом напряженность; напряженность же есть действие, ни на что не переходящее и остающееся сосредоточенным в деятельном начале. Начало же пассивное и в самом генезисе остается бездеятельным: оно облегается началом деятельным, попав в сферу его напряженного существования, и увлекается им в генезис, где то слагается, то разделяется, повинувшись его направлению и уступая его силе.

Разъяснив смысл существования рассматриваемых элементов изменения, следует определить форму этого существования. Некоторые соображения уже теперь дают повод думать, что тщательные разыскания, которые предстоит сделать в этой форме науки, в будущем утвердят за началом пассивным форму существования вечную потенциальную и временную реальную, за началом деятельным — форму вечно реального существования, а за моментом соединения их — потенциальную, скрытую уже в отдельном существовании обоих могущих соединиться начал, и реальную — осуществляющуюся в самом соединении их. Так, напр., если мы возьмем какой-нибудь единичный генезис — будет ли то рост дерева, развитие идеи, образование чувства, — мы увидим, что повсюду начало пассивное, изменяющееся в генезисе (дерево растущее, идея развивающаяся, чувство образующееся), существует реально в самом генезисе и потенциально вне его: не всегда

существовало это дерево, эта идея, это чувство. Начало же деятельное получает только объект в генезисе, но существует оно и ранее, всегда и в том же виде: силы растительные не создались в этом растущем дереве и психические — не возникли только теперь для образования этой идеи и этого чувства; они всегда были. Также момент соединения обоих начал уже существовал как возможный всегда, раз всегда был возможен самый генезис; реально же он осуществился в тот момент, когда начался рост дерева, образование идеи, возникновение чувства.

Высказанное нами мнение, основанное на рассмотрении единичных генезисов, должно быть развито в ряд строгих доказательств общего характера, где было бы показано, почему начало пассивное всегда и необходимо имеет две признанные за ним формы существования, а начало деятельное — одну (если только это справедливо). Изучение природы, свойств и назначения обоих начал должно послужить источником этих доказательств.

Переходим к *природе* начал пассивного и деятельного и исходного момента генезиса. Сущность последнего, как кажется, может быть определена без особенного затруднения, и об ней сказано было уже выше при объяснении, что такое этот момент: он состоит в совпадении сфер пребывания начал пассивного и деятельного и в соединении этих начал, предназначенных друг для друга; причем первое, сохраняя все в своей природе, начинает только как объект обнаруживать собою начало деятельное; а это последнее, со своей стороны продолжая оставаться тем же, чем было, только обнаруживается перед чувствами человека через этот свой объект.

Определить же природу начал пассивного и деятельного весьма трудно. Мы ограничимся только указанием на необходимость этой формы науки и отказываемся даже гипотетически разрешить вопрос о сущности обоих начал. От некоторых соображений, впрочем, нам трудно было удержаться при размышлении о них, и мы приведем их, надеясь, что они не повредят будущим изысканиям.

Не следует прежде всего отождествлять начала пассивного с веществом, а начала активного — с силами природы; потому что и вещество, и силы суть только

виды этих начал, гораздо более обширных, чем они: начало пассивное — все, что изменяется, начало деятельное — все, что изменяет; а изменение происходит не только в мире внешнем и не в одном веществе. Поэтому, определяя природу обоих начал, недостаточно проникнуть в сущность вещества и сил природы, хотя это проникновение и необходимо, — нужно обнять все изменяемое и все изменяющее. Идея также движется раскрываясь, и как таковая она есть начало пассивное, а то, что движет ее, раскрывая, есть начало деятельное; государство также образуется, представляя поэтому собою начало пассивное, а в том, что образует его, заставляя искать начала активного. Определение сущности начала пассивного должно, таким образом, обнять и вещество со всеми его формами, и дух во всех состояниях его, и жизнь человеческую во всей сложности ее проявлений. Определение же начала деятельного должно обнять все, что движет это вещество, все, что сообщает жизнь этому духу, все, что преобразует самую жизнь.

Быть может, ввиду этой сложности полезнее будет, определяя оба начала, не изучать последовательно все, в чем проявляются они, но взять одно какое-либо изменение, выделить мысленно в нем все случайное, временное, не необходимо присущее ему; и в полученном таким образом чистом изменении отделить сперва все, что не есть изменяемое, а затем все, что не есть изменяющее, и оставшееся (чистое изменяющее и изменяемое) постараться уловить в соответствующих определениях.

То, что в единичных изменениях получается всякий раз после такого выделения, есть для начала пассивного нечто, *остающееся тем же и там же*, а для начала активного — то, *что не допускает оставаться тем же и там же*; первое есть вечно покоящееся в тождестве с самим собой, второе есть чистая деятельность, постоянно разрушающая это тождество. Если бы удобно было определять два неизвестные друг через друга, то мы сказали бы, что пассивное начало есть сопротивляющееся действию, а активное — преодолевающее сопротивление. Изменение является с этой точки зрения борьбою обоих противоположных начал, стремлением каждого отдельного начала сохранить себя и свою природу, несмотря на невозможность выполнить это

при существовании другого начала. В изменении оба начала являются, таким образом, как бы лишенными части своей сущности: в нем ни начало пассивное не остается тем же и там же, ни начало деятельное не движется абсолютно свободно; первое и изменяется, и перемещается, второе — задерживается, замедляется.

Так как всякое изменение по своей сущности есть сложение и разделение, то в чистом виде начало пассивное есть слагаемое и разлагаемое, а начало активное есть слагающее и разлагающее. Но сложение и разделение есть изменение отношений единичного существующего к частям общего условия своего — пространства, есть выход слагающегося и разлагающегося из тех частей пространства, которые они прежде занимали, и вступление в другие части пространства. Поэтому сущность пассивности заключается в связанности существующего пространством, в его крепости этому пространству; а сущность деятельности состоит в стремлении разорвать эту связь, преодолеть эту крепость.

Замечательно, что если начало пассивное может еще быть и вещественным, и невещественным, то начало деятельное никогда не бывает вещественным, материальным. И это тем любопытнее, что ему-то именно принадлежит такое великое значение в общем порядке мировой жизни, такое господствующее положение над всем, что лежит в Космосе. И в самом деле, человек никогда не наблюдает деятельных начал в природе — перед ним происходят только изменения; его чувства еще ни разу не прикоснулись к этим началам, и только его мышление восходит от движимого к невидимому движителю и от изменяемого к неощутимому изменяющему. Анализ (умственный) явления изменения приводит его к несомненному знанию, что, раз есть изменяемость в природе, есть и нечто деятельное в ней; но что такое это деятельное — он может знать только через посредство начала пассивного, следя за его варьированием под воздействием этого скрытого и загадочного движущего начала. Какая сила стягивает вещество и образует из него миры, что заставляет идею, раз она появилась в сознании, раскрываться в мир нисходящих идей, что движет жизнью народов, пробуждая их, медленно возвышая и быстро низвергая в ни-

чтожество? — все это вопросы, над которыми никогда еще настоящим образом не задумывался человек и в разрешении которых более интереса и трудности, нежели во всем, быть может, над чем до сих пор думал он.

Основными атрибутами изучаемых элементов изменения нам представляются: для начала пассивного — способность, для начала деятельного — стремление и для момента соединения их — преходимость. Первый из этих атрибутов указывает на бессилие того, чему принадлежит он, измениться; и вместе с тем на возможность для него вступить в генезис под воздействием другого начала, — т.е. именно на то, что мы замечаем в начале пассивном: оно и в изменении остается только «способным», потому что изменяется не само собою, и в покое не лишено «способности», потому что может измениться при некоторых условиях. Таким образом, «способность» является атрибутом начала пассивного на всем протяжении его существования, как потенциального, так и реального. Но он «основной» в этом начале не по одному тому, что неизменно пребывает в нем, но — и это главным образом — по следующему: выражая собою сущность пассивности, атрибут этот и отличителен, и существен для начала пассивного, а устанавливая отношение рассматриваемого начала к изменению, он есть именно то, что, отыскивая или не находя в существующих вещах, мы относим их или к деятельным началам, или к началам, только «способным воспринимать на себя действие» (пассивным). Второй атрибут, стремление, напротив, характерен для начала активного и существен в нем. Он также постоянен в этом начале, проявляясь в «деятельности» — когда есть объект у него, и в «напряженности» — когда нет этого объекта. Потому что действие есть осуществленное стремление и удовлетворенная напряженность; а напряженность есть неудовлетворенное стремление, есть деятельность неосуществленная, ни на что не перешедшая и вся сосредоточенная в самом деятеле. И подобно тому как по присутствию или отсутствию «способности» к изменению мы распознаем в существующем начало пассивное, так же точно, смотря по присутствию или отсутствию «стремления» изменить, мы распознаем в нем начала деятельные. Что же касается до третьего из

указанных атрибутов — преходимости, — то он в самом деле характерен для момента соединения обоих начал. Обладая двумя формами существования — потенциальной, предустановленной в возможности соединения обоих противоположных начал, и реальной — в самом соединении их, он пребывает в первой форме постоянно, во второй же, в той, в которой и существует единственно истинно, — он пребывает лишь миг: он как бы только «переходит» через реальную форму бытия своего, но не пребывает в ней; потому что, едва вступив в нее, он исчезает, так как оба начала тогда уже соединены, но не соединяются. Поэтому нигде, быть может, «настоящее» времени не является так ярко в своей сущности, как здесь: начальный момент генезиса не имеет реальной формы существования ни тогда, когда он еще не вступал в эту форму, ни тогда, когда уже вступил, но только пока вступает; исчезновение наступает для него в тот же момент, как и существование.

Кроме этих основных атрибутов есть, без сомнения, в обоих началах и в моменте соединения их и много других любопытных свойств. Так, напр., в части деятельного начала, именно в силах природы, уже открыто свойство неискоренимости, которое так ошибочно было названо «законом сохранения сил», потому что никакого соотношения — а в нем состоит сущность всякого закона — здесь нет и ничего этот мнимый закон не регулирует, как регулирует всякий другой закон. Это свойство неискоренимости, быть может, присуще не части только деятельного начала, но всему ему; и в таком случае его следовало бы проверить и распространить и на силы, движущие рост организмов, и на силы, порождающие психические и общественные явления и процессы.

Начала пассивное и деятельное, будучи источником изменения, через которое все происходит, и сами не лишены этой стороны бытия — *происхождения*. Рассмотрим ближе, что может быть сказано об этом происхождении. Нет сомнения, что оба начала одновременно всему, что есть существующего, потому что именно существующее-то и распадается на эти начала; так что происхождение их, если только оно когда-либо имело место, должно быть отодвинуто так далеко, как далеко простирается в прошедшее существование са-

мого Космоса. Но уже и теперь, т.е. до открытия самых причин обоих начал, может быть отмечено одно различие в способе происхождения их: именно пассивное начало, происходя, было создано некогда, а активное начало вечно исходит откуда-то; первое появилось и пребывает как неподвижное, второе истекает как вечная деятельность. Была ли одна причина, вызвавшая к бытию оба начала, или, как противоположные, они порождены причинами различными, это разрешить трудно, хотя и необходимо для полноты науки и совершенства миропонимания. Как и повсюду, когда приходится познавать природу недоступного, эти причины и все, что касается их, может быть раскрыто через глубокое изучение сущности произведенного, т.е. самых начал пассивного и деятельного: потому что не может природа творящего не отразиться в сотворенном. Что касается до учения о происхождении момента соединения обоих начал, то в нем должен быть разрешен и основной вопрос, почему вообще это соединение существует, и второстепенный — отчего эти соединения появляются. При разрешении второго вопроса — о причинах единичных конкретных соединений начал пассивного и деятельного — должны быть перечислены тщательно все случаи, когда происходит совмещение сфер пребывания обоих начал (толчок, удар, давление воздуха и пр. и пр.); при разрешении же первого вопроса — об общем условии такого соединения — из этих частных причин должно быть выделено то общее, что неизменно повторяется в них, и изучено как необходимый и вечный производитель исходных моментов генезиса.

Разрешить, для чего существуют начала пассивное и деятельное, можно, познав, что выполняют они. Как кажется, едва ли будет ошибочно сказать, что двойко отражается в мире раздельное существование этих начал: во-первых, через необходимость своего соединения в генезисе они вносят жизнь в мир, и, во-вторых, через возможность различия в своих сочетаниях они вносят разнообразие в него. И в самом деле, если б начала деятельного не существовало или если б, существуя, оно не было отделено от начала пассивного, то тогда или ничего не происходило бы в Космосе и он был бы безжизнен, или все происходило бы повсюду и всегда одинаково и не было бы того, что мы

назвали выше «изменением изменения», т.е. мир был бы только никогда не портящеюся машиною, столь же чуждою жизни, как и последняя. С другой стороны, и вещи, лежащие в Космосе, не представляли бы такого разнообразия, если бы не были разделены начала пассивное и деятельное: эти вещи вечно пребывали бы одни и те же, в том виде, в каком были раз созданы, — ничего к ним не прибавлялось бы и ничего в них не убывало бы. При разделенности же начал, производящих вещи путем генезиса, никогда не будут исчерпаны все комбинации этих начал, и, следовательно, никогда мир не исчерпает всего богатства возможных для него форм. Обдумывая эту двойную роль обоих начал в Космосе, невольно приходишь к мысли, что именно это раздельное существование их делает мир и более прекрасным, и менее долговечным. И жизнь, и красота живущего вырастают из борьбы этих противоположных начал, и борьба же их поглощает и все живущее, и всякую красоту.

Определяя *сходство и различие* начал пассивного и деятельного и момента соединения их, следует иметь в виду как последнюю цель построения классификации изучаемого в этой форме науки. Задача эта, и необходимая и выполнимая, никогда не разрешалась строгим образом, особенно в отношении начал деятельных; и трудно сказать, отсутствие ли сознания важности этой задачи или затруднения, в ней встретившиеся, были причиною этого. Мы сделаем примерное распределение рассматриваемых элементов генезиса как руководящий образчик того, что должно быть с большею тщательностью выполнено в будущем. Так, *начало пассивное* может быть разделено на существующее в пространстве и замещающее его, какова, напр., материя; и на существующее в пространстве, но не замещающее его, каковы, напр., идеи, чувства, воля, — вообще психическое в Космосе. Далее, первое может разделиться на простое или *тела* и на сложное или *организмы*; а второе — на производящее или *дух* и на произведенное или *жизнь*. *Начало деятельное*, которое по природе своей всегда есть нечто движущее, по характеру производимого движения может быть разделено на: 1. *Силы движущие*, производящие чистое перемещение начала пассивного, напр. инерция; 2. *Силы соединяющие*, которые производят сближение однород-

ных частей начала пассивного. Здесь к чистому движению присоединяется направление, постоянное для этих сил, которого они не могут преодолеть без внешнего привходящего. Такова сила всемирного тяготения, таковы же силы, соединяющие людей в общества, или силы, соединяющие однородные идеи в цельное мирозерцание; 3. *Силы разъединяющие*, производящие разделение однородных частей начала пассивного, где к чистому движению также присоединено направление, но только противоположное тому, которое замечается в силах соединяющих: такова, напр., сила диамагнетизма, или сила, производящая отталкивание некоторых химических тел, таковы же силы, действующие в общественных организмах в моменты их разложения, или в органических телах в момент их смерти, или в идеях при разложении их на термины и т.д.; 4. *Силы направляющие*, производящие движение в самом движении, вызывающие изменение в направлении изменения. Необходимость признать существование таких сил ясна из того, что в природе происходит не только изменение, но и перемена в нем, целесообразно направляющая его к некоторому определенному результату; подобно тому как размышление об источнике изменения привело к признанию существования *изменяющих* сил, так точно размышление об источнике перемены в направлении изменения приводит к признанию существования *направляющих* сил. По сфере действия начало активное может быть разделено на: а. *Силы общие*, которым подчинено все в Космосе — как то, что замещает пространство, так и то, что не замещает его; б. *Силы, движущие вещество в его элементах*, каковы, напр., частичные силы, изучаемые теперь уже в химической физике; в. *Силы, движущие вещество в телах* (они изучаются теперь в физике); д. *Силы, движущие жизнь* в организмах; е. *Силы, движущие дух*, которые в свою очередь подразделяются на то, что движет идеи в их развитии, на то, что производит формирование и развитие чувства, и, наконец, на то, что движет волю; ф. *Силы, движущие произведенное духом*, — таковы неизвестные еще силы, действующие в политических организмах, в художественном творчестве и пр. Распределив таким образом активное начало в несколько групп, следует затем каждую группу подвергнуть тщательному специальному изучению по

всем схемам разума. Таким образом откроется, в чем состоит, напр., сущность соединяющих, разъединяющих и направляющих сил, а также и сил, действующих в веществе, в организмах, в духе и в том, что творит он? какие особенности имеет каждая из таких групп? откуда и как произошли они (силы)? каково назначение их в природе? и пр. Все эти вопросы, исполненные бесконечного интереса, еще ни однажды не затрагивались мыслью человека, столь глубоко погрузившейся в изучение частных, что как будто и не существует целого, к которому относятся эти частности.

Что касается до момента соединения обоих начал, то тщательное изучение его поведет к открытию разнообразных способов (модусов) такого соединения.

Изучая *количественную сторону* начал пассивного и деятельного и момента соединения их, следует определить те числовые соотношения, в которых оба начала вступают в генезис; т.е. указать, какое количество силы в состоянии преодолевать сопротивление начала пассивного, в состоянии разорвать ту связь его с пространством, о которой было говорено выше. Это соотношение между количествами деятельного и пассивного начал может быть определено не только для каждой единичной силы — как это всегда делалось до сих пор; но, думается, может быть найдена такая общая формула, которая выразит точное отношение всякой силы ко всему неподвижному.

VIII. Учение о следствиях генезиса имеет своим предметом то, что заканчивает его. Это конечные формы, в которые отливается генетирующее начало с окончанием генезиса, то, чем становится прошедшее через изменение, когда совершилось оно. Область этого учения есть, таким образом, мир происшедших вещей, все, что есть не вечного в Космосе. Это не вечное — то, чем становится пассивное начало по отделении от него начала деятельного, когда оно вновь становится неподвижным и с тем вместе получает снова устойчивые, постоянные формы.

В учении о генезисе вещей в Космосе часть, соответствующая той, которою мы занимаемся теперь, изучит вещи эти во всей их подробности и частности; здесь же, в общей теории генезиса, они должны быть изучены в их общем виде, т.е. как результаты не единичных конкретных генезисов, имевших место в при-

роде, но как следствие общего генетического развития ее. Здесь изучается, таким образом, не та и не эта произведенная вещь, но вещь как вообще результат изменения.

Прежде всего поэтому в рассматриваемой форме понимания должно быть определено, какие стороны вещи как возникают, и через это — каким способом возникает вещь как синтез своих сторон. При чем стороны ее должны быть взяты не все соответствующие схемам разума, но только первые три и последняя, в которых вещь существует сама в себе. Остальные же стороны, которыми каждая вещь соприкасается с миром других вещей, — причина, цель и сходство с различием — не подлежат здесь изучению. Следовательно, в этой части теории генезиса определяется происхождение существования вещи, происхождение ее сущности и ее свойств и происхождение ее количественной стороны; или, что то же, изучаются эти четыре стороны в отношении к тому генезису, который производит их в вещах.

Не вдаваясь в самое изучение вопросов, разрешаемых здесь, заметим только, что, как кажется, свойства вещи бывают порождаемы как явлениями, так и процессами, самые же вещи, т.е. две важнейшие стороны их — существование и сущность, — бывают результатом только процессов как преемственных изменений, но никогда явлений как сосуществующих изменений. Таким образом, явления (если высказанное замечание справедливо) имеют силу только изменять вещи, процессы же могут производить их; в первом случае вещь сохраняется, но только в другом виде; во втором — появляется новая вещь, возникает особь, как новое неделимое в Космосе, прежде не бывшее в нем, или, точнее — потенции слагаются и образуют реальность.

Так как сущность всякого изменения есть сложение и разделение, то и при изучении вещей как результатов генезиса следует различать в изучаемом, во-первых, то, что вступило в генезис, и, во-вторых, то, что к вступившему присоединилось в генезисе или что отделилось от него. Синтез первого и второго — вступившего и присоединенного — и образует всякую происшедшую вещь, которая, таким образом, всегда распадается на две стороны: первоначальное в ней, бывшее до

генезиса, и произведенное, что присоединилось к первоначальному в генезисе или отделилось от него. Затем следует изучить способы (модусы) сложения и разделения отдельных сторон всякой возникающей вещи: 1) существования и сущности — как к сущности какой-либо вещи, которая может быть выражена и в чистом понятии, присоединяется существование, напр. как понятие окружности может осуществиться в реальном образе; 2) существования и свойств — как осуществляются свойства, которые также из мыслимых могут переходить в реальные; 3) сущности и свойств — каким образом вторые возникают или уничтожаются в первой, напр. прямизна в линии, или цвет в предмете, или проницательность в уме; 4) свойств и свойств — через какой процесс к одному свойству присоединяется другое, напр. в уме как к проницательности присоединяется обширность созерцания; 5) числа, с одной стороны, и существования, сущности и свойств — с другой; т.е. как удваиваются, утраиваются и т.д. предметы существующие и в них свойства. Когда, таким образом, будут открыты и изучены все модусы этих соединений и разъединений, как действительно существующие, так и мыслимые возможными, тогда ясно станет для разума возникновение всякой вещи и всех вещей; будет понятно для него, как в вещах существующих возникают новые свойства и как путем постепенного накопления их вещи как бы перерождаются; как, наконец, появляются новые вещи, прежде никогда не бывшие, и путем какого процесса слагается природа этих возникающих вещей.

Так как производящий процесс, или генезис, имеет несомненную связь с производимым результатом или самой вещью — иначе различные вещи не происходили бы различными способами, но или бы все одним, или всеми одна вещь, — то следует открыть постоянные и необходимые соотношения между этими двумя элементами изменения, так, чтобы понимание процесса совершающегося давало уже понимание вещи еще не происшедшей, а понимание неизвестным способом произведенной вещи открывало бы этот способ. Соотношения же этого следует искать между строением во времени процесса и между строением в пространстве вещи, так как каждая особенность в первом не может не отразиться особенностью во втором.

IX. Учение о сходстве и различии генетического процесса должно определить формы или *типы* генезиса. Уже ранее были установлены два важнейшие вида, на которые распадается генезис, — явления, слагающиеся из сосуществующих изменений, и процессы, слагающиеся из преемственных изменений. Это деление должно быть проведено далее в той форме теории генезиса, которую нам предстоит разобрать теперь.

Процессы распадаются на два больших отдела: на *неопределенные и определенные*. Под *неопределенными* процессами я разумею такие, которые не существуют для произведения вещей какого-либо одного вида, только через эти процессы происходящие, и поэтому случайны по своему существованию, непостоянны по своей природе и изменчивы по своим признакам; под *определенными* же процессами я разумею такие, которые повсюду и постоянно совершаются одинаково и постоянно и повсюду производят одинаковое, будучи в совершающемся тем же определенным и законченным, чем в существующем являются определенные и законченные вещи, ими производимые. Объясним эти определения примерами. Так, комок глины производится самыми различными способами: ссыханием, сдавливанием, сцеплением через что-нибудь третье, в нее попавшее, и т.д.; и притом все способы эти таковы, что, происходя, они не необходимо производят именно комок глины, но и многое другое, столь же разнообразное, как и самые эти способы. Все эти процессы, которые производят разные неопределенные вещи, и притом такие, которые могут быть произведены не только этими, но и разнообразными другими способами, которые все и предусмотреть невозможно, мы и называем процессами неопределенными. Таким образом, сущность этой неопределенности состоит в двойном отсутствии необходимости: не необходимо эти процессы производят *те вещи*, которые они производят; и производимые ими вещи не необходимо производятся путем *этих процессов*, которые их произвели. Напротив, растение, например, или животное, или кристалл постоянно и неизменно происходят через один какой-либо процесс, который необходимо должен повториться, чтобы повторилась вещь, им производимая. Таким образом, сущность определенности здесь лежит в двойной необходимости: и процесс определенный необходимо про-

изводит, совершаясь, одну и ту же вещь — творит индивидуумы одного рода в существующем; и эта вещь необходимо производится одним и тем же определенным процессом — творится неделимым одного рода в совершающемся.

Ясно, что процессы неопределенные имеют большее распространение в природе, чем процессы определенные: все, что не закончено, не сформировано, не установлено окончательно природою, производится ими. Область же процессов определенных не столь обширна, но зато более совершенна: все немногое и лучшее, что лежит в Космосе, производится ими.

Определенные процессы распадаются по соотношению элементов, из которых состоят они, на три вида: *замкнутые, раскрывающиеся и сомкнутые.* Под замкнутыми процессами я разумею такие, из которых каждый существует независимо от других, не продолжая и не подготавливая их; которые, таким образом, производя что-либо, как бы замыкаются этим произведенным и им ограничиваются в своем существовании и в своем действии. Таков, напр., процесс образования кристалла: раз кристалл появился, процесс, его образовавший, — завершился окончательно; при воспроизведении нового кристалла процесс совершится снова, но это уже будет другой процесс, совершенно изолированный от первого и не связанный с ним никаким отношением, кроме сходства. *Под процессами раскрывающимися я разумею такие процессы, которые в своем поступательном развитии представляют ряд преемственных форм, из которых каждая предыдущая скрыто содержит в себе последующую и каждая последующая, выходя из предыдущей, раскрывает собою ее внутреннее содержание.* Это есть самая типичная и самая совершенная форма процессов и генезиса вообще. Замечательно, что она совпадает по своей сущности и по своему строению с процессом раскрытия идей, где также идея общего значения раскрывается в ряде идей более низших, из которых каждая в свою очередь снова и снова распадается на свои низшие идеи и т.д. до мира конкретных представлений. В пример этого вида процессов можно привести образование животного или растения и также развитие личности и государства. *Под процессом сомкнутым я разумею такой процесс, который представляет собою неизменное и посто-*

янное повторение одного и того же элемента, где, таким образом, некоторое определенное изменение, заканчиваясь, подходит к тому же, с чего началось, и это начинающееся снова воспроизводит предыдущее изменение; так что генетирующее начало представляется здесь как бы вечно движущимся в некоторой форме, из которой нет выхода в сторону, но которая допускает постоянное движение вперед, так как ее конец сомкнут с ее началом. Как на пример такого процесса можно указать на обращение небесных светил.

Относительно сил, которые движут эти различные виды генезиса, и относительно законов, которые управляют ходом этого движения, можно заметить вообще, что в явлениях и в процессах неопределенных они (законы и силы) отличаются одновременно и простотою, и общностью, а в процессах определенных — сложностью и ограниченностью распространения. И в самом деле, законы и силы всех неопределенных изменений — будут ли то явления или процессы — по своей природе всегда *неразложимы*, т.е. они не сводятся ни к каким низшим, простейшим законам и силам; далее, по происхождению своему они все суть первоначальные силы и законы природы, ничем *не произведенные* в ней; и, наконец, по сфере своего действия они суть *всеобщие* законы и силы Космоса, которым подчинен он и в своем целом, и во всех частях своих, не исключая и тех даже, которые имеют для себя отдельные специальные законы и производятся отдельными специальными силами. Таковы, напр., простые, первоначальные и всеобщие силы и законы движения, этого типичного представителя неопределенных процессов; таковы же силы и законы давления, сжатия, сцепления и многие другие, производящие неопределенное множество вещей и явлений в природе. Силу движения, напр., нельзя свести к синтезу никаких других сил, и законы движения не суть произведение каких-либо еще более всеобщих и низших законов; далее — нет ничего, что не было бы подчинено этим силам и этим законам: движется и в движении управляется ими не только вещество, не сформированное в определенные виды, как-то: газы, жидкости, камни, но также и кристаллы при своем случайном падении, и растения, и животные, и все, словом, что управляется в своем

возникновении и существовании некоторыми отдельными законами и подчинено некоторым специальным силам.

Напротив, определенные процессы движутся силами и управляются законами не простыми, но *сложными* и не первичными по происхождению, но *производными*; и подчиняется им не все лежащее в Космосе, но только некоторые строго определенные области его. И в самом деле, силы и законы, действующие, напр., в организмах, несомненно состоят частью из сил и законов, действующих механически, потому что в этих процессах мы замечаем движение, давление, обмен веществ и другое прочее, что не может совершаться без участия обычных элементов механического изменения; но также несомненно, что эти механические силы и законы сложены здесь с некоторыми другими силами и законами, потому что, распространенные повсюду в Космосе, они не производят нигде того, что мы наблюдаем в организмах. Ясно, таким образом, что то, что движет и что регулирует жизненные процессы — определенные по своей природе, — есть синтез простых механических сил и законов с некоторыми другими, частью уже известными, частью еще не открытыми силами и законами. Также в определенном процессе образования кристалла мы замечаем, что присутствует не только притягательная сила и ее простой закон, но притягательная сила, еще осложненная чем-то, потому что здесь вещество не только стягивается, но еще и стягивается в определенные геометрические фигуры; и уже по одному производимому действию не трудно отгадать, что мы имеем здесь синтез движущей силы с силою направляющею. Наконец, в движении небесных светил мы замечаем синтез сил центростремительной, центробежной и той, которая, будучи произведением первоначального толчка, действует по касательной к тем кривым линиям, которые описывают в своем движении небесные тела. Этот же синтез, наблюдаемый в силах, наблюдается и в законах рассматриваемого движения: они не суть законы простого движения, совершающегося по прямой линии, но суть сложные законы простого движения, измененного в движение по эллипсисам и параболам. Три рассмотренные примера могут служить типичными представителями трех форм определенного процес-

са — раскрывающегося, замкнутого и сомкнутого, — и так как этими формами исчерпывается он, то мы с большою вероятностью можем умозаключить, что *сложность* вообще присуща силам и законам, которые движут и направляют такие процессы. По крайней мере, это умозаключение достаточно для того, чтобы послужить исходным пунктом обстоятельного изучения причинного соотношения между определенностью процессов и сложностью сил и законов их. Далее, *не первичность* движущего и управляющего определенным процессом уже прямо вытекает из указанной сложности: ясно, что сложному необходимо должно было предшествовать простое, из чего оно сложено и без чего оно не могло произойти. Затем *ограниченность сферы проявления* сил и законов, действующих в определенном процессе, удостоверена многими наблюдаемыми фактами. Так, напр., известно, что многие вещества, принятые внутрь организмов, не действуют в них так, как они действуют в свободном состоянии вне организмов. Вещества, которыми питается организм, будучи механически смешаны с веществами, из которых состоит он, еще не производят тех процессов, которые мы замечаем в питании. Словом, повсюду силы и законы, действующие и управляющие процессами в живом теле, не проявляются нигде, кроме этого живого тела, т.е. сфера их распространения ограничена и определена.

Мы говорили о различии генезисов неопределенного и определенного; перейдем теперь к внутреннему различию этого последнего — определим, как именно бывают размещены силы и законы, а также пассивное начало и форма в каждом из трех типов его — в генезисе замкнутом, раскрывающемся и сомкнутом.

Относительно положения сил, действующих в каждом из трех видов определенного генезиса, можно заметить вообще, что в замкнутом процессе они находятся вне генетирующего начала, которое совершенно пассивно само по себе и приходит в движение только под воздействием начала деятельного, имеющего наружное положение; так, минеральная масса, генетирующая в процессе образования кристалла, совершенно инертна и стягивается в геометрические фигуры силою, *вне ее находящеюся, от нее отделенною*. В процессе раскрывающемся генетирующее начало есть синтез

сил и форм; но оно лишено пассивного начала, на которое эти силы могли бы воздействовать и в котором эти формы могли бы осуществиться; так, семя, генетирующее в процессе образования растения, есть синтез форм и жизненности растущего дерева, но в нем нет вещества для растения, которое впитывается в него из земли. В процессе сомкнутом генетирующее начало представляет собою синтез обоих начал — и деятельного, и пассивного; поэтому оно довлеет в самом себе и не нуждается ни в чем внешнем для своего проявления. Этою особенностью в распределении элементов объясняется и особенность сомкнутого генезиса как процесса — его вечная повторяемость. И в самом деле, вследствие этого распределения здесь каждый отдельный элемент генезиса как синтеза необходимых элементов — силы, вещества и закона есть полная причина, без избытка и без недостатка элемента последующего. И так как ничто внешнее не привходит к этой причине и ничто внешнее не отнимает из нее чего-либо, — сама же она не может исчезнуть, не перейдя во что-нибудь, — то, раз возникнув, эта причина необходимо должна повторять самоё себя, не изменяясь и вечно, пока что-либо постороннее не придет и не нарушит этого порядка, внося в один из элементов что-либо, чего не было в предыдущем элементе. Так, каждое круговое движение Земли около Солнца не имеет в себе ничего, чего не было бы в движении предыдущем; и раз это предыдущее движение совершилось, оно не может (без привходящего нового) перейти ни во что другое, как в новое такое же круговое движение, т.е. повторить себя; и т.д. до бесконечности.

Внимательно всматриваясь в различные типы определенного генезиса, можно заметить, что не только в сомкнутом процессе форма изменения (тип процесса) порождена особенностью в сочетаниях элементов его, но что этим же сочетанием и расположением элементов обусловлено существование и двух остальных типов определенного генезиса — раскрывающегося и замкнутого. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим, как расположены элементы изменения — начало деятельное, начало пассивное и форма последнего — в каждом из остальных двух видов изменения и что с внутренней необходимостью вытекает из этого расположения. Для яркости сравнения и убедительности вывода будем

иметь при этом в виду и сомкнутый процесс, хотя о нем уже все, для него одного необходимое, сказано.

В процессе замкнутом вещество и форма соединены (открытие Гаюи, что атомы кристаллов — вещество — имеют форму образуемых ими кристаллов), сила же отделена от них; в процессе раскрывающемся, наоборот, соединены силы и форма в одно, а вещество отделено от них; и, наконец, в процессе сомкнутом соединены в одно все эти элементы. Относительно последней формы процесса мы уже видели, что, вследствие соединения в одно начал пассивного и деятельного, он не мог не быть сомкнутым, так как каждое последующее звено его необходимо должно повторить собою звено предыдущее, и все они — слиться в ряд тождественных между собою элементов; что, по определению, и составляет сущность сомкнутого процесса. Всматриваясь в другие формы процесса, мы без труда заметим, что и они также *не могли стать ничем иным, кроме того, что есть*, вследствие своеобразного сочетания указанных выше элементов: процесс, в котором вещество отделено от силы и от формы, а последние соединены между собою в одно, необходимо и безусловно должен был стать раскрывающимся; потому что вещество, вступая в безвещественные формы, необходимо сжатые до *minimum*'а (напр., в семени), должно последовательно раскрывать эти формы, так что каждая последующая ступень изменения в этом процессе непременно должна служить не повторением предыдущей и не воспроизведением части ее, но именно развитием, — что и составляет сущность раскрывающегося процесса. Наконец, в замкнутом процессе очевидно, что ни раскрытия форм не могло бы быть — потому что здесь частицы вещества уже имеют форму того, что произойдет из них, а силы только складывают эти частицы в вещь; ни повторения звеньев процесса — так как элементы последнего здесь разделены и каждое предыдущее звено не есть полная причина последующего. Таким образом, ясно, что не случайно и не временно существуют три типа определенного генезиса; но что, порожденные внутренними и глубокими причинами, заложенными в первых основаниях природы, они суть вечные и необходимые формы, в которых движется всякое изменение в ней.

Что касается до вещей, которые производятся или к которым свойственны каждый из трех видов опреде-

ленного генезиса, то относительно их можно вообще заметить, что процесс замкнутый свойствен по преимуществу безжизненному веществу и его произведение есть первое, несовершеннейшее из трех царств, на которые принято делить природу, — царство минералов. Так как в природе замкнутого процесса лежит отсутствие преемственности — его один элемент ничем не связан с другим, — то и порождаемые им вещи не происходят друг от друга, но существуют каждая изолированно, т.е. каждая слагается из элементов своих без помощи себе подобной вещи; и вследствие этой же замкнутости и каждого элемента процесса, и каждой вещи, им производимой, в царстве минералов нет ни развития, ни усовершенствования, но безжизненность и неподвижность. Процесс раскрывающийся свойствен живому веществу, и его произведение есть два другие царства природы, более совершенные, чем предыдущее, — царство растительное и царство животное, которые во всех отношениях было бы справедливее соединять в один мир — в мир организмов, так тесна между ними связь и так велика их отдельность от царства неорганических вещей. Вследствие самых особенностей раскрывающегося процесса, где каждый последующий элемент *исходит* из предыдущего и *раскрывает* невидимо предустановленное в нем, — и в мире организмов каждое неделимое не слагается из элементов своих, но порождается другим неделимым; существование же всех их исполнено жизни, и эта последняя из низших форм через посредствующие средние развивается все в высшие и в высшие формы. Наконец, сомкнутый процесс свойствен космическим телам или небесным светилам, которые не произведены этим процессом — ибо в природе последнего лежит не производить, но сохранять, — но которые в себе и в своем движении осуществляют этот процесс.

Во всем, что сказано здесь о различных сочетаниях элементов в трех видах определенного процесса, а также относительно вещей, которые производятся ими, содержится указание только на две стороны этих процессов: на причину, производящую их, и на следствие, ими производимое. И ясно, что даже совершенное познание этих двух сторон еще недостаточно для образования полного понимания этих процессов. Необходимо для этого точнее познать их природу, сжато

выраженную в приведенных выше определениях, — изучить, что именно происходит в процессе замкнутом, сомкнутом и раскрывающемся, какой путь проходит в них каждый элемент пассивного начала, каково расположение в пространстве и строение во времени каждого из этих видов генезиса. Далее — следует определить тщательно все свойства, вытекающие из природы этих процессов, и все особенности их. Наконец, — и это важнее всего — необходимо открыть общие законы, по которым развивается в отдельности каждый тип определенного генезиса, и, что касается раскрывающегося процесса, найти правила, с помощью которых возможно было бы из наблюдения нескольких звеньев его — определять неизвестную конечную форму, в которую он стремится раскрыться. Эти последние правила, несомненно, могут быть найдены, потому что в каждом двух смежных звеньях такого процесса уже заметно бывает общее направление его как целого, общий как бы тип раскрывающихся форм, из которых состоит он, неизменная склонность последних выразить в себе некоторые определенные черты. Можно сказать, что, начиная уже с первого, каждое из этих звеньев бессильно стремится осуществить в своем строении то окончательное, к чему направляется весь процесс и что осуществит собою только его последняя форма. Наблюдая эти-то усилия и нарастающее в преемственных формах раскрывающегося процесса, и возможно будет определять его последнюю форму — то окончательное, в осуществлении чего лежит его последнее назначение.

X. Учение о количественной стороне генезиса должно определить количественные соотношения между элементами генезиса: начальным моментом его (напр., толчком), процессом (напр., продолжительностью и напряженностью движения) и его исходным моментом (напр., действием, которое производится движущимся телом в момент остановки). Что касается до количественного соотношения между началами пассивным и деятельным, то о нем уже было говорено выше.

XI. Учение о генезисе вещей в Космосе должно покоиться, как на своем основании, на общей теории генезиса. Здесь, в этом частном учении, должно быть изучено происхождение всего, что образуется в Кос-

мосе, должны быть поняты все изменения, какие совершаются в нем. Мы только перечислим формы этого учения, так как способы выполнить его были указаны ранее в руководящем примере учения о существовании вещей в космосе; самое же выполнение по чрезвычайной обширности своей задачи, разнообразию предметов, подлежащих изучению, и малой подготовленности к нему существующей науки может быть совершенно и окончено только в далеком будущем.

Вот важнейшие, наиболее общие и основные формы этого чрезвычайного по своему разнообразию и содержанию учения:

а. *Учение о силах природы* или о проявлениях начала деятельного в природе. Оно распадается на учения: 1. *О силах молекулярных*, действующих между элементами вещества, — какова сила химического сродства, частичного притяжения, сцепления и другие; 2. *О силах механических*, действующих между телами, — какова, напр., сила тяготения, электричества и пр.; 3. *О силах жизненных*, действующих в организмах; 4. *О силах психических*, действующих в духе; 5. *О силах исторических*, действующих в мире человеческом. Первое из этих учений имеет своею задачею понять по всем схемам разума то, что движет вещество; второе — то, что движет тела; третье — то, что движет жизнь в организмах; четвертое — то, что движет дух; и, наконец, пятое — то, что движет творимое духом, т.е. процессы художественного, нравственного, религиозного и политического творчества. Даже и в незначительной степени только немногие из этих сил известны; большинство же их, о существовании которых мы твердо знаем по совершающимся изменениям, еще ожидает своего открытия. Сюда относятся три последние группы сил: жизненные, психические и исторические. Несомненно, что они есть, потому что необходимо есть причина, вызывающая изменения в организмах, в духе и в жизни, есть нечто, что движет жизнь в них; но столь же несомненно, что мы ничего не знаем об этих силах. Причина, почему так недостаточно наше знание о проявлении деятельного начала в Космосе, заключается в том, что никогда еще изучение природы не двигалось в строгом порядке по схемам разума, и, узнав кое-что, всегда считалось, что уже узнано достаточно. От этой отрывочности и неполноты изучения

произошло то, что между тем как в мире физическом открытие всякой новой группы изменений вело к открытию новой силы — так открыто было электричество и магнетизм вслед за наблюдением немногих и редких, но *своеобразных* изменений, очевидно не производимых ранее известными силами, — в это же самое время наука о жизненных, психических и исторических явлениях и процессах ограничивалась только описанием самых изменений и исканием порядка или законов их; об открытии же и изучении причин происходящего здесь генезиса думали так мало, как будто бы их совсем не было. Этого никогда не могло бы произойти при систематическом изучении Космоса и при выработке предварительных общих теорий, как основы для частных учений о вещах и явлениях в нем; никогда изменения не были бы изучены так неполно и так несовершенно, если бы ранее, чем изучать их, было подумано, что такое изменение само по себе, без отношения к изменяющемуся, и из чего состоит оно.

В учении о силах, проявляющихся в Космосе, должна быть изучена каждая из последних специально, так что эта часть науки, распадаясь на пять форм по числу групп действующих в природе сил — химических, механических и пр., распадается еще в каждой из этих форм на новые учения по числу отдельных сил, находящихся в каждой группе. Так, учение о силах механических распадается на учение о силе тяготения, об электричестве, теплоте и т.д. Двигаясь по схемам разума, изучение каждой отдельной из таких сил должно определить, во-первых, форму и сферу пребывания ее; во-вторых, ее природу, или сущность; в-третьих, все ее свойства и все способы (образы) ее проявления; далее — источник, откуда происходит она, и действие, производимое ею в природе (ее положение и роль в мироздании); наконец, также должны быть выделены все черты, общие у этой силы с другими силами природы, и все ее индивидуальные особенности.

в. *Учение о формах начала пассивного в Космосе, или о том, что подвергается в нем изменению.* Здесь предварительно следует распределить все изменяемое в группы, и затем каждую из таких групп нужно подвергнуть изучению в том, что касается изменения.

Из того, что произошло и существует в природе, все имеет двойной генезис — в прошедшем времени

и в настоящем: в первом оно произошло некогда как *род*, во втором оно постоянно происходит как *индивидуум рода*. Так, организм того растения, которое мы знаем в настоящее время, в продолжение бесчисленных веков видоизменяясь, из чего-то стал тем, что он есть теперь (дуб, лилия). Этот ряд преемственных изменений мы назовем *родовым генезисом*, потому что через них происходит образование рода. Но кроме этого генезиса растение, нами наблюдаемое (этот единичный дуб, эта единичная лилия), имеет еще другой генезис: это ряд преемственных изменений, происходящих между моментом прорастания и моментом, когда растение уже сформировалось окончательно (когда оно вновь начинает распадаться на свои потенции); этот генезис мы назовем *индивидуальным*, потому что с помощью его образуется индивидуум как единичное неделимое в роде. В рассматриваемой нами форме науки и должны быть раскрыты все родовые и все индивидуальные генезисы, имевшие и имеющие место в природе; или, что то же, должно быть определено происхождение всех родов в существующем и образование индивидуумов в каждом происшедшем роде.

Согласно с делением сил природы, или начала движущего, может быть разделено и начало пассивное, или движимое, на вещество, тела, организмы, дух и производимое духом; и, следовательно, настоящее учение распадется на учение о происхождении вещества, на учение о происхождении тел, на учение о происхождении организмов, на учение о происхождении духа и на учение о происхождении жизни исторической и отдельных форм, из которых она слагается (государство, искусство и пр.).

с. *Учение о модусах соединения и разъединения начал пассивного и деятельного в Космосе должно определить все виды начатия изменяющих процессов и все виды их окончания.* В этом учении должно быть открыто и изучено многое такое, над чем никогда еще, по-видимому, не задумывался человек: напр., что именно происходит в первый момент, когда дерево начинает расти (сущность соединения обоих начал), и что именно происходит, когда оно перестает расти (сущность момента разъединения обоих начал).

д. *Учение о явлениях и процессах в Космосе имеет своим предметом не изменяющиеся вещи, но измене-*

ния в вещах; основной вопрос, на который оно отвечает, — не то, как произошла наблюдаемая природа в своем разнообразии, но что именно совершилось, когда происходила она. Главный интерес здесь сосредоточивается не на изменяющемся в генезисе, но на самом генезисе как процессе или явлении и на разнообразных формах его.

В общем учении о генезисе установлены были только самые общие из этих форм: явление, процесс и виды последнего — процесс замкнутый, раскрывающийся и сомкнутый; здесь же явление и процесс должны быть изучены во всех своих подробностях и различиях. Так, напр., движение — один из видов процесса — по характеру движущегося может быть массовое и молекулярное, по своей форме — прямолинейное, колебательное, вращательное, и последнее еще может иметь столько форм, сколько форм имеет кривая линия: эллиптическое, параболическое, гиперболическое, спиральное и бесчисленное множество других. Каждое из таких движений может иметь свой закон и свою если не особую силу, то особенное приложение силы к началу пассивному. Еще гораздо более разнообразны, чем формы механического движения, должны быть формы процессов, напр., раскрывающихся.

е. *Учение о вещах как результатах генезиса* в Космосе есть учение о формах происшедшего и установившегося в нем. Это происшедшее и установившееся прежде всего подвергается здесь классификации, и затем классифицированное подвергается описанию. Согласно с приведенным выше делением начала деятельного в природе, и то, что произведено им, может быть сгруппировано в следующие большие отделы, подлежащие дальнейшему дроблению и описанию в настоящей форме науки: во-1-х, элементы вещества и их соединения — то, что мы назвали бы «телами»; во-2-х, царство минералов; в-3-х, царство организмов, как растительных, так и животных; в-4-х, дух и его формы — разум, чувство, воля; в-5-х, сотворенное духом, каковы нравственные и религиозные учения, произведения искусств, философия, науки, государство в его многообразных формах и прочее другое. Будучи классифицировано — все это должно быть подвержено изучению именно как происшедшее, т.е. особенно в отношении к генезису, — *что* в каждом описанном

(напр., в организме тот или другой орган или ткань) *каким путем* произошло.

XII. Учение о генезисе Космоса распадается на те же формы, как и учения о генезисе вообще и о генезисе вещей в Космосе; только содержанием здесь служит не отвлеченная идея генезиса и объектом — не генезис отдельных предметов и явлений, но генезис самого мира, в котором заключены эти вещи и совершаются эти явления — *его* происхождение, *его* развитие и та конечная форма, к которой направляется последнее. Подчиняясь закону всего изучаемого, и этот генезис познается — во-первых, в форме своего существования, где исследуется и разрешается вопрос, вечно ли развивается и будет развиваться мир, или его развитие и в прошедшем имело свое начало, и в будущем получит свое завершение и окончание. Этот вопрос тесно связан с вопросом о том, принадлежит ли мировой генезис к типу замкнутых, раскрывающихся или сомкнутых процессов, и с помощью точного определения, к которому из этих типов следует отнести его, может быть разрешен. Во-вторых, в сущности своей, где должно быть определено и то, что такое этот генезис; и то, каково его строение, т.е. из каких преемственных изменений он слагается; и каково взаимное соотношение форм этих изменений, каждой предыдущей к каждой последующей. Здесь именно получает разрешение и вопрос о том, к которому из трех основных типов процесса принадлежит генезис, в котором изменяется мир. В-третьих, в основном атрибуте своем — общей закономерности, где познается верховный закон, который проявляется в мировом развитии. Понимание этого закона, двигаясь по схемам разума, должно дать из себя ряд новых учений, обнимающих отдельные стороны понимаемого. В-четвертых, в своем происхождении и причине, где познается сила, движущая мировым развитием, и форма соединения ее с космосом — вне ли его она находится или в нем самом; и необходимо ли она соединена с ним или же временно и не безусловно. В-пятых, в своей цели, где познается та конечная форма, к осуществлению которой направляется мир в своем развитии. Эта конечная форма может быть определена из тех элементов мирового генезиса, которые уже минули в прошедшем и которые еще проходят в настоящем; потому что в этих

элементах уже потенциально предустановлена эта конечная форма, и последнюю можно раскрыть умозрением, зная строение процесса, его направление и общий тип, к осуществлению которого стремятся изученные элементы.

В заключение учения о генезисе должно быть раскрыто учение о времени как о начале, в котором движется всякий генезис; так как сущность генезиса есть смена существований, а всякая смена существований происходит во времени. В этом учении должно быть установлено определение времени, раскрывающее его сущность; определены его свойства — напр., тожество во всех элементах, вечная текучесть, неизменяемость и пр.; далее, должно быть указано его происхождение или доказана его безначальность; его назначение; и наконец, его отношение к существующему и к отдельным сторонам последнего.

Глава VII

УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О СУЩНОСТИ

I. Учение о сущности и его состав. *Общая теория* и двойная задача ее: определение, что такое сущность; и определение, в каких отношениях она находится к другим сторонам бытия. — II. О природе сущности; сущность не есть одно во всем; различному присущи различные сущности, но не различно относящиеся к тому, в чем они пребывают как сущности; это постоянное отношение есть признак, по которому распознаются сущности; определение этого отношения. Характер отношения к сущности того, что есть в вещах кроме сущности; определение ее как основы всего в пребывающем и происходящем и как источника самопребывания всего. Определение, что служит сущностью в пребывающем и в совершающемся; состав и строение как сущность вещей; строение изменения и строение процесса как сущность явлений; процесс совершения и расположение процесса. Планомерно расположенное вещество и планомерно расположенное изменение — как основа, общая для всего мироздания. — III. О форме существования сущности — безотносительной и в отношении к вещи, в которой пребывает сущность; вечность скрытого и временность обнаруженного пребывания сущностей. — IV. Свойства сущности — основные и определяющие; признак, по которому распознаются сущности, и метод открытия ее в вещах и в явлениях, основанный на этом признаке. — V. О происхождении и назначении сущностей; тождество сущностей со своими причинами и целями; влияние этого факта на единство в строении природы и на постоянство в развитии ее. — VI. О сходстве и различии сущности с другими сторонами бытия и о количественной стороне в сущностях. — VII. Об отношении сущности к существованию; элементы, соединяемые этим отношением; пространство как общее связующее звено между ними; овеществление форм пространства как способ соединения двух первых сторон бытия; взаимная обусловленность этих двух сторон. — VIII. Об отношении сущности к свойствам; свойства, истекающие из сущности и воспринимаемые ею; первые в вещах суть свойства состава, или свойства строения, а в явлениях суть свойства элемента изменения, или процесса — IX. Об отноше-

нии сущности к причине и к цели. Об отношении сущности к сходству и различию; она есть источник родовых сходств и различий, но не видовых и не индивидуальных. Об отношении сущностей к числу. — X. Учение о сущности вещей в Космосе и его ветви: учение о природе существующего и учение о природе совершающегося. Две формы первого учения: учение о природе вещей физических и учение о природе вещей психических. Состав учения о природе физических вещей: учение о материи, учение о форме, учение о взаимодействии между материею и формою, учение о природе тел неорганических и учение о природе организмов. Внутреннее строение первых трех учений. — XI. Общие замечания о материи; почему нельзя ее определять как «начало протяженное»; пассивность материи; ее сопротивление всему деятельному; ее противоположность форме; форма утрачивает свою чистоту, соединяясь с материей, материя сопротивляется вступлению в нее формы и стремится освободиться от нее. — XII. Учение о пространстве как мере материи иместилище форм; противоположность и соотношение между пространством и временем; отношение их к миру реальному: пространство как координата бытия, время как координата изменения; отношение времени к существованию: оно все уходит в прошедшее и в будущее и, само не имея настоящего — есть, однако, условие действительности всего в настоящем; отношение пространства и времени к протяженности и изменению; не суть ли первые только создания вторых, или же они действительнее и первоначальнее их; безграничность пространства и нескончаемость времени. — XIII. Состав учений о природе вещей неорганических и органических. — XIV. Организм и жизнь как объект общего учения о природе органических вещей; невозможность объяснить их из них самих; целесообразность как объясняющее третье, скрытое за явлениями жизни и строением организмов. Понятие об органе как целесообразно устроенной части целого; понятие об организме как целом, все части которого целесообразно соединены; определение первого и второго. Понятие о жизни; она присуща только организованным существам; она складывается из жизни органов; эта последняя есть выполнение органами тех целей, к которым они предназначены своим строением; определение жизни. Непреодолимые затруднения, встречаемые теориею причинного развития органического мира в понятии причинности; правильность расположения в органическом мире, требующая правильного расположения в причинах, произведших его; последовательное развитие органического мира, требующее последовательного перемещения своих причин, эти причины, оставаясь механическими силами и законами природы, должны были некогда перерождаться, т.е., исчезая, переходить в высшие и высшие формы. — XV. Правильность в расположении органического мира и последовательность в развитии его как естественное следствие вложенной в него целесообразности; каким образом простое может выполнить сложную цель; распадение его как целого на своеобразные и целесообразные части; распадение органов как многоцельных частей на новые органы; одноцельность органов как момент, с достижением которого прекращается раз-

витие организма. Общий закон развития органического мира и единичных организмов, его составляющих; три первые положения этого закона. — XVI. Модусы целесообразной деятельности и связь их с формами органов и организмов; четвертое положение общего закона развития органического мира. Отношение одноцельной деятельности к модусу и их обоих — к понятию и представлениям, на которые оно разлагается; пятое положение общего закона развития органического мира. Отношение сложной цели к простым целям есть отношение идеи к своим терминам; протоорганизм и органический мир как непрерывающийся носитель жизни; раскрытие в веществе идеи жизни — как причина развития органического мира, проявление в веществе форм раскрывшейся идеи жизни — как причина строения этого мира. Три основные момента в развитии органических существ: 1. распадение простого организма на многоцельные органы; 2. распадение в организме многоцельных органов на одноцельные; 3. распадение одноцельных органов на разнообразные формы по модусам целесообразной деятельности. Четыре основные типа организмов: протоорганизм, класс, род, вид. — XVII. Две частные формы учения об организмах: органическая химия и органиология как наука о жизни и строении органов на всех ступенях органического мира. — XVIII. Учение о природе существ психических; состав и строение как источник особенностей этих существ. — XIX. Учение о сущности явлений; общая форма этого учения и его частные формы; чему в существующих науках соответствуют последние. — XX. *Учение о сущности Космоса как целого.* Задачи этого учения.

I. *Учение о сущности* — вторая из основных форм науки о Космосе — сообразно с природою всех их распадается на *Общую теорию* и на два частных учения: на *Учение о природе вещей* в Космосе и на *Учение о природе Космоса как целого*.

Общая теория сущности имеет предметом своим, во-первых, определение того, что такое сущность, и, во-вторых, определение того, в каких отношениях находится эта основная сторона бытия к другим сторонам его. Сообразно с этою двойною задачею она распадается на два ряда учений, из которых каждый дает полный и законченный ответ на один из поставленных двух вопросов; оба же ряда образуют систему знаний, исчерпывающих все, что может быть когда-либо узнано или сказано о сущности в самой себе — без отношения к тому единичному, в чем сущность. Эти учения следующие: в первом ряду — *Учение о форме существования сущности*; *Учение о природе сущности*, где должно быть дано ее определение; *Учение*

о происхождении сущности; Учение о цели (или следствии) сущности; Учение о сходстве и различии в сущности или о различных видах ее и Учение о количественной стороне отдельных сущностей, как независимых одна от другой, так и соподчиненных друг другу. Во втором ряду: Учение об отношении сущности к существованию; Учение об отношении сущности к атрибуту; Учение об отношении сущности к причине; Учение об отношении сущности к цели (или к следствию); Учение об отношении сущности к явлению сходства и различия и Учение об отношении сущности к числу.

Сделаем несколько руководящих замечаний относительно каждой из этих форм общего учения о сущности; причем порядок, в котором мы будем рассматривать их, будет несколько иной, чем тот, в котором они расположены выше, — что не имеет другой причины и цели, кроме удобств изложения. Именно — форму существования сущности мы рассмотрим после исследования ее природы, так как познание второй необходимо для определения первой.

II. Как кажется, ошибочно думают те, которые утверждают, что сущность есть «одно во всем»; потому что, напр., сущность изменения не в том состоит, в чем состоит сущность вещи, а между тем и первое, и вторая необходимо имеют свою сущность; так же сущность цели отлична от сущности причины или сущность существования — от сущности атрибута. Таким образом, кажется, не может быть сомнения, что различное имеет различные сущности; но между тем во всех этих различных сущностях должно быть нечто одно, что́, узнавая, — мы за одним признаем значение сущности, а относительно другого — отрицаем, что оно сущность и в чем, как это ясно, и заключается природа сущности.

Если мы внимательно всмотримся в это одно, по которому распознаются в различном различные сущности, то мы увидим, что оно состоит не в чем-либо в самом себе заключенном, но в *отношении* чего-то к тому, в чем оно заключено; причем заключенное окажется различным — в одном одно, в другом другое, а отношение его к заключающему повсюду будет одно и то же, неизменно тождественное самому себе.

Это отношение, а через него и природу сущности можно выразить таким образом: *оно есть нечто та-*

кое, что делает то, в чем оно есть, — тем, что оно есть. Таким образом, сущность препятствует смешиваться вещам, она есть источник самобытия каждой из них — то, без чего ничто не могло бы существовать как таковое, но существовало бы как нечто другое, имеющее свою сущность. Так, напр., возьмем «изменение» и «вещь». Первое состоит в несохранении тождества, второе есть пребывающее в сторонах бытия своего. Отнимем у первого его сущность, и мы увидим, что оно тотчас перестанет быть самим собою и сольется с другим. И в самом деле, как «существующее» — изменение войдет неразличимою частью в мировое бытие; как «не вечное» — оно сольется с миром конечного бытия в природе. Но бытие, и притом бытие частью не вечное, есть и вещь; следовательно, изменение не будет что-либо отдельное от вещи, не будет уже более «самобытием».

Не трудно заметить, что именно вследствие неизменного постоянства этого отношения сущности и бытия в различном различные. Потому что если б в различном одно что-либо было сущностью, то отношение этого «одного» к заключающему необходимо было бы повсюду неодинаково; и как неодинаково относящуюся к вещам — мы не имели бы возможности распознать и не распознавали бы в них эту сущность их.

Если, далее, мы перейдем к характеру соединения сущности со всем другим, что есть в вещах кроме сущности и что делает, напр., изменение одно таким, а другое другим, то мы увидим, что это другое опирается на сущность как на свое основание и зиждется на нем как временное и не необходимое для вещи на постоянном в ней и необходимом для нее. Так, из свойств одни вытекают из сущности, как следствия вытекают из своей причины или как ветвь вырастает из ствола дерева, а другие восприняты на себя сущностью, как пятно воспринимается материею или пучок света воспринимается твердою пластинкою. Но и те и другие свойства не могут держаться сами собою и распались бы, если б исчезла сущность, в которой или на которой они пребывают. Также всякое данное изменение могло бы быть и не таким, каково оно есть, и произойти от другой причины, чем та, от которой оно произошло; словом, в нем все могло бы быть другое, а не то, что есть, и оно не исчезло бы от этого,

не перестало бы быть «изменением», но пребыло бы самим собой, изменением же, но только другим. Сущность же его не могла бы исчезнуть и стать другою, потому что тогда и самого «изменения» уже не было бы, а было бы нечто другое, напр. свойство, вещь, причина, бытие, — словом, все, но только не изменение. Точно так же, когда что-либо появляется вновь в природе — будет ли то вещь, изменение, атрибут, — всегда появляется именно сущность происходящего, сопровождаемая свойствами и прочим, а не свойства и прочее, сопровождаемое сущностью. Словом, с каких бы различных точек ни рассматривали мы природу, в какие бы различные моменты ни старались ее уловить, повсюду и постоянно мы будем убеждаться, что есть во всем, из чего сложена природа, нечто, из чего по преимуществу состоит оно и на чем держится все другое в природе.

Все сказанное позволяет нам дать второе, уже более полное определение сущности: *«сущность есть основа всего в пребывающем и происходящем и источник самопребывания его»*, или, что то же, она есть основа, на которой держится бытие, и источник, откуда истекает самобытие. Это нужно понимать в том смысле, что без сущности невозможно и немислимо было бы ни существование чего-либо в вещах, ни самостоятельность, индивидуализм в существующем.

Если, наконец, мы рассмотрим, что́ такое это другое, держащееся на сущности, и определим, что́ такое она сама в отношении к этому другому, то мы увидим, что сущность составляет первую сторону в бытии, соответствующую первой схеме разума, а они — остальные стороны его, соответствующие остальным схемам познающего начала в человеческом духе: не вообще что-нибудь держится на сущности, но атрибуты; не вообще что-нибудь происходит, но именно сущность; не вообще что-нибудь производит следствия, но эта же сущность и т.д. Словом, свойства суть всегда свойства сущности, следствия всегда суть следствия сущности, причина всегда есть причина сущности, сходство и различие с чем-либо всегда имеет сущность, в численные отношения всегда вступает сущность же. И этому не противоречит то, что и атрибуты, напр., имеют свою причину; потому что и в атрибуте есть своя сущность, и когда происходит атрибут, то проис-

ходит именно эта сущность атрибута. Напр., белизна есть атрибут, сущность которого состоит в полной отражаемости солнечного луча от чего-либо, и когда становится белым что-либо (появляется свойство белизны), то начинается именно полное отражение света от того, в чем появляется это свойство.

Это рассуждение приводит нас к третьему и уже последнему определению сущности: *«сущность есть первая сторона бытия, соответствующая первой схеме разума, делающая бытие тем, что́ оно есть, и служащая опорой для других сторон бытия, делающих его таким, каково оно есть»*, — где слово «такой» указывает не на свойства только, но и на причины, цели, следствия и прочее в существующем и совершающемся.

Определив, таким образом, сущность как основу бытия и самостоятельности вещей, мы можем перейти к вопросу о том, что́ именно бывает этою основой в различных вещах.

То, что делает то, в чем оно есть, тем, что́ оно есть, различно в существующем и в совершающемся. В существующем все обуславливается и определяется в своем бытии и в своей самостоятельности, во-первых, тем, из чего оно состоит, и, во-вторых, тем, как расположено в нем то, из чего оно состоит; первое есть начало, образующее вещь, и мы назовем его *составом*; второе есть образ вещи, и мы назовем его *строением*. И в самом деле, что состав и строение есть сущность всего существующего, это ясно из того, что части его, т.е. отдельные существующие вещи, слились бы в одно, если б они или состояли из одного, или если б имели бы одинаковое строение. Напр., идеи предметов не были бы различимы от самых предметов, если б первые и вторые не состояли из различного — одни из вещества, другие из духа. Также если б и строение не составляло сущности, тогда отдельные реальные предметы, состоя из одного и того же вещества, не имели бы отдельного существования, но слились бы в однородную массу. С другой стороны, в каких бы различных местах, в какое бы различное время, от каких бы различных причин и с какими бы различными целями ни происходили вещи — всякий раз, когда в двух из них мы заметим один и тот же состав и одно и то же строение, мы признаем их одною и тою же вещью.

Так, теорема Пифагора и для Пифагора, и для нас есть одно и то же, так, пшеница времен фараонов и наша пшеница есть одна и та же пшеница. В совершающемся же сущность составляет, во-первых, то, что происходит в каждом отдельном изменении, и, во-вторых, порядок, в котором соединены между собою все отдельные изменения. Первое назовем *строением изменения*, второе назовем *строением процесса* как целого, слагающегося из отдельных изменений как из элементов своих. Строение процесса распадается еще иногда на строение во времени, или собственно *процесс совершения*; и на строение в пространстве, или на *расположение процесса*. Так, напр., сущность образования животного в яйце матери состоит, во-первых, в элементе изменения, т.е. в том, что совершается с каждой отдельной частицей яйца в каждый отдельный момент времени; во-вторых — в том целом процессе или ряде изменений, через который проходит такая частица от момента зачатия животного до момента полного образования его, и, в-третьих, наконец — в том сложном плане, следуя которому отдельные частицы движутся в яйце по различным направлениям.

Итак, сущность пребывающего лежит в устроенном, т.е. планомерно расположенном, начале — будет ли то вещество или дух, безразлично; а сущность совершающегося лежит в устроенном, т.е. планомерно расположенном, процессе. Таким образом, и здесь, и там строение одинаково входит в сущность, и, следовательно, оно существенно для всего бытия; но то, во что входит это строение, различно в существующем и совершающемся: в первом оно неподвижно, во втором оно движется; отсюда — устроенное существующее и устроенное совершающееся, *форма* и *процесс*, как две первичные основы всего мироздания, на которых все держится и из которых все истекает в нем.

III. Форма существования сущности должна быть определена двояко: в отношении к тому, в чем пребывает она (сущность), или к вещи; и безотносительно. Безотносительно каждая сущность пребывает вечно в скрытом состоянии и временно в состоянии обнаруженном; с вещью же, ее заключающей, она одновременно, т.е. вещь пребывает, пока пребывает ее сущность, и сущность пребывает, пока пребывает вещь. Если рассматривать оба эти существования в связи, то

не трудно заметить, что существование сущности в вещи совпадает с обнаруженным безотносительным существованием ее.

Справедливость сказанного об относительном существовании сущности вытекает из определения ее, а справедливость сказанного об абсолютном существовании ее вытекает из определения того, что именно бывает сущностью в вещах и в изменениях. И в самом деле, если сущность есть основа бытия и самобытия вещи, то ясно, что, пока существует она, — существует, опираясь на нее, и все другое в вещи, а с тем вместе и самая вещь как синтез сторон своих; когда же исчезает сущность — исчезает, рассеиваясь, и все, что держалось на ней, т.е. свойства, причина, цель и прочее, а с ними и вещь, из них слагавшаяся. Наоборот, когда существует вещь как самостоятельное бытие — ясно, что в ней пребывает и ее сущность; так как, по определению, только она, эта сущность, сообщает всему самобытие, и без нее нет индивидуализма, неслиянности в вещах; но и кроме этого — вещь, пребывая, необходимо имеет и свойства какие-нибудь, и причину, и цель, и все прочее, а это может в свою очередь пребывать, только опираясь на сущность. Итак, очевидно, что если есть вещь, то есть в ней и сущность; и наоборот, если есть сущность вещи, то есть и самая вещь, и притом каждая из них существует на протяжении всего того времени, пока существует другая.

Что касается до абсолютного существования рассматриваемой стороны бытия, то, как уже сказано, вечность потенциального и временность реального пребывания ее обусловлены тем, что является сущностью в пребывающем и в совершающемся. И в самом деле, в пребывающем сущностью бывает, во-первых, то, из чего состоит оно, и, во-вторых, строение этого последнего. Но то, из чего состоит пребывающее, не может ни происходить, ни уничтожаться, потому что это есть не какая-либо форма вещества и не какая-либо форма духа, которая происходит, преобразуется и исчезает, — но самое вещество и самый дух, которые неизменно входят во все формы, но не возникают в них и не исчезают с ними; так как возникновение и исчезновение чуждо первоначальной и простой природе их — не из чего им возникать и не во что им преобразовываться, а появляться из ничего и обращаться

в ничто — ничто не может. Равным образом и строение, как сочетание известных форм, равносущно с пространством и так же первоначально и неуничтожимо, как и оно. Отсюда ясно, что соединение именно *этого* вещества или духа именно с *этими* формами, из чего слагается сущность *этой вещи*, вечно предуготовлено было в веществе (или в духе) и в пространстве с его формами и только временно проявилось здесь, в этой возникшей и могущей исчезнуть вещи.

В совершающемся же сущностью бывает, во-первых, то, из чего состоит каждый элемент изменения и что так соответствует материи вещества и духа в пребывающем, и, во-вторых, процесс, который соответствует в пребывающем строению. Что касается до элемента изменения, то им бывает всегда движение, так как изменение состоит в соединении и разделении, а все и, соединяясь, сближается, т.е. движется, и, разделяясь, удаляется, т.е. также движется. Но сумма движения в природе не изменяется, и причина этого та же, что и в постоянстве количества вещества: именно — не во что переходить движению и нечему переходить в движение, кроме движения же; оно просто и первоначально, и потому ничто не может слагаться в него и оно не может ни во что разлагаться. Но если сумма движений постоянна в природе, то, следовательно, и каждое *это* движение, составляющее сущность *этого* происходящего, появилось не теперь только, но и всегда было, пребывая лишь в другое время и в другом месте. Что же касается до процесса, то, слагаясь из движений как элементов своих, он представляет собою только ряд форм этих соединенных моментов, и этот ряд форм был вечно предустановлен в сочетающемся между собою пространстве и времени, в каждой части которых, как уже доказано было выше, заключены все формы, как действительные, так и возможные. При этом сочетание форм во времени составляет процесс совершения, а сочетание форм в пространстве образует то, что мы называли расположением процесса.

IV. В учении о свойствах сущности должны быть выделены и всесторонне поняты как основные из них, вытекающие из самой природы сущности, так и те, с помощью которых можно было бы отличать эту сторону бытия от всех других (признаки). И первые, и вторые свойства могут быть выведены умозрительно

из определения сущности. Так, из понятия о ней как основе бытия и самобытия существующего и совершающегося вытекает следствие, что — раз она отнята в чем-либо — лишившееся ее утрачивает свою индивидуальность и сливается в одно с другим, от него отличным. А это может служить определяющим признаком при распознавании сущности: *все, что можно удалить из существующего или совершающегося или что можно изменить в нем, не уничтожая его самобытия, не есть сущность этого существующего и совершающегося.* Природою этого признака определяется и метод распознавания сущности: он состоит в наблюдении, что именно в том, сущность чего требуется определить, можно выделить без нарушения самобытия наблюдаемого. Точно так же из понятия о сущности как основе самобытия могут быть умозрительно выведены основные свойства ее: сохраняемость как неспособность утрачивать в себе что-либо и воспринимать в себя что-либо; неизменяемость как неспособность изменять свои атрибуты и пр.

V. Относительно причины, или происхождения, сущностей уже выше замечено было, что они не происходят, но проявляются, т.е. они не создаются своими причинами, но высвобождаются из них как заключенное из заключавшего, как скрытое и затем обнаруженное. Следовательно, причина каждой вещи и каждого явления есть она же сама, но только в другом месте и в другое время пребывавшая, и окруженная сторонами бытия, хотя и теми же по своей природе, т.е. происхождением же, целью, свойствами и прочим, — но уже другими по своим наружным чертам, т.е. другими свойствами, другою причиною, другою целью и пр. Так, напр., в теплоте, причине движения, уже заключено движение, но только внешние признаки, под которыми мы знаем теплоту, — другие, чем те, под которыми мы знаем движение.

Из того же понятия о природе сущности, из которого выводится тожество ее со своей причиною, вытекает и тожество сущности со своей целью. И в самом деле, как ни во что не переходящая — она не может уничтожиться, но, только переменив место и время своего пребывания, может явиться в новом виде, окруженная другими, от прежних отличными, сторонами бытия. То есть в воспроизводимом сущностью не появляется

новая сущность, но в него перемещается сущность производшего. Это значит, что сущность не имеет никакой внешней цели. Она пребывает не только в самой себе неизменно, но и для самой себя.

Если мы вдумаемся глубже в это вечное пребывание сущностей, беспричинное и бесцельное, то заметим в нем глубокий смысл, и перед нами раскроется великая причина этой «беспричинности» и великая цель этой «бесцельности». И в самом деле, только при этом условии «существования ни почему и ни для чего», или, что то же, «для себя и через себя» — стала возможной непреходимость некоторых вещей среди непрерывно возрождающегося и погибающего в Космосе, только через это величайшее разнообразие бытия прониклось связующим единством. Без этого условия мир разбился бы на части без гармонии и порядка — между тем как теперь в разбегающихся и ускользающих формах своих он проявляет только разнообразие и красоту цельного и вечного.

VI. Рассмотрим теперь, что должно быть определено в учении о сходстве и различии сущности. Так как в общей теории сущности рассматривается не природа чего-либо индивидуального, но природа как источник индивидуальности всего, то ясно, что в учении о сходстве и различии она (сущность) может быть сравниваема только с другими сторонами бытия. Итак, здесь должно быть определено сходство и различие сущности с существованием, со свойством, с причиною, с целью, с отношением и с числом.

Наконец, в учении о количественной стороне сущностей должен быть рассмотрен и разрешен вопрос, есть ли только отдельные, не связанные между собою сущности как причины индивидуализма отдельных порядков вещей и явлений; или же эти сущности соединены между собою в одно некоторыми высшими сущностями, заключенными в них, а эти последние — другими, еще более высшими, и т.д. до единой мировой сущности, живущей и проявляющейся во всем Космосе.

VII. Изучив таким образом сущность во всех сторонах ее, по всем схемам разума, следует затем перейти к изучению отношений ее к другим сторонам бытия, к характеру их взаимного соединения и зависимости в вещах и в явлениях. Это изучение дает начало ряду новых форм понимания.

Изучая отношение сущности к существованию, следует рассмотреть, *что именно соединено* изучаемым отношением, *что соединяет* члены этого отношения, *способ их соединения* и, наконец, *взаимная обусловленность* соединенных членов. Когда будет найдено разрешение всех этих вопросов, тогда понятно станет и сочетание в бытии этих двух основных сторон его — сущности и существования.

Чтобы ответить на некоторые из этих вопросов, разложим предварительно то, что соединяется этим отношением, на простейшие элементы и посмотрим, нет ли между ними такого, который повторялся бы во всем соединяемом.

По определениям, сделанным ранее, существование есть соприкосновение с *пространством*, а сущность есть в пребывающем *планомерно* расположенное вещество и в совершающемся — *планомерно* расположенный процесс. Но вещество всегда есть или нечто замещающее *пространство* — таково вещество материальное, оказывающее сопротивление движущемуся — когда спокойно, и оказывающее давление на спокойное — когда движется; или же нечто только пребывающее в *пространстве* — таково начало психическое. Планомерность же расположения вещества, или его строение, состоит в присоединении к веществу какой-либо формы, а о всех формах было сказано, что они суть очертания *пространства*, вечно и невидимо пребывающие в каждой частице его. Что же касается до планомерно расположенного процесса, то состоит он также, во-первых, из строения, т.е. форм, и, во-вторых, из движения по этим формам. Но движение в своем чистом виде, т.е. если выделить из него движущееся вещество, есть соединение *пространства* и времени. И в самом деле, если мы всмотримся глубже в движение какого-либо предмета, то перед нашим умственным взором каждое поступательное перемещение его разложится, во-первых, на вещество, которое движется, и, во-вторых, на самое движение в его беспримесном виде; а последнее, в свою очередь, состоит в том, что движущееся в конце движения пребывает уже *не там*, где было в начале движения, и *не тогда*, когда пребывало в нем. И так как каждое отдельное перемещение, которое мы таким образом рассмотрим разлагая, произвольно мало, то, следовательно, из

этого «не там» и «не тогда» состоит всякий элемент движения, а с тем вместе и всякое движение в природе и все движение в ней. Двигаясь, предмет как бы вбирает пространство, перед ним лежащее, и время, за началом движения следующее, и, сочетая, преобразует их в нечто новое и однородное, что мы называем движением, — подобно тому как, вращаясь между двумя прядями льна, палец сплетает их в одну веревку, из них состоящую, хотя на них и не похожую. Таким образом, всякое происшедшее движение есть соединенное пространство и время, а пространство и время есть разложившееся на свои начала движение. Все приведенное рассуждение подтверждается еще и следующим соображением: если бы возможно было отнять в движении время, заставив движущийся предмет пройти свой путь мгновенно, так, чтобы начало его движения совпало с концом — то получилось бы одно пространство (пройденный путь); если бы возможно было отнять в движении пространство, заставив предмет двигаться, не изменяя своего местоположения — то получилось бы одно время. И ничего, кроме времени и пространства, нет в движении; и невозможно соединить их иначе как произведя движения. Оно одинаково нуждается в пространстве и времени и ни в чем, кроме них, не имеет необходимости. Это может быть проверено даже опытом: если мы устремим свой взгляд в какую-либо точку пространства и станем затем передвигать его, то в чистое и нематериальное движение точки, на которую устремлен глаз наш, будет входить чистое пространство и чистое время.

Из сделанного перечисления начал, на которые разлагается существование и сущность, видно, что в каждое из этих начал входит как составная часть пространство. Отсюда можно заключить, что оно именно есть тот скрепляющий элемент, который соединяет в бытии две основные стороны его: существование и сущность.

Нашедши, таким образом, и скрепленное и скрепляющее в существовании и сущности, нужно еще раскрыть способ, которым произведено скрепление. Этот способ состоит, как кажется, в овеществлении форм пространства через соприкосновение с ним реального (видимого), причем в формах этих устанавливается неподвижность и вечность, о которой трудно сказать,

происходит ли она от некоторых условий, лежащих в самых этих формах, или от особенностей вещества, которое наполняет их, или от взаимодействия именно этих наполненных форм с этим именно наполнившим веществом. Ясно только, что эта устойчивость и неподвижность овеществленных форм необходима для произведения сущности, потому что изменчивое и непостоянное не могло бы стать никогда основой самобытия вещей и явлений.

Что касается до взаимной обусловленности обеих рассматриваемых сторон, то существование первоначальнее, чем сущность, и обширнее, чем она. Справедливость этого становится ясна для разума, с вниманием углубляющегося в анализ существования. Мы уже не будем теперь останавливаться на этом, потому что все, что могли сказать о первой стороне бытия, уже сказали выше, при рассмотрении форм науки о ней.

VIII. Переходим к рассмотрению соединения сущности с другими сторонами бытия, и прежде всего — со свойствами. По отношению к одним из них сущность есть то, *из чего истекают* они, а по отношению к другим она есть то, *что восприняло* их на себя извне и на чем пребывают они, запечатлевшись. Для первых, таким образом, она есть *основа производящая*, для вторых — *основа воспринимающая*. Так, свойства геометрических фигур все вытекают из их природы; а из качеств, которые мы замечаем в человеке, многие бываюи усвоены извне. Про первые — вытекающие из сущности свойства — можно сказать, что они всегда бываюи в вещи, пока она сохраняет свою сущность, т.е. не утрачивает своего особого, индивидуального бытия. Вторые — воспринимаемые свойства — появляются в вещи после того, когда она подверглась какому-нибудь изменяющему влиянию.

Так как природою бывает в вещах или то, из чего состоят они, т.е. вещество, или расположение последнего, т.е. строение, то и самые свойства, вытекающие из природы вещей, всегда суть или *свойства вещества*, или *свойства строения*. В совершающемся же основные свойства вытекают всегда или из сущности *элемента изменения*, или из *процесса* как строения многих сложившихся элементов. Напр., свойства теплоты вытекают или из движения как элемента этого явления, или из форм движения, через которые проходят молекулы нагревающегося тела.

IX. Отношение сущности к причине ясно из того, что было сказано выше о природе и происхождении первой. Выходя из своей причины, сущность только перемещается и освобождается от окружающего внешнего, что некогда пребывало на ней и затемняло ее, но не появляется вновь. Это значит, что сущность всегда тождественна с своею причиной, или, что то же, *сущность и причина ее всегда есть одно*.

Все сказанное об отношении сущности к причине может быть сказано, и на том же основании, и об отношении сущности к цели: цель сущности есть она сама, высвобожденная от всего прившедшего к ней в настоящем; *как и с своею причиной, сущность и с целью своею есть одно*.

Обратимся к отношению сущности к сходству и различию. Сущность есть основа того, что принято называть *родовым* отличием, т.е. вещи, имеющие различные сущности, составляют из себя различные роды. Она есть также и основа родового сходства, потому что вещи соодною сущностью образуют собою всегда один род. Что касается до сходства и различия *видового*, то его основа лежит в сходстве и различии свойств; а основа различия и сходства *индивидуального* лежит в происхождении как процессе и в причине как источнике этого процесса.

Изучая отношение сущности к числу, следует рассмотреть вопрос: каким образом единство и неизменяемость сущности примиряется с множественностью ее воплощений в существующем и с многократностью ее проявлений в совершающемся? Напр., как движение, вечно и повсюду оставаясь тем же, является не одним непрерывным и вечным движением, но возникает то в одно время, то в другое и то в одном месте, то в другом. Или как дуб, сущность которого всегда и повсюду остается одна, вырастает прежде и потом, здесь и там, то одновременно, то в различные времена?

X. *Учение о сущности вещей в Космосе* имеет своею задачею определить природу каждой вещи, лежащей в мире, и раскрыть сущность каждого явления, совершающегося в нем; или, согласно с определением сущности, это учение должно дать полное и законченное понимание того, что делает пребывающее и совершающееся тем, что оно есть.

Чтобы выполнить эту задачу, великую и трудную прежде всего по своей обширности, необходимо пра-

вильно распределить в группы все, подлежащее здесь изучению, а затем провести деления и в каждой из полученных таким образом групп. Подготовив этим несколько разрешение всей задачи, следует приступить к самому разрешению ее, уловляя и формулируя сущность каждой полученной группы в ее целом и каждого из подразделений, на которые она распадается, в частности.

Все, лежащее в Космосе и обладающее своею сущностью, распадается на мир вещей как пребывающего и на мир явлений как совершающегося, а следовательно, и рассматриваемая форма науки распадается на *Учение о природе вещей* и на *Учение о природе явлений*.

Учение о природе вещей должно распасться на три ветви: одну общую и две частные. В *общей части* этого учения должно быть определено, что именно бывает природою (сущностью) в каждой вещи, безразлично, к какому бы отделу из ниже указанных она ни принадлежала. Ранее было уже высказано мнение, что сущность каждой вещи лежит в том, из чего состоит она и что мы назвали ее составом, и в строении или расположении этого состава в вещи. Тот способ, которым было выведено это мнение, может послужить объясняющим примером того, как следует вести изучение в этой форме науки, а самое содержание этого мнения может указать, чем должна быть она. Две *частные формы*, на которые распадается учение о природе вещей, имеют предметом каждая один из двух больших отделов, на которые распадается самый мир вещей: *вещи (существа) физические* и *вещи (существа) психические*.

Учение о природе вещей физических само в свою очередь распадается на пять форм: три общие и две частные. Из общих форм одна имеет своею целью изучить то общее начало, из которого произошли и образовались все вещи, — это *Учение о материи*; другая имеет своею целью изучить образ или строение, которое входит второю составною частью в сущность всех вещей, — это *Учение о форме*, по которой образовались вещи; и, наконец, третья имеет своим предметом соотношение между первою и второю, это — *Учение о взаимодействии материи и формы*. Из двух частных учений одно есть *Учение о природе тел неорганических*, а другое — *Учение о природе организмов*.

Изучение материи и формы, которые, сочетавшись, вошли сущностью в мир физических вещей, двигаясь по схемам разума, распадается на следующие два ряда учений: 1. *Учение о форме существования материи*; 2. *Учение о сущности материи*, т.е. о том первоначальном составе и строении ее, которые присущи ей до образования из нее вещей; 3. *Учение о свойствах материи*, как основных, вытекающих из самой природы ее, так и второстепенных, отличающих ее от всего, что не есть материя; 4. *Учение о происхождении и причине материи*, если таковая причина и таковое происхождение имели когда-либо место, или, если их не было, учение, содержащее доказательства ее беспричинности и безначальности; 5. *Учение о назначении материи* или о том, что выполнила и выполняет она в общем плане мироустройства; 6. *Учение о сходстве и различии материи с тем, что есть в Космосе и что не есть материя*, — и прежде всего о сходстве и различии ее с началом психическим; 7. *Учение о количественной стороне материи* — сюда входит, напр., учение о постоянстве, или неуничтожимости, вещества. Учение о форме распадается на: 1. *Учение о существовании формы*; 2. *Учение о сущности формы как пространственного очертания*; 3. *Учение о свойствах формы*; 4. *Учение о происхождении и причине форм*; 5. *Учение о назначении форм*; 6. *Учение о сходстве и различии форм* или о типах их и 7. *Учение о количественных соотношениях*, во-первых, между частями одной и той же формы (напр., между линиями, поверхностями и объемом одной и той же какой-либо формы, положим, между радиусом, поверхностью и объемом шара); во-вторых, между целыми формами (напр., между конусом и цилиндром); и, в-третьих, между началами оформливающим и оформливаемым (между пространственным очертанием и входящею в него материею, напр., Учение о наибольшей и наименьшей вместимости геометрических форм). Учение же о взаимодействии между материей и формой делится на: 1. *Учение о форме существования этого взаимодействия*, где рассматривается, вечно ли и необходимо это взаимодействие по самой сущности обоих начал, не могущих пребывать одно без другого; или же временно и только целесообразно, так как, быть может, иногда пребывает и форма без материи, и материя без формы. 2. *Учение о сущнос-*

ти взаимодействия между материей и формой, где должно быть уяснено, в чём именно заключается это взаимодействие, что происходит с формой — когда в нее вступает материя, и с материей — когда она вступает в форму; и далее, как совершается это вступление, что есть общего между материей и формой, вследствие чего (общности) или первая втягивает в себя последнюю, или последняя стремится наполнить собою первую; 3. Учение о свойствах этого взаимодействия и о закономерности, которая здесь, как и всюду в изменении, является важнейшим и влиятельнейшим из свойств; 4. Учение о происхождении и причинах взаимодействия, где рассматривается и начальный момент, с которого начинается соотношение и обоюдное влияние материи и формы (напр., когда из старой какой-либо формы материя переходит в новую форму), и источник всякого такого взаимодействия, или движущая сила его; 5. Учение о следствиях и цели взаимодействия, т.е. о том изменяющем влиянии, которое производит форма на материю — присоединяясь к ней, и материя на форму — входя в нее, и об общем назначении в миростроении таких взаимодействий; 6. Учение о формах, или о модусах, взаимодействия и 7. Учение о количественных соотношениях при взаимодействии обоих рассматриваемых начал.

XI. Мы не будем делать никаких указаний относительно того, как должны быть выполнены все задачи, предстоящие перечисленным формам науки, но сделаем только несколько общих замечаний относительно материи и формы. Неполюно определять материю как «начало протяженное», потому что, указывая на атрибут ее, мы не раскрываем при этом ее природы; и несправедливо, потому что протяженность присуща и пространству, которое не есть материя. Справедливее и, быть может, полнее будет определить ее как *начало пассивное и безобразное*. Материя пассивна, потому что хотя изменяться и, следовательно, быть пассивным может, напр., и идея, однако она бывает и деятельным началом, чем материя никогда не бывает. Что пассивность лежит в природе материи, это видно из того, что она задерживает собою все деятельное; оказывает сопротивление всякой силе как источнику деятельности; замедляет в себе всякое движение, как бы сообщая движущемуся часть своей пассивности.

Безобразна же материя потому, что хотя она, как это было доказано выше, и никогда не была лишена формы, однако по природе своей противоположна и враждебна всякой форме. Это ясно из того, что всякая вступающая в материю форма — что можно наблюдать при смене их — вступает в нее с трудом, преодолевая ее сопротивление: материя не сразу приобретает какую-либо новую форму, но медленно и как бы сопротивляясь вступает в нее (форму) и, даже вступив — удерживается в ней лишь до тех пор, пока что-либо внешнее сдерживает ее в заключающих пределах, и, раз исчезает это внешнее сдерживающее, материя вновь расседается, высвобождаясь из своей формы; так что и первоматерия, соединяясь с первоформой, претерпела некогда, можно думать, могущественное влияние какой-либо силы. Противоположность между материей и формой видна также и из того, чем становится форма по соединении с веществом: при таком соединении она утрачивает свою чистую природу. И в самом деле, в незамещенном пространстве всякая форма пребывает в чистой природе своей; овеществляясь же, она становится только подобием того, чем была в пространстве, способным напомнить разуму о своей первоначальной природе. Так, овеществленная окружность есть не совершенная форма окружности, но только приблизительная: с присоединением материи она потеряла свою чистоту.

XII. Как обоснование и как заключение обоих рассмотренных учений следует развить здесь *Учение о пространстве*, этой мере материи и вместилище форм. Двигаясь по схемам разума, оно распадается, как и все предыдущие учения, на семь форм, которых мы здесь не будем перечислять. Сделаем только несколько общих замечаний о самом предмете учения. Прежде всего останавливает на себе внимание замечательное соотношение между пространством и временем. Оба начала одновременно и противоположны друг другу, и как бы взаимно дополняют одно другое. Они противоположны, потому что ни во времени нет ничего пространственного, ни в пространстве — ничего временного: первое бесконечно уходит в прошлое и в будущее, второе безгранично раздается вдаль, и оба, как бы пересекаясь в настоящем здесь, быть может в центре нашего сознания, расходятся затем

в противоположных направлениях, чтобы уже никогда не встретиться более. И однако, несмотря на эту противоположность, и полнота представления, и цельность мира делают то, что вслед за мыслью об одном из этих начал в нашем сознании всегда и невольно возникает мысль и о другом начале. Не менее замечательно отношение пространства и времени к Космосу и всему, что лежит в нем. В своем сочетании они служат как бы координатами мира, на которых он пребывает и по которым он развивается: пространство есть координата бытия, условие протяжения и мера всего протяженного; время есть координата изменения, условие мирового генезиса и мера процесса, через который этот генезис проходит. В отношении к существованию время представляет интересное сочетание двух потенций, которые никогда не переходят в реальность и, однако же, реальны в своем целом. И в самом деле, несомненно, что время есть, потому что несомненно есть изменение, которое не может происходить вне времени; и, однако же, нет момента, когда бы время существовало, потому что оно не имеет настоящего. Оно все в прошедшем и в будущем, и понятие о «настоящем» есть только ошибка грубого ума, потому что всякий раз, когда мы помыслим «теперь», — это «теперь» стало уже прошедшим, и о всяком моменте, о котором скажем, что он «есть», можно сказать только, что он «был». Настоящее, по нашим представлениям, есть то, что лежит между прошедшим и между будущим. Но между прошедшим и будущим ничего не лежит, потому что время, которое по самой природе своей непрерывно, которое вечно течет и никогда не останавливается, не имеет в себе промежутков; так что будущее становится прошедшим, не переходя через настоящее, нежившее, не живя, отживает. Но, по нашим обычным представлениям, то, что только будет существовать, не существует еще; и того, что отсутствовало уже, также нет. И вот, противореча всем нашим понятиям о бытии, время является таким исключением, которое всегда только было и всегда только будет — и, однако же, есть, существует; и не только существует, но служит еще необходимым условием действительности всего, что только происходит реального в природе и в жизни; в этом времени, которого никогда нет, которое вечно, или еще только

готовится стать, или уже минуло, — в этом неподвижном времени пребывает все, и вне его ничто не может пребывать. Много сомнительного представляет также и причинное отношение пространства и времени к протяжению и изменению, именно представляется вопрос: не производится ли протяжением пространство и изменением — время, или же пространство и время совершенно независимы от них? так что и время продолжало бы течь неизменно, как теперь, — если бы даже ничто не изменялось, но все пребывало неподвижно; и пространство существовало бы — если бы даже в нем не было ничего протяженного? Трудность этого вопроса в значительной степени обуславливается слабостью наших представляющих способностей, бессилием их отрешиться от влияний текущей действительности, где все сложено и ничто не просто, и подняться над нею для уразумения самых начал, из которых она сложена. Так, с одной стороны, нам совершенно невозможно представить себе время с его текучестью вне потока изменяющихся явлений, потому что в таком случае что же именно течет тогда, что приближается к настоящему и уходит в прошедшее? что это за особенное существо, ни с чем не сравнимое, ни на что не похожее, которое мы называем временем? А с другой стороны — нам невозможно и понять, каким бы образом время могло быть только созданием текущих изменений, когда именно возникнуть, появиться эти изменения никаким образом не могли без времени, этого первоначального и необходимого своего условия. То же самое бессилие наших психических способностей обнаруживается и в неразрешимой дилемме — что такое пространство вне существующих протяженностей, само по себе, одно; или как бы могли возникнуть эти протяженности, если бы ранее их уже не существовало пространство? Все эти вопросы, которых разрешение столь же интересно, как и трудно, впрочем, не непреодолимо, потому что это обуславливается возможным в будущем усовершенствованием наших духовных сил — именно представляющих способностей. Из собственных внутренних свойств пространства и времени замечательны их однородность и безграничность. Каждое из обоих начал тождественно во всех своих частях, однородно на всем своем протяжении. Они лишены всякого внутреннего строения, и их при-

рода слагается только из того одного, из чего состоят они и что ранее, анализируя элементы сущности, мы называли «составом». При этом пространству присуща абсолютная неподвижность, а времени — вечная текучесть. Первое как бы замерло, пребывая, второе вечно живет и никогда не пребывает. Эта неподвижность пространства соединена в нем с другим свойством — безграничностью, и эта текучая жизнь времени соединена с вечностью. Сколько бы мы ни усиливались представить или понять эту безграничность и вечность, мы всегда будем чувствовать свое бессилие. Это есть единственное, чего не вмещает в себя наш разум, единственное, что обнимает его собою, внутри чего он живет и мыслит, но чего понять он не может. Представить, что время всегда было и никогда не начиналось, что оно и вечно текло так же, как теперь, и в будущем никогда не остановится, никогда не перестанет течь; представить, далее, что какая-либо точка, — положим наша земля, могла бы вечно лететь куда-нибудь все дальше и дальше и никогда не настанет время, когда бы она остановилась, найдя предел, — представить все это или даже приблизиться к этому представлению мы не в состоянии. И всякий раз, когда, усиливаясь сделать это, мы будем глубже и глубже вникать в сущность обоих бесконечных начал — беспредельного пространства и вечного времени, — мы будем чувствовать, как в душе нашей поднимается незнакомое смущение, как от приближения к чему-то для нее новому, чуждому и непостижимому.

XIII. Учения о материи, о форме и о взаимодействии между материей и формой дадут полное и ясное понимание сущности вещей в их общем виде; так что два частных учения, к которым мы перейдем теперь, потребуют уже более трудолюбия и времени, нежели проницательности и борьбы с собой.

Из этих учений одно должно определить сущность вещей неорганических, а другое — сущность вещей органических. Первое — *Учение о природе вещей, образующих собою мир неорганический*, — распадается на учение о сущности, т.е. вещественном составе и внутреннем строении, во-первых, элементов, во-вторых, соединений из элементов, изучаемых в химии, и, в-третьих, тел, находимых в природе и известных под именем газов, жидкостей, различных смесей и минера-

лов. В этих учениях, быть может, яснее, чем где-либо, выкажется справедливость проведенного выше взгляда, что сущностью в вещах бывает и вещество, и форма; потому что из тел, самостоятельную сущность которых здесь придется определить, некоторые различаются друг от друга одним веществом, а некоторые — одним строением. Так, алмаз и уголь, будучи по составу оба чистым углеродом, очевидно, носят источник своей самобытности в своем строении. Напротив, порошок золота и порошок железа, очевидно, различаются составом, и в этом составе источник их несходства между собой, т.е. самостоятельности их бытия. Второе учение — *Учение о природе вещей, образующих собою органический мир* — распадается на три формы: одну общую и две частные. Общая форма имеет своею задачею определить сущность *органичности* как особенности, присущей всему органическому миру, а две частные формы должны заняться — одна изучением этой органичности в царстве растений, а другая — изучением этой органичности в царстве животных.

XIV. Итак, задача общей формы состоит в уяснении этой особенности, которая кладет такое резкое отличие на мир растений и животных в сравнении с миром минералов, — особенности, которая живо чувствуется всеми, но неясно сознается, что так рельефно выразилось в колеблющемся названии этого мира то «царством органическим», то «царством живых существ». *Организм и жизнь* — вот что составляет — все чувствуют это — особенность и сущность этого мира существ и что должно составить объект тщательного и всестороннего изучения в рассматриваемой форме науки.

Не трудно предвидеть, что ни первый, ни особенно второй из этих объектов не будут поняты до тех пор, пока они будут рассматриваться отдельно один от другого; пока испытующий взгляд человека, утомленный тщетным исканием их объяснения в них самих, не попытается, связуя их в одно целое, проникнуть в то невидимое присущее, что лежит за ними и что видимо проявляется в них. До тех пор не будет достигнуто ни совершенное понимание того, что такое организм, ни окончательное объяснение — что такое жизнь, пока не будет признано и понято то одно, что возвышается над

ними и что — недостаточно сказать «проникает их» — но *раскрывается* в них, как в двух необходимых и естественных сторонах своих, как в своем начале и конце, как в своем выражении и проявлении. Это невидимое присущее, это одно — есть целесообразность, лежащая в живом мире органических существ. *Организм есть выражение этой целесообразности, запечатленное в веществе; жизнь есть проявление этой целесообразности, выраженное в явлениях.*

И в самом деле, организм есть соединение органов, т.е. таких частей, из которых каждая есть *не то, что другая, и не для того, для чего другая*; и в этом его отличие от неорганического тела, которое все состоит из тождественных между собой частей, из которых ни одна — это ясно из их тождественности — не имеет особенного, ей исключительно присущего назначения. Так, корень, стебель, лист и цветок в растении или рот, желудок и выводящие каналы у животного имеют каждая свою особенность в строении, делающую ее не похожей на другие части, — и эта особенность находится в прямом соответствии с теми отправлениями, которые выполняет такая часть по отношению к целому организму. Напротив, у минерала, напр., нет различных частей, выполняющих различные цели, и, рассматривая его, мы даже не знаем, которой частью он был прикреплен к земле; тогда как о растении мы никогда не подумаем, что, быть может, оно было прикреплено листьями или что животное может иногда ходить на спине*. Этим объясняется, почему ор-

* Любопытно, что единственную, хотя и неполную аналогию с организмами мы находим только в мире искусственно сделанных человеком вещей, и притом неполнота аналогии зависит здесь от этих последних: вещи, приготовленные человеком, — одни из всего существующего — имеют сходство с организмами, но в них, в этих вещах, есть некоторый недостаток в сравнении с ними. Так, во всякой искусственно приготовленной вещи, как и в организме, есть «своеобразие и целесообразность» частей, напр., в карандаше графит *не то же, что дерево, и не для того же, для чего оно*. Так же в столе, доме и во всем прочем. Искусственно сделанным вещам недостает только жизни. И эта аналогия также подтверждает нашу мысль о разумной целесообразности, скрытой в организмах: оказывается, что единственное, что сходно с ними в природе, есть вместе и единственное в ней, о чем мы уже *несомненно* знаем, что оно устроено по целям, некогда прошедшим через сознающую мысль. Не менее

ганизм как живое целое перестает существовать, когда лишается какой-либо из своих целесообразно устроенных частей (органов): его существование не может продолжаться, потому что из остающихся частей каждая выполняет *свое* только назначение, и ни одна поэтому не может заменить собою утраченной части и выполнить того необходимого для организма, что выполняла она некогда. Напротив, раздробленный на части минерал остается тем же, чем был и прежде: он ничего не утратил в своей природе, но только стал менее; и этим объясняется, почему в явлении взаимного прорастания кристаллов мы видим, что, прободая друг друга, они лишают и лишаются всевозможных частей своих, нисколько не переставая от этого быть кристаллами. Далее, если от органа мы перейдем к организму как целому, то заметим, что та целесообразность, которая в органе присуща *строению*, в организме присуща *соединению* органов. И действительно, не как-нибудь во всех организмах и не так в одном, а иначе в другом соединены органы, но во всех организмах (одного *рода*) одним определенным образом. Так что выполненное каждым отдельным органом не находится вне связи с тем, что выполняется другим, но все они находятся в живом *соответствии* между собою, и то, что начинается одним органом, то продолжается другим и оканчивается третьим. Напр., нет таких органов в растении или в животном, из которых один всасывал бы для него пищу, а другой тотчас же ее извергал бы или задерживал; или чтобы один давал возможность летать, а другой, напротив, препятствуя летанию, способствовал бы плаванию и т.д. Если бы части в организме, в отдельности целесообразные, бы-

любопытно, что аналогия между предметами искусственными и организмами увеличивается по мере того, как первые являются производением более совершенной и сильной мысли: так, в искусственных механизмах есть уже движение — это слабое подобие жизни, хотя однообразное, чуждое именно той свободы и разнообразия, которые присущи живым организмам. Вдумываясь в эту аналогию и в то направление, в котором возрастает она, невольно склоняешься мыслью — не следует ли и причину организмов искать в том, что так же аналогично с разумом человека, как самые организмы — с творимым им? и что природа этих двух источников, одного известного и другого неизвестного, различия не в сущности, но только в силе и в совершенстве?

ли соединены таким случайным образом, то и растения, и животные были бы смешной бессмыслицей; если б таково было соединение в них органов, то мы невольно назвали бы эти существа — как это ни странно звучит — *помешанными организмами* и признали бы их творением безумия. Напротив, в тех организмах, которые мы знаем, один орган воспринимает извне вещество, необходимое для растения или животного, другой отделяет в этом веществе годное от негодного, третий выделяет из организма ненужное и четвертый распределяет оставшееся по всем частям его и питает их. Не видится ли в этом удивительное соответствие органов друг другу, их как бы общность между собою, как бы невысказанное стремление вышолнить одно, только не произнесенное согласие одного органа подготавливать все для другого и этого другого — подготавливать все для третьего. И если, как мы сказали, организм с не соответственными друг другу частями показался бы нам помешанным — безумие сквозило бы в веществе и составе его, то почему в организме со столь удивительною целесообразностью не признать нам разумности и в том, что некогда произвело его — сознающего и направляющего разума? Итак, *органу присуща цель, выраженная в его строении, и организму присуща целесообразность, выраженная в соответственном соединении частей, из которых состоит он; так что полным определением, выражающим природу определяемого, будет для первого «своеобразная и целесообразная часть», а для второго — «полнота целесообразно расположенных частей».*

Переходим теперь к явлению *жизни*, присущей, как мы замечаем, всем организмам, и притом *только им одним*. Жизнь есть обнаружение целесообразности в явлениях, подобно тому как только что рассмотренный нами организм есть обнаружение целесообразности в веществе. И действительно, *жизнь организма складывается из жизни его органов*: растение живет, когда живут все его органы; и умирает, когда перестают жить они. *В каждом же отдельном органе жизнь есть выполнение им той цели, для которой он предназначен своим строением, есть осуществление того назначения, которое вложено в него природою.* Так, жизнь корня есть всасывание, жизнь сосудов есть проведение и распределение по растению всосанного корнем, жизнь

листа есть дыхание и восприятие солнечного света, жизнь цветка есть оплодотворение. И мы говорим, что «лист живет» — когда он дышит, «корень не умер» — когда он всасывает, «растение живет» — когда оно питается, дышит и размножается. И ни в чем другом, кроме как только в жизни органов, и не может выразиться жизнь организма, потому что в нем и нет ничего, кроме органов. Таким образом, мы и истинно, и полно определим жизнь, сказав, что она есть *выполнение целесообразности, пока продолжается, и выполненная целесообразность, когда окончена.*

Вот, следовательно, глубокое и резкое различие в природе двух царств, на которые распадается мир вещей физических: *царство органическое создано по целям, царство неорганическое — по причинам*; все организованное организовано для чего-либо, все неорганическое явилось таким, каково оно есть *почему-либо.* Причинность есть душа всего неорганического и мертвого, и в ней источник его устройства и ключ к его пониманию; целесообразность есть душа всего органического и живого, и в ней разгадка его явлений и свет разумения. Тщетно некоторые пытались и пытаются распространить господствующее влияние причинности и на органический мир: причинность от этого не получит большего распространения, чем какое она имеет; и то, что движется к цели, не начнет двигаться от причины, если ее придумают для него. Истинная цель науки — *понимать то, что есть*, а не изобретать, хотя бы и искусно, то, чего нет. Каково бы ни было это существующее, следует объяснить его, а не заменять другим, что нам казалось бы более удобным и естественным. Можно быть уверенным, что мир существующий не будет «менее естествен», чем придуманный; и нечего беспокоиться, что в таком виде, в каком он есть, ему не так удобно, как в том, какой мы могли бы изобрести для него. Не творить, а понимать сотворенное есть задача разума, и если лежит в сотворенном целесообразность, — ему не для чего заменять ее причинностью. Да и не безразлично ли, что предстоит раскрыть и познать ему — причинность или целесообразность? Скажем более: в тех бесчисленных затруднениях, которые должен он будет преодолеть, и в тех странных объяснениях, к которым он должен будет прибегнуть, заменяя существующую целесообразность

придуманною причинностью, — он найдет естественное и справедливое наказание за уклонение от своего прямого назначения и за извращение своей истинной природы. Это наказание он уже и начинает нести на себе: не наказание ли, в самом деле, утверждать и доказывать, что *причинность*, господствующая равно в неорганическом и органическом мире — *без всякой причины* произвела столь *несхожее* между собою, как эти два мира? и доказывать это именно на основании того, что все в природе устроено по причинам. Не странно ли и не мучительно ли приискивать *причину различного действия одной и той же причины*, когда, распространяя физические и химические законы и силы на органический мир, он должен объяснить, каким образом одно и то же в первом случае создало камень и глину, а во втором — цветок и человека? И каким образом слепая причинность, которая никогда не знает, куда она ведет явления, потому что *только отталкивает их от себя*, — каким образом могла она произвести эту *правильность расположения* в органическом мире и эту последовательность развития в нем от форм простейших к более сложным? Разве только самые причины были расположены также систематично, и тогда — что придало им такой порядок? Потому что если есть план и система в следствиях, то должен быть план и система в причинах, иначе *планомерность* в произведенном (органический мир) будет *беспричинна*. Но самым необъяснимым, что только может быть, явится тогда *последовательность в развитии* органического мира, некогда совершившемся: потому что ведь если причины произвели этот мир, то эти *причины* *каковы были* в момент произведения, *таковы оставались* и в последующее время, когда следствия как-то *беспричинно развивались*, и *таковыми же остаются* теперь, когда конечные результаты развития, наблюдаемые нами в живых существах, так не похожи на первоначально созданное. А между тем — никто не станет отрицать этого — с тех пор не изменились ни законы механики, которым, мы думаем, подчинено кровообращение; ни законы физики и химии, которыми единственно мы желали бы объяснить обмен веществ в организме; и таково же, как и прежде, желание всякого живого существа сохранить себя хотя бы на счет других, что, как мы думаем, произвело такие

перемены в царствах растительном и животном. И если даже признать — хотя это и невозможно по своей странной чудесности, — что некогда планомерно расположенные причины, произведшие органический мир, вслед за произведением его стали передвигаться в некотором строго определенном порядке, то и тогда в следствиях могло бы произойти только планомерное передвижение, но не *развитие*. Именно развития из одного простого существа многих разнообразных невозможно объяснить иначе как предположив *развитие в самых причинах*, перерождение причин простейших в более сложные, причем первые *исчезали, переходя* во вторые. Но в силах и законах природы механической такого перерождения предположить невозможно. Да если бы даже оно и случилось, то необходимо все-таки объяснить преемственное изменение самых причин, необходимо приискать *для него* причину, — или признать, что таковой не было; так что затруднение найти источник планомерного расположения и последовательного развития живых существ не уничтожается, а только перемещается. Таким образом, на все соглашаясь и только продолжая спрашивать, любопытствующая мысль невольно приводит теорию причинного развития органического мира к необходимости признать в конце концов все это развитие беспричинным.

XV. Это замечательное и любопытное явление, что стремление объяснить развитие органического мира причинностью находит непреодолимые препятствия именно в самой природе причинности, и необходимо предварительно отвергнуть, что «все развивается по причинам», — чтобы потом доказать, что «все развивается по причинам». А между тем, если, оставив в стороне причинность как невозможное объяснение, мы обратимся к целесообразности, тогда все снова станет ясным и откроется разумная причина там, где прежде господствовала непостижимая случайность. Причина, почему органический мир в своем целом планомерно устроен и почему в прошедшем он последовательно развивался, — лежит именно в том, что он развивался не по причинам, но по целям: такова природа целесообразности, что устроенное по ней необходимо бывает планомерно и что движущееся согласно с нею необходимо бывает последовательно. Потому

что если возникшее просто, а цель его сложна, то это простое должно развиться в сложное для осуществления целей своих; а простое в сложное может переходить только через распадение своей природы на целесообразные и своеобразные части, из которых каждая становится способною выполнить часть того общего назначения, которое вложено в природу этого простого. И естественно и необходимо, что каждая из этих своеобразных и целесообразных частей распавшегося простого выполняет не последнее неделимое, что есть в цели, но несколько таких неделимых; так что и организм бывает еще не многосложен и органы не исключительны в своей деятельности, пока цель не осуществлена и растение или животное растет и развивается как род. И действительно, на низших ступенях органического царства мы повсюду встречаем многоцельность органов, их несложность и простоту всего организма. Далее, каждый из органов, получившихся после первого распадения организма на своеобразные и целесообразные части, вследствие многоцельности своей снова должен распасться на части, из которых каждая способна была бы выполнить часть этой сложной цели, которую некогда выполнял он один; и т.д. до тех пор, пока цель развивающегося живого вещества не будет достигнута им во всех неделимых формах своих. Так что как общий закон развития органического мира, в его целом и в его отдельных представителях, можно установить следующие три положения: 1) *что его распадение на формы (т.е. мира на организмы и организма на органы) движется и управляется разложением общей цели, в него вложенной, на цели конкретные и продолжается необходимо, пока возможно дробление этой цели; 2) что цель мира как системы организмов и цель организма как рода во все время существования их остается неизменною, тождественною самой себе и в своем стремлении осуществиться в осязательных формах движет развитие всего органического царства, дробя его на своеобразные и целесообразные организмы, организмы — на своеобразные и целесообразные органы, органы — на новые формы с постепенно увеличивающеюся сложностью строения и с постепенно суживающеюся в своей исключительности деятельностью; и, наконец, 3) что назначение каждого органа тем многосложнее, чем проще его строение*

и чем менее сложен весь организм; и тем исключительнее, чем сложнее орган и чем многосложнее организм.

Все сказанное объясняет, почему органический мир и в своем строении, и в своей истории не то усложняется, то упрощается, но постоянно и только усложняется, — как это и должно быть согласно с природою целесообразности.

XVI. Последовательное развитие простого в сложное станет еще более ясным для нашего сознания, если мы припомним все сказанное ранее о потенциальном существовании. И в самом деле, в, по-видимому, простом, в том, что представляет собою зачаточную форму, могут быть потенциально предустановлены формы всего сложного, что потом осязательно и выразится в нем, или, как неясно и неточно мы говорим, «разовьется из него», подобно тому как в сжатой мысли может заключаться сложное содержание, напр., в идее «понимание» заключается все, что изложено и изложится в настоящем труде. Так, у прототипа животного может существовать простой орган восприятия пищи и передвижения, но этот простой орган у отдельных особей, происходящих от общего прототипа, может разветвиться (и разветвится действительно, если разнообразие есть одна из целей живой природы) на столько форм, сколько есть модусов восприятия и передвижения (для органа передвижения, напр., нога, крыло, плавательное перо, сокращение и растяжение мускулов), что произведет распадение типа, т.е. образование рода (genus), слагающегося из видов (species): четвероногие, птицы, рыбы, змеи. Обобщая приведенный пример и опираясь, как на незыблемое основание, на положение, что *не может быть органа для невозможной деятельности*, мы придем к следующему замечательному положению: *в органическом мире разнообразие органов, имеющих какую-либо одну цель (питание, передвижение, дыхание), определяется разнообразием способов выполнить эту цель; или, что то же: формы органов и организмов совпадают в строении и в числе с модусами деятельности, для которой они (органы и организмы) предназначены, и ими управляются.* Этот четвертый закон дает возможность предвидения в органическом мире новых будущих форм развития: в том случае, если модусы возможной деятельности какого-либо рода исчерпаны в формах существующих уже

органов, тогда можно предвидеть, что дальнейшего развития эти органы не получат, но или пребудут таковыми, каковы они есть, или же начнут вырождаться; напротив, если есть избыток модусов над формами строения какого-либо органа, то можно в будущем ожидать его дальнейшего развития, и недостающие модусы определяют формы будущего развития такого органа.

Но что такое модус деятельности? Модус — это отдельный единичный способ выполнить какую-либо целесообразную деятельность, которая может быть выполнена и многими другими способами, которые будут также модусами. Так, напр., процесс дыхания может быть выполнен и так, как это делается у теплокровных животных, и так, как это делается у рыб, и так, как это совершается у растений, и, наверное, еще несколькими различными способами, которые или есть, но мы о них не знаем или которых нет, но они возникнут в будущем. В этом случае окисление крови (или какого другого сока, ее заменяющего) будет целесообразною деятельностью, а процессы дыхания у животных, у рыб и у растений будут модусами этой целесообразной деятельности. Но всякая целесообразная деятельность есть понятие, и не может она ни быть представлена в мышлении, ни быть выражена в действительности иначе как под формою какого-либо модуса: невозможно вообразить себе вообще питание каким-либо одним определенным способом, и нет в природе вообще питания, но есть только *это* питание, совершающееся таким-то образом, и *то* питание, совершающееся другим образом; *хотя понятие питания вообще — есть*. Поэтому отношение одноцельной деятельности (деятельности, которая, в каких бы различных формах она ни совершалась, имеет одну цель, напр. окисление крови в различных формах дыхания) к модусу (единичной форме деятельности) *есть отношение понятия к представлению; и сколько содержится представлений в понятии какой-либо одноцельной деятельности, столько есть модусов ее в природе, и притом модусов таковых именно, каковы представления*. А с тем вместе и органы одноцельные, которые в числе и в строении своем определяются модусами (как это было доказано ранее), суть овеществленные представления понятия, овеществленного в том, что есть

общего в этих органах. Напр., в том общем, что есть в различно устроенных органах дыхания, овеществлено понятие дыхания как целесообразной деятельности; а в легких, жабрах и порах растений овеществлены некоторые из представлений, на которые разлагается это понятие. Соединяя все это в одно и связывая его с тем, что было сказано ранее о развитии органического мира, мы придем к следующему новому положению: *процесс развития какого-либо одного органа у прототипа рода в разнообразные формы этого органа у видов (species), возникших из него, есть разложение в веществе понятия на представления и этим разложением движется и управляется.* Этот пятый закон соединяет и связывает между собой два отдельных мира: живых органических существ (растения, животные) с миром существ психических (понятия, представления); мир реальный, вещественный — с миром мыслимым, идеальным; мир, лежащий вне нас, или природу физическую, — с миром, заключенным внутри нас или с духом.

Сказанное о развитии одноцельного органа в многообразные формы через разложение понятия о целесообразной деятельности на представления модусов ее можно распространить и на организм как целесообразное соединение органов, и на органический мир как последовательно развивающуюся и планомерно расположенную систему организмов. Сделаем это и относительно первого, и относительно второго. Уже ранее было замечено, что распадение простого живого тела на органы сперва многоцельные — выполняющие не одно какое-либо назначение, а затем одноцельные — с исключительной деятельностью, производится распадением сложной цели на цели частные. Но что такое эти простые, неразложимые далее цели, в отношении к первоначальной сложной цели, которая на них разлагается, и что такое самый процесс разложения? Сложная цель всегда может быть выражена только в определении общего характера, и если, как из логического основания, из нее вывести следствия, то получатся логические понятия о частных целях, составляющих в совокупности цель сложную. И если мы припомним все, что было сказано ранее об отношении определений к идеям, то для нас ясно станет, что сложная цель есть всегда идея общего значения, а част-

ные цели суть идеи более частного значения, на которые она разлагается; самый же процесс разложения есть процесс внутреннего самораскрытия идеи, совершающийся через преемственную смену логических определений и терминов. Итак, если развитие органа движется и направляется разложением понятия на представления, *то развитие организма движется и направляется разложением идеи на термины.* Далее, если мы вдумаемся в то, что и протоорганизм, из которого развились растительное и животное царства, *некогда жил, т.е. в нем была сосредоточена жизнь,* и весь безгранично разнообразный органический мир, который мы наблюдаем теперь, также живет, *т.е. в нем распределена жизнь,* и при этом второй (органический мир) соединен с первым (протоорганизмом) непрерывавшимся рядом некогда живых существ, — то для нас ясно станет, что в своем последовательном развитии этот носитель жизни был *раскрытием в веществе идеи жизни,* а в своем планомерном строении теперь есть *проявление в веществе форм этой раскрывшейся идеи.* Отсюда понятно, почему находим мы в этом мире классы, роды и виды организмов с постепенно суживающеюся общностью строения; и почему весь он в своем целом располагается в строгую и правильную систему, подобно тому как располагаются в систему члены правильно раскрытой идеи.

Отметим, в заключение, основные моменты в развитии и в строении органического мира, производящие распадение его на классы, роды и виды. Этих моментов три: 1. *распадение простого организма на многоцельные органы;* 2. *распадение в организме многоцельных органов на одноцельные* через промежуточные стадии развития, где исключительность органов возрастает, пока в одноцельности органов она (исключительность) не найдет своего полного осуществления; 3. *распадение отдельных органов на многообразные формы по модусам целесообразной деятельности.* Эти три основные момента в развитии органического мира устанавливают следующие четыре основные типа живущих организмов, подлежащих классификации: 1. *организм простой* (протоорганизм); 2. *организм с многоцельными органами* (класс); 3. *организм с одноцельными органами* (род, genus); 4. *организмы с многоразличными формами одного и того же одноцельного органа* (species, вид).

Вот, как нам думается, истинное объяснение особенностей, лежащих в органическом мире. Оно далеко от того установившегося воззрения на этот мир, которое мирится с противоречием себе — требованием беспричинности для доказательства причинности и с какою-то — мы не можем найти другого названия — натуральною чудесностью, лишь бы только избежать необходимости признать целесообразность. И почему причинность кажется более естественною и понятною в природе, чем целесообразность? Разве цель более необъяснима, чем причина? Разве, если вдуматься глубже, есть что-либо более непостижимое, чем причинность? Мы видим и признаем цели в тесном мире человеческого творчества; зачем же нам так упорно отвергать, что есть они и в том, другом мире, который не нами сотворен, но в котором мы сотворены? Напротив, не было ли бы какою-то странною аномалией, непостижимым исключением, если бы явление цели во всем безграничном мироздании было присуще только одной незаметной частице его — той, которую населяет собою человек?

XVII. Две частные формы учения о природе органического мира должны изучить состав и строение царства растительного и царства животного. В том, что касается состава, они соответствуют органической химии; а в том, что касается строения, они соответствуют сравнительной анатомии, — наукам, которые существуют уже. Только сравнительная анатомия должна стремиться к более тесной связи с сравнительною физиологиею, чтобы строение органов объяснялось из целесообразных процессов, которые в них совершаются. Необходимо, чтобы «органогRAFия» как описание органов стремилась стать «органологию» как пониманием органов, — этих своеобразно устроенных и небесцельно деятельных частей организма.

XVIII. Учение о природе существ психических также должно определить, во-первых, состав их и, во-вторых, строение как две стороны, служащие несомненно источником всех особенностей, которые замечаются в этих существах сравнительно с существами физическими. И в самом деле, если мышление как искание истины, если радость, испытываемая при нахождении ее, и стремление к несуществующему добру при виде существующего зла так не похожи на притя-

жение, химизм и электричество, — то это потому, что мыслящее, радующееся и стремящееся есть не то, что притягивающееся и движущееся в химических и электрических явлениях; а если и самые мысль, чувство и желание различны между собою, то это потому, что несходно в строении то, что лежит в основе их. Определить состав психического начала следует или положительно, или, если это почему-либо окажется невозможным, хотя бы только отрицательно, показав, как атрибуты материи физической чужды тому, что лежит в основе психических явлений, и как атрибуты этой последней основы своеобразны и самостоятельны. Что касается до строения этого начала, то его легче определить, всматриваясь в последовательность явлений, происходящих в духе. Так, выше, при определении природы разума, мы раскрыли его внутреннее строение. Подобным же образом возможно раскрыть строение и чувства, и воли, и вообще всего психического, явления чего каким-либо образом могут быть наблюдаемы.

XIX. Учение о сущности явлений, как и учение о сущности вещей, распадается на *общую форму*, где познается, что именно бывает сущностью в каждом явлении — будет ли то явление физическое, жизненное, психическое или какое другое; и на ряд *частных форм*, где познается природа явлений, распределенных в группы по своей однородности (напр., явления механические и психические или еще — тепловые и электрические). Чтобы объяснить, что значит познать сущность какой-либо группы однородных явлений, достаточно указать на явление теплоты, природа которого была раскрыта с доказательством, что оно есть молекулярное движение в телах. Заметим, что частные формы учения о природе явлений соответствуют тому, что есть и к чему стремится существующая наука под именами физики, механики, биологии, физиологии и науки об обществе.

XX. Учение о сущности Космоса имеет своею целью показать распределение начал, изученных ранее, в Космосе как в целом; или, что то же, его задача есть выяснение миростроения, выделение того скрытого плана, который лежит в Мире и по которому расположен последний, как бы одевая этот план своими формами. Из этой основной задачи учения о природе

Космоса ясно, что главное содержание его должны составить мировые отношения материи и духа, вещества и формы, причины и цели; а также взаимное расположение и размещение того, что в отдельности изучалось в предыдущей частной форме — в учении о сущности вещей в Космосе.

Глава VIII

УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О СВОЙСТВАХ

I. Учение о свойствах и его состав: общая теория свойств, о свойствах вещей и явлений в Космосе и о свойствах Космоса как целого. — II. *Общая теория свойств* и два ряда учений, ее составляющих о свойстве в самом себе и об отношении свойства к другим сторонам бытия. О свойстве в самом себе: три формы существования, присущие свойствам; условность их существования. — III. По природе своей свойства суть отношения — IV. Способность свойств как отношений вступать в новые отношения. — V. О происхождении свойств: пять источников, откуда происходят они; соприкосновение соотносящегося в свойстве как обыкновенный способ происхождения свойств; какие свойства и в чем могут возникать. — VI. Двойное назначение, выполняемое свойствами в природе; они увеличивают связность в природе и служат источником разнообразия ее. — VII. Виды свойств: существенные, производные, определяющие, произведенные, мнимые; основательно ли думать, что все свойства, известные человеку, суть мнимые? Учение о количественных соотношениях в свойствах — VIII. Учение об отношении свойства к другим сторонам бытия и формы этого учения. — IX. *Учение о свойствах вещей в Космосе*. Задачи этого учения; каждое единичное свойство должно быть изучаемо по схемам разума; важность такого изучения для полноты понимания. — X. Сложность и сравнительная нетрудность изучения свойств природы; примерный план этого изучения, возможность и необходимость свести учение о свойствах к законам соотношений. — XI. Свойства простые и сложные; различие их природы; как следует изучать первые и вторые; процесс происхождения сложных свойств, состав их и строение. — XII. *Учение об атрибутах Космоса как целого*. Отношения Космоса к пространству, времени, причинности, целесообразности и к разуму, как предмет этого учения.

I. *Учение о свойствах* как третьей основной стороне бытия распадается, подобно предыдущим учениям, на *Общую теорию*, имеющую целью определить и понять,

что такое свойство вообще; и на два частных учения: на *Учение о свойствах вещей, лежащих в Космосе*, и на *Учение о свойствах Космоса как целого*.

Общая теория распадается на две формы, из которых одна занимается познанием свойства, рассматриваемого в самом себе, а другая занимается познанием отношений, в которых свойство находится к другим сторонам бытия.

II. Понимание свойства в самом себе, двигаясь по схемам разума, образует из себя учения о существовании, о природе, о признаках, о происхождении и назначении, о видах и о количественной стороне свойств. Остановимся несколько на задачах каждого из этих учений.

Изучая свойство в первой, основной стороне бытия его — в существовании, следует определить, под какую из ранее установленных форм этого существования подходит оно. Если рассматривать свойство в самом себе, то не подлежит сомнению, что оно имеет все три формы существования: *потенциальную* (озлобленность может возникнуть в человеке, мягкость может возникнуть в железе), *образующуюся* (человек озлобляется, железо размягчается) и *реальную* (человек озлоблен, железо мягко, когда сильно раскалено, прямая тождественна самой себе во всех элементах своих). Если же обратим внимание не только на существование свойства, но и на отношение его к другим сторонам бытия, то мы должны будем признать за всеми формами его существования *условность*: атрибут всегда существует при условии, если существует природа того, в чем или на чем он существует. Таким образом, условность, как противоположность самобытию, присуща атрибуту, и настоящая форма его существования есть *бывание*, как временное и не необходимое соприкосновение с пространством. Объяснение же, почему присуща ему условность, лежит в его природе как второй основной стороне его бытия.

III. Замечательно, что свойства при анализе их природы разлагаются в *отношения*. В том обыкновенном смысле, как мы привыкли понимать его, и в том виде, как оно представляется нам, свойство вовсе не существует в природе. Есть только существа со своими отношениями к тому, что лежит вне их; но нет чего-либо пребывающего в этих существах и истекающего из них.

Самые же отношения, представляющиеся нам свойствами, не всегда суть отношения сходства и различия или причины и следствия, но гораздо чаще — просто отношения взаимности, обоюдного влияния, *небезразличия друг для друга*. Чтобы убедиться в справедливости этого, достаточно рассмотреть несколько примеров свойств, относящихся к различным областям бытия.

Все свойства геометрических и вообще математических величин суть только неизменные и необходимые отношения между этими величинами. Так, теорема Пифагора показывает отношение квадрата, построенного на гипотенузе прямоугольного треугольника, к квадратам, построенным на его катетах (отношение равенства); так, величина π показывает отношение окружности к диаметру; теорема о сумме углов в треугольнике показывает отношение их к прямому углу и т.д. Вообще в математике как в науке о величинах все содержание составляют изыскания отношений между величинами, и эти отношения суть отношения равенства или неравенства (более или менее).

Свойства физических тел суть также отношения между этими телами, но уже не равенства или неравенства, но взаимодействия или — точнее и общее — связи как отсутствия безразличия по отношению друг к другу. Так, притяжение есть соотношение частей вещества, выражающееся в стремлении их сблизиться; так, цвет тел есть отношение их к солнечному свету; так, скважность вещества есть отношение его к пространству и к другому веществу, способному проникать через первое; так, вкус и запах есть отношение мельчайших частиц какого-либо тела к человеческим нервам и т.д.

Свойства психические суть отношения духа к тому, что лежит вне его. Так, разумность человека есть отношение его к предметам и явлениям, сообразное с истинною, но не с кажущеюся природою их; его доброта есть известное отношение его к людям; его твердость есть отношение к будущему желаемому.

IV. Не только существа обладают свойствами, или, согласно с только что сказанным, могут вступать в соотношения с лежащим вне их, но и самым свойствам может быть свойственно одно и не свойственно другое, т.е., согласно с тем же определением природы свойст-

ва, — отношения могут вступать как между собой, так и вообще с лежащим вне их в новые соотношения, как некоторые самостоятельные существа. Так, напр., прямизна или кривизна, будучи только свойствами линии, сами обладают некоторыми свойствами; или разумность и доброта, будучи свойствами человека, сами имеют свойства, напр., первое (разумность) имеет свойство внушать доверие к поступкам и предположениям человека, второе (доброта) — свойство располагать нас к своему обладателю. Эти свойства свойств, как видно из всех приведенных примеров, суть также по природе своей соотношения.

V. Изучая причину и происхождение свойств, должно определить, во-первых, источник, откуда возникают свойства, и, во-вторых, процесс их возникновения. Источников свойств пять: 1. *природа существа или явления*, напр., свойство прямой пересекать другую прямую только в одной точке вытекает из природы ее; 2. *свойство существа*, напр., магнитность земли или присутствие в ней магнитных токов, приблизительно совпадающих с меридианами, есть причина свойства намагниченной стрелки всегда обращаться одним концом к одному полюсу и другим концом к другому полюсу; или, напр., доброта человека есть источник счастья и радости его; 3. *происхождение*; нередко одно и то же существо или явление, в отдельных случаях происходя от различных причин, имеют и свойства различные, которые поэтому должны быть отнесены как к своему источнику не к самым существам или явлениям, которым они (свойства) принадлежат, но к причинам, из которых исходят эти существа и явления. Так, свет, исходящий от солнца, имеет неодинаковые свойства со светом, исходящим от свечи, или теплота солнца неодинакова с теплотою животного, или знание, усвоенное от другого, имеет неодинаковые свойства со знаниями, которые приобретены самостоятельно; что ясно обнаруживается — для света и теплоты в их неодинаковом действии на растения и животные, а для знаний — в их различном влиянии на психическое состояние или психический строй человека; 4. *цель*; нередко одно и то же явление или существо с изменением своего назначения изменяют и свои свойства, т.е., переставая стремиться к одной какой-либо цели, утрачивает свои соотношения с нею и, начиная

стремиться к новой, другой цели, вступает с нею в соотношение. Так, свойства государства как политического организма изменяются смотря по тому, какую цель преследует оно — благосостояние ли, например, или справедливость, или осуществление свободы, или еще что другое. Поэтому-то и философы, полагая для государства различные цели, не соглашались между собою относительно свойств его; и действительные государства, стремясь к различному, не были одинаковы по своим свойствам («*Respublica*» Платона не походит на *Civitas Dei* блаженного Августина или на систему фаланстеров Фурье; государство Сципионов не сходно было с империею Цезарей или с теократией римских первосвященников; Спарта как государство имела иные свойства, чем Афины, потому что имела иную, чем они, цель). Так же изменяется и человек, когда изменяются его взгляды на назначение своей жизни: в эпоху христианства, напр., он уже был не тот, каков был в эпоху античного язычества, и это потому, что с принятием новой религии он уже в ином стал видеть свое назначение, нежели то, в чем видел его прежде.

Что касается до процесса происхождения свойств, то, как кажется, в большинстве случаев он сводится к процессу соприкосновения того, чего соотношение составляет природу свойства. Так, тело приобретает цвет, когда его поверхность соприкасается с лучами солнца и, разлагая их, одни цвета поглощает, а другие отражает от себя.

Наконец, относительно вопроса, какие именно свойства в каких телах могут возникать, или, согласно с определением свойства, — что именно может вступать между собою в соотношение, то на этот вопрос без предварительных частных изысканий можно дать ответ только в самой общей форме: чем более в каких-либо двух телах общего, чем однороднее и родственнее они между собой по своей сущности (составу и строению), тем с большей легкостью возникает между ними соотношение, обнаруживающееся для наблюдателя в форме свойства; и, напротив, чем разнороднее тела, тем более трудно для природы или человека связать их. Но где лежит грань между возможным и невозможным соотношением, это определить хотя и необходимо для понимания природы и жизни, однако трудно.

VI. Назначение, выполняемое свойствами в природе, двойко: во-первых, они связывают части ее и через это придают *цельность* всей ей; а во-вторых, они увеличивают *разнообразие* ее. Справедливость первого очевидна из того, что было сказано о природе свойства: если оно есть соотношение, то понятно, что через него части природы соотносятся между собой, не остаются безразличными одна к другой, не чувствующими бытия друг друга. Справедливость второго ясна из того, что было сказано о происхождении свойств: потому что если свойство может быть источником другого свойства, то, следовательно, это последнее вытекает из первого. Это значит, что каждое свойство, рассматриваемое в отдельности, имеет постоянную склонность увеличивать общее количество свойств, пребывающих в природе. А так как видимое разнообразие природы сводится к разнообразию свойств в ней, то, следовательно, одно из назначений свойства вообще состоит в том, чтобы увеличивать это разнообразие.

VII. Всматриваясь в сходство и различие свойств, можно заметить между ними следующие виды: 1. *Свойства существенные*, вытекающие из самой природы или существа того, в чем они пребывают, напр. протяженность в материи, нескончаемость во времени, безграничность в пространстве или основные свойства в геометрических линиях и фигурах. 2. *Свойства производные*, которые вытекают из существенного атрибута, а не из сущности чего-либо, — напр. второстепенные свойства геометрических линий и фигур, которые и вытекают из основного атрибута их, и доказываются на основании его. 3. *Свойства определяющие*, которые постоянны в предмете и исключительно принадлежат ему, т.е. отличают и выделяют его из ряда всех других предметов. 4. *Свойства произведенные*, которые, не будучи вообще присущи предмету, могут, однако, быть произведены в нем и производятся. Напр., магнитность производится в железе, если подвергнуть его действию электрического тока. Сюда же принадлежат все свойства человека, возникающие в нем под влиянием воспитания, окружающей среды и пр., напр. раздражительность, злопамятность, рассеянность. Уметь отличать этот вид свойства от всех других видов его чрезвычайно важно в практическом отношении, потому что, собственно, только над ним одним человек

может стать господином; прочие же свойства не могут быть ни уничтожены, ни вызваны в вещах. 5. *Свойства мнимые*, которые не находятся в вещах, но приписываются им человеком вследствие его субъективных ощущений, обусловленных его организацией, напр. цвет в вещах. Ошибочно думают многие, что такой субъективный характер имеют и все свойства, так что о том, каковы предметы в действительности, мы не знаем и никогда не будем в состоянии что-либо узнать. И в самом деле, если мы утверждаем, что предметы в действительности не похожи на то, чем они нам представляются, то уже *этим самым* утверждением отвергаем то, что из *него же* выводим о своем знании, — именно что оно никогда не может коснуться вещей «в самих себе». Потому что утверждать о сходстве или различии чего-либо возможно тогда только, когда знаешь сравниваемое — в данном случае знания о предметах и самые предметы; и если мы думаем и говорим, что предметы несходны с нашими чувственными знаниями о них, то, следовательно, мы нашли некоторый способ помимо чувств узнавать о их действительной природе и именно посредством этих способов убедились в ложности наших чувственных познаний. Но если через эти способы мы могли убедиться в ошибочности знаний, приобретенных нами с помощью чувств, то, следовательно, через них мы приобрели о предметах знание истинное, не мнимое; т.е. именно они же убеждают нас в возможности знать вещи «в самих себе», а не так, как они представляются нам. Всего яснее можно понять приведенное рассуждение на том примере, который обыкновенно приводится сомневающимся в возможности истинных знаний о предметах внешнего мира. «В действительности, — говорят они, — нет ни звуков, ни цветов; и то и другое есть только субъективные наши представления, обусловленные особенностями наших слуховых и зрительных органов; мир без шума движется по путям своим и пребывает в вечном мраке; не в природе, но только в глазе и в ухе существуют цвета и звуки, — и если б, прибавим уже мы, устройство наших органов было другое, то мир представлялся бы нам не только не таким, каким представляется теперь, но, напротив, в таких формах, причудливых и странных, о которых поистине мы и подумать не можем, и притом столь же

реально, как реален, по-видимому, существующий мир». Это рассуждение справедливо, и на нем-то именно незыблемо утверждается наше убеждение в возможности познать существующий мир так, как он есть: потому что ведь хотя и представляется нам природа полною звуков и цветов, — однако узнали же мы, что в действительности она погружена в ненарушаемое молчание и вечный сумрак.

Изучение количественной стороны свойств есть изучение количественной стороны вообще соотношений. Оно занимается разрешением вопросов — при каких условиях соотношения усиливаются или ослабевают и при каких условиях возрастает и уменьшается соотносящееся в них.

VIII. Учение об отношении свойства к другим сторонам бытия распадается по числу последних на учение об отношении свойства к существованию, к сущности, к причине, цели, сходству и различию и к числу. Мы не будем рассматривать этих отношений, потому что как именно и что должно быть познано здесь, можно видеть из того, что было сказано при рассмотрении соответствующих форм учения о сущности; а сказать что-либо положительное об этих отношениях невозможно без предварительных изысканий.

IX. Учение о свойствах вещей в Космосе имеет своею задачею изучить все отношения, существующие в природе, и через это определить свойства всех вещей, лежащих в ней, и всех явлений, в ней совершающихся. При этом следует заметить, что каждое единичное (несходное с другими) свойство, существование которого в природе будет твердо установлено, должно быть понятно всесторонне, т.е. изучение его должно вестись по схемам разума. Насколько важно такое изучение для полноты понимания и цельности его, это всего лучше может быть объяснено на единичном примере. Пусть изучаемое свойство есть способность жидкостей, разделенных между собою органическою тканью, взаимно смешиваться, проникая через эту ткань (эндосмос и экзосмос). Систематически подвигаясь, познающая мысль должна возбудить и разрешить следующие вопросы относительно этого свойства тканей и жидкостей:

1. Как следует понимать *существование* этого свойства, т.е. всегда ли изучаемое явление происходит, раз

даны две жидкости и разделяющая их органическая ткань, или не всегда? Изыскивая ответ на этот вопрос, следует производить наблюдения над живою природою и искусственные опыты, наблюдая при этом, чтобы они имели исчерпывающий характер (по возможности все ткани должны быть введены как разделяющие и во все жидкости, неодинаковые по сю и по ту сторону ткани). Допустим, что опыт обнаруживает *непостоянство существования* изучаемого явления. В таком случае условие существования и несуществования явления может лежать или в тканях или в жидкостях. Производится новый ряд опытов с целью найти ответ на этот вопрос, и пусть он обнаружит, что не в жидкостях лежит условие смешивания; тогда разум уже прямо умозаключает, что оно находится в тканях, и несколькими опытами, в которых видоизменяются эти ткани, одновременно и подтверждает умозаключение свое, и определяет, что именно из лежащего в тканях способствует явлению и что задерживает его.

2. Что такое изучаемое свойство по своей природе, в чем состоит *сущность* его? Ответить на этот вопрос — значит понять, *что именно совершается* в изучаемом явлении и *как совершается*? Через одни ли и те же поры ткани проходят обе жидкости, или же каждая жидкость проходит через свои, особенные поры и во время этого прохождения через ткань не встречается и не смешивается с другой жидкостью, — что можно узнать, окрасив одну из жидкостей в один цвет, а другую — в другой, и при этом так, чтобы окрашивающие цвета оставляли свой след на том веществе, через которое проникает окрашенная жидкость.

3. Каковы *свойства* изучаемого соотношения между тканью и жидкостями? Эти свойства могут обнаружиться в жизни организмов и в их особенностях, напр. в способности их заражаться через наружное соприкосновение с жидкостями, хотя бы губительное действие последние оказывали только на кровь.

4. Каковы *причины и происхождение* изучаемого свойства? Чтобы ответить на этот вопрос, предварительно следует мысленно разложить соотносящееся в свойстве на элементы, чтобы, узнав через это, в чем *может* заключаться его причина, — потом найти, где она *действительно* заключена. Эта причина может лежать: 1) в порах ткани, в длине их как каналов или 2)

в их тонкости (явление капиллярности), 3) в их устройстве (форме), 4) в их стенках — быть может, последние не остаются неподвижными, но им присуще или сокращение, или какое другое изменение, вследствие которого они (поры) не могут не всасывать жидкость, 5) в удельном весе жидкостей — в различии этого веса для них обеих или, напротив, — в одинаковости, 6) в химическом составе жидкостей, 7) в физических свойствах их. Определив таким образом элементы, можно уже будет приступить и к опытному изучению, — именно видоизменяя искусственно каждый элемент порознь, следует смотреть, с изменением которого из них изменяется явление. Элемент, изменяющий это последнее, и будет его причиной.

5. Каково *назначение* изучаемого свойства в природе, что выполняет оно в ней, т.е. что в природе стало *возможным* при существовании этого свойства, что *необходимым* и, наконец, что *ненужным*? Ответ на эти вопросы при изучении природы обыкновенно не ищется, и все, что делает наука в этом отношении, обыкновенно ограничивается случайными и мимолетными замечаниями, что так вредит и полноте нашего понимания этой природы, и уменьшает разумность, связность в самой науке.

6. Есть ли и если есть — то каково *сходство и различие* этого свойства? Оно (сходство и различие) может быть или в процессе соотношения (ход обмена жидкостей), или в результате его.

7. Какова *количественная сторона* этого соотношения? Здесь может быть изучена быстрота обмена при различных условиях; и еще далее — количество каждой из смешанных жидкостей в получаемой смеси при одинаковом и различном объеме до момента смешения, при одинаковом и различном удельном весе их, при одинаковой и различной температуре и пр.

Из приведенного примера ясно можно видеть и то, как много вопросов возбуждается при изучении по схемам разума, — так что ничто в изученном не ускользает от внимания, и то, как многое, напротив, может остаться не открытым, не *усмотренным*, если ограничиваться в изучении одними чувственными впечатлениями или если вести его несистематично.

X. По объему содержания учение о свойствах вещей более сложно, нежели учение о сущности вещей, хотя и не

столь трудно, потому что каждая вещь, имея одну природу, имеет многие свойства и потому что свойства эти могут быть наблюдаемы снаружи, тогда как природа вещи (сущность) всегда бывает скрыта. По строению же своему эта форма науки может быть различна, смотря по тому, какой план познания всех свойств разум найдет более исчерпывающим. Как руководящий и поясняющий пример, мы приведем следующий план такого изучения.

1. Учение о свойствах вещества (сжимаемости, упругости, тяжести и т.п.), где изучается отношение его к пространству и к другим основным элементам бытия: к закону, к силе, к изменению и пр.

2. Учение о свойствах газов (стремление частиц всякого газа отталкиваться одна от другой и пр.).

3. Учение о свойствах жидкостей (одинаковость давления на стенки заключающего сосуда и другие свойства).

4. Учение о свойствах полужидкостей или густых смесей (этот род тел, как кажется, очень мало исследован).

5. Учение о свойствах минералов (свойства геометрические, встречаемые в кристаллах; свойства физические, как-то: спайность, удельный вес, фосфоричность, двойное лучепреломление, электричество — напр. в янтаре, и магнетизм — напр. в магнитном железняке, цвет, качества излома и многие другие; далее — свойства химические, т.е. отношения к различным химическим соединениям, напр. к кислотам).

6. Учение о свойствах животных тканей (мышечной, костяной, нервной, мозговой; той, из которой образованы стенки сосудов, напр. желез, полостей рта и носа, желудка; далее — тканей покрывающих, как-то: кожи, ногтя и пр.). Свойства эти также могут быть разделены на физические (отношения к свету, звуку, электричеству, теплоте и пр.), химические (отношения к различным химическим соединениям) и чисто жизненные (явления роста, движения, самовосстановления в случае разрушения и многие другие).

7. Учение о свойствах растительных тканей (умирание и рождение, рост, самовосстановление и т.д.).

8. Учение о свойствах органических жидкостей, как животных, так и растительных, которые наполняют собою сосуды, состоящие из тканей (напр., свойства

крови, слюны, содержимого желез, а также растительных соков и пр.).

9. Учение о свойствах органических тел (наприм., кровяных шариков и др.).

Так как всякое свойство есть соотношение, а всякое соотношение может быть выражено в законе, уловляющем постоянное и необходимое в нем (соотношении), то каждое из перечисленных учений может и должно быть развито в строгую систему законов. Так, учение о свойствах газов должно быть возведено в ряд законов о газах; учение о свойствах жидкостей должно содержать законы, которым подчинены явления в жидкостях; учение о свойствах растительных и животных тканей должно быть сведено к учению о жизненных законах и т.д. Как на пример такого сведения учения о свойствах к открытию законов соотношения можно указать на закон всемирного тяготения, в котором выразилось знание одного из свойств вещества — тяжести.

XI. В заключение скажем несколько слов о том, что мы назвали бы *сложными свойствами*. Есть свойства простые, ни на что не разлагаемые и ни из чего не составленные, природа которых состоит из *одного соотношения*; и есть свойства, которые сложены из нескольких других свойств и могут быть при анализе разложены на них; их природа состоит из *многих взаимно переплетающихся соотношений*. При изучении всякого вновь открытого свойства прежде всего следует испытывать — не сложено ли оно из каких-нибудь простых, уже известных свойств, не есть ли оно только неизвестная комбинация порознь известного уже; и затем, не ранее как убедившись в его простоте, следует приступать к изучению его по схемам разума. Когда же свойство сложно, тогда изучение его сводится, во-первых, к познанию простого сложеного, т.е. элементов (состава); и, во-вторых, к изучению сложения — как процесса и как строения. Изучая сложение как процесс, нужно познать, *как произошло* оно (как сложилось сложное), а изучая его как строение, следует познать, *как расположено* относительно друг друга простое в сложном.

XII. Учение об *атрибутах Космоса* как целого должно раскрыть его отношение к тому, что лежит вне его или в чем лежит он сам. Напр., отношение его

к пространству выражается в атрибутах безграничности или ограниченности; отношение его ко времени выражается атрибутом бесконечности или конечности; отношение его к разуму выражается атрибутом сознательной разумности, как бы разлитой в его (Космоса) устройстве, или же случайности, отсутствия этой разумности; далее, отношение его к причине выражается атрибутами или его самобытия, т.е. беспричинности, или, напротив, — зависимости от какой-либо первоначальной причины; отношение его к цели выражается или бесцельностью его бытия в смысле отсутствия чего-либо внешнего, к чему направлялось бы его развитие, или же атрибутом целесообразности, — в том смысле, что есть нечто высшее, что притягивает к себе мир и движет его этим притяжением через промежуточные и временные формы.

Глава IX

УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О ПРИЧИННОСТИ

I. Учение о причинности и его формы: общая теория, учение о причинах вещей и явлений в Космосе и учение о причине Космоса как целого. — II. *Общая теория причинности* и две задачи ее: определение причинности в самой себе и определение отношений причинности к другим сторонам бытия. О существовании причины в отношении к следствию и безотносительно; закон постепенного ослабления энергии причины как деятеля по мере удаления и дробления ее следствий; о существовании причинности как сцепления, пространственном и временном. — III. О природе причинности и членов ее; определения их — IV. О свойствах причинности и членов ее, основных и определяющих. — V. О происхождении причинности; три возможных источника ее: общность происхождения вещей и явлений, первоначальный толчок и неустойчивость, скрытая в природе всего соотносящегося в причинности. Гармония и закономерность в природе как следствие причинности; скрепление пассивной стороны в мироздании и ослабление деятельной стороны в нем как назначение причинности. — VI. Типы причинности: сосуществование, преемство и четыре формы его; о мнимой причинности. — VII. О количественном соотношении между причиной и следствием; оно ограничивается преемствами и не распространяется на сосуществования. — VIII. Об отношении причины к существованию следствия в преемствах и в сосуществованиях; закон сохранения существования в природе как следствие этого отношения. — IX. Об отношении причины к природе вещи или явления; сущность вещи или явления совпадает с переместившеюся в вещь или явление причиной ее или частью этой причины. Об отношении причины к свойствам — X. Об отношении причины к цели; три формы этого отношения: 1. причина и цель, совпадающие с природою происшедшего и предназначенного; 2. причина и цель, совпадающие друг с другом и лежащие впереди или после произведенного и предназначенного; 3. причина и цель, не совпадающие ни между собой, ни с вещью произведенною и предназначенною. Явление избытка следствий над целями и важное значение этого явления в целесообразной деятельности. — XI. Об

отношении причины к следствию; знание этого отношения есть единственное средство проникнуть в недоступные части мироздания; его способность дать всякое знание, какого может пожелать человек; непреодолимая трудность приобрести знание этого отношения; два основных вопроса, к разрешению которых сводится знание этого отношения: что из заключенного в причине переходит в следствие? и что из заключенного в следствии предсуществовало в причине? Легкость их теоретического разрешения; невозможность примирить это разрешение с действительностью; третье, что необходимо допустить как присутствующее в причинности сверх причины и следствия; возможно, что это третье есть вмешательство целесообразности. — XII. *Учение о причинах вещей и явлений в Космосе*; два плана, которыми возможно руководиться при образовании этого учения, понимание причинности в Космосе и распределения ее в нем; понимание Космоса в его причинном сцеплении; двойкий схематизм причинности как цель и результат двух возможных способов выполнить задачи этого учения. — XIII. *Учение о причине Космоса как целого*; различие этого учения от учения о генезисе Космоса; отношения следствия к причине как основание, на котором может быть построено познание причины Космоса; положительный и отрицательный метод ее открытия и определения.

I. *Учение о причинности* как о четвертой основной стороне бытия также распадается на *Общую теорию*, где познается, что такое причинность вообще, и на две частные формы: на *Учение о причинах вещей и явлений в Космосе*, задача которого — открыть причины всего единичного, лежащего и совершающегося в природе и в жизни, и на *Учение о причине Космоса как целого*.

Общая теория должна дать понимание причинности, во-первых, в самой себе и, во-вторых, в отношении к другим сторонам бытия, и по этой двойной задаче своей она выделяет из себя два ряда учений. Из них первый имеет своим предметом определение существования, сущности, свойств, происхождения, назначения, типов и количественной стороны причинного соотношения.

II. Существование причины может быть рассматриваемо в двойном смысле: в отношении к существованию того, что вытекает из нее, или следствия, и безотносительно. Что касается до существования причины в отношении к существованию следствия, то оно бывает двойко для двух различных форм причинности — сосуществования и преемства. В первой из этих двух форм существование причины бывает одновременно и равновременно с существованием следствия, т.е. при-

чина пребывает во все то время, пока пребывает следствие, не была ранее его и не будет позднее его. Так, природа какой-либо геометрической линии (причина) одновременна и одновременна со свойствами этой линии, вытекающими из ее природы (следствия). Ясно, что этот род причинности имеет существование то вечное реальное, то вечное потенциальное и временное реальное, смотря по тому, какую форму существования имеет сосуществующая со своею причиною вещь или явление. Относительно же причин второго вида (преемств) можно заметить, что они существуют, пока не существует следствие, и перестают существовать, когда появляется оно. Так, в явлении удара — пока движение есть, нет теплоты; и, когда возникает теплота, прекращается движение. В значении же абсолютном, безотносительном, причина имеет существование вечное — то обнаруженное, то скрытое, потому что, производя следствие, она только повидимому исчезает, в действительности же скрывается в то, что произведено ею, и продолжает там пребывать до нового обнаружения. Так, движение ударившего тела не прекращается, хотя тело и остановилось, но скрывается в теплоту, которая развилаь от удара и из которой оно (движение) может вновь обнаружиться в прежней форме (теплота может воспроизвести движение, от которого произошла, т.е. в свою очередь исчезнуть, скрывшись в него).

Из этой особенности в существовании причины вытекает замечательное явление постепенного ослабления ее энергии по мере того, как дробится то, во что она переходит. И в самом деле, чем далее какие-либо вещи или явления отходят от своей причины и чем многочисленнее и разнообразнее становятся они, тем меньшая часть первоначальной общей причины находится в каждой отдельной из них и тем слабее, следовательно, напряжение ее в ней как производящего деятеля. Так, напр., идея пользы, воплощаясь в государстве, постепенно теряет свою энергию, по мере того как государство усложняется в своем строении; и, когда это усложнение достигает высокого развития — многие органы его (государства) почти уже перестают жить этою идеею и, не живя ничем другим, умирают; тогда как первоначально, пока устройство государства несложно, все части его бывают полны энергии, жиз-

ненности и высокого сознания своего назначения. Как на пример этого постепенного ослабления жизненной энергии можно указать на политические учреждения Рима в начале республики и перед установлением империи. Подобным же образом жизнь природы в отдаленные эпохи, когда она была еще близка к своей причине и не раздроблена, как теперь, в множестве разнообразнейших форм, — эта жизнь, несомненно, отличалась неизмеримо большею энергиею; и всевозможные изменения, перевороты и развитие в то время совершались быстрее, чем совершаются в настоящее время, когда и причина первоначальная так далека, и природа стала так многоформенна. В этом же, быть может, скрывается объяснение и меньшей долговечности, и меньшей духовной силы в новых народах сравнительно с древними и среди них — у новых поколений в сравнении с поколениями отжившими. Напр., древние индусы, евреи, греки и римляне отличались, несомненно, большею психическою силою, чем романо-германцы, сменившие их в истории, а в прошедшей жизни этих последних достаточно назвать эпохи Римской теократии и феодализма, затем — Возрождения наук и искусств, далее — Реформации, потом — установления философии и наук в XVII веке, в эту великую эпоху, когда Декарт, Бэкон, Галилей, Кеплер и Гоббес были современниками, наконец — XVIII в., это время универсального рационализма, и наш XIX в., — чтобы показать, как по мере усложнения форм жизни истощалась психическая энергия индивидуумов.

Определив форму существования причины и следствия как двух членов причинной связи, следует еще определить форму существования *самой причинности* как простого и необходимого *соединения* этих членов. Эту причинность следует строго отделять от причины и следствия; она не в них, а *между ними*, и ее-то понимание составляет объект рассматриваемой теперь формы науки. Определяя вид существования этой причинности, следует познать, повсюду ли она есть и всегда ли, т. е. совечна ли она времени и соразмерна ли с пространством, — или же она пребывает в них, как и все в Космосе, в предельной и временной форме.

III. Изучая сущность причинности, следует раскрыть, в чем именно состоит причинное соединение и что такое причина и следствие как члены этого

соединения. Ранее мы высказали мнение, которое повторяем и теперь, что сущность причинности всего ближе можно определить выражением «производимость вещей», где под «вещами» разумеется все познаваемое; а явления, называемые «причиною» и «следствием» — имена, указывающие на члены причинного соединения, но не выясняющие природы указываемого, — всего точнее будет определить словами «производящее» и «производимое», которые и раскрывают природу этих явлений, и могут служить плодотворным основанием для вывода некоторых важных положений о причинности в Космосе. К этому мы прибавим здесь, что, выясняя сущность причинности, следует обратить внимание на отношение ее к явлению генезиса вещей (изменения в бытии) и к явлению перехода бытия из состояния потенциального в реальное, о которых было уже говорено ранее. Но это выяснение неизвестного с помощью того, теория чего установлена уже, следует вести с большою осторожностью. Генезис, сменяемость видов бытия и причинность, быть может, и окажутся при анализе тождественными между собой; а быть может, сливаясь в одно в некоторых частных случаях, — они разъединяются в других.

IV. Изучая свойства причинности, следует открыть и всесторонне исследовать как основные из них, вытекающие из самой сущности ее, так и определяющие, по которым возможно было бы распознавать причинность среди других видов соотношения, напр. отличать ее от той связи между предметами и явлениями, которая проявляется в форме свойств. Что касается до способа познать эти свойства причинности, то ее атрибуты несомненно, а признаки вероятно могут быть выведены умозрительно через анализ самой природы причинного соединения. Как на пример атрибутов его можно указать на его необходимость и постоянство, а как на примеры его отличительных признаков можно указать на его двучленность и на сходство в природе между обоими членами. Напр., движение и теплота не просто связаны между собой, но причинно соединены, так как по своей сущности теплота есть также движение, и из этих двух явлений одно непосредственно переходит во второе, так что из них образуется двучленный ряд без всего третьего, посредствующего. Но солнечный луч и зрительный нерв не находятся между

собою в причинном соединении, хотя соотношение и связь между ними и есть, потому что в природе одного из них не заключается того, что лежит в природе другого. Определяющие признаки причины и следствия важны для учения о методах изыскания причин и действий: зная эти признаки, мы легко можем открыть, руководствуясь ими, и неизвестную причину наблюдаемого следствия, и искомое следствие наблюдаемой причины.

V. В учении о происхождении причинности предстоит разрешить вопрос, почему вещи и явления, из которых слагается Космос, существуют изолированно друг от друга, почему каждая из них не имеет своего самостоятельного, ни от чего не зависимого и ни с чем не связанного существования? Откуда происходит это странное явление, что все в мире происходит одно от другого, все связано со всем неразрывным сцеплением? Где причина этого мироустройства, где источник этого вечного и неудержимого течения вещей и явлений? Кроется ли оно в *общем происхождении* всех вещей из чего-либо одного, которое дробится и видоизменяется во всем бесконечном мире единичных вещей? Или в том *первоначальном толчке*, который получил мир при своем возникновении, уже заключалось потенциально все то движение вещей из века в век, среди которого существует мир и живем мы? Или, наконец, в самой сокровенной *сущности вещей* лежит тайна их изменяемости, *источник их сложения и разложения в причины и следствия*? Быть может, лежит в этой сущности нечто, что делает неустойчивым каждое бытие и заставляет его переходить из формы в форму.

Раскрыв источник причинности, следует определить, что порождается ею в существующем или ради чего, как сцепление, существует она. Как на порождаемое причинностью, можно указать на гармонию частей мира, на необходимость его закономерного развития во все моменты времени и во всех частях пространства, на невозможность разорвать эту правильность и последовательность природы вмешательством внешней сознательной воли; а как на одно из назначений причинности, можно указать на прочность и вечность бытия в том, что мы назвали бы его пассивной стороной, и на его бессилие в том, что мы назвали бы его деятельной стороной. И в самом деле, вследствие

неразрывного сцепления всего со всем, ничто в природе не исчезает бесследно, но, раз появившись, продолжает вечно существовать в своих последствиях; т.е., раз приняв на себя свет бытия — никогда уже не утрачивает его совершенно. И напротив, именно вследствие этой неразрывности сцепления причины со следствием все активное, все деятельное в природе ни в самой деятельности своей, ни в ее влиянии на окружающее и будущее не может выйти из тесных пределов того круга, которые установила для него природа причинности: и действует деятельное лишь настолько, насколько отмерила ему действовать причина, его породившая; и сообразно с этим отмеренным действием порождаются следствия, которым никогда не переступить через грань того, что предустановлено для него в этом действии.

VI. Виды причинного соединения следующие: причинная связь *преемств*, где один член следует во времени за другим, напр., связь толчка и движения; и причинная связь *сосуществования*, где один член сосуществует во времени с другим, напр., связь природы и существенных свойств какой-либо геометрической фигуры. Первый тип причинного соединения еще подразделяется на несколько форм: 1. *Причинная связь двух явлений (или предметов), из которых одно непосредственно от себя произвело другое (а произвело b).* 2. *Причинная связь двух явлений, из которых одно посредственно, т.е. через промежуточные явления, произвело другое (а есть причина *t*, произведя ряд следствий *b, c, d... k, l, m*).* 3. *Причинная связь двух явлений, составляющих звенья двух различных рядов, вытекающих из одной общей причины (связь *t* и *t'*, принадлежащих к различным рядам *a, b, c... t* и *a', b', c'... t'*, которые оба вытекают из одной общей причины *A*).* 4. *Причинная связь двух явлений, составляющих звенья двух рядов причин и следствий, вытекающих из двух различных первоначальных причин, но соединенных между собою связью сосуществования (связь *c* и *c'*, принадлежащих к рядам *A, b, c* и *A', b', c'*, где *A* и *A'* соединены между собою причинною связью сосуществования).* Эти четыре типа исчерпывают собою все существующие и возможные модусы причинного соединения между преемственными явлениями, и все, что бы мы ни взяли из связанного между собою в природе

и следующего одно за другим, необходимо подойдет под формулу одного из них.

Из этой классификации нами исключены те случаи постоянных преемств, которые всего удобнее было бы назвать *мнимой причинностью*. Это преемства, где *предыдущее есть обуславливающее, но не производящее того, что за ним следует*; так что хотя последующее и совершается всякий раз, когда предыдущее появляется, и отсутствует — когда отсутствует оно, однако не есть его следствие, потому что иным производится, хотя и не всегда существует, когда существует это последнее. Напр., всякий раз, как у меня истрачивается писчая бумага — я перестаю писать это сочинение, и всякий раз, когда она вновь появляется, я продолжаю его писать. Здесь появление и исчезновение писчей бумаги есть не только постоянное предыдущее моего писания, но еще и безусловно необходимое для него: я и не могу писать, когда нет бумаги. Всякий, кто, зная только определение причины как «безусловного предыдущего», захотел бы открыть причину моего писания, невольно должен был бы умозаключить, что эта причина лежит в писчей бумаге. Но даже и для нас, [не] только держащихся этого определения, но и знающих еще многое другое, приведенный пример был бы труден для разрешения: и в самом деле, если бывают случаи, что я не продолжаю писать это сочинение, когда бумага есть, то это бывает всегда только непродолжительное время; но и соответственно этому — мои мысли, которые я излагаю в этом сочинении, и мое желание изложить их иногда бывают у меня, — и, однако, я не пишу его, и это случается всякий раз, когда нет бумаги; и притом, если бумага только временно лежит и не вызывает писания, то мысли мои вечно могли бы порываться быть изложенными и, однако, не изложились бы, если б не было бумаги. Спрашивается — где здесь причина моего писания? И если — как в этом едва ли кто усомнится — эта причина лежит в моих идеях и желаниях, то спрашивается, какое преимущество рассматриваемые не со стороны своей *производящей сущности*, но с внешней и формальной, они имеют перед появлением и исчезновением бумаги, что, как причина, лучше и полнее удовлетворяет требованиям формального определения? Все эти и подобные факты, где предыдущее внеш-

ним образом походит на причину, но в действительности не есть она, мы исключаем из области действительных причинных отношений и относим к мнимым (кажущимся) причинностям.

VII. Количественные соотношения присущи только причинным преемствам, но не причинным сосуществованиям. Это потому, что только в первых есть двучленность причины и следствия, равновесие между которыми и носит количественный характер; вторые же лишены как этой двучленности состава, так и равновесия в том, что мы назвали бы содержимым причины и содержимым следствия; напр., природа геометрической линии служит как причина источником бесчисленных свойств ее, которые все суть следствия этой природы. Что же касается до причинных преемств, то такое равновесие между членами их существует: с уменьшением и увеличением производящего предыдущего уменьшается и увеличивается производимое последующее, и, когда исчезает первое, исчезает второе, из чего можно заключить, что содержание причины в точности равняется содержанию следствия. Так, напр., количество молекулярного движения, которое развивается в каком-либо теле, первоначально двигавшемся и затем остановленном, в точности равняется количеству массового движения, которое после остановки тела перешло в теплоту; так что на основании этого, зная величину каждого молекулярного колебания, можно было бы определить число их в каждую единицу времени или, зная это число — определить величину колебания.

VIII. Учение об отношении причинности к другим сторонам бытия рассматривает, как соединена в вещи причина с существованием, с сущностью, свойствами, с целью и со сходством и различием.

Отношение причины какой-либо вещи или явления к существованию ее (вещи) не одинаково в двух различных типах причинности — в существовании и в преемстве. В первом типе причина существования вещи или явления совмещается с самым существованием ее, — напр., причина существования какого-либо свойства геометрической линии совмещается с существованием самого этого свойства. Во втором типе причина возникновения существования есть всегда исчезновение существования; так, теплота возникает с исчезновением движения, которое породило ее, так, тело, полу-

чивши удар, начинает двигаться, когда ударившее тело остановилось.

Так как все, что существует, существует или одновременно со своею причиною, или преемственно, то, объединяя сказанное о существовании того и другого типа причинности, мы приходим к установлению следующего замечательного закона: *количество существования в природе для всех моментов времени остается одинаковым*; оно видоизменяется, переходя из предмета в предмет и из явления в явление, но оно не исчезает и не появляется, не увеличивается и не уменьшается, пребывая вечно тождественным самому себе.

IX. Переходим к соотношению между причиною и второю основною стороною произведенной ею вещи — сущностью. Так как природа вещи всегда состоит из вещества и из формы, а природа явления — из элементов изменения и из расположения элементов, причем когда от вещи происходит новая вещь или от явления происходит новое явление, то в происшедшем сохраняется, когда оно вещь — вещество, а когда оно явление — элемент изменения, — то на основании этого можно вообще сказать, что *сущность вещи или явления совмещается и совпадает с перемещенною в вещь или явление причиною ее или с частью этой причины*. Напр., в теплоте, которая произошла от движения, сохраняется неизменно элемент изменения, но переменилось размещение элементов (движение из поступательного перешло в колебательное); в живом существе, происшедшем от другого существа, является и то же вещество, и то же строение, какое наблюдается в произведшем его.

Все сказанное может быть повторено, как кажется, без изменения и об отношении причинности к свойствам.

X. Отношение между причиною, породившею вещь или явление, и между целью, ради которой порождены они, бывает тройкое.

В одних вещах и явлениях — именно в тех, которые представляют собою тип причинного сосуществования, — *причина вещи или явления и цель их сосуществуют с самою вещью или явлением и, следовательно, сосуществуют и друг с другом, совмещаясь в природе происшедшего и предназначенного*. В других явлениях и вещах — именно в тех, которые не только

существуют для известной цели, но и появились, возникли ради ее — и причина и цель сливаются в одно, но пребывают не в вещи, а впереди ее или не в явлении, но после него. Так, в сознательной, целесообразной деятельности человека сотворенное для чего-либо и существует для этого, что лежит впереди его, сотворенного; и было сотворено потому, что было и есть это нечто, ради чего оно создано человеком. Наконец, в большинстве вещей и явлений причина и цель не совпадают ни с вещью, ни между собою, но причина лежит позади вещи и ранее явления, а цель лежит впереди вещи и позднее явления. Произведенное и предназначенное в этом случае есть реальное, в которое перешла причина, исчезнув некогда, и которое само перейдет в цель, исчезнув со временем. Это есть осуществившаяся причина и неосуществленная цель, это действительное бытие, высвободившееся из потенции (причины) и готовое высвободить из себя то, что в нем самом потенциально предустановлено (цель).

Сказанное об отношении причины к цели было бы неполно, если бы мы упустили из виду отношение к цели второго члена причинного соединения — следствия. Все, сотворенное для какой-либо цели, не только достигает этой цели, но по закону сцепления между причиною и следствием ведет за собою необходимо и нечто такое, что не входило в цель сотворившего, что или оставалось неизвестно ему, или на что он не обратил своего внимания. Так не редко случается, что цель, поставленная человеком, достигается средством, которое он употребил для ее достижения; но это же средство производит и нечто такое, не предусмотренное им, что или извращает достигнутую цель, или уничтожает ее совершенно, делая таким образом существование ее мимолетным, или — и это случается всего чаще — осуществив цель, производит одновременно с нею и нечто такое дурное, уничтожение чего становится в свою очередь целью для человека, и нередко такую, достижение которой более трудно, чем достижение первой цели. Это свойство целей соединяться со следствиями есть источник значительнейшего количества жизненных заблуждений и причина затруднений, преодолеть которые совершенно человек едва ли когда-либо будет в состоянии. Позднее мы остановимся на этом замечательном явлении и разберем его

с тем вниманием, которого оно заслуживает. Здесь же ограничимся только замечанием, что хотя оно практически вообще и известно, однако никогда не подвергалось даже и поверхностному исследованию, не говоря уже о полной теории, в которую должно было бы развить учение о нем.

XI. Учение об отношении причины к следствию есть последняя форма общей теории причинности. Оно имеет своей задачей изучить, *сравнивая*, оба члена причинного соединения; понять, что такое причина по отношению к следствию и что такое следствие по отношению к причине, — чтобы с помощью этого понимания сделать возможным познание недоступной причины через изучение доступного следствия и недоступного следствия, когда доступна причина.

Перед нами раскроется вся неизмеримая важность этого учения, если, с одной стороны, — насколько простирается человеческое знание — мы поймем, что все бытие может быть рассматриваемо как великое производящее и великое производимое, как одно осуществление в мире причинной связи; а с другой стороны, — если остановимся мыслью на том, как многое в этом производящем и в этом производимом недостижимо для нашего опыта и наблюдения и как многое, следовательно, здесь по необходимости должно быть предоставлено умозрению, единственным основанием, опорой и путеводною нитью которого может служить только ясное и точное понимание природы причины по отношению к природе следствия. И если бы поэтому удалось правильно разрешить задачу, предстоящую рассматриваемой форме науки, то можно было бы надеяться, что рано или поздно мир во всем своем объеме был бы разгадан и понят.

Но и это недостаточно. Если бы удалось человеку по доступному последствию познавать недоступную причину и по доступной причине познавать недоступное следствие, то тогда он достиг бы понимания всего, чего в силах был бы пожелать. Потому что если что недоступно ни в своих причинах, ни в своих следствиях, то остается неизвестным человеку в самом существовании своем и, следовательно, не может возбуждать к себе его любопытства. Таким образом, не только мир был бы понят с помощью этой теории, но и разум был бы удовлетворен, окончательно и совершенно.

И вот именно в этом-то пункте человеческого понимания, где от простого разрешения одного вопроса мы ожидаем разгадки всего еще неразгаданного, встречается одно затруднение, почти непреодолимое, но которое еще неизмеримо увеличивает важность рассматриваемой формы науки и делает изучение ее полным неизъяснимого интереса. Это затруднение состоит в необходимости и в невозможности примирить две истины, к которым тотчас же сводится вся теория, из которых одна есть безусловное требование разума, а другая есть очевидное свидетельство чувств, предмет которых один и тот же и из которых каждая состоит в отрицании другой.

И в самом деле, вопрос об отношении причины к следствию состоит в следующем: *что́ из того, что заключается в причине, заключается в следствии*, т.е. из составляющего первую *что́* переходит во второе? и *что́ из того, что лежит в следствии, лежит в причине*, т.е. из заключенного в последующем *что́* предшествовало в предыдущем? Рассмотрим отдельно обе половины этого вопроса.

Что из заключенного в причине заключено в следствии? На этот вопрос может быть два ответа: или *все*, заключенное в причине, заключено и в следствии, или *не все*, заключенное в причине, заключено в следствии; и кроме этих двух никакого третьего промежуточного ответа быть не может, потому что природа их (или все, или не все) такова, что ею исчерпывается все мыслимое возможным в данном случае. Но если мы рассмотрим внимательно оба эти ответа, то увидим, что второй из них (не все) сводится к первому (все), и, следовательно, только один этот первый ответ содержит истинное разрешение вопроса. И в самом деле, если не все, заключенное в причине, заключено в следствии, то, следовательно, заключенное в следствии есть часть заключенного в причине и в причине после произведения следствия осталась другая часть того, что первоначально как целое лежало в ней. Но это не перешедшее в следствие или осталось тем же и там же, чем и где пребывало до произведения следствия, или оно уже не осталось тем же и там же. В первом случае оно не есть причина произведенного следствия, но лишь сосуществовало, совмещалось с причиной этого в одном и том же предмете или явлении; во втором случае оно

исчезло, не перейдя ни во что, стало из бытия небытием (в абсолютном смысле). Итак, в обоих случаях оставшаяся часть не была причиной произведенного следствия, а то, что было причиной, заключается все без остатка в произведенном следствии — что совпадает с первым ответом на поставленный вопрос. Соединяя это совпадающее, мы приходим к заключению, что *тождество заключенного в причине с заключенным в следствии есть необходимое требование разума*, и ничто отличное от утверждаемого или ему противоположное немыслимо для разума и невозможно для природы.

Но заключенное в причине может быть частью того, что заключено в следствии, а не целым его; причина может вся перейти в следствие, но в этом последнем кроме перешедшего из причины может лежать еще нечто другое, может заключаться некоторый избыток. На это служит ответом разрешение второй части поставленного вопроса: что из того, что лежит в следствии, лежит в причине?

Будем разрешать эту часть вопроса так же, как разрешали первую: или *все*, заключенное в следствии, лежит и в причине, или *не все*, заключенное в следствии, лежит в причине, — и здесь тоже ничего третьего, промежуточного быть не может, по исчерпывающему характеру предполагаемых ответов. Но если не все, заключенное в следствии, лежит в причине, то, следовательно, часть этого заключенного в последующем — не заключалась в предыдущем, т.е. она есть бытие, не происшедшее ни из чего, но самовозникшее из небытия в абсолютном смысле. И так как это последнее невозможно, то, следовательно, *все, лежащее в следствии, лежит и в причине*, что совпадает с первым ответом, который, таким образом, становится столь же необходимым для разума и единственно возможным для природы, как и ответ, данный на первую часть вопроса.

Соединяя в одно разрешение обеих частей общего вопроса об отношении причины к следствию, мы приходим к общему утверждению, что ни в причине не лежит ничего, что не лежало бы в следствии, ни в следствии не лежит ничего, что не лежало бы в причине; т.е. что причина постоянно и необходимо тождественна со своим следствием; что следствие есть не более как

перемещенная причина; или, что то же, *причина и следствие есть одно.*

Ясность и необходимость этого общего закона об отношении причины к следствию станет еще очевиднее, если мы дадим ему схематическое изображение. Пусть А, состоящее из $a, a', a'' \dots a_n$, есть производящая причина, а В, состоящее из $b, b', b'' \dots b_n$, есть произведенное следствие.

Эти два ряда абсолютно тождественны между собою, т.е. А есть В, потому что нетождество их может выразиться только в ряде:

$$\begin{array}{l} a, a', a'' \dots a_n \dots t \\ b, b', b'' \dots b_n \dots \text{---} , \end{array}$$

где, следовательно, t , лежавшее в причине и не перешедшее в следствие, *абсолютно исчезло*, т.е. превратилось из бытия в небытие; или в ряде:

$$\begin{array}{l} a, a', a'' \dots a_n \dots \text{---} \\ b, b', b'' \dots b_n \dots u, \end{array}$$

где u , возникшее в следствии и не перешедшее в него из причины, *появилось из ничего*, т.е. небытие превратилось в бытие. Оба случая одинаково невозможны для природы и немыслимы для разума.

Но если причина и следствие есть одно, то изменения как проявления в следующий момент чего-либо отличного от того, что было в момент предшествующий, не может существовать. Все и повсюду должно оставаться вечно тем же и там же, чем и где пребывало вечно. И непостижимо для разума, чтобы что-либо происходило, и невозможно для природы, чтобы что-либо жило в ней.

Таково требование разума, испытующего причинность, таково единственное мыслимое, что может вместиться в него.

Этому противоречит свидетельство чувств, показывающих, что все живет, изменяется и движется в природе, т.е. что невозможное существует и немыслимое совершается.

Вот затруднение, о котором мы говорили выше, что оно непреодолимо и что в нем сосредоточиваются, как в центральном узле, все величайшие тайны природы и все величайшие интересы стремящегося к пониманию разума. Как постигнуть эту непостижимую тайну

изменения, как разрешить эту неразрешимую загадку жизни, об этом может быть сказано многое и различное. Но такова она по природе своей, что никто не может удержаться от того, чтобы не составить о ней какого-либо мнения. Мы выскажем то, которое представляется нам единственно возможным и мыслимым.

Если изменение не может быть произведено причинностью, то необходимо и ясно, что в нем присутствует еще нечто третье сверх причинности, что и есть истинная причина происхождения всего; т.е. что когда совершается что-либо в природе, то тут есть не только производящее и производимое, но еще нечто сверх их лежащее; что невидимо, но что есть, потому что есть видимое изменение, которое, не будучи произведено ничем видимым известным, требует для себя производителя в невидимом неизвестном. Это третье, без чего я не могу мыслить природу и без чего, я утверждаю, она не может быть понята разумно никем (и до сих пор не может быть никаких разногласий), — есть, по моему убеждению (и здесь начинается возможность разногласий), целесообразность. Она приводит к причинности и делает возможным, что последующее в совершающемся не походит на предыдущее; так что как будто и в предыдущем нечто исчезает совершенно, и в последующем нечто возникает вновь. Это-то исчезающее в прошедшем и возникающее в последующем, этот недостаток в причине сравнительно с тем, что лежит в следствии, и этот избыток лежащего в следствии над тем, что есть в причине, — и есть то, что сверх причинности, к чему бессильна она, что необъяснимо из нее и что мы вынуждены отнести к целесообразности, которая уничтожает в прошедшем ненужное и создает для будущего необходимое, помогая причинности извлекать следствие, к чему по природе своей неспособна она, и направляя эти следствия сообразно с планом, который заключен в ней самой.

XII. Учение о причинности, лежащей в Космосе, должно раскрыть и проследить причинное соединение всего существующего и всего совершающегося, т.е. определить, что с чем и какой формой причинности связано в природе. Таким образом, в этом учении выделится как бы скелет мира, на котором держится он; то сцепление всего со всем, которое делает различное только разнообразием в единстве и единичное — только частями целого.

Раскрывая эту причинность, следует наблюдать, чтобы нить раскрываемого была непрерывна, чтобы производящее всегда было смежно с производимым, т.е. переходило бы в него непосредственно, без всякого промежуточного третьего. Это правило весьма нередко опускается исследователями с грубым умом, и часто две вещи и два явления считаются причиною и следствием по отношению друг к другу только потому, что с изменением одного изменяется и другое, хотя природа их такова, что непосредственно перейти друг в друга они не могут. Так, напр., было бы грубо утверждать, что движение непосредственно переходит в теплоту, но следует указать на молекулярное движение, которое для ощущения является в форме теплоты и в которое преобразуется массовое движение, когда движущаяся масса почему-либо останавливается.

Что касается плана, по которому следует вести здесь изучение, то он может быть двойким, смотря по тому, что положится в основание его и что будет преобладающею целью изучения. Если в основание будет положено учение о формах причинности и если преобладающая цель изучения будет состоять в том, чтобы понять причинность в ее проявлениях в Космосе, то следует изучить сперва все существования в природе, и затем все преемства в ней, и потом результаты обоих изучений соединить в одно целое. Если же в основание будет положено деление самой природы на самостоятельные, типичные группы и если преобладающею целью изучения будет понимание не причинности, которая скрыта в природе, а самой природы, в которой скрыта причинность, тогда следует первоначально распределить природу на группы однородных вещей и явлений, затем раскрыть причинность в каждой из полученных групп и, наконец, соединить причинною связью самые группы. Смотри по тому, первый или второй план изучения будет принят, всю рассматриваемую форму науки следует назвать или учением о проявлении и распределении причинности в Космосе, или учением о причинах вещей и явлений в Космосе.

Следуя первому плану, рассматриваемая форма науки должна распасться на две ветви: на учение о причинном сосуществовании в Космосе и его распределении в пространстве и на учение о причинных преемствах

в Космосе и их распределении во времени; а конечный результат, завершающий все изучение, выразится в построении схемы, сложной, как самый мир, в которой от сосуществующих первоначальных причин будут нисходить являющиеся во времени преемства, безгранично ветвясь, сливаясь и разделяясь в своем дальнейшем следовании. Таким образом, схема эта будет как бы сетью, отдельные нити которой, тянущиеся — одни по направлению пространства, другие по направлению времени, будут указывать связующую причинность между вещами и явлениями в природе, которая соединяет все их в то целое и гармоничное, что мы называем Космосом. Напротив, следуя второму плану, вся рассматриваемая форма науки разложится на несколько самостоятельных учений, а заканчивающаяся схема примет вид отдельных групп, расположенных друг возле друга, но не друг под другом, и несколько нитей, соединяющих между собою эти группы. Так, напр., она может распасться на: 1) учение о происхождении элементов и о причинности в явлениях, происходящих между ними (химизм), 2) на учение о происхождении тел и о причинности в явлениях между ними и в них. Это последнее учение должно будет еще распасться на столько форм, сколько есть родов тел и родов явлений, в них и между ними происходящих, напр., учение о причинности в явлениях движения, теплоты, звука, света, гальванизма, электричества, магнетизма и пр.; 3) на учение о происхождении организмов и причинности в органических явлениях (питания, роста, кровообращения, размножения и пр. и пр.); 4) на учение о происхождении духа и о причинности в явлениях психических; 5) на учение о происхождении форм жизни и о причинности в явлениях, которые совершаются в этих формах жизни (в государстве, в искусстве и его видах, в науке, в экономических отношениях и пр.).

ХIII. Учение о причине Космоса не следует смешивать с учением о процессе его образования. Это последнее раскрывает, откуда произошло изменение в Космосе, выделяет и указывает источник мирового генезиса. Первое же должно раскрыть, откуда произошел этот самый Космос, видоизменяющийся в процессе генезиса.

Единственный путь к открытию и определению этой причины Космоса указывается в учении о соотношении между причиной и следствием. Если принять Космос за произведенное следствие, то причину его можно познать через рассмотрение его сущности, т.е. состава и строения, определяя, чем именно могло быть произведено то или другое в нем и что именно могло придать ему такое строение. В случае же невозможности положительного ответа можно приблизиться к истине, найдя ответ отрицательный: что именно не могло произвести того или другого в Космосе (напр., материю, или закон, или силу) и что именно не могло придать ему находимое в нем строение.

Глава X

УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

I. Предварительные замечания. Существует ли целесообразность? Представляет ли она что-либо отличное от причинности? Необходимость особого учения о целесообразности; состав этого учения. — II. *Общая теория целесообразности* и ее двоякая задача: изучение целесообразности в самой себе и изучение отношения целесообразности к другим сторонам бытия. — III. Определение целесообразности. Элементы ее: цель, средство, идея цели; разум как источник творческих идей. — IV. О форме существования, месте пребывания и сфере распространения целесообразности и членов ее; о различном отношении к существованию целесообразности как цельного процесса, существования средств и цели; строение и процесс как местопребывание целесообразности; знание первого и последнего членов целесообразности, возможное только для творческого источника ее, не есть единственное, с помощью чего могут быть распознаны целесообразные процессы; свойства промежуточных членов целесообразности; они могут быть выведены из наблюдений над деятельностью человека, несомненно целесообразною. — V. Плановость в строении, последовательность в развитии и постоянство чего-либо, к чему стремится изменяющееся, как признаки целесообразности; постоянство форм в органической природе; оно доказывается искусственным видоизменением этих форм, для чего требуется вмешательство целесообразной деятельности человека; если для произведения разновидностей организмов необходима сознательная деятельность, то и для произведения видов органических существ необходима причина, однородная с сознанием человека и сильнейшая, чем оно; видоизменения органических форм в прошедшем; они показывают, что постоянство форм в мире живых существ должно быть перенесено с настоящего на будущее. Противоположность в свойствах цели и средств. — VI. Источник целесообразности и трехчленный состав его: *intellectus in quo ideae rerum, idea rei** и творческий акт как непосредственная причина целесообразного

* разум, в котором суть идеи вещей, идея вещи (лат.).

процесса. Три источника непосредственных причин целесообразной деятельности: природа стремящегося, воля его и воля внешняя для него; идеи целесообразных процессов и отношение их к самим процессам; разум и отношение его к идеям целесообразной деятельности. — VII. Нравственная разумность в устройстве и развитии Космоса как следствие целесообразности; ее отрицание или признание безразлично для человека и для его жизни. — VIII. О четырех модусах целесообразности; причинная связь, присущая каждому модусу; их распределение в природе. — IX. О количественном соотношении между членами целесообразности; закон этого соотношения. Сила сопротивления среды, в которой действует целесообразность; сила средства, преодолевающая это сопротивление; элементы, на которые разлагается последняя; способность каждого из этих элементов замещаться при уменьшении возрастанием другого; предел этой способности; условия, увеличивающие силу деятельного начала в целесообразном процессе. — X. Об отношении целесообразности к существованию; две формы существования всякого целесообразного процесса — идеальная и реальная; первая есть потенция второй и неизменно должна предшествовать этой последней. — XI. Отношение целесообразности к сущности; необходимые части сущности, строение и процесс, создаются целесообразностью, переходящею из идеальной формы существования в реальную. — XII. Отношение целесообразности к свойствам; последние служат промежуточными членами в целесообразном процессе. — XIII. Отношение целесообразности к причинности; невозможность для целесообразности как чисто идеального начала непосредственно прикоснуться к действительному и привести его в целесообразное движение; причинность как посредствующее между целесообразностью и между действительностью; это объясняет, почему человек никогда не может открыть целесообразность в природе; синтез целого как единственный способ этого открытия. — XIV. Отношение целесообразности к сходству и различию; входя в сферу безразличного, целесообразность проводит в нем различающие деления и, вступая в однообразно совершающееся, соединяет изменения в группы своеобразных процессов. — XV. Отношение целесообразности к числу; стремление целесообразности множить роды и виды и сокращать индивидуумы. — XVI. *Учение о целях существующего и совершающегося в Космосе*; способ открытия этих целей; раскрытие процесса и строения как первая стадия в нем; определение нарастаний и направлений в нарастающем как его вторая стадия; мысленное продолжение наблюдаемых направлений до их естественного соединения как его третья стадия; вторичное прохождение идеи цели через сознание как момент открытия цели существующего и совершающегося. — XVII. О плане изучения целей в вещах и в явлениях Космоса; как должны быть открываемы цели сложного; о несовершенной целесообразности. — XVIII. *Учение о цели Космоса как синтеза существующего и совершающегося*; важность открытия этой цели для объяснения возникновения и сохранения Космоса.

I. *Учение о целесообразности* как о пятой стороне бытия распадается, подобно всем предыдущим, на три формы: на *Общую теорию*, в которой должно быть раскрыто, что такое вообще целесообразность, на *Учение о целях существующего и совершающегося в Космосе* и на *Учение о цели самого Космоса*.

Прежде чем перейти к рассмотрению этих форм, следует остановиться несколько на двух вопросах: на вопросе о том, существует ли самая целесообразность; и на вопросе об отношении ее к причинности. Это необходимо потому, что многие выдающиеся умы отрицают самое существование целесообразности и заменяют ее всецело причинностью. Необходимо поэтому предварительно убедиться, что *есть целесообразность*, и что то, что мы называем этим именем, *не есть причинность*. Только тогда предлагаемое нами учение, как необходимая форма науки, получит свое твердое основание и право занять соответствующее место в ряду других форм учения о познаваемом.

Итак, существует ли целесообразность как совершенное чего-либо, что мы называем средством для чего-либо, что мы называем целью? Несомненно, существует, хотя пределы ее распространения могут быть предметом трудных и запутанных споров. В жизни мы постоянно видим, что человек как в частной своей деятельности, так и в общественной ставит для себя некоторые цели, т.е. нечто несуществующее мыслит как должествующее и могущее осуществиться и направляет свою деятельность таким образом, чтобы она привела к осуществлению этой сознанной и желаемой цели. Итак, целесообразная деятельность есть, а с нею есть и форма науки, стремящаяся исключительно ее понять; хотя о том, как широко распространена целесообразность, сосредоточена ли она всецело только в пределах деятельности человека как разумного существа или же переступает эти пределы и распространяется и во внешней природе, об этом, как уже сказано, можно думать различно. А с этим вместе различно можно смотреть и на форму науки, которая занимается ею: или как равную ее можно поместить в ряду других учений о сторонах бытия; или, подобно учению об изменении, ее можно рассматривать как подчиненную и дополнительную ветвь учения о причинности.

Рассмотрим теперь сходство и различие между причинностью и целесообразностью. Причинность ясно обнаруживает в себе двучленность, хотя бы строение второго члена было и сложно, как в сосуществованиях: она всегда есть соединение производящего и производимого. Напротив, в целесообразности вместо этой раздельности мы находим единство: она есть явление, где цель вызывает к существованию что-либо, где произведшее и то, для чего произведено что-либо, есть одно. Зато в причинности, кроме двух членов, мы не находим ничего третьего; напротив, в целесообразности, кроме того, что стремится к какой-либо цели, и кроме самой цели, вызвавшей к существованию и направившей к себе это стремящееся, мы чувствуем присутствие третьего, что вложило в вещь или в явление цель, ради которой первое существует и второе совершается. За целью мы всегда усматриваем незримую причину ее, и эта причина не может быть ничем иным, как только сознанием, потому что по самой природе своей целесообразность всегда разумна: в ней есть предусмотренность, а предусматривать что-либо может только разум. Далее, в причинном соединении оба члена равнозначащи и равносильны: причина была некогда следствием, и следствие будет со временем причиною — они равны между собою; в целесообразности средство есть нечто пассивное и покорное по отношению к цели, которая господствует над ним, создает, формирует и изменяет его сообразно с собою. Причинность поэтому есть полная реальность; в целесообразности реальное (средство) есть нечто временное, не самосущее, не значащее, — действительно же и значащее в ней одно то, что еще будет и ради чего пребывает или совершается то, что есть. Так что если бытием, существующим признавать только видимое, осуществленное, то в целесообразности нам представится замечательное явление господства небытия над бытием, того, чего нет еще, над тем, что есть или совершается. Наконец, и в самом отношении причины к следствию и цели к средству есть большое различие: следствие исходит из причины как бы отталкиваемое ею, средство стремится к цели как бы притягиваемое ею. Поэтому причинность слепа: здесь все истекает, но никуда не стремится, здесь есть определенность в прошедшем, но нет определенности в будущем; напротив,

целесообразность сознательна: здесь все, совершающееся в настоящем, совершается для определенного в будущем, что ранее прошло через сознание создавшего цель и употребляющего средства.

Теперь мы можем перейти к рассмотрению внутреннего строения учения о целесообразности.

II. *Общая теория целесообразности* должна образовывать понимание того, что такое цель и средство как два члена, хотя и не равнозначные, но тем не менее одинаково необходимые в целесообразности; и что такое самая целесообразность как система, состоящая из соединения этих членов. Далее, в этой же общей теории должно быть рассмотрено отношение целесообразности к другим сторонам бытия.

Для большего удобства изложения, ясности доказательств и для избежания повторений мы и здесь несколько изменим порядок учений, образующих собою общую теорию; именно, прежде рассмотрим сущность целесообразности, затем ее существование и, наконец, обратимся к другим сторонам ее.

III. *Под целесообразностью я разумею существование или совершение чего-либо в настоящем для осуществления в будущем того, что было создано в прошедшем.* Это определение еще точнее можно выразить на самом точном из языков: в бытии мы всегда имеем дело с целесообразностью, *quum quod in re ideam rei in rem facit, et ad hoc res est**; т.е. когда действительное превращает помысленное действительным в действительность. Из этого определения целесообразности ясен трехчленный состав ее. Она есть соединение трех неравнозначных членов: существующего или совершающегося для чего-либо, что мы называем *средством*; того, для чего что-либо существует или совершается, что мы называем *целью*; и, наконец, из *сознанного*, которое осуществляется через средство в цели. Однако соединение это отлично от тех соединений, с которыми мы имели до сих пор дело и которые все были причинными. В целесообразности перед нами открывается скорее явление сложного творчества; и связь членов ее есть связь творимого, творящегося и творческих идей. Три явления эти, соответственно расположенные, пра-

* Букв.: когда то, что в вещи, превращает идею вещи в вещь, постольку оно и является вещью (лат.).

Видно вытекают из того, что скрывается за ними тремя, в чем появилась цель и что употребило средства — *creator ideae rei**. Необходимость его существования становится ясна тотчас, как только мы правильно назовем члены целесообразности:

<p><i>id, quod res erit per id, quod res est, ab eo qui intelligit ideam rei</i></p> <p><i>id, quod res est ad id, quod res erit per eum, qui intelligit ideam rei</i></p> <p><i>id, quod idea erat, ejus, quod res erit, in eo, qui intelligit ideam rei</i></p>	}	<p><i>intellectus, in quo ideae rerum sunt, et qui per res ideas suas in res facit**.</i></p>
---	---	---

Что действительно таков состав целесообразности, в этом легко можно убедиться, рассмотрев какой-либо единичный пример ее. Так, в сфере человеческой деятельности какое-либо учреждение, закон, реформа или что другое подобное задуманное есть цель; то, что предшествует осуществлению этого задуманного и подготавливает его, есть средство; то, что предшествует сознательному употреблению средства, есть идея того, что осуществится с выполнением цели; и, наконец, за всю эту целесообразную деятельность лежит дух, в котором возникла идея будущего желаемого и который находит и употребляет средства для ее выполнения. Напр., целесообразная деятельность нашего государства, выразившаяся освобождением закрепощенного прежде сословия земледельцев, распадается на 1) реформу, 2) ее подготавливание и осуществление, 3) идею реформы, 4) сознание, в котором возникла эта идея. Подобным же образом и на те же части распадается и всякая целесообразная деятельность. Эти члены суть постоянные, необходимые и неизменные элементы целесообразности.

* *творец идеи вещи (лат.).*

** того, что является вещью, [что устроено] тем, кто понимает идею вещи то, что является вещью, [предназначенной] для того, что будет вещью, посредством того, кто понимает идею вещи то, что было идеей того, что будет вещью, [и существовало] в том, кто понимает идею вещи

разум, в котором существуют идеи вещей и который посредством вещей претворяет свои идеи в вещи (лат.)

Перейдем теперь к определению этих членов: *цель* есть то, что через существующее осуществляется сознавшим ее как достойное существования (*res, in quam idea rei per id, quod in re, fit**), или просто — *осуществляемое*, т.е. становящееся действительным, но чего еще пока нет. *Средство* есть то, через что осуществляется сознанием достойным существования (*id, quod in re ad ideam rei in rem faciendam***), или просто — *осуществляющее*, т.е. то, что существует, но не для себя, а для того, чтобы существовало другое. *Идея цели* есть образ или понятие, которое возникает в духе и стремится выразиться в веществе (*idea rei est id, quod in intellectu nascitur et in materia exprimitur****), или просто *осуществляющееся* — то, что пребывает в целесообразности и движет ее, что через нее как процесс находит свое осуществление.

IV. Определив, таким образом, что такое целесообразность и каков состав ее, перейдем к определению формы существования, места пребывания и сферы распространения ее.

Что касается до *формы существования*, то несомненно, что многие из явлений целесообразности имеют их все три: потенциальную, образующуюся и реальную. Так, напр., известное целесообразное действие человека существовало потенциально в разуме его, который был способен создать цель, которую создал; образовывалось, когда цель эта возникала и уяснялась в его сознании; и, наконец, существует реально, когда целесообразное действие совершается, происходит. Другие явления целесообразности имеют, как кажется, форму существования вечную реальную; но это темная сторона вопроса, требующая точнейших изысканий для своего утверждения или отрицания. Справедливость или ошибочность предположения о том, что существует такая вечная форма целесообразности, зависит от того, раздвинем ли мы пределы ее за границы человеческой деятельности или всецело заключим ее

* Букв.: вещь, в которую превращается идея вещи посредством того, что [существует] в вещи (лат.).

** Букв.: то, что [существует] в вещи для того, чтобы идею вещи превратить в вещь (лат.).

*** Букв.: идея вещи есть то, что возникает в разуме и выражается в материи (лат.).

в этих границах. В первом случае несомненно окажется, что нечто вечно пребывающее в природе вечно выполняет какую-нибудь цель; во втором случае все явления целесообразности будут необходимо временны, как временна вся деятельность человека.

Цель же и средство в форме своего существования обусловлены формой существования целесообразности, в пределах которой они заключены и которую они образуют собою. Но в самой природе их существования есть большое различие: цель существует временно или вечно, смотря по тому, как существует целесообразность, в которой она лежит, но при этом она остается неподвижна и неизменна во все время пребывания заключающей ее целесообразности; напротив, средство изменчиво: оно может быть уничтожено и заменено другим. И то и другое вытекает из самой природы этих членов целесообразности и логически выводится из определений этой природы: цель не может ни уничтожаться, ни изменяться без разрушения всей целесообразности, потому что для нее нечто пребывает или совершается, но не она для чего-либо пребывает или совершается — так что нет ничего, что имело бы силу ее уничтожить или изменить; средство же, пребывая для другого, а не для себя, может быть изменено, если этого требует другое, или даже — уничтожено и заменено иным средством, если оно лучше ведет к той же цели.

Сферой же, где пребывает целесообразность, может быть как в вещах, так и в явлениях только строение, т.е., следовательно, в первых — форма и во вторых — процесс. И в самом деле, все пребывающее (вещи в обширном смысле), как это уже было высказано ранее, разлагается на вещество, из которого оно состоит, и на строение, которое приняло вещество в том, что из него состоит. Но в веществе целесообразность не может быть заключена, потому что вещество повсюду одно, а цели различны; напротив, строение столь же разнообразно в вещах, как и цели их, и, следовательно, может быть выражением и органом целесообразности; а так как этим выражением не может быть вещество, то, следовательно, строение не только может, но и необходимо есть выражение целесообразности. Далее, вещество вне формы не имеет направления: оно повсюду однородно, тождественно и не имеет в себе различий;

для целесообразности же, которая по самой природе своей есть стремление целесообразного к чему-либо, что мы называем целью, — необходимо направление; и именно в форме это направление, столь необходимое для целесообразности, не только присутствует в высокой степени, но и составляет ее собою: форма и есть само направление или, точнее, система направлений в известном порядке расположенных, т.е. так же направленных. Справедливость этих теоретических положений подтверждается единичными примерами: цель стола, дома, государства выразилась в их строении, форме, а не в веществе и вообще не в том, из чего они состоят (в рассмотренных примерах — не в дереве и не в массах людей и земель, но во взаимном расположении и соотношении частей). С другой стороны, теоретические положения утверждают необходимость и всеобщность замечаемого в единичных случаях: не только в столе, доме и государстве целесообразность выражена в строении, но, напротив, в этих вещах она выражена в форме потому, что они суть конкретные воплощения целесообразности, которая всюду и вечно выражается необходимо в строении. Также и *совершающееся* состоит из того, что участвует в совершении (например, газы в горении), и из самого процесса совершения (например, в явлении горения процесс соединения атомов горящего тела с атомами кислорода). Но участвующее в каком-либо единичном совершении присутствует не только в нем одном, но и во многих других процессах, цели которых все различны; напротив, одни и те же процессы всегда имеют одну цель. Следовательно, целесообразность лежит в механизме процесса, а не в том, что процессирует. Далее, в процессе есть движение, которое так же необходимо для целесообразности, как и направление, потому что она (целесообразность) есть осуществление несуществующего, т.е. стремление того, что есть, к выражению в себе того, чего нет; напротив, в том, что процессирует, не заключается никакого движения, если из него изъят процесс.

Эти общие теоретические положения имеют неизмеримую важность для определения целей единичных вещей и явлений. Раз мы знаем, в чем именно может быть *скрыта* цель чего-либо познаваемого, мы можем *раскрыть* ее через разложение скрывающего; познавая

направления в формах и в процессах — можем высвободить из них затаенную в вещах и в явлениях целесообразность, можем определить далекие цели, к которым они стремятся, проникнуть в творческий план источника, из которого изливается поток явления и исходит мир вещей.

Определяя область распространения целесообразности, нет строгой необходимости основывать это определение на открытии первого и последнего членов целесообразности. Правда, когда в вещи или явлении доказано присутствие цели или идеи цели (*res, in quam id, quod in re; aut idea rei quae in rem per id, quod in re**), тогда несомненно, что они составляют средние члены целесообразности (*id, quod in re***). Но такое доказательство невозможно для вещей и явлений внешнего физического мира, в котором открыто для нас одно то, что происходит (*quod in re*), и скрыто все, что произойдет и что произошло (цель и идея цели). А между тем строгое доказательство присутствия или отсутствия целесообразности в этом именно внешнем для человека мире и составляет весь интерес и всю задачу рассматриваемой теперь части науки, потому что присутствие целесообразности в другом мире, в мире внутреннем для человека, несомненно для нашего разума, так как он сам есть источник этой целесообразности и непосредственно сознает ее. За невозможностью, таким образом, прямого открытия целесообразности в природе следует употребить косвенные пути для этого. И эти косвенные пути есть, и притом могущие привести столь же верно к цели, как и невозможный прямой путь. Можно, в самом деле, не через открытие первого и последнего членов познать, что существующее и совершающееся целесообразно, но, наоборот, через открытие целесообразности в существующем и в совершающемся познать цели, которые выполнит со временем природа, и творческие планы, которые были некогда вложены в нее. Эти пути следующие: целесообразность во внешней природе будет доказана, если что-либо в ней, не произведенное действием человека, окажется обладающим такими свойствами, от-

* вещь, в которую [переходит] то, что в вещи; или идея вещи, которая [переходит] в вещь посредством того, что в вещи (*лат.*).

** то, что [существует] в вещи (*лат.*).

носителем которых будет доказано, что они, во-первых, присутствуют в целесообразности и, во-вторых, не могут присутствовать ни в чем другом, как только в ней одной. Открыть же эти определяющие, т.е. постоянные и исключительные, признаки возможно следующим образом: в сознательной деятельности человека нам даны несомненные образцы целесообразности; определив свойства этой деятельности, мы определим свойства, которые вообще присутствуют в целесообразности; исключив из этих свойств все, которые то встречаются, то не встречаются в сознательной деятельности человека, мы получим в остатке ряд признаков, относительно которых есть значительное основание предполагать, что они связаны каким-либо неизвестным образом с самой сущностью целесообразности; чтобы открыть эту связь и тем придать им (признакам) характер необходимости, постоянства и исключительности, следует обратиться к логическому определению целесообразности и вывести из него атрибуты ее; когда выведенные теоретически атрибуты совпадут с наблюдаемыми постоянными признаками, то последние можно принять за определяющие. Пользуясь ими, как несомненными критериями, мы можем обратиться к явлениям мира неорганического и органического и к явлениям космическим в тесном смысле, дабы или, открыв в них присутствие этих определяющих признаков, признать их целесообразными, или, удостоверившись в их отсутствии, убедиться, что им чужда целесообразность.

V. Вопрос о свойствах целесообразности является, таким образом, основным и решающим в общей теории об этой стороне Космоса; и именно вследствие этого решающего значения — трудно высказать что-либо положительное об них (свойствах), потому что всякая ошибка или простая неточность может повести здесь к многочисленным заблуждениям.

Так, относительно разумной *планомерности* в расположении вещества и разумной *последовательности* в развитии явлений — признаки, которые, по-видимому, исключительно присущи целесообразности, — необходимо строго убедиться, что они не могут быть ни в каком случае произведением причинности; что невозможно такое сочетание бессознательных сил природы и элементов веществ, в результате взаимодействия

которых получилось бы нечто планомерно устроенное или последовательно изменяющееся; хотя, правда, возможность такой «игры природы» представляется так же мало вероятной, как мало вероятно, чтобы падающие с дерева листья образовали собою правильные геометрические фигуры или чтобы из бесцельных постукиваний по клавишам рояли человека, незнакомого с музыкой, образовалось художественное музыкальное произведение. В самом деле, почти невозможно не согласиться, что разумное может быть произведением только разума, планомерное — только плана, стремящееся к одному чему-либо — только цели; и что если есть что-либо подобное в природе, то в ней есть и разум, и план, и цель, хотя они и неизвестны нам.

Поэтому в том, что мир органический, как в целом, так и во всех частях своих устроен столь правильно, в том, что растения и животные — не одно, но все, повсюду и вечно — развиваются из семени и зародыша в полные формы, проходя постоянно через одни и те же последовательно сменяющиеся стадии, — во всем этом так же трудно видеть игру слепых сил природы, как трудно было бы допустить (мы берем совершенно параллельные примеры), что остатки разбиваемых в океане кораблей, не одного и не некоторых, но «всех, повсюду и вечно», были прибываемы волнами именно в те самые порты, в которые им нужно было плыть и куда их направляла первоначальная сознательная воля, теперь замененная не знающими целей силами природы; или что человек, выброшенный на необитаемый остров, нашел в лесу несколько деревьев, которые так последовательно подгнили, при падении так планомерно обломались и упали так целесообразно, что из них сложился дом, со всеми необходимыми частями его, и притом именно так расположенный, как к тому привык выброшенный на остров путешественник; или, наконец, что из слов, бессознательно говоримых помешанным человеком, образуются правильные доказательства геометрических теорем. Конечно, сказанное все еще не точное доказательство, так как нет логической невозможности в том, чтобы остатки кораблей прибывались волнами, куда плыли, чтобы из упавших случайно деревьев образовалось что нужно и чтобы из бреда помешанного выходила геометрия: если, повинувшись случаю, получается другое, то почему

не получиться и этому? но и утверждающие, что планомерность и последовательность может быть произведением причинности, не привели ничего доказательного в подтверждение того, что все подобное указанным примерам действительно может случиться.

Определим точнее, в чем именно заключается эта планомерность и последовательность как вероятные признаки целесообразности; из этого определения станет ясно, почему мы прежде всего остановились на них. *Планомерность есть такое расположение частей чего-либо, при котором понимающий разум человека, зная о существовании и положении некоторых, открывает и определяет положение остальных, ему не известных частей, которые, будучи найдены, оказываются такими и так расположенными, как он предугадал; последовательность же в развитии есть преемственная смена таких форм развивающегося и в таком порядке одна за другою следующих, что понимающий разум, изучив несколько их, по две смежных из несмежных частей ряда, может затем по всякой предыдущей форме определить последующую и по всякой последующей — предыдущую.* Таким образом, между планомерностью и последовательностью, с одной стороны, и между разумом — с другой, открывается такое соотношение, что разум, превратив нечто из существующего в акты сознания и затем отдавшись внутренней деятельности по законам своей природы, получает в себе другие акты сознания, вполне соответствующие неизвестной, но потом открываемой действительности. Поэтому-то именно планомерность и последовательность мы и признали определителями целесообразности, что в них воспринимаемое разумом из мира реального (*quod in re**) есть как бы уже ранее прошедшее через сознание (*idea rei***); потому что сознание одно, не руководясь дальнейшею действительностью, развивает это воспринимаемое так, как оно развивало бы чистый акт сознания и при этом в результатах совпадает с действительностью, которая, таким образом, является совершенно таковою, как если бы в ней развивалось чистое сознание. Вот почему если бы эмбриологам в процессах развития, а зоологам и ботаникам в развитых формах

* что в вещи (лат.).

** идея вещи (лат.).

удалось теоретически определить какие-либо недостающие промежуточные формы и затем открыть их в действительности, то целесообразность во внешней природе, присутствие скрытого в ней или за ней психического начала, нам думается, была бы доказана.

К этим двум вероятным определителям мы присоединим еще третий: *постоянство чего-либо, к чему стремится непостоянное*. И в самом деле, ни в причинности, ни в чем-либо другом, кроме членов целесообразности, мы не знаем этого отношения, при котором нечто неподвижное (цель) влечет к себе движущееся (средство). Поэтому если во внешнем физическом мире есть такие постоянные формы, к воплощению которых неизменно стремится природа, то их следует признать за последние члены целесообразности (*res, in quas id, quod in re**). Такую неподвижность мы находим в формах органического царства, уже образовавшихся, и такую изменяемость стремящегося к ним — в сменяющихся стадиях эмбриологического процесса, вырабатывающего эти постоянные формы. Каждое растение и каждое животное, при каких бы различных условиях они ни развивались, всегда развиваются в одни и те же твердо установленные типы. Так, корни картофеля никогда не вытянутся в длинные и тонкие ветви, как бы мы ни приспособляли к этому почву, уплотняя ее в горизонтальных направлениях и разрыхляя в вертикальных, плющ никогда не перестанет извиваться, роза никогда не начнет отвратительно пахнуть. Между тем при отсутствии целесообразности в органическом веществе оно, как совершенно пассивное, не оказывало бы никакого сопротивления внешним давящим условиям и тотчас, *без промедления*, уступало бы силе их. Это постоянство органических форм и упорство, с которым природа стремится к воплощению их, нигде не обнаруживается с такою поразительною ясностью, как в одном факте, который по странному недоразумению всегда приводился в доказательство отсутствия постоянных органических типов. Я говорю об искусственном видоизменении органических форм путем последовательной и долгой культуры. И в самом деле, что еще с такою силою могло бы доказать постоянство форм в природе, как доказыва-

* вещи, в которые [переходит] то, что в вещах (*лат.*).

ют явления, наблюдаемые в этих культурах, где все искусство человеческого разума, свободно видоизменяющего условия жизни *сообразно целям* своим, только через долгое время, путем постоянного, неослабевающего давления отклоняет организмы от тех постоянных форм, к которым они неизменно стремятся в свободном состоянии, — и при этом отклоняет только в ничтожном, в *незначашем*, и только *на время*, потому что, возвращаясь в естественное, дикое состояние, эти организмы снова приобретают прежний вид. Спрашивается, какая сила, исходящая *изнутри* организмов, сопротивляется силе разумной воли человека, давящей *извне* на них, и не позволяет тотчас же, в существенном так же легко, как и в несущественном, изменяться под этим давлением? что, как не постоянство установленных в природе форм, влечет изменяемые искусственно формы к прежнему виду? И если, как в этом убеждает нас палеонтология, все формы органического мира все-таки видоизменялись, то тот поразительный факт, что не неправильно шло это видоизменение, что во все бесконечно продолжительное время своего существования типы животного и растительного царства ни разу не упростились разложившись, но постоянно совершенствовались усложняясь, не доказывает ли только, что постоянные и уже вечно неподвижные типы не те, которые живут теперь, но те, к которым незаметно стремятся живущие, и что, таким образом, постоянство форм не отрицается, но только переносится из настоящего в будущее, и мир, в котором живем мы, — не *res, in quam id, quod in re erat**, но *id, quod in re ad ideam rei in rem faciendam***. И наконец, что все высказанное в высокой степени вероятно, что именно целесообразность, и не бессознательная, но разумная, скрывается за всеми этими необъяснимыми фактами органической жизни, это подтверждается, и уже фактически, теми же явлениями, которые наблюдаются в искусственных культурах, о которых мы упомянули выше: не слепая случайность и не неумелая рука обыкновенного человека производит искусственные разновидности в организмах, но величайшая предусмотрен-

* вещь, в которую [переходит] то, что в вещи (*лат.*).

** то, что [существует] в вещи ради претворения идеи вещи в вещь (*лат.*).

ность, все направляющая к одной цели, заранее сознательной. И если разумная человеческая целесообразность ничтожно и на время отклоняет целесообразность, движущуюся в природе, как бы перерезывая ее в путях ее, подобно тому как воды реки на ограниченном пространстве и на ограниченное время отклоняют воды океана, вторгаясь в них, если для произведения немногих и незначительных разновидностей — весь плод творчества человека — требуется необходимо разум и его целесообразная деятельность, то как отвергнем мы, что в создании всего органического мира, который, как море на каплю, похож на искусственные разновидности и, как море же каплю, превосходит их в величине, разнообразии и красоте своей, как отвергнем мы, что он, *во всем подобный, но больший, был произведен* не разумом и целесообразностью, но случайностью, т.е. *причиной во всем противоположную разуму и меньшею, чем он?* Но если так, если целесообразность произвела этот мир — после всего высказанного здесь и ранее уже не понимание, нам думается, но только воля может сопротивляться принятию этой истины, — тогда какой страшный разум, какая бесконечная воля, какая неизмеримая предусмотрительность живет и господствует в природе, направляет, движет и устрояет ее? не столь же ли превосходит этот разум и воля разум человеческий и волю его, как превосходит мир им созданный и устроенный те маленькие теплицы и террариумы, в которых так несовершенно господствует человек и с такими усилиями иногда успевает осуществлять некоторые из своих планов? И говоря так, мы только доканчиваем строгую логическую аналогию: для произведения одного и того же по природе факта требуется однородная по существу причина, и если произведенные факты различны по величине, то причина, произведшая больший факт, должна во столько же раз превосходить в своей силе причину, произведшую меньший факт, во сколько тот первый превосходит собою этот второй.

Переходя далее к свойствам членов целесообразности, следует остановиться на взаимной противоположности тех из них, которые присущи цели и средству. Противоположность эта вытекает из противоположности в самой природе этих двух членов целесообразности. Так, например, тогда как цель неуничтожима

и неизменна, средство изменчиво и преходяще; также цель по самой природе своей конечна, потому что иначе она не была бы целью, средство по самой природе своей промежуточно, потому что иначе оно не было бы средством; и т.д.

VI. Источник, откуда исходит всякая целесообразность, имеет трехчленное строение. Он распадается на три формы, из которых каждая предыдущая обнимает последующую и через нее приближается к тому единичному конкретному процессу целесообразности, который производит: именно *intellectus in quo ideae rerum sunt**, как творческий первоисточник неопределенного числа целесообразностей; *idea rei***, или представление, об единичном целесообразном процессе, которая возникает *in intellectu**** и которой в точности соответствует осуществляемый по ее плану процесс; *непосредственная причина*, с которой начинается целесообразный процесс, в которую воплощается *idea rei* и через которую, как смешанную из идеальных и реальных начал, она (*idea rei*) сближается до соприкосновения с производимым целесообразным процессом. Например, разум человека (*intellectus*) есть первоисточник идеи монархического, республиканского или какого иного государства, наряду со многими другими идеями; идея, положим, республиканского государства (*idea rei*) есть причина известного ряда поступков и слов того (или тех), в ком пробудилась она; эти поступки и слова есть уже непосредственная причина видоизменения каких-либо существующих учреждений; таким образом, на месте прежнего государства возникает республика.

Рассмотрим каждую из этих стадий порознь, начиная с ближайшей к производимому процессу.

Непосредственных источников происхождения целей три: *природа стремящегося* к цели, например когда человек, стремясь к какой-либо цели, положим к познанию существующего, свободно отдается влечению своей природы или части ее, в данном случае разума, или напр. когда растение развивается в определенные формы; *воля его*, напр. когда человек стремится к цели, которая создана его разумом, но которая не имеет

* разум, в котором существуют идеи вещей (лат.).

** идея вещи (лат.).

*** в разуме (лат.).

необходимого отношения ни к этому разуму, ни вообще к природе человека, — таковы различные общественные и политические цели; *воля, лежащая вне стремящегося* и направляющая его к цели, напр., когда человек заставляет выполнять свои цели формы растительных и животных организмов.

Идей целесообразных процессов столько, сколько есть родов этих процессов; но при этом всякая такая идея есть необходимо *идея рода* (*idea rei abstractae**), напр. идея государства; а всякий процесс, возникающий из такой идеи, есть необходимо единичный и конкретный (*ex idea rei abstractae res concreta nascitur***), напр. это одно государство, а не государство вообще. Разум так же не может создать чего-либо конкретного, как воля — чего-либо абстрактного.

Наконец, разум (*intellectus*), в котором возникают идеи, есть всегда и необходимо первоисточник всякой целесообразной деятельности, потому что последняя невозможна без *idea rei*, а *idea rei* невозможна без разума. При этом разум есть не только первый источник целесообразной деятельности, но и источник творческий, потому что он не промежуточен в целесообразности, как промежуточна *idea rei*, лежащая между осуществляемой вещью (цель) и между осуществляющим разумом, но начален: из него исходит весь процесс и в нем начинается, т. е. он из себя творит его. Далее, произведение целесообразного процесса есть всегда свободный акт творческого разума — и это уже прямо вытекает из первоначальности этого акта; но раз созданное этим актом разум не может уже ни изменить в том, что касается цели, ни уничтожить; и это потому, что разум разумен и не может ни противоречить себе, ни противустать тому, что возникло в нем, ни изменить природы цели, о неизменности и неуничтожимости которой мы говорили ранее. Так, человек, если в нем раз возникла какая-либо идея, не может ни уничтожить ее в себе, ни перестать стремиться к ее осуществлению; так что деятельность разума свободна только по отношению к творческому акту и по отношению только к возникновению сотворенной им идеи; но она необходима в отношении к развитию

* идея абстрактных вещей (*лат.*).

** из идеи вещи абстрактной возникает вещь конкретная (*лат.*).

однажды возникшей идеи и в отношении к выполнению ее. Так, раз возникла в разуме идея, что польза есть верховное начало человеческой жизни, он уже не в состоянии воспрепятствовать ни всестороннему логическому развитию в себе этой идеи, ни осуществлению ее в действительной жизни. Поэтому-то разум есть творческая потенция идей целесообразной деятельности хотя и неопределенных по количеству, но определенных по свойствам: именно идей только правильных, т.е. разумных.

VII. Каково назначение, выполняемое целесообразностью в жизни природы; что́ дает она ей, проникая ее? На этот вопрос можно найти решение, мысленно удалив целесообразность из жизни природы и исследовав, что́ стало бы тогда с этой последнею. Если бы возможно было выделить из Космоса целесообразность и удалить ее, то, правда, он не потерял бы способности к существованию и даже продолжал бы оставаться по-прежнему разумным, т.е. гармонически устроенным и доступным для понимания; причинность одна в состоянии вынести на себе тяжесть мира и не допустить его до расстройств. Но с удалением целесообразности мир лишился бы нравственного смысла и утратил бы некоторую высшую разумность, которая лежит в нем. Итак, назначение целесообразности состоит в том, чтобы, проникая бытие, придать ему нравственное значение и сообщить ему высший разумный смысл, т.е. одухотворить его.

И в самом деле, если б в бытии не лежало целесообразности, то это значило бы, что оно бесцельно и, следовательно, в высшем значении — бессмысленно. Правда, каждая часть в нем, по-видимому, имела бы цель — именно произведение того, что́ она производит, повинувшись закону слепой причинности; и это произведенное также производило бы нечто другое и в этом имело бы свое кажущееся назначение. Но в последнем анализе последнее звено всего ряда производящих причин и производимых следствий не было бы целью; это было бы что-нибудь столь же малое, как и всякое другое звено в причинной цепи, а вовсе не что-либо такое по своему внутреннему значению, что для него одного мог бы возникнуть мир и развиваться столько времени. Мир закончился бы чем-нибудь незначащим, и это необходимо, — потому что в этом

и состоит отсутствие целесообразности. Таким образом, в высшем смысле мир во всем своем целом был бы что-то случайное и, следовательно, ненужное. Его существование обратилось бы в какую-то шутку, впрочем без всякого серьезного значения и совершенно без задней мысли.

С тем вместе он утратил бы всякий нравственный смысл и всякую высшую разумность. По-прежнему оставалось бы понятным, почему и для чего существует каждая часть в нем; но почему он весь существует, для кого он нужен в целом своем, — это стало бы непостижимо или, что точнее и хуже, было бы слишком постижимо, что он ни для чего не существует и, в сущности, никому не нужен. Правда, мы и теперь не знаем его последней цели, а с этим вместе не знаем и *настоящей* причины, почему он возник, и глубочайшего смысла, который скрыт в нем. Но раз в нем есть целесообразность, мы знаем, что в финале космического развития появится нечто столь достойное и великое, что станет постижимо, для чего возникло это бытие и развивалось в прошедшем столько веков, а с тем вместе и мимолетное настоящее, и наша жизнь в нем получают высокий смысл, значение глубокой мировой необходимости. Мир, следовательно, станет не *непостижимым*, но только *не постигнутым*, и постижение его станет первым назначением человека, как одаренного разумом. Выполнение этого назначения наполнит интересом жизнь человека и привяжет его к этой жизни, а сознание скрытой мировой необходимости в своем существовании воспитает в нем сознание долга нести бремя этой жизни даже и тогда, когда оно становится невыносимым. Наконец, и всем проявлениям его деятельности сообщится тогда разумность, планомерность, и он почувствует необходимость этой разумности и планомерности. Напротив, раз в Космосе нет целесообразности и человек сознал это, в его жизни все становится одновременно и возможным, и невозможным. Потому что если все существует ни для чего, то почему бы из существующего хоть что-нибудь необходимо должно существовать? или почему бы из того, чего еще нет, хоть чему-нибудь нельзя было осуществиться? При таком сознании нет основания, на котором хоть что-нибудь можно было бы построить в жизни, потому что нет ничего, о чем бы

можно было сказать, что *для него* то или другое строится. С другой стороны, тогда нет и орудия, с помощью которого возможно было бы воспрепятствовать появлению чего-либо в жизни, потому ни против чего нельзя привести разумного довода. Ничто ни перед чем не имеет преимущества в праве на существование, потому что все одинаково бесцельно, не нужно и бессмысленно. Все сливается в одно безразличное, и в этом безразличном моя воля, каприз, насмешка, безумие и для меня, и для целого мира равнозначащи со всем, что когда-либо считалось или вздумает считаться великим и достойным. Мир — великая шутка, и в нем можно только шутить. Все его бесконечное развитие — только нескончаемая улыбка идиота, в которой ни мой гений, ни мое безумие ничего не убавит и ничего не прибавит. При таком сознании человек не может и не должен жить. Среди бессмысленного, принимая участие в этом бессмысленном, могут жить только бессмысленные существа; и все, что носит на себе не только внешний облик человеческий, но и дух его, должно отказаться от этого бессмысленного, выйти из бесцельного круговращения его, и это будет последний, необходимый и достойный акт его разумной воли. Как разумное существо, я отрицаю бессмысленный мир; и так как он все-таки остается бессмысленным, то я ухожу из него — вот необходимое заключение идеи о бесцельности Космоса.

Таким образом, с вопросом о признании или отрицании целесообразности открывается для человечества два пути: один — путь отчаяния и гибели, не единичного, не личного, но всеобщего, мирового; отчаяния за всю историю, бессмысленно совершившуюся, гибели для всего человечества, которому уже нечего более ждать. Это — *finis humani generis**. Другой путь — путь признания великой разумной целесообразности, скрытой в мире; путь жизни, посвященной раскрытию этой целесообразности и приведению себя и своей деятельности в соответствие с нею. Это — эра нового, великого и заканчивающего периода в истории человечества, к которому во всю свою предшествовавшую историю только готовился он и в сравнении с которым его минувшая жизнь — только блуждание в преддвериях к истинной жизни.

* конец человеческого рода (лат.).

Говоря так, мы не хотим сказать, что важные жизненные соображения должны побудить человека согласиться на признание целесообразности в мире, чтобы избрать второй путь и избежать первого. Погибнет или не погибнет человечество, вопрос этот ничего не изменяет в вопросе о существовании целесообразности: ни человеческое счастье, ни человеческие бедствия не придадут бытию целесообразности, если в нем нет ее, ни отнимут ее, если она есть в нем. Целесообразность в мире есть факт внешний для человека, не подчиненный его воле, и признание или отрицание этого факта есть дело исключительно его познания. Да и не согласится человечество обмануть себя из малодушия — признать то, чего нет, чтобы сохранить за собою жизнь. А если в тяжелую минуту предсмертного томления оно и сделает это, оно не вынесет долго обмана: тайное сознание, что нет того, ради чего живет оно, заставит людей по одному и не высказываясь оставлять жизнь.

Но высказанное имеет целью побудить глубже задуматься над этим вопросом. Никто, как кажется, и не догадывается о том, как тесно многие отвлеченные вопросы связаны не только с важными интересами человеческой жизни, но и с самым существованием этой жизни. Никому не представляется, что то или другое разрешение вопроса о целесообразности в мире может или исполнить человеческую жизнь высочайшей радости, или довести человека до отчаяния и принудить его оставить жизнь. А между тем это так. Отчаяние уже глухо чувствуется в живущих поколениях, хотя его источник ясно и не сознается. Вот почему легкомысленное разрешение вопроса о целесообразности — а мы не имели до сих пор других — есть не только глупость, но и великое преступление. Те, которые играют этим вопросом, правда, не чувствуют его важного значения, что доказывается тем, что, отрицая целесообразность, они продолжают жить, т.е. кружиться среди бессмысленного для них же самих и трудиться ни для чего по их же сознанию. Логика мысли и жизни — вообще удел не многих. Но как у легкомысленных писателей могут быть серьезные читатели, так у легкомысленных отцов — дети с глубокою душою, и то, что чувствуют и что делают теперь единичные люди — я говорю об отчаянии и смерти, — то со временем могут почувствовать поколения и народы.

VIII. Типов целесообразности или, точнее, модусов целесообразного процесса — четыре, а форм, под которыми являются члены ее — две. Эти члены — средство и цель — бывают или *вещью* (то, что существует), или *явлением* (то, что совершается), принимая эти слова в обширном значении. Четыре же модуса, под формою которых является целесообразность в природе, обуславливаются четырьмя возможными перестановками этих двух членов. Они суть следующие: 1) целесообразность, в которой вещь какая-либо существует для того, чтобы существовала другая вещь (*Res ad Rem**), напр. тяготение всемирное существует для того, чтобы существовало равновесие между частями вселенной, государство существует для осуществления пользы и проч. Сюда подходят все те факты в жизни человека и природы, где часть какая-либо, не значащая сама по себе, проявляется и пребывает как необходимое условие для пребывания целого, которого она есть часть и которое уже значаще, напр., подпора для стены, крыша для дома, дом для человека и пр. В этом модусе оба члена целесообразного соединения, средство и цель, являются под одною и тою же формою неподвижно существующего или — точнее и безошибочнее — под формою такого бытия, в котором нет процесса как сущности, которое не варьирует, не движется, которое есть вещь пребывающая, но не явление совершающееся. Форма же соединения обоих этих членов есть причинное сосуществование: вещь, которая существует для другой вещи, есть причина ее (производящая, как в приведенном примере всемирного тяготения и равновесия вселенной, или только обуславливающая внешним образом, как в примере стены и ее подпоры); а вещь, для которой она существует, есть производимое (или обуславливаемое) следствие, сосуществующее со своею причиною. 2) Целесообразность, в которой вещь какая-либо или факт существует для того, чтобы существовало явление или вообще что-либо совершающееся — то, в чем есть процесс (*Res ad Foenomen***); напр., солнце существует для того, чтобы служить источником света, теплоты и жизни (мы берем примеры, удобные со стороны формы для объяснения модуса целесо-

* *Вещь для Вещи (лат.)*

** *Вещь для Явления (лат.)*.

образности, не касаясь их содержания, т.е. не останавливаясь на вопросе, действительно ли справедливо то, что говорится в них), или еще: сердце — для кровообращения, разум — для понимания как процесса и пр. Здесь первый член целесообразности есть вещь существующая, а второй член есть явление, из этой вещи исходящее, или — точнее и справедливее — есть нечто движущееся, варьирующее, вечно текущее, для чего источником и основанием служит нечто неподвижное, нечто такое, что *есть*, но не *совершается*. Здесь форма соединения обоих членов есть также причинное сосуществование: средство есть причина вечно исходящей из него и сосуществующей с ним цели. 3) Целесообразность, в которой явление какое-либо совершается для того, чтобы совершилось другое явление (*Foepoten ad Foepoten**). Под этот модус целесообразности подходит значительнейшая часть человеческих действий: мы постоянно совершаем что-либо, чтобы совершилось что-либо, наказываем или убеждаем — чтобы произошло исправление наказываемого или убеждаемого, усиливаемся изменить существующее — чтобы произошло изменение в нем, и т.д. Здесь первый и второй члены целесообразности так же однородны между собою, как и в первом модусе, но только природа их противоположна: там оба члена неподвижно существуют, здесь оба совершаются, происходят. Соединены же они здесь связью причинного преемства: средство есть производящее, исчезающее с появлением производимой цели. 4) Целесообразность, в которой явление совершается для осуществления вещи (*Foepoten ad Rem***), как, напр., эмбриологический процесс совершается для того, чтобы появилось животное, построение (напр., дома) совершается для того, чтобы появилось строимое, и вообще бесчисленные факты делания, приготовления чего-либо (какой-либо вещи). Здесь состав целесообразности тот же, как и во втором модусе, но только расположение членов обратное: там из вещи исходит явление, здесь из явления происходит вещь. И характер соединения обоих членов здесь другой; там связью служило причинное сосуществование, здесь ею служит причинное преемство: производящее

* Явление для Явления (лат.).

** Явление для Вещи (лат.).

средство исчезает с появлением производимой цели, делание прекращается, когда появилась сделанная вещь.

Эти четыре модуса, кратко и точно выражаемые формулами: *вещь для вещи, вещь для явления, явление для явления, явление для вещи*, — исчерпывают собою, как кажется, все возможные способы проявления целесообразности, хотя в пределах каждого из этих модусов могут быть проведены новые деления, в основу которых положатся различение самих *res* и *foenomena**, вещей и процессов.

Что касается распространения и распределения этих модусов в Космосе, то хотя ни один из них не остается совершенно чуждым которой-либо области бытия, однако вообще нельзя не заметить, что природа предпочитает достигать своих целей посредством двух первых модусов, а человек может достигать своих целей посредством двух последних модусов. Миростроение и миросохранение держится на соответственном расположении и на взаимодействии вещей с вещами и вещей с явлениями, и, как имеющему постоянно пребывать, ему более соответствует устойчивая связь причинного сосуществования, постоянная, непоколебимая, неподвижная. Вечно же волнуемому, изменчивому, непостоянному в своих стремлениях Миру человеческому дана в удел несовершенная связь причинного преемства, присущая третьему и четвертому модусам целесообразности, через которые все можно совершить и при которых все совершенное не вечно.

IX. Между величиною членов целесообразности есть некоторое постоянное соотношение: малыми средствами малое достигается, великое же требует для себя великих средств. Общий закон этого отношения может быть выражен таким образом: *средство должно по своей силе действия равняться силе противодействия того, что лежит между idea rei и res in quam idea rei* (*res ex idea rei tum fitur, quum vis ejus quod in re est, et vis ejus quod inter ideam rei et rem est, pares sunt***).

Разложим величины, входящие в это равенство, на составные элементы. Из них один, именно основной,

* вещей и явлений (лат.).

** идеей вещи и вещью, в которую [переходит] идея вещи (вещь тогда возникает из идеи вещи, когда сила того, что содержится в вещи, равна силе того, что существует между идеей вещи и вещью) (лат.).

тот, к которому по необходимости приравняется другой член (*quod inter ideam rei et rem**), есть величина изменяющаяся. И в самом деле, сила сопротивления того, что лежит между планом и целью, не постоянна; потому что не неизменим путь от плана до цели. Но эта величина всегда колеблется между определенным *maximum*'ом и между определенным *minimum*'ом, и первая задача разумной целесообразности есть открытие этого *minimum*'а, а первое достоинство разума по отношению к целесообразности есть мудрое умение делать это. Эта изменимость второго члена рассматриваемого равенства есть причина, почему средство, изменчивое по природе своей, определяемой отвлеченно разумом, изменяется и в действительности; потому что хотя этот второй член и не входит в целесообразный процесс, но к нему по необходимости приравняется первый член, средство, составляющий часть всякой целесообразности. Далее, первый член равенства — *vis ejus, quod in re***, или средства — разлагается на три части: количество действующего, напряжение действия и продолжительность действия. И так как только в сложности эти три части необходимо должны равняться второму члену, то каждая из них может уменьшаться — с условием, чтобы увеличивалась другая; причем отношение между обратно изменяющимися частями должно быть такое, чтобы сила действия, исчезающая с уменьшением одной части, постоянно равнялась силе, появляющейся с возрастанием другой части, так что совокупность действия первого члена постоянно равнялась бы силе противодействия второго члена.

Объясним все сказанное примером. Пусть цель есть нравственное возрождение испорченного человека. Чтобы достигнуть этой цели, необходимо употребить некоторые средства, которые по заключающейся в них силе действия должны точно равняться силе противодействия, которое они (средства) встретят в испорченности исправляемого; что ясно видно из того, что с возрастанием испорченности должны возрастать силы исправления, а с уменьшением — могут уменьшаться. Далее, что второй член равенства есть величина

* То, что [существует] между идеей вещи и вещью (*лат.*).

** сила того, что в вещи (*лат.*).

изменяющаяся, это ясно из того, что есть различные способы, или пути, исправления одного и того же человека, напр. влияние на разум силою убеждения, влияние на воображение силою прекрасных образов нравственно чистого человека, влияние на чувство добротой обращения и пр. Из этих способов, которые в одном и том же случае могут привести к одной и той же цели, одни движутся по пути, где находят *maximum* сопротивления (напр., действие убеждением на разум испорченного, у которого восприимчивое сердце, но слабо развита способность и любовь к суждению), другие движутся по пути, где встречают *minimum* сопротивления (доброе обращение с тем же испорченным человеком). И воспитателя, смотря по тому, умеет ли он находить и пользоваться этими путями, ведущими через *minimum* сопротивления, или не умеет, мы называем или способным исправлять другого, или не способным. Наконец, что первый член равенства разлагается на три части, из которых каждая может уменьшаться (но никогда — исчезнуть совершенно) при увеличении другой части, это также можно наблюдать в рассматриваемом примере: сила исправляющего влияния может действовать тем более короткое время, чем более напряжена она, — таковы все потрясающие впечатления, напр. смерть близкого любимого человека, утрата здоровья, нестерпимый позор; в случае же меньшей напряженности для достижения той же цели исправляющая сила должна действовать более продолжительное время (перерождение испорченного характера путем воспитания); наконец, и продолжительность, и напряженность влияния может уменьшиться с увеличением количества влияющего (напр., когда родные, друзья, учитель, священник одинаково влияют исправляющим образом, тогда сила влияния каждого из них может быть менее той силы, какая потребовалась бы со стороны одного влияющего; или сила убеждения, ласки и прекрасного образа может быть меньше силы одного убеждения, или одной ласки, или одного прекрасного образа). На этом свойстве первого члена рассматриваемого равенства основаны законы влияния среды (всего окружающего), сосредоточенного влияния (на все стороны окружаемого), влияния народных бедствий и пр., значение которых никогда не было ни достаточно изучено, ни достаточно оценено.

Есть, напр., типы человеческой испорченности, которые не могут быть уничтожены никаким другим средством, кроме как только одним страданием, и которые поэтому широко распространяются в периоды спокойной, установившейся исторической жизни. Но подробнейшее рассмотрение всего этого относится к учению о Мире человеческом и не существенно в учении о целесообразности.

Теперь точнее определим, что такое преодолеваемая сила сопротивления и преодолевающая сила действия в их взаимном соотношении. Каждая целесообразность совершается в среде, чуждой этой целесообразности, инертной для нее. Так, общество, в котором я хочу осуществить какую-либо идею, во мне возникшую, чуждо моей цели, потому что не знает ее; так, материал, из которого художник делает статую, сопротивляется его резцу. Уничтожить эту инертность, неподвижно лежащее или не соответствующее данной цели совершающееся привести в целесообразное движение — и есть то, что предстоит деятельной силе, уничтожающей сопротивление лежащего между *idea rei* и *res*, *in quam idea rei**. Но этою задерживающею средою еще не исчерпывается сила сопротивления: она предшествует внешнему объективному процессу целесообразности и остается еще, когда он, по-видимому, уже окончен. Именно, и в самом духе, в котором возникает *idea rei*, она должна преодолеть некоторое сопротивление, чтобы выйти из него и стать внешним процессом, напр., смутность желаемого, неуверенность в силах, равнодушие к будущему; и когда, наконец, этот процесс совершился и все необходимое для осуществления цели уже сделано, активному началу остается еще последним усилием воплотить образ в вещь. Таким образом *id, quod inter ideam rei et rem ipsam*** есть инертное для цели — приводимое в целесообразный процесс и безразличное для нее — становящееся через этот процесс ее воплощением; или, что то же, есть путь, по которому проходит идея от чистого пребывания в сознании субъекта до овеществления своего во внешнем объекте. Сила же, преодолевающая сопротивление того, что лежит на пути идеи к своему

* идеей вещи и вещью, в которую [переходит] идея вещи (лат.).

** то, что между идеей вещи и самой вещью (лат.).

осуществлению во внешнем мире, есть сила желавия, пробуждаемого в духе возникшим образом или понятием цели, и порою эта сила бывает так слаба, что не преодолевает даже и субъективного сопротивления, так что возникшее в духе не разрешается никаким действием, остается бесплодным образом и желанием; порою же она развивается до таких размеров, что преодолевает сопротивление целых народов и даже всего человечества — до сих пор, впрочем, всегда на время*.

Условия, которые способствуют увеличению этой деятельной силы в целесообразных процессах, заслуживают по своей важности самого внимательного изучения. Из них мы называем два — силу воображения и ясность понимания. Первое, т.е. воображение, делает то, что отдаленное будущее, образ которого возникает в духе, приобретая поразительную ясность и осязательность, как бы приближается к духу и входит в него, овладевая всеми его силами. Это действие живости воображения; а его неутомимость делает то, что раз возникший образ становится неподвижным в сознании и, заслоня собою все остальное, заставляет человека жить только собою. Этот-то вечно неподвижный и яркий образ отдаленного будущего есть источник того, что мы называем фанатизмом и без которого вопреки сложившемуся мнению, мы думаем, не бывает ни великих людей в жизни, ни великих дел в истории. Второе же, т.е. ясность понимания, способствует образованию в человеке твердых понятий относительно того, что необходимо для будущего, и твердых убеждений, что это необходимое может быть осуществлено.

* Говоря «целого человечества», мы разумеем всех людей, с которыми соприкасалась эта сила. Высочайшее проявление такой силы духа мы находим у наиболее даровитых личностей из наиболее даровитых народов. Таких личностей, самых сильных в истории, мы думаем, было три: Цезарь, Иннокентий III и наш государь Петр I. В первых двух особенно поражает нас удивительное соединение желавия с тонким и проницательным умом, что давало возможность им не только страстно стремиться к задуманной цели, но и господствовать над средствами. В третьем из названных людей не было этого умения избирать пути с *minimum*'ом сопротивления, и, кроме того, история не так хорошо подготовила для него путь, как для первых двух. Так что это был, по всему вероятно, наиболее сильно желавший человек на земле.

Х. Учение об отношении целесообразности к другим сторонам бытия распадается по числу последних на учение об отношении ее к существованию, к сущности, к свойствам, к сходству и различию и к числу. Рассмотрим каждое из этих отношений порознь.

Всякая целесообразность имеет две формы существования: идеальную, которая первоначально по времени; и реальную, которая следует за нею во времени. Из них первая есть потенция второй, и вторая никогда не возникает и не может возникнуть без первой; потому что все, что совершается в действительности или что существует в ней не пройдя ранее через сознание того, кто хочет этого существования или совершения, не есть уже целесообразность, но только одна чистая причинность.

В идеальной форме своего существования целесообразность заключает в себе все то, что заключается в ее реальной форме, кроме действительности; т.е. в обеих формах те же части и так же расположенные, но только в одной — сознаваемые и желаемые, а в другой — осуществленные. Процесс осуществления первых форм, идеальных, и есть целесообразный процесс, в котором идеи духа соприкасаются с пространством, замещенным материей. Путем этого соприкосновения идеи овеществляются в материи, и материя одухотворяется идеями, приходя в разумное, т.е. прошедшее ранее через сознание, движение и принимая признанную прежде форму.

Что все сказанное справедливо, в этом можно убедиться, рассмотрев какое-либо единичное явление целесообразности. Ранее, чем явится процесс доказательства геометрической теоремы, или делания статуи, или устройства государства, этот процесс совершится в сознании того, кто доказывает теорему, делает статую или устраивает государство; т.е. и образ или понятие делаемого, и процесс (способ, путь) делания, пройдя через сознание, пройдет через идеальную форму своего существования. А что эта форма есть потенция будущей реальной формы, это ясно из того, что последняя никогда не возникнет без первой: ни теорема не докажется, если ранее не была открыта или обдуманна, ни статуя не сделается, если ее образа не было в душе художника, ни государство не устроится, если план Устройства не прошел через ум политика. Наконец, что

в результате целесообразной деятельности всегда является смешение вещества и духа, это ясно из того, что если в доказательстве теоремы мы устраним звуки слов и начертанные фигуры — то получится чистое понятие геометрической истины, если в сделанной статуе удалим мрамор — то получится чистый образ ее, и в государстве, если мысленно отвлечем его от живых людей и писаных законов — получится чистая идея государства.

XI. В идеальной форме своего существования целесообразность всегда предшествует сущности того, что целесообразно существует или совершается в действительности, и, создавая эту сущность, воплощается в части ее.

И в самом деле, как выше доказано было, сущность всего пребывающего слагается из вещества и формы, а сущность всего совершающегося состоит в строении элемента изменения и в строении процесса как порядка расположения этих элементов. Целесообразность же, как нечто планомерное по природе своей, переходя из идеальной формы существования в реальную, и воплощается — в форме, когда создаваемое ею есть вещь, и — в строении процесса, когда создаваемое есть изменение. Так, статуя, сделанная художником, слагается из вещества мрамора — и в нем нет целесообразности и из формы, в которую заключен он, — и она есть воплотившийся в мрамор образ, ранее прошедший через сознание художника. Также в движении, как элементе всякого изменения, нет целесообразности; но в известном сочетании движений, которое ведет к цели, есть целесообразность. И так как сущность есть основа, на которой держится самобытное существование всего, то ясно, что целесообразность, входя в сферу инертного и безразличного, обнаруживает свое действие тем, что начинает проводить в нем различающие деления и индивидуализировать различаемое, вещество оформливая в вещи и движение слагая в явления и в процессы.

XII. Из приведенных примеров видно, что целесообразность не только производит сущность вещей и явлений, воплощаясь в части ее, но что эта сущность нередко бывает и целью целесообразного процесса; хотя иногда она бывает и средством. Так, форма статуи есть цель делания ее; но форма дома есть средство

достигнуть другой цели — защитить человека от холода и доставить ему другие удобства. Вообще можно заметить, что сущность бывает и целью, и средством, но цель бывает всегда сущностью. В других отношениях к целесообразности находятся свойства, пребывающие в сущности или на сущности. Они видоизменяются, создаются и уничтожаются целесообразно действующим разумом, смотря по цели, к которой стремится он, т.е. служат для него средством. Так, человек придает мягкость глине, когда делает из нее что-нибудь, и твердость — когда сделанное готово и должно быть сохранено.

XIII. Целесообразность действует всегда через причинность и ни через что другое действовать не может, хотя причинность не есть создание целесообразности и существует в мире вещей и явлений рядом с ней и независимо от нее.

Причинность — в том смысле, что все или многое в вещах и явлениях Космоса соединено между собою постоянною и необходимою связью, — есть факт внешнего мира, столь же первоначальный и могущественный, как и целесообразность. Но она стоит ближе к вещам и явлениям, она непосредственно над ними и касается их. Они все пребывают в причинности и составляют ее, как капли пребывают в море и составляют его. Целесообразность же лежит высоко над реальным миром, высоко над самою причинностью. Она не пребывает необходимо в вещах и явлениях, но только по временам спускается в них для достижения целей своих и, выполнив эти цели, снова поднимается над ними. Вследствие этой-то невозможности для целесообразности, как для начала чисто отвлеченного, прямо коснуться реального мира и вследствие того еще, что всякое такое прикосновение было бы временным изъятием вещей и явлений из сферы причинности, — целесообразность и действует через причинность, причем в последней сохраняется вся ее природа и свойства, но к ним придается разумность и планомерность тем сознанием, которое направляет ее как свое орудие.

Так, напр., как ни отчетлив был бы образ, возникший во мне, и как ни велико было бы мое желание воплотить его, одно желание и образ не могут сделать этого; овеществленный образ не появится. И это потому, что моя мысль и мое желание не могут кос-

нуться глыбы мрамора и превратить ее в воображаемую статую, так как мрамор — вещество, а желание и образ — дух. Поэтому достигнуть своей цели я могу не иначе как приведя свое тело, а через него резец и мрамор в целесообразно направленное, но строго причинное по своей природе движение. Все движения резца и мрамора будут неразрывною цепью производящих причин и производимых действий, и явления, наблюдаемые в делании статуи, ни на минуту не выйдут из-под законов механики; но только порядок, в котором идут друг за другом эти механические причины и следствия, будет истекать из моего сознания, в котором он (порядок) предварительно прошел идеальную форму своего существования. И этому же сознанию будет принадлежать первоначальный импульс, без которого не появилось бы всего, по строению механического, по форме целесообразного, процесса обработки мрамора резцом. Также построение моста или крепости, то или другое устройство человеческого общества — словом, все целесообразное в деятельности человека не может совершиться иначе как в строгом подчинении причинности и тем специальным законам, которые господствуют в той сфере Космоса, где происходит целесообразный процесс; но за этою причинностью, невидимо направляя ее, действует целесообразность: никогда не может ни мост построиться, ни крепость возникнуть, если силы и законы бессознательной природы будут действовать одни, не направляемые разумом.

Этот закон, по которому целесообразность может действовать только через причинность, объясняет, почему для человека никогда и нигде не открывается прямо целесообразность, но повсюду и всегда он встречает одну причинность; так что ни перед чем в природе он не может остановиться и сказать: «вот это цель, а это — средство» — с тою же уверенностью для себя и убедительностью для другого, с какою, указывая на явления, он называет одни из них причинами, а другие — следствиями. Что бы ни стал анализировать он, в результате анализа всегда получатся только причины и только следствия, и ничего третьего промежуточного между ними, о чем можно было бы подумать, что это члены целесообразности. Но этот

недостаток фактов, которые были бы только целями и только средствами вследствие указанного отношения между причинностью и целесообразностью, не может заставить нас думать, что там, где анализ открывает только причины и только следствия, и в самом деле нет ничего, кроме причинности. Целесообразность и не может быть открыта непосредственно ни для кого, кроме того разума, из которого исходит она и который ее направляет; т.е. что человеческим разумом непосредственно могут быть усмотрены только одни человеческие цели. Повсюду, где он встречается с вещами и явлениями, не им созданными, он видит и должен видеть одну чистую причинность, и только по сходству с теми особенностями, которые он замечает в своей деятельности, он может, присматриваясь к порядку следования причин и действий, признать в них целесообразность. Таким образом, не анализ, не дробление существующего и совершающегося с целью проникнуть внутрь разлагаемого может открыть целесообразность в природе; но только синтез, обзор целого в существующем и законченного в совершающемся, который открывает внешнее расположение первого и направление второго, может сделать это.

XIV. В отношении к сходству и различию целесообразность обнаруживает свое действие двойным образом: она есть источник различия в вещах; и есть причина временного и непостоянного существования одних из них и вечного — других.

И в самом деле, как уже было показано ранее, вступая в сферу инертного и безразличного, она обнаруживается в том, что начинает в нем проводить различающие деления и вещество превращать в вещи, входя в них формою, а движение — в явление, входя в них строением процесса. Вступая же в мир уже определившихся вещей и явлений, она видоизменяет их, приспособляя к целям своим. Так, неразличимый мрамор под рукою человека превратился в бесчисленный мир мраморных вещей; так, существующие формы растений и животных под его влиянием получили новое разнообразие.

Различие же в продолжительности и постоянстве существования под влиянием целесообразности вещи получили потому, что из них одни стали в ней целью, которая по природе своей неизменна и неуничтожима,

а другие — средством, т.е. элементом изменяемым и временным. Так, польза как цель неизменно пребывает в государстве, а различные законы как средства достигнуть этой цели появляются, видоизменяются и исчезают в нем.

XV. Отношение целесообразности к числу находится в тесной связи с отношением ее к сходству и различию. Целесообразность, приспособляя к себе вещи и явления, разнообразит их со стороны формы, но в то же время, устремляя их к одной цели, она придает им единство со стороны содержания; т.е. она суживает числа, уничтожая повторяющееся.

И в самом деле, когда в хаос вещей и явлений, возникших и сложившихся под исключительным влиянием причинности, вступает целесообразность, то она, правда, придает новое разнообразие ранее возникшему, чтобы выполнить цель, которая не могла быть осуществлена с помощью одних прежних вещей и явлений; но в то же время она уничтожает всякую дважды и рядом повторяющуюся форму вещи или явления, как бесцельную и ненужную; т.е. она множит роды и виды и сокращает индивидуумы.

Так, напр., государства, пока они живут бессознательною жизнью, т.е. управляются исключительно причинностью и чужды всякой цели, бывают полны и внешнего и внутреннего хаотического разнообразия, т.е. и формы отдельных государств, и явления, совершающиеся внутри каждого из них, беспорядочно видоизменяются и повторяются. Когда же в государство или в систему их входит одна цель, напр. всестороннее благо большинства живущих в нем, то этот хаос явлений приходит в целесообразное движение, и хаос форм начинает приобретать планомерное строение. Все, что противоречит цели — начинает уничтожаться; все, что безразлично для нее — оставляется в стороне и погибает; все, что бесцельно повторяется — сливается в одно. В истории дважды совершился подобный процесс: один раз, когда на месте древних государств, поглощая их, развилось римское государство; и в другой раз, когда на месте феодального строя развились, уничтожая его, современные политические организмы. И здесь, и там мы видим, что формы и явления разнообразятся, как роды и виды, а как индивидуумы — сокращаются через уничтожение повторений:

вместо деспотий, монархий, аристократических и демократических республик и теократий развивается один планомерно устроенный организм, но в этом организме столько своеобразных, друг с другом не схожих органов, что разнообразие их неизмеримо превосходит разнообразие замененных политических форм; и при этом каждый из таких органов ни в устройстве, ни в деятельности не повторяет другого органа, тогда как в замененных государствах, в сущности, все формы и все органы были только повторением один другого. Так же древнее обычное право, которое так нередко повторяло или для различных местностей, или для различных корпораций одно и то же, заменилось современным правильным законодательством, где каждая статья имеет особенный и самостоятельный характер и имеет в виду не корпорацию и не местность, но государство и гражданина. Самые явления в государстве, по мере того как оно становится целесообразным, начинают преемственно изменяться, т.е. развиваться одно из другого таким образом, что каждое последующее уже не повторяет предыдущего, но или продолжает, или заканчивает его; тогда как в бесцельных государствах нет истории в строгом смысле. В них явления не развиваются, но чередуются, то повторяясь, то без внутреннего подговления изменяясь, как это мы видим в государствах Индостана или во Франции времен Меровингов.

XVI. Учение о целях вещей и явлений в Космосе имеет своею задачею определить, к чему стремится все совершающееся в мире человеческом и в мире физическом и какое назначение имеет все лежащее в них; т.е. определить те конечные формы вещей и те последние соотношения их, к осуществлению которых в себе стремится природа.

Зная, в чем лежит сущность целесообразности, мы уже знаем, изучение чего в вещи или в явлении может открыть нам цель их; а понимая, что такое целесообразность, можем догадаться, как должно вестись это изучение.

Так как целесообразность пребывает не в материи вещей, но в форме их и не в механизме элемента изменения, но в расположении этих элементов, то ясно, что первая стадия в процессе определения целей должна состоять при изучении вещей — в раскрытии строения их, а при изучении явлений — в раскрытии процесса.

Далее, так как изучаемое, цель которого требуется определить, не есть эта цель — иначе незачем было бы определять последнюю, и не есть также идея цели — потому что она доступна прямому наблюдению только для субъективного духа и в ней уже открыта цель; то очевидно, что в целесообразности это изучаемое занимает промежуточное место между идеею цели и самою целью, т.е. должно быть воплощением идеи цели на пути к своему осуществлению, временною формою, в которую вступила она из низшей формы, чтобы подняться в высшую. Это значит, что изучаемое ближе к цели, нежели его предыдущее, и далее от нее, нежели его последующее.

То есть, принимая во внимание, что идея цели, как начало чисто отвлеченное, на пути к овеществлению себя должна преодолеть сопротивление инертной для себя среды, приводя совершающееся в ней в целесообразное движение, а лежащему в ней придавая планомерное строение, — мы должны заключить, что все изучаемое, цель которого подлежит определению, более сходно с целью своею, нежели предыдущее, из которого оно вышло, и менее сходно с нею, нежели последующее, которое из него выйдет; так как с каждым поступательным движением в инертной среде идея цели все более и более проясняется, проступает в вещественных началах этой среды.

Отсюда явление *нарастания и направления* в целесообразном процессе, открытие которого составляет вторую стадию в изучении целей существующего и совершающегося. Если мы возьмем несколько происшедших друг от друга вещей или явлений, то заметим, что в последующих из них нечто нарастает в сравнении с предыдущими, и это нарастающее есть всегда одно и то же, тогда как другое остается неизменным или еще чаще уменьшается. Это нарастающее есть пробивающаяся сквозь вещество идея цели, а уменьшающееся — преодолеваемая инертная среда, некогда совершенно чуждая идее и теперь формирующаяся под ее воздействием. Нарастание в преемственно сменяющихся вещах или явлениях указывает направление целесообразного процесса, а в самом нарастающем скрыта идея цели, здесь пробивающаяся к своему осуществлению.

Тщательно изучив строение нарастающего и направление, в котором нарастает оно, следует *мысленно*

продолжить изученные формы в изученном направлении, пока не завершатся они, завершив его, и полученное будет идея цели, некогда прошедшая через чье-то сознание и со временем имеющая осуществиться через посредство — в ряду других — изучаемой вещи или явления. Это есть третья и последняя стадия в процессе определения цели, и, когда заканчивается она — цель открывается, проходя вторично в форме идеи через сознание открывшего.

Все сказанное об открытии цели мы вывели основываясь на общей теории целесообразности, и, кроме справедливости или ложности этой теории и процесса вывода, ничто не может ни подтвердить, ни поколебать сказанного. Поэтому не для подтверждения, а только для объяснения приведем несколько примеров, заимствуя их из области несомненной целесообразной деятельности.

Если бы кто-нибудь нашел начатый, но недоконченный чертеж геометрической фигуры, положим дугу какой-то кривой линии, то, внимательно изучая направление недоконченных линий, он мог бы продолжить их, пока начатая фигура не замкнется и направление не закончится. Так, часть дуги с неизменным направлением замкнулась бы в круг, с направлением изменяющимся известным правильным образом — замкнулась бы в эллипсис, а у других линий не замкнулась бы, и полученная фигура стала бы параболой, гиперболой, спиралью или чем другим. При этом идея, некогда прошедшая через сознание неизвестного человека, начавшего чертеж, прошла бы вторично через сознание того, кто закончил его.

Когда мы находим остатки разрушенных древних зданий или статуй, то через внимательное изучение направлений оставшегося, продолжая их — пока они не замкнутся, мысленно восстанавливаем их утраченную форму. На этом основывается реставрирование древностей.

Многие исторические деятели, рано умершие, не успели выполнить того, что задумали. Но, внимательно изучив совершенное ими, историк может определить цели, к которым они стремились и которые, однако, остались невысказанными. Подобным же образом государственные люди, следя за поступками друг друга, отгадывают отдаленнейшие замыслы один другого.

Наконец (в случае, если бы существование целесообразности удалось доказать окончательно относительно внешнего мира), при рассмотрении сторон и углов недоразвившихся кристаллов, мысленно продолжая их до взаимного пересечения, возможно восстановить их полные формы; по найденным остаткам древних растений и животных можно представить себе их в целом виде; по нескольким последовательным стадиям развития зародыша какого-либо животного можно определить его развитую форму.

XVII. Что касается до внутреннего строения, которое должно принять учение о целях вещей и явлений в Космосе, то это строение зависит от того, как распределим мы в группы самое стремящееся к целям. Итак, временно допуская, что существование целей для внешнего мира доказано, мы разделили бы это учение следующим образом. Прежде всего, анализируя природу человека, мы определили бы внутреннее строение каждой части этой природы и из направления этого строения, а также из нарастания явлений, которые совершаются в ней, определили бы, что́ выполнить предназначена она. Так, напр., найдя, что разум принадлежит к числу постоянных и неразложимых далее элементов человеческого духа, мы узнали бы строение его и то общее направление, которое имеют все совершающиеся в нем явления; мысленно продолжив эти явления, пока не завершатся они, т.е. «достигаемое» каждым явлением заменив «достигнутым» всеми ими, мы найдем общее (как это и должно быть) и точное название цели, к которой стремится разум, — напр. «доброе», «истинное», «справедливое» или что другое. Подобным образом мы нашли бы цели и всего другого, из чего, как неразложимого, состоит природа человека. Затем, путем синтеза, снова восстановив целостность разложенного анализом, мы получили бы определение назначения человека. Потому что несомненно, что это назначение слагается из назначений того, из чего состоит он. Далее, от творящей природы человека мы перешли бы к формам творимого им, или к жизни, и из нарастающего в этих формах определили бы то конечное, к осуществлению чего стремятся они. Так определилась бы цель государства, искусства и всего прочего. Но и здесь мы не теряли бы из виду того, что уже было найдено относительно назначения человека,

руководясь этим найденным, как проверяющим критерием. Потому что цели, к которым стремятся формы жизни, не должны и не могут находиться в противоречии с назначением человека, творящего эту жизнь. Покончив с целями в мире человеческом, мы обратились бы к миру внешнему для человека и искали бы в нем последних форм, в которые стремится развиваться то, что лежит и что совершается в нем. И здесь мы стали бы определять цели того лишь, что пребывая имеет устойчивую форму или совершаясь имеет постоянный процесс. Потому что только в форме и в процессе может заключаться целесообразность и потому что цель неизменна; так что формы и процессы, если они не устойчивы, свойственны вещам и явлениям не потому, что эти вещи и явления целесообразны, но потому, что они не могут существовать по самой природе своей без каких-либо форм или процессов. Сюда относятся из мира вещей кристаллы и организмы, а из мира явлений — процессы образования их.

Здесь мы должны упомянуть об одной форме — трудно сказать, целесообразности или нет, о которой мы ничего не говорили ранее, потому что в строгом смысле она не целесообразна, но в учении о целях единичных вещей и явлений легко может быть принята за таковую и повести к многим ошибкам. Тому, о чем мы хотим говорить, недостает *ideae rei*; прежде чем получить реальную форму существования, оно не прошло через идеальную форму в сознании творящего духа. Это — вещи и явления, без которых нечто несомненно целесообразное не может существовать и которые, следовательно, выполняют *некоторую роль около них*; но сами эти вещи и явления ни к чему не стремятся и, следовательно, *в себе и для себя не имеют целей*; однако это и не средства: не через них достигается цель, и с ее достижением они не исчезают. Поэтому их легко отличить от настоящей целесообразности по их неподвижности, а от совершенно чуждого для нее — по неизменяемости. Такова роль тела по отношению к духу *в том, что относится до назначения человека*. Несомненно, что только дух, как вечно совершенствующаяся и вечно стремящаяся форма, имеет в человеке назначение; его же тело, которое пребывает всюду и всегда неизменным, не имеет отношения к этому назначению. И, однако же, дух пребывает в теле

и только через него, соприкасаясь с физическим миром, может выполнить некоторые части своего общего назначения. Быть может, правильнее всего было бы назвать подобные факты и явления несовершенною целесообразностью, недоразвившеюся, как бы зачаточною формою ее.

XVIII. Учение о цели Космоса как целого имеет своею задачею определить — какой конечный смысл имеет все мироздание и все мироразвитие, а с тем вместе и познать глубочайшую и истинную причину его возникновения и существования. Как искать ответа на этот вопрос, это может указать все сказанное выше о нахождении целей единичных вещей и явлений, а о том, что́ может быть отвечено на это, сказать что-либо трудно.

Глава XI

УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ

I. Учение о сходстве и различии и его формы: общая теория, учение о сходстве и различии вещей и явлений в Космосе и учение о сходстве и различии Космоса с лежащим вне его. *Общая теория сходства и различия* и два ряда форм, на которые она распадается. — II О форме существования, присущей родовым и индивидуальным сходствам и различиям. — III. О сущности сходства и различия; отношение в сходном и различном многого к одному и одного к многому. — IV. О свойствах сходного и различного. Трудность для различного воспроизводить различное; предел, с которого это воспроизведение становится невозможным. О способности сходного располагаться в системы; два рода систем — искусственная и естественная; основания и достоинства каждой из них. — V. О двух способах происхождения сходств; сходства непроизшедшие. О происхождении различий. — VI. Единство и усиление как цели сходного; сложное как цель различного. — VII. Типы сходства и различия: тождество, различие, противоположность, несоответствие; сходства и различия в содержании сходного и различного: несовпадение в существовании, в свойствах, в причине и цели, в количестве, в сущности. — VIII. О количественной стороне сходства и различия. Формы учения об отношении сходства и различия к другим сторонам бытия. — IX. *Учение о сходстве и различии вещей и явлений в Космосе*; неполнота существующих классификаций. — X. *О сходстве и различии Космоса с Разумом, Первою причиною и Конечною целью своею.*

I. *Учение о сходстве и различии как о пятой стороне бытия, подобно всем другим соответствующим учениям, распадается на Общую теорию и на две частные формы: на Учение о сходстве и различии вещей в Космосе и на Учение о сходстве и различии познаваемого Космоса от всего, что лежит вне его.*

Общая теория — также подобно другим — распадается на два ряда учений, из которых один имеет своею задачею познание этой стороны бытия в самой себе, а другой — познание отношений этой стороны к другим сторонам бытия.

Первый ряд учений — тот, который рассматривает сходство и различие в самом себе — двигаясь по схемам понимающего разума, распадается на учение о форме существования, о сущности, о свойствах, о происхождении, о назначении, о типах и о количественных отношениях сходства и различия.

II. Из явлений сходства и различия, которые наблюдаются нами в природе в форме реального существования, одни предсуществуют заранее в форме определенных потенций, а другие — в форме неопределенных потенций. Первая, определенная форма потенциального предсуществования, присуща родовым сходствам и различиям. Так, в семени дуба и в семени человека заранее предустановлены все родовые признаки того, что из них разовьется, а с тем вместе и все сходства и различия их как родов от других родов. Вторая же, неопределенная форма потенциального предсуществования, свойственна таким явлениям сходства и различия, которые принадлежат не роду, но индивидууму. Так, случайная кривизна этого дуба или образованность этого человека не были предустановлены до их появления, но возникли в них после, под влиянием внешних окружающих обстоятельств.

III. Сущность сходства можно определить как *повторяемость одного во многом*, напр. какого-либо признака в нескольких вещах; а сущность различия можно определить как *присутствие иного в ином*, напр. различие трех от двух состоит в том, что в первом из сравниваемых чисел присутствует одна лишняя единица. Мы уже имели случай заметить ранее и теперь повторяем снова, что явление сходства представляет собою как бы воспроизведение чем-либо самого себя в различных местах и в различные моменты времени или как бы разложение чего-то в целый ряд форм, во всем сходных друг с другом. Все сходные вещи суть как бы копии, воспроизводящие один оригинал, или как бы следы, оставленные в веществе некоторым прототипом, когда-то двигавшимся в этом веществе.

Отношение в сходном и различном многого к одному можно всего лучше наблюдать в процессах воспроизведения многими сходными вещами одной общей идеи и одною идеею — многих сходных вещей. Когда несколько одинаковых фигур — положим, окружностей — воспринимаются зрением человека, то полученные впечатления налагаются в его разуме одно на другое и как тождественные — совпадают, сливаясь в одну идею окружности. И обратно, когда в разуме возникает идея чего-либо, не встречающегося в природе, напр. какого-либо искусственного химического соединения или какой-либо сложной геометрической фигуры, то все воспроизведения этой идеи во внешнем для духа веществе будут отдельными друг от друга, но во всем сходными вещами. Идея, как прототип, запечатлется в вещах, как в своих копиях.

IV. Из атрибутов сходного и различного следует особенно обратить внимание на возрастающее затруднение процесса воспроизведения причиной следствия по мере возрастания различия между ними. Сходное легко производит сходное, различное же производит различное все с большею и большею трудностью, пока, достигнув некоторого предела, не перестает совершенно воспроизводить его. Объяснение этого свойства лежит в самой природе — причинности, с одной стороны, и сходства и различия — с другой. Процесс причинного воспроизведения есть всегда процесс изменения чего-либо, т.е. движения; движение же есть всегда или соединение, или разделение. С другой стороны, различное, по определению, есть присутствие иного в ином. Итак, процесс воспроизведения различным различное есть процесс или отделения от причины того, что не должно быть в следствии, или присоединения к причине того, чего в ней недостает сравнительно со следствием. И ясно, что, чем большее должно присоединиться или чем большее должно отделяться, тем более требуется напряженности для деятельной силы совершить это сближение или отделение. С возрастанием массы движимого должна возрастать энергия движущего. Эту увеличивающуюся напряженность энергии мы и называем трудностью.

Предел же, где различное перестает производить различное, наступает, как кажется, тогда, когда различие начинает касаться сущности, т.е. вещества

и формы. И в самом деле, ни вещество какое-либо не может произвести из себя другое вещество, но только уничтожившись — заместиться другим веществом; ни форма не может измениться в другую форму, но только став невидимой — допустить, чтобы на ее месте проступила другая форма. Но тогда уже эта другая форма и это другое вещество станет производящею причиною следствия. Итак, взаимная воспроизводимость вещей и явлений, одаренных различными сущностями, невозможна потому, что такое воспроизведение было бы уже не процессом разделения или уничтожения, к чему способна причинность, но актом созидания и уничтожения, к чему бессильна она. Так, движение производится теплотою и теплота производится движением, потому что сущность их одна, хотя все другое в них различно. Но мысль о движении и самое движение не могут перейти одно в другое, потому что, будучи сходны между собою по форме, они различаются по составу, который заключен в этой форме (начало идеальное и реальное). Также растение не может породить животного, потому что при одинаковости состава они имеют различные формы.

Из других свойств различного и сходного еще обращает на себя внимание способность его располагаться в правильные ряды и образовать из себя системы. Это свойство основано на постепенности возрастания сходств и различий между вещами и явлениями, т.е. на разнообразии в самых разнообразиях.

Расположение различного в системы может быть двойное: *искусственное* и *естественное*. Первое основывается на выборе в различном чего-либо такого, что, во-первых, присутствовало бы во всем классифицируемом и, во-вторых, ни в какой его части не повторялось бы без изменений, но повсюду разнообразилось бы. Так, органы размножения были удачно выбраны Линнеем как основание для искусственной классификации растений; потому что они есть у всех растений и у всех их различно устроены. Этот способ систематизации требует большого фактического знания, последовательности мысли и некоторой особенной способности так глубоко вдумываться во что-либо одно, что все остальное делается для вдумавшегося как бы несуществующим. Потому что здесь нередко приходится сближать различное во всем, кроме избранного за

руководящий признака, и разделять сходное во всем, кроме этого же признака. Необходимые формы такой системы суть деления и подразделения, как-то царства, отделы, классы, роды, виды и пр. Ее трудность состоит в подыскании достаточного количества слов, необходимых и способных обозначить всю ветвящуюся градацию подразделений. Естественная же система основывается на всей совокупности сходных и различных признаков в том, что систематизируется. Она требует более художественного взгляда на вещи, способного угадывать естественное родство между ними. Преобладающее деление в такой системе есть деление на семейства как группы сходных между собою вещей, разросшихся от одного общего прототипа. Недостаток этой систематизации состоит в том, что эти естественные семейства являются в ней расположенными группами скорее художественно, чем последовательно. При ней не может быть таких спускающихся градаций, делений и подразделений, как в искусственных системах.

V. Учение о происхождении рассматриваемой стороны в бытии распадается на две формы: на учение о происхождении сходства и на учение о происхождении различия. Оба исполнены глубокого интереса. Сходное происходит или через *уподобление*, напр. когда один человек становится через подражание похожим на другого, или через *происхождение беспримесное от одного*, или *от подобного при одинаковых условиях*. Так, движение шарика *a* переходит после удара в движение шарика *b*, которое, если ничего третьего не примешается, будет совершенно тождественно своей производшей причине; так, при одинаковых условиях из многих подобных между собою желудей вырастают во всем подобные друг другу дубы. Как кажется, этими двумя способами исчерпываются возможные модусы происхождения сходного, хотя внутри каждый из них может подразделяться на новые и новые частные способы. Но ничего третьего, равнозначащего с ними по общности и по основному различию, что, не заключаюсь в этих способах, могло бы стать рядом с ними, как кажется, нет. Есть, однако, сходства, не происшедшие ни одним из этих способов; это сходства вообще не происшедшие, но только существующие, совечные друг другу. Таково сходство чисел и геометрических

фигур. Это 2 и эта окружность сходны со всяким другим 2 и со всякою другою окружностью не через уподобление или происхождение, но по природе своей. Различия же возникают или *через удаление от подобия*, напр. когда великодушный человек при виде низкого человека старается возможно менее походить на него, или *через присоединение и отделение* чего-либо в причинном процессе. Так, прямолинейное движение, произойдя от прямолинейного же, становится не похожим на него, когда к нему привходит что-либо третье, напр. притяжение земли; так, животное, происшедшее от другого животного, получает отличие от него, когда лишается чего-либо, напр. какого-либо органа, без которого оно может жить, но недостаток которого уродует его; так, шестипалые и четырехпалые люди различаются от прочих людей излишеством или недостатком одного пальца.

VI. Что касается до целей, ради которых существуют сходства и различия, то относительно их вообще можно заметить, что сходное появляется или для усиления чего-либо, или для достижения одного; а различное появляется для выполнения сложного. И в самом деле, когда цель велика и трудна, а средство мало и слабо, то является необходимость повторять его, т.е. производить сходное. Напр., для того, чтобы создать большую теплоту через удар небольшим молотом, нужно учащать удары или для того, чтобы сдвинуть тяжелую массу, нужно к силе присоединить силу. Точно так же, когда цель одна и притом проста по своей природе, а то, что первоначально было чуждо этой цели и затем подчинилось ей — разнообразно, то цель начинает приводить к единству это разнообразное, уподобляя его одному. Так, когда понятия о дурном и хорошем сводятся к одному идеалу и его отрицанию и этот идеал овладевает сознанием многих людей, дотоле различных между собою, то характеры этих людей и жизнь их начинают сближаться между собою, уподобляясь тому одному, что всеми ими признается за лучшее. Или когда в сфере политической жизни вырабатывается понятие о типе образцового государства, то все политические организмы начинают уподобляться друг другу, стремясь осуществить в себе этот образец. Напротив, когда необходимо бывает произвести что-либо сложное, а для этого, как средст-

во, существует только простое, т.е. сходное в частях своих, то под влиянием сложной цели оно разложится на несходные между собою части, так чтобы между последними было все то разнообразие, которое требуется для осуществления разнообразных частей сложной цели. Так, простое по своему составу, бессознательное государство начинает разнообразиться в своих внутренних формах, когда сознает в себе сложную цель — всестороннее благо людей; и там, где были только повинующиеся и повелевающие, возникают органы, охраняющие безопасность, дающие правосудие, способствующие развитию богатства, покровительствующие наукам и искусствам.

VII. Основных типов сходства и различия, т.е. таких, в которых за различающее начало принято не то, что сходно и различно, но то — как сходно и различно, четыре: *тождество, различие, противоположность и несоответствие.*

Под тождеством я разумею такое сходственное отношение, при котором сравниваемое есть одно и получаемое от него впечатление есть также одно. Совершенное тождество существует только в одной форме, именно в форме тождества всего самому себе. Это значит, что объективного тождества чего-либо с чем-либо нет в природе; к нему только приближаются некоторые формы различия. Под различием я разумею такое сходственное отношение, при котором одно в сравниваемом совпадает, а другое не совпадает и при котором полученные впечатления сливаются в одно, более сложное, чем каждое из отдельно полученных и слившихся, впечатление. Это усложнение происходит от того, что формы одного различного пополняются в нем формами другого, в первом недостающими. Под противоположностью я разумею такое сходственное отношение, в котором одно сравниваемое есть отрицание другого сравниваемого и когда полученные впечатления от них, тождественные по строению, но противоположные по значению и содержанию, могут слиться в одно впечатление с подразумеваемыми при нем символами утверждения и отрицания. Замечательно, что, подобно тому как совершенное тождество каждая вещь имеет только одно — именно с собою, каждая же вещь имеет и одну противоположность, и именно в себе же — когда извращается ее природа. Так, доброе

находит свое отрицание в злом, прекрасное в безобразном, сильное в слабом, разумное в бессмысленном, то же в ином, большое в малом, черное в белом и пр. и пр. Словом, в природе каждому положительному есть соответствующее отрицательное, и ничто само по себе, одно, не существует в ней. Под несоответствием я разумею такое отношение сравниваемого, которое не есть ни сходство, ни различие и от которого полученные впечатления остаются отделенными одно от другого и не влияющими одно на другое, т.е. не слагаются, ни противопологаются, ни сливаются, сходясь в одном, ни разделяются, различаясь в другом, как, напр., время и вкус, скорость и статуя, твердость и усталость.

Как уже сказано было, тожество и противоположность существуют под одною формою. Несоответствие не имеет для себя никаких форм; нет типов несоответствия, но есть только несоответствующие вещи, и число их неопределенно. Что же касается до различия, то оно имеет столько форм, сколько есть сторон в бытии; т.е. вещи могут различаться между собою и сходиться друг с другом порознь каждою из сторон своего бытия, несколькими из них и, наконец, всеми. Различие — и, следовательно, сходство, потому что когда что-нибудь только отличается от другого, то, следовательно, в остальном, не различном, оно сходно с ним — в существовании имеет несколько форм, а именно: 1. Различие в существовании относительно времени, напр., колос пшеницы, выросший в прошлом году, и колос пшеницы, выросший в нынешнем году, или движение a в этот момент и движение a' в следующий момент. Различное в этом легко производит друг друга, как это можно видеть из приведенных примеров, и впечатление от него, двойственное в восприятии, сливается в одно в сознании. Сходное же только в этом не способно производить друг друга, напр. рядом лежащие камень и зерно, и впечатления от него остаются отделенными одно от другого, соприкасаясь извне друг к другу только через представление об одновременности. Сюда же следует отнести различное и сходное в продолжительности существования, напр. один человек живет долее, чем другой. 2. Различие в существовании относительно места, напр. круг, нарисованный на этом листе, и круг, нарисованный на том листе, или колос пшеницы, выросший на этом конце поля,

и колос пшеницы, выросший на другом конце его. Любопытно, что сходства, которое соответствовало бы этому различию, нет; т.е. нет вещей, которые, различаясь во всем, сходились бы только в этом. Все существует в ином месте, чем другое, и только с самим собой это другое совпадает в местопребывании. Сюда же относится явление подобия, т.е. различия в величине при сходстве во всем другом, например, все прямоугольные треугольники подобны между собою, и явление равенства, т.е. сходства в величине при различии в другом, напр. круги с одинаковыми радиусами, из чего бы они ни были сделаны, все равны между собою. Наконец, к этой же категории различия следует причислить и явление несоответствия в расположении частей чего-либо. Так, два прямоугольных треугольника, имеющие одну общую сторону, имеют сходные части не соответственно расположенными, и при надвигании один на другой не совпадут, хотя и равны по величине и тождественны по формам. Так же правая и левая кисти человеческой руки не соответственно расположены, и если мы надвинем первую на вторую, то большой палец одной покроет мизинец, а не большой же палец другой. Это явление очень распространено в природе. Так едва ли не все органическое имеет двойственное строение, т.е. имеет тождественные части, но только обращенные в противоположные стороны: одно вверх, другое вниз, одно вперед, другое назад, одно вправо, другое влево.

3. Различное относительно формы чистого существования, напр. представления и понятие во всем тождественны между собою, кроме того, что одно временно, а другое — вечно.

Вещи, сходные во всем, кроме места или времени существования, мы соединили бы в одно и назвали бы *видом* (*species*), потому что вид, или форма, их одна и впечатления от них, сливаясь, образуют одно представление; а то, что имеет эту общую форму и составляет собою этот вид, мы назвали бы *особью* или индивидуумом.

Различное по цели или по причине, но тождественное во всем остальном может, подобно предыдущему, взаимно производить одно другое и составлять собою один вид (*species*). Так, два движения, из которых одно имеет целью разделить одно надвое, а другое — сое-

динить два в одно, напр. расколоть и скрепить, суть особи одного вида и могут взаимно произвести друг друга; также движение, произведенное теплотою, и движение, произведенное другим движением. То же следует сказать и о различном в числе: группа в 7 дерев и группа в 13 дерев, есть, в сущности, одно и то же.

Различное в свойствах впервые встречает затруднение в своем стремлении взаимно производить друг друга, и впечатления от него впервые не сливаются в одно, но только частью покрывают одно другое. И чем ближе эти свойства подходят к сущности, тем более возрастает эта трудность и это несовпадение. То, что различается в свойствах, но сходно в природе, мы назовем родом (*genus*), потому что обыкновенно оно бывает порождением одного прототипа, от которого потом отступило через прибавление или удаление различных признаков. Ясно, что род состоит из видов, из которых каждый представляет собою группу неделимых, внутренно (т.е. что касается особей, принадлежащих одному виду) во всем сходных между собою, кроме времени и места пребывания, а извне (т.е. вид в отношении к другим видам) сходных во всем, кроме свойств. Ту же часть представлений, получаемых от отдельных видов одного рода, которая в сознании при наложении взаимно покрывается и сливается в одно, назовем понятием рода. Это понятие соответствует сходному в видах рода или общему всем им. А части представлений, не совпадающие и не сливающиеся между собою, которые соответствуют несходным свойствам видов рода, назовем *видовыми отличиями*, или дифференциями.

Наконец, последнее различие, препятствующее вещам производить друг друга, есть различие природы (сущности). Впечатления, получаемые от вещей с различною природою, совершенно не совпадают; потому что не совпадают их центры, т.е. сущности. Поэтому они размещаются в сознании друг возле друга, однако же соприкасаясь и влияя друг на друга извне; так как свойства их, идущие от несовпадающих центров и обращенные друг к другу — могут совпадать.

VIII. Что касается до количественной стороны сходств и различий, то из этих последних только те, которые касаются величины и формы, подчинены точ-

ным количественным отношениям. Прочие же сходства и различия вследствие своей недостаточной определенности, неразграниченности и неустойчивости до сих пор еще не подчинялись этим количествам, хотя количественность не чужда их природе. Так, различное по одному составу *более* сходно, чем различное и по составу и по форме.

Второй ряд учений, образующих общую теорию сходства и различия, — тот, который рассматривает отношение этой стороны бытия к другим сторонам его, — распадается, по числу последних, на учение об отношении сходства и различия к существованию, к сущности, к свойствам, к причине, к целесообразности и к числу. Мы не будем останавливаться на этих учениях.

IX. Учение о сходстве и различии вещей в Космосе должно дать систему мира, расположив все лежащее в нем в группы по степеням близости между собою.

То, что до сих пор было сделано в этом отношении, недостаточно; хотя сделать большее, быть может, окажется весьма трудным. Главным образом недостаточность эта состоит в том, что классифицировались всегда только вещи, тогда как мир состоит не из одних вещей. Так, силы и законы, действующие и господствующие в природе, никогда не подвергались точной классификации, хотя разнородность одних из них и близость других ясно сознавалась; между тем все, что бывает ближе и дальше по отношению друг к другу, допускает классифицирование себя.

Для того, кто внимательно всмотрелся бы в излагаемое учение о строении науки, было бы не трудно извлечь из этого учения и первые основы всеобщей классификации существующего, под которыми потом, уже в предустановленных отделах, пришлось бы только расположить то, что мы повсюду называем вещами и явлениями в Космосе. Так, уже из одних указаний, содержащихся в учении об изменении, тотчас выясняются некоторые черты этой всеобщей классификации, гораздо более захватывающие, чем обычные классификации природы. Так, располагая то, что классифицируется, влево, а то, в чем классифицируется, вправо, мы получим два следующие ряда:

вещи	вещество неорганизованное
силы	организмы
законы	дух
процессы или модусы действия	общество

Располагая под каждым наименованием, написанным влево, все четыре наименования, написанные вправо, мы получим:

вещи, или формы существующего	{ тела организмы дух и его формы общество и его формы
силы, или движущее	{ физические органические психические общественные
законы	{ физические органические психические общественные
процессы или формы движения	{ в телах в организмах в духе в обществе

Деления эти почти уже соприкасаются своими конечными членами с первыми членами существующих классификаций. Но насколько неполна эта классификация, можно видеть из того, что здесь нет еще геометрических фигур, нет вещей, искусственно делаемых человеком, нет искусств и многого другого.

Х. Учение о сходстве и различии Космоса от того, что не есть Космос, должно рассмотреть соединяющее и разделяющее этот Космос, во-первых, от духа, его познающего; во-вторых, от причины, его произведшей; и в-третьих, от цели, ради которой он существует.

Несомненно, что со всем этим Космос имеет нечто общее. Не мог бы разум понимать Космоса, если бы и в нем не лежало что-то космическое, и в Космосе — нечто разумное; не могла бы причина Космоса произвести из себя нечто, что не имеет с нею ничего сходного; и не может Космос существовать ради того,

к чему он не имеет никакого отношения и что не имеет с ним никакого подобия. Итак, Космос, Разум, Первая причина и Последняя цель не несоответственны одно другому. В них есть общее, чем соприкасаются они; или, быть может, есть нечто одно, что проявляется как центральное понятие в краевых очертаниях представлений — в Разуме познающем, как в некотором подобии своем, в Последней цели — как в осуществленной воле своей, в Первой причине — как в первом желании и в самом Космосе — как в выполняемом желании.

Глава XII

УЧЕНИЕ О КОСМОСЕ И ЕГО ФОРМЫ: О ЧИСЛЕ, ИЛИ О КОЛИЧЕСТВЕ

I Учение о количестве и его состав; промежуточные формы между общею теориею и частными учениями. — II. *Общая теория количеств*; недостаток в ней учения о числе, рассматриваемом в сторонах своего бытия. О форме существования чисел; доказательство, что в каждой частице пространства реально существуют все числа и все численные отношения. — III. Повторяемость как вероятная сущность числа. — IV. О свойстве чисел увеличиваться и уменьшаться, большее, меньшее и равное; модусы увеличения и уменьшения; реальная бесконечность уменьшения. — V. О происхождении и назначении чисел. — VI. Типы чисел и их противоположность. — VII. Единство и множественность каждого числа; происхождение чисел одно от другого; первоисточник чисел. — VIII. Учение об отношении числа к другим сторонам бытия и его состав — IX. Недостаток учения о времени и учения о формах с непостоянным изменением; геометрия и четыре фазиса в ее историческом развитии. — X. Механика; определение движения; его элементы. Изменение движения с изменением этих элементов. Ускорение движения с уменьшением времени; что делается с движением, когда, уменьшаясь, время превращается в нуль; смысл получаемого явления; пример, показывающий, что это исчезновение времени из движения имеет место в действительности. Что делается с движением, когда, изменяясь, пространство превращается в нуль? Смысл и действительное значение получаемого при этом явления. — XI. *О количественных отношениях вещей и явлений в Космосе и Космоса, как целого.*

I. *Учение о количестве* как последней стороне бытия так же, как и предыдущие, распадается на *Общую теорию*, имеющую своим предметом количества в их чистом виде, без отношения к тому, что количественно, и на две частные формы: на *Учение о проявлении количественной стороны в вещах и в явлениях*, которые лежат в Космосе, и на *Учение о количественных отношениях в самом Космосе как в целом.*

Между этими частными учениями и общею теориею есть еще две промежуточные, соединяющие формы. Они не могут быть отнесены ни к общей теории, потому что предмет их — не всякие количества, но только некоторые с определенным содержанием; и не могут быть отнесены к частным учениям, потому что это содержание касается все-таки не реальных вещей. Из них первое есть *Учение о формах пространства*, или *Геометрия*, а второе — *Учение о движении*, или *Механика*.

II. Общая же теория, изучающая количества без отношения к тому, что количественно, есть *Алгебра* (и ее частный вид — *Арифметика*). Но она изучает только отношение и взаимодействие между различными формами количеств, но не самое количество. И поэтому под нею, как основание, должна быть развита общая форма, имеющая задачей понять эту сторону бытия в самой себе; понять не количества в действии, но количество в состоянии. Двигаясь по схемам разума, она распадается на учение о форме существования, о природе, о свойствах, о происхождении, о назначении, о сходстве и различии и о количественной стороне чисел.

Если бы у нас оставалось еще какое-нибудь сомнение относительно того, есть ли и могут ли быть изучаемы стороны бытия независимо от бывающих вещей, как-то: явление существования независимо от существующих вещей, — то размышление о количествах рассеяло бы окончательно эти сомнения. И в самом деле, подобно тому как нам известны только существующие вещи, а не самое существование, так же точно нам известны только большие и малые, многие и единичные вещи; однако математика не остановилась на именованных числах и изучает самые количества, а не количества только верст, пудов, минут и часов. И мы едва ли пренебрежем истинною, если скажем, что некогда учение о чистых сторонах Космоса разовьется в такие же сложные и глубокие учения, в какие развилась математика; а то, что мы знаем о них теперь, едва ли по своей исторической зрелости превосходит то время, когда люди умели считать времена, расстояния и весы, но еще слабо догадывались, что есть нечто и во внешней природе и в сознании, что всякий раз делает возможным этот счет, но что, как неизменно присутству-

ющее при этом, остается незаметным для считающих, именно: *большее, меньшее, равное* или *единичность, двойственность, тройственность* и пр., т.е. некоторые общие формы количеств и схемы для образования общих идей об них.

Что касается до формы существования количеств, то она двойка: вечно потенциальна и временно реальна; т.е. в каждом пространстве потенциально существует каждое число и каждое же число временно может проявиться в нем в осязательной форме. И в самом деле, уже ранее было доказано*, что в каждой частице пространства невидимо присутствуют все геометрические фигуры, как наблюдаемые, так и мыслимые. Изберем из этих фигур какую-либо одну, напр. прямую, или окружность, или равносторонний треугольник. Каждая из этих фигур делится на две и на три равные части; итак, представив эту фигуру разделенною таким образом, мы убеждаемся, что в ней, а с нею и в каждой частице пространства существуют числа 1, 2, 3 и, кроме того, еще *равное* (две половины одной и той же формы) и *неравное* ($\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$ одной и той же формы).

Продолжая таким же образом делить одну и ту же фигуру или проводить в ней линии различными способами, указанными в геометрии, мы без труда убедимся, что в ней и в том пространстве, в котором произвольно взята она, невидимо существуют все числа и величины от бесконечно малого (величина последнего возможного деления) до бесконечно большого (число всех возможных делений) и все отношения между числами, изучаемые в математике. Реально же числа и величины проявляются в пространстве тогда, когда в нем возникают реальные счисляемые предметы, напр. два дерева, семь человек и пр.

III. Уловить, в чем состоит сущность числа, или, что то же, определить, что такое число по своей сущности, довольно трудно. Нам кажется, что сущность числа есть *повторяемость*, подобно тому как сходство и различие есть само повторяемое. И в самом деле, когда мы созерцаем в действительности или мыслим какое-либо число, мы созерцаем или мыслим нечто

* См. выше, с. 158, 160, 161.

повторяемым столько раз, сколько содержится единиц в этом числе, или точнее: в нашем сознании или для нашего зрения возникает некоторое число, *повинуясь* повторяемости каких-либо предметов, мыслимых или реальных; так что, если бы не было этой повторяемости, не было бы и числа. Из этого прямо следует, что число есть отражение, символ повторяемости, или, точнее — есть отраженная, символизированная повторяемость. И этому не противоречит то, что счисляются предметы не всегда сходные (не всегда повторяемое); потому что в различных предметах счисляется всегда сходное, напр., в счисляемых вещах, находящихся в данном месте, счисляется повторяемость независимых существований, которые все сходны между собою.

IV. Из свойств чисел (и величин, обозначаемых числами) замечательна способность *увеличиваться* и *уменьшаться* неограниченно. Увеличиваясь и уменьшаясь, числа сравниваются между собою — отсюда явления *равенства* и *уравнения*, становятся больше и меньше друг друга — отсюда явление *большего* и *меньшего* числа и величины. В этих трех явлениях, обозначаемых особыми знаками в математике, выражаются основные отношения между величинами: $a = b$, $a > c$, $a < d$.

Это свойство увеличиваться и уменьшаться, ошибочно принимаемое за выражение сущности числа и величины, было ошибочно введено в их определение, которое в действительности должно стремиться к раскрытию природы определяемого, а не к указанию только на его признак. Да и ошибочно думать, что это свойство присуще всем величинам и что поэтому величина есть то, что может становиться больше и меньше. Отношение окружности к диаметру неизменно; оно не может ни увеличиваться, ни уменьшаться и, однако же, есть величина. И напротив, есть многое в природе, что способно увеличиваться и уменьшаться, но что, однако же, не есть величина, напр. желание и чувство гнева.

Что касается до модусов (образов) увеличения и уменьшения, то их несколько: увеличение и уменьшение *на сколько-нибудь* ($a + b$ и $a - b$) и увеличение и уменьшение *во сколько-нибудь раз*. Последний модус имеет еще две разновидности: увеличение и уменьшение *не само на себя* ($a \times b$ и $a : b$) и *на само себя* (a^2

и \sqrt{a}). Оба основные модуса распадаются еще на две формы: увеличение или уменьшение на что-нибудь или во сколько-нибудь *один раз* и *неопределенное число раз*; вторая форма дает ряды, к числу которых относится прогрессия арифметическая (2. 4. 6. 8...) и прогрессия геометрическая (2. 4. 8. 16...).

В этой способности вообще увеличиваться и уменьшаться есть еще одно замечательное свойство, присущее некоторым величинам: это свойство бесконечно увеличиваться или уменьшаться *вечно приближаясь и никогда не достигая* некоторой величины. Изучение этого явления развилось в математике в особую форму — в теорию пределов. Напр., 0,999... вечно увеличиваясь постоянно приближается к единице, но никогда не достигает ее; или 0,00...01 вечно уменьшаясь никогда не превращается в нуль.

Далее, замечательна способность бесконечной делимости величин и, следовательно, бесконечного уменьшения их. Это не есть способность только мыслимая, но и реальная, имеющая место в природе; т.е. мы не только умственно можем представить себе уменьшенным какое угодно малое число, проведя под ним черту и написав знаменателем два; но и в физических явлениях есть нечто, соответствующее этому произвольному уменьшению произвольно малых величин в уме. И в самом деле, следующий факт убеждает нас, что всякое бесконечно малое число (или величина) имеет под собою еще бесконечное количество величин, все меньших и меньших, которые, однако же, не превращаются в ничто. Представим себе, что из какой-либо одной и той же светящейся точки, положим лежащей на поверхности солнца, исходят во все стороны лучи. Свет, исходящий из нее, падает на мой глаз и освещает его, т.е. всю поверхность моего глазного яблока. Теперь возьмем на этой поверхности две рядом лежащие, но, однако, не совпадающие точки, так чтобы расстояние между ними было самою малою величиною, какая только существует; величиною, которая, как только уменьшится — сейчас же превратится в нуль, которая непосредственно следует за ним, между которою и между нулем ничего нет. Это есть бесконечно малая величина, отделяющая две точки на поверхности моего глаза. На каждую из них (точек)

падает свой луч света, который исходит из одной точки, лежащей на поверхности Солнца. Следовательно, эти два луча и бесконечно малая величина между их концами образуют собою треугольник, основание которого лежит на моем глазе и бесконечно мало, вершина лежит на поверхности Солнца, а стороны суть солнечные лучи, или, что то же, расстояние Солнца от двух точек на моем глазе. Этот треугольник *есть*, он *физически существует* в эту минуту, когда я смотрю на солнце. Разделим одну из сторон его на рядом лежащие точки, из которых состоит она, как и всякая прямая линия, и из точек деления проведем линии, параллельные основанию. Их будет бесконечно много, и из них каждая ближайшая к солнцу будет менее предыдущей, а самая большая — меньше той, которая по условию была тотчас за нулем, между которою и между нулем ничего не было. Теперь возьмем в этом треугольнике ту из линий, проведенных параллельно основанию, которая есть ближайшая к светящейся точке и, следовательно, наименьшая из всех, и возьмем два луча, падающие на концы ее из какой-либо новой светящейся точки, положим из точки, находящейся на поверхности отдаленнейшей от солнца звезды. Получится, как и в предыдущем случае, треугольник, которого основание есть наименьшее из делений в первом треугольнике, а вершина лежит на поверхности далекой звезды. Проведя в этом треугольнике линии, параллельные основанию, мы вновь получаем бесчисленное множество все уменьшающихся и уменьшающихся величин, из которых наибольшая меньше того основания его (второго треугольника), которое лежит на солнце и в свою очередь было наименьшею из бесчисленных величин, все уменьшавшихся и уменьшавшихся вслед за основанием первого треугольника, которое по условию уже было самою малою, какая только возможна, величиною. И это построение новых и новых треугольников мы можем повторить столько раз, сколько есть светящихся точек в природе; а это значит, что пространственные величины уменьшаются в физическом мире никогда не исчезая. И это не воображаемые только факты, но действительные, — те, которые есть; потому что есть светящиеся точки и лучи, исходящие из них. Вдумываясь во все это, мы невольно приходим к убеждению, что природа физическая об-

ладает строением не более грубым, чем наш разум, и вещество в своих последних формах столь же тонко и неуловимо, как мысль. Скажем более: воображение человеческое не в силах следить за этим бесконечным утончением вещества; для него уже наступает не постижимое с первым же уменьшением величины, которая по условию, созданному мыслью, есть наименьшая из всех; оно останавливается в бессилии, — а величины, существующие в природе, все продолжают и продолжают уменьшаться, и никогда не наступит конца и предела этому уменьшению.

V. По происхождению своему числа и величины столь же первозданны, как первозданно само бытие, что прямо следует из того, что было сказано о пребывании в каждой части пространства всех форм и в каждой форме всех чисел. Что же касается до происхождения чисел в сознании человека, т.е. до порядка вступления их в это сознание из внешней природы, то немного об этом было сказано уже нами ранее*, а сказать больше без предварительных специальных исследований было бы затруднительно. Столь же затруднительно сказать что-либо и о том назначении, которое выполняют числа в природе. Можно предположить только, что числа облегчают, быть может, даже делают возможным соотношения и взаимодействия между частями природы и сообщают постоянную закономерную правильность этим соотношениям и взаимодействиям. Так можно думать потому, что число участвует во всех взаимодействиях и без него — без большего, меньшего и равного, без двойного, тройного и т.д. — мы не можем представить себе, чтобы совершилось что-либо, и едва ли это непредставимое совершалось бы в действительной природе.

VI. Типов чисел и величин несколько, и все они двойного и противоположного характера, т.е. каждый тип развивается из другого через его отрицание. Таковы числа и величины целые и дробные, положительные и отрицательные, соизмеримые и несоизмеримые, рациональные и иррациональные, действительные и мнимые. Каждый из этих типов величин должен быть изучен по всем схемам разума, т.е. должен быть понят в форме своего существования, в своей сущности, в своих свойствах, в происхождении и назначении и пр.

* См выше, с 46, 47, 51.

На некоторые, впрочем немногие, из этих вопросов уже находятся ответы в математике; так, она уже учит о происхождении и свойствах дробных, отрицательных и мнимых величин. Но это только две стороны бытия их, и ими не ограничивается оно.

VII. Наконец, изучая количественную сторону чисел, следует остановиться на вопросе — как следует понимать отношение какого-либо числа, положим двух, к различным, повидимому отдельным, проявлениям этого числа; т.е. следует ли думать, что каждое из чисел бесчисленное множество раз повторяется в природе и каждое из таких повторений самостоятельно, не зависит от всех других повторений; или же все эти повторения суть одно? Есть ли, напр., одна двойственность в природе, одно число два, или их бесконечное множество. Второй вопрос, который предстоит разрешить в этой форме науки, состоит в следующем: все числа, какие существуют в природе, и притом всех типов, в том виде, как мы знаем их, могут взаимно переходить друг в друга, происходить одно от другого. Так, два переходит в три через прибавление единицы, рациональное переходит в иррациональное через извлечение из него корня (3 в $\sqrt{3}$), действительная величина в мнимую (-1 в $\sqrt{-1}$) и т.д. Теперь спрашивается: эти взаимно происходящие друг от друга числа, откуда происходят все, т.е. что́ есть первоисточник чисел и величин, какое из них есть первочисло? и, во-вторых, как именно это первочисло перешло и переходит во все другие числа, т.е. через какой процесс и какую силу? Мы не решаемся ответить что-либо на эти вопросы и только указываем на них как на необходимые в науке, на которые должен быть дан ответ.

VIII. Поняв число в самом себе, следует понять его отношение к другим сторонам бытия, т.е. то, как оно соединяется с ними во всякой отдельной пребывающей вещи. По числу сторон бытия это учение распадается на учение об отношении числа к существованию и его видам; далее — к сущности, т.е. к материи и форме в существующем, к изменению и процессу в совершающемся; затем — к свойствам или отношениям; к происхождению или причине; к следствию или к цели (когда следствие бывает в то же время и целью); к сходству и различию и, наконец, к величине.

На этом общем учении о количестве, как на своем основании, должна покоиться чистая математика, как учение о различных величинах, их соотношениях, свойствах и, наконец, о различных действиях над ними, которые все основаны на точном понимании этих свойств и соотношений.

IX. Перейдем теперь к двум промежуточным формам, лежащим между учением о величинах вообще и между учением о величинах в их проявлении в природе, — к *Геометрии* и к *Механике*. Геометрия есть учение о пространстве и формах его; механика есть учение о движении как чистом соединении пространства и времени. Для соответствия недостает здесь учения о времени как третьего члена, отвечающего первому (учению о формах), который изучает один из двух элементов движения и одно из двух основных условий бытия. Где причина этого недостатка? В том ли, что время однородно и не имеет форм? Но и пространство также однородно, а формы, ему присущие, могут заменяться во времени чем-либо другим, что соответствует этим формам и столь же изучимо, как они. В вечной ли подвижности, текучести времени? Но эта текучесть столь правильна и постоянна, что именно она наводит мысль на присутствие здесь какого-то закона? Трудно ответить на все эти вопросы, а с тем вместе и трудно сказать, есть ли недостающее учение о времени необходимый и неизбежный недостаток в человеческом понимании или же временный и восполнимый, происходящий от того, что не пришла на мысль человеку какая-то идея, которая есть и ждет только своего открытия.

Что касается до учения о пространстве и его формах, то в *Пангеометрии*, идею которой создал наш великий геометр*, мы имеем четвертый и последний

* См.: *Лобачевский*. «Полное собрание сочинений по геометрии». Казань. 1883 г., изданное Казанским университетом и содержащее в себе «Воображаемую геометрию», «Новые начала геометрии с полною теориею параллельных» и «Пангеометрию»; а также все, что говорит об этом предмете *Ващенко-Захарченко* в своем прекрасном труде «Начала Эвклида с пояснительным введением и толкованиями». Киев. 1880 г. Глубокая оригинальность идей, соединенная с совершенною скромностью; мужество в продолжении изысканий, встреченных повсюду равнодушием и не доставивших автору при жизни ничего, кроме насмешек; наконец, строгость суждения и прекрасный, повсюду исполненный изящества и достоинства язык — все

фазис этой науки — высший, до которого она может развиваться, не изменяя своей природы (т. е. оставаясь учением о пространстве и его формах). С завершением этого фазиса, в который теперь только вступает геометрия, будет исчерпано содержание этой науки и понят окончательно предмет ее. Таким образом, в области человеческого понимания это будет первый образец законченной науки, первый случай, когда разум остановится, потому что ему некуда далее идти, нечего больше узнавать. Первый фазис ее был тот, который предшествовал Эвклиду и завершился в нем: это период, когда в сознании человека медленно и с трудом возникали первые геометрические понятия — понятие кривизны, прямизны, тождества в изменении направления и пр. Мы говорили уже ранее* о том, как возникали эти понятия, именно: как постепенно отвлекалось в сознании человека свойство предмета от самого предмета и как, раз совершив это отвлечение — разум стал комбинировать свойства и предметы как отдельные, самостоятельные сущности. Напр., как, наблюдая в природе линии более кривые и менее кривые, он отвлек это свойство от линий и получил понятие *кривизны* как непостоянства в направлении; а раз получив это понятие — стал изменять его в своем сознании произвольно, уже не руководясь наблюдаемым в природе. Так, мысленно уничтожив эту кривизну, он получил геометрическое понятие прямой линии как линии с тождественным, никогда не изменяющимся направлением, а придав изменению кривизны характер постоянства — создал понятие окружности. Создав же эти геометрические понятия о формах, или, что то же, найдя геометрические определения этих форм, он уже

эти редкие черты, столь отличительные для гения, лежат и на творениях Лобачевского, память которого для нас должна быть тем более дорога по смерти, чем менее он был понят и оценен при жизни. Его идеи нашли себе продолжателей в западноевропейской науке, и здесь они вызвали уже обширную литературу; что касается до нас, то, если мы бессильны пока воздать ему эту лучшую награду за совершенный труд, мы не должны забыть воздать ему меньшее и на что способны — сделать его имя столь же дорогим для себя и его идеи столь же понятными и распространенными, как это сделали мы относительно других немногих деятелей русской науки — Ломоносова, Карамзина и др.

* См. выше, с 101, 102, 103

стал на тот путь, который бессознательно и невольно привел его к открытию геометрических теорем. Второй фазис в развитии геометрии наступил тогда, когда она от изучения форм с тождественным направлением (прямоугольник и ее сочетания — треугольник, параллельные и пр.) и с тождественно изменяющимся направлением (окружность) перешла к изучению кривых линий с непостоянным направлением, но, однако же, правильно, постепенно видоизменяющимся, каковы эллипсис, парабола, гипербола, циклоиды и др. Нет сомнения, что этот порядок кривых далеко еще не изучен во всех своих формах; т.е. что есть еще много неоткрытых форм пространства с правильным изменением в кривизне, которые (формы) предстоит изучить науке. Но это изучение будет расширением науки, а не развитием ее в новые высшие формы, и оно может продолжаться независимо от этого развития, подобно тому как боковое ветвление дерева совершается независимо от его роста вверх. Третий фазис в развитии учения о пространстве наступил с открытием аналитической геометрии (Декарт), когда к исследованию соотношений и свойств пространственных форм было приложено учение о величинах вообще (Алгебра) и через рассмотрение тех из этих величин, в которых выражаются пространственные отношения, и через свободное комбинирование их на основании их собственных свойств как алгебраических количеств получилась возможность предусматривать новые, неизвестные дотоле пространственные отношения, и притом *исчерпывающим* образом. Наконец, четвертый и последний фазис в развитии геометрии наступил, как мы уже заметили, с открытием возможности и необходимости изучать формы пространства не трех только измерений, как это было до сих пор и как это допускают представляющие способности человека, более узкие, нежели способности мышления, но n измерений. Это обобщение в геометрии можно сравнить с тем обобщением, которое наступило для учения о величинах с открытием алгебры.

Здесь мы вынуждены вновь остановиться на указании одного недостатка, который ясно чувствуется в учении о величинах. Это — недостающее учение о *неопределенных формах* (с непостоянным изменением кривизны). И этот недостаток, неизмеримо важный по своему значению, как кажется, невосполним по одной особенной причине.

В самом деле, из того, что было сказано нами ранее о природе вещей и явлений, ясно, что форме принадлежит едва ли не преобладающее значение в определении того, чем и каковы бывают эти вещи и явления. А между тем только немногим из них присуща геометрически правильная форма, все же остальные имеют неопределенную форму. Так, напр., очевидна несомненная и тесная связь между тем, что мы наблюдаем в свойствах организмов и в особенном характере органических явлений, и между внутреннею формою, которая присуща им (организмам и органическим процессам); а между тем по неопределенности этой формы мы не можем точно определить эту связь и из нее объяснить многое непонятное, что мы замечаем в этом своеобразном мире существ. Да и в мире неорганическом — многие ли движения совершаются по коническим сечениям и многие ли тела состоят из треугольников и других правильных фигур? Таким образом, по-видимому, вследствие неопределенности формы почти во всем и вследствие зависимости всего от этой неопределенной формы человеку предстоит вечно изучать не природу, но только некоторое в этой природе, видеть и понимать не образ ее, но только немногие черты этого образа. Неизучима же неправильная форма потому, что орудие геометрии есть определение; и потому все, что не поддается ему — а таковы все неопределенные формы, — по самой природе своей не может быть изучено и понято.

Х. Механика, как уже сказано, есть учение о движении. Движение же в своей чистой форме есть *соединение пространства и времени*; потому что если из движения выделить проходимое пространство, то останется чистое время — то, в которое проходило это пространство; а если выделить время, останется чистое пространство — то, которое было пройдено. И если, глубже вдумываясь, следить за движением какой-либо точки, то невольно заметишь, что с каждым поступательным перемещением ее как бы вбирается лежащее впереди пространство и наступающее время и, сплетаясь в одно, остается позади ее в новом явлении — в движении, которое совершено*.

* В связи с этим см. сказанное выше, на с. 246, 247

Рассмотрим взаимное отношение этих элементов в движениях и зависимость движения от изменения одного из этих элементов при неизменности другого.

Пусть какое-либо движение состоит из двух равномерных частей пространства и времени, которые приемем за единицы. По произволу мы можем выбрать для этого всякое движение; но только раз выбранное не следует изменять. Назовем его *нормальным движением*.

1. *В нормальном движении пусть пространство остается неизменным, а время изменяется, от единицы уменьшаясь до нуля и от этой же единицы увеличиваясь до бесконечности.*

Когда время = 1, движение, как уже сказано, есть нормальное. Когда время становится < 1, движение ускоряется сравнительно с нормальным, и притом во столько раз, во сколько раз увеличивается знаменатель

дроби, которою теперь обозначается время; так, в $\frac{1}{2}$

времени скорость удваивается, в $\frac{1}{4}$ учетверяется и т.д.

Это значит, что *скорость в движении увеличивается пропорционально уменьшению времени*. Наконец, когда время = 0, движение исчезает и остается чистое пространство. Что это значит и какой смысл имеет это в мире реальных явлений, где к чистому движению примешиваются движущиеся тела? Это значит, что явление из преемства превратилось в сосуществование. Сосуществование есть именно преемство, совершающееся вне времени, есть движение с выделившимся временем, в котором осталось одно чистое пространство. Чтобы объяснить это, возьмем следующий пример. Пусть в некоторой плоскости, геометрически правильной, лежит некоторая прямая линия, также геометрически правильная, но сгибающаяся, один конец которой прикреплен к плоскости. Теперь возьмем свободный конец этой линии — положим, нити — и станем приподнимать его, не натягивая нити. Мы увидим, как точка отделения этой линии от плоскости побежит вперед, проходя в известные времена известные пространства. Повторив этот опыт несколько более натянув нить, мы ускорим движение, заставив точку отделения пробежать то же пространство в меньшее время. Наконец, натянем нить так, чтобы она стала совершенно несгибаемой, матема-

тической линией, и снова приподымаем ее свободный конец. Явление движения уже исчезнет; мы не увидим бегущей точки, и ее не будет действительно: все точки поднимаемой линии сразу отделятся от плоскости, получится явление одновременного поднятия их, и останется чистое пространство, на котором это поднятие совершилось. Итак, с исчезновением времени движение становится пространством, и движущееся из преемства превращается в сосуществование. Наконец, когда время > 1 , движение замедляется сравнительно с нормальным, и это замедление также возрастает прямо пропорционально увеличению времен, становясь бесконечным, когда бесконечно время.

2. В нормальном движении пусть время остается неизменным, а пространство изменяется.

Когда пространство $= 1$, тогда движение нормальное. Когда пространство < 1 , движение замедляется пропорционально возрастанию знаменателя дроби, выражающей собою пространство. Когда пространство $= 0$, движение исчезает и остается чистое время. Что это значит? Это значит, что явление стало чистым преемством, совершающимся во времени, но чуждым пространственных элементов. Таковы все явления, происходящие в духе человека. Напр., когда во мне развивается какая-либо идея, несомненно, что нечто изменяется во мне, но это изменение совершается только во времени: оно проходит между началом и концом развития идеи, но между этим началом и концом нет никакого пространственного расстояния. И так как всякое изменение есть все-таки движение, то мышление есть движение, из которого выделилось пространство, превратившись в нуль. Наконец, когда пространство становится > 1 , движение ускоряется, и это ускорение возрастает до бесконечности, когда до бесконечности увеличивается пространство.

XI. В учении о количественной стороне вещей и явлений в Космосе следует определить количественные соотношения всего, что имеет математическую правильность в строении или в процессе. Сюда прежде всего относится кристаллография и та часть физики, за которою все более и более утверждается название математической. В учении же о количественной стороне Космоса должно содержаться изложение количественных соотношений между целыми частями Космоса. Сюда относится та часть астрономии, за которою со времени Лапласа утвердилось название «Небесной механики».

Глава XIII

УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ТВОРЯЩЕМ, ИЛИ О ДУХЕ

I. Учение о Мире человеческом и его отношение к учению о Космосе. Дух человеческий как творческий источник нового порядка вещей, не имеющих с вещами физическими другого сходства, кроме существования и сторон бытия; смысл и границы учения о Мире человеческом. — II. Распадение учения о Мире человеческом на учения о творчестве, о законах или соотношениях в творчестве, о добре и зле, о целях или о должном, о средствах или о путях к должному и о сотворенном, или историю. Учение о творчестве и его формы: о творящем, о творении и о творимом. — III. Учение о творящем, или о духе как источнике жизни; состав этого учения. Два основных вопроса учения о духе — о том, что он такое? и бессмертен ли? Путь разрешения этих вопросов. — IV. Наблюдаемые отношения психических явлений к организму суть ли отношения свойства к существу или же существа к существу? Четыре доказательства самостоятельности духа как существа: 1. свойства не имеют возвратного действия на то, чего они суть свойства; 2. свойства не могут быть творческим источником вещей; 3. свойство не может оценивать и осуждать то, чего оно есть свойство, и стремиться к иному, нежели то, в чем оно пребывает; 4. свойство не может иметь природы, отличной от природы того, чего оно есть свойство. — V. Дух, самостоятельный как существо, не материален ли? Факт отсутствия прямого действия духа на вещество и вещества на дух. Закон тождества между природою причины, которая производит, и между природою следствия, которое производится ею; из производимого духом ничто не материально. Дух как нематериальное существо. — VI. Два сомнения, удерживающие от признания духа как нематериального существа: отсутствие в природе еще где-либо духа, кроме природы человека, и факт расстройств духовных явлений с расстройством организма человека. Понятие о причинности производящей и обуславливающей; факт, параллельный расстройству психических явлений от расстройства организма, где одно, исчезающее с расстройством другого — не есть его следствие и предшествовало ему по времени. Способен ли мозг служить органом психических явлений? Постоянство содержа-

ния, неизменность процесса и повторяемость, как необходимые условия в функционировании всякого органа; в психических явлениях изменяется содержание их, самая форма, и они не периодичны. — VII. Имеет ли значение для человеческого мирозерцания принятие или отрицание духа как самостоятельного нематериального существа? Невозможность материалистическо-механического воззрения на природу; принятие одухотворенного вещества как необходимое следствие отрицания духа как самостоятельного существа. — VIII. Будучи самостоятельным существом и нематериальным — что такое дух в самом себе? Мир «смешанных» вещей, в которых проявляется человеческое творчество. Вещество как неизменно входящее в них из природы; очертание как неизменно входящее в них из духа; способность духа производить неопределенное число раз одну и ту же форму; способность его творить разнообразные формы; дух как форма форм. — IX. Бессмертен ли дух? Смерть как отделение оформливающего от оформливаемого; невозможность приложить это понятие к духу. Смерть как изменение чего-либо в чем-либо; форма может измениться только в пределах формы же; невозможность измениться для духа, как для формы форм. Из творимого духом ничто не разрушается, но только выделяется из «смешанных вещей», сохраняя неизменно свою природу; следовательно, не может разрушиться и дух как источник неразрушимых вещей. Как следует понимать существование духа по разрушении тела; факты, могущие разрешить этот вопрос. Форма чистого существования, не замкнутого в какой-либо предел. — X. Разум, чувство и воля как формы, под которыми является творческий дух. Типы и состояния разума. — XI. Чувство и его нисходящие формы: волнения, состояния, типы, настроения; виды чувства; колебания чувства. — XII. Воля; о двух источниках желания — первозданной природе человека и его изменчивой природе; о целях воли; элементы и состояния воли. Вопрос о свободе воли; она не неограничена внешним для человека миром; именно потому, что она ограничена им, она не есть его создание и по времени предшествует его влиянию. Внешний мир как источник, отклоняющий волю от ее первоначального направления.

I. *Учение о Мире человеческом* есть вторая форма *Учений о познаваемом* и с тем вместе последняя, которою завершается *Понимание*.

Что следует разуметь под *Миром* человеческим в отличие от *Космоса*, о котором говорилось до сих пор?

Как и *Космос*, *Мир* человеческий есть продолжение того же бытия, которое расследуется в первой части *Учения о познаваемом*. Во всем, что составляет его, мы находим те же стороны бытия, соответствующие схемам разума, которые находим и в каждой вещи, принадлежащей к физическому миру. Государство или

искусство, так же как минерал или организм, имеет свою форму существования, свою природу, свойства, происхождение, цель, сходство и различие и количественную сторону. Таким образом, то, что познается в вещах Мира человеческого, есть то же, что познается в вещах мира физического. Но то, в чем познается это, уже не похоже на Космос.

В центре Мира человеческого находится новый источник бытия, чуждый миру физическому и которому чужд мир физический. Этот новый источник — человеческий Дух. Правда, он окружен Космосом, он погружен в материю. Но тот мир, который исходит из него, столь же сложен и разнообразен, как сам Космос, и, быть может, не менее велик и прекрасен, чем он. И этот исходящий мир столь же не похож на мир физический, так же глубоко своеобразен и самобытен, как его источник, погруженный в материю, не схож с этой материей.

В этом мире есть свои вещи — государства, религии, искусства, науки — и они не имеют с вещами физического мира другого сходства, кроме того, что *существуют*, как и они, и в тех же *сторонах* бытия; в нем есть свои силы, движущие эти вещи, — возвышающие, поддерживающие и разлагающие, напр государства, — и они не имеют другого сходства с физическими силами, кроме того, что *действуют*, как и они; в нем есть свои законы, но это уже не законы механического соотношения.

Потому-то и невозможно среди других существ, лежащих в Космосе, рассматривать и дух человеческий как *одно из них*, потому-то и необходимо признать рядом с Космосом существование второго мира, что тогда как в Космосе все есть сотворенное, из которого уже ничего не исходит, — дух человеческий есть творящее, из которого исходит мир новых и новых разнообразных вещей, которые живут, движутся и подчиняются новым, до акта творчества не бывшим, законам и силам. Возьмем ли мы в мире вещественном небесные тела, или минералы, или организмы, — мы видим в них последние звенья предшествовавшего творческого акта, которые сами уже лишены творческой силы. Камень, разбившись, может разделиться надвое, но эти две части уже были в нем; растение, умирая, может воспроизвести другое растение, — но это другое только воспроизводит первое и ничего нового не вносит

с собою в мир. Словом, в мире физическом, сколько бы мы ни искали, мы не найдем ничего такого, что служило бы творческим источником новых, на него не похожих вещей, в которых действовали бы силы и законы им одним, этим новым сотворенным вещам, присущие. И в этом резкое и глубокое различие вещей мира физического от духа. Дух есть творческий источник политических форм, и эти политические формы разнообразятся, живут и умирают, повинуюсь своим законам, и в них мы наблюдаем действие своеобразных сил; он творит формы прекрасного, и являются искусства, которые мы классифицируем и изучаем как самостоятельные существа, как организмы или минералы в физическом мире; из него истекают идеи, и мы познаем процессы их происхождения, их свойства, их жизнь. Ничего подобного мы не находим в существах материальных. Каждое из них замкнуто в самом себе, единично и ни в чем другом вне себя не пребывает. Его бытие ограничено существованием, природою, свойствами и пр., и, познав их, мы познали его; потому что, кроме этих сторон, оно ничего не имеет. Тогда как, познав Дух, нам предстоит еще познать творения его, сложнейшие, чем сам он вне творческой своей деятельности.

Итак, под учением о Мире человеческом мы разумеем учение о Духе и том, что исходит из него; а также и о всем, что, не будучи произведением этого Духа, имеет, однако, соотношение с его только деятельностью и вне ее не проявляется. К последнему принадлежат, напр., явления добра и зла: не дух человеческий делает, что одно из творимого им есть зло, а другое — добро, не он придает совершенному это значение; но вне его воли и господствуя над всем, что происходит в мире человеческом, — одно является добром, другое — злом; однако же вне этого мира оно не проявляется. Есть и еще другое, что носит на себе тот же характер.

II. Познание Мира человеческого, сообразно с природою своею, распадается на следующие формы: на *Учение о творчестве*; на *Учение о законах*, или неизменных соотношениях, господствующих в творчестве; на *Учение о добре и зле* как особом значении творимого; на *Учение о должном или о целях творчества*; на *Учение о средствах или о путях к должному* и на *Учение о сотворенном*, или историю.

Учение же о творчестве распадается на *Учение о творящем, о творении и о творимом*. Первое познает то, *что творит*, т.е. дух человеческий как источник жизни; второе познает то, *как творит*, или процессы творчества жизни; третье познает то, *что творится*, или формы жизни, — где под жизнью разумеется все, исходящее из духа и получающее после акта творчества свое особое, самостоятельное существование.

III. *Учение о творящем духе человеческом*, переходя в понимание, определяет существование его, раскрывает его природу, изучает свойства, открывает происхождение и назначение, устанавливает типы и определяет количественную сторону, т.е. отношение единичного ко многому.

Рассматривая внутреннее содержание учения о Мире человеческом, мы будем указывать на все формы этого учения, постановляя все вопросы, на которые здесь предстоит ответить разуму. Но уже не будем, как это мы делали в учении о Космосе, останавливаться над каждой отдельной из форм, давая на эти вопросы первые предварительные разрешения, которые могли бы послужить указанием при дальнейших разысканиях настоящих и положительных ответов на них. Причина этого — чрезвычайная сложность учения о Мире человеческом и желание внимательнее остановиться на тех формах его, которые не зависят от схем разума и присущи ему по его собственной, особой природе.

Так и в учении о духе человеческом как источнике жизни мы не будем систематически останавливаться на всех только что перечисленных формах, но только на некоторых, которые уже неоднократно привлекали к себе всеобщее внимание по своей чрезвычайной важности. Таковы два вопроса: о том, *что такое дух человеческий*; и о том, *бессмертен ли он*? Первый принадлежит той из перечисленных выше форм учения о нем, которая имеет своим предметом природу изучаемого, хотя и не занимает собою всю эту форму, — ей предстоит еще определить строение духа. Другой вопрос принадлежит учению о форме существования духа, также не исчерпывая всей этой формы.

Вопрос о том, *что такое дух человеческий*, есть вопрос о самостоятельности того источника, из которого истекают общеизвестные явления мышления, чувства, воли и который сам остается скрытым за этими

явлениями и недоступным прямому, грубому изучению. Поэтому здесь нам предстоит косвенный путь исследования: через познание того, что исходит из неизвестного источника, — определить природу этого источника, и притом с несомненностью, равной той, которую дает прямое изучение. Этот косвенный путь познания присущ, впрочем, всем высшим формам науки, касающимся важнейших областей бытия; только единичное и частное, ничтожное по своему значению, может быть предметом непосредственного, прямого познания.

IV. Итак, среди существ и явлений вещественного мира лежит ли особенное, им чуждое существо, которое мы называем духом? или этого существа нет, как самостоятельного, и то, что относится к нему как к своему источнику, принадлежит веществу же? Вот основной вопрос, первый в учении о Мире человеческом.

Есть самые глубокие и самые точные основания думать и утверждать, что мышление, чувство и воля не суть свойства вещества, из которого состоит человеческий организм, и что, следовательно, источник их есть некоторое особое существо с независимым от вещества существованием и отличною от него природою. Эти основания все покоятся на необходимости некоторого определенного отношения между свойствами и сущностью, которое не замечается в отношениях между мышлением, чувством и волею, с одной стороны, и между организмом человека — с другой.

И в самом деле, *свойство чего-либо не может господствовать над тем, чего оно есть свойство*. По самой природе своей *свойство* всегда исходит из того, в чем или на чем оно пребывает, и может влиять на *внешнее*, но *возвратного влияния* не имеет. В бытии как синтезе определенных сторон сущность, как основная из них, не может быть страдательным объектом деятельности свойств как обусловленных сторон, пребывающих в этой сущности или держащихся на ней, и всегда неподвижных по отношению к этой сущности. Поэтому всякий раз, когда мы замечаем, что какая-либо сущность (в данном случае — тело) подвергается изменяющемуся, и притом различным, непостоянным образом, действию каких-либо явлений, то мы должны заключить, что эти явления исходят от существа, от-

деленного от изменяемого; подобно тому как, видя притягивающееся тело, мы умозаключаем с несомненною достоверностью, что есть и другое, притягивающее его тело, — хотя бы последнее и оставалось для нас невидимым. Такое господствующее положение действительно принадлежит духу по отношению к телу: не ум мой размышляет, чувство волнуется и воля желает, повинувась телу; но тело движется, выполняя решенное мышлением, приятное для чувства, поставленное как цель для себя — волею. Но высшим проявлением этого господства может служить факт, когда самое существование организма уничтожается под влиянием психического явления: это самоубийство. Как может свойство уничтожить то, чего оно есть свойство?

Далее, *не может свойство вещи творить новые вещи*. И в самом деле, по своей природе свойство или неподвижно пребывает в чем-либо, или влияет на что-либо внешнее для того, в чем оно пребывает, но что существовало ранее. Исходить же из свойства и становиться самостоятельной вещью ничто не может; потому что в свойстве нет силы придавать чему-либо существование, так как само оно не обладает им самостоятельно, но в зависимости от сущности того, в чем или на чем пребывает. Так, прямизна или кривизна линии не может создать новой линии, твердость камня не может произвести другого камня. Между тем из того, самостоятельность чего как существа в нас возбуждает сомнения, истекает многое, что пребывает затем отдельно: государство во всем разнообразии своих форм, наука, искусства и пр. Все это, появившись, существует независимо от субъективного духа, из которого вышло некогда (например, та или другая политическая форма, раз созданная умом великого человека, остается и по смерти его, а иногда при жизни его — вопреки его воле).

Затем *то, что пребывает в бытии как часть его, не может осуждать этого бытия и стремиться к другому, которого нет*; так, свойство какого-либо существа не может оценивать его и стремиться к замене его другим существом. Потому что такое стремление противостоит естественности и такое оценивающее отношение невозможно, так как ему не на что опереться и не из чего изойти. И в самом деле, если что-либо не случайно и не

временно является частью другого (в таком случае оно было бы самостоятельно, так как до соединения пребывало бы отдельно от того, чего потом стало частью), но входит в его сущность постоянным и неизменным элементом, как, например, по обсуждаемому предположению психические явления входят нераздельною частью в организм, то ясно, что и для целого необходима эта часть, и для части необходимо это целое. Не будучи отделены друг от друга, не зная другого существования, кроме совместного, и не испытав совместности ни с чем другим, как только друг с другом, — как могут это целое и часть почувствовать неудобство этой совместности, которое одно могло бы стать источником этого оценивающего отношения? И на что могло бы опереться это оценивание со стороны части, или свойства, кроме как на то одно, что составляет сущность и целое для него и что именно и оценивается? И что есть в свойстве, или в части, что независимо от целого, или сущности и даже в противоречии с ними могло бы создать в себе образ или понятие о чем-то другом, лучше, нежели это целое, или сущность? А между тем в отношениях духа к телу есть это оценивание: дух сдерживает многие из естественных стремлений тела, осуждает их и порою уничтожает; таковы все проявления грубой чувственности, естественные в теле как физическом организме и осуждаемые духом (чувство стыдливости), что не могло бы иметь места, если б дух в действительности был только свойством организма.

Наконец, *не может свойство по своей природе быть отличным от того, чего оно есть свойство*. Так, пространственным формам могут быть присущи только пространственные же свойства, т.е. соотношения с пространством; так, свойства движения не могут быть ничем иным, как отношениями к соединенному пространству и времени. Словом, к какому порядку бытия принадлежит существо, к тому же порядку бытия принадлежит и его свойство. Не может, например, ни линия обладать тяжестью, ни движение — цветом или запахом. Между тем мышление, чувство, воля не одной природы с организмом. Различие между геометрической теорией пределов и мускулами, между добротой и кровью, между стремлением к красоте и веществом мозга еще более и глубже, чем различие,

например, между прямою и тяжестью или движением и запахом. Здесь несоизмеримость яснее, очевидность, что одно не укладывается в другое, не есть часть этого другого — поразительнее.

Таким образом, *все отношения духа к телу суть отношения не свойства к сущности, но сущности же к сущности (существа к существу)*. Перейдем теперь к рассмотрению того, что указывает на нематериальность этого, уже несомненно самостоятельного, существа.

V. Сюда относится прежде всего факт, что *ничто из вещественного не обнаруживает своего влияния (непосредственного действия) на духовное и, наоборот — ничто из духовного не влияет (непосредственно не действует) на вещественное*. За явлениями психическими и материальными скрываются два существа, из которых для одного не существует другое. И в самом деле, ни порядок, ни направление, ни сила, например, мышления не изменятся, каким бы веществом и в каких бы количествах ни был окружен человек; между тем как всякое существо с несомненно физическим характером непременно почувствует на себе влияние окружающей физической массы. И наоборот: вещество физическое никогда не ощутит на себе влияния человеческого духа, как бы силен он ни был и как бы близко к этому веществу ни находился он. Словом, дух не чувствует присутствия вещества и вещество не чувствует присутствия духа, и это так общеизвестно, что противное сочлось бы за чудо*: было бы чудом, например, если

* Любопытный пример путаницы понятий представляет тот факт, что спиритуалисты всегда стремились утвердить свою веру в существование духа указанием на такие чудеса, а материалисты стремились поколебать эту веру и поддержать свое неверие доказательством, что таких чудес нет. При этом спорные чудеса всегда были фактами влияния духа на вещество (он сказал, чтобы гора сдвинулась, — и гора сдвинулась, или в новейшее время спирит захотел, чтобы стол поднялся, — и стол поднялся) и вещества на дух (животный магнетизм, месмеризм). Между тем в действительности каждая из ожесточенно споривших сторон спорила не за то, что защищала, но за то, что опровергала, т.е. не за себя, а за противную сторону. И в самом деле существование психических явлений — мышления, чувства, воли — всегда было фактом, который не вызывал опровержений и не нуждался в подтверждениях по своей очевидности для всякого. Весь вопрос был в том, что скрывается, как

6 человек одним желанием мог сдвинуть вещь, или одною идеею порядка мог разместить вещи известным образом, или одним гневом на что-либо материальное — уничтожить или разрушить его. Равным образом и противное сочлось бы за чудо: было бы чудом, если б близость большой горы как-нибудь влияла на мышление или близость больших залежей железа или какого другого вещества вызывала бы чувство радости у тех, кто на поверхности земли живет над ними.

Второе доказательство нематериальности того источника, откуда исходят психические явления, основывается на законе *тождества между природою производящей причины и производимого следствия*. Следствие всегда есть следствие только своей причины, и поэтому природы, измененной в сравнении с природою причины, в нем неоткуда взяться: в причине ее нет, а не из причины она не может явиться, потому что это другое, откуда она явилась бы и была бы ее причиною; т.е. опять в следствии была бы природа только причины же. Приложим этот закон к источнику психических явлений и к тому, что производит он. Вещество никогда не создавалось и не может создаться духом; а то, что создавалось им, всегда было не вещество. Так, теорема, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, равно и всякая другая истина, как известным образом соединенные между собою мысли, не имеют в себе ничего материального. А между тем и эта теорема и другие истины вышли, как из источника своего, из того, вещественность или невещественность природы чего в нас возбуждает сомнение. Далее,

производящий источник, за этими явлениями — вещество ли или нечто отличное от него, что как таковое и получало особое название — духа. Теперь, когда спиритуалисты, думая поддержать свою веру в существование духа как начала, отличного от материи, приводили факты, что человек своим мышлением или желанием приводит в движение вещество, то этим они доказывали только, что дух сам есть вещество или, что то же, что духа как начала, отличного от вещества, — нет, а когда материалисты утверждали, что таких фактов движения вещества духом нет и не может быть, то они утверждали именно то, что в человеке есть нечто несомненно нематериальное, т.е. дух. Потому что, повторяем, во все времена спора существование явлений, материальность или духовность источника которых возбуждала сомнение, оставалось общепризнанным (с той и другой стороны) фактом

возьмем формы государств: то, что обнимается этими формами (т. е. совокупность людей и земель со всем тем, что есть у них и на них), вещественно и не создано духом; самые же формы, то, что обнимает это вещественное, суть идеи о должных отношениях между людьми, не заключающие в себе ничего вещественного, — и они-то именно созданы духом. Также в картине полотно и краски не суть произведения духа и материальны; но выражение, например, грусти в нарисованном образе вышло из духа художника, и оно не материально (*состоит не из красок, но выражено через известное соединение красок*). Словом, неизменно и постоянно из того, чего природу мы определяем, исходят нематериальные вещи; а то материальное, соединяясь с чем они получают видимое существование, исходит не из него, но было прежде в физическом мире. Следовательно, эта неизвестная природа, источник нематериальных истекающих вещей, невещественна. И так как ранее было доказано, что она есть существо, то, следовательно, *есть дух как нематериальное существо*.

Это доказательство таково, что для всякого непредубежденного ума, который вдумается в него, существование духа как нематериального существа должно стать столь же очевидным, как для видящего падение камня очевидно, что есть кто-то (или что-то), кто его подбросил; потому что природа доказательства в обоих случаях одна и та же. И как человек, видя падающий к своим ногам камень, оглядывается не для того, чтобы убедиться, что действительно *есть* тот, который его бросил, но только для того, чтобы узнать — кто он; так и то, что остается для непредубежденного ума после приведенного доказательства, есть единственно познание духа, его природы и свойств, но уже не существования.

VI. Однако так как из всех людей наиболее жаждущие и достойные убеждения суть всегда предубежденные, то мы и остановимся на том, что — как это испытали мы сами — всего сильнее удерживает от признания духа как особого от тела существа. Сюда относятся два факта: *несомненная связь между духом и телом; и отсутствие в природе внешней еще где-нибудь духа, кроме человека*.

Правда, что дух, вообще господствующий над телом, находится также и в зависимости от него. Но доказывает ли это, что дух есть функция тела (отправление его)? Столь же мало, как зависимость тела показывает, что оно есть функция духа. Я хочу (это есть несомненно психический факт) писать это сочинение, и у меня есть мысли, которые я изложу в нем; и вот моя рука (часть тела) берет перо и движется, направляемая мыслью. Значит ли это, что движущаяся рука есть только проявление моего желания и моей мысли? Рассмотрим тщательнее следующий поразительный пример, в котором зависимость двух начал, несомненно отдельных и различных по природе, во всем подобна зависимости души от тела и есть даже в действительности тень, отражение этой последней. Передо мной висит картина, изображающая грустное лицо, и живость, с которою нарисована она, так велика, что всякий раз, когда я смотрю на нее, во мне невольно пробуждаются грустные чувства. Теперь я беру ее и стираю, порчу черты лица; выражение исчезло; и я вижу перед собою попорченный образ, который на меня уже не производит более прежнего впечатления. Что мы наблюдаем при этом? Изменилось расположение красок (пусть я стер так искусно, что они не остались на губке, но только размазались на картине), т.е. вещества, и по мере того, как происходило это изменение — начало исчезать, а затем и совершенно пропало и выражение грусти в лице. Теперь, было ли это выражение грусти присуще самым краскам, или оно нечто независимое от них, прившедшее к ним, чтобы в них, видимо, выразиться? Нет, потому что мы знаем, что грустное чувство прошло некогда по душе художника и через образ, возникший в нем, он выразил это чувство в веществе. Т.е. померкавшая и затем исчезнувшая грусть в картине есть *особое* от картины существо. Оно *было* ранее картины, и самая даже картина была нарисована для того, чтобы воспринять в себя это существо. Так точно с болезнью, когда неправильно изменяется, «стирается» прежнее устройство нервных центров, правда человек теряет сознание или это сознание становится неправильным. Но как ошибочно было бы думать, что грусть в нарисованном образе есть только свойство красок, потому что исчезает с изменением расположения их, так ошибочно

умозаключать, что утраченное сознание есть отправление расстроенного мозга потому только, что с этим расстройством и в зависимости от него оно утратилось. Как в картине краски, так и в психических явлениях мозг есть *не причина, из которой исходит следствие, но побочное условие, которое или задерживает, или изменяет это следствие, идущее от другого источника.*

Второй факт, что ничего подобного человеческому духу нигде, кроме человека, не замечается в природе, должен возбуждать гораздо менее сомнения и вообще незначителен. Даже и между чисто физическими силами весьма многие долго оставались скрытыми от человека, проявляясь заметным для него образом в одном или нескольких предметах (электричество в янтаре при натирании его, диамагнетизм в немногих металлах). И как эти одинокие факты, раз над ними задумался человек, повели к тому, что, внимательнее всматриваясь в природу, он открыл обширнейшие области могущественнейшего действия новых для себя сил, так, быть может, со временем, всмотревшись глубже в Космос, — он откроет в нем повсюду влияние психического начала.

Многим внушает также сомнение — но это уже не убеждающий факт, а подавляющая убеждение сила авторитета, — что столько умов такой признанной силы утверждают, что психические явления суть отправления мозга. Это имеет простое объяснение: здесь действует ассоциация идей, не замечаемая теми, на кого она действует, именно вследствие своей могущественности. Все, которые, занимаясь физиологиею, задумывались над происхождением психических явлений, невольно объясняли их физиологическими причинами, потому что их мысль вжилась в эти причины. Но и все, которые занимались наблюдениями исключительно над психическими явлениями, т.е. субъективным анализом, также объясняли их с точки зрения духа как самостоятельного существа. Силу ума и, следовательно, свободы от невольных привычек профессии мы не будем оценивать у тех и других; хотя вообще перевес склоняется здесь на сторону идеалистов, так как по общему признанию всех людей они принадлежали к первым умам всего человечества. Платон и Аристотель в древнее время, Декарт, Спиноза и Кант — в но-

вое по могуществу и точности мышления никогда не имели себе равных. Это вершины психического развития, выше которых никогда не поднимался человек. Но не мнения, кем бы ни высказывались они, важны здесь, а доказательства; а ни одному из физиологов еще не удалось обнаружить процессов, посредством которых, например, понятия отделяются от мозга. И даже никто этого не пытался сделать, так как процессы эти внутренние и не могут быть наблюдаемы. Единственное же, что доказывали они и на чем основывалось всегда их мнение, что дух есть отправление мозга — есть зависимость психических явлений от мозга, что хотя и справедливо, но ничего не доказывает. Мозг есть не причина, производящая психические явления, но условие, при котором они происходят в духе. Неразличение здесь причинности производящей от причинности обуславливающей то, что уже ранее и другим произведено, есть именно то отсутствие тонкости и отчетливости в мышлении, которое всегда было так чуждо названным идеалистам и так нечуждо обыкновенным умам.

Но в самой области физиологии есть один факт, который, мы уверены, непреодолимо убедит тех, которые посвятили себя этой науке, что психические явления не суть отправления мозга. Его доказательная сила так поразительна, что причина, почему до сих пор никто не воспользовался им для разъяснения отношений духа к телу, может заключаться только в том, что он, как и все лежащее прямо перед глазами, не остановил на себе ничьего внимания. Его все видели, и потому именно никто не замечал. Искали тончайших доказательств в отдаленнейших областях знания, когда доказательство, не нуждающееся в подкреплениях и разрешавшее спор, лежало при самом входе в науку. Это — способность всякого органа только к одному отправлению, постоянному во времени, неизменному в форме, с тождественным содержанием. И в самом деле, ни один из органов человеческого тела не может ни на минуту приостановить своего отправления, не может ни в чем изменить процесса этого отправления, не может нисколько разнообразить своего содержания, — и это общий закон природы, не только человеческой, но и вообще органической. Так, сердце не может то сжиматься, то не сжиматься; в кровеносных

сосудах кровь не может течь то в одном направлении, то в другом; поджелудочная железа не может выделять из себя то один сок, то другой. Каждый из этих органов, как и всякий другой, действует *постоянно так же над тем же*. Это закон тождества функционирования в органическом мире, основной для него и отличительный. Он определяет, что в каждом органе полная функция неизменно повторяется в следующей полной функции с сохранением тождества в продолжительности, в форме процесса и в содержании того, что процессирует. Нарушения этого закона никогда не происходит, и оно невозможно физически и немыслимо для разума; задержание же его причиняет болезнь, когда оно незначительно, и смерть — когда значительно. Основывается же он на сущности органа как своеобразной и целесообразной части организма, согласно с которою в органе в следующий момент не может произойти ничего, чего не произошло в момент предыдущий, — именно того одного отправления, для которого он предназначен своим строением и в выполнении которого состоит жизнь его. Теперь обратимся к психическим явлениям и посмотрим, таковы ли они, чтобы их можно было отнести как отправления к мозгу, как своему органу? Нет, психические явления в последующие времена не суть то же, что в предыдущие, ни по продолжительности, ни по форме, ни по содержанию; напротив, во всем этом они бесконечно разнообразятся, не сдерживаемые никаким законом; словом, они не суть функции не только мозга, но и никакого органа. Никакой повторяемости нет в психической жизни человека. Сегодня я радуюсь, завтра грущу; теперь ни о чем не думаю, но сейчас буду решать геометрическую задачу; в последнее время испытываю ко всем зависть и желаю всем зла, а прежде был со всеми простодушен и добр. При этом, когда я от мышления перехожу к чувству или от чувства к желанию — происходит перемена в форме функции; когда думаю об одном и потом о другом или от одного чувства перехожу к другому — происходит перемена в содержании функции; когда от равнодушного состояния перехожу к деятельному — происходит остановка и возобновление функции или по крайней мере замедление и ускорение ее. И все это в неопределенные промежутки времени, с неопределенным разнообрази-

ем содержания форм и без всякого болезненного ощущения в организме. То есть, если все это совершается в мозгу, то он есть такой орган, который в противоположность всем другим может то действовать, то не действовать, то с одним содержанием, то с другим; подобно тому как если бы легкие то дышали, то переставали дышать и вдыхали бы то кислород, то какой-нибудь другой газ, в одном случае внутренно расширяясь всем существом своим (как теперь), то просто образуя в себе углубление. Но все это могло бы совершаться в мозгу только в таком случае, если бы в последующие моменты времени он оставался не тем, чем был в предыдущие, т.е. постоянно видоизменялся бы в строении своем. Но тогда он не был бы уже органом. Итак, мозг есть или совершенно не орган, или он не есть орган мышления и других психических явлений.

VII. Но предположим на время, что все сказанное не сказано, и посмотрим, чем должно стать человеческое миросозерцание с отрицанием духа как самостоятельного существа. Мы утверждаем, что если даже принять это положение, если согласиться, что мышление есть отправление мозга, а мозг есть состав из серы и других веществ, находимых в природе, и все прочее подобное, — то это не будет иметь существенного влияния на самый характер миросозерцания и оно не станет от этого ни материалистическим, ни механическим. От этого изменится только взгляд на вещество — оно утратит свой грубый и пассивный характер и на силы — они утратят свое исключительно механическое значение. В философии ничего не переменится; переворот произойдет только в специальных науках; не она окажется ложною, но они неполными и несовершенными. И в самом деле, пусть дух не существует, но только вещество и силы. Факт существования мышления, чувства и воли от этого не изменяется, и, каковы бы ни были к нему объяснения, он не утрачивает своего великого смысла: Если не в духе, которого нет, совершается мышление, проявляется чувство, обнаруживается воля, — то, следовательно, в веществе, которое одно в природе. То есть веществу присуща не одна пассивная способность перемещаться под давлением механической силы, но и все то, что до сих пор ошибочно приписывалось духу. Ничего не изменяется в миросозерцании человека. Он становится ближе к приро-

де, и эта природа одухотворяется. Все озаряется новым смыслом и получает новое значение, не худшее. Теперь уже не он сообщает одухотворенные формы некоторым предметам природы, но природа в нем, как в высшей форме своей, сосредоточила ту психическую силу, которая разлита во всей ней. Ничего не утрачивается из того, чем жило человечество в лучшие времена свои: ни идеалы красоты, ни идеалы истинного, ни добро, как последняя цель всего, не стираются из природы и не выходят из истории. Напротив, все проникается ими — не в одном человеке, но во всей природе живут они. Колеблется не существование их, но глубже и шире понимается то, в чем существуют они. Не дух — его нет — стремится воплотить свои идеи красоты в веществе; но само вещество стремится сложиться в прекрасные формы под влиянием присущих ему идей прекрасного (которые есть) и эти же идеи вложило (быть может, в сере) в природу человека — новый источник прекрасных форм, которые он знает не из опыта, но получил с веществом, которое в нем. Не дух стремится обнять мир своими схемами, но в самом мире живет мысль, которая воплощается в человеке как одной из форм вещества, и кто знает — лучшей ли? Быть может, есть еще совершеннейшие формы этого вещества, в которых сосредоточено могущественнейшее понимание и могущественнейшая воля. Не дух стремится направить безжизненную природу к нравственным целям, но она сама, эта природа, неудержимо стремится к ним — и он еще знает только ничтожную частичку их. Словом, если есть мышление, цели, идеалы и другие психические явления (и в этом никто не сомневается), то или есть *дух и вещество* как два самостоятельные и противоположные одно другому начала; или есть *одухотворенное вещество* — одно, но с двойкою природою, пассивное и деятельное, само из себя творящее формы, само себя устремляющее к целям, само себя понимающее; и ничего третьего, от этого отличного быть не может*. Таким образом, все, что идеализм утрачивает в духе с его отрицанием, он приобретает в материи;

* Я мыслю, имею идеи нравственного, стремлюсь к целям; возможно ли усомниться в этом? Итак, если не как дух мыслю я, то вещество мыслит во мне и через меня; следовательно, есть вещество мыслящее, стремящееся и чувствующее, — т.е. одухотворенное

и все, что уничтожает материализм в духе, он находит у себя в веществе. Ни одна из побед материализма не выиграна, даже если ему уступлены все условия, на которые он предъявляет притязания; ни одно из учений в идеализме не колеблется, если даже он уступит во всем, что у него несправедливо требуется, — и все это так ясно и просто, что минет еще несколько поколений и людям покажется невероятным тот факт, что был некогда период в истории, когда торжествовал материализм и все лучшие умы подернулись отчаянием, что в его горькой истине безвозвратно погибло все лучшее, чем некогда жил и на что надеялся человек.

Но все это только предположение. В действительности — и доказательства этого в том, что, по условию, на время мы согласились забыть, — нет психо-материи, но есть материя и дух как два отдельные друг от друга начала, самостоятельные и противоположные.

Теперь обратимся к рассмотрению того, что такое этот дух, и в особенности — что такое он в своей творческой деятельности как источник мира исходящих из него вещей. Раскрытие его природы как творческого деятеля объяснит нам и те особенности, которые мы уже заметили в нем ранее. Как и прежде, мы будем изучать его через изучение того, что создается им.

VIII. Все, что творится духом и что, исшедши из него, получает свое особенное существование, пребывает не в том чистом виде, в каком оно вышло из своего источника, но в смешанном: оно соединяется с тем, что уже ранее было в физической природе. Так, в сотворенной статуе есть несотворенная глина; в созданном государстве есть люди, земли и имущества, которые были и ранее, чем жизнь получила правильное государственное устройство; в более чистом виде являются произведения разума, но и в них к чистым идеям истинного примешивается все то внешнее, что в жизни народа служит наружным проявлением развивающейся науки и о чем мы говорили ранее, как не об науке — система учреждений, способствующих заниматься ею, и научные литературы, в которых она внешним образом выражается. Поэтому для определения того, что именно исходит из духа, необходимо отделить в этих смешанных вещах все, что идет от физической приро-

ды; чтобы распознать сотворенное, нужно распознать не сотворенное в них. Заметим, что все эти смешанные вещи принадлежат к высшим типам бытия, сходным с теми, которые в чисто физическом мире заканчивают собою развивающиеся процессы. Они всего более чужды хаотичности, беспорядка, неустроенности. Что же в этом не хаотичном, устроенном принадлежит физической природе? Именно то, что безвидно, что чуждо всяких ограничивающих пределов, т.е. масса, вещество или вообще содержание. Со стороны же духа к этой хаотичной массе привходит форма, которая превращает ее, неустроенную и безвидную, в оформленные вещи. И ничего, кроме формы, не идет от духа, как ничего, кроме вещества, не идет от природы; зато вся форма принадлежит ему и все вещество принадлежит ей.

До какой точности и постоянства доходит в смешанных вещах эта разграниченность между идущим от природы и идущим от духа, это можно видеть, проследив разнообразнейшие проявления человеческого творчества. В образных искусствах человек берет из природы массу — краски для живописи, мрамор, глину или медь для ваяния — и этой взятой массе придает образ, который уже ранее возник в его душе. Здесь взятую массу мы должны рассматривать как безвидную, хотя в действительности она и имеет некоторый определенный вид в тот момент, когда берется. Она безвидна по отношению к тому образу, который воплотит в нее художник. Как и все в природе, она не лишена очертаний, и смысл этого факта имеет свое космическое значение; но для правильного понимания духа человеческого важно, что человек не только не сохраняет во взятой массе прежней формы, но, напротив, тотчас разрушает ее и придает другую, вышедшую из его субъективного духа форму. Т.е. из природы он берет только чистое вещество, так как форма, которую оно по необходимости имело прежде, отбрасывается им. В поэзии духу принадлежит также форма, как с внешней стороны — что так ярко выражается в различных видах поэтических произведений (драма, лирика, эпос), и особенно в стихотворческом ритме, так и с внутренней стороны — в образах выводимых лиц, в картинах описания, в порядке повествования. В случае же, когда выводимые образы тусклы, произведение

тогда только имеет высокое значение поэзии, когда в него вложена какая-либо глубокая мысль, выраженная символически, — и тогда духу принадлежит форма этой мысли и порядок произведения, складывающегося в символ. В музыке природе принадлежат звуки, как известные вибрации воздуха, но духу принадлежит форма, в которую он сочетал эти звуки; и она так же прошла через душу композитора прежде, чем выразилась в звуках природы, как образ лица прошел по душе художника прежде, чем появился на полотне. Перейдем от искусства к другим видам творчества. В произведениях разума мысль есть в известном порядке соединенные понятия, а сами они — в известном порядке соединенные мысли, т.е. форма оформленных вещей. И со временем, если только науке суждено когда-нибудь завершиться, она вся станет одною мыслью, раскрывающиеся формы которой охватят разбегающиеся формы бытия. Наконец, в государстве духу принадлежат формы, определяющие отношения между людьми; и эти формы также проходят в уме политика, прежде чем в виде закона появятся в действительности. До какой степени незначачее положение занимает во всех этих видах творчества идущее от природы, это можно видеть из того, как мало искусства в простой массе красок или глыбе мрамора, как мало поэзии в наборе слов, или науки — в бессвязно набросанных мыслях, или государственности — в диких племенах, населяющих землю; и далее, как мало увеличивается достоинство музыки — когда она играет громко, или статуи — когда она велика, или научного произведения — когда оно растянуто, или государства (мы говорим о совершенстве его как политической формы) — когда оно велико или многолюдно.

Из всех приведенных примеров видно, что смешанные вещи, в которые составною частью входит человеческое творчество, проходят как формы предварительно через творящий дух человеческий и уже потом, соединившись с веществом природы, являются оформленными вещами в действительности. Музыка слышится в душе композитора, образ видится душою художника, политическая форма понимается умом политика, идея сознается в духе мыслителя, и уже потом — слышанное играет, виденное рисуется, понимаемое осуществляется во внешних конкретных вещах.

Но какова природа творимого, такова и природа творящего; и если из духа исходят одни чистые формы, то, следовательно, и дух есть только чистая форма; однако отличная от творимых, потому что из них уже не исходят новые формы, но, подобно вещам физического мира, они становятся неподвижны и недеятельны. И притом из духа исходит не постоянно одна какая-либо форма, но многие и различные. Поэтому в истинной природе своей *дух есть форма форм*. Подобно тому как солнце, стоя в середине исходящих из него лучей, в каждом из них отражает свою форму, так точно из духа, как средоточия Мира человеческого, исходят формы жизни и он в них отражается.

Отсюда понятно, почему дух невеществен. Форма в своем чистом виде (а дух есть чистая форма) и не может быть вещественна; потому что когда к ней примешалось вещество, есть уже оформленная вещь, но нет формы. Таковы все смешанные вещи, о которых мы говорили и в которых ничто материальное не вышло из духа. Также, что бы ни взяли мы в физическом мире, — выделим из него то, *из чего* оно состоит, — и останется всегда чистая форма, в которой нет ничего материального.

Замечательны в духе две особенности, о которых мы упомянули уже, но которые заслуживают, чтобы на них остановиться долее. Первая — то, что дух творит не один раз какую-либо форму, но неопределенное число раз. Форма исходит и исходит из духа, и он никогда не утрачивает способности снова и снова отделять ее от себя. Это какая-то общность духа. Он не есть форма одной *этой* исходящей из него формы, но *всех таких*. Каждая исшедшая форма конкретна и единична; то же, из чего изошла она, *во всем подобно исшедшему, но отличается тем только, что не единично и не конкретно, хотя одно*; это именно общность. Дух есть общая форма всех единичных исходящих из него форм того же вида. Вторая особенность — та, что он творит не одну какую-либо форму, но различные, не имеющие между собою ничего общего, кроме того, что все они формы, напр. форма государства и форма статуи. Это еще высшая ступень уже названной общности. Дух есть не только *не эта* форма, т.е. единичная, но и *не такая*, т.е. общая, всех единичных сходных; он вообще форма. Все ограничивающее и оп-

ределяющее есть он; но он не есть определяющее и ограничивающее *так* (каким-либо одним образом). В этом смысле ему особенно присуще название формы форм: он есть то одно, что все формы делает формою; есть условие, которое, как только оно соблюдено в чем-либо, так это, в чем соблюдено, становится формою; есть то, что в самой форме есть форма. В самом деле — формы бывают различные; есть же одно, что в них входит во все и вследствие чего они все становятся формами. Это-то именно и есть дух, входящий формою во все формы.

Небезынтересен при этом вопрос: теми формами Мира человеческого, какие проявились в истории и какие существуют теперь, — не исчерпан ли дух и исчерпаем ли он вообще? Т.е. это значит, могут ли еще появиться такие формы человеческого творчества и такие типы, характеры жизни, которые не будут иметь ничего сходного с теми, какие были и есть? возможно ли для человека что-либо совершенно новое, еще никогда не испытанное, чего даже в воображении своем он не переживал? идеи, совершенно неожиданные, чувства, еще ни разу не испытанные, искусства, еще никогда не виданные, отношения между людьми, каких еще никто не пытался установить? Трудно сказать что-либо об этом, т.е. исчерпана ли и исчерпаема ли форма форм. Но как кажется, мало вероятного думать, что нет более форм творчества и жизни и не во что более входить духу как определяющему началу. Во всяком случае ввиду возможности, и даже вероятной, такого нового творчества допустимо желать возможно большего углубления человека в себя и возможно меньшей связанности его природы тяжестью уже существующих форм.

IX. Гораздо труднее, чем все предыдущие, вопрос *о бессмертии духа*. Здесь представляются два решения, взаимно противоположные; и хотя доказательства вообще склоняются на одну сторону, но и другая сторона имеет за собою если и не доказательство в строгом смысле, то нечто такое, что делает все сомнительным в этом вопросе, т.е. неясным, запутанным, непонятным. Все, что мы можем понимать в этом вопросе, указывает не столько на бессмертие духа, сколько на то, что он не может быть смертен: нет того, что могло бы исчезнуть в нем; нет способа (модуса), каким могло

бы совершиться это исчезновение; нет того, во что, умирая, мог бы перейти он. Всякое умирание, как мы понимаем его, есть расторжение связи между веществом оформленной вещи и между формой, в которую было заключено это вещество; *смерть есть отделение оформливающего от оформливаемого*. Поэтому разрушаться могут только оформленные вещи, в них только, некогда происшедших, может совершиться это распадение начала ограничивающего, сдерживающего что-либо в пределах, и ограниченного, сдерживаемого (формы и материи). Так, тело человека умирает, когда частицы вещества в нем, не сдерживаемые более прежнею формой, распадаются; государство разрушается, когда от него отделяется политическая форма и то, что было под нею, становится простым географическим местом и этнографическою массою; картина исчезает, когда стерты в ней очертания; статуя уничтожена, когда уничтожен образ в ней; нарисованного круга нет более, когда мел, которым он был нарисован, собран на стершей его губке, а форма осталась невидимою на доске; дом уничтожен, когда куча дерева не имеет уже более вида дома. Словом, что бы мы ни взяли, сколько бы ни искали в природе, во всем, что разрушается, умирает, исчезает, мы не найдем ничего другого, кроме отделения формы от вещества, и, как следствие этого, распадение вещества на свои первоначальные части — те, *которые формой же были собраны в то сложное целое, что умерло*. Поэтому в природе есть много такого, что никогда не разрушится — именно все, что не принадлежит к оформленным вещам. Неуничтожимого, вечного в ней гораздо более, чем временного, уничтожающегося. Разрушается, собственно, только одна категория бытия; и только потому, что принадлежащее к ней очень многочисленно и постоянно окружает человека, в последнем сложилось непреодолимое и совершенно ложное убеждение, что нет ничего, что бы не разрушилось когда-нибудь. А между тем никогда не нарушится отношение диаметра к окружности, никогда не исчезнут силы природы и законы, по которым они действуют; никогда не исчезнут геометрические формы и многое другое. Теперь, *что же именно и как может разрушиться в духе, как чистой форме?* Ясно, что разрушения в том смысле, как оно существует для оформленных материальных вещей,

для него нет. Нет в нем частиц, которые, отделившись друг от друга, раздались бы в стороны, потому что не только самый дух, но и все явления в нем пребывают в одном времени: не может одна часть духа пойти вправо, а другая — влево или та — вверх, а эта — вниз, как нет правого и левого, низа и верха для мышления, чувства и воли. Не могут части духа (как это бывает во всем умирающем) разместиться иначе, чем были размещены прежде, когда они *никак* не размещены. Но если не разрушения в том смысле, как оно обыкновенно понимается, то хотя чего-нибудь соответствующего ему не может ли произойти в духе, как в форме? Все, что могло бы соответствовать разрушению, — есть *изменение*; а то, что противоположно ему, что есть его отрицание, это — *тождество*. Что из этих двух категорий, обширнейших, нежели жизнь и смерть, присуще духу? Измениться форма может только в пределах формы же, и именно — стать другою, от прежней отличною; но перейти в другой род бытия, перестав быть формою, она не может, равно как не может и исчезнуть. Так, окружность, разорвавшись, может стать разомкнутою кривою; но она не может ни пропасть совершенно, ни стать силою, законом, веществом или каким другим бытием, отличным от формы. Форма же форм, которая и не имеет какого-либо одного вида, *этого* определенного, в какую бы форму ни переходила, — всегда останется тождественною самой себе, и даже не изменится переходя. Разрушение, какое только возможно для формы, уже заключено в ней от начала, пребывает в ее природе, как присущее ей; потому что это разрушение, каково бы оно ни было, есть переход формы в форму же через форму (процесс) и как таковое — входит в форму форм. Таким образом, смерть, исчезновение входит, как одна из составных сторон, в самое существо духа, и умирание — в жизнь его. Заключенное в нем, оно не может уже появиться или, появившись, — привнести чего-либо, чего в нем не было прежде.

Все это, основанное на рассмотрении природы духа, совпадает с тем, что может быть выведено из рассмотрения создаваемого им. Формы, которые отделяет дух, не разрушаются; и поэтому не может разрушиться он, источник их. Так, государственность, как форма, определяющая жизнь народов, не пропадает

при разрушении самых государств, *этих* единичных, но только отделяется от них, и они пропадают, оставленные ею. Она же входит в жизнь новых народов, и эта жизнь становится государственною и остается таковою все время, пока и от нее не отделится форма, чтобы перейти в другую жизнь. Так, истина, что сумма углов в треугольнике равна двум прямым углам, никогда не может исчезнуть. Она разрушилась бы только тогда, когда перестала бы быть истинною или вообще когда что-нибудь расстроилось бы, изменилось в ней. Но ясно, что ничего подобного никогда не произойдет и не может произойти с нею. Так, настроение, некогда прошедшее по душе художника и выраженное им в прекрасном образе, никогда не исчезнет из этого образа и будет пробуждаться из века в век в душе каждого, кто смотрит на этот образ. И мы даже не можем себе представить, каким бы образом могла исчезнуть мысль — раз сохранилось выражение, в котором заключена она, или чувство — раз сохранились неизменно черты или звуки, запечатленные им, или какая-либо политическая форма, или вообще что-либо подобное из созданий духа. Мы ясно чувствуем их бессмертие, и не было бы ни истории, как понимания прошедшего, ни развития в ней, как дальнейшего усовершенствования потомками того, что передано им предками, если бы при сохранении формы в произведениях духа могло исчезать то, что заключено им (духом) в этих формах. Но — и здесь мы подходим к тому, что делает все неясным и смутным в вопросе о бессмертии духа, — каково отношение этого вложенного содержания к заключающей форме? и остается ли оно, и если да — то в какой форме и где пребывает, когда разрушается, стирается, затеривается эта грубая вещественная форма, звуки, краски, мрамор и пр.? Возвратимся к примеру, который мы уже рассматривали. Когда стираются на картине черты лица, в которых была выражена и которые пробуждали грусть, пропадает ли и эта грусть? Где стертые краски — мы знаем; но куда исчезает, где находится выраженное и пропавшее чувство теперь — этого никто не знает и на это никто не сумеет дать ответ; а между тем, раз оно было, и притом ранее и независимо от выразивших его красок (в душе художника), оно не могло исчезнуть вместе с ними и *в них*. Здесь, по-видимому, мы имеем дело с бес-

следным исчезновением, — хотя ведь черты, образ как пространственное очертание и были ранее картины, и остаются, когда исчезла она, и вообще есть в каждой частице пространства. Но вот еще факт, который уже внушает нам сомнение, — действительно ли в произведениях духа с исчезновением формы пропадает и самое содержание ее. Возьмем какую-либо геометрическую теорему и рассмотрим три случая: во-первых, пусть она открыта и сознается кем-либо, но нигде не записана, т.е. не выражена ни в каких знаках, не имеет для себя, как для содержания, никакой формы, — таков бывает первый момент всякой вновь находимой истины; во-вторых, пусть она открыта и записана где-либо, но никем не сознается — как это было, например, со множеством истин, открытых в древности и забытых в эпоху, следовавшую за падением языческого мира; и наконец, в-третьих — пусть она и не записана, и не сознается. В каком из этих трех случаев существует истина, выраженная в теореме? Относительно существования ее в первых двух случаях не может быть сомнения; в первом — когда она сознается только — потому, что она тотчас может быть обнаружена сознающим в звуках или письменных знаках, а то, чего нет, — нельзя обнаружить; во втором — когда она только записана — потому, что она тотчас будет признана, как только будут прочтены словесные знаки, в которых она выражена, и тогда не будет ничем отличаться от несомненно существующих истин. Но если она существует и тогда, когда нигде не записана, и тогда, когда никем не сознается, то, следовательно, она есть и тогда, когда и не записана, и не сознается; т.е., когда не имеет никакой формы, которая заключала бы ее, — подобно чувству грусти, которое запечатлено было в нарисованном образе и пропало, по-видимому, когда он стерт. Это находит себе подтверждение и в общем тайном сознании людей, и в одном глубоком соображении: то, что выражено в теореме, например, в этой: «сумма углов в треугольнике равна двум прямым углам», — в самом деле существует независимо от того, сознается или не сознается кем-либо; да и те, которые впервые сознают ее, как и всякую другую истину, называют этот момент первого сознания *не изобретением*, т.е. чем-либо таким, что и появляется только в момент сознания, что им создается, но *от-*

крытием, т.е. только нахождением того, что уже ранее существовало, но оставалось скрытым и что теперь делается ясным для всех, находя себе, как содержанию, соответствующую форму.

Если, сосредоточив все силы свои, мы вдумаемся в это замечательное явление, мы поймем и вместе признаем многое, чего не понимали и поэтому не могли признать прежде. Где существует теорема ранее ее открытия — а несомненно, что она существует; где существует грусть, раз прошедшая по душе художника, затем выраженная им в образе и видимо исчезнувшая, когда этот образ разбит, — там же, в таком же значении и столь же несомненно существует и источник проявления как этой истины, так и этого чувства — дух человеческий, когда организм или вещественная форма, его заключающая, разрушится, подобно тому как разрушается мрамор статуи или стираются буквы книги. И здесь, в этой невозможности сказать «где», заключается то непонятное, о чем мы сказали, что оно делает темным вопрос о бессмертии духа. Но темное здесь — для силы представления только, которое не может преодолеть привычек представления только *этого* и только *здесь*, т.е. одного конкретного и притом связанного непременно с местом, — привычек, которые всем окружающим укреплялись и ничем никогда не ослаблялись. Здесь же, в единичных разобранных нами явлениях, открывается совершенно особая, никогда и ни в чем еще не наблюдавшаяся форма существования, которая не имеет ничего общего с тем грубым существованием, о каком единственно мы знаем через наши органы чувств. И это существование столь же несомненно, как то, другое, прежде известное и грубое, и для разума, которым единственно понимается, оно не менее очевидно, чем то последнее — для зрения и осязания. Где в самом деле существует истина ранее ее сознания? на что мы можем указать как на заключающее ее? В пространственном смысле — в том, с которым единственно свыклись наши понятия, — ее нет. Она нигде, это справедливо; и она есть — и это также справедливо и не противоречит здесь одно другому, как противоречит во всем прочем, что мы знаем. Она не существует ни в каком месте: все, на что мы укажем, все, что мы назовем, все, о чем можем подумать, — есть другое, есть не она; и однако же, она есть, существ-

вует, не касаясь этого другого и не связанная с ним, повсюду и нигде. Это существование, не соединенное ни с каким местом и чуждое всякого средоточия, есть единственно чистая и совершенная форма существования, где к нему не примешивается ничего чуждого, что внешним образом определяло бы его, т.е. ограничивало и стесняло бы его первоначальную и истинную природу, которая состоит в соприкосновении ее с пространством — не с *этим* и не с *тем*, вообще не с местом в пространстве, но с ним самим в его целом.

Х. Как творческий источник, дух обладает не только в высокой степени общностью, но и тою особенностью, что исходящие из него формы, как бы раскрываясь, высвобождают друг из друга новые и новые формы с значением все более и более узким, пока последняя из них, слившись с веществом и оформив его, не станет *сотворенною вещью*. Так, прежде всего, цельный как существо, он является под тремя формами: *разума*, который стремится понять все, *чувства*, которое стремится оценить все, и *воли*, которая стремится осуществить все. Разум же является под нисходящею формою *типов*, и каждый из последних — под еще более нисходящею формою *состояний*, и только из последних каждое непосредственно уже разлагается на акты творчества (единичные процессы понимания). Так, теорема, что «сумма квадратов, построенных на катетах прямоугольного треугольника, равна квадрату, построенному на его гипотенузе», есть не создание духа в его непосредственном значении, но дух под формою разума, явившись своеобразным типом у греков вообще и у Пифагора в особенности, в один из моментов своего деятельного состояния открыл эту теорему. То же следует сказать о чувстве и об воле. *Типы разума* различаются по *временам*, *расам*, *характерам* и выдающимся *индивидуумам*. Так, в Средние века склад разума был не тот, какой мы находим теперь; и в этом лежит объяснение как того явления, что в то время думалось многое такое и потому, что и почему мы уже не можем думать теперь, — так и того, что в Новое время многим умам, например энциклопедистам, многое искренне думавшееся в Средние века казалось просто обманом по отношению к другим и притворством по отношению к себе. Так, в те эпохи простое сравнение считалось и доказывавшими, и теми, кому

доказывалось, за довод с безусловным значением, например: «дурной монах лучше хорошего светского человека, *подобно тому как* золото, смешанное с грязью, лучше чистой меди» или еще: «императорская власть ниже папской, *подобно тому как* луна, заимствующая свой свет, ниже солнца, которое светит своим собственным светом» и многое другое. Или по расам: метод, к которому наиболее склонны французы, есть выведение из общего частного, что так сказалось у них в великом развитии математики, в централизованном управлении, в систематичности законодательства, в особенном характере реформации (Кальвин) и философии (Декарт); англичанам же то, что из правильных оснований выводится правильно, еще не представляется безусловною истиною, пока не подтвердится фактом; следовательно, ощущение доказательной силы логического вывода у них не одинаково с французами, и они склонны поэтому более от частных, очевидных фактов восходить к общим выводам, что так сказалось у них в опытной философии Бэкона, в децентрализованном управлении, в церкви, смешанной из католицизма и протестантства, в несистематизированном законодательстве и многом другом. По характерам: человек со спокойным характером и слабою силою представления образов способен проследить за всеми сложными доказательствами, которые пред ним развиваются, — и если ничего не найдет возразить ни против каждого из них в отдельности, ни против их общей связи, то согласится с их общим выводом; человек же с сильным художественным воображением проследит все доказательства, согласится с каждым из них порознь, но, увидав не нравящийся ему вывод, искренне назовет все рассуждение вздором и даже удивится, как можно искать с помощью умозаключений ту истину, которой достоинства или недостатки он привык находить при помощи живых образов своего воображения. По выдающимся индивидуумам: почти все великие умы имеют свой особенный, им только присущий склад мышления, подобно тому как великие писатели имеют каждый свой особый язык. И как последний (по крайней мере в том, что касается древности) уже давно вызвал многие специальные исследования, впрочем все еще недостаточные, касающиеся лишь внешности, но не духа, — так, со временем

можно надеяться, логика займется изучением умственного склада великих мыслителей и творения их будут изучаться с целью не только найти, что они думали, но и определить — как думали. *Состояния разума* должны быть изучены как нормальные, так и ненормальные. К первым относится, например, состояние *созерцания* истины, уже найденной; состояние *мышления*, как искания истины; состояние *сомнения*, как неуверенности в найденной истине; состояние высшего *творчества*, или гениальности; состояния *подавленности*, *скептицизма*, *усталости* и *возбуждения*. Ко вторым относятся состояния, близкие к безумию, и самое *безумие*. Все эти как типы, так и состояния познающей формы духа должны быть поняты во всех сторонах бытия своего: в форме существования (что в разуме есть норма, имеющая всегда пребыть, и что составляет отступление от нормы, имеющее исчезнуть); в сущности (что происходит в разуме при том или другом состоянии его или какие процессы преобладают у того или иного типа); в свойствах или влиянии как на того, в ком разум, так и на того, кто с имеющим разум соприкасается; далее — в происхождении своем (что в истории и в личной жизни способствует появлению тех или других типов ума и что в окружающем пробуждает то или другое его состояние); в целях, или в том, какое назначение выполняет и что осуществляет каждый из таких типов и каждое из таких состояний в жизни личной и исторической; в сходстве и различии между собою и пр. Это изучение может повести ко многим интересным открытиям и пролить много света как на природу человека, так и на жизнь его.

XI. *Чувство*, как вторая из основных форм, под которою является дух, должно быть познано в рассматриваемом учении с большею тщательностью, чем разум, потому что этот последний уже изучался ранее в учении о познающем, оно же делается объектом понимания впервые здесь. Прежде всего оно познается по схемам разума в форме своего существования, которое потенциально, так как чувство нуждается в своем объекте, как и мышление, но менее зависит от этого объекта, чем последнее (остается и тогда, когда исчезает предмет чувства); в своей природе то есть — так как то, из чего чувство, определено, раз известно, что оно форма духа — в своем внутреннем строении, в своих

атрибутах — существенных, производных, определяющих и произведенных, в своем происхождении; в своем назначении — где определяется его влияние на жизнь индивидуальную, общественную и его роль в истории, наконец, в своем внутреннем сходстве и различии (формах, под которыми оно является).

Учение о формах чувства неизмеримо более важно, нежели учение о типах и состояниях разума; потому что, тогда как в последнем все состояния суть только отклонения от одного — нормального и все типы суть недоразвившиеся формы одного — основного, в чувстве нельзя указать ни на одну форму, от которой происходили бы, как от первоначальной, другие формы, и все они суть творческие источники самостоятельных и важнейших областей жизни. Между этими видами мы будем различать следующие: *волнения, состояния, типы, настроения* и собственно *виды*.

Волнения суть те временные чувства, которые возникают под влиянием какого-либо единичного деятеля и имеют своим предметом единичный объект, напр. чувство зависти (всегда и необходимо к чему-нибудь), чувство доверия (всегда к кому-нибудь), чувство жадности, чувство страха и пр. Эти чувства чрезвычайно многочисленны, разнообразны и часты. Они в значительной степени наполняют собою психическую жизнь человека и служат производящим источником всех его единичных поступков — тех, которые не имеют далеких целей и из которых слагается обычная жизнь обыкновенных людей. Волнения, таким образом, с одной стороны, и важны, потому что ими производится чрезвычайно многое, и, с другой — незначительны, потому что среди этого многого нет ничего важного. Заметим, что все они не суть чистые формы духа, но вызванные чем-либо внешним раздражения его.

Состояния суть внутренние отношения чувства к самому себе, напр. состояние покоя, пробуждения, угасания, напряженности, творчества. Так, чувство красоты может пробудиться во мне, и я буду повсюду искать удовлетворения его; оно может быть в спокойном состоянии, и тогда, встречая прекрасное, я буду понимать его и наслаждаться им, но не буду искать его; или оно может достигнуть во мне высокой степени напряжения, и я буду не во внешнем искать прекрасных

образов, но внешнее наполнять прекрасными образами, исходящими из меня.

Типы чувства суть те особенные складывания его, те особенные сочетания однородных видов его, которые замечаются у всех людей в различные эпохи или у различных людей в одни и те же эпохи. Напр., склад чувства в период Возрождения и в период Реформации был не один и тот же или в нашей жизни в начале 20-х годов, в 40-х и в 70-х годах; или в одно и то же время: у Руссо, Вольтера и Шиллера (у двух последних это различие особенно ярко выразилось в том, что почувствовали они оба, мысленно созерцая один и тот же образ Жанны д'Арк; первый при этом написал «Pucelle», а второй создал «Орлеанскую деву»). Типы чувства имеют очень большое значение в истории, и их необходимо внимательно изучать и историку — чтобы понять, и политику — чтобы успеть.

Настроения суть чувства с чрезвычайно общим характером, которые или совершенно не имеют объекта, или некогда имели его — и тогда были волнениями, а потом утратили, но остались сами, сохраняя неизменно свою природу. Так, например, человек, потерявший кого-нибудь близкого, сперва грустит по утраченном, но потом, когда даже забывается утраченное, чувство неопределенной грусти все еще остается в нем, как бы разливается по его духу и превращается в постоянное настроение, уже беспричинное и беспредметное. Но гораздо чаще настроения бывают чистыми формами духа, которые или только пробуждаются и укрепляются внешними единичными случаями (как смерть друга у Лютера²³), или даже совершенно не нуждаются в таких случаях, хотя бы для пробуждения. Так, Данте никогда не был и не мог быть веселым человеком, Шиллер никогда не был и не мог быть циничен, Руссо никогда не мог радоваться. Сознание этой беспричинности настроений, или, что то же, их чистоты, как произведений духа, выразилось и в языке: «грустится», «радуется», «чувствуется неудовлетворенность» или «жаль всех» — говорят обыкновенные люди, когда и у них временно проступают настроения, вообще присущие только великим характерам.

Значение настроений в истории нельзя достаточно оценить: все великое в ней произведено ими. Религии и революции, искусство и литература, жизнь и филосо-

фия одинаково получают свой особенный характер в настроении тех, кто создает их. Так, чувство безнадежности и отчаяние глубоко отразились в буддизме, чувство бессилия в борьбе со злом — в учении Зороастра. Искусства окрашиваются тем или другим чувством, хотя предмет их — прекрасные формы — остается повсюду один и тот же. Так, чувство подавленности здесь, на земле, и надежда найти убежище и облегчение на небе выразились в готической архитектуре; чувство довольства жизнью сказалось во фламандской живописи, восторженность и аскетизм — в испанской, религиозная радость — в итальянской. У поэтов настроение является всепроникающим чувством, одевающим все образы и звучащим во всей лирике, как у Данте, Шиллера, Байрона и Гейне. У великих же писателей оно выражается в языке: так, когда то же и с тем же искусством рассказывается Геродотом или Фукидидом, Ливием или Тацитом — впечатление, выносимое читающим, бывает неодинаково. Это зависит именно от того неуловимого, не поддающегося никакому анализу сочетания слов, которое бессознательно употреблял автор, которому непреодолимо покоряется читатель и которое глубже, чем в других языках, названо у нас «духом писателя». Настроение также не остается без влияния и на философию. Так, Малербранш, Спиноза, Беркли, Шопенгауэр и Шеллинг или, в древнее время, эпикурейцы и стоики бессознательно для самих себя мыслили под сильным давлением настроения и невольно покоряли мысль свою чувству, предпочитая одни истины другим.

Виды чувства отличаются от настроений тем, что они определены и имеют объекты, а от волнений — тем, что объекты эти не единичны и находятся не вне духа, но в нем самом. Но с настроениями они имеют сходство в продолжительности и потом вообще взаимно влияют одно на другое. Едва ли настроение не есть более общая форма чувства, разрешающаяся в виде через нахождение внутреннего объекта; или, быть может, оно (настроение) есть только неясное предчувствие приближающегося пробуждения того или другого вида чувства. Сюда относятся: *чувство религиозное, чувство нравственное, чувство справедливости и чувство красоты*. Так, чувство красоты не есть ощущение прекрасных очертаний этого одного образа, но всех

и всяких, только они были бы прекрасны (объект не единичен); и красота, составляющая объект этого чувства, лежит не во внешней природе, но, напротив, лежащее во внешней природе оценивается и признается или прекрасным, или безобразным по сравнению с некоторым как бы мериллом, прототипом или идеалом красоты, заключенным в духе.

Говорить о значении видов чувства недостаточно и кратко было бы бесполезно, а достаточно и полно — невозможно; так велико значение каждого из них как творческого источника какой-либо стороны жизни — религии, нравственности, права или искусства. Ограничимся только указанием, что приложение правильного изучения по схемам разума как единственно ведущего к всепониманию объекта было бы особенно желательно здесь по важности и неразъясненности этих чувств. Так, сколько бы прояснилось для человека, если бы религиозное чувство или чувство красоты было определено в своей сущности — что именно оно такое, в своем существовании, — постоянно оно или прерывается; в своих свойствах — например, чистая красота, созданная не под давлением настроения, имеет способность разлагать нравственное чувство и религиозность, а красота не свободная, проникнутая религиозным настроением, имеет способность укреплять уже существующее нравственное чувство и возбуждать до восторженности религиозность; в своем происхождении, в своем назначении, т.е. в том влиянии, какое чувство, напр. религиозности или красоты, оказывает на субъективный дух того, в ком эти чувства, далее — на тех, кто соприкасается с проникнутым этими чувствами, и, наконец, — на жизнь и на различные формы ее — государство, право, нравственность и пр.; в своих типах, которые все зависят от настроения и порою бывают различны до противоположности (напр., религиозное чувство у евреев и христиан или чувство красоты в древнем классическом мире и в Средние века), и пр.

В заключение учения о чувстве следует дать объяснение того особенного явления, которое мы не можем лучше определить как назвав его «колебанием чувства». Под этим мы разумеем быстрые, почти моментальные перемены сильно напряженного массового чувства, которые (перемены) замечаются в некоторые моменты истории и действуют всегда необыкновенно

разрушительно. Они тождественны по сущности с волнениями — это те же чувства гнева, радости, подозрения, отчаяния; но по характеру схожи с настроениями — бывают беспредметны. Ими объясняются решающие минуты, например, революций.

XII. Учение о *воле* — третьей из общих форм, под которою является дух, — также распадается на несколько форм, соответствующих сторонам этого объекта и схемам разума; т.е., во-первых, на учение о существовании ее, которое, будучи потенциальным, находится в более тесной зависимости от внешних для духа объектов, нежели чувство. Но было бы ошибочно думать, что воля не только проявляется (обнаруживается) под внешним воздействием того, что составляет объект ее (что желается), но и создается этим объектом; этому противоречат общеизвестные явления неудовлетворенности желания, когда объектов, возбуждающих хотение, — нет, а воля, ищущая таких объектов, — есть. Во-вторых, на учение об ее сущности, которая состоит в ощущении неудовлетворенности, пока не изменено что-либо лежащее вне воли и в вытекающей отсюда потребности произвести это изменение, проявление которой (потребности) в форме стремления и называется волей. В-третьих, на учение об ее атрибутах и, в-четвертых, на учение об ее происхождении. В последнем расследуются общие источники человеческих стремлений и вопрос о происхождении воли в тесном смысле, т.е. о том, свободна она или нет. Что касается до источников человеческих стремлений, то их два: первый и основной источник человеческих стремлений есть чистая, неизменная человеческая природа, так, например, разум, присущий человеку, побуждает его стремиться к пониманию. Вторым источником, нередко затемняющий собою первый, есть *произведенное* в человеческой природе, т.е. временно вызванное к существованию внешними влияниями, каковы все волнения чувства, — например, желание вредить человеку, вызвавшему гнев. Вопрос о свободе или зависимости воли разрешается следующим наблюдением и рассуждением, которое на нем основано: 1) внешние для духа влияния изменяют волю в ее напряженности, а внешние объекты изменяют ее в направлении, — что показывает наблюдение; следовательно, воля не есть нечто абсолютно свободное; 2) раз эти влияния и эти объек-

ты изменяют волю, значит, в природе человека независимо от них и ранее их лежит нечто, воспринимающее эти влияния и изменяющееся под их действием, потому что на ничто ничто не может действовать, т.е. что воля не есть произведение этих влияний, но составляет часть первозданной человеческой природы; откуда прямо следует, что воля не есть нечто абсолютно зависимое от внешних условий. Из этого отрицания как абсолютной свободы, так и абсолютной зависимости воли вытекает положение, что в своих *проявлениях* (я желаю приносить пользу городу, в котором живу) она есть синтез двух противоположных борющихся сил: силы, исходящей из природы человека; и силы, исходящей из мира внешнего. Причем вторая встречает первую и изменяет ее и в напряженности, и в направлении. Вот почему, видя повсюдное и неизменное влияние природы и жизни на человека, видя, как ни одно его действие, ни одно чувство и ни одно желание не ускользает из-под этого влияния, мы тем не менее должны остеречься от признания за этим влиянием исключительного господства; подобно тому как, видя камень, брошенный кверху, мы воздерживаемся говорить, что он движется только под влиянием толчка и уже не подчинен более тяготению земли. Далее, в-пятых, в учении о целях воли рассматриваются те объекты, к которым направляется она до встречи с изменяющимися внешними влияниями; и о тех отклонениях, которые эти последние производят в ней. В-шестых, в учении о сходстве и различии воли изучаются как элементы ее: волевое движение, его напряженность, его объект; так и виды воли: *склонность, стремление, желание, страсть*. Из этих видов первый есть произведение чистой человеческой природы, а остальные три имеют своим источником природу или жизнь и стесняют или изменяют естественные склонности. В этом же учении о сходстве и различии следует изучить состояния воли: *решительность, колебание, равнодушие* и др. Все эти элементы, виды и состояния воли, каждый в отдельности, должны быть изучены тщательно по всем схемам разума.

Глава XIV

УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ТВОРЕНИИ, ИЛИ О ПРОЦЕССАХ

I. Творческие процессы как объект учения о творении; две стороны этих процессов — субъективная, или процессы в духе, и объективная, или процессы в жизни; виды человеческого творчества. — II. *Творчество в области разума*; нисходящее понимание и понимание восходящее; увеличивающаяся общность объектов понимания; самоопределяемость понимания; критериумы понимания. Источник зарождения научных процессов; удивление, сомнение, недоумение. Цель научного процесса, его следствия и употребление. — III. *Творчество в области чувства*; четыре формы, под которыми оно является. Творчество в области чувства красоты; его противоположность с научным творчеством; произвольность и самоопределяемость его; склонность его осложняться всеми другими видами человеческого творчества и осложнять их собою. Возможность двойного источника красоты. Бесцельность художественного творчества; его влияние на чувство нравственного и религиозного; его влияние на мышление. — IV. Творчество в области нравственного чувства; характер его осложнения; способность его возражать под влиянием противоположного и значение этого факта для истории и политики. Три формы, под которыми является нравственное творчество: чувство, деятельность, учение. Объективное действие нравственного процесса: его способность смягчать и скреплять все человеческие отношения; субъективное действие его на дух того, в ком он происходит. Перводанная природа человека как источник нравственного процесса; конечная цель, к которой направляется он; идеал жизни и человека. — V. Творчество в области чувства справедливости; его отличие от нравственного творчества. Сострадание как источник, из которого выделяется правовой процесс; особенности его постепенного развития; он не осложняется другими видами творческих процессов, но уединяется от всех их. — VI. Творчество в области чувства религиозного; его особенности и значение в истории. Космический характер религиозного творчества как его первая особенность; соединение в нем всех элементов духа как его вторая особенность; возвращение им природы человека к своей перводанной чистоте как его третья

особенность. Почему с изменением религии изменяются все стороны человеческого духа и все стороны человеческой жизни. Симптомы перед появлением религиозного процесса. Физическая природа и окружающая жизнь не суть источники, производящие религиозный процесс, но условия, его пробуждающие и на него влияющие. Два ряда явлений религиозного процесса — внутренний, состоящий в образовании религиозной концепции мира и жизни; и внешний, через который религиозная концепция входит в жизнь и устанавливается в истории. — VII. *Творчество в области воли*; политический процесс как важнейшая сфера этого творчества. Три вида усложнения политической формы: 1. увеличение через расширение того, что под формой; 2. повторение сходного, что пребывает в форме как часть ее; 3. распадение формы на своеобразные части. Важность этого последнего усложнения; разложение идеи блага на представления об отдельных видах блага как скрытая причина развития политической формы. Влияние развития политической формы на дух и его стороны; влияние этого развития на жизнь. — VIII. *Творчество в области того, что лежит под политической формой*. Генезис языка, нравов, экономических отношений. В каком смысле нужно понимать бессознательность этого творчества.

I. *Учение о творении* рассматривает творческие процессы от момента зарождения их в духе до момента воплощения в том внешнем, что мы назвали формами жизни. Каждый такой процесс естественно распадается на две стороны: субъективную, или внутреннюю, — до выхода из духа; и объективную, или внешнюю, — по выходе из духа. Изучение первой раскрывает, что и как происходит в духе во время творчества; изучение второй определяет, что и как совершает человек для воплощения того, что образовалось в нем в творческий момент, в чем-либо внешнем. Или так как чистые произведения духа всегда суть формы, а его воплощенные творения всегда суть смешанные вещи, то можно сказать, что, раскрывая субъективную сторону творческого процесса, мы изучаем ход образования формы в духе или то, как он, будучи общею формою форм, входит определяющим началом в какую-либо эту одну форму; а изучая объективную сторону творческого процесса, мы раскрываем, как форма, исшедшая из духа, смешивается с веществом внешнего мира и, оформливая его, является сотворенною вещью. Так, в скульптуре следует различать, как возник в душе ваятеля какой-либо образ и как этот образ он выразил в мраморе — как образовалась идея статуи

и как образовалась самая статуя, воплотившая идею. То же найдем и во всех других видах творчества.

Соответственно формам, под которыми является дух, здесь изучаются: *творчество в разуме*, или процесс образования понимания как всестороннего познания чего-либо одного, и процесс создания науки как понимания всего; *творчество в чувстве*, распадающееся на процесс возникновения и развития религиозного чувства и образования религиозных учений, на процесс нравственных движений в человеке и происхождения нравственных учений в истории, на процесс пробуждения чувства справедливости и установления прав в жизни и, наконец, на процесс развития чувства красоты и воплощения его в прекрасных образах и других формах; и *творчество в области воли*. Мы перечислили здесь только нормальные и высшие формы творчества, истекающие из деятельного состояния нормального разума и из видов чувства. Но ясно, что и низшие и ненормальные процессы, совершающиеся в духе, источники которых были названы в предыдущем учении, также должны быть изучены.

II. *Творчество в разуме*, как уже было замечено, распадается на общий, присущий всей науке процесс понимания и на процесс созидания науки как множества повторяющихся процессов такого понимания, возникающих в порядке расположения тех объектов, которые последовательно становятся предметом изучения. О процессе, через который образуется понимание, было уже сказано достаточно при выяснении различия его от простого знания, и поэтому мы будем говорить здесь только о процессе созидания науки. Как и все другое, он должен быть изучен во всех сторонах своих. Мы остановимся на некоторых.

Сущность научного творчества состоит в последовательном раздвигании понимания; в том, что, повторяясь, оно захватывает все большие и большие области бытия, пока вне его, т. е. непонятым, не останется ничего, а внутри его, т. е. понятым, будет все. Так, начинается оно с понимания какой-либо единичной вещи, существование которой случайно открылось духу, и завершается определением сторон этой вещи. Оно может спуститься ниже и познать стороны каждой отдельной стороны познанной вещи: так, какое-либо свойство кривой, положим эллипсиса, может быть по-

нято в сущности, в свойствах, в происхождении, в назначении и в сходстве и различии с другими свойствами той же кривой. Но далее, глубже и ниже, анализ понимания не может проникнуть — не по бессилию, но по отсутствию того, во что он мог бы проникнуть: так, свойство есть у свойства; но у свойства свойства уже нет никаких свойств. Оно есть чистая сторона бытия, а не вещь как синтез сторон. Далее, от единичной вещи понимание поднимается выше: эта вещь есть часть чего-либо целого, напр. эта статуя есть часть искусства скульптуры или это падение есть проявление силы тяготения. То общее, проявлением чего служит единичная познанная вещь, подвергается, в свою очередь, изучению, и понимание совершает свой второй оборот: определяется сущность, свойства, происхождение, назначение, сходство и различие скульптуры и силы тяготения. Затем определяется то высшее и общее, частный вид чего составляет только что изученное; например, скульптура есть частный вид искусства, тяготение есть одна из сил природы. Понимание делает этот общий вид и эту силу своим объектом и совершает свой третий оборот: познается искусство в своей сущности, свойствах, происхождении, назначении, типах и пр., и сила природы как начало, движущее вещество, — в тех же сторонах всякого бытия. Потом еще определяется общее, часть чего составляют искусство и сила, именно творчество как синтез творящего, творения и творимого — для первого и движение как синтез соединенного пространства и времени, движимого и движущего — для второго; и это определенное снова познается по всем схемам разума, а понимание совершает четвертый оборот. И наконец, как завершение всего, определяется Мир человеческий — как общее для творчества и Космос — как общее для движения и познается снова в пятом обращении понимания, которое здесь заканчивается. С каждым таким оборотом область понимаемого чрезвычайно раздвигается, и с тем вместе замедляется его вращающееся движение: восходящие круги становятся великими, многовековыми периодами совершенствования понимания и созидания науки.

Между свойствами этого движущегося понимания и как элемента, и как целого замечательна прежде всего *самоопределяемость*. Нельзя извне чьею-либо

волею — того ли, кто понимает, или того, кто наблюдает понимающего, — определить заранее, как должно понимать (форму процесса), до какого предела (прервать процесс) и что, какие истины должны содержаться в понимании (то, во что закончится процесс или результат его). Вообще по отношению к воле справедливо будет сказать, что человек не думает то, что хочет, но хочет то, что думает, — и это повсюду и вечно, без исключения тех, которые желали бы господствовать над мышлением, направлять и прерывать его; потому что самое это желание определено неправильным процессом мышления и всецело покорно ему. Впрочем, сказанное относится только к пониманию, но не к знанию, которое можно всегда прервать или изменить, так как оно отрывочно и бесцельно, не связано с внутренним строением разума и есть не более как проявление любознательности, т.е. желания нового и нового для разума, неспособного к мышлению над одним и потому утомляющегося однообразием. Все ошибочное в отношениях человека к пониманию происходило именно вследствие этого смещения его со знанием. Человек «узнает», — и действительно, может и он сам себя и другой его понудить узнавать одно и не узнавать другое легко и без страдания, потому что вне понимания нет ни необходимости, ни потребности узнавать именно *это одно* (незнания чего, положим, требуется), но безразлично, что бы и как бы ни узнавать, лишь бы оно, это вновь узнаваемое, не походило на известное; но понимает не человек, но в человеке совершается понимание — он же только пассивный носитель его и наблюдатель, и остановить или направить это понимание так же невозможно, а всякая попытка сделать это так же мучительна, как невозможно и мучительно направить кровообращение или задержать дыхание. Раз открылось для разума существование объекта, он не может не познать всех его сторон, потому что не может уничтожить в себе которую-либо из схем познавания; а что найдет он в этих сторонах, этого он не знает и не может определить, потому что не создает понимаемого, но только его, уже существующее, обнимает своею мыслью. И далее, не может он (разум), открыв общее, к чему принадлежит вещь, т.е. существование нового, прежде неизвестного, — подавить в себе повторяющуюся деятельность схем понимания; а раз невольно и непреодолимо нача-

лась эта деятельность — он не может в сторонах этого общего познать ничего другого, кроме того, что есть в них, и т.д. Самоопределяемость есть существенный атрибут научного процесса, вытекающий из его природы. Из других свойств научного творчества следует остановиться на определяющих признаках. Они также важны для установления правильных отношений человека к различным видам умственных произведений: чтобы не требовать от понимания того, что можно требовать от знаний, и не предоставлять знанию того, с чем необходимо примириться в понимании; и еще далее — чтобы не ждать, как результата, от знания того, что может дать одно понимание. Эти определяющие признаки должны стать критериумами, с помощью которых возможно было бы распознавать по некоторым явлениям зарождение науки у одного народа, или упадок ее — у другого, или мнимую науку отличить от истинной — у третьего. Важнейшие из этих критериумов — самоуглубление духа; отвращение от ничего не объясняющих знаний, хотя бы и новых и интересных в самих себе; поднятие в жизни основных вопросов, первых для сознания, над которыми никто не задумывается в обыкновенное время, считая их или с уверенностью разрешенными — когда наука еще не зарождалась, или равнодушно относясь к ним как к неразрешимым — когда наука умирает, или совершенно не замечая их — когда народ или время не способны к пониманию. Наконец, бывают в научном творчестве и произведенные свойства — те, которыми осложняется она под влиянием посторонних явлений и которые природе ее чужды, напр. антирелигиозность под влиянием политических тенденций или религиозность под влиянием религиозных движений.

Изучая происхождение научного творчества, следует определить, порождается ли оно удивлением при общем созерцании мироустройства и течения жизни; или сомнением как общим недоверием к бессознательно усвоенным по преданию мыслям, мнениям и взглядам на природу, которые случайно в чем-либо одном вдруг оказались несомненно ложными; или, наконец, недоумением при виде отдельных загадочных явлений и предметов, которые, не будучи схожи ни с чем известным, сильнее поражают ум человека и впервые вызывают его мысль к деятельности.

То, что появляется, когда научное творчество закончено, бывает тройкого рода: одно непосредственно вытекает из природы понимания, всегда заканчивает его и есть *цель*, ради которой оно и совершается; другое также всегда появляется и тесно связано с природою понимания, но не есть цель его, а только *следствие*: оно обнаруживается все время, пока совершается процесс, и этот процесс не прекращается от этого, но движется далее, очевидно, к иному, что и есть цель его; наконец, третье есть *употребление*, пользование, которое можно сделать из научного процесса и делается человеком. Первое, цель научного процесса, открывается непосредственно из того, что такое этот процесс, и из природы того, в чем он совершается. Понимание как состояние есть цель понимания как процесса, и с завершением первого естественно и необходимо заканчивается второй. Как состояние, понимание есть всеудовлетворенность разума, и к нему деятельно стремится он, пока не удовлетворен, через понимание как процесс. Но, совершаясь в духе и в жизни, этот процесс невольно и неизбежно изменяет дух и жизнь, и это есть второе, что мы назвали, — следствие. Разум, через последовательное повторение в нем процессов понимания, совершенствуется и возвышается: более глубокое начинает занимать его, глубже задумывается он над ним и более тонко разлагает и познает. Чувство последовательно облагораживается, утончается и разлагается по мере того, как глубже и глубже спускается анализ в испытываемые им области. Простое, однородное, цельное — оно раскрывается в сложный мир возвышенных и тонких ощущений, столь же разнородных, как идеи, которые оно переживает в себе и которые облекает поэтическим покровом взамен той возвышенности, которую они дают ему. Различнейшее, противоположнейшее становится понятно ему, волнует его, то унося в высоты, никому не доступные, то погружая в глубину низкого, отвратительного, наполняя чистейшею радостью, неутолимою грустью, мучительными наслаждениями, — и все это одновременно, непостижимым ни для кого образом, кроме того, кто это переживает, пока, утратив способность к тому простому и несложному, чем жило некогда, не будучи в состоянии развиваться далее и по бессилию природы своей и по бессилию разума, который не бесконечно же возвыша-

ется, не способное возвратиться к прежнему, утомленное настоящим, оно не почувствует усталость и пустоту и, замирая, еще в последний раз испытает новые, но уже болезненные ощущения близости конца — и потухнет. Воля первоначально укрепляется пониманием, пока оно несложно; и затем разлагается им, когда оно, усложняясь, теряется в противоречиях. Но и на этих высших ступенях своего развития, вообще как целое, разлагая волю диалектически развивающимися идеями, понимание отдельными частями своими производит нечто совершенно противоположное разложению — фанатизм. Последний является потому, что каждая из взаимно противоречащих идей представляется безусловно истинною и, развиваясь, имеет способность вытеснять все из разума и овладевать всецело им. Индифферентизм воли и фанатизм воли производят — один разложение жизни, другой — созидание новой среды умирающей; так как, будучи произведены одною причиною, они и существуют вместе. Но здесь от субъективных следствий научного процесса мы переходим к объективным. Жизнь частью прямо, частью косвенно, через влияние на дух, преобразуется пониманием. Все формы ее развиваются, усложняются и уточняются. То, что в каждом народе бессознательно скрывается как инстинкт, через понимание сознается как истинное и свободно раскрывается в многочисленнейших формах. С пониманием развивается чувство, — и то, что некогда совершенно удовлетворяло человека, теперь уже становится для него недостаточно: появляется новое и разнообразное в жизни, что удовлетворяет это пробужденное чувство; становятся более уточненными все отношения между людьми. Наконец, и самые люди, некогда все схожие между собою, и жизнь их, некогда одна для всех, перестают быть однородными: типы сменяются характерами, и эти характеры уходят в себя, живут с собою, со своими мыслями и со своими желаниями, неохотно отдавая обществу требуемое должное. Это — индивидуализм. Таковы следствия научного творчества; наконец, третье — употребление его — есть предвидение (Конт), господство над природою (Бэкон), увеличение человеческого счастья (Утилитаристы) — все то, что столь многими великими Умами столь ошибочно принималось за истинную цель науки.

III. *Творчество в области чувства*, как уже сказано было, не так однородно, как творчество в области разума. Там оно всегда является под одною формою — понимания, здесь же является под видами творчества в области чувства *красоты*, чувства *нравственного*, чувства *справедливости* и *религиозного чувства*.

Художественное творчество состоит, как кажется, в стремлении освободиться от некоторого тягостного ощущения, испытываемого художественною натурою от избытка образов красоты и от чувств, наполняющих внутренний мир ее, через воплощение этих образов и выражение этих чувств в формах очертаний, звуков или слов. Таким образом, в то время как творчество научное идет извне к внутреннему миру человека, творчество художественное исходит из внутреннего мира человека, чтобы выразиться вне его; из элементов мышления и опыта, разнообразных и рассеянных, разум собирает и зиждет свой храм внутри себя самого, чувство же красоты стремится наполнить внешнюю природу прекрасными образами и, как бы перешедши в них из человека, начинает жить в этих образах своею самостоятельною, не умирающею жизнью. И в то время как художник, однажды выразив тяготившее его чувство в образе, звуке или слове, действительно перестает испытывать его, из века в век начинают испытывать это чувство все те, которые смотрят на этот образ или слышат это слово и звук. О том, как слагается этот образ, есть ли он только проясненное чувство, получившее очертания, или, возникая независимо от чувства, только проникается им, и почему, далее, он выражается в одном случае в пространственных формах, в другом — в преемственно сменяющихся звуках, в третьем — в мерной речи, все это должно быть рассмотрено в учении о субъективной стороне художественного творчества, и те немногие, к сожалению, заметки, которые художники и поэты оставили нам о своей внутренней работе, должны быть тщательно исследованы и оценены здесь. В учении же об объективной стороне художественного творчества должно содержаться учение о технике искусства, например в музыке — учение о композиции.

Между свойствами художественного творчества следует заметить его *непроизвольность*: тот, в ком

совершается оно, не может ни подавить его в себе совершенно, ни даже задерживать на время без страдания, ни пробудить его, если неспособен к нему, ни определить по произволу форму, в которой выразится оно. Так, не может скульптор сделаться поэтом, ни поэт — скульптором; не может человек, чуждый художественного чувства, создать ничего, кроме пародий на художественные творения, которым ни он не даст ничего из своей души, ни они не дадут ничего душе другого. Далее, этому творчеству, как и научному, присуща самоопределяемость. Его зарождение, развитие и выражение во внешних формах совершается по своим внутренним законам, и с нарушением их — уничтожается или нарушается оно. В этом отношении можно сказать, что человек есть еще более пассивный носитель творчества в области красоты, нежели творчества в области истины. Наконец, замечательна тенденция художественного творчества к осложнению всеми другими элементами человеческого духа и к соединению со всеми другими видами человеческого творчества. Так является религиозное искусство, так происходит поэзия, проникнутая философскими и политическими идеями; или, с другой стороны — художественная наука и политические формы, проникнутые единством, гармониею и симметриею, как это мы видим в Древней Греции, в Риме и во Франции.

Рассматривая художественный процесс со стороны происхождения, следует изучить вопрос, лежат ли художественные образы в самой природе человека в виде потенций и те формы, в мире внешнем, которыми наслаждается человек, не потому ли и кажутся ему прекрасными, что соответствуют этому скрытому в нем миру красоты; или же явление красоты есть нечто космическое, разлитое по всему мирозданию, и только одна часть его заключена в человеке, другая же часть лежит в физической природе?

Цель художественного творчества, так же как и цель науки, выводится из его сущности. Подобно пониманию, оно не имеет цели вне себя и, раз пробудившись, по внутренней необходимости выливается во внешних формах так же свободно и так же бесцельно, как свободно и бесцельно торжественное настроение при виде звездного неба или радость при виде найденной утраты. В художественных образах, конкретных

и единичных, человек выражает состояния духа, общие всем людям и вечные в них. Вот почему и всякое отдельное произведение искусства, в котором художник воплотил пережитое им чувство, понятно для всех народов и во все времена. В этом смысле нет ничего более универсального и вечного, чем искусство. Изменяются нужды людей, и привычки, и стремления их, а с ними меняются и формы общественной и политической жизни; падают и возникают государства, а с ними умирают и нарождаются новые и новые народы. Но как бы ни изменялся Мир человеческий, неизменны останутся в нем и грусть, и радость, и надежда, и отчаяние, и чувство отчужденности, и жалость утраты, а с ними неизменны и понятны будут и образы, и звуки, в которые выливаются или некогда вылились эти чувства. Этим типам художественно воплотимого чувства в душе человеческой определенное количество, и каждому типу соответствует несколько форм, в которых он может быть выражен: и образ, и звук, и слово, и сочетание линий одинаково в состоянии выразить и радость, и грусть, и нежность, и чувство величия или силы. Наряду с прямою целью, вытекающею из природы искусства (освобождение от тяготящего чувства через выражение его во внешнем), художественный процесс, подобно пониманию, имеет и побочные *следствия*: это изменения, производимые им в духе человеческом и в жизни. В своей чистой форме оно имеет свойство разлагать нравственное чувство, в своих осложненных формах — возвышать и укреплять его. И в самом деле, в то время как образ, нарисованный рукою одновременно и религиозною, и знакомою с красотой, возвышает простое религиозное чувство до энтузиазма, веет на созерцающего духом чистого аскетизма, внушает ему отвращение от всего земного, низкого, — в это же время чувство беспримесной красоты пробуждает любовь к земному, ставит земные радости и земные горести на недостижимую высоту и своими некоторыми формами — ирониею и гордостью — вступает в борьбу и с нравственным, и со всяким другим чувством, профанирует их и наслаждается этою профанациею, заключая ее в обольстительные, только одной профанации присущие, формы. Что же касается до влияния на разум, то осложненные формы художественного творчества, хотя и пробужда-

ют в нем деятельность, — например, поэзия, проникнутая философскими идеями, и пробуждает любовь к философским вопросам и интерес к философским исследованиям, однако эти формы отнимают плодотворность у разума, внося неясность, неопределенность и излишнюю образность в мышление.

Рассматривая виды художественного творчества, следует подвергнуть специальному всестороннему изучению процессы выражения чувства в линиях (архитектура), в пластических и скульптурных образах (живопись и ваяние), в звуках (музыка) и в слове (поэзия).

IV. *Творчество в области нравственного чувства* так же способно к осложнению, как и предыдущие, но в несколько другой форме. Вследствие осложняющих влияний чувство прекрасного нередко переходит в формы не только отличные от неосложненной формы, но и прямо противоположные ей, как это случилось, например, в искусстве при переходе его из мира античного, где предметом поклонения и воплощения была физическая красота, в мир средневековый, где предметом поклонения и воплощения сделалась красота духа, — красота же тела пренебрегалась. Напротив, нравственное чувство под влиянием осложнений только изменяется в своей напряженности, правда, нередко до такой степени, что осложненная его форма кажется новым чувством. Так, в своем чистом виде будучи сочетанием доброты и правдивости, это чувство в своих осложненных формах — сострадании, самоотречении, аскетизме — является иногда таким, что вызывает удивление, как нечто новое и незнакомое, в людях и правдивых, и добрых.

Замечателен при этом самый процесс осложнения нравственного чувства, по своему характеру единственный в природе, не имеющий ничего и ни в чем подобного себе. Именно, все существующее не только в Мире человеческом, но и в Космосе усиливается в своей напряженности под воздействием подобного себе и уменьшается под воздействием противоположного: так, чувство красоты усиливается и становится более тонким при созерцании прекрасных образов, поэтическое дарование пробуждается от чтения поэтов, умственная деятельность возбуждается видом чужой умственной деятельности; или, с другой стороны — радость уменьшается при виде чужого горя, чувство кра-

соты глохнет, когда не питается образцами, любовь к поэзии увядает среди прозаической деловой жизни. Совершенно обратное происходит в процессе развития нравственного чувства: почти не изменяясь под воздействием однородного, оно достигает величайшей напряженности под воздействием противоположного. Так, глубочайшая развращенность окружающей жизни пробуждает стремление к аскетизму в тех, которые сохранили чистоту чувства, — как это наблюдается, например, в первых стойках и в первых христианах. Так, внутренняя фальшь и притворство, проникающие в общество или отдельные кружки его в эпохи упадка тех идей и чувств, которыми долго жили люди, вызывает страстное отрицание и обличение этой фальши со стороны людей, в другое время чуждых всякого фанатизма, как это наблюдается, например, в последние дни первой французской республики или в нашей жизни в эпоху 50-х и 60-х годов со стороны той части общества, которая затем, в эпоху 80-х годов, подверглась такому же страстному обличению и потому же, какое и почему выполнила сама двадцать лет назад. Это явление, замечательное в теоретическом отношении, имеет огромное объясняющее значение в истории, а также и в политике, где, если его хорошо понять, оно способно рассеять много опасений и погубить много надежд. Оно делает понятным и показывает внутреннюю необходимость того факта, что совершенное, окончательное падение нравственности никогда не бывает, а чрезвычайное поднятие ее уровня всегда бывает непродолжительно. Сумма нравственной энергии как будто остается вечно постоянной, но только не в человеке, а в человечестве; и всякое падение ее ниже обыкновенного уровня в целом обществе вызывает ее поднятие выше обыкновенного уровня в отдельных людях. Строгое отшельничество и пламенная проповедь о всеобщем покаянии возможны только среди глубоко павшего общества и тотчас ослабевают с поднятием общего нравственного уровня. В те исторические периоды, когда ничего выдающегося дурного не совершается, не совершается и ничего выдающегося хорошего; и когда не дурны все, тогда никто особенно не хорош. С другой стороны, этим явлением объясняется и непрочность всякой победы, и недолговременность всякого поражения в политике и вообще в жизни: все

торжествующее внутренне падает именно потому, что оно торжествует, и все униженное внутренне возвышается именно потому, что оно унижено; а внутреннее падение и возвышение есть источник и начало и наружного падения и возвышения, — впрочем, всегда и по необходимости также непродолжительного.

Нравственное развитие является не под одною формою, но под тремя: *чувства, деятельности и учения*. Ясно, что развитие нравственного чувства лежит в основе, как производящая причина и развития нравственной деятельности, и развития нравственных учений: первая является обнаружением этого чувства в отношениях к людям, а вторые — или выражением его в слове (нравственная проповедь), или теоретическим обоснованием его со стороны разума (нравственная философия).

По своей природе нравственное чувство есть правдивость и доброта. Первая состоит в отсутствии всякого изменения внутреннего мира на пути к своему внешнему обнаружению, есть тожество между идеями, чувствами и желаниями и между словами, отношениями и поступками человека. Вторая — доброта — есть естественное расположение ко всем людям, сопровождающееся радостью — когда всем хорошо, и горестью — когда кому-либо дурно. Почему это так, зачем не одно что-либо, но два начала ставим мы в основу нравственности и какое значение скрывается за этими по видимому простыми чувствами, — все это мы не будем объяснять здесь, именно по чрезвычайной важности этого основания и по чрезвычайной глубине этого значения, надеясь посвятить этому труду большее внимание, чем какое могли и желали дать настоящему, где не содержится самое понимание чего-либо, но определяется и распределяется только понимание всего.

Между свойствами нравственного процесса замечательны два. Первое — это способность его скреплять и одновременно смягчать все человеческие отношения, безразлично, между кем бы они ни существовали и каковы бы они ни были. Так, напр., отношения зависимости, будет ли она политическая — одного побежденного государства к другому, победившему, или национальная — в одном и том же государстве слабейшего народа к сильнейшему, или сословная, напр., зависи-

мость земледельцев от землевладельцев, или экономическая — неимущих и должников от кредиторов и богатых, или, наконец, личная — слуги от господина или служащего от начальника, — эта зависимость во всех указанных случаях утрачивает свой тяжелый и порою опасный характер, и это до такой степени, что если бы какими-либо способами можно было так укрепить нравственность, что нечего было бы опасаться ее изменения, то в сущности стало бы безразлично, каковы будут отношения политические, национальные, сословные, экономические и личные, потому что если все отношения проникнуты правдивостью и добротой, то жизнь подчиненного более свободна, безбоязненна и обеспечена, нежели жизнь равного с равным при низком нравственном уровне. Точно так же общество, чуждое нравственности, в сущности не сдерживается ничем, кроме страха или перед положительным бедствием, или перед уменьшением выгод; и в тех случаях, когда или бедствие неизбежно — как это было в Риме в эпоху падения, или уменьшения выгод можно избежать — как это бывает при оставлении родины или религии, — общество, народ или государство, чуждые нравственности, или мало-помалу распадается, или погибает разом. Напротив, ничто так тесно не сплачивает людей, как взаимное доверие и любовь, и когда эти чувства достигают высокой напряженности, общество не разруσιμο никакими причинами. Второе свойство нравственного процесса чисто субъективное: он дает внутреннее успокоение душе и служит никогда не иссякающим источником чистой радости. Подобного влияния не оказывает никакой другой вид творчества: и понимание, и художественная работа хотя приносят высокие, ничем другим не заменимые и ни с чем другим не сравнимые наслаждения и радости, но и в этой радости есть что-то мучительное, и эти наслаждения красотой и мыслью оставляют в душе холодный пепел, которого тем больше, чем сильнее горело в ней пламя наслаждения; именно успокоения не дают они. Таким образом, если мы внимательно оценим оба указанные свойства нравственного процесса, мы придем к невольному убеждению, что он есть основа и личной жизни человека, и общей жизни всех людей, что с ним неопасны никакие бедствия и без него невозможно никакое счастье.

В своей чистой, беспримесной форме нравственное чувство есть одна из сторон первоначальной человеческой природы, столь же не обязанное своим происхождением ничему внешнему, как не обязан ему своим происхождением разум. Это видно из того, что всякий раз, когда человек действует совершенно свободно, т.е. не только в смысле какого-либо внешнего принуждения, но и внутреннего, своего, — он действует всегда нравственно; и всякий раз, когда он отклоняется от чистого нравственного пути, для этих отклонений есть причины в обстоятельствах, внешних для природы человека. Так, боязнь чего-либо внешнего — наказания ли или осуждения — есть причина притворства, и кто не боится, тот никогда не лжет; а раздражение, воспринятое страдание есть причина злобы. Тщательное изучение этих причин, отклоняющих естественный процесс развития нравственного чувства, а равно и всех обстоятельств, которые увеличивают или уменьшают его напряженность, принадлежит уже другой форме учения о Мире человеческом — *Учению о добре и зле*.

Что касается до цели нравственного процесса, то изучение ее сводится к определению той конечной формы, в которую стремится воплотить этот процесс и природу человеческую, и человеческую жизнь. Мы склонны думать, что этот идеал человека и жизни есть сведение до *minimum*'а физической жизни, впрочем, без всякого искажения того, что необходимо и естественно в ней, — хотя, однако, и без всяких излишних, сверх необходимого, забот и мыслей о ней; и жизнь, посвященная бескорыстному познанию, чуждающаяся внешнего зла и чистая от внутреннего, полная заботливости о близких, которые не могут помочь себе сами, и о дальних — так, чтобы из людей никто не был забыт людьми, такая жизнь, свободная от удовольствий и исполненная внутренней радости, есть идеал, к которому одинаково должны стремиться и человек и человечество.

V. *Творчество в области чувства справедливости* можно было бы принять за один из видов нравственного творчества, если бы в некоторых явлениях не замечалось, что оно неоднородно с ним, и хотя вообще совпадает, однако изредка и отличается от него. Так, например, когда долго унижаемый и притесненный совершил что-либо дурное — положим, обманул или

разорил — не против того, кто его обидел, но против одного из тех, кто были виновниками его страданий, напр., слуга против сына своего прежнего дурного господина, земледелец против незнакомого ему землевладельца, рабочий против фабриканта, гражданин против чиновника, то тогда нравственное чувство хотя и побуждает нас забыть ему его вину, однако чувство справедливости противится тому, чтобы теперь и единично *неправо* обиженный и оставался и считался право обиженным. Или, если должник по бедности не возвращает того, что взял у богатого, а тот требует, то нравственное чувство сострадает бедному и осуждает богатого, а чувство справедливости признает, что требование право, а отказ в его удовлетворении не прав. Есть и еще более резкие примеры подобного несовпадения чувства справедливости с чувством нравственным. Напр., когда кто-нибудь, возмущенный низостью, жестокостью или другим чем в народе ли каком, или в сословии, или кружке, в величайшем негодовании осуждает всех, кто принадлежит к этому народу, сословию или кружку, то в этом нет ничего безнравственного, и даже если возмутившие факты слишком резки, была бы скорее безнравственна всякая сдержанность, осторожность в суждении, как признак равнодушия, сердечной холодности; однако же такое отношение и глубоко несправедливо, потому что хотя бы нескольких, хотя бы одного человека несправедливо оскорбляет.

Творчество в области чувства справедливости есть в субъективной своей части процесс развития этого чувства как способности все более и более тонко различать справедливое от несправедливого, а в своей объективной части — процесс установления справедливых отношений между людьми посредством законов, нравов, обычаев и привычек. Первые зачатки этого процесса кроются в чувстве сострадания. Справедливость как будто вырастает из этого последнего чувства, хотя в действительности только отделяется от него, перестает быть смешанной с ним. Это происхождение потому присуще рассматриваемому процессу, что, кроме немногих случаев, нарушение справедливости всегда ведет к страданию. Грубая, простая, первоначальная форма несправедливости есть обида. Поэтому начало законодательного процесса и начальные обы-

чай, в нем выраженные и его поддерживающие, всегда имеют целью сдерживать грубый произвол, дать слабейшему — по уму ли, по ловкости или по силе — защиту от беспричинных обид сильнейшего в ясно выраженной воле и готовности помогать со стороны всех (дела об убийстве, увечье, оскорблениях, краже). Дальнейший же процесс развития чувства справедливости и основанного на нем законодательства вообще чрезвычайно медлен и труден. В отличие от всех других процессов, и в том числе нравственного, здесь не имеет никакого значения и влияния напряженность чувства, — но только развитие в нем различающей способности. Это развитие совершается через последовательное разрешение сомнительных случаев, через появление фактов с новыми и новыми оттенками в значении и смысле, дающих новые и новые затруднения чувству справедливости, которые его утончают, когда оно побораёт их. Вот почему усовершенствование законодательств так тесно и так неразрывно, как ничто другое, связано с увеличением исторической опытности у народов. Но еще задолго до этого совершенства процесс развития справедливости отделяется окончательно от чувства сострадания и становится совершенно самостоятельным и одиночным. И здесь мы снова видим его различие от всех других процессов в развитии чувства: они все усложняются в истории, проникаясь друг другом, он же упрощается, уединяясь от всех других. И закон, и его исполнитель в развитом государстве осуждает одного не потому, что его не жалко, и оправдывает другого не потому, что его жаль, — это чувство совершенно исчезает здесь — но просто потому, что один прав и другой не прав.

VI. Быть может, ни в одном из видов своего творчества природа человека не является в таком величии и в такой красоте, как в *творчестве религиозном*. Нигде человек не переступает того тесного предела, которым ограничен он, и даже в науке, поднимаясь в высшие сферы умозрения, он остается только ничтожною частицею мироздания, он сознает себя отделенным от этого мира, потому что сознает этот мир как внешний объект своей мысли; и только в той отрешенности от всего личного, от всего временного и земного, которая составляет сущность религиозного чувства, человек как бы освобождается от уз своих и сливается с Кос-

мосом и его вечным развитием в одном великом, всепоглощающем мировом чувстве. И только в этом чувстве человеческая природа, в других видах своего творчества как бы дробящаяся, колеблющаяся и рассыпающаяся в мириадах созданий, ярких, но недолговечных и меркнувших во всей своей обольстительной красоте, — только в этом чувстве она является как бы собранная в одно целое, и перед немеркнущею красотой и силою того, что выливается из нее в этот миг, преклоняются века и народы. В великие и редкие моменты, когда наступает это творчество, мелкое и волнуемое житейское чувство, минутные цели и минутные страсти, которыми живет и движется повседневная жизнь, — все это рассеивается как призрак, и из-за него выступает природа человека во всем сиянии своей первозданной чистоты и во всем величии понимания, что уже не первозданно-прекрасный и радостный мир вокруг нее, но мир мрака и скорби, изнемогающий в страдании, но полюбивший муку свою, смеющийся и отвергающий спасение. И перед красотой этого мирообъемлющего и всепроницающего чувства никнет красота науки, никнет красота искусства, никнет красота всей этой мелкопечальной и мелкорадостной жизни; и, только задевая лучами своими науку, искусство и жизнь, это чувство сообщает и им непреходящее значение и немеркнущую красоту.

Далее, если принять во внимание многосторонность, продолжительность и широту влияния религиозного творчества на человека во всех сторонах его духа и на жизнь во всех ее проявлениях, то мы должны будем признать, что нигде человек не является более могущественным, чем здесь. Какой великий государь, какой завоеватель, которого только знает история, имел влияние, равное тому, какое имел, например, Кальвин? Как мало и недолговечно все, что совершили даже сильнейшие из людей, господствовавшие над миром, — Александр Великий, Цезарь — в сравнении с тем, что совершил этот простой проповедник. Дела их и имена давно забыты — их знают только ученые, а его слово до сих пор живет в сердцах миллионов людей, которые думают, желают и делают то, чему он учил их, и его имя с благодарностью и любовью произносится миллионами уст. А он был еще слабейший из тех, в ком проявилось религиозное творчество.

По справедливости можно сказать, что другие люди и другими сторонами своего духа творят в истории, историю же творят люди веры и религиозного чувства. Их жизнь и учение — это основа, на которой время вырисовывает сложный и разнообразный узор истории; это — то, чем живут народы и без чего не жили бы они, но сгнули бы подобно тому, как гибнут во времени безвестные племена и царства — и история не знает о них. Что же есть особенного, ни с чем не схожего в религиозном творчестве, что придает ему такое великое значение? Не пытаюсь разрешить этого вопроса, мы выскажем о нем несколько мыслей, которые если и ничему не помогут, то и ничему и не помешают в разрешении*.

К этим особенностям прежде всего относится несвязанность религиозного чувства, как со своею производящею причиною, с текущею, окружающею жизнью: оно возникает не из временных нужд и не им стремится удовлетворить, поэтому-то значение его и не утрачивается, подобно всему другому, с исчезновением этих нужд, но остается и тогда, когда исторический период, в который появилось оно, минует безвозвратно со всеми своими особенностями и потребностями. Это относительно времени; но то же следует сказать и относительно несвязанности религиозного чувства с каким-либо местом: не народ и не страна составляют предмет его, но человек, т.е. все страны и все народы. То, к чему бывает обращена мысль в моменты религиозного творчества, и то, чем живет в эти моменты сердце, для того, из кого исходит творчество, исполнено такого значения, что слово, с которым он об-

* Творчество религиозное следует различать как первоначальное — когда появляется религиозное учение, и как вторичное — когда, придя почему-либо в упадок и искажившись, оно очищается и оживляется; и далее, в первом (первоначальном) следует различать установление истинной религии и религий не истинных — тех, которые мы называем ниже попытками человека найти религию (т.е. истинную). За исключением установления учения этой последней (религии истинной), все прочие виды религиозного процесса суть явления творчества как исхождения из субъективного духа форм жизни. В религии же истинной человеческий дух является не творящим, но воспринимающим и передающим. Об этом подробнее см. ниже, в *Учении о формах жизни*. Под Откровением там понимаются древнебиблейские откровения пророкам.

ращается к людям, является средоточием мира, средоточием истории: он существует, чтобы вместить это слово, она готовилась, чтобы понять его, и ничего никогда человек не будет делать, кроме того, чтобы исполнять это слово, — потому что в нем его спасение и в повиновении ему его назначение. В этой-то отрешенности от всего, что во времени, и в этой отчужденности от всего, что есть на земле близкого и дорогого человеку, и таится одна из причин того, что времена проходят и слово не забывается, народы возникают и исчезают, покоряя свою жизнь тому, что вышло не из ее нужд и прихотливых изменений.

Вторая особенность, уже названная выше, состоит в том, что, в то время как во всех видах своей деятельности природа человеческая является как бы разделенною, частичною, — в моменты религиозного творчества она является цельною, как бы собранною в одно. И в самом деле, не человек творит понимание, но разум в человеке; не человек создает красоту, но чувство прекрасного в нем; не он делает справедливое и нравственное, но только одна из сторон его духа. Словом, ни в чем из творимого им человек не живет всем существом своим, но только одною или некоторыми частями своего существа. Напротив, религиозное чувство не может быть отнесено, как к своему источнику, ни к одной из сторон человеческого духа в отдельности, но только ко всей человеческой природе в ее целом; и то, чем пробуждается это чувство или что изливается из него — религиозное учение, содержит в себе все элементы человеческого существа, не чуждо ни одного из них: оно всегда и одновременно бывает проникнуто и глубокою мудростью — хотя не есть произведение мышления, и чистою нравственностью — хотя не есть нравственное поучение, и исполнено высокой красоты — хотя не создано художественным чувством. Поэтому-то оно влечет к себе всего человека, убеждает его не доказывая, перерождает не поучая, возвышает и просветляет его природу бессознательно для себя самого. Как из всей природы человека изошло оно, так и всю природу человека покоряет себе и при этом не действует ни одною стороною своей в особенности, и ни на одну сторону его в отдельности. Оно полно цельности и единства, и в этом его тайна, особенность и сила. Можно изучить все религии, и ни

в одной из них не найдется ничего глупого, ничего безнравственного, ничего несправедливого, ничего такого, что отталкивало бы от себя наше чувство прекрасного. Напротив, всем этим — высокою мудростью, нравственностью и красотою — запечатлена каждая религия, и притом в высокой степени*.

Все то, что слилось в религиозном учении до неразличимости, потом выделяется из него, когда оно входит в жизнь, — и здесь лежит объяснение той многосторонности его влияния, которая наблюдается в истории. Как и всюду, влияние на творимое здесь происходит через влияние на творящее: изменяется дух и с ним жизнь, которая исходит из него. Тогда как под влиянием других видов творчества, производимых отдельными сторонами человеческой природы, отдельные же стороны и перерождаются в людях, например, наукою — разум или искусством — чувство прекрасного; одна религия одновременно покоряет себе все силы духа, перерождает всего человека, так что со старыми богами оставляет он и государство, в котором жил, и искусство, которое любил, и науку, которою занимался, как это было, например, при появлении христианства, когда языческий мир пал разом и весь. Но это падение бывает только временное: из скрытых элементов религии вырастают новые стороны жизни, те же, какие погибли, которыми присуще жить человеку, но только с другим характером, — новое религиозное искусство, другое миропонимание, отличное от прежнего государственное устройство. Так случилось в начале Средних веков: по-видимому, с язычеством навсегда погибало и искусство, и наука, и государство; в действительности же все это возродилось потом в новой и лучшей форме. И такое возрождение всегда совершалось после каждого сильного религиозного движения, например в европейской жизни после Реформации.

Наконец, третья особенность в религиозном творчестве, также указанная нами уже выше, состоит в том, что в нем человеческая природа возвращается к той первоначальной чистоте, которой постепенное затемнение составляет, по-видимому, необходимое зло в ис-

* Мы разумеем здесь религиозные учения, не подвергшиеся позднейшим осложнениям

тории. Вот почему момент его появления всегда предшествуется падением привычек, обычаев, нравов — всего того, чем и как живут люди ежедневно; явление единственное в истории. Человек становится просто человеком и перестает — бессознательно и невольно для себя — быть тем, чем его сделала история, цивилизация, вся окружающая среда. Он не действует более так, как привык действовать, он не думает более о том, одно нарушение чего еще так недавно казалось ему невозможным. Интересы неизмеримо важнейшие, истины высшие, нежели все, чем он жил дотопе, всецело овладевают им и как бы заволакивают от его глаз и людей, и природу. Он остается наедине с собою и со своим Творцом, и все, что обыкновенно разделяет их, — все, что возникло из истории, а не из природы человеческой, — оставляется им. И настолько прекрасно, настолько велико то, чем он живет в эти минуты, что, когда волнующаяся вокруг него жизнь снова пробуждает его к действительности, он не находит в себе для нее ничего, кроме осуждения. Его слово к людям — призыв к тому чистому и радостному, что он почувствовал в пережитые минуты, убеждение оставить все, в чем они и с ними еще недавно он сам находили и находят свое наслаждение и что теперь для него — одно осквернение человеческой природы и оскорбление для Того, Кто создал ее. И так много говорит это слово человеческому сердцу, так дорого оно ему, что ради него оставляется народами то, что не смогли бы вырвать у них никто и ничто.

Все эти особенности религиозного процесса, которые придают ему такую неизмеримую важность, заставляют отнестись к его изучению с возможно большим вниманием. И это внимание особенно должно быть направлено на те первые симптомы, которые ему предшествуют. Таковы некоторые явления человеческого духа, которые хотя по внешности, по своему точному смыслу остаются чуждыми, порою враждебными религии, однако в своей скрытой сущности бывают уже полны веяния религиозной идеи*. Это происходит потому, что пробуждающийся религиозный про-

* Например, в поэзии эту двойственностью внешней формы и внутреннего содержания запечатлена поэзия Байрона, Гейне, Лермонтова, — всегда так глубоко непонятая.

цесс имеет свойство окрашивать в известный цвет науку, искусство, поэзию, прежде чем появится в своем чистом виде. Как и в природе физической, в Мире человеческом иногда горизонт будущего уже загорается новым светом, хотя то, откуда исходит свет, еще остается скрытым. Не меньшего внимания, чем эти первые симптомы, заслуживают и те последние замирания религиозного процесса, которые нередко еще полны его имени, но уже далеко отошли от него по своей сущности, уже противоположны ему по значению. Нигде, быть может, вообще обманчивая наружность не бывает более обманчива, чем здесь; нигде внешняя форма и внутреннее содержание не бывают так слабо связаны между собою, как в этом чистейшем из произведений духа.

Как и повсюду, ведение исследования по схемам разума даст и здесь возможность не упустить чего-либо из виду. В учении о существовании процесса религиозного творчества следует рассмотреть отношение этого существования к природе человека и к лежащему вне ее; т. е. существует ли он неизменно в первой или является в ней временно, под влиянием второго. Заметим, что отсутствие всяких признаков этого процесса не только у некоторых людей (религиозные индифферентисты), но и у целых масс в некоторые моменты исторической жизни (напр., в XVIII в.) еще не доказывает, что религиозное чувство есть временное произведение условий жизни и влияний природы. Как потенция, и притом определенная, это чувство может лежать в природе человека в скрытом состоянии, и все значение внешней природы и условий жизни может ограничиваться лишь тем, что они пробуждают эту потенцию к жизни. В своей сущности религиозное творчество есть процесс развития двух параллельных рядов явлений: во-первых, *явлений внутренних, состоящих в образовании одной общей концепции мира и жизни*, — концепции, основанной на чувстве; и, во-вторых, *явлений внешних, выражающихся в учении и в жизни, проникнутых этим чувством*. В учении о сущности религиозного творчества оба эти параллельные ряда должны быть разложены на отдельные моменты, через которые проходит их образование: как зарождается, при каких условиях — внутренних, психических и внешних, физических и жизненных — развивается, наконец,

как заканчивается эта концепция. Не утверждая положительно, мы склонны думать, что ни одна душа человеческая не чужда совершенно религиозного чувства. По крайней мере, разбирая внимательно отдельные психические моменты в жизни человека — каждого, кто бы он ни был и как бы ни относился к религии, — мы можем, указав на некоторые из них, сказать, что вот эти моменты (грусти, тоски, отчаяния) ближе к религиозному состоянию и другие (беспечности, веселья, самоуверенности) — дальше. А если мы можем это сказать про всякого человека, без какого бы то ни было исключения, то, следовательно, есть же что-то в его душе, но только заглушенное или недоразвившееся, что религиозно по своей природе. Там, где возможно сравнение, есть и сравниваемое, и, где различие в степени, там сходство в сущности. Но однако, нельзя не видеть в истории и в жизни, что есть души, по преимуществу способные и склонные — к произведению ли, к восприятию ли религиозной концепции. Так, из двух людей, одинаково относящихся к религии, склонный к уединению более способен и восприимчив к этой концепции, нежели находящий удовольствие в общественной жизни. Сосредоточенность, внутренняя чистота, впечатлительность к окружающему и вместе отчужденность от него, гармония духа и многое другое, — все это необходимо для религиозного творчества, и все это мы находим у тех, которые его проявили в истории или были восприимчивы к нему. Также нельзя не заметить и внешнего влияния на пробуждение и развитие религиозного процесса. Достаточно сказать, что далее определенного круга широты никогда не переступало религиозное творчество, чтобы убедиться, как значительно влияние природы здесь. Наконец, если мы подумаем, что никогда пророки не являлись в спокойные и счастливые времена, когда не о чем сожалеть и нечего ожидать, мы поймем, как велико здесь влияние жизни. Что же касается до наружной стороны религиозного процесса, то в нем следует изучить то общее (сходное во всех единичных религиозных процессах), что замечается в моменты, когда он исходит из субъективного духа; и то общее, что он вызывает в объективном духе воспринимающих, т. е. как религиозное учение последовательно перерождает человеческие души и человеческую жизнь, как устанавливается новая религия в истории.

Разложив религиозное творчество на элементы во времени — что за чем следует (процесс), необходимо далее разложить его на то, что мы назвали бы элементами его сущности — что именно составляет ту концепцию, которая развивается в последовательном ряде сменяющихся форм (процессирующее). Религиозное творчество, как уже было замечено, с одной стороны, отличается необыкновенною цельностью, отсутствием всяких внутренних противоречий и всякой двойственности целей и побуждений (по этому всегда можно узнать лжепророков, так нередко появлявшихся в истории); все отдельные проявления его как бы представляют собою повторение одного и того же, что составляет его сущность, — например, страдание как искупление в Брамаизме, самоуничтожение в Буддизме; а с другой стороны, оно тайно содержит в себе все стороны духа и жизни — в нем собран весь дух и вся жизнь человека. Вот это-то все, что входит в религии и что выходит из них, сперва как бы сосредоточиваясь в духе одного — перед моментом видимого обнаружения религиозного процесса, и потом раскрываясь в историческую жизнь всех — в самом процессе, и должно быть изучено здесь в своей отдельности.

На других сторонах религиозного процесса — свойствах, происхождении, назначении, сходстве и различии — мы останавливаться не будем, потому что об одних из этих сторон было уже сказано ранее, а о других сказать что-либо мы затрудняемся. Здесь необходимы тщательные предварительные изыскания, и все необдуманно сказанное, ничего не разъясняя теперь, может помешать разъяснению в будущем.

VII. Учение о процессах *творчества в области воли* есть учение о процессах возникновения, развития и упадка политических форм и того, что обнимается ими. Потому что хотя в политическом творчестве участвуют многие стороны духа, и между ними прежде всего разум, сознающий желаемую политическую форму как цель и избирающий средства для ее осуществления, однако все эти стороны, по своей деятельности предшествуя проявлению воли, в конце деятельности сходятся к ней одной и через нее обнаруживаются. С другой стороны, хотя воля проявляется не только в политическом творчестве, но и во многом другом — и это другое все должно быть изучено здесь, — однако

политическая деятельность есть наиболее важное, в чем проявляется она, по значительности своей как объекта, по обширности своей сферы, наконец, по силе напряжения воли, которое необходимо обнаруживается здесь.

Сущность политического процесса состоит в последовательном *усложнении*. Это усложнение движется тремя путями и под тремя формами: *через увеличение того, что под политической формою; через повторение того, что в политической форме как часть; и через разложение самой формы как общего на своеобразные и целесообразные части, в ней скрыто предустановленные*. Первый вид усложнения есть процесс последовательного роста государства через увеличение земель, им обнимаемых, и народонаселения, которое в нем. Здесь происходит как бы растяжение политической формы, и, при равенстве прочих условий, чем менее то, что стягивается ею, тем прочнее она, тем надежнее и плотнее соединено то, что под нею; а чем обширнее стягиваемое, тем менее прочна она, тем слабее связано обнимаемое ею, — пока, достигнув известного предела, напряжение растянутой формы становится так велико, что она не выдерживает и разрушается (распадение слишком обширных государств). Вторая форма усложнения есть деление чего-либо одного в политической форме на тождественные части, из которых каждая повторяет собою целое, разделившееся, например, когда суд, совершаемый или старшим в роде, или начальником в племени, превращается в суд чиновников или учреждений, совершающийся многими и во многих местах. Третья форма усложнения есть самая важная и с тем вместе наименее зависящая от воли человека: последняя служит только пассивным орудием этого усложнения. Оно совершается не в государстве, но в самой политической форме, в том отвлеченном, что, проявляясь, образует государства здесь и там, теперь и тогда, переходя от народа к народу и от земли к земле, входя определяющим началом в жизнь их. По своей сущности это усложнение не только сходно с тем усложнением, которое происходит последовательно в органическом царстве и о котором говорили мы в своем месте, но есть то же, что оно. Это две различные сферы деятельности одного деятеля, два отдельные случая одного явления. Как и там, но толь-

ко еще с большею ясностью — потому что здесь участвует человек и через его сознание проходят все внутренние, скрытые явления — усложнение это движется через разложение общей идеи, в которой выражается вся цель политической формы, на более частные идеи, в которых выражаются отдельные стороны этой цели и которые находят свое выражение в выделяющихся в политическом организме своеобразных и целесообразных формах или органах. Так, благо есть общая цель всех государств, — и пока не сознается людьми, в них живущими, то, из чего состоит это благо, государства остаются однородны, не развиты, без всяких выделившихся органов. Это — племена, управляемые старшинами, в общественной жизни которых не определены ни моменты деятельности (что после чего должно следовать в деятельности), ни стороны (распадение деятельности по задачам ее). Но по мере того как проникает в сознание живущих, что есть не одно благо, но многие, или, точнее и ближе к истине, — что благо, будучи одним, имеет в себе виды — по мере этого разложения общего понятия на подчиненные, низшие понятия происходит распадение простой дотеле политической формы на части, из которых каждая есть не то, что другая, и не для того, для чего другая. Так являются органы, охраняющие безопасность, обеспечивающие благосостояние, регулирующие порядок — военное сословие, земледельческое, управляющее, которые (органы) бываю первоначальными в государстве, если идея блага прежде всего разложилась на понятия безопасности, благосостояния, порядка. Далее, когда какое-либо из этих подчиненных понятий, все еще довольно общих, распадается само на подчиненные понятия, уже более узкие, тогда та своеобразная и целесообразная часть, которая служила его видимым выражением в государстве, снова распадается на части, из которых каждая уже не повторяет ее, как это бывает при усложнении второго типа, но есть нечто не схожее ни с нею, ни с чем-либо из вновь выделившегося, т.е. своеобразна и целесообразна. Так, если понятие благосостояния распадается на представления о благосостоянии физическом, умственном и нравственном, то появляются органы с исключительным назначением заботиться о физическом продовольствии страны и народа, охранять в нем доб-

рые нравы, давать ему образование. Так продолжается этот процесс, пока все виды блага и всевозможные органы политической формы не осуществятся, — что, впрочем, до сих пор еще не имело места в истории, которая не знает совершенных политических форм. Это усложнение происходит, как принято говорить, — не совсем точно, но выразительно, — бессознательно, т.е. никто из людей логически не разлагает идею блага и подчиненные идеи не выражает в политических учреждениях. Это значит, что идея только разлагается в сознании, которое не создает ее, и жизнь разлагается через ее разложение, — как это и должно быть согласно с природою идеи, которая есть самостоятельное существо, проявляющееся в сознании, но не творимое им.

Что действительно развитие государственных форм имеет под собою как причину этот скрытый логический процесс, это ясно из того, что оно (развитие государства) совершенно не замечается в жизни народов или совсем не одаренных духовными силами, или одаренных, но несоответствующими, не теми, в которых могут проявляться и разлагаться логические идеи; хотя окружающая физическая природа и внутренние условия жизни у них остаются те же, как и у других народов, одаренных и развивающих у себя политические учреждения. Так, индейцы в Северной Америке, ведшие с соседними племенами войны столь же непрерывные, как и римляне с италийскими народцами, не развили у себя никаких политических форм, хотя жили в географических условиях еще более удобных, нежели какие представляет Италия. Или в этой последней — римляне развили могущественнейшее и совершеннейшее государство, какое только существовало на земле, а италийцы никогда не могли устроиться, несмотря на все усилия и великий руководящий пример, в сколько-нибудь сносные политические формы. Ясно, что причина различия здесь лежит в особенном психическом складе двух различных народов, так как все прочие условия для обоих случаев остаются тождественными.

Изучая свойства политического процесса, следует определить его изменяющее влияние как на дух, так и на жизнь. Чем совершеннее в смысле постоянства, определенности, правильности становятся политические формы, в которых живет какой-либо народ, тем

более определенным, постоянным и правильным становится весь психический строй такого народа, так как повсюду и постоянно все излишнее, произвольное, не ведущее ни к чему прямо полезному сдерживается и мало-помалу подавляется в нем политическими формами. Это не случайность, что с величием в политическом строе не уживается величие в поэзии и в искусстве; и если бы какой-нибудь народ, исчезнув бесследно, оставил нам только своих поэтов и мыслителей, то, внимательно вчитываясь в их произведения и через эти последние проникая во внутренний склад их чувства и мысли, мы многое могли бы узнать о политической форме, в которой жил этот народ. Религиозное чувство также трудно уживается с сильно развитыми политическими формами, потому что утонченность жизни, ее регулярность, широкое развитие общественности — все, создаваемое этими формами, — развивает более внешние стороны духа, нежели внутренние. Воля становится более правильною, но менее сильною, и присущий ей объективный характер заменяется субъективным. Она лучше умеет сдерживать порывы того, кому принадлежит, нежели давать ему силу и мужество действовать на то, что вне его. Сильные характеры, не покоряющиеся жизни, но покоряющие жизнь себе, становятся все более и более редкими, пока об них не остается одно воспоминание, связанное с удивлением, как перед чем-то трудным, невозможным более, почти неестественным. Таково влияние политического процесса на отдельные стороны духа; но еще более заметно влияние его на жизнь. Многие явления в ней, например промышленность, торговля, совершенно невозможны вне политической формы. Нравы преобразовываются, утрачивая постепенно простоту, открытость, близость к природе, и искусственность всех человеческих отношений мало-помалу становится так велика, что все естественное кажется неестественным и все неестественное — естественным. Изменяется незаметным образом самый язык народа, становясь менее богатым, но более точным и правильным, и это опять не случайность, что совершеннейший по строению язык, ставший для всех народов лучшим методическим орудием в деле воспитания ума, есть язык Древнего Рима, а самый точный из всех, ставший языком дипломатии, есть язык Франции; тогда как язык греков и германцев, никогда не знавших

у себя совершенных и правильных политических форм, будучи несравненно богат по разнообразию форм, чужд правильности и точности названных романских языков.

VIII. Изучая политический процесс, недостаточно понять развитие политической формы (генезис государства) и развитие тех органов, которые она выделяет из себя указанным выше путем (генезис учреждений); но следует изучить и процессы, совершающиеся в том, что под формою, что она обнимает, стягивает и регулирует собою. Это генезис народа как живого существа, развивающегося в политической форме. Сюда относится процесс возникновения, развития и умирания языка; процесс возникновения, усложнения и разрушения экономических отношений; процесс сложения, утверждения, перерождения и упадка нравов и обычаев и многие другие процессы. Все они еще более бессознательны, чем процесс развития политической формы и политических учреждений, — впрочем, не в том смысле, что народ не сознает, не знает этих процессов, но в том, что они совершаются непреднамеренно, без предыдущего сознанного желания совершить их. Здесь, как и во многих других случаях творчества, не человек что-либо совершает, но в человеке нечто совершается.

Глава XV

УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ТВОРИМОМ, ИЛИ О ФОРМАХ ЖИЗНИ

I. Формы жизни как объект учения о творимом; эти формы заканчивают собою творческие процессы и должны быть познаваемы в отношении к ним. — II. *Наука* как форма, заканчивающая процесс понимания, исходящий из разума. Что привходит в науку со стороны природы и что привходит в нее со стороны духа; объекты понимания и форма понимания. Цель науки; внутреннее разделение науки, или классификация знаний; неудобство разделять знания по методам познавания и по предметам познаваемым; существуют ли многие науки или одна, которая ветвится? — III. *Искусство* как форма жизни, заканчивающая художественные процессы; виды искусства: архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия. Природа архитектуры: линия и соединение линий как пространственная форма, привходящая в нее со стороны духа; лежащее между линиями, как привходящее в нее из природы; настроение как вид чувства, выражаемого архитектурой и пробуждаемого ею; стиль как отражение исторического настроения; безличность архитектуры. Природа живописи: плоскость как основа ее; линии и контур как ее пособия; тень и краски как особенность ее; мир личных чувств с созерцательным оттенком как выражаемое и пробуждаемое живописью. Природа скульптуры: очертание трех измерений как основа ее; первозданная природа человека как выражаемое и пробуждаемое скульптурой. Природа музыки: форма во времени как выражающее в музыке; жизнь духа как выражаемое и пробуждаемое музыкой. О природе поэзии; ей присуща форма, соединенная из пространственных и временных элементов; язык и ритм как временный элемент в поэтической форме; образы и картины, составляющие содержание, как пространственный элемент в поэтической форме. — IV. О типе и о характере как двух видах, под которыми является образ в поэтических произведениях; противоположность их; их взаимное отношение; их роль в жизни и в истории. — V. О поэзии и о художественности как о двух способах изображения прекрасного в области слова; источник поэтических образов и источник художественных образов; процесс образования и усовершенствования первых и вторых; что такое мир

художественных образов и что такое мир поэтических образов. — VI. О двух способах художественного понимания и изображения — объективном и субъективном; о художнике-наблюдателе и художнике-психологе; что по-преимуществу может и должно быть изображаемо первым и вторым; о распадении духа в художнике-психологе; каким образом он может знать и понимать такие стороны в человеке и такие явления в жизни, которые еще не обнаружились в истории. — VII. О способности искусства осложняться влиянием других сторон жизни и осложнять их собою; господствующая форма в «смешанных вещах», творимых человеком, и форма приходящая и осложняющая; важность различения этих двух форм. — VIII. О происхождении искусства; его бессознательность, невольность и необходимость. — IX. О цели искусства; ошибочность в определении ее, происходящая от смешения первой и второй формы в искусстве; об искусстве натуральном и об искусстве чистом. — X. О сходстве и различии в искусстве; что уместно как изображаемое в одном роде искусства и неуместно в другом роде его; какие способы изображения уместны и неуместны в различных видах искусства. — XI. О числе и мере в искусстве: в архитектуре, в живописи, в скульптуре, в поэзии. — XII. Красота как содержание искусства; трудность уловить, в чем состоит она; вероятность, что сущность ее состоит в том, от чего удалился человек, и в том, к чему он не приблизился еще. — XIII. *Религия* как учение о нарушенном и восстановленном отношении человека к Творцу его природы; ее отношение к текущей действительности; ее значение в истории; необходимость откровения; каким образом из наблюдений над природою человека может быть выведено понятие о Творце как источнике ее. — XIV. О достоинстве религиозной жизни; о внутреннем страдании человеческой природы; об объективной необходимости религии. Где источник упадка религиозного чувства? — XV. *Право, нравственность и государство*. Свобода как цель права; добродетель как цель нравственности; польза как цель государства. Внешние, внутренние и массовые отношения людей как три различные сферы деятельности права, нравственности и государства. Что в природе человека служит источником этих трех форм жизни.

I. *Учение о творимом* есть последняя из трех форм, в которых познается человеческое творчество, — форма замыкающая. Предмет его — то, что является с окончанием творческих процессов как смешанное из формы, исшедшей из духа, и из вещества, данного природою.

Это то, что мы называли *формами жизни* и на что эта последняя разлагается при анализе как на свои образующие элементы. Они следующие: *наука, искусство, нравственность, право, религия и государство*. Из них первая есть произведение формы, исшедшей из

разума; последнее есть произведение формы, прошедшей через волю; а все остальные суть произведения форм, исшедших из чувства.

II. Учение о науке есть изложение не истин, которые в ней, но истин об ней самой — о том, в чем состоит ее природа, каковы ее свойства, какое она имеет назначение и, наконец, каково сходство и различие ее, как внешнее, так и внутреннее.

Подобно другим смешанным вещам, являющимся по окончании творческих процессов, наука состоит из того, что дано природою, и из того, что исходит от духа. Природою даны здесь *объекты* — то, что познается: такова всякая единичная познаваемая вещь, каждый род сходных вещей, наконец, весь мир, в котором лежат эти вещи. Из духа же исходит *форма познания*, определяющая, что именно в данном природою может быть познано. Это схемы разума, соединение которых образует собою форму понимания. В своем чистом, первозданном виде эта последняя есть способность и стремление определить существование, природу, свойства, причину, цель, сходство и различие и число — чего именно, это не определено разумом. Поэтому беспримесная форма понимания есть нечто невыразимое, непередаваемое, неосязаемое, — как и должна быть всякая форма духа. Исшедшая же из него и соединенная с предметом, лежащим в вещественном мире, она получает видимые очертания, становится выразимою в слове и передаваемою. Это *истина*, как понятое существующее, как смешанный результат творческого процесса, и она образует собою науку.

Назначение науки состоит в том, чтобы, познав все познаваемое, окончательно удовлетворить разум и доставить ему успокоение. Т.е. уничтожить часть зла, лежащего в мире, именно ту, которая присуща разуму — боль в нем от сознания незнания, беспокойство от неуверенности в знании, наконец, ложь, призраки, фантомы, которыми он наполнил свое существование, избегая боли незнания и не находя сил к знанию. И, уничтожив зло это, — заменить его благом спокойного созерцания истины, чистой и законченной.

Таково общее назначение науки. Чтобы точнее и конкретнее определить его, следует обозреть и распределить предметы познаваемые и с тем вместе заранее, идеально, предначертать путь, который ей пред-

стоит пройти. Это значит дать ее построение — то, что мы излагаем здесь.

Сходство и различие наука имеет внешнее и внутреннее. Первое касается сходственных отношений ее к другим формам творчества — к искусству, нравственности, праву, государству и религии, а второе касается сходственных отношений отдельных наук между собою. Это — то, что известно под именем «классификации наук», соединение сходного в науках в одно и распределение различного в них в особое. Основывается это различие или на различии методов, с помощью которых приобретены знания, или на различии предметов, о которых приобретены знания. Так явились деления наук на опытные и умозрительные, или на синтетические и аналитические, или на дедуктивные и индуктивные; или еще (по предметам познаваемым) — на физические, математические, гуманитарные, филологические, естественные и пр. Оба эти деления неудобны и, хотя справедливы — потому что отчего же и не делить так науки, и вообще, что значит несправедливо распределить что-либо? — однако не соответствуют как-то природе науки. Первое деление — по методам — неудобно потому, что ни опыт не может совершенно обойтись без умозрения, ни умозрение не должно избегать опыта, и вообще едва ли какая отрасль понимания, если взять ее от первых оснований и до последних вершин, может быть выполнена каким-либо одним исключительно методом. Но если, таким образом, трудно найти науку, которая бы легко подходила под это деление, то зато очень легко найти, и не одну, а многие науки, которые уже никак не могут быть подведены под него. Таковы все науки с несомненно смешанным характером метода, например механика, астрономия, физика, где опыт несколько не перевешивает умозрения (математическая сторона) и умозрение несколько не перевешивает опыта; или политика, где есть и описание (строения политических форм), и повествование (об их происхождении), и рассуждение. Спрашивается, куда отнесем мы все эти науки, если в основу деления примем метод? Второе деление — по объектам познаваемым — неудобно потому, что здесь для правильного соединения и разделения наук в группы необходимо уже предварительное знание их содержания, которое едва ли возможно приоб-

рести, когда они совершенно неразделены; т.е. здесь для того, чтобы совершить классификацию, нужно, чтобы она уже предварительно существовала; но как же произвести тогда первую классификацию? Поэтому истинное деление, в смысле соответствия природе науки, мы думаем, есть одно. Это — то, в котором за основание принято распадение понимания на познающее, познавание и познаваемое; и далее, распадение последнего — также по элементам понимания — на учение о существовании, о сущности, о свойствах, о причине, о цели, о сходстве и различии и о числе; и, наконец, распадение каждого из этих учений на общую теорию, в которой определяется, во-первых, что такое познаваемая сторона бытия и, во-вторых, каковы ее отношения к другим его сторонам, и на две частные формы: на проявление этой общей стороны бытия в единичных вещах и группах их (роды и виды) и в том целом, которое содержит в себе все вещи (Космос).

Наконец, в учении о числе науки следует определить, есть ли одна наука или многие. Вопрос этот без затруднения и несомненно разрешается в пользу первого из двух возможных предположений. И в самом деле, если б науки были многие, а не одна, то тогда сверх каждой отдельной не было бы другой, по отношению к которой она есть часть. Между тем таких наук нет. Какую бы мы ни взяли между ними, непременно она окажется только ветвью другой науки, более общей, пока все они не сольются в одно высшее — в *Понимание*, ни над которым, ни вне которого нет уже никакого познания и ни одной истины.

III. В *искусстве* форма, исходящая из духа, является как *очертание*; а то, что дано природою, входит в эту форму или как *вещество*, или как его *явление*. При этом в трех видах искусства — в живописи, скульптуре и архитектуре — очертание является *пространственным*, в музыке — *временным* и в поэзии — *соединенным из того и другого*.

В *архитектуре* — самом простом и, как кажется, самом древнем из искусств — это *пространственное очертание* является в *форме линии или соединения линий*. В ней то, что между линиями или вне их, есть физически необходимое, без чего нельзя было бы появиться линиям, но ничего не выражающее, — есть *незначащее*, на что опирается *значащее*; также и то, из

чего состоят линии, не имеет значения. Поэтому здания с одинаковым искусством построенные из дерева, кирпича или мрамора, одинаковы как произведения искусства и равноценны как таковые. Линии из всех видов очертания отличаются наибольшею общностью; а с тем вместе и архитектура, через них действующая, выражает и пробуждает ту общую форму чувства, которую мы называли ранее *настроением**. Этим объясняется, что архитектура имеет *стили*, как тожество в замысле и в духе в течение многих веков и на большом пространстве: из всех видов чувства только настроения имеют настолько общий характер, что они овладевают целыми народами и нередко не исчезают в течение всей их исторической жизни. *Стиль* именно и есть внешняя, выраженная в линиях форма настроения (в его самом общем виде), которое яснее, чем другими, испытывается зодчим, но присуще не ему одному, но всему народу, к которому он принадлежит, и целой эпохе, в которой он живет. Поэтому стили изменяются с изменением исторических настроений, и у народов, неодинаково настроенных, бывают различные. Вот почему про архитектуру можно сказать, что, тогда как другие искусства творит человек, она, и создаваясь, исходит и, созданная, влияет на народ и ему всему принадлежит всецело. Отсюда безымянность отдельных произведений зодчества и, сравнительно с другими родами искусства, малое значение каждого в отдельности произведения в ряду всех прочих. Отсюда же низшее значение этого вида искусства сравнительно с другими образными искусствами: в нем не проступила еще личность человека, оно лишено индивидуальности. Но взамен этого архитектуре присущи величие и сила, — то особенное величие и та особенная сила, которая тайно чувствуется в массах как в множестве человеческих существ и в истории — как в жизни рядов поколений. Перед этою силою, как бы ни велики были силы гения, они кажутся бледными и слабыми, хотя, быть может, и более прекрасными. В зодчестве и зодчеством живут народы, в прочих искусствах — человек.

В живописи пространственное очертание, исходящее из духа, является не под формою линии, но под

* О настроении как особой форме чувства см. выше, стр. 403.

формой плоскости. И так как она одна, всюду тождественная себе, а чувство, выражаемое искусством, разнообразно, то в живописи существенными пособиями привходят элементы других образных искусств, архитектуры и скульптуры — *линия и контур*, которые разнообразны. Самое же основание ее — плоскость — настолько нисходит и затемняется ими, что является лишь тем, к чему приспособляется привходящее и на чем укрепляется оно. Отсюда значение рисунка в живописи как линейного очертания и перспективы как придающей скульптурность нарисованному образу. Однако есть в живописи нечто, чего нет и не может быть выражено ни в линиях, ни в контурах и что способны они выразить, только приспособляясь к плоскости, лежа в ней; есть нечто, в чем живопись превосходит все прочие искусства. Это мир бесчисленных прекрасных чувств с оттенком созерцательным, в которых глубоко выражается личность человека со всеми своими бесконечными изгибами; чувств, которые перестали быть волнениями и перешли в настроения, однако же не настолько общие, слишком личные, чтобы они каким бы то ни было образом могли быть выражены в архитектуре. Вот почему в эпоху Возрождения, когда, с одной стороны, так глубоко был взволнован человеческий дух и личность, в противоположность массе, еще впервые и так прекрасно выразилась в истории, а с другой стороны, когда и вековое предыдущее настроение, сказавшееся в готике, и знакомство с древностью, которой искусство также служило выражением настроения, придало этому возбужденному и личному духу мягкость и созерцательность — в эту именно эпоху возникла и быстро потухла несравненная живопись, единственная в истории, которая ничем не была подготовлена и которую никто не в силах был продолжать. Наконец, вне линейных очертаний и вне перспективы в живописи есть еще одно, что, как мы думаем, присуще ей именно как образному выражению чувств при помощи плоскости. Это *тень и краски*. С их пособием геометрическая плоскость, всюду неизменная и тождественная, становится не та же здесь и не та же в другом месте. Тень и краски — это то, что, лежа в плоскости, придает ей разнообразие, и через это делают ее — именно ее, а уже не линию и контур — способною выражать мир разнообразных чувств. При

этом то, что способны выразить тень и краски, невыразимо ни линиями, ни скульптурными формами вследствие одной их особенности. И те и другие по самой сущности своей не могут быть неопределенны. Линия или есть — и тогда она определена, или она неясна — и тогда ее нет; точно также скульптурная форма всегда твердо выражена или же ее нет вовсе как формы: она становится безобразною. Словом, граница, предел присущи линии и объему по самой природе их. Поэтому и в зодчестве и в ваянии могут быть выражены чувства только определенные, т.е. закончившиеся. Напротив, особенность тени и красок состоит в том, что они могут проступать и переливаться, то исчезая почти совершенно, то ярко играя, то едва мерцая и при этом незаметно переходя одна в другую; так что нельзя сказать, где начинается одно очертание и где кончается другое. Оставаясь пространственной формой, они, таким образом, чужды предела, границы. Вот почему в живописи может гораздо удобнее, полнее и справедливее отразиться внутренний мир человека, нежели во всех других образных искусствах. И в особенности все, что есть неуловимого, бесконечного в человеческой душе, все, что или, только зарождаясь, не сделалось еще резко очерченным, или, замирая, утратило уже грубые формы, может найти в этом роде искусства несравненное выражение.

В скульптуре или ваянии пространственная форма, исходящая из духа, является под формою объема как очертания трех измерений. Средствами она беднее, чем живопись, потому что может изображать только человека, тогда как последняя — и то, что окружает человека, в чем отражается его дух (бытовые картины) и что отражается в его духе (природа). Но, как бы вознаграждая собою отсутствие разнообразия, это одно средство так могущественно, что то немногое и неразнообразное, что выражает скульптура, выражается ею с силою и совершенством, какие недоступны другим видам искусства. Архитектура отражает в себе настроение человека как бы символически, в линиях, которые, будучи известным образом соединены между собою, получают непостижимую тайную способность выражать человека и выраженное передавать другому. В живописи образ человека, как бы хорошо ни был он нарисован, есть все-таки лишь подобие, копия челове-

ка — как бы тень его, но не он сам. Только в одной скульптуре является сам человек, — тот, которого то символически, то через уподобления бессильно стараются выразить все роды искусства. И потому-то она есть совершеннейший род искусства; в ней — достигнутое, тогда как другие искусства — только достигающее.

Я склонен думать, что по самой природе своей, строго очертанной, скульптура хотя и может выражать настроения человека и чувства его, однако не должна, так как не способна сделать этого полно, совершенно и справедливо, как это может сделать живопись. Предмет ее — человек неизменный, человек ранее, чем узнал страдания, чем почувствовал радость; ранее, чем испытал все то горькое, что мучит его в жизни, и все то сладкое, что утоляет его мучения. Поэтому страдающее лицо, равно как радостное, ошибка в скульптуре и уместно в живописи; тогда как спокойное лицо, не отражающее в себе ни горя, ни радости, ошибка в живописи и уместно в скульптуре. В последней может быть выражена и должна быть выражаема природа человека так, как она есть, полно и совершенно; живопись выражает состояния человека, рисует не того, кто есть, но таким, каким бывает тот, кто есть. В нарисованном образе мы читаем все пробегающие чувства и мысли и переживаем все отразившиеся в его чертах прошлые страдания и радости. В изваянном образе мы видим то, что способно испытать все радости и горести, одинаково и те, которые есть в нарисованном образе, и всякие другие. Мы видим в нем не того или другого человека, но просто человека, не к тому или другому способного, но ко всему способного, не в тот или другой миг, но таким, каким как будто бы он должен был пребыть вечно. И то, что изображает живопись, есть только отклонение от этого вечного, как бы недостаток, о котором нужно сожалеть, неправильность, которую нужно изгладить. Выражаясь аллегорически, чтобы точнее передать свою мысль, мы сказали бы, что в скульптуре человек и отражает, и отражается до падения, или еще не создав своего падения; живопись — это искусство падшего человека, обреченного на труд и на страдания и уже почувствовавшего их. Все сказанное объясняет, почему именно в античном мире, где природа человеческая развилась

так полно и так совершенно, без недостатков и без уклонений, в этом мире, где человечество узнало свое детство и юность, не искаженную страданием и не просветленную им, — искусство было по преимуществу скульптурою. Сохранилось известие*, что когда греки приходили и смотрели на изображение Зевса Олимпейского, сделанное Фидиасом, — это высшее, до чего достигла в истории скульптура, — то они забывали свои горести и печали. Быть может, мы не исказим этого предания и объясним его, если скажем, что, забывая горести, они не испытывали в этот миг и радости, но, как бы освободившись от своей брэнной оболочки, испытывали то беспечальное состояние, в котором жили их прекрасные боги, эти совершеннейшие из людей. Это было временное освобождение от всего, привнесенного жизнью, и возвращение к чистой, первозданной природе своей. И сказанное объясняет также, почему с падением античного мира, с эрою христианства, с которым так много почувствовало человечество и в котором так много пережило оно, искусство стало по преимуществу живописью. Но здесь мы должны перейти к другому роду искусства, которое наравне с живописью и даже еще более, чем она, стало господствующею выразительницею внутреннего мира человека. Это музыка.

В музыке форма, исходящая из духа, есть не пространственное очертание, но временное, и потому именно то, что входит в эту форму со стороны природы, есть не вещество, но явление вещества — звук. Элементы этой особенной формы не сосуществуют друг с другом, но следуют друг за другом и поэтому не действуют на зрение как образ, но как тон — на слух.

Насколько отлична природа музыки от природы образных искусств, настолько же отлично то, что выражает она, от того, что выражают они. В образе, будет ли он состоять из линий, красок или мрамора, всегда есть нечто *запечатленное и ставшее неподвижным*, как неподвижны линии, краски и мрамор, из которых состоит он. В нем всегда выражается состояние духа — первозданной природы его в скульптуре, чувства с созерцательным оттенком в живописи, настроения в архитектуре. Только в музыке, где очерта-

* Если не ошибаемся, у *Плутарха* в жизнеописании Перикла²⁴.

ния преемственны, а не одновременны, где формы движутся, а не пребывают, выражается *жизнь духа* — то, что между состояниями, что выходит из них и в них же разрешается. И так как дух есть по преимуществу жизнь и все явления в нем совершаются во времени, то музыка есть по преимуществу выражение духа.

Отсюда происходит то, что музыка полнее прочих искусств, ближе человеку, чем они, и творчество в ней обходится для него дороже, нежели творчество в их области. Созерцательность присуща всем образным искусствам, и спокойствие есть естественное состояние художника. Напротив, в музыке отражается поток чувств, и беспокойство духа присуще композитору. Творчество в архитектуре, живописи и скульптуре есть наслаждение ни с чем не сравнимое, творчество в музыке есть нередко страдание, однако же такое, которое композитор не променяет ни на какие радости. Музыка ближе человеку, чем прочие искусства, потому что созерцательные состояния не часты, не каждому знакомы, и в них есть радость; а то, в чем мы находим отзвук на больные стороны нашей души, дороже нам и родственнее, чем то, что служит отражением нашей радости. Наконец, музыка полнее других искусств, потому что может выразить все чувства, тогда как они — только некоторые. Напр., ощущение тревоги, колебания, неуверенности не может быть выражено ни в каком образе и легко выражается в звуках. Но главное, что делает музыку способною к полноте выражения, это то, что ей, как преемственному очертанию, доступно выражение преемственно раскрывающегося чувства. В ней композитор и передает, и возбуждает в слушающем и зарождение чувства, и его рост, и то, во что оно разрешается. Так, напр., в живописи в отдельности могут быть выражены и грусть, и радость. Но как грусть разрешается в радость или как радость постепенно переходит в грусть, выразить это она бессильна, а музыка может.

Поэзия, мы сказали ранее, есть присоединение к внешнему, лежащему в природе, формы духа, в которой сочетались и *пространственные очертания*, и *временные*. Прибавим к этому, что, тогда как другие искусства пользуются немymi формами, каковы звук, линия, тень, вещество, которые сами по себе ничего не

выражают и ничего не говорят душе человека и, только известным образом *соединенные*, получают эту удивительную способность, — поэзия пользуется как оформливаемым материалом — как живопись красками или скульптура мрамором — словами, из которых каждое в отдельности уже имеет смысл и понятно. Соединяя эти слова своею пространственной и временною формою, поэзия творит новое, чего не было ни в одном из соединенных слов и что, следовательно, принадлежит ей исключительно, как особому виду творчества. Совершенно так, как разум, соединяя другим образом те же слова, получает новое, в них не заключенное — выведенную истину. В обоих случаях происходит одно и то же, только из различных источников, над различным содержанием, с различным результатом.

То, что входит в поэзию музыкальным элементом, то есть как *временное очертание*, есть *ритм* для стихов и *язык* (слог) для прозы. Независимо от смысла тех слов, которые заключены в ритме и в языке, и этот язык и этот ритм имеют свой смысл. И если мы захотим через сходное объяснить его, то найдем равное ему в смысле и в содержании музыки. Ритм и язык служат как бы общею основою, на которой отдельные слова ткут тот узор, который мы называем предметом или содержанием поэтического произведения; в них тон, который разрабатывается и точнее выражается через то, что говорится в этом тоне. Поэтому между тем, *что* говорится в поэтическом произведении, или сюжетом, и между тем, *как* говорится в нем, или ритмом и языком, должно быть строгое соответствие, иначе получится разлад, дисгармония в целом. Это закон тождества между явным смыслом содержания и между тайным смыслом формы в поэзии, который объясняет и требует, чтобы эти два элемента одного и того же произведения взаимно усиливали друг друга, а не ослабляли через разногласие. Приведем несколько примеров, которые яснее покажут, что у формы поэтического произведения независимо от сюжета есть свое содержание, только общее выраженное, чем в сюжете, и что оба эти содержания должны совпадать в каждом отдельном произведении. Если бы события времен Алексея Михайловича и характер этого государя описывались языком Тацита или если б история

римских цезарей рассказывалась языком, который необходим в рассказе о царствовании Алексея Михайловича, то в обоих случаях получилось бы нечто смешное, и как бы точно на несоответствующем языке ни были переданы факты этих различных эпох, и та и другая история была бы несправедлива, просто неверна. Как в литературных произведениях, в них дух, выраженный в языке, находился бы в противоречии с содержанием, которое выражено в точном смысле слов; и поэтому именно, как в истории, в них факты являлись бы единичными проявлениями общего, с ними не схожего. Все вместе было бы так же неправдоподобно, как развитие пальмы из семени дуба или звука из красоты, так же несообразно и бессмысленно, как плач в весело смеющемся или смех в горько плачущем. Точно так же если бы какой-нибудь веселый рассказ велся в торжественных стихах или если бы торжественное содержание было вложено в шутливые стихи, то получилось бы нечто безобразное и отвратительное. Напр., если бы содержание «Трех пальм» или стихотворения:

Это случилось в последние годы могучего Рима:
Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан беспощадно.
Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленели побеги .²⁵

и т.д. было рассказано в ямбах, как «Евгений Онегин», то это были бы пародии с веселым характером, а не серьезные поэтические произведения, какие мы знаем. Или наоборот, если бы «Евгений Онегин» был рассказан этими стихами:

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты
создатель
Вечно носились они над землею незримые оку...²⁶

то получилось бы произведение не более поэтичное и столь же смешное, как «Россияда» Хераскова, даже в том случае, если бы великолепные стихи Толстого и не были заменены стихами нашего доброго и простодушного поэта, память которого мы никак не хотели бы оскорбить здесь. В этих случаях, говоря «торжественные стихи», «шутливые стихи» — что справедливо и понятно, — мы говорим именно о том содержании, том смысле и тоне, который присущ ритму и языку

совершенно независимо от точного смысла слов, которые вложены в этот ритм и соединены в этом языке, льются в них, как воды потока в русле своем. Это то же явление, что общая мелодия по отношению к отдельным формам музыкального произведения, которые ею проникнуты; что общее чувство по отношению к единичному образу, в котором оно выражено, например грусть по отношению к грустному лицу; или, наконец — и это точнее всего — то же, что отдельное произведение зодчества по отношению к общему стилю, в котором оно выполнено. Подобно тому как мелодия в музыке, как чувство в живописи, как стиль в архитектуре, ритм и язык есть выражение того общего настроения художника или поэта, под влиянием которого он избрал для своего произведения именно этот сюжет, а не другой какой-либо и в нем, как в ряде частных, точнее, подробнее и отчетливее выразил то, что, как в общем, еще неясно и неопределенно он выразил уже в ритме или в языке. И я склонен думать, как это ни странно покажется с первого раза, что язык произведения и размер стихотворения предсуществуют самому произведению и самому стихотворению. У истинных поэтов и писателей они вырисовываются ранее, чем в найденном сюжете он осуществит и полнее разовьет их.

Это частное, с помощью чего разрабатывается то общее, что уже сказано в преамбулах очертания поэзии, есть *сюжет*, и с ним входит в нее второй элемент формы — *пространственное очертание*. И в самом деле, то, что в художественных произведениях мы привыкли называть содержанием, как бы противопоставляя его форме, в действительности есть также форма, или точнее — второй, пространственный член формы. В нем, в этом содержании, только другим способом, чем в живописи и в скульптуре, рисуются поэтические образы, бытовые сцены и картины природы, которые нам становятся так же понятны, знакомы и дороги, как если бы мы знали их в действительности или видели нарисованными. И хотя то, из чего составляются эти картины и сцены (слова) и эти образы (отдельные черты образа проступают в ряде следующих одна за другою сцен), преамбульно во времени, однако то, что получается в результате этого, рисуется перед нами именно как пространственный образ или

картина. Здесь временность в подговлении, в средствах, а не в том, что является из подготовленного, не в цели. Эти поэтические образы, картины и сцены суть формы, исходящие из духа, которые ранее прошли через душу поэта в *цельном виде* (т. е. как пространственные) и переходят в воображение читателя также в *цельном виде*, хотя передаются ему по частям, в ряде преемственных сцен, которые сильнее и сильнее оттеняют и обрисовывают выводимое лицо, подобно тому как в живописи с каждым новым движением кисти яснее выясняется рисуемый образ. Здесь, при чтении поэтического произведения, происходит то же, как если бы зритель видел не готовую картину, но присутствовал бы во все время ее рисования. Нарисованная картина от этого присутствия зрителя не перестала бы быть произведением образного искусства.

Вследствие того, что поэтическое произведение, в противоположность произведениям всех других видов искусства, не только не расстраивается от введения различных и даже противоположных образов, сцен и картин, но даже выигрывает, происходит то, что, тогда как другие искусства всегда отражают в себе только человека, или как личность, или как народ, поэзия отражает в себе и *человека*, и *жизнь* его. В нее входят и думы, и чувства, и желания поэта, и текущая жизнь во всем своем разнообразии и со всеми своими контрастами.

Относительно двух видов пространственных очертаний в поэзии — *картин природы* и *бытовых сцен* нам не предстоит говорить много. Понимание того, как составляются первые, содержится в так называемой теории описания; а о вторых заметим только, что в них к тому, что мы бы назвали «бытовой картиной» и что ничем, кроме объекта, не отличается от описания природы, прибавляются еще небольшие, но характерные разговоры лиц, которые сами по себе не настолько значительны, чтобы изображению их посвятить *цельное* произведение, но однако настолько типичны, таким крупным элементом входят в жизнь, что их характеристика и может уложиться в рамку отдельной сцены, и необходима для воспроизведения всей полноты жизни. Таковы отдельные сцены военной жизни в «Войне и Мире» гр. Л. Толстого, или светской — у него же в «Анне Карениной», или прекрасные сцены,

в которых обрисована прислуга, в сочинениях Гончарова («Обломов» и «Обрыв») и Гоголя (рассуждения Осипа в «Ревизоре»). Бытовые сцены имеют в себе много общего с тем разрядом поэтических образов, которые принято называть типами. То, что тип по отношению к человеку, то бытовая сцена по отношению к жизни. Она есть типическая черта из жизни, картина, в которой отражена одна из ставших типичною форм жизни. И лица, которые выводятся в таких сценах, всегда суть собирательные лица, выразители своего сословия или своей профессии. И рисуются эти лица теми же поэтическими красками и теми же приемами, которыми рисуется и настоящий тип как образ, с тем только различием, что не так полно, не так совершенно, и притом в один момент своей жизни, правда типичный для всех других моментов ее, сходный со всеми ими.

IV. Образы человека являются в поэтических произведениях под двумя формами — *характера* и *типа*. Тип есть то, что существует в жизни; характер есть то, что появляется в ней время от времени. Жизнь слагается из типов, редко законченных, большею частью не законченных, но стремящихся завершиться именно в те формы, которые мы находим в законченных типах; характеры нарушают собою правильное течение жизни и возмущают спокойный уклад ее. Тип поэтому есть всегда собирательная личность — таких много, как он, и еще больше тех, которые бессознательно стремятся стать такими; характер всегда одинок — он стоит между типами, не похожий на них, всегда смущающий их. Тип создан общими условиями жизни — теми, которые всегда и которые везде; характер выходит из своей личности — сила внутреннего «я» перевешивает в нем силу внешних обстоятельств. Исключительные условия совершенствуют характер, усиливая то, что в нем есть характерного, не похожего на других; подобно тому как обычные условия совершенствуют тип, уничтожая в нем все, что могло бы выдаться из общего уровня других, которые составляют этот же тип как собирательную личность. Впрочем, для характера нет обычных условий — жизни ли, воспитания ли, потому что и те условия, которые всюду и которые всегда, действуют на характер совершенно иначе, чем на других, именно потому, что в душе его заложено

иное, чем в душе остальных. Типами держится жизнь, и на них стоит она; характеры движут ее, всегда опираясь на себя, всегда сообразно со своими целями. Первые являются как бы пассивным элементом жизни, и вместе устойчивым, прочным; вторые являются в жизнь как деятельное, изменяющее начало. В типе все — отражение жизни, все — создание ее; характер — это прежде всего дух, самостоятельный и замкнутый, богатый целями и сильный в стремлении. Поэтому как в исторической жизни, так и в поэтических произведениях величайший драматизм заключается в борьбе между типами и между характером. В известном смысле это борьба между материею и духом, между пассивным началом природы и между деятельным. Обыкновенно в этой борьбе характер является побежденным, но только временно и в том одном, что есть в нем не дух; типы же являются победившими, но также временно и также в одном — в том, что есть материально-грубого в них. Тот, в ком характер, погибает как тело, но, погибая, оставляет семена свои, которые, разросшись, дают ему победу как духу; те, кто типы, стирают, уничтожают характер, возмутивший покой их жизни, но то, что есть в них духа, уже не возвращается к прежнему покою. Впрочем, говоря о типе как пассивном начале в жизни и о характере как деятельном, мы понимаем пассивность и деятельность в самом широком и в самом глубоком смысле. Деятельность — это то, что входит различающим началом в жизнь, что уничтожает тожество ее с собою самой; пассивность — это то, что сопротивляется начинающемуся различению, что стремится удержать тожество жизни. Поэтому тип — не тот, который вечно спокоен, и характер — не тот, который вечно суетится. Нередко бывает наоборот. Если среди шумной и суетливой жизни, однообразно изменчивой, появляется человек с созерцательною душою, если в вихрь сменяющихся взглядов и мыслей он вводит свое ясное и спокойное мирозерцание, глубоко обдуманное в тиши, то он характер, а они только типы. Тип — это тот, который как все, характер — это тот, который ни с кем не схож, причем каковы все, это безразлично.

Что касается до взаимных чувств и отношений этих двух родов людей, то типы всегда ненавидят появляющийся среди них характер и ненавидят тем сильнее,

что не могут не ценить и не уважать его более, чем себя, чем каждого отдельного из лиц, принадлежащих к ним. Среди другого тут много зависти к лучшему, точнее — много боли за себя, за свою низшую природу. Характер всегда презирает типы и думает о них тогда лишь и настолько, когда и насколько они мешают ему жить с миром своих идей и осуществлять их. И тут много бессознательного, невольного. Втайне типы всегда боятся характера; они избегают вступать в открытую борьбу с ним и, все сильнее ненавидя и все сильнее боясь — уступают ему, пока возможно, даже в том, в чем чувствуют правоту свою; но, вступив в борьбу, с величайшим ожесточением и быстро уничтожают его, причем самая память погибшего вызывает в них непреодолимую боязнь и ненависть. Характер пренебрегает типами, он почти не враждебен им, потому что не думает о них, как бы не замечает их, пока своею злобою они не заставят его почувствовать себя. Типы и торжествуя остаются грустными как побежденные — их радости недостает спокойного веселья; характер и погибает как победитель, с неугасимою верою в торжество свое — близкое или далекое, для него безразлично.

Поэтому в жизни типы всегда с беспокойством смотрят на приближающийся к ним характер и бессознательно замыкаются при появлении его. Жизнь, всегда открытая и непринужденная у типов, становится стеснительною и тягостною. Она как бы прерывается на время, замирает, как замирает дыхание в стесненной груди. И среди этой принужденности появившийся характер живет один непринужденною и открытою жизнью, даже не сознавая, как мучителен он для всех одним своим существованием. И однако из них никто не решится потревожить этого стесняющего всех существования, а он их тревожит, не замечая этого и не заботясь об этом.

Наконец — и это любопытная черта — типы всегда понятны характеру, хотя он и не занимается внимательно ими. Всякий раз, когда от внутреннего своего мира он обращает взоры на внешнее, он видит людей и жизнь, как будто бы они были прозрачные, и притом во всем их объеме. Характер же всегда остается чем-то непонятным для типов, хотя они только и занимаются им, раз он появился среди их. Даже друг друга, несмот-

ря на постоянную совместную жизнь, они знают менее, чем он, по-видимому чуждый им, знает каждого из них. Причина этого та, что в характере, как движущемся, есть все, что есть в типах, и, понимая свой внутренний мир, он по одной внешней черте сходства открывает внутренний мир других; в типах же нет именно того, что составляет особенность характера — движения. Поэтому что он, куда, ради чего — это непостижимо в характере, необъяснимо для типов.

Впрочем, из того, что сказано здесь о взаимном отношении типов и характера, не следует умозаключать, что они только чужды и враждебны друг другу. В высшем философском и историческом смысле они находят свое примирение, и существование их друг возле друга получает нравственную и роковую необходимость. Никогда характер не приобрел бы той силы, которую мы в нем наблюдаем, если б не встречал в жизни косного сопротивления массы, не понимаящей и враждебной; никогда любовь к истине и ненависть к злу не разгоралась бы в нем до той страстности, которая дает ему способность двигать историю и изменять жизнь; и никогда без этого сопротивления и озлобленности его деятельность и гибель не осветились бы тем чудным светом, который потом так привлекает людей к его памяти и так преображает привлеченных; здесь борьба и гибель — это историческая необходимость, это роковая невозможность для целесообразности обойтись без причинности. Но есть и прямая взаимность между характером и типами. Типы, правда, губят характер, но они же сообщают и прочность его будущей победе как духа. Они охраняют наследие того, кто ими погублен, со всею своею неподвижностью и устойчивостью, именно как типы, от изменяющего влияния последующих характеров. Нужно заметить, что для характера с его миром идей, чувств и стремлений опасен только характер же с другим, не похожим на его миром идей и желаний. Такие встречи, редкие и в истории, насколько мы знаем, совершенно отсутствуют в художественных произведениях. Это потому, мы думаем, что характер всегда привлекает и сковывает собою воображение художника, — как сковывает и леденит он собою жизнь типов, и это воображение не может, сохраняя всю свою силу и все свое влечение к одному — что необ-

ходимо для яркого воспроизведения характера, — в то же самое время не только создать, но и с равной силой приковаться к другому, противоположному характеру. Такой трагедии еще не написано; но это была бы величайшая из трагедий. В жизни и в истории такие встречи случаются, но они очень редки.

V. Изображение характеров свойственно и поэзии и художественности, а изображение типов свойственно одной художественности. Но здесь, назвав и противопоставив эти два явления в сфере литературного творчества, мы должны остановиться, чтобы точнее разграничить их. Поэзия есть по преимуществу создание воображения, художественность есть главным образом произведение наблюдательности. Впрочем, и в поэте воображение управляется художественною мерою, и в художнике наблюдение согревается поэтическим чувством. Но для того и другого эти взаимные дары не главное, то, что пособляет творчеству, что необходимо для его совершенства, но что не творит само. В воображении поэта возникают образы — не те, которые в жизни и которые он видит, но другие, с ними не схожие и от них не зависящие, — и потом при помощи художественной меры он отделяет в них все излишнее, ненужное, безобразящее. Постепенное уменьшение и сближение с жизнью того, что обязано своим происхождением фантазии, есть существенная сторона поэтического процесса. Художественный писатель наблюдает жизнь, и то, что разбросано в ней по частям или что не dokonчено, не завершено, он соединяет в одно и завершает его в цельное и полное жизни создание с помощью слабого поэтического воображения. Здесь существенная сторона творчества есть, таким образом, не ослабление того, что было ранее, но усиление; образ, неясный и смутный вначале, должен проступить, выделиться в воображении художника, как бы вырисоваться из того отрывочного и безжизненного, что запало в его душу из наблюдаемой жизни. Там, в поэзии, происходит сближение с жизнью того, что не сходно с нею и не из нее произошло; здесь, наоборот, происходит удаление от жизни того, что тождественно с нею и из нее взято. Поэт снисходит к жизни, художник поднимается над нею. Первый исходит из субъективного мира в объективный, второй — из объективного мира в субъективный. Первый

творит в себе и сотворенное выносит в жизнь; второй берет из жизни и уносит к себе, в себе преобразует и преобразованное возвращает в жизнь. У первого, вследствие указанного распределения даров природы, недоконченность создания сказывается излишеством, вычурностью, даже безобразием, — это обычные недостатки поэтов; у художников по той же причине чаще встречается недостающее, бледность в изображении. В первом случае происходит сходное с тем, как если бы дух искал соответствующей себе формы и, не успев найти ее, воплотился во что-то уродливое, неправильное; во втором случае как бы в безжизненном теле начала зарождаться жизнь и, не успев развиться, так и осталась бледною краскою в лице и полусложившеюся улыбкой. Художественная литература во всем своем объеме — это опозитизированная жизнь, та же, которая есть, но только продуманная, прочувствованная, облитая высшим духовным светом, им согретая и через него ставшая понятною. Поэзия — это вторая жизнь, над тою, которая есть, и источник ее — в духе поэта.

VI. Остановимся здесь еще на двух способах изображения человека, из которых один употребляется преимущественно при обрисовке типов, хотя не исключительно, а другой употребляется при обрисовке характеров, впрочем, также не исключительно. Первый способ есть воспроизведение лица через то, что оно говорит и делает; он присущ художникам-наблюдателям и требует для себя чрезвычайно тонкого чувства меры. Вторым способом есть воспроизведение человека через то, что он думает и чувствует, — здесь за совершенным человеком виднеется совершающееся в нем. Этот способ присущ художникам-психологам, одаренным философским пониманием духа и жизни, взор которых столь же часто обращается на свой собственный внутренний мир, как и на мир внешний. С помощью первого способа трудно изобразить характер, потому что в последнем главное — это именно внутренний мир, и его внешность, всегда своеобразная, редко может быть наблюдаема. Поэтому в характере, когда за его изображение берется сильный художник-наблюдатель, как бы он ни был прекрасен, всегда есть что-то недоконченное, непонятное. Таков характер Веры в «Обрыве» Гончарова. Он дорог нам и знаком — так велика художественная сила нашего писателя, что

он смог сделать это вопреки самой природе своего дарования — но он неясен, необъясним для нас, как неясен для самого художника, потому что от нас скрыт его внутренний мир. Мы видим только его поступки и слова, но откуда вытекают они, можем только догадываться. Впрочем, и характер, изображаемый сильным художником-наблюдателем, не бывает уже так совершенно темен для нас. В нем нет ничего грубо недоделанного, образ стоит перед нами во весь рост. Тут есть именно только недорисованность, некоторая неясность за тем, что изображается; только недосказанность, но не ошибка в сказанном уже. Некоторые черты стоящего во весь рост человека скрыты в тени; они есть и, конечно, соответствуют освещенным его формам, но мы не можем только их разглядеть. Конечно, у характера, едва ли даже не более, чем у типа — потому что внутренне он всегда свободен, никогда не принужден, — все поступки и слова имеют тесное соотношение с духом, истекают из него, и, зная эти поступки и слова, мы знаем и внутренний мир его, но только неотчетливо. Мы никогда не ошибемся в отрицании того, что этот характер не думает, не чувствует; только в утверждении, что именно он чувствует и думает, мы затруднились бы. Не так у художника-психолога, где каждое слово характера и типа как бы окружено мыслью и чувством, исходит из них, только в звуках выражает то, что уже без звука чувствуется и понимается в нем. Мы знаем, что хочет сказать каждое лицо, прежде чем оно нашло нужное слово для выражения своей мысли. Таковы все характеры и типы в чудном произведении Л. Толстого — «Анне Карениной». Они движутся перед нами, как прозрачные, несмотря на то что одеты плотью и кровью, и их внутренний мир нам знаком не менее, чем наш собственный. Они иногда рассказывают нам свои сны, и мы знаем еще другие, которые они нам не рассказали. Мы не только их чувствуем и осязаем, как живых людей, как характеры художников-наблюдателей, мы еще понимаем их, как не понимаем ни себя часто, ни своих близких, ни характеры и типы, изображенные художником-непсихологом.

Недостаточный при обрисовке характеров, первый способ изображения несравненен при обрисовке типов. В типе внутренний мир несложен и неглубок, и именно

потому, что он тип, этот мир всем знаком или известен до некоторой степени. То же, что типично в типе, что составляет в нем неуловимые характерные черточки, сказывается именно в словах и в поступках, часто таких же, как и у всякого другого человека, но иначе сказанных и иначе сделанных. Подметить эту типичность, уловить это «иначе» в словах и поступках, незаметных, незначащих, для этого необходим чудный дар наблюдения, любовь к внешней причудливо волнующейся жизни, любовь к самому человеку, такому, каков он есть. Здесь именно требуется художник, с его созерцательною душою, с его спокойным наблюдением, который любит всматриваться в жизнь, а не размышлять о ней и длинным взглядом, с интересом артиста, следить за какою-нибудь убегающею и прихотливо изменяющеюся черточкою ее; подобно тому как, смотря на волнение реки, некоторые любят не столько наслаждаться общею картиною ее, сколько следить за одною какою-нибудь волною, далеко, далеко, пока она не потеряется из виду, и потом снова привязываться взглядом, опять к чему-нибудь одному, частному, но не ко всему, не к общему. Так и в нашей литературе, столь богатой и прекрасной в изображении типов, несравненные по законченности типы даны именно Гончаровым, которому чужд психологический анализ, но который взамен этого одарен глубокою артистичностью и теплою любовью к жизни и к человеку, к тому, что есть незаметного и незначащего в них, но в чем сказываются они. Таков бессмертный тип Обломова — лучшее, что до сих пор создала литература типов. Это имя не только стало нарицательным — таково свойство всякого типа как собирательной личности, что его имя становится названием целого класса людей, тех именно, которые собраны в одно и отражены в нем художником, — но оно дало еще свое название целому явлению жизни, или, точнее, — одному определенному ее состоянию, что, насколько нам известно, не было еще сделано ни одним типом.

Второму способу одинаково доступно изображение типов и характеров, но характеров по преимуществу и типов — с меньшим сравнительно совершенством, чем предыдущему способу, хотя все-таки значительным. Как предыдущий способ требует от писателя наблюдательности, согретою любовью к жизни и к че-

ловеку, так этот способ требует разнообразия и глубины собственной духовной жизни, уже значительно разложившейся. Художник-наблюдатель — всегда цельный человек, чуждый внутреннего разлада, быть может оттого и любящий жизнь и человека, что не чувствует мучительности быть человеком и жить. Художник-психолог — всегда больной человек — тот, у кого началось распадение духа, который утратил цельность психической жизни, хотя не до той степени, где начинается помешательство и безумие. Тот дух, который, как форма форм, в других людях последовательно, одна за другою, отделяет из себя формы, воплощаемые во внешнем мире, так что только в жизни, творимой и многими, и в долгое время, он наблюдается распавшимся на свои составные части, — этот дух, *ранее обнаружения своего во внешнем, одновременно и в единичной душе* художника-психолога уже распадается на свои формы. Отсюда необыкновенное разнообразие творимого таким духом и крайняя болезненность самого творчества. Писатели этого рода бывают не только глубокими художниками, — они в то же время и глубокие мыслители, и проницательные политики, моралисты и философы, наконец, люди, не чуждые даже и религиозного творчества*. Мы говорим именно о религиозном творчестве, а не просто о религиозности. Вера писателей, которым присущ первый способ изображения человека, вообще чище и спокойнее, нежели вера этих последних писателей. Они не думают о ней и всегда ортодоксальны. Им чужд анализ и не свойственна пламенность. Такова простая и прекрасная вера Пушкина, Гончарова. Это лучшие из христиан, хотя они никогда не задумывались над христианством. Вера вторых всегда бывает скорее жаждою веры. Она полна анализа, никогда не бывает ортодоксальна, и — пусть не покажутся наши слова странными — религии, как установившемуся культу, ничто не грозит такой опасностью, как эти порою пламенные защитники и истолкователи ее. Такова вера Лермон-

* В смысле склонности к образованию в своей душе самостоятельного воззрения на человека, природу и Творца их; в смысле усилия самостоятельно, лишь в большей или меньшей близости к существующей религии, разрешить вопрос о их взаимном отношении.

това, Гоголя, Л. Толстого, Достоевского, у которого в легенде о Великом Инквизиторе²⁷, этом глубочайшем слове, какое когда-либо было сказано о человеке и жизни, так непостижимо сплелся ужасающий атеизм с глубочайшею, восторженной верой. Повторяем и настаиваем, что это религиозное творчество, а не религиозная восприимчивость.

Вследствие указанного распада духа, одновременного и в одном и том же, и притом до выхода из субъекта, художественные писатели, в которых совершилось оно, становятся способными помимо наблюдения понимать жизнь и человека, и притом глубже и всестороннее, чем как успел обнаружиться человек и чем как успела развиться жизнь. То, что, уже выделившись, существует в духе и в жизни, явно ли или скрытно, или что, еще не выделившись, только в будущем может обнаружиться, то уже выделилось нередко в распавшемся духе такого художника и известно ему. Отсюда знание им других людей, более совершенное, чем каким обладают они сами. В нем заключено не только совершенное понимание того, что в них есть, и знание того, что было, — это все, чем обладают они в лучшем случае, — но и предвидение того, что совершится в их душе, — что уже совершенно скрыто от них. Это явление предвидения, которое одни отрицают как невозможное, другие понимают как что-то сверхъестественное, есть ясное и точное знание того, что совершится в жизни и в человеке на основании того, что уже совершилось в духе предвидящего. Так, в Гамлете, за два столетия ранее, Шекспир предсказал то, что должно было совершиться и действительно совершилось в человеческой душе, — и предсказал это в веке непосредственной жизни, так совершенно чуждой рефлексии и внутреннего разлада. Так, разгадка многого, что изобразил и сказал Достоевский, — если не появится когда-нибудь критик, родственник ему по духу, — совершится только в далеком будущем и тогда только этот писатель будет и понят, и оценен, как никогда не был ни оценен, ни понят при жизни и после смерти. Отсюда же объясняется и этим же истолковывается в истинном смысле тот факт, что многие образы в произведениях таких художников являются какими-то странными аномалиями, чем-то не схожим с другими людьми. Это или редкие, скрывающиеся в жизни,

не обнаруживающие себя характеры, однако же действительные, или порою это человек, каким он станет некогда, реальный, но только не теперь, а в будущем. Это состояния человеческой природы, еще никем не испытанные и потому никому не известные, но уже пережитые художником-психологом в своей распавшейся душе и потому ему одному известные. Это возможное и необходимое в человеке, что пока только в нем одном стало действительным.

Так как формы, на которые распадается дух художника-психолога, не только не сходны между собой, но даже противоположны, то это дает ему способность изображать противоположные характеры, понимать противоположное в человеческой душе и в человеческой жизни. Так, Шекспиру одинаково были доступны характеры Гамлета и Лира, Корделии и Яго, Фальстафа и Офелии; или Достоевскому — Свидригайлова и Нелли. Последний, как мыслитель, еще и установил это явление как факт и сам с любопытством несколько раз на нем останавливался. В сущности все, что есть в духе выводимых таким писателем лиц, есть в духе самого писателя, и все, что заставляет он переживать их, он пережил сам, — все, и высокое, и низкое... Тут не внешнее наблюдение, но внутреннее. Такой писатель есть удивительное, непостижимое соединение всех тех противоположностей, которые порознь он отражает в образах своих произведений.

Все, что было сказано нами здесь о творчестве в области слова, — о типе и характере, о поэзии и художественности, о способах психологическом и объективном, — все это основано на наблюдении того, что уже дано в нашей литературе как факт и что давно требует установления в науке о поэзии новых учений, которые бы объясняли эти новые в ней явления. Насколько нам известно, ни эти явления никогда ни проступали еще так ярко в литературах других народов, ни эти учения ни разу не появлялись в науке о поэзии. Потому что из явлений хотя некоторые, например характер, и существовали в других литературах, и даже получили там более широкое развитие, чем в нашей, однако не замечались, потому что не оттенялись противоположным себе — типом, который именно в нашей литературе, в произведениях Гоголя, Тургенева, Гончарова, Льва Толстого и других, — по-

лучил несравненное значение, явился новым, дотоле неизвестным фактом в художественном творчестве. Так же в деле различения поэзии и художественности. Наука о творчестве в области слова со времен Аристотеля и до нашего времени есть исключительно учение о поэзии, и мы думаем, что даже эта последняя не понималась с достаточной отчетливостью, — опять потому, что не оттенялась рельефно противоположным себе — художественностью, которая, не скажем, слаба, но почти отсутствует в литературах других народов, несравненных по богатству и красоте поэзии. В нашей же литературе с чрезвычайной ясностью отделились одно от другого эти два явления. Литература до Гоголя была у нас исключительно поэзией, так что ранее этого писателя не было ни одного даже посредственного художника и самое явление художественности было неизвестно, как оно остается неизвестно и до сих пор в литературе других народов. Это незнание сказалось в тех усилиях найти название для творчества Гоголя, какие мы замечаем у его современников. Многие чувствовали, что его творения есть нечто совершенно разнородное с тем, что дотоле появлялось в нашей литературе, и отказывали ему в названии «поэта», не желая одним именем называть два различные явления. Напротив, Белинский со страстностью отстаивал за ним это название, думая, что лишить его этого имени — значит не признавать за ним литературного значения; потому что вне поэзии тогда не было литературы. Ясно, что здесь чувствовалось, но еще не сознавалось, как все незнакомое, новое явление. После Гоголя же у нас не появлялось уже ни одного великого поэта, и вся литература стала исключительно художественною. Ей было дано название «натуральной школы». Но это то же неумение приискать нужное название для нового явления, какое сказалось в названии Гоголя «поэтом». Если это натуральная школа, то какая же школа была ранее, из которой, как ветвь из целого, выделилась она? В «Скупом рыцаре» Пушкина нет ничего ни натурального, ни ненатурального. Это просто не то, что, напр., «Свои люди — сочтемся» Островского. В них нет ни сходства, ни противоположности. Напр., нельзя сказать, что Островский в своих произведениях естествен, а Пушкин не естествен, или один правдив, а другой ложен, или что один говорит

сообразное с природою и жизнью, а другой говорит несообразное с природою и жизнью. Никто и никогда не был натуральнее Пушкина в смысле естественности, правдивости, сообразности творимого с жизнью и природою человека, какова она есть. А если этого нельзя сказать, если нет этой противоположности, то ошибочно и название нашей новой литературы «натуральной школой», как бы в противоположность тому, что было прежде, т.е. какой-то «не натуральной школе». Два указанные периода в нашей литературе — это два явления *sui generis*, не сходные и не различные, но самостоятельные и равнозначащие. Первый период был чистою, беспримесною поэзиею; второй период стал почти исключительно художественностью. Первый соответствует тому, чем всегда была или стремилась стать литература всех народов; второй есть своеобразное явление русской литературы, которого или совершенно нет, или оно очень слабо у других народов. Оба периода — два вида того одного, что, как обнимающий род, не имеет уже названия, с тех пор как с появлением в нашей литературе художественности имя «поэзия» уже перестало быть именем целого, но только части. Это — творчество прекрасного при помощи слова.

Наконец, и психологический, субъективный способ познания и изображения человека в противоположность объективному, наблюдательному не был известен в других литературах, потому что оба они были смешаны в них, никогда не отделялись и не оттенялись через взаимное сопоставление. В них, насколько нам известно, нет ни одного столь чистого, беспримесного художника, как, например, Гончаров, и нет — мы не исключаем даже Шекспира — столь совершенных психологов, как Л. Толстой и Достоевский. Мы понимаем, как много берем на себя, утверждая последнее, и, однако, не берем слова назад, потому что думаем, что оно справедливо и когда-нибудь будет признано таковым. При этом из двух названных писателей первенство в совершенстве изображения принадлежит Л. Толстому, а первенство в глубине изображаемого принадлежит Достоевскому. Из людей никто так глубоко не спускался в душу человеческую, как последний, и никто не открыл в ней так много неожиданно нового, странного, непостижимого. Его лица не продукты больной фантазии, как думают многие, и если они не сходны

с теми, которые это утверждают о них, то утверждающие могут разубедиться в своих мнениях, подумав, что они сами не сходны также ни с Дантом, ни с Байроном, ни с Гейне, и однако же эти последние действительны. Он изображал нам не типы, но характеры, и об этом нужно сожалеть, что никогда за разъяснение этих характеров не брался характер же, но только типы, о которых, думая о другом, мы сказали уже, что они всегда не понимают характера. Ни в ком из людей разложение духа на свои формы, субъективное и объективное, не дошло так далеко, как в нем, где еще один шаг — и уже начинается помешательство. Поэтому-то никто не знал о человеке и не предугадал в будущем так много, как он. И в этом великий трагизм его жизни, что он никем не был и не мог быть понят, так как разложение духа, в нем ставшее уже прошедшим, для других, и лишь в жизни многих людей, еще предстоит в будущем. Есть многое, что положительно в первый раз на земле было высказано им, а из того, что уже и ранее было сказано, многое никто не выразил с такою силою, как он. Таково его открытие способности человеческого духа совмещать в себе одновременно противоположное: «Величайший ужас человеческой души состоит в том, что, и думая о Мадонне, она в то же время не перестает думать о Содоме и грехах его; и еще больший ужас, что и среди Содома она не забывает о Мадонне, жаждет того и другого и понимает их, и это одновременно, без всякого разделения»²⁸. Этого до него никто не сказал, и это справедливо, — не в общем смысле, но в буквальном: именно о Содоме и о Мадонне, и именно одновременно, жаждая и понимая. Это какая-то полярность души человеческой, — не раздвоение как колебание, которое известно со времен Шекспира, но стремление к противоположному, жажда высочайшей святости и чистоты, т.е. уже понимание этого, уже, следовательно, вмещение ее в себе и одновременно жажда ужасающе-низкого, о чем одна мысль холодит кровь, т.е. уже также понимание этого и, следовательно, также вмещение в себе.

Далее, изображение атеизма, хотя не редкое во всемирной литературе, никем не было выражено с такою потрясающею силою, как им*. Можно сказать,

* Мы разумеем одно место в «Бесах», — разговор Кириллова,

что то, к чему много раз и бессильно стремились другие, что старались уловить и передать они в своих произведениях как явление, замеченное ими, то невольно и могущественно вылилось из его духа, потому что переполняло его. Сюда относится изображение человека, одновременно и признающего Творца своей природы, и отрицающего от Него, восстающего на Него (легенда о Великом Инквизиторе). Нам думается — мы всегда это чувствовали при чтении, — что, изображая такую борьбу, человек всегда представлял восстание против того, во что он сам, изображавший, уже утратил веру. По этой причине подобные изображения всегда слабы: не трудно восставать против того, чего нет. Тут именно недостает титанизма; это скорее насмешка над чужою верою и возвеличение себя, восстающего против этой веры, но отнюдь не против Того, в Кого вера. Так стали мы думать, прочитав в легенде об Инквизиторе слова отрицания и осуждения Творцу, в Которого сохранена вся вера, — грустный упрек, что Он ошибся в устройстве мира, что он не рассчитал человеческой природы, что нужно «исправить» Его дело. Или еще, когда сказала такая сила в человеке, как в разговоре перед этой легендой, где он отказывается принять мир, каков он есть, потому что этот мир лишен высшей гармонии — в нем есть ненужные и незаслуженные страдания (страдания детей)³⁰.

Мы не сожалеем, что, говоря о русской литературе, сказали нечто неуместное при рассмотрении форм науки. Этим мы выразили наше глубокое удивление перед ее достоинствами и заслугами, которые, нам думается, уже давно переступили тесные пределы национального значения. После нашего народа, который создал все, и после нашего государства, которое оберегает все созданное, это есть лучшее и самое дорогое, что мы имеем. Еще в конце прошлого столетия, если бы каким-нибудь образом изменились политические судьбы

последний перед самоубийством: «Была минута, среди земли стояли три креста, и к ним были пригвождены три человека; один из них до того верил, что сказал другому: «Завтра же будешь со мною в раю». И умерли оба, и не нашли ни рая, ни ада»²⁹. Мы не можем этого выразить, но чувствуем, что, когда писались эти слова, через одну душу человеческую прошел такой ужасающий атеизм, какого никогда не испытывал человек или, испытав, не передал словами.

мира, русский народ мог бы исчезнуть совершенно бесследно, так что одно только воспоминание осталось бы о нем. Но теперь, только три четверти века спустя, как бы ни изменились судьбы мира, наш народ уже не может погибнуть, ни, погибнув, — стать в воспоминании народов именем без значения. Есть нечто вечное, что создал он, что всегда будет, — это литература. А с нею будет и язык наш, а с ним и мы сами, как нечто своеобразное между народами. Отныне мы уже не стихийная сила в истории, не народ, который умеет только покорять народы. Мы вступили в мир как разумное сознание, как нравственная воля; мы хотим не только господствовать, но также учить; не только управлять, но еще убеждать и руководить. Но с этою мыслью о том прекрасном, что уже есть в нашей литературе, у нас нераздельна мысль о том, чего еще недостает ей. Это не присутствие дурного, но отсутствие хорошего. Ей недостает идейности. Это не значит, чтобы она лишена была глубины содержания. Но только глубокое в ней не прекрасно, а прекрасное не глубоко. Мы сказали, что «Легенда о Великом Инквизиторе» есть самое сильное, что когда-либо было подумано человеком о жизни и истории. В этом смысле она не имеет ни сильнейшего, ни равного во всемирной литературе. Но это только эпизод и то цельное, в чем он уступает многому во всемирной литературе. Это только предчувствие, только проблеск того, чем может стать некогда наша литература. Таково же изображение будущего атеистического состояния людей (в «Подростке») ³¹, несравненное по мягкому поэтическому свету, который разлит на нем, и по глубокой грусти, которою проникнуто передаваемое видение; и многое другое. Если бы идеи эти не были только мыслями, сказанными в художественных произведениях вне связи с ними, если бы они воплотились в цельные поэтические создания с тем же искусством, с каким Шиллер, Гёте и Байрон умели воплощать свои идеи, то мы имели бы высшее, чем что имеет германский народ в «Дон Карлосе» и «Фаусте» или английский в «Манфреде». Но этому не суждено было случиться. С другой стороны, совершеннейшие по форме создания в нашей литературе — «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный Гость» — лишены содержания, которое имело бы мировое значение.

Теперь, высказав о поэзии все, что нам казалось необходимым сказать, и прибавив, что никогда наука о ней не должна учить, что должно быть в поэзии, но только понимать и объяснять, что есть в ней, мы будем продолжать дальнейшее разложение учения об искусстве на составные формы.

Познав, что такое искусство, следует определить его свойства, причину, цель, сходство и различие и, наконец, число как оформленного вещества или явления.

VII. Между многими свойствами искусства мы остановимся на одном, о котором уже упоминали ранее. Это способность его осложняться всем и осложняться собою все. То, что воплощает оно — красота, — есть нечто, ни с чем не связанное, есть форма без оформляемого, столь же чистая, как форма понимания, заключенная в схемах разума и еще не получившая объекта. Не будучи связанною, она переходит с предмета на предмет и то, на что переходит, — делает прекрасным, а то, чему остается чужда, — остается безобразным. По отношению к прекрасному красота есть то же, что понимание по отношению к истине. В прекрасном есть красота как нечто прившедшее, но прекрасное не есть красота, ни красота — только прекрасное. Прекрасное — это соединение красоты с чем-либо чуждым ей, как истина есть соединение понимания с предметом понимаемым. Поэтому мир прекрасных вещей не исчерпывается одним искусством с его видами, хотя в нем более, нежели в другом чем-либо, сосредоточена красота. Здесь она есть *господствующая* форма, и то, что присоединено к ней, невелико и незначуще — когда материал, и несамостоятельно — когда форма же, например, религиозность несамостоятельна в живописи; тогда как там — вне области искусства — она сама привходит второю формою, хотя и значущею, но не господствующею. Так красота привходит в государство и становится в нем второю формою, присоединившись к главной — политической и осложнив ее собою. Помимо прочности, пользы, удобства и прочего — что одно входит целью и сущностью в политическую форму — ей может быть присуща и красота как взаимное расположение ее органов, как симметрия, как соответствие и гармония в них. Что это действительно так, это видно из того, что незави-

симо от пользы, удобства, даже необходимости ей нередко присуще бывает безобразие. Государство стоит прочно, удовлетворяет всем нуждам живущих, пользуется благоденствием и, однако же, безобразно; таков Китай. Здесь в политическую форму входит элемент красоты, хотя отрицательно: она лишена ее, — следовательно, могла бы быть не лишена. Поэтому-то на известной ступени психического — именно художественного — развития человек чувствует отвращение к некоторым политическим формам и, даже признавая какую-либо из них удобною, полезною, иногда даже необходимою, утрачивает способность жить в ней, не будучи в силах возбудить в себе привязанность к ней. Так случилось с древними греками, которые никогда не могли забыть своих маленьких республик, своих архонтов и булэ³² — а как мучительна, тревожна и небезопасна была жизнь с ними, об этом свидетельствует вся их история — и никак не могли променять их на твердую, спокойную, полезную политическую форму, под которою жил менее артистичный македонский народ и которую сильнейший из человеческих умов признал, именно как политическую форму, наилучшею из всех (Аристотель)³³. Так же случилось с французами в конце прошлого столетия, когда, выбирая себе политическую форму взамен утраченной, они не остановились на Китае, хотя он жил и был велик, но на Риме, хотя он умер. Рим привлекал к себе красотою политической формы и красотою истории, которая вытекала из этой формы; и не исследовали, полезна ли эта форма и удобна ли, потому что знали, что она прекрасна. Этот художественный элемент, нигде не оставляющий человека, нередко господствующий над ним, еще не оценен достаточно политиками и не понят историками. Со своей стороны и искусство может быть осложняемо политическим началом. Так, многие поэтические произведения Шиллера проникнуты республиканскою идеею.

Религия, также независимо от всего другого, может быть соединена с красотою и не соединена с нею. Мы находим, например, религиозный культ греков прекрасным, а религиозный культ мексиканцев и финикиян безобразным, хотя по видимому они бы должны быть для нас безразличными, потому что одинаково ложны. Так оно и есть с чисто религиозной точки

зрения. Для христианина между всеми языческими религиями нет различия. Они все для него одинаковы, потому что все равно не христианские. И древние христиане, которые жили одною религиею и были слепы к явлениям красоты, нисколько не находили религию греков прекрасною, но отвратительною, чего уже не находили христиане XVIII и XIX столетий, в которых наряду с религиозным чувством развилось и художественное. Равным образом никто не усомнится назвать религию египтян более прекрасною, чем религию кафров и готтентотов³⁴, или религию черемисов и чувашей более безобразною, чем брамаизм древних индусов. Не находя их ни более истинными одна другой, ни более полезными, мы невольно отталкиваемся одними из них — теми, которым чуждо начало красоты, и привлекаемся другими — теми, которым присуще это начало. С другой стороны, и искусство воспринимает в себя, как вторую, осложняющую форму, религиозное начало. Так, «Божественная комедия» Дантэ есть поэтическое воплощение идей средневекового католицизма, а «Потерянный Рай» Мильтона проникнут протестантскою идеею. Так спокойная и жизнерадостная религия греков сказалась и в архитектуре их, и в скульптуре; а христианство, проникнутое чистым спиритуализмом, в своем отрешении от земли и стремлении к небесному отразилось в византийской и готической архитектуре и в своеобразной живописи.

Наконец, наука, в которой по видимому ничего бы не должно быть, кроме истинного или ложного, также проникается началом красоты или не проникается им. Например, состояние знания как отдельных наук вызывает в нас чувство отвращения, а состояние знания как единой ветвящейся науки привлекает нас, даже если мы уверены в большей достоверности первых и в меньшей достоверности второй. Или еще, системы материализма всегда отталкивали от себя людей, — последние всегда пытались бороться против него; и, наоборот, системы идеализма всегда оставлялись с сожалением, когда уже нельзя было более сохранить их. Никто и никогда не пытался бороться против идеализма, не употреблял все усилия ума и опыта, чтобы не вступить в него; напротив, все, подтверждающее его справедливость, всегда принималось с готовностью. Далее,

между самыми системами идеализма одни предпочитались другим — не по истинности, но по стройности, по гармонии в построении, по красоте. Так, Платон и Спиноза всегда неудержимо влекли к себе человеческую душу, хотя на Аристотеля и Бэкона можно было надежнее положиться. Со своей стороны искусство нередко окрашивается идеями понимания, — впрочем, замечательно, что никогда идеями науки, но только одной философии. Например, «Фауст» проникнут идеями философского пантеизма. Эти идеи проводятся в поэзии через образы характеров, которые проникнуты ими, как это делали, например, Гёте, Шиллер, Байрон, или путем аллегории, как это сделано, например, в «Божественной Комедии» Дантэ. В скульптуре же, архитектуре и живописи философские идеи выражаются при помощи символов (например, символика в готической архитектуре).

VIII. Происхождение искусства таково же, как и происхождение науки, как и происхождение всех творимых человеком форм жизни. Оно бессознательно, невольное и необходимо. Подобно тому как истина происходит вследствие того, что разуму присуща форма понимания, способная и стремящаяся соединиться с понимаемым, так точно искусство является потому, что одному из чувств присуща форма красоты, которая способна и стремится к соединению с чем-либо внешним, дабы, оформив его в прекрасную вещь, воплотиться в нем. Чувство красоты, как и все подобное, есть одна из определенных потенций духа, которая так же и потому же становится реальною в создаваемом искусстве, как и почему семя растения становится полным растением. Отсюда объясняется то страдание, которое испытывается человеком, когда что-либо внешнее ему мешает воплотить образы красоты, возникшие в нем, и та радость, которую он испытывает, воплощая их. Наш поэт, сказавший, что и на пустынном острове он написал бы то же, что написал, живя среди людей³⁵, определил происхождение искусства и совершенно, и полно, так что ни прибавить к этому что-либо, ни отнять из него — нельзя. Он только не назвал и не объяснил факт, который указал, сознав его в себе. Тот истинный поэт, художник и композитор, который не может ни сам себя, ни его другие сдержать от творчества в поэзии, в музыке или в живописи; как

тот один истинный мыслитель и творец науки, который ни сам в себе, ни в нем другие не может ни подавить, ни рассеять процесса мышления. В первом постоянно и повсюду возникают образы, слагаются и разлагаются, так что где бы он ни был и что бы он ни делал, он истинно делает только прекрасные образы, все же прочее — как бы во сне и со страданием. Второй, среди какого бы шума и тревоги он ни жил, в нем постоянно возникают одни мысли; так что все, что он делает, он делает как бы машинально, не давая себе отчета и также со страданием, и только сознательно и с наслаждением — обдумывает. Отсюда объясняется, что ни тот не есть истинный художник и поэт, который во внешних впечатлениях ищет возбуждения своей творческой деятельности; ни тот не есть истинный делатель на ниве науки, который, перечитывая множество книг, способен легко усваивать их содержание. Первый вне себя ищет образов красоты, чтобы описать или срисовать их, и, следовательно, сам пуст от них; второй питается чужими мыслями, потому что не имеет своих. И именно поэтому-то, вследствие внутренней пустоты обоих, и первый срисовывает и описывает много и хорошо, и второй усваивает много и точно. Чем совершеннее пустота внутреннего мира, тем совершеннее воспринимается мир внешний, так что наилучше срисовывающий из них есть наименее художник и наиболее изучивший — наименее мыслитель. Уединение и наружная бездеятельность есть все, что нужно, для истинного поэта и для истинного мыслителя, и ищет или не ищет он их, по этому можно узнать, то ли он, за что выдает себя, или же обманывается и обманывает.

IX. Здесь же лежит объяснение и истинной цели искусства. Оно не имеет своим назначением ничего, кроме создания прекрасных вещей как соединений внутренней, присущей духу формы красоты с предметами внешнего мира, которые чужды ей. И если искусство, кроме того что творит прекрасные вещи, еще через них достигает и многого другого, то это следствие, но не цель. Следствия эти в особенности присущи осложненным формам искусства, и поэтому они-то именно часто несправедливо понимаются и от них несправедливое требуется. Осложняющая, прившедшая в искусство форма обыкновенно принимается за существенную,

основную, а эта основная рассматривается как посредствующая, с помощью которой можно усилить то, что достигается прившедшею формою в другой области жизни — в той, где она главная. Так, живопись в средние века была осложнена религиозною идеею, и религиозность стала считаться главным в ней, а красота — второстепенным. Так, в XVIII и в XIX вв. политическая идея осложнила собою поэзию, войдя в нее второю формою; и эта политическая идея, которая как основная, господствующая форма уже воплощена была в государстве, многими и в поэзии принята была за главную. Все это так же ложно, как ложно было бы думать, что выросшее из семени дерево и случайно давшее тень человеку для того именно и выросло, чтобы дать ему эту тень; так что, находишь он в другом месте, — и оно выросло бы там, а не здесь; или, нуждайся он в чем другом, а не в тени — из него выросло бы уже не это дерево, а что-нибудь другое.

Некогда в нашей литературе было сказано умное слово, значительное и содержательное: что как бы хорошо яблоко ни было нарисовано, настоящее яблоко, живое, лучше нарисованного³⁶. И хотя слово это было сказано натуралистом и в осуждение чистого искусства, однако — такова странная судьба многих слов — именно в нем чудно соединено все, что незыблемо и вечно осуждает натурализм в искусстве и незыблемо же, вечно утверждает значение за одним чистым искусством. Действительно, настоящее яблоко лучше нарисованного, и поэтому не для чего рисовать его. Природа и жизнь, как бы совершенно они ни были воспроизведены, вернее и прекраснее воспроизведенного. Поэтому искусство, которое ставит для себя задачею изображение (отражение) действительности, т.е. натуральное, ненужно, так как плохо и с трудом достигает того, что уже без труда и хорошо достигнуто (созерцание действительного). Нужно же одно то искусство, в котором к изображенной природе и жизни присоединено то, чего в них нет и потому не может быть созерцаемо через наблюдение действительности, но что есть в духе художника и что он передает через изображение природы и жизни. Это мир образов красоты, чистых или осложненных, которые в беспримесной форме невидимы и непередаваемы, но которые можно передать и сделать видимыми, если воплотить

во что-либо действительное. Это воплощение красоты как формы духа в вещах внешнего мира, которые, преобразуясь, становятся от этого прекрасными, и есть чистое искусство, одно истинное и необходимое человеку; а то, которое, подражая его внешним приемам, изображает внешний мир, не преобразая его, есть ложный призрак искусства, никому не нужный, кроме тех, которые занимаются им. При этом безразлично, с совершенством или не с совершенством этот призрак искусства подражает настоящему искусству, хорошо или дурно и то, что он рисует, и то, как рисует.

Х. В учении о сходстве и различии в искусстве, или о видах его — архитектуре, живописи, скульптуре, музыке, поэзии, — должны быть определены границы каждого из них: что уместно в одном искусстве и что не уместно в другом, или что соответствует и что не соответствует их природе. Это та ветвь понимания, которую так прекрасно начал Лессинг в своем «Лаокооне, или О границах живописи и поэзии» и которую, к сожалению, никто не продолжал после него. Заметим, что уместность и неуместность может быть как в способе изображения, так и в предмете изображаемом. Напр., красоту уместно изображать и в поэзии, и в живописи, но в одной одним способом, а в другой другим. В живописи показываются все *отдельные* черты, которые образуют собою прекрасный образ, и это хорошо, потому что все черты видимы здесь разом и сливаются в одно впечатление, которое прекрасно. Но если поэт, подражая живописи, захочет передать красоту через передачу отдельных черт, из которых состоит она, то он может сделать это не иначе, как описывая сперва одну черту, потом другую и т.д. до конца. Одного впечатления при этом не будет, и в уме читателя возникнет не образ, но ряд преемственных во времени, не соединенных представлений о глазах, носе, губах и пр., которые, как бы в отдельности прекрасны ни были, никогда не составят лица, т.е. не станут живым целым. Поэтому, чтобы достигнуть той же цели, которую достигает живопись через изображение отдельных черт прекрасного, поэт должен употребить другие средства, пойти другим путем. Он, не заботясь о наружности, должен характерно или типично изображать дух создаваемого образа, и у читателя непременно возникнет и определенный, живой и цельный образ

того, в ком этот дух. И так как у поэта, когда он обрисовывает характер или тип, есть всегда в воображении и внешний образ его, то он может передать читателю даже и этот образ, но только не разом весь — это будет перечисление, утомительное и скучное, но как бы вскользь, время от времени, с очень большими промежутками, упоминая то об одной черте образа, то о другой. Тогда образ, невольно и самостоятельно сложившийся в уме читателя, но сперва неясный, принимая в себя указываемые черты, будет все более и более проясняться и приближаться к тому, который в воображении поэта. И эти черты, отдельные и незаметные, чем более они незначительны, тем более способны придать живость образу, чрезвычайную конкретность, как бы близость к читателю. Что же касается до уместности и неуместности в отдельных искусствах предметов изображаемых, то как на пример емы можем указать на страдание, которое уместно изображать в живописи и неуместно выражать в скульптуре, потому что соответствует природе и назначению первой и не соответствует сущности и задаче второй.

XI. Наконец, учение о числе в искусстве есть учение о мере в нем. Так как красота есть чистая форма, то ей, именно как форме, более, нежели другому чему, присуще число; и она то появляется в вещи, делая ее прекрасною, то исчезает из нее совершенно — и тогда вещь становится безразличною, смотря по тому, появляется ли в вещи необходимое число или исчезает. Также красота то возрастает в вещи и достигает невыразимого совершенства, то уменьшается и становится нестерпимым безобразием, смотря по тому, как и до какого предела возрастают в этой вещи числа. Всего ярче это сказывается в музыке, но при несколько внимательном наблюдении открывается и во всех других видах искусства.

В *архитектуре* число проявляется в соразмерности частей, т.е. оно есть *показатель отношения, в котором должны между собою находиться части целого*. Здесь, как и во многом другом, положительное значение числа становится чрезвычайно ясным, если рассмотреть предварительно его отрицательное значение. Т.е. вся необходимость для красоты некоторого определенно-го числа станет поразительно очевидна, если мы рас-

смотрим безобразие, которое появляется в вещах от введения всяких произвольных чисел. Напр., если здание поддерживается колоннами, расстояния между которыми неодинаковы (то одно, то другое), то такая колоннада будет чрезвычайно безобразна. То же безобразие появится и в том случае, если одни колонны будут длиннее, а другие короче, или одни толсты, а другие тонки. Итак, в архитектуре *красота в тождественные части входит тождественными числами, и целое, если в частях его сохранены эти числа, — прекрасно, а если не сохранены, — безобразно.* Далее, в архитектуре же часть части требует удвоения. Напр., в здании (пусть читатель представляет в воображении греческий храм) крыша есть часть, распадающаяся на две половины, из которых одна есть прямоугольный треугольник и другая есть прямоугольный треугольник, и при этом меньший из катетов у них обоих общий. Если мы возьмем из этих половин одну, то увидим, что она повторена в другой. Рассмотрим это явление также с отрицательной стороны, и тогда его положительная сторона предстанет пред нами во всей своей яркости. Что одна половина не должна быть ни больше, ни меньше другой, но во всем ей равна и тождественна, это следует из предыдущего закона. Теперь же мы сосредоточим свое внимание только на повторяемости. Пусть часть крыши, составляющая собою прямоугольный треугольник, не удвоится, но утроится, так что вся крыша будет представлять собою по отношению к горизонтальной плоскости, во-первых, линию наклонную и поднимающуюся, во-вторых, наклонную и опускающуюся до основания (крыши) и, наконец, *в-третьих*, наклонную и снова поднимающуюся, от которой затем идет линия вертикально вниз до основания здания. Получится величайшее безобразие. Отсюда явление *симметрии* (соответствия одному другому, но не третьего). Этот второй закон можно определить так: *если какая-либо часть здания своеобразна (крыша, например, ни на какую другую часть в нем не походит) и распадается, то красота входит в нее двойственностью, и здание прекрасно — если эта двойственность сохранена, и безобразно — если она нарушена.* Целая же часть требует в повторениях не удвоения, но только кратности двум, т.е. двойственности, четверичности, восьмеричности и пр. Напр., фасад есть цельная часть

здания, и она может повториться в задней части его, или все четыре стороны могут быть тождественны. В обоих случаях здание будет одинаково прекрасно. Но если подобными фасаду будут две стороны, а одна не подобна (3 и 1), то оно будет безобразно. Так же если многостороннее здание будет иметь пять граней, то оно будет безобразно, а если шесть, то снова появится в нем красота. Треугольного здания, или комнаты, или чего прочего подобного мы не знаем ни в истории, ни теперь на земле и живо чувствуем все нестерпимое безобразие такой постройки. Этот третий закон можно определить так: *если не своеобразная часть повторяется в здании, то в повторения красота входит числами, кратными двум, и здание прекрасно — если эта кратность сохраняется, и безобразно — если она нарушена.* Наконец, четвертый закон, присущий архитектуре, есть закон прогрессивного возрастания и уменьшения чисел между частями. Напр., когда две какие-либо линии в здании сходятся или расходятся, положим в готическом храме, когда сходятся вверху колонны, или в греческом, когда сходятся вверху гипотенузы прямоугольников, образующих собою крышу, то схождение не может то ускоряться, то замедляться, но должно совершаться или равным образом, или все ускоряясь, или, напротив, все замедляясь. Первое — постоянство в сходимости линий — присуще греческой архитектуре, где оно выразилось фигурой равнобедренного треугольника как основной формы и еще арабской, где оно выразилось дугою круга. Второе — равномерное ускорение в сходимости линий — присуще готической архитектуре, где оно сказалось формой изнутри выгнутых, пересекающихся линий. Третье — сходимость линий с равномерным замедлением — присуще китайской архитектуре, где она сказалась извне вогнутыми, сливающимися линиями. Этот закон может быть выражен так: *если в здание входят сходящиеся и расходящиеся линии, то красота входит в сходимость и расходимость прогрессию, показатель которой или постоянен, или равномерно увеличивается, или равномерно уменьшается.*

В живописи мера выражается тройко: в отношении к одному изображаемому, в отношении ко всем изображаемым и в отношении многих изображаемых к многим же. Если произведение живописи представля-

ет что-либо одно нарисованным, например человеческое лицо, то мера обнаруживается в нем тем, что изображенное может быть или равно изображенному действительному, или меньше его, но никогда больше. Это замечательное явление. Лицо человека, представленное уменьшенным против действительности, прекрасно, а увеличенное против действительности становится безобразным. Если мы возьмем предельные крайности, то явление это станет поразительно. Так, в миньютюрах, где уменьшение доходит до одной двадцатой, лицо прекрасно. Все, что может потерять оно при этом, зависит не от самого уменьшения, но от того, что неудобно рассматривать уменьшенное, не все в нем видно. Если же представить лицо человеческое увеличенным в двадцать раз, то оно будет невыносимо безобразно. Трудно объяснить это явление, оно представляется нам очень любопытным и загадочным. Далее, если предметов изображаемых много, напр. если картина представляет какую-либо народную сцену, то мера обнаруживается здесь в том, что все изображаемые должны быть равно уменьшены, но не так, чтобы один был уменьшен много, а другой мало. От несоблюдения этого закона происходит безобразие древних (напр., египетских и ассирийских) рисунков и наших лубочных картин, где главные лица изображаются большими, а второстепенные малыми. Наконец, в отношении многих изображенных к многим же мера сказывается в группировке. Любопытно, что красота, входящая в архитектуру правильными и постоянными числами, в живопись входит неправильными и непостоянными. Напр., если бы на картине, изображающей большую народную сцену, все люди были сгруппированы по двое, то это было бы ужасно безобразно. Здесь может зарониться подозрение, что причина безобразия лежит в неправдоподобности изображения. Но если бы мы взяли сцену, состоящую только из шести человек, из которых два расположены на одной стороне картины, два — на другой стороне и два — в середине ее, то это также было бы безобразно, хотя и правдоподобно.

Скульптура в противоположность живописи допускает увеличение изображаемого, и, когда это увеличение незначительно, ее произведения становятся положительно прекраснее; напротив, от уменьшения, также

в противоположность живописи, ее произведения теряют красоту. Как кажется, идеал в этом отношении находится для живописи в некотором незначительном уменьшении, — лицо, нарисованное уменьшенным, прекраснее, чем сделанное в натуральную величину; а для скульптуры в некотором, также незначительном, увеличении — образ, изваянный в несколько большей против действительности величине, прекраснее, чем изваянный в величине, равной с действительною. Это явление в скульптуре также неясно, как и в живописи.

О мере в музыке мы не будем говорить, так как это едва ли не единственное искусство, о котором известно, что оно все построено на числах. И при этом все числовые отношения звуков здесь уже известны.

Наконец, в поэзии мера проявляется двояко: с внешней стороны и с внутренней. С внешней стороны она входит в нее метром — в собственно поэзию и определенным строением и расположением предложений — в прозу. Метрическая речь управляется тремя законами: *тожеством, разнообразием в тожестве и тожестве в разнообразии*. Так, если стихотворение будет состоять из отдельных стихов, из которых ни один не походит на другой, — например, один будет двухстопный, другой трехстопный и в одном ударение будет приходиться на первом слоге стопы, а в другом — на втором слоге, — то оно будет безобразно. Равным образом не хорошо будет, если все стихотворение будет состоять из совершенно одинаковых стихов; лучше, когда они разнообразятся. Но и разнообразие это не должно быть неправильным, но через тожественные везде промежутки стихи должны быть тожественными; напр., если в одной строфе за двумя длинными стихами следует короткий, то и в другой строфе должно быть так же, но не наоборот или не каким-либо другим образом.

С внутренней стороны мера входит в поэтические произведения *полнотою без излишеств*. Полнота в поэтическом произведении есть отсутствие в нем чего-либо недостигнутого, т.е. невыполненных целей, а излишнее есть то, что, присутствуя, ничего не выполняет, что в произведении сверх достигнутых целей. Так, если цель произведения есть изображение какого-либо характера или типа, то полнота сказывается в нем тем, что изображаемый характер или тип становится совер-

шенно ярким в сознании читателя, так что у него не остается никакой неясности относительно его, никакой неопределенности, никакого недоумения. А излишним в таком произведении будет все, что, соприкасаясь с характером или типом, ничего не прибавляет к его образу — ни проясняет его в воображении читателя, ни объясняет уму его. Отсюда ненужность всех повторяющихся сцен в поэтическом произведении, т.е. таких, из которых последующая не дает ничего нового в сравнении с предыдущей, — не дополняет и не развивает ее. Равным образом если цель произведения есть изображение какого-либо процесса, напр. развития какой-либо страсти, то неполнота будет сказываться всяким перерывом в изображении преемственных стадий этого развития, напр. если какая-либо обрисованная стадия ни во что не переходит или другая ни из чего изображенного не выходит; а излишество будет сказываться в присутствии сцен, дважды обрисовывающих какую-либо стадию этого чувства, или мимоходом обрисовывающее что-либо, не имеющее отношения к изображаемому процессу. Но когда, как это часто бывает в художественных произведениях, предметом изображаемым бывает собственно не человек, но жизнь, и только через характеры и типы изображается она, то излишеством не будет введение эпизодических сцен, по видимому не связанных с основной нитью произведения. Люди в нем (некоторые) и должны приходить ниоткуда и уходить, не возвращаясь. Так, у Островского, который рисует быт, а не человеческую природу, не есть излишество появление и исчезание многих по видимому лишних людей; это не сверх цели, но в цели. Но это же самое беспричинное и бесследное появление и исчезновение лиц было бы излишеством в произведениях Тургенева, который рисует типы, а не жизнь, потому что здесь это было бы вне цели. Таким-то образом художественное, будучи прекрасно в отдельности, но излишне для произведения, вводит в него безобразие, антихудожественность, ничего не утрачивая собственно в себе. Этот порок особенно присущ поэтам и художникам с сильным и живым воображением. У них постоянно возникают чудные сцены, хотя и не одинаковые, но об одном, и, жалея бросить их, они портят свои произведения введением их.

XII³⁷. Говоря об искусстве, мы ничего не сказали о *красоте*, которая составляет предмет его. Причина этого — трудность сказать о ней что-либо определенное, что одновременно не было бы сомнительным. Есть красота в величии, и безобразие в противоположном ему — в низости. Так, изображение проникнутого мыслью лица в скульптуре, или сильного, мужественного характера в поэтическом произведении, или страдающего, скорбного лица в живописи будет прекрасно. В первом случае при этом изображаемым предметом служит величие ума, во втором — величие воли и в третьем — величие чувства. Напротив, изображение бессмысленного лица (низкое в разуме), или трусливого (низкое в воле), или апатичного (низкое в чувстве) будет безобразно, хотя бы оно было прекрасно передано. Следовательно, здесь причина лежит не в том, как изображается, но в том, что изображается. Мы подходим здесь к тому, что в прекрасном, к красоте в самой себе. Отметив это явление, рассмотрим еще пример. Красота художественного произведения возрастает тем более, чем изображаемое ближе к первоюданной природе своей; и напротив, чем далее изображаемое отошло от этой первоюданной природы, тем его изображение в искусстве становится отвратительнее. Так, образ невинного лица (например, в картинах Беато Анджелико или у Рафаэля в ангельских головках, окружающих его Сикстинскую мадонну) прекрасен; напротив, изображение лица лживого, или злого, или сладострастного отвратительно, и при этом тем более, чем художественнее оно передано. Здесь причина прекрасного в одном случае и отвратительного в другом также лежит не в изображении, но в изображаемом, т.е. в красоте самой в себе. Обдумывая эти два явления, мы невольно приходим к мысли — она нуждается, впрочем, в дальнейшем расследовании, — что красота есть то, от чего удалился человек, что лежит позади «теперь», и то, к чему стремится природа человека как целесообразно устроенное, то, что впереди «теперь». Первое есть то начало, откуда вышла она, и искусство, изображающее его, есть как бы воспоминание об утраченном идеале; второе есть последнее назначение, к которому направляется человек, и искусство, изображающее его, есть как бы предчувствие и ожидание, как бы видение будущего идеала.

Рассмотрев искусство, переходим теперь к другим формам, под которыми является жизнь.

XIII. *Религия* есть восстановленное отношение между человеком и Творцом его, или как выполненное в религии истинной, или как стремление выполнить в религиях неистинных. Так можно думать, основываясь на том, о чем мы можем судить, что можем понимать в религии. Например, Религия всегда учит быть правдивым, никогда не учит ненавидеть ближнего, — и нет сомнения, что ложь появилась некогда в человеке, что ненависть не всегда была присуща ему. Потому что правдивость, которой не предшествовала ложь, равно как любовь, которой не предшествовала ненависть, мы можем отнести, как следствие к своей причине, только к одной природе человека. Напротив, ложь и ненависть немыслимы как первоначальное в человеке, и причину первой лжи и первой злобы мы не в состоянии отнести ни к чему другому, кроме как к причине, внешней для природы человека. Ложь, например, не есть нечто положительное, но отрицание положительного, и ясно, что отрицание могло явиться только после отрицаемого, но не ранее его. Ложь есть нарушенная правда, и, конечно, прежде чем нарушиться, правда должна была появиться, существовать. Такова природа рассматриваемых нравственных явлений, и, рассматривая ее, анализирующий разум с непреодолимою силою подтверждает то, что утверждается религиею и воспринимается чувством верующих. Итак, в этом рассмотренном нами случае религия восстанавливает некогда утраченное и уничтожает некогда возникшее. Так же точно, что бы другое мы ни взяли в Религии, что понятно нам, о чем мы можем судить, мы всегда заметим это стремление в ней восстановить то, что некогда было, и победить то, что потом возникло и исказило это первоначально бывшее. На основании этого известного и понятного в религии — это все, что может сделать разум и что вправе он сделать, — мы можем думать, что и то, что неизвестно и непонятно в религии, есть также восстановление истинно нарушенного и уничтожение истинно возникшего. Все части религии имеют это своею целью — мы знаем это непосредственно из их содержания; из этих частей все те, которые понятны и допускают обсуждение, восстанавливают действительно нарушен-

ное и побеждают действительно прившедшее и нарушившее. Отсюда мы умозаключаем, что и те остальные части религии, которые непонятны и не подлежат обсуждению, восстанавливают также действительно нарушенное и уничтожают также действительно прившедшее и нарушившее. И так как эти остальные части — они самые существенные в Религии — говорят о нарушенном союзе человека с Творцом своим и о восстановлении этого союза через учащую так религию, то мы должны думать, что некогда действительно был такой союз, потом нарушился и теперь восстанавливается. Т.е. что религия есть или восстановленное, или стремящееся к восстановлению отношение человека к Творцу своему.

Отсюда в Религии осуждение того, что есть, как дурного; воспоминание о лучшем, что некогда было утрачено, и жажда будущего, в котором восстановится утраченное и погибнет дурное. Или, переводя эти три момента в содержание Религии, отличающиеся разумом, на более конкретный язык самой религии, — учение о греховности и испорченности человеческой природы как о зле, некогда привлеченном в мир; учение о первоначальном невинном состоянии человека, которое некогда было разрушено первым грехом; и учение о будущем восстановлении этого утраченного состояния через победу над грехом. Связывая эти три состояния с волею Того, о Ком учит Религия, мы снова получим, что ее содержание сводится к учению об истинном, нарушенном и восстановленном отношении человека к Творцу своему, причем учащая так Религия и есть то, что является в Мир, чтобы объяснить человеку все это, о чем забыл он, победить грех, внесенный в жизнь, и, очистив от него природу человеческую, вновь восстановить ее истинное и первоначальное отношение к Тому, из Кого изошла она. Отсюда сознание мирового значения поверх всех времен и поверх всех стран и народов, которым проникнута бывает Религия. Она обращается не к народу, а к человеку и имеет предмет не исторический момент, в который проявляется, но все прошедшие и все будущие судьбы человечества, объясняя первые и направляя вторые.

Те стремления, которые мы выставили как основные в рассматриваемой форме жизни, есть во всех Религиях, не чужды ни одной из них. Какой бы культ

мы ни взяли, в нем всегда есть часть приведенных нами истин, только в большей или меньшей полноте и в большей или в меньшей степени затемненных заблуждениями, — всем тем, что не относится к этим истинам, что сверх их и кроме их. Так, без исключения, все Религии содержат в себе осуждение злобы, лжи, корыстолюбия, зависти и других пороков, которые осуждаются и Религиею истинной. Наиболее же развитые из них содержат в себе и учения о первоначальном невинном состоянии человека, об отпадении его от своего Творца и о том, что в будущем, искупив отпадение это страданием, человек снова сольется с Духом, из которого изошел он. Только все эти учения в Религиях ложных покрыты чрезвычайною массою заблуждений. Поэтому к той Религии, которая одна раскрывает истины о нарушенном и восстановленном единении человека с Творцом своим полно и без излишеств, эти другие религии относятся так же, как предчувствие действительности к самой действительности, как усилие мысли прояснить скрытую истину к самой истине, как смутное воспоминание когда-то известного к знанию, как искание к найденному, как грезы сновидения к сбывшемуся на самом деле. Неполнота и искаженность есть то, что ложно в этих Религиях; но под этою неполнотою и ошибками скрывается истинное. В этом смысле, тогда как Религия, всецело раскрывающая указанные положения, есть по преимуществу Религия, одна истинная, — другие являются как бы попытками найти Религию, как бы усилиями создать то, чего — человек всегда чувствовал — недостает ему.

Отсюда объясняется необходимость Откровения. Того, что своими усилиями не мог найти человек, но что всегда искал он, дано ему во внимание к его слабости из высшего милосердия, как награда за жажду найти. Тот, с Кем — он чувствовал — нарушено его единение, Кого он бессильно искал, чтобы вновь соединиться, повсюду на земле и во всю свою историю, Сам протянул ему руку помощи — открылся, сказав о Себе. Понятное в своей необходимости, Откровение понятно и в своей сущности. Несомненно, что дух человека со своим стремлением к правде, к истине, к любви не есть ни произведение вещества, как это было доказано ранее, ни одиночный факт в мироздании, потому что тогда был бы непонятен и необъяс-

ним. Несомненно, что есть другие духовные существа, от человека, как духа, отличные, но с ним однородные по своей природе: так же сознающие, так же чувствующие, так же желающие. И если даже присматриваясь к отдельным людям, мы находим в них неодинаковую степень духовной силы: одни совершеннее, в них плоть едва одевает дух, другие несовершеннее, в них едва чувствуется веяние духа, то тем более естественно и необходимо думать, что и между другими духовными существами есть различные степени совершенства, т.е. что одни из них стоят ниже человека, другие выше. Остановимся на последнем. Мы можем, — не скажем предугадывать, но положительно знать, — в чем состоит это сравнительное совершенство: оно есть высшее, чем у человека, понимание, более чистое, нежели у него, чувство, сильнейшая воля, наконец, это меньшая обремененность веществом, более свободная, не связанная одухотворенность. Но все это степени совершенства, только высшие, чем какая присуща человеку, и от них он, как дух, также не мог произойти, как, например, это падение небольшого камня, здесь и теперь совершившееся, не могло произойти от разрушения горы, там и давно совершившегося, хотя оно и мало, а то — велико. Такою произведшею его причиною может быть то одно, что, произведя его из себя, ничего не утратило в себе, но пребыло таковым же, каким было. Т.е. отношение человека, как духа, к первой причине своей есть отношение не существа к существу же, но — мы объясняем эту высокую тайну Религии примерами и простыми, и убедительными — отношение одного ко всему, что заключает его: частного — к общему, в чем оно составляет единичный случай, явления — к силе и закону своему, например, тяжести этой вещи — к всемирному тяготению или, наконец, — и этот пример, быть может, лучше всего объяснит нашу мысль — отношение Творца человеческой природы к ней есть отношение истины, которая повсюду и всегда, к этому ее произнесению или к этому написанию. Всматриваясь в природу человека, мы даже можем понять, что такое это уже не относительное больше совершенство. Вся природа человека есть нечто как бы недоконченное, незавершенное. Она вся в стремлении и в способности, но не в осуществлении того, к чему стремление и способность. Как дух, чело-

век не есть истина, но только стремится к истине и способен воспринять ее, он не есть также добро, но ему присуща только жажда добра и понимание его. Он весь обусловлен, в нем все — одна потенция как возможность воспринять или осуществить действительное. Но даже и в этой обусловленности он ограничен, в самом стремлении и в самой способности он не всесторонен, как это было доказано выше относительно разума. Не ко всей истине он стремится и не всю истину способен воспринять, но только некоторые стороны истинного. То же и относительно добра и всего другого. Таким образом, *предельность и недействительность* присуща человеческому духу. Теперь с того, что есть в нем, снимем эту предельность и в полученном беспредельном заменим возможное действительным. Мы получим понятие о совершенном духе. Это — истина, которой ищет человек, добро, которого жаждет он, но такая истина и такое добро, какой ни понять когда-либо окончательно, ни почувствовать во всей полноте не суждено ему. Это — жизнь, только уже не как стремление возможного к действительному, но и действительная, которой ничего не недостает, не жаждущая, не неудовлетворенная.

Из всего сказанного должно быть понятно, что в человеке, как духе, живет «дыхание» Творца его и этим дыханием живет он как дух. Оно первоначально в нем и только впоследствии затемнилось и исказилось прившедшим извне. Но степень, в которой совершилось это затемнение и искажение, не одинакова у различных людей, но у одних более, у других — менее. И наконец, людям, природа которых и вообще мало искажена пороком, в моменты, когда и это слабое, поверхностное искажение пропадает, открывается природа и жизнь Творца в полноте, не доступной ни для других людей, ни для них самих в другие моменты их жизни. Это и есть Откровение, о котором мы сказали, что оно и необходимо и понятно.

Во всем сказанном нами о Религии если есть что непостижимое и удивительное, так это то, что есть человек и в нем мысль, чувство и воля. Это факт, которому ничего подобного мы не знаем в физической природе, которую одну исследуют наши органы чувств, явление своеобразное, ни с чем не схожее, над которым, сколько бы ни задумывался человек, он все

еще подумает недостаточно. Но раз этот факт есть, все остальное становится не только естественно и разумно, но еще и неизбежно к принятию. Неизбежно именно потому, что противное непонятно и запутанно. Таким непонятным фактом было бы существование в одном только человеческом существе психического начала, или, если подобных ему много, — тождество в совершенстве их, или, если они не тождественны, — отсутствие высшего между ними, неравными. Все это по отношению к разуму было бы противоречием, т.е. неразумным, и по отношению к природе — исключением закона причинности, т.е. противоестественным.

XIV. Мы сказали все, что нам казалось необходимым и уместным сказать о Религии. Мы желали бы, чтоб не необходимым показалось и то неуместное, что мы прибавим здесь о ней. Это — о достоинстве Религии и о том упадке религиозного чувства, которого мы все свидетели. Ни для кого не тайна, как много теперь искренне неверующих, для которых Религия есть нечто странное, непонятное, о чем даже говорить и думать серьезно нельзя. И мы прибавим еще для тех, для кого это тайна, что не более, чем эти неверующие, думают и заботятся о Религии и те, которые называют себя верующими. Для Религии в глубоком, в истинном смысле этого слова различия между теми и другими нет, и для Творца человеческой природы большее видеть лицемерие первых, нежели легкомыслие вторых. Мы живем в момент, когда возможно, что жаждущий, но не могущий уверовать, скажет о себе: «я самый верующий из всех, кого встретил в жизни». И мы ожидаем, что в недалеком будущем эти бессильно жаждущие из обвиняемых сделаются грозными обвинителями своих гонителей и начнут именно с приведенных слов, на которые нечего будет ответить последним. Вот факт, и он достоин того, чтобы над ним задуматься.

Нам думается, что причина его не там, где обыкновенно стараются найти ее. Не в умственном направлении века, не в науке она скрывается, не в общих условиях жизни, так глубоко изменившихся в наш век. Никакая атеистическая книга, мы решаемся утверждать это, не удаляет стольких людей, и так совершенно безвозвратно, от мысли о Религии, сколько и как удаляет их от нее каждая вновь проводимая ветвь желез-

ной дороги или каждая новая обширная мануфактура. Оглянемся кругом: не неверие как борьба против Религии есть характерная черта нашего времени; но неверие как равнодушие в Религии. Никто, вероятно, не испытывал, чтобы кто-нибудь пламенно оспаривал его Религию, но только замечал, как утомление и скука показывается на лицах всех, когда он начинает говорить о Религии. При этом не имеющие нужды или не желающие обманывать говорят, что это их не интересует, а менее мужественные или более корыстные сдержанно молчат, пока разговор не перейдет на что-нибудь более интересное. Итак, если никого не занимает мысль о Религии, то, значит, всех занимает мысль о другом; если никто не живет более религиозным чувством, то, следовательно, все живут какими-то другими чувствами; когда никто не стремится к внутренней чистоте и совершенству, тогда все стремятся к иным целям. Здесь, мы думаем, разгадка всего. Человек страшно глубоко погрузился в жизнь, он никогда более не остается наедине с собою. Он не думает о том, что внутри его, потому что должен ежеминутно думать о том, что вне его. Быть может, душа и есть, и это что-нибудь и значит; но ему некогда останавливаться на этом, потому что несомненно, что у него есть нужное дело и что много будет значить, если оно останется невыполненным. Он не возвышается мыслью над миром и жизнью, к первой причине их и к Творцу своему, потому что в одном уголке этого мира и жизни у него слишком много забот и достаточно радостей. О какой науке, борющейся против Религии, здесь может идти речь, когда самая наука уже давно погрузилась в эту жизнь, уже никогда более не поднимается к первым основаниям того, что кропотливо и сама не зная для чего она исследует в частностях. Одновременно с Религиею и потому же, почему и она, пала и наука; и, павши, не может уже более быть ни религиозной, ни антирелигиозной. Весь вред, наносимый ею Религии, состоит в том только, что она наряду со всеми другими занятиями, кормящими и забавляющими человека, отвлекает его мысль от великих вопросов и с ними — от Религии. Она — это та же жизнь, втягивающая в себя людей и губящая в них все чистое и возвышенное. Нет, это ошибка думать, что наука в том виде, в каком она существует теперь, есть гордая

борьба разума с бессознательною верою. Человек вовсе не борется против Религии — он просто не думает о ней. Он не восстает против Творца своей природы — он просто трудится и веселится.

Все, что мы сказали здесь об отношении живущих поколений к Религии, не только не менее серьезно, но и неизмеримо значительнее, чем та борьба, которую, как многие думают, сознательно ведет человек против своей веры. Быть может, тут и есть борьба, но только ведется она не человеком, а в человеке. Он только арена борьбы, и потому-то она так и страшна, что идет о нем и в нем, а он бессилен что-либо сделать или предпринять здесь. Тут сказывается не сознательная воля человека, но та непонятная и могущественная сила, которая так непреодолимо сковывает волю человека и направляет судьбы его истории путями, которых никто не знает, к целям, которых еще никто не уразумел. Мы живем с нашими науками, искусствами, государствами, промыслами и торговлею и замечаем движение только в них, но не их самих; так что не можем ни бороться, ни даже замечать и чувствовать того общего и могучего исторического течения, которое уносит нас и с нами все, что мы создаем, чем живем, над чем трудимся и чему радуемся. И только время от времени, отрываясь от этого частного, за которым скрыто от нас общее, немногие проницательные умы видят, от чего мы отошли и к чему приблизились, что стало невозвратимым более и что неизбежно уже, к чему мы не имеем силы вернуться и от чего не имеем мудрости уклониться. Кто думал об опасности для всех высших форм творчества, когда, усложняясь и ускоряясь, жизнь невозвратно увлекла в свой поток человека и смысла все, что в нем поверх животного? Кто мог поверить, что с тех пор, как наука со своими открытиями станет двигателем жизни, эта жизнь неуклонно будет двигаться к разрушению науки, что плод познания убьет корень его? Кто мог предвидеть, что в простом ускорении всех человеческих сношений заключается более опасности для Религии, нежели во всех ересьях, какие когда-либо волновали религиозный мир? Никто не восставал и не боролся против Религии, но кто устоял в ней? Скажем более, какая человеческая мудрость и какая сверхъестественная сила могла бы сделать, чтоб человек все еще продолжал думать о ней,

т.е. чтобы, живя среди хаоса бегущей жизни, он жил бы так, как будто вокруг него была пустыня, чтобы он не чувствовал этого хаоса, не знал о нем, не хотел в нем? Нет, не человек отпал от Творца своего: он не виновен ни в чем, кроме бессилия; но иная могущественная воля непреодолимо отвлекла его от Творца, и против этой воли восстанет ли когда-нибудь равная, чтобы преодолеть ее, об этом не нам судить, и это не нам предвидеть.

Но там, где мы бессильны предвидеть и где бессильны выполнять, нам еще остается жаждать и ожидать. Пусть это немошно, пусть это не изменит хода исторического развития; оно определит наше отношение к нему, оно рассеет фантомы, которыми окружены мы и за которыми скрыто от нас истинное положение вещей.

Итак, к тому, что мы сказали о Религии ранее, — именно, что, судя по всему, что мы можем понимать в ней, ее содержание составляет действительно происшедшее некогда и действительно имеющее совершиться в будущем, и, еще далее, что в нем нет ничего запутанного и противного порядку природы, но, напротив, в обратном ей скрыто и противоречие, и противоестественность в смысле несогласия с природою вещей, какою мы знаем ее, — прибавим к этому еще и несколько слов о внутреннем достоинстве самой религиозной жизни. Мы не хотели бы, чтобы человек из малодушия, только по необходимости преклонился перед чем-нибудь неистинным, и поэтому истинность, а не внутреннее достоинство есть первое и основное в Религии, что представляется нам. Но мы знаем еще — об этом упомянуто было при рассмотрении осложненных политических форм, — как нередко человек не может преклониться и перед истинным, когда оно почему-либо непреодолимо мешает ему привязаться к себе. И поэтому второе, на чем останавливается наше внимание, есть достоинство Религии и жизни в ней.

Не будем обманываться; перестанем видеть только те цели, которые непосредственно перед нами, и заглянем на то, что лежит за ними и впереди их. Пусть будет достигнуто все, чего желает человечество как в духовном, так и в материальном отношении — почувствует ли оно удовлетворение? Пусть я обладаю громадными

знаниями, всеми, каких желаю, и пусть обеспечен материально — это также все, чего я желаю. Буду ли я удовлетворен, наполнится ли мой внутренний мир непреходящим покоем и непреходящею радостью? Для меня лично нет сомнения, что с этим достижением в душе моей воцарится постоянный холод и для меня утратятся и те небольшие радости, которые я имею теперь, когда или новая мысль осветит мое сознание, или когда я избегну какой-нибудь материальной неприятности. Есть глубокая справедливость в мысли, что все, что ни делает человек, он делает для того только, чтобы забыться. Он страшится остаться с собою, почувствовать себя, почувствовать свое существование. Поэтому хорошо ему не тогда, когда он все знает, но именно тогда, когда он многого еще не знает; и не тогда, когда он всем владеет, но тогда, когда ему многого еще недостает. Малые мучения, испытываемые в жизни, даны в удел человеку не в наказание, но из милосердия, чтобы он не чувствовал другого великого и нестерпимого мучения — мучения природы своей человеческой; мы не можем назвать его иначе, потому что оно не имеет другого источника. Это мучение поднимается всегда, когда человек остается один, наедине с собою, и заглушается только внешними и гораздо лучше выносимыми страданиями. Его испытывали многие люди — все, которые наделены глубокою душою, и оно засвидетельствовано как факт историею. Различными именами называли его испытывавшие: пресыщением жизнью, усталостью жить, беспечельностью; но все испытывавшие не расходились в одном, что, тогда как все другие несчастья выносимы для человека — бедность, болезнь, потеря близких людей, и он или примиряется, или борется с ними, — это одно несчастье невыносимо, и при нем становится невозможно жить (Рим перед эпохою падения). Итак, если это факт, что на высокой ступени духовного развития и обладая высоким материальным благосостоянием человек может чувствовать себя нестерпимо несчастным, то не ясно ли, что это развитие и это благосостояние не может составить последней цели его стремлений? Это с личной субъективной точки зрения. Но разве можно сказать, что счастье достигнуто человечеством, когда каждый отдельный человек может испытывать в нем страдания, и притом не один и не

несколько, но неопределенное количество их, и не какое-либо преходящее, но нестерпимое? Разве человечество испытывает что-либо иное, чем то, что испытывают составляющие его люди, и разве можно стремиться доставить ему то, что в отдельности никому не нужно?

Но не это одно страдание внутренней пустоты и холода овладевает человеком, когда он остается наедине с собою. Мудрые и дальновидные чувствуют еще ужас такого одиночества. Человеку трудно вынести свою природу, и человечеству трудно будет вынести жизнь. В природе человека есть столько темного, ужасающе низкого и, однако, неудержимо влекущего к себе, его уму так присуще колебание, он так способен к оправданию дурного, что ни за что нельзя поручиться, что оно никогда не будет совершено, и ни о чем нельзя сказать, что оно постоянно будет исполняться. Человеку тяжело, невыносимо остаться со своею природою и не иметь над собою ничего высшего, что могло бы помочь ему сдержать эту природу. Это также с субъективной точки зрения. С объективной же, с точки зрения всей истории и всей жизни, природа человеческая так слаба, так податлива и похотлива, что никакая мудрость, опираясь на себя только, никогда не построит из нее ничего прочного, о чем можно было бы сказать, что оно пребудет незыблемо. Самый материал плох, и, как бы ни чудно предусмотрено было все в построении, оно останется только памятником великого индивидуального ума и великой коллективной слабости в человечестве.

Насколько исполнена страдания и неверна относительно всего хорошего жизнь вне Религии, настолько же исполнена она внутренней радости и тверда против всяких бедствий, когда религиозна. Только понимать нужно Религию не во внешнем значении, но в глубоком и истинном: когда вся воля, все чувства и все мысли человеческие, даже когда они и не имеют предметом Религию, бывают проникнуты ею; т.е. когда религиозен весь человек и вся жизнь. Только живя в Религии, человек может быть истинно свободен. Что для него значит воля сильнейшего на земле человека, что для него мнения всех людей, когда он живет по воле Того, перед кем мало все великое на земле? На эту волю он может опереться в борьбе против всех и погибнуть непобежденным, с радостью, но не с отчаяни-

ем. С другой стороны, и человечество, живя религиозно, может быть безопасно от воли одного, потому что есть то, чему, покоряясь, воля всемогуща и вне чего она совершенно бессильна, что делает ее святою и неприкосновенною и без чего она незаконна и подлежит осуждению. Наконец, в Религии человек никогда не остается один; с ним всегда Тот, Кто всего ближе и дороже ему, на Кого можно надеяться во всяком бедствии и Кто остается после всякой утраты. Религия истинная, и в ней жизнь всего человечества может стать последнею целью всех человеческих усилий, потому что по сознанию отдельных людей и по свидетельству истории в ней одной человек находит успокоение и она одна дает радость, которая не проходит, которая насыщает. В ней одной уже достигнутое, — то, после чего нечего желать как большего и лучшего. И одновременно с этим она не исключает никакого нового стремления, но, напротив, могущественно укрепляет и исполняет радости всякое, которое хорошо. Она не исключает ни творчества в области прекрасного, ни политической деятельности, ни мышления и науки, но все это обливает новым светом и согревает новым чувством. И то, что вне Религии нужно человеку только для того, чтобы забыться — и втайне он сознает это и чувствует отвращение к тому, чего наружно желает, — то в Религии ставится действительною, а не призрачною целью, тем, что есть само для себя, а не средство для достижения известного субъективного состояния. Достигнув всех своих целей вне Религии, человек достигает частей, в которых нет целого; а достигнув религиозной жизни, он достигает целого, владея которым неторопливо и уже удовлетворенный, отдается частям.

XV. Право, нравственность и государство имеют между собою много общего. Все три одинаково стремятся подчинить себе человека, поставить пределы его воле, существуя в настоящем, определить будущее. Но при всем сходстве между ними замечается и различие.

Право имеет целью свободу, ибо по природе своей оно есть то, что позволяет; всякое право есть право на что-нибудь, и в том, на что есть право, человек свободен. Нравственность имеет целью добродетель — она наставляет; свобода, оставляемая человеку правом, суживается ею, потому что она учит, что хотя многое

в его воле совершить или не совершить, однако из этого, могущего быть совершенным, только не многое достойно. Государство имеет целью пользу, и природа последней такова, что оно предписывает. Далее, объектом права служат действия человеческие, и, дозволяя их, оно осуществляется в ряде отрицательных законов, которые только защищают, только обеспечивают свободное совершение за теми, у кого право, в пределах того, на что право. Нравственность имеет своим объектом внутренний мир человека; она ничего не запрещает и ничего не предписывает, но, уча, убеждает мысль, преобразует чувство, влечет к себе желание; поэтому форма, в которой является она, есть учение, не как ряд холодных истин, для которых безразлично, примутся они или нет, но как увещание принять истину, которое проникнуто состраданием к лишенным ее и любовью к принимающим. Государство имеет своим объектом не человека с его наружною или внутреннею стороною, но благо людей; оно приносит, дает человеку, но не исходит из него, не уносит с собою; поэтому осуществляется оно в учреждениях, в которых, как в формах, живут люди, и, живя в которых, они полнее и совершеннее достигают блага. Наконец, область права есть *внешние отношения человека к человеку, человека к человечеству и человечества к человеку*. Оно определяет, в какие действия личности не может вмешаться другая личность, какие действия личности не подлежат воле всех и, наконец, что по отношению ко всем не может совершить личность. В массу людей, где в первобытном состоянии все возможно и ничего не должно, оно вводит разграничения и охраняет одного от одного, одного от всех и всех от одного. Поэтому право есть нечто такое, что существует и тогда, когда оно никем не создано, нигде не написано, ни разу не произнесено. Оно не создается сознанием, написанием или произнесением, потому что ранее их; но только проясняется, становится очевидным в них, подобно тому как пространственная форма не создается черчением, но только делается видимою через него. И чем с меньшими излишествами и меньшими недостатками эти невидимые и вечные права отражаются в законах, сознанных, написанных или произнесенных, тем ближе к совершенству эти законы. Согласно с тройною областью своею, и право, единое по сущности, распадается-

ся на три формы по применению: 1) на право человека, например, пользоваться плодом трудов своих; 2) на право гражданина, например, каждый в государстве имеет право отказаться пожертвовать ради него тем, чем никто не жертвует и чего ни от кого другого не требуется, хотя бы на то и была воля всех; 3) на право государства, например, удалять того, кто хочет вредить всем. Область нравственности есть *внутренние отношения людей, близких между собою* или по связи, например отношения семейные, или по положению, например отношения дружественные, или господства и подчинения. Оно учит не причинять другому страдания, не быть корыстолюбивым, жестокосердым, гордым, лживым. Наконец, область государства есть *массовые отношения* людей к людям, например сословия к сословию, дающих законы к приводящим в исполнение их, и т.п.

Чтобы яснее показать различие между этими тремя формами творчества, приведем следующий пример, где к одному и тому же выкажется тройное различное отношение их. Пусть мне нанесена обида. Я имею право требовать суда за нее; я должен простить, следуя учению нравственности; я должен искать удовлетворения, чтобы обида не осталась безнаказанною и вследствие того, повторяясь, не была нанесена другим (требование государства).

Все эти три формы жизни значительно изучены в существующей науке, и поэтому мы не будем останавливаться на них. Заметим только, что здесь, в рассматриваемом учении, они познаются как факты, которые есть, без всякого отношения к тому, чем они должны быть. Их форма существования, природа, свойства, причина, цель, сходство и различие — вот все, что должно быть расследовано здесь. Но зато это должно быть расследовано обстоятельно. Ограничимся одним только замечанием.

Источник права есть присущее человеку чувство справедливости, и что оно есть в человеке и первоначально в нем, об этом свидетельствует сильное его пробуждение у всех людей и во все времена в моменты, когда какое-либо право слишком грубо нарушается. Например, когда кто-либо построил себе жилище, а другой, сильнейший, приходит и выгоняет его, то это никем, нигде и никогда не считалось и не сочтется справед-

ливым. Источником нравственности служит чувство доброты и правдивости, и первозданность его была обнаружена нами ранее. Что же касается государства, то силою, которая поддерживает и движет его, служит не потребность, не нужда, как думают многие, но наслаждение в ощущении господства и силы. Это особенная страсть, и удовлетворение ее, создающее могущественные и обширные государства, губящее племена и народы, более слабые, совершается нередко в ущерб самым очевидным материальным выгодам. С ясностью наибольшею, чем в каком-либо другом историческом народе, она сказалась в истории нашего государства, которое в противоположность всем другим облегчает покоренных через обременение покорителей. «Возьми себе все наслаждения и дай мне одно — господствовать над тобою» — вот точное выражение этой особенной, трудно объяснимой страсти. Быть может, источник ее лежит в избытке воли, в перевесе этой стороны духа над другими.

Глава XVI

УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ЗАКОНАХ, ИЛИ СООТНОШЕНИЯХ

I. Учение о соотношениях в творчестве и о проявлениях добра и зла в нем, как новая область изучения Мира человеческого. Учение о законах, или соотношениях, и две формы его: общая теория и ряд частных учений. — II. Определение закона. Отношение закона как целого к частям своим; отношение закона к сфере его проявления; о природе закона; одно, входящее неизменною частью в различное, как источник соотношения различного; каким образом действие закона, будучи неразрушимым, может быть сделано нечувствительным. — III. Три рода и девять видов законов в Мире человеческом; соотношения в творящем, в творении и в творимом. — IV. *Законы духа* и виды их: 1. соотношения между формами и формами духа: а. между элементами разума, б. между элементами чувства, с. между элементами воли, α. между разумом и чувством, β. между разумом и волею, γ. между чувством и волею. 2. Соотношения между формами духа и процессами: а. между разумом и мышлением, б. между чувством и чувствованием, с. между волею и желанием. 3. Соотношения между формами духа и формами жизни: а. между разумом и наукою, б. между чувством и правом, нравственностью, искусством и пр., с. между волею и государством. — V. *Законы творения* и виды их: соотношения в пределах самих творческих процессов; два вида этих соотношений: законы процесса и законы синтеза процессов. Разделение первых на: 1. законы процесса понимания, 2. законы художественного процесса, 3. законы развития права, 4. законы развития нравственности и нравственных учений, 5. законы развития религиозного процесса, 6. законы развития государства. — VI. *Законы синтеза процессов*; соотношения, наблюдаемые при соединении, совместном развитии и разъединении творческих процессов, как объект учения об этих законах. — VII. Соотношения между творческими процессами и духом; возвратное действие совершающегося процесса на дух, в котором он совершается, и на объективный дух воспринимающего процесс. — VIII. Соотношения между творческими процессами и формами жизни; доказательство, что строение первых отражается в строении вторых; важность знания законов

этого отражения. — IX. *Законы жизни* и виды их: 1. Соотношения между формами жизни и формами жизни, 2. Соотношение между формами жизни и творческими процессами, 3. Соотношения между формами жизни и духом. — X. Общий путь открытия соотношений в Мире человеческом; три стадии этого пути: разложение сложного на простое, нахождение в простом одного общего, соединение обладающего общим причинною связью.

I. С учением о формах жизни закончилось учение о творчестве человеческом. Последовательно познав творящее, творение и творимое, оно совершило свой полный круг, и здесь, в этой области, для разума нет более предметов познания. Но с этим вместе еще не оканчивается учение о Мире человеческом. Оно только вступает в новую фазу.

Областью, где вращается познание, все еще остается творящее, творение и творимое; но уже не оно само составляет предмет познания, но то, что *между им и управляет им*, и то, что *над ним и в нем проявляется*. Человек все еще стоит, как средоточие, в этом мире своего творчества; но над ним, этим наружным средоточием, возвышается другое, невидимое средоточие, из которого исходят невидимые соотношения, входящие, связующие и господствующие над всем видимым в Мире человеческом; и еще другое, что делает этот мир своим проявлением, что в нем определяет значение и смысл всего. Первое — это *законы мира человеческого*, и ясно, что хотя проявляются они в человеческом творчестве, однако же источником их служит уже не природа человеческая: они в ней, но не из нее. Второе есть *добро и зло*, и почему одно из творимого является добром, а другое злом, объяснение этого также нельзя уже искать в природе человеческой: в человеке творится и он творит, но таковым и иным делает творящее и творимое уже не он сам.

Учение о законах, или соотношениях, распадается на две формы, из которых одна познает, что такое закон, — это общая теория, а другая — какие бывают законы, это ряд частных учений. Первая раскрывает форму существования, природу, свойства, причину, назначение, сходство и различие и количественную сторону того, что связует и господствует в Мире человеческом; вторые определяют то, между чем это связующее (что именно соединено законами) и каково оно в этих отдельных областях (как соединено).

II. Закон есть соотношение между чем-либо в Мире человеческом, вытекающее из неизменного в природе соотносящегося, и потому постоянное и необходимое в нем. Это определение наряду с наблюдением того, что есть в Мире человеческом несомненно подчиненного закону, может послужить к ясному и точному пониманию отдельных сторон его (закона).

Существование закона может быть рассматриваемо с двух сторон: со стороны целости и со стороны отношения его к тому, в чем он.

Первое есть отношение закона к самому себе, или, правильнее, — отношение его, как целого, к совокупности частей своих. Не подлежит сомнению, что отношение это есть неизменное тожество, т.е. что никогда и ничто не привходит в закон и никогда и ничто не исчезает из него, но он вечно и повсюду пребывает равным самому себе, ненарушимым и неразрушимым. И это не только касается частей его, но и того, что между частями и что не есть уже самый закон. Напр., все, что составляет закон, никогда не разделяется и не соединяется, но там, где одна часть его, есть и все прочие, и, где все, там и каждая. Так что явление какое-либо, например в области государственной жизни, или умственной, или нравственной, не может совершаться так, чтобы один раз было подчинено одной части своего закона, а в другой раз — другой части его; или чтобы в двух явлениях, одновременно происходящих, один и тот же закон действовал разделившись, т.е. управляя одним из них одною своею частью и другим — другою. Но, напротив, в каждом явлении, как бы оно ни было мало, закон действует всегда во всей своей целости, и так же, но не больше проявляется закон и в обширнейших явлениях, лишь бы они по своей природе были тожественны с самонаименьшим. Это явление — мы назвали бы его законом целости законов в смысле вечной ненарушимости и неразделяемости последних — вытекает из самой природы их, раскрытой в приведенном определении. Они ненарушимы, потому что вытекают из того, что неизменно в природе соотносящегося, т.е. всегда и повсюду есть в ней; и они неразделяемы, потому что представляют собою соотношения, которые если есть, то всегда в целости, а если их нет, то никогда отчасти, но вполне. Соотношение потому и есть соотношение, что, раз чего-либо в нем недостает, его совсем нет.

Рассмотрим теперь отношение закона к тому, в чем он, или к явлению.

Если бы закон был нечто только в явлении закономерном существующее*, напр. подобно тому, как молекулярное движение существует в теплоте, то тогда необходимо замечались бы следующие явления: сила закона ослабевала бы по мере уменьшения закономерно совершающегося, так что, начиная с некоторого предела, оно переставало бы уже связываться им и распадалось бы; и далее, все происходящее *здесь и теперь* сохраняло бы свою закономерность, совершаясь *в другом месте и потом*, лишь в тех только случаях, если бы оно переносилось отсюда и из этого момента в то другое место и в тот другой момент и с собой переносило бы закон свой; в явлениях же, изолированно возникающих, не было бы закономерности, пока что-либо внешнее (именно другое, однородное явление, но уже закономерное) не привнесет ее в него. Никоторого из этих двух явлений мы не замечаем в действительности. Напротив, где бы и когда бы ни возникало какое явление, оно уже всегда закономерно; и закон, в нем действующий, не изменяется в своей силе, как бы ни изменялось само явление в размерах. Как будто, возникая, явление повсюду и вечно находит готовым закон свой, так что этот последний есть и там, где его, явления, нет, и обнаруживается тотчас, как оно появится; и далее, расширяясь пространственно и временно, явление как будто в каждом новом элементе пространства и времени вступает в скрытый там закон и, ему подчиняясь, оформливается, т.е. становится закономерным. Это то же самое, что наблюдается при черчении геометрических форм: где бы чертящее ни двигалось и как бы оно ни двигалось, оно нигде в пространстве не встретит затруднения, потому что во всякой частице пространства скрыто заключена всякая форма и чертящее войдет в нее и обнаружит собою. Так же точно закон вечно и повсюду существует, когда даже

* Доказательства отдельного и самостоятельного существования закона по отношению к явлению для физического мира см выше, стр. 197, 198 и 199; эти доказательства (иные, нежели приводимые здесь) могут быть с удобством повторены в отношении к миру человеческому, равным образом как приводимые теперь доказательства могут подтвердить собою те другие, приведенные ранее.

явления нет и в нем, возникающем, только видимо проступает; а явление со своей стороны потому и закономерно всегда и всюду, что подходит под закон, который и ранее его был и после него останется, как вечно действительное существует и ранее и после временно бывающего. Теперь спрашивается, как понять, что, будучи соотношением, вытекающим из природы соотносящегося, закон существует и тогда, когда соотносящегося нет? Ответ на это, единственно возможный и вполне удовлетворительный, находится в том, что закон есть соотношение не между самыми явлениями, но между их потенциями, которые и вечны, и повсюду.

По своей природе, мы сказали, закон есть соотношение. Соотноситься же что-либо не может с собою самим, но только с другим; и поэтому закон *всегда есть то, что лежит между двумя или более фактами или явлениями*. Если мы обратим внимание на эти соотносящиеся в законе факты, или явления, и сравним их, то всегда заметим, что *из них одно входит в другое или как целое в целое же, или — и это бывает гораздо чаще — одною или несколькими своими частями в одну или несколько же частей другого*. Нечто лежащее в одном, как постоянный элемент его природы, является в то же время и неизменным элементом природы того, что с ним соотносится, — и отсюда именно исходит соотношение; в связности, истекающей из этого, состоит оно (соотношение). Например, возьмем следующий закон: «С возрастанием искусственного образования уменьшается прочность семейного соединения». Здесь мы имеем два явления — образование и соединение, и если разложим каждое из них на простейшие, неразложимые далее, части, то в обоих откроем присутствие одного и того же элемента, именно времени. Образование необходимо совершается во времени и, возрастая, требует его увеличения (продолжительность образования). Равным образом соединение семейное, слагаясь из многого, между прочим состоит из привыкания и уподобления соединенных, причем и то и другое возрастает с увеличением времени и не может совершиться без этого. Итак, когда искусственное образование, увеличиваясь, необходимо вбирает в себя как один из своих элементов время, то равномерно убывает время в привыкании и уподоблении и с уменьшением этого элемента своего уменьшаются они, а с ними

и прочность семейного соединения, как целое, в которое уподобление и привыкание входит слагающей частью.

Из сказанного о природе закона ясно, как можно влияние его, само по себе совершенно непреодолимое, делать неощутительным, когда это для чего-либо необходимо. Для этого в соответствии с изменением элемента, общего в соотносящемся, которое невозможно задержать, нужно производить изменение элементов, *необщих* в соотносящемся, так чтобы и то и другое из связанного законом, претерпевая нарушение в своих частях, осталось ненарушимым как целое. Так, с увеличением образования прочность семейного соединения ослабевает, и этого невозможно избежать. Но эта прочность соединения слагается не из одного привыкания и уподобления, но и другого, что уже не входит составною частью в образование. И если это другое мы увеличим на столько же, на сколько уменьшилось привыкание и уподобление, то тогда прочность семьи не нарушится, хотя образование и возрастет.

Этою же природою закона объясняется и то, почему не все в Мире человеческом соотносится со всем, но только некоторое с некоторым. Неподобное не может соотноситься между собою, потому что нет ничего, что, будучи присуще одному, было бы присуще и другому; напротив, подобное всегда соотносится, потому что то, в чем подобие, входит составною частью в природу того и другого. Эта связь между закономерным соотношением и простым сходством может облегчить нахождение законов: в том, что схоже между собою, всегда следует искать связующего закона, хотя бы по видимому его и не было; напротив, в том, чего состав достаточно известен и что совершенно неподобно между собою, такое искание закона всегда будет напрасным трудом.

Из других сторон закона мы остановимся только на одной, именно на причине или происхождении его. То явление, что в мире человеческом одно соотносится и другое не соотносится, или, согласно с раскрытой сущностью соотношения, что в природу одного входит то, что входит и в природу другого, могло возникнуть только тогда, когда слагались самые сущности вещей, и от причины, которая слагала эти сущности. Следовательно, эта причина по времени предшествует и по

могуществу превосходит всякий дух, всякий процесс в нем и всякую творимую им форму*.

III. Переходим теперь к рассмотрению законов, какие и между чем они бывают. Форма науки, занимающаяся их познанием, смотря по тому, как тесно связана она с общею теориею закона, может стать и рядом самостоятельных учений, следующих за нею, и только ветвью, входящею в состав этой теории. В последнем случае все эти учения об отдельных законах в Мире человеческого составят собою ту часть общей теории, которая познаёт сходство и различие в законе или отдельные типы его.

По сферам действия своего или по соединяемому ими все законы Мира человеческого разделяются на три рода и девять видов: *соотношения в творящем*, или законы духа, *соотношения в творении*, или законы творчества, и *соотношения в творимом*, или законы жизни; это роды. Виды же получаются от соединения законом элементов каждой из этих групп между собою и с элементами двух остальных групп, — и ясно, что их девять.

IV. *Законы духа* суть постоянные и необходимые соотношения между неизменным в природе какой-либо формы духа с неизменным же в природе или другой формы его; или процесса, в форме совершающегося; или формы жизни, заканчивающей процесс.

1. *Соотношения между формами и формами духа* суть законы, соединяющие между собою отдельные элементы разума, отдельные элементы чувства и отдельные элементы воли; и далее — элементы разума с элементами чувства, элементы разума с элементами воли и элементы чувства с элементами воли.

а. Соотношения между отдельными элементами разума главным образом суть законы возрастания и уменьшения одних его свойств по мере возрастания и уменьшения других свойств; например, «законченность деятельности разума при равенстве прочих условий возрастает с уменьшением объектов его одновременной деятельности».

б. Соотношения между отдельными элементами чувства суть законы, связующие одно чувство с другим чувством или часть какого-либо чувства с другою час-

* В границах Мира человеческого.

тью того же самого чувства, например напряженность с продолжительностью. Сюда относятся законы, по которым производится осложняющее влияние чувств друг на друга, например чувства красоты на чувство религиозное; или законы, по которым совершается возрастание и уменьшение чувств, например гнева, радости и пр. Например, «при равенстве прочих условий чувство красоты уменьшается с увеличением восприятия впечатлений безобразного, а чувство справедливости возрастает по мере увеличения восприятий несправедливого».

с. Соотношения между отдельными элементами воли суть законы возрастания и уменьшения различных видов воли — страсти, склонности, желания и пр.; а также и законы укрепления и ослабления самой воли как постоянства в стремлении к тому, к чему страсть, склонность или желание. Например, «склонности и страсти при равенстве прочих условий увеличиваются, когда в равные времена численно уменьшаются все воспринимаемые впечатления, а желания при том же условии учащения впечатлений увеличиваются в напряженности и в разнообразии». Этим законом объясняется, что по мере развития культуры склонности укорачиваются и страсти затихают, а желания пробуждаются с чрезвычайною силой.

α. Соотношения между разумом и чувством суть законы равновесия, уменьшения и увеличения этих двух сторон духа или свойств их в зависимости одна от другой. Например, перед пробуждением религиозного чувства разум утрачивает отчетливость и вообще опускается ниже обыкновенного уровня, а когда, раскрывшись, религиозное чувство снова уходит внутрь себя, разум становится более могущественным, чем каким он был и непосредственно перед пробуждением религиозного чувства, и задолго до этого пробуждения; вообще уровень его возвышается над нормальным. Этим объясняется, например, великое умственное движение в XVII в., следовавшее и произведенное великим религиозным движением XVI столетия. Сюда же относится закон, по которому с возрастанием силы разума увеличиваются те виды чувства, которые мы называли настроениями, и уменьшаются, разлагаясь, те, которые мы называли волнениями.

β. Соотношения между разумом и волею суть законы взаимной зависимости этих двух сторон духа, их

равновесия, возрастания и ослабления. Например, «при равенстве прочих условий твердость воли возрастает при суживании разума по отношению к предметам его деятельности и превращается в страсть, когда суживание переходит в однопредметность». Этим законом объясняется явление фанатизма, политического и всякого другого; им же объясняются такие страсти, как скупость, честолюбие и многие другие. Здесь же содержится и указание средства, могущего преодолеть всякую страсть и всякий фанатизм, — это создание сперва необходимости, а потом и привлекательности думать не об одном том, к чему страсть или фанатизм, но и о другом многом. Напротив, с возрастанием многопредметности и многосторонности разума воля ослабевает. Сюда же относится закон, по которому «сила желания возрастает с возрастанием отчетливости представления и уменьшается с увеличением неясности его».

γ. Соотношения между чувством и волею суть законы, выражающие взаимную зависимость этих двух сторон духа. Например, «когда чувство принимает форму настроения, тогда воля ослабевает в напряженности и возрастает в постоянстве».

2. *Соотношения между формами духа и процессами, в них совершающимися*, суть законы, соединяющие разум с мышлением, чувство — с чувствованием и волю — с желанием.

а. Соотношения между разумом и мышлением суть законы, выражающие зависимость процесса понимания от строения разума. Сюда относятся законы мышления, излагаемые в формальной логике; законы ассоциации идей, излагаемые в индуктивной психологии; и, наконец, форма понимания, установленная нами в первой книге настоящего труда.

б. Соотношения между чувством и чувствованием суть законы, определяющие форму последнего в зависимости от строения первого. Эти соотношения совершенно не исследованы, главным образом потому, что не раскрыто строение чувства как формы духа.

с. Соотношения между волею и желанием суть законы, определяющие форму последнего — страсть, склонность, простое желание — в зависимости от формы первой (воли). Эти соотношения так же мало исследованы, как и предыдущие, и по той же причине.

3. *Соотношения между формами духа и формами жизни* суть законы, связующие строение науки со строением разума; формы искусства, нравственности, права и религиозного культа — с формой чувства; и государства со всем, что обнимается им, — с формой воли.

Нам думается, что если в одном из соотносящегося в этих законах, именно в формах жизни, выделить все содержимое, что существовало там ранее соприкосновения с духом, то оставшееся совпадет по сущности и по строению с формами духа или, точнее — будет самыми этими формами, только отделившимися от своего первоисточника и получившими самостоятельное, независимое существование. Так, если из науки мы выделим объекты познанные, то получится в остатке чистая форма понимания как синтез схем разума; если из статуи мы выделим мрамор, то останется мысленный образ ее, бывший ранее в духе художника; так же и во всем другом. Основываясь на этом, мы можем сказать, что отношения между формами духа и между формами жизни суть отношения тождества. Их связь — связь прототипа с копиями или, точнее — связь существа с тенями его, бросааемыми в различные стороны и на различные предметы. Эти тени, сохраняя очертания своего предмета, могут неопределенно увеличиваться и уменьшаться в размерах, — явление, которое мы замечаем и в формах жизни по отношению к формам духа.

V. *Законы творения* суть постоянные и необходимые соотношения в пределах самих творческих процессов и, далее — между творческими процессами и духом и между творческими процессами и формами жизни.

Соотношения в пределах самих творческих процессов суть законы, соединяющие между собою составные части одного и того же процесса, и законы, соединяющие между собою отдельные процессы; первые суть *законы процесса*, вторые — *законы синтеза процессов* как сложения и совместного развития их.

Законы процесса распадутся на две группы — общую и частную. Первая содержит в себе соотношения между элементами процесса — всякого, каков бы он ни был и в какой бы сфере мира человеческого он ни происходил. Таковы соотношения между продолжительностью и напряженностью его; или между тем, что процессирует (содержание), и между тем, как процес-

сирует (строение процесса); или причинное, количественное и формальное соотношения между каждым двумя смежными моментами процесса, и многое другое. Вторая группа содержит в себе специальные законы каждого отдельного типа процессов, совершающихся в Мире человеческом. Согласно с тем, как мы установили эти типы ранее, и самые законы эти распадутся на следующие:

1. *Законы процесса понимания*, как в субъективно-индивидуальной части его, так и в объективно-исторической. Таков закон (мы приводим примеры с целью объяснить нашу мысль, оставляя в стороне достоверность приводимого), по которому развитие всякой науки как ветви понимания проходит четыре фазиса: собирания фактов, установления частных эмпирических правил как суммаций собранных фактов, затем частных законов, в которых установленные правила становятся понятными, необходимыми и постоянными, и, наконец — открытия общего верховного закона, объясняющего и объединяющего открытые частные законы. Так, астрономия, наиболее законченная из наук, в своем историческом развитии распадается на период собирания частных фактов до эпохи Гиппарха и Птолемея, период общих правил, установленных этими древними учеными, период частных законов Кеплера и период общего, объединяющего и объясняющего закона, наступивший для этой науки с Ньютоном. Или еще — в применении не к отдельным областям разумной деятельности человека, но ко всем им как целому — период цельной науки как понимания; период отдельных наук как ветвей распавшегося понимания, период собирания знаний как элементов распавшихся наук; и период учености как совокупности внешних признаков науки, некоторое время продолжающих существовать после исчезновения ее сущности*.

2. *Законы художественного процесса*. В соответствии тем фазам, которые замечаются в развитии нау-

* В Греции это выразилось, напр., в периоде философии, в периоде создания отдельных наук (геометрии, механики, астрономии и пр., и еще несколько ранее — политики, поэтики, логики и других наук Аристотелем) и в периоде Александрийской учености, когда целью научных занятий стало не открытие нового и не объяснение старого, но простое изучение всего, когда-либо написанного.

ки, и в процессе развития искусства есть также некоторые определенные периоды. Его возникновение обнаруживается тем, что к создаваемому *по необходимости* (могила, оружие, домашняя утварь, жилище) человек начинает прибавлять *красивое* или через изображение на нем (необходимом) того, что ему нравится в природе, или через придачу каких-нибудь линий и очертаний, им самим выдуманных. Если принять во внимание, что были находимы орудия из костей животных, уже теперь исчезнувших, на которых сохранились следы этих линий, произвольных или подражающих природе, то мы должны будем отнести начало искусства к той же глубокой древности, к которой мы относим и начало языка. Человек стал искать «украшения», как только он перестал быть животным, и это яснее, нежели что-либо другое, показывает глубокую внутреннюю потребность искусства, тесное и неразъединимое родство его с человеческой душой. Именно то, что сверх необходимого, что не для нужд среди нужного, и составляет отличие человека от животного, — грань, через которую никогда не переступит последнее, особенность, от которой не ранее откажется первый, как тогда только, когда с него исчезнут последние черты человеческого образа. Как ни грубы эти первые изображения и как ни малы они, в них искусство уже столь же существует, так же действительно и реально, как и в самые высшие моменты своего проявления, какие только знает история. Раз из созданного человеком есть что-либо, что ценится им независимо от того, из чего, чем и для какой полезной цели сделано, но только по тому одному, какое очертание имеет, — искусство уже есть как особенное явление. Этот первый и самый продолжительный период оканчивается, и искусство вступает в новую фазу, когда изображение красивого освобождается от связи с необходимым: красота сознается в своей отдельности, ее созерцание становится самостоятельной потребностью, искусство, как ее воплощение, выделяется в особенную ветвь человеческого творчества и мир прекрасных вещей отделяется от мира полезных вещей. Третий период для искусства наступает тогда, когда те частицы красоты, которые, повинувшись тайному влечению, человек подмечал в природе и соединял в своих произведениях, — он сознает как только сходное с тем

прототипом ее, который скрыт в его собственной душе. К этому сознанию приводится он и безотчетным, но не обманывающим чувством, и мыслью, что есть же что-нибудь, сравнивая с чем найденное в природе он одно признает прекрасным, а другое безразличным, и среди самого прекрасного — одно в более высокой степени, другое — в меньшей; наконец, — и это уже преддверие к открытию — в нем укрепляется убеждение, что есть некоторое и мерило красоты, и источник ее, и в нем именно скрытое, когда найденное в природе он может улучшать еще, так что в его созданиях, несколько измененное, оно (найденное в природе) становится более красивым, чем изображенное без изменения. Почувствовав это, человек перестает подражать природе, но во взятом из нее как материале начинает выражать красоту, в нем самом заключенную. Это период чистого искусства, не только свободного, т.е. не связанного с полезным, но и самостоятельного, т.е. не зависящего от изображаемых предметов, но исходящего из первоисточника, присущего изображающему и от него неотъемлемого. Наконец, четвертый и последний период в развитии искусства есть период осложнения его всеми другими видами человеческого творчества — идеями философии, стремлениями политики, чувством религиозным; пока, осложненное, оно не превращается мало-помалу только в осложняющее — такое, где уже не красота проникается иными чертами, но иное проникается чертами красоты. В этом последнем фазисе искусство становится снова тем, чем было в первом фазисе, — миром полезных вещей, которые украшены; и как там возникло оно, как бы пробиваясь сквозь полезное, так теперь исчезает обратно, скрываясь в него, сопутствуя таким образом и появлению человека и его жизни, и их разложению и падению.

3. *Законы в развитии права.* Сюда, напр., относится тот общий закон, что право обнаруживается первоначально в обычаях, т.е. выполняется прежде, чем сознается; и что затем уже проявляется оно и в письменных постановлениях, которые со своей стороны из сознаваемых переходят в действительные, когда в свою очередь становятся обычаями. Или еще, что первоначально право всегда бывает частным — тем, которое по сделанному выше определению защищает человека от

человека; затем государственным, которое защищает всех от одного; и, наконец, личным, которое защищает одного от всех*.

4. *Законы в развитии нравственности и нравственных учений.* Сюда относится то общее правило, что первая (нравственность), развиваясь, не просто улучшается, но то улучшается, то ухудшается, переступая и в первом и во втором случае свой средний уровень, и при этом с такою же постоянною правильностью изменяет самый характер, тип свой. Так, напр., мы не замечаем, чтобы любовь к ближнему или ненависть к нему возрастала постоянно, подобно тому как, например, в сфере умственной возрастают постоянно приобретенные знания. Но мы видим в истории, что чувство эгоизма, бессознательное и простодушное вначале, преемственно переходит сперва в бессердечие, как равнодушие к чужим мучениям, а потом и в неутолимую жажду чужого страдания, как это мы замечаем, например, в последние минуты древнеримской жизни, когда, по словам одного наблюдателя-современника, «никто более не чувствовал себя счастливым, пока не видел всех окружающих страдающими»**. И эти три фазиса не следуют непосредственно друг за другом, но перемежаются с фазисами другого противоположного чувства — любви, — которое также преемственно усиливается, постепенно переходя из естественного расположения к ближнему сперва в болезненное сострадание к нему, а наконец, и в потребность собственного страдания (аскетизм, подвижничество). Что касается до нравственных учений, то и они также переходят не одно в другое — схожее и совершеннейшее, но одно в противоположное. Так, в древнем мире эпикуреизм сменился стоицизмом, и в Новое время утилитарные учения постоянно чередуются с теориями интуитивной нравственности.

5. *Законы развития религиозного процесса.* Если мы разделим религии на объективные — те, которые возникают из стремления объяснить природу и по ней образуют идею Бога, таким образом извне вносимую во внутренний мир человека, и на субъективные, которые вытекают из внутренней потребности человека

* См. выше, в учении о формах жизни.

** Сальвиан: «De gubernatione Dei»³⁸.

и идею Божества, соответственно этой потребности образованную, вносят в мир*, — то относительно первых можно заметить, что в своем развитии они следуют тому общему закону, что обоготворяют первоначально отдельные предметы и явления природы, затем общие начала, из которых состоит она, и, наконец, всю ее как целое, как синтез этих начал, становясь на последней ступени пантеизмом; относительно же вторых можно заметить, что они не имеют в себе преемственного развития, как смены вытекающих одна из другой фаз, но, раз появившись в чистом и законченном виде, потом или усложняются только, или — еще чаще — затемняются, искажаются. И далее, что первые переходят в философию и, ею заместившись, исчезают как ненужные; потому что в философии человек находит истинное объяснение тому, чему первое и, естественно, ошибочное объяснение пытался дать в религии; здесь, таким образом, падение религии внутренне необходимо, как необходимо падение всего несовершенного с появлением совершеннейшего *однородного*. Вторые же религии, с субъективным характером, перерождая внутренний мир человека, обновляют все стороны его жизни, но не ведут necessarily к созданию философии и, когда появляется она, — не замещаются ею, потому что неоднородны с ней. Философия дает знания, удовлетворяет разум, — и ясно, что эти знания не уничтожают потребностей души, не удовлетворяют то, что не из разума возникло, что не незнание имеет своим источником. Как геометрические теоремы рассеивают неправильные понятия о пространстве, но не могут ни на йоту утишить боли; как знание астрономии разрушает ложные представления о вселенной, но не может ни на минуту утолить грусть или рассеять чувство одиночества, беспомощности, внутренней пустоты, — так религия, из внутренних потребностей человека возникшая, не может быть оставлена им, когда появляется наука и философия, потому что эти последние не для того, для чего она, и что удовлетворяется ею, того не удовлетворяют они. Поэтому подобные религии не разлагаются, как предыдущие, но только ослабевают, когда ослабевают чувства, их вызывав-

* Как на пример религий первого типа можно указать на греческий политеизм, а как на пример религий второго типа — на буддизм.

шие, и затем возрождаются вновь, когда те же чувства пробуждаются с прежнею силою. Там, в религиях объективных, — необходимо падение; здесь, в субъективных религиях, — невозможно оно, но только упадок, как временное, что невозможно там, потому что знание, истинное ли, ложное ли, не усиливается, не ослабевает, но только или есть оно, или его нет.

6. *Законы развития государства.* Сюда относится, например, закон о смене форм правления — монархической, аристократической, демократической и затем снова монархической и т.д., с промежуточными формами олигархии, охлократии и тирании, — который считался справедливым в древнем мире и в отношении к нему был действительно справедлив (напр., в Риме — период царский, патрицианский, плебейский и затем императорский; или во всех греческих государствах — период правления царей, преобладания евпатридов, господства демоса и затем период тиранов).

Все приведенные нами для пояснения примеры по своему характеру таковы, что должны быть названы скорее правилами, нежели законами в строгом смысле; потому что в них указывается только преемственное следование одного за другим, но не соотношение преемственно следующего.

VI. *Законы синтеза процессов* суть постоянные и необходимые соотношения, возникающие между процессами в моменты их *соединения, совместного развития и разъединения.* Сюда относятся, во-первых, законы развития всех осложненных форм творчества, самого осложнения их и освобождения от осложняющих влияний; и, во-вторых, законы взаимного влияния самостоятельно существующих форм творчества: понимания, права, нравственности, искусства, религии и государства. Эти последние законы никогда не исследовались, хотя многие чувствовали тесное соотношение между указанными видами деятельности человеческого духа. Как на поясняющий пример, мы укажем на закон, по которому явление скептицизма в понимании всегда вызывает явление мистицизма в религии*; но обратно-

* Напр., в эпоху упадка греческой философии, исторические судьбы которой, как известно, закончились скептицизмом, весь эллинизированный мир чутко прислушивался и жадно искал мистических учений, которые шли с Востока. Соединение рационалистичес-

го явления нет — мистицизм в религии не производит скептицизма в понимании. Или еще: понимание усложняет государство, способствуя раскрытию в политической форме всех органов, потенциально предусмотренных в ней; и ослабляет его, разлагая связь между этими органами, им же вызванными к существованию. Или, наконец: понимание сообщает стройность, правильность и красоту праву и делает его тягостным для человека и жизни, которые стремятся к прихотливой изменчивости и не выносят однообразия и постоянства.

VII. *Соотношения между творческими процессами и духом* суть законы, обнаруживающиеся в возвратном действии процессов, совершающихся в духе, на самый дух, внутри которого они совершаются, и в прямом действии тех же процессов — на дух, воспринимающий их. Так, мышление изменяет разум, в котором происходит, между прочим совершенствуя его в силе, тонкости, отчетливости; чувство изменяет чувство, в одних случаях углубляя его — таково действие нравственных процессов, в других истощая — таково действие всех художественных процессов, в третьих уточняя — таково действие правовых процессов. Соотношения, обнаруживающиеся в этих явлениях, и суть законы возвратного действия творчества на творящий дух. Вторую группу указанных законов образуют соотношения между процессами исторического развития понимания, искусства, нравственности, права и государства, с одной стороны, и между духом народа, в среде которого развиваются эти процессы, — с другой. Это законы умственного, художественного, нравственного, правового и политического воспитания человека и человечества.

VIII. *Соотношения между творческими процессами и формами жизни* суть законы, связывающие строение первых во времени со строением вторых в простран-

кого элемента (как метода, как характера отношений к внешнему), который так глубоко был развит всею греческою философиею, но с появлением скептицизма утратил свой истинный и возможный объект, с чуждыми всякого рационалистического начала учениями Востока и породило Александрийскую философию, в которой так удивительно смешалась самая тонкая диалектика, как форма, с содержанием, совершенно не допускающим диалектической обработки (предметы веры и чувства).

ве; напр., процессы развития государств, происходя различным образом, не создают в результате одну и ту же политическую форму, а с другой стороны, и не создают всевозможных форм, которые появлялись бы случайно и вне всякого отношения к подготавливавшему их процессу; но один и тот же исторический процесс неизменно заканчивается одною и тою же формою, а различные формы неизменно предшествуются неодинаковыми процессами; и эта неизменность столь постоянна, что трудно не видеть в ней некоторой внутренней необходимости, т.е. что между процессами творения и формами творимого существуют некоторые скрытые законы, ненарушимые и вечные, зная которые человек мог бы или, наблюдая то, что совершается в текущей истории, предвидеть, чем закончится оно, или, зная, что существует в сложившейся жизни, мысленно проследить в прошедшем то, что привело к нему.

IX. Законы жизни суть постоянные и необходимые соотношения между какою-либо формою жизни с формою же жизни, или с процессом, в ней совершающимся, или с духом.

1. Соотношения между формами жизни и формами жизни суть законы, связующие или исключаящие совместное существование науки, искусства, права, нравственности, религии и государства или как целого с целым, или как части целого с частью же целого — или в пределах одной формы, или различных. Так, напр., между нравственностью и религиею есть связь, вызывающая совместность существования, а между искусством и правом есть связь, исключаящая совместное существование; это соотношения между целыми формами. Далее, в государстве между организацией сословий, системою воспитания, преобладающим образом жизни и правлением есть связь; это соотношение между одними и другими частями одного и того же целого в пределах одной и той же формы. И наконец, между характером науки, напр. индуктивным или выводным, и между характером законодательства страны есть также связь, объясняющаяся тем, что и в одном и в другом сказывается склад образующего ума, и если в двух различных странах этот последний (склад ума) произвел различную науку, т.е. не одинаков сам, то и законодательство он произведет также различное.

Так, между философией Декарта и французским законодательством, с одной стороны, и между философией Бэкона и английскими законами, с другой стороны, существует ясное соответствие, хотя отнюдь не обусловленное влиянием одного на другое, но только третьего (склада ума) на оба. Это соотношение между частями целого в пределах различных форм.

2. *Соотношения между формами жизни и процессами* суть законы влияния первых, некогда закончивших процессы, на эти вторые, вновь происходящие в духе или совершающиеся в пределах самих форм. Как на пример первого влияния мы можем указать на отражение политических форм в умственных процессах того народа, которому они (политические формы) преимущественно бывают присущи. Так, охлократия (испорченная форма демократического правления), заставляя все великие умы уходить в себя, производит распадение науки на две сферы, из которых в одной она отличается самодовольством, оптимизмом и ограниченностью, а в другой — глубиной, пессимизмом и носит несколько болезненный характер. Как на пример второго влияния можно указать на значение политической формы для процесса развития экономических явлений или для процесса развития языка (история языка в зависимости от политической истории).

3. *Соотношения между формами жизни и между духом* суть законы влияния первых на второй. Так, политическая форма сообщает отчетливость уму и лишает его широты созерцания и богатства и оригинальностей мыслей; она удлиняет умственный взор человека и суживает его. Или еще: религия углубляет и очищает душу от всего притворного. Эти соотношения представляют собою второй ряд законов умственного, художественного, нравственного, правового, религиозного и политического воспитания человека и народов и вместе с предыдущим — исчерпывают их.

X. Вне указанных законов нет других в Мире человеческом, потому что вне указанного нет другого, соотносящегося в нем. За исключением немногих и в не совершенной степени, почти все эти законы остаются неисследованными. Путь, по которому должно пойти их изучение в будущем, как уже сказано было, есть путь *разложения* всего сложного в мире человеческом на простое, далее — открытия *общего* (одного и того

же) *простого в различном разложенном* и — наконец, *соединение* различного наблюдаемого *через это общее причинную связь*. Будучи разложены, явления и вещи Мира человеческого представляются умственному взору того, кто их исследует, как бы рядом разнообразных и своеобразных групп, соединенных некоторым общим, что входит составною частью в многие из них (групп). Поэтому, живя и видоизменяясь, эти группы будут видоизменять и это общее, а через него и те другие сложные группы, в которые оно (общее) также входит. Точное и общее выражение происходящего при этом и будет законом. Общая форма, которую таким образом должен принять всякий закон Мира человеческого, будет следующая: «при равенстве прочих условий явление, вещь или свойство A существует, увеличивается, уменьшается или исчезает с существованием, уменьшением, исчезновением или увеличением явления, вещи или свойства B , потому что некоторое p , существующее в A , существует также и в B (входит элементом образующим в A и в B).

Есть, впрочем, случаи, когда явления Мира человеческого бывают связаны в своем взаимном существовании законом и тогда, когда ничто общее не соединяет их, хотя и в этих случаях указанное основание связи, как вхождение в различное общего, остается непреложным. Это бывает тогда, когда какое-либо явление a , связанное общим p с явлением b , влияет, изменяясь, на некоторое явление e , которое, не имея ничего общего с a , соединено другим общим p' с явлением b ; так что a , изменяясь через p , изменяет b , в котором p' , и через это p' изменяет e . В этом случае предыдущая формула закона должна принять некоторое незначительное изменение.

Глава XVII

УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ДОБРЕ И ЗЛЕ

I. Недостаток учения о добре и зле. — II. Явление добра и зла; оно не творится человеком, но привходит в его творчество и определяет значение этого творчества для человека и отношение человека к этому творчеству; область его проявлений ограничена пределами Мира человеческого; невозможность исследовать добро и зло без его предварительного определения и трудность дать его определение без предварительного изучения его видов и проявлений; связность зла со страданием, действительным или скрытым; добро, как исключаящее страдание. Виды добра и зла — физическое и психическое. — III. *Зло физическое* и три формы его: болезнь, слабость и смерть; об уничтожении условий возникновения, условий продолжения и напряженности первых двух зол; три источника возникновения болезней: природа физическая, бедность и богатство; следствия, которые порождаются видами физического зла; почему в области физической человек более склоняется в сторону зла, нежели добра? — IV. *Недостаток* обладаемого и *излишество* как зло промежуточное между физическим и психическим видами его. Следствия, порождаемые бедностью, — страдание физическое, зло умственное, нравственное, религиозное и зло в области чувства справедливости и воли; добро, порождаемое бедностью. Следствия, порождаемые богатством, в области добра и в области зла. Происхождение недостатка и излишества; двойкий источник этого зла — человеческий характер и учреждения. Добро, противоположное недостатку и излишеству. — V. *Зло чувственных наслаждений*, как смешанное из элементов физической и психической природы человека; участие воображения в произведении этого зла. Добро, противоположное чувственному злу, — воздержание и аскетизм; воображение как источник этого вида добра. — VI. *Зло умственное* и его формы — незнание, ложное знание и задерживание в стремлении к знанию; преимущество ложного знания над незнанием. — VII. *Зло в области чувства*; волнения и настроения как двойкая область проявлений этого зла; необходимость различать в этом зле идущее от первоначальной природы человека и идущее от того, что вызвано в ней изменяющим влиянием

жизни или природы; злые волнения всегда вызываются чем-либо внешним, потому что относятся к единичному и объективному; трудность применить это положение к настроениям. — VIII. Зло и добро в области нравственного чувства: ложь и ненависть, любовь и правдивость. Страх как источник лжи, перенесенное страдание как источник ненависти; каким образом чрезмерная любовь может иногда быть источником страха и ненависти. О двух источниках любви и правдивости. — IX. Зло и добро в области чувства справедливости; его сходство с нравственным добром и злом. — X. Зло в области воли и его виды: нежелание, бессилие, колебание и боязнь. — XI. Добро и зло, присущее формам жизни; два вида его — добро и зло в достижении и добро и зло в достигаемом. Добро и зло в совершении; оно присуще формам жизни, как стремящимся осуществить что-либо желаемое. — XII. Добро и зло в объектах жизненных форм; виды этого добра и зла: красота и безобразие как объект искусства; истина и ложь как объект науки и религии; справедливость и несправедливость как объект права; польза и вред как объект политической формы. — XIII. Составляют ли виды добра и зла части одного целого, или же они самостоятельны в своем существовании и природе? Необходимость общей теории добра и зла. Что главным образом препятствовало возникнуть науке о добре и зле.

I. Ничто так не обнаруживает несовершенство и неполноту человеческого знания, как отсутствие среди ветвей его той, которая была бы исключительно посвящена изучению явлений добра и зла. В то время как предметы самые малые по своему значению вызвали целые обширные литературы о себе, и — такова ирония судьбы — часто тем более обширные, чем менее их значение; в то время как об ошибках в рукописях древних авторов или о способе читать их, уже прочтенных, к сотням появившихся трудов ежегодно прибавляются десятки новых; в то время как самые ничтожные частицы вещества, едва открываемые спектральным анализом, и самые малые организмы, едва уловимые под микроскопом, исследуются с неустанною энергиею любознательным умом человека, — в это самое время, среди этого богатства научной литературы, нет ни одного труда, который занимался бы явлением добра и зла, нет ни одного человека, который задумался бы над ним и его изучению посвятил бы свои силы. Как будто то, давление чего ежеминутно, повсюду и вечно человек чувствует на себе, совершенно не замечается его разумом; или как будто то, о чем думают, чем тревожатся все люди, что всего интерес-

нее было бы узнать им и действительно всего необходимого, недостойно занять мысль немногих, которые считают себя красотою и благодеянием человечества, потому что стоят при древе познания. Факт, что отсутствует эта наука, по своей непонятности может сравниться только с отсутствием теорий разрешения сомнений и вопросов. Самое постоянное в жизни и самое насущное для человека ни разу не возбудило к себе внимания его мысли.

II. Если в Мире человеческом мы отделим несколько явлений и вещей и внимательно рассмотрим их, то заметим, что кроме создающего, созидания, создаваемого и причинной связи между ними, в этих вещах и явлениях есть еще нечто, что не принадлежит ни к одному из этих четырех порядков, что попеременно появляется то в одном, то в другом из них и, однако же, не есть только какая-либо сторона их существования, но имеет все признаки независимого и самостоятельного явления. Оно проявляется через них (вещи и явления), и в моменты этого проявления они становятся таковыми, что в них кроме синтеза обычных сторон замечается еще нечто новое, совершенно неизвестное в мире физической природы, что могущественно изменяет наше отношение к ним, или неудержимо привлекая, или непреодолимо отталкивая. То, прежде безразличное, к чему так изменяется наше отношение с появлением в нем этого нового, мы называем с этого момента «добрым» или «злым», а то, что, появившись, так изменило его и наше отношение к нему, — самым «добром» или «злом». Понять, что такое это появляющееся и исчезающее; изучить, при каких условиях и как оно появляется и исчезает; наконец, определить, в чем оно обнаруживается и как видоизменяется соответственно с природою последнего, — все это составляет особенные, не разделяемые ни с какою другою наукою задачи *Учения о добре и зле* как пятой ветви учения о Мире человеческом.

Явления добра и зла, насколько мы можем судить, присущи только Миру человеческому. По крайней мере в природе нет ничего, о чем мы могли бы подумать и сказать, что оно есть добро или зло само по себе, и если является таковым, то только по отношению к человеку; так что и в этих случаях, когда исходит добро или зло по видимому из природы, самое явление

доброе или злое все-таки обнаруживается в Мире человеческом и за его пределы не выходит. Так, красота природы и благодетельная правильность ее явлений есть красота для человека и благодетельна для него, и, чем была бы она без его нужд и без его созерцания, мы не можем об этом судить.

Трудно вести исследование о добре и зле, предварительно не условившись, в чем состоит оно, т.е. не дав его определения. А между тем в его природе и проявлениях есть столько неуловимого, ускользающего даже от простого наблюдения и различения, что дать это определение ранее, чем изучены его виды, невозможно, не впадая в заблуждение. Поэтому вначале, как кажется, здесь неизбежно пользование некоторым временным определением, заведомо ошибочным, — однако не в том, что касается определяемого, но только определяющего, именно объема его, не соответствующего объему определяемого.

Итак, в этом предварительном определении, как временном орудии различения исследуемого, мы под злом будем разуметь все, что явно или скрыто заключает в себе страдание, а под добром — противоположное ему — что исключает собою страдание, и как действительное, и как возможное. Однако, говоря так, мы не отождествляем зла со страданием и еще менее — добра с наслаждением; потому что несомненно, что человеку присуще стремиться к наслаждению и избегать страдания, но кто же, согласившись с этим, не скажет, что он не всегда стремится к добру и часто стремится к злу? Для многих людей искусно обмануть составляет удовольствие, и еще для большего числа их чувственные наслаждения составляют исключительный интерес жизни; но кто же усомнится, что это желаемое не есть добро, но зло. Поэтому, определяя зло, мы сказали, что оно только заключает в себе страдание, но не назвали его самым страданием. И в самом деле, этот уклон к страданию замечается едва ли не во всех явлениях зла, и даже в том, что мы привели как пример наслаждения, оно скрыто заключено, в одном случае как страдание другого (обманываемого), в другом случае как страдание будущее (истощение и болезнь).

Мы сказали, что явления добра и зла неизвестны в своем чистом виде, но что они всегда проявляются

через что-нибудь. Если то, через что они проявляются, принять за основание, то и самое добро и зло можно разделить на следующие виды: *физическое*, обнаруживающееся через страдание тела; и *психическое*, обнаруживающееся через страдание духа.

III. *Зло физическое* является под тремя формами: *слабости, болезни и смерти*. Смерть — мы говорили уже об этом — есть отделение в человеке, как существе оформленном, начала оформливающего от оформливаемого; болезнь есть начинающееся разделение этих начал, выраженное в нарушении соответствия между какою-либо частью целой формы и между веществом, в ней заключенным; и, наконец, слабость есть начинающееся общее отделение формы от материи, что мы наблюдаем в старости, или еще несовершенное раскрытие формы в материи, что мы наблюдаем в детстве.

Все три вида зла носят космический характер и неуничтожимы по природе своей. Они неизбежны для человека, пока он есть то, что есть, т.е. существо, сложенное из материи и формы — начал противоположных и потому вечно силящихся разделиться. Из этих трех видов первый и последний (слабость и смерть) не только неуничтожимы, но и не могут быть ослаблены — первый потому, что в человеке форма не сразу присоединяется к материи и не разом отделяется от нее, но постепенно развивается в ней и затем также постепенно отпадает; второй потому, что самая природа смерти не допускает ни умаления, ни увеличения себя, так что она или есть — и уже в совершенном виде, или ее нет — и это также в совершенном виде; между смертью и бессмертием ничего среднего, ослабляющего, не существует. Что же касается до второго вида — болезни, — то это зло представляет собою большие колебания, и поэтому путем знания, предусмотрительности и воли человек может довести его до *минимума* и в отдельных случаях даже до полного уничтожения; равно как через отсутствие знания и особенно предусмотрительности оно может развиваться до невыносимых размеров. Борьба против этого зла может быть направлена трояко: на *уничтожение условий его возникновения*, на *уничтожение условий его продолжения* и на *ослабление его напряженности*, когда оно возникло и еще не уничтожено. На всех трех путях эта

борьба должна опираться на соответствующие учения: из них первое есть *Учение о происхождении болезней*, классифицирующее их причины, раскрывающее процессы их возникновения и определяющее пути, через которые они получают доступ к организму; второе есть *Учение о признаках и сущности болезней*, уже существующих, и об уничтожении их, основанном на изучении этой сущности; третье есть *Учение о средствах прекращать ощущение боли* или через временное уничтожение всякого ощущения (это уже найдено), или через уничтожение всех ощущений в какой-либо одной части организма — в той, в которой боль, или через уничтожение только какого-либо одного вида ощущений. Последние два средства, насколько мы знаем, хотя и найдены, но только относительно немногих родов болей.

Возникновение болезней имеет своим источником три причины: непосредственное действие природы, недостаток и излишество. Первая причина обнимает собою такие явления, как простуда, заражение, случайный ушиб, и доступ их к организму человека может до значительной степени увеличиться или уменьшиться смотря по тому, присутствуют или отсутствуют в его жизни две другие причины. Недостаток (бедность) производит болезни потому, что расстраивает соответствие между формами организма (или формами процессов в нем) и веществом его через уменьшение последнего сравнительно с тем, которое необходимо для полного соответствия. Этот болезненный перевес формы над материей производится недостатком пищи, одежды, жилища и истощением организма через непосильный труд. Наконец, излишество (богатство) производит болезни также через нарушение соответствия между формами организма и оформливаемым — через увеличение последнего сверх того, что требуется соответствием. Обилие стола, утонченность в жилище и одежде и особенно чувственные наслаждения, которым неудержимо и естественно отдаются люди, пользующиеся избытком средств и потому обыкновенно не занятые, производят болезни едва ли не в большем количестве и во всяком случае труднее выносимые, чем сколько приносит их бедность.

Понимание только что рассмотренных видов зла всегда останется неполным и несовершенным, пока не

будет показана их связь с другими видами зла, а также и добра (что́ чем производится). Мы не будем останавливаться на анализе этой связи; ограничимся только простым указанием, что важнейшее из зол, которые являются следствием болезни, слабости и смерти, совпадает с важнейшею из причин, их вызывающих, — это бедность, обычный источник и всегдашний конец физического страдания; добро же, производимое этими видами зла, есть нравственное возвышение человека, как того, кто испытывает это зло, так и тех, кто созерцает это испытание. Болезнью тела нередко исцеляется дух, и, чем тягостнее первая и ближе придвигает человека к смерти, тем вернее самое исцеление. Это же благотворное, смягчающее и очищающее влияние производит на окружающих смерть близкого, дорогого человека. По крайней мере на время, а иногда и на всю жизнь они выходят из суеты текущей жизни, наполненной минутными интересами и борьбою самолюбий, и останавливаются мыслью на том, что стоит за всяким интересом и что неподвижно ожидает каждого.

Добро, противоположное этим трем видам и поэтому соответствующее им, есть *безболезненная жизнь*. Она является тогда, когда организм, как произведение физической природы, не выходит из пределов ее условий, но живет среди их, как и все другое, лежащее в ней. Этим объясняется, между прочим, продолжительная и чуждая физических страданий жизнь людей, деятельность которых по преимуществу состоит в мышлении. Живя духом и в духе, они как бы забывают о теле, предоставляют его своим естественным нуждам и влечениям, не задерживая их и не возбуждая воображением и мыслью. Как ни странно покажется наша мысль, но мы скажем, что жизнь этих людей стоит всего ближе к природе, — ближе, чем тех людей, которые живут постоянно среди природы. Потому что жить сообразно с природою для человека — значит жить в согласии со своею природою, но не с природою чего-либо другого, например животного; и в его жизни поэтому духу должно быть предоставлено духовное, а телу — физическое; и как тело не должно мешаться в жизнь духа, потому что это скажется подавленностью и грубостью первого, так и дух не должен мешаться в жизнь тела, иначе это скажется болезнью.

В заключение мы не можем не остановиться мыслью на одном странном явлении, источнике великого зла и постоянного самообмана человека. В пределах организма, в то время как положительное добро совершенно не чувствительно для человека и сказывается только отсутствием страдания, так что в здоровом состоянии он как бы не чувствует своего тела, по крайней мере не чувствует, как выделившегося, ни одного его органа, — зло, напротив, является в своих причинах под формою положительного, и притом сильного, наслаждения (чувственные удовольствия). Вследствие этого неравновесия человек всегда и естественно склоняется в сторону зла.

IV. *Недостаток обладаемого и излишество* занимают промежуточную ступень между фактами физического зла и добра и духовного, не принадлежа в строгом смысле ни к первому, ни ко второму. Сами по себе они не являются даже фактами добра и зла и должны быть рассматриваемы здесь только по тесному соотношению с последними. Они суть факты жизни, которые служат обычными проводниками явлений добра и зла в человека.

Недостаток обладаемого (бедность) служит источником физического зла, т.е. страданий организма, и всех видов духовного. Им порождается умственное зло, потому что постоянный физический труд, равно как и постоянная праздность — это два рода жизни, присущие всем немущим, — лишают человека досуга или желания, равно необходимых для развития ума и приобретения знаний; поэтому бедная и через силу трудящаяся часть народа всегда является как бы хранилищем всевозможных заблуждений, исторических и национальных. Им порождается нравственное зло, потому что боль физического страдания, причиняемого недостатком, заставляет заглушать себя или физическими же наслаждениями в доступных грубых формах (разврат, опьянение), или бороться с собою, жертвуя всем для другого, кто может избавить за это от боли (разврат же). Им порождается религиозное зло, потому что в тех редких случаях, когда нищета не развращает человека, она сообщает его отношениям к религии некоторый болезненный оттенок, который мы наблюдаем, например, — правда, в немногих явлениях — на далеком востоке и на западе в средние века.

Факты, порождаемые этим болезненным религиозным чувством, всего более чужды спокойному и чистому величию религии. Но и эти искажающие факты бывают крайне редки; в большинстве же случаев нищета ведет просто к жизни вне религии. Им порождается зло в области справедливости, потому что насилие, обман и присвоение того, что есть плод чужих трудов, обыкновенно и естественно в жизни тех, кто не в силах пропитаться плодом своих трудов. Им порождается все безобразное, отвратительное, и от него же исходит ненависть ко всякой красоте; потому что та же боль физического страдания возмущается спокойным созданием красоты и наслаждением ею со стороны других, а ощущение собственного безобразия при виде прекрасного возбуждает стыд за себя и зависть к другому, жажду погубить то, от сравнения с чем стыд. Отвратительное не выносит близости красоты, но или уничтожает себя, или уничтожает ее. Им порождается политическое зло, потому что, бессильные сами по себе, неимущие всегда готовы соединиться с тем, кто и им дает и от них заимствует силу, и с ним или с другим подобным готовы всегда и спасти, и погубить государство, которое ничего им не приносит и в котором ничего они не понимают, — что и для чего оно. Наконец, им порождается зло в области воли, потому что тот, чья жизнь не опирается свободно на себя самого, всегда будет робок, заискивающ и льстив в отношении к тому, на кого опираясь она может быть поддержана. Бедность есть источник худшего из видов рабства — нравственного, того, которое полно бывает унижения и ненависти.

Добро, производимое бедностью, бывает одного вида — это болезненная жажда религиозного; потому что хотя среди бедности и по видимому в зависимости от нее появляются и еще два вида добра, однако в действительности их причина лежит не в самой бедности, но в двух других видах зла, только неразлучно соединенных с нею, и об них мы скажем потом в своем месте.

Излишество обладаемого (богатство) служит источником гораздо меньшего количества зол, чем недостаток. Главнейшие из них два: страдания от пустоты жизни, испытываемые при богатстве людьми с пассивным характером, и чувственные наслаждения, кото-

рым предаются при нем люди с деятельным характером. Первое порождается возможностью ничего не делать, второе порождается возможностью все делать, — два условия, одинаково существующие только при излишке обладаемого.

Виды добра, производимые богатством, гораздо многочисленнее, чем виды добра, производимые бедностью, и многочисленнее, чем виды зла, производимые богатством же. Только здесь нужно заметить, что хотя зло от богатства и не многовидно, но оно обильно, потому что редко богатство не приносит его; а добро хотя и многовидно, но не обильно, потому что не часто богатство приносит его; т.е. хотя много добра можно принести, владея им, но мало находится людей, которые, обладая им, желали бы приносить добро. К последнему принадлежат все роды облегчения чужих страданий через прямую или косвенную помощь нуждающимся, все роды улучшения людей через воспитание их, наконец, прямое увеличение чистых наслаждений через покровительство науке, искусству и через делание этих наслаждений доступными для всех. Это бывает зрелище редкое в истории и прекрасное, когда бедные классы народа живут в дружелюбии с богатыми, когда богатство не внушает зависти к себе, потому что большая часть его идет на нужды бедным же. В особенности сближает эти противоположные классы внимательная заботливость со стороны богатых о тех маленьких, убогих радостях, без которых бедным тяжело было бы прожить свою угрюмую жизнь. Одна холодная механическая помощь непосредственным нуждам всегда будет приниматься равнодушно и всегда будет оскорблять тех, кому дается. Признание же за ними (бедными) потребности в том, что сверх нужд, и уважение к этой потребности — есть признание в них человеческого достоинства. Схождение в мир их маленьких радостей, понимание и сочувствие им в эти моменты всегда вызовет безмолвную и глубокую благодарность; как, с другой стороны, отнятие этих радостей, и действительно жестокое, вызовет всегда непримиримую ненависть, которая не заглушится никакими благодеяниями, потому что ее источник не в физических страданиях, которые могут быть утишены этими благодеяниями, но в унижении уже униженных, которое углубится ими.

Происхождение двух рассмотренных зол кроется в человеческом характере и в политических учреждениях, причем первому принадлежит определяющее значение, а вторым — способствующее. И в самом деле, что причина бедности кроется не в общественных и политических учреждениях, но в личных пороках и недостатках, это доказывается тем поразительным явлением, что во всех странах преследуемые религиозные сектанты обыкновенно отличаются бóльшим благосостоянием, нежели принадлежащие к господствующей церкви, между тем как общественные и политические условия их жизни несравненно хуже: их имущество не обеспечено, их личность не безопасна, никто не печется о их благосостоянии и многие своекорыстно пользуются их угнетенным положением; наконец, они платят нередко двойные налоги. Между тем именно это положение гонимых в соединении с их обычною высокою религиозностью чрезвычайно увеличивает их нравственные достоинства — основную причину благосостояния. Что же касается до того факта, что в дурно устроенных государствах подданные обыкновенно бывают беднее, чем в государствах благоустроенных, то и здесь причину обеднения нужно искать не в прямом влиянии учреждений, но в косвенном: при внимательном анализе всегда откроется, что они предварительно разрушают нравственный психический строй народа и уже через него — благосостояние. Но затем все-таки и политические учреждения имеют свою долю влияния на благосостояние, и именно следующим способом: они могут способствовать всем, рожденным в бедности, но силящимся подняться из нее, выйти из прежнего положения, в которое их поставила не личная вина; и, с другой стороны, могут задерживать переход от благосостояния к богатству людей, уже рожденных в довольстве. В обоих этих случаях, как повышая, так и понижая материальный уровень, политические учреждения будут опираться на существующие уже нравственные условия и потому могут иметь успех; и по той же самой причине они бессильны против нарождающегося обеднения, потому что в основе этого явления всегда лежит то, на что невозможна опора, — понижения нравственного уровня. Все, что могут сделать в этом случае политические учреждения, — это уничтожить в себе самих все, что каким-либо образом, прямо

или косвенно, дурно влияет на нравственный строй народа.

Добро, противоположное избытку и недостатку и потому соответствующее им, есть *довольство*, как обладание всем, что необходимо для удовлетворения физических и духовных нужд. Условия, при которых постоянный, но не истощающий труд всех, которым не вредно трудиться (например, больным, детям, старикам), давал бы возможность безбедно жить и трудящимся, и тем, кто при них, но не может и не должен трудиться, — были бы прекрасны и желательны, и мы думаем, что они выполнимы, по крайней мере для очень большого числа людей. Во всяком случае добро, которое бы вытекло из этого, так велико, что было бы безнравственно и жестоко не позаботиться о нем.

Зло же, которое при обыкновенных условиях должно последовать отсюда, состоит в уничтожении многого из того прекрасного, чем обладаем мы благодаря постоянному досугу многих людей. Мы разумеем здесь главным образом науку, искусство и, далее — богатство и разнообразие человеческих характеров и красоту человеческой природы. И зло это, мы думаем, также чрезвычайно велико. Оно может быть избегнуто только при том условии, если создание добра, из которого это зло должно выйти, не будет ни всеобщее, ни принудительное. Тогда только обыкновенное, что и теперь не выходит из общего уровня, войдет в новые формы жизни; все же выдающееся отвергнет их и сохранится — и для себя, и для общего блага человечества.

V. Следующий затем вид зла — *чувственные наслаждения* — уже включает в себе в равной степени и физические начала, и психические. Чувственность есть удовлетворение потребностей тела, осложненное воображением. Она появляется поэтому в исторические моменты уже высокого духовного развития, когда непосредственность жизни утрачивается и наступает период сознания; когда человек всякое действие свое, как акт тела, сопровождает актом мысли или чувства; когда он не только ощущает, но и следит за ощущением, не только удовлетворяет потребности свои, но и переживает сознанием их, когда они удовлетворяются, и воображением, — когда удовлетворение еще не наступило или когда оно уже прошло. Именно в ожи-

дании того, как эти потребности удовлетворятся, и в воспоминании, как они удовлетворились когда-то, и лежит причина чувственных наслаждений — тех, которые ищутся, но уже теперь не под влиянием действительной потребности, простое удовлетворение которой и не доставило бы уже удовольствия, потому что лучшее, чем оно, было уже пережито как представление, но под влиянием минувших образов, прошедших через сознание. Поэтому-то чувственность достигает иногда таких размеров, под ее влиянием совершаются такие факты, которые потом в рассказе историков-современников кажутся чем-то невозможным, нестерпимым и отвратительным.

Участием здесь воображения объясняется и то поразительное историческое явление, что самое высокое творится человеком одновременно с самым низким и самое омерзительное — наряду с самым прекрасным. Так, три эпохи — Перикла в Афинах, Августа в Риме и Возрождения в Европе, — когда было создано столько чудного в философии, в поэзии, в скульптуре, в живописи, отличались извращенностью естественных потребностей, о которой нам трудно составить себе понятие. И этим же участием воображения объясняется, почему в истории за высшими моментами духовного просветления так быстро наступает разрушение и мрак, почему — как замечено всеми — нисхождение народов по историческому пути бывает гораздо быстрее, чем восхождение. Воображение есть самая удивительная из человеческих способностей — оплодотворяющая и губящая, источник всего возвышенного и всего низкого. Оно входит составным и необходимым элементом во все высшие формы человеческого творчества, придавая им именно то, что составляет красоту их, и входит психическим элементом в чувственные наслаждения, по своему содержанию физические; поэтому связывает те и другие причинною связью сосуществования и губит дух, источник первых, через вторые, в свою очередь губящие тело.

Явления *воздержания, целомудрия* и, наконец, *аскетизма* — добро, противоположное чувственности, — имеют своим источником, как это ни странно покажется, также воображение. Мы берем при этом первоначальный аскетизм (и его слабейшие виды — *воздержания* и *целомудрия*), тот, который свободно складывает-

ся в душе как идеал, но не тот, который, будучи налагаем религиозною догмой, выполняется из простого послушания. В эпохи высокого развития цивилизации и, следовательно, богатые воображением, наряду с образами чувственности и как противоположные им, проходят образы чистой одухотворенности через души многих сильных людей. При этом изредка могут быть наблюдаемы случаи, когда и те и другие образы проходят через одну и ту же душу, как бы борются в ней, и смотря по тому, которые преодолеют, тот, в ком такая раздвоившаяся душа, или предается потом удовлетворению самых необузданных страстей, или делается высоким подвижником духа. Это явление мы можем, например, наблюдать в жизни бл. Августина и многих других людей той глубоко интересной эпохи, когда, по верному в своей наивности выражению писателей-современников, «дьявол так могущественно боролся с Богом в человеческой душе». Но гораздо чаще случается, что в эпохи, богатые воображением, образы аскетизма проходят через чистые души и так сильно влекут к себе их именно потому, что противоположны тому зрелищу разврата, которое представляет окружающая жизнь.

В своем чистом виде, не извращенный и не обезображенный, аскетизм прекрасен. Он чужд всего уродливого, что потом так нередко привносится в него, всякой озлобленности против тела, всяких ненужных истязаний его, которые показывают не то, что человек не думает и не заботится о плоти, но, напротив, именно то, что он заботится и постоянно думает о ней. До известной степени про таких людей можно сказать, что в них дух является поработленным телу, потому что не определяет деятельность последнего, но определяется в своей деятельности тем, что совершается в последнем: они неустанно и мелочно следят за плотью, и, следовательно, неподвижным объектом их духовной жизни, хотя и отрицательно, является именно плоть. Истинный же аскетизм есть чистая одухотворенность, т.е. жизнь духом и в духе, чуждая каких-либо особенных забот о теле, которое всегда сумеет просуществовать, повинаясь своим законам, одно. Он лишен всякой напряженности в борьбе с телом, он свободен, потому что в нем предаются жизни духа просто как лучшему, как более сродному для человека, а не как чему-то, что

необходимо для чего-то. Аскетизм близок всем великим душам; кто испытал более сладкое — не захочет менее сладкого, и кто знаком с высокими радостями внутренней жизни, тот не будет искать внешних удовольствий, всегда минутных, всегда зависящих от другого, которыми только заглушается жажда ни в чем не находимой радости.

VI. *Зло умственное* — и с ним мы вступаем в область зла в самом духе — является под тремя формами: *незнания, ложного знания и задерживания в стремлении к знанию*. Из этих форм первая — незнание — производит особенный вид страдания в разуме, потому что она противна природе его, как потенции, стремящейся к действительности. Это состояния сомнения, неразрешенных вопросов, и мучительность подобных состояний может быть измерена только радостью выхода из них. И как первое (сомнение) многих доводило до отчаяния — и, мы думаем, оно может быть глубоко, так второй давал великие силы для жизни именно как облегчение. Вторая форма — ложное знание — едва может быть причислена к явлениям зла, как действительное, реальное, и относится к нему только по своим будущим возможным последствиям. Ложное знание, или заблуждение, — это фантом, призрак ума, который не производит никакого страдания, но может повести к ошибкам — особому виду зла в деятельности — и через них к страданию. Вообще ложное знание достойнее незнания, в случае когда человек не стремится выйти из этого последнего, когда незнание не мучительно для него. В первом сказывается только недостаток силы ума, и оно не умаляет в человеке его достоинства; во втором сказывается отсутствие самой потенциальности ума, и оно унижает человека. Спокойное незнание, убеждение, что нечто неизвестно, и равнодушное отношение к этому неизвестному есть вид идиотизма: в нем тот же недостаток, то же отсутствие, и притом такого, что составляет основу человечности. Вот почему умственный индифферентизм, столь часто встречающийся в образованных людях, гораздо ниже по своему значению, чем предрассудки и суеверия, обычные в простом народе. Последние (суеверия) по своему разумно объясняют все непонятное и, следовательно, удовлетворяют разум; второй свидетельствует об отсутствии того, чему могло бы быть дано такое

удовлетворение. Наконец, третья форма — задерживание в стремлении к знанию — порождает одно из самых мучительных умственных зол, порою нестерпимое. Причины его бывают внутренние и внешние, а последние состоят в недостатке средств к знанию и в препятствии приобретать знания.

VII. *Зло в области чувства* по своей природе более, нежели какое-либо другое, отвечает тому общему представлению о нем, которое сложилось в умах многих великих людей и целых народов; потому что, в то время как в других видах зла обнаруживается только недостаточность, как бы немощь человеческой природы, — в нем видится испорченность этой природы и злое направление воли. Сюда относятся страдательные или злые *волнения и настроения*, например чувство зависти или недоверия, настроение ироническое или наглое.

Мы не будем вдаваться в анализ этих волнений и настроений. Ограничимся замечанием, что существенную задачу этого анализа должно составить отделение того, что в области злого чувства идет от первоначальной природы человека и что имеет своим источником те изменения, которые произведены в ней внешними влияниями природы и жизни. Метод же, с помощью которого может быть произведено это отделение, состоит в том, чтобы, определив идущее извне, что не трудно сделать через разложение сущности исследуемого порока, все остальное отнести к строению природы человека. Так, чувство зависти есть сожаление, что того, что есть в другом или у другого, нет во мне или у меня и, вследствие страдательного характера этого сознания, — злое чувство сожаления, зачем то, чего нет во мне или у меня, есть в другом или у другого. Таким образом, в своей основе оно есть некоторое чувство, рождающееся от сравнения неравного в различном, и его не было ранее, чем когда это сравнение могло быть произведено, и, следовательно, его источник лежит не в природе человека, но в жизни. По нашему убеждению, таково же происхождение и всех волнений, потому что, будучи общими (составляя роды) по сущности своей, они всегда единичны по объекту; например, есть зависть вообще, но может быть зависть только к кому-нибудь, — что видно из того, что нет зависти к тем, кого не знаешь, или к тем,

о ком знаешь, что они несчастнее тебя. Труднее сказать это о настроениях, потому что хотя по происхождению своему они и суть волнения, оставшиеся после того, как волнующее исчезло, однако в том, почему из волнений одни с исчезновением объектов погасли, а другие остались, есть много загадочного, и объяснить их одним влиянием внешней природы или жизни — трудно. Несомненно, что через душу одного и того же человека проходят в жизни различные волнения, частью противоположные, частью просто разнородные, и несомненно также, что одни и те же волнующие обстоятельства одновременно влияют на многих людей; однако мы замечаем — в единичной душе, что одно как бы скользит только по ней, а другое глубоко западает, и в многих — что, живя при одних приблизительно условиях, они бывают не приблизительно же схожи одна с другою, но, напротив, совершенно несхожи. Таким образом, между извне влияющим и изнутри воспринимающим влияние есть некоторое внутреннее сродство, вследствие которого одно как бы втягивается душою, а другое как бы отпадает от нее, как различное от различного, и, раз испытанное — избегается, тогда как первое, однородное, напротив, ищется. Это явление и понять нетрудно, и примириться с ним легко, если ту потенциальность, которая признается относительно разума, перенести и на нравственную сторону души. Рассмотрим для примера ироническое настроение души. Нет сомнения, что ирония всегда бывает над чем-нибудь, и то, что впервые вызвало это чувство, было источником его как волнения. Но трудно представить себе, чтобы в жизни того, в ком потом сложилось это волнение в настроение, не встречалось никогда и ничего такого, что, напротив, вызывало бы к себе чувство благоговения, восторженности или уважения. Итак, если легче сложились его губы в ироническую улыбку, чем засветились глаза энтузиазмом, если и потом он чаще и невольно искал предметов для своей иронии, чем предметов для уважения, то не ясно ли, что в душе его было предрасположение, некоторая тайная склонность к иронии, которая потом только раскрылась и окрепла под некоторыми благоприятными внешними условиями. Так, например, трудно себе представить, чтобы Вольтер, воспитанный в условиях Руссо, стал Руссо же, — скорее бы он сделался поэтом,

как Беранже; или чтобы Руссо, воспитанный в условиях Вольтера, сделался Вольтером, — скорее бы он стал проповедником (Вольтер воспитывался в иезуитской коллегии). Но все это, впрочем, требует тщательнейших специальных изысканий — самонаблюдения, наблюдения над другими, изучения автобиографий и истории.

VIII. Зло в области чувства нравственного является под двумя формами — *лжи* и *ненависти*; а добро, этим чувствам противоположное, есть *любовь* и *правдивость*. Из указанных двух зол первое порождается страхом одного свободного и сознающего существа перед другим сознающим же; второе порождается перенесенным страданием, внешним ли или еще чаще внутренним. При этом как страх, сверх обычных своих причин, может родиться из любви несовершенного существа к совершенному — это боязнь первого потерять любовь и доверие второго с обнаружением своих недостатков, порою простой слабости; так и ненависть, сверх обычных причин, может родиться из страха. В последнем — и это особенно в тех случаях, когда он порождается чрезмерною любовью, — столько внутреннего страдания, часто незаслуженного, истекающего только из слабости страдающего, что к тому, перед кем страх, возникает глубочайшая ненависть, хотя в пробуждении этой ненависти он, ее возбудивший к себе, также ничем не виноват, кроме как только уже слишком высоким своим совершенством. Мы указываем на этот особенный источник зла, потому что, не будучи предшествуем никакою виною и никаким другим злом, он глубоко отличается от других путей возникновения нравственного зла и заключает в себе как бы первоисточник, где беспричинно, по-видимому, зарождается оно из самой природы психических существ, первоизданной и чистой от внешних искажающих влияний.

Что касается до противоположных этому злу чувств любви и правдивости, то любопытно, что они существуют в человеке при двух диаметрально противоположных условиях, являясь как бы исходною точкою и венцом его жизни. И в самом деле, эти чувства прирождены человеку, он выходит с ними из лона природы, но, вступив в жизнь, переполненную страданиями и страхом, утрачивает их, его природа как бы перерождается, не только отступая от того, чем была

первоначально, но даже становясь противоположно тому прежнему состоянию. И когда это извращение достигает своей высшей степени, когда все в жизни и в человеке является проникнутым ложью и ненавистью, тогда в нем снова пробуждается любовь, в иной, и высшей, чем прежде, форме — как сострадание, и является правдивость, как болезненное отвращение ко лжи. Таким образом от несовершенной правды и любви через ложь и ненависть человек ведется к совершенной правде и любви, и это закон его природы, неизменный и необходимый.

IX. Зло и добро в области чувства справедливости в своем происхождении, исчезновении и новом пробуждении в человеке во всем подобно предыдущим видам добра и зла. Как и любовь, справедливость, будучи прирождена человеку, потом заглушается в нем встречаемыми в жизни оскорблениями и унижениями и пробуждается вновь, когда эти оскорбления становятся чрезмерны. Именно из чрезмерного страдания рождается любовь и справедливость, обыкновенное же страдание только подавляет эти чувства. Таким образом, и здесь связь высочайшего добра с величайшим злом, невозможность для первого возникнуть без второго, является хотя непонятным по своей цели, но несомненным законом. Потому что — мы вновь отмечаем это — первоначальное, естественное чувство справедливости по своей силе и красоте уступает тому, которое рождается из несправедливости; подобно тому как первоначальное и естественное чувство любви, правда чистое, но всегда пассивное, слабо перед состраданием, всегда деятельным.

X. Зло в области воли является под четырьмя формами: *нежелания* (апатии), *бессилия в стремлении к желаемому*, *колебания в желании от двойственности в предмете его* и *боязни*. Первые три вида относятся к самой воле, бывают присущи ей; последний относится к тому, что вне воли и привходит в нее.

Нежелание порождается отвращением к людям и к жизни и происходящим от этого отсутствием всякого интереса к тому, что совершается вокруг, и всякого желания предпринять что-либо для себя или для ближнего. Это состояние — оно одно из самых мучительных, при которых едва можно переносить жизнь, — появляется от внутреннего распада духа

на его стороны, из которых одна думает, чувствует, желает, и притом с большею глубиною и отчетливостью, чем как это совершается в душе обыкновенных людей, а другая блюдет, разлагает и отрицает, подмечая ложь или бесцельность в мыслях, внутреннюю фальшь в чувствах, ненужность в желаемом. Утрата цельности и единства в психической жизни, непрерывное и уже невольное наблюдение над собою делает таких людей одновременно и пронизательными наблюдателями человеческой природы, и верными ценителями человеческой жизни, поэтому не допускает их ни обмануться первою, ни увлечься второю, порождая таким образом отвращение и к той и к другой как к чему-то давно знакомому, пережитому (внутри себя) и недостойному.

XI. На остальных видах добра и зла в области воли мы не будем останавливаться и перейдем к рассмотрению добра и зла, проявляющегося в *жизни* и ее *формах*. Каждый вид этого последнего распадается на две стороны: одна принадлежит самой форме жизни и есть добро или зло *совершения*, другая есть то, что служит *предметом совершения* — достигаемым, пока это совершение продолжается, и действительным, когда оно окончено.

Добро или *зло* в *совершении* суть достоинства или недостатки в формах жизни, как в *стремящемся* осуществить собою нечто. Так, кроме красоты или безобразия того, что изображается искусством, есть еще достоинства или недостатки в самом изображении как в выполнении; так, независимо от пользы или вреда, приносимых известною политическою формою, есть еще достоинства и недостатки в самой политической форме, например красота, симметрия, гармония, соответствие частей, разумность в построении целого; так, в праве, или законодательстве, независимо от того, как выполняет оно свое назначение в общественной жизни, может быть еще систематичность как достоинство и беспорядочность как недостаток. Эти виды добра и зла, присущие формам жизни, совершенно независимы от того добра и зла, которое осуществляется ими. Так, право средневековое, как форма жизни, было полно недостатков в сравнении с римским правом, хотя для тех, для кого оно существовало, оно было настолько удобнее и лучше последнего, что замена одного другим, например в XV — XVI вв. в Германии, вызывала неоднократно народные восстания.

XII. Виды добра и зла, служащие *объектами жизненных форм* (предметами совершения), не в них одних проявляются и поэтому должны быть рассматриваемы в своем общем виде; так что отнесение их к формам жизни является здесь только отнесением проявляемого к обычно проявляющему его. Виды эти следующие:

Красота и безобразие, служащие объектом искусства, не чуждые природе и осложняющие собою все формы жизни. Не следует думать, что безобразие есть только отсутствие красоты, что его природа исключительно отрицательна. В безобразии есть нечто положительное — оно противоположно красоте, а не лишено только ее; так, куча земли лишена всякой красоты, но она не безобразна. Как и красота, безобразие также выражается в очертаниях, и вообще в них есть нечто однородное; но только в очертание безобразного входит что-то, что делает ее не только не похожею на красоту, но, напротив, чем-то враждебным ей — явление небезынтересное и неисследованное.

Любопытным представляется тот факт, что природе физической совершенно чуждо безобразие и свойственно или безразличное, или красота только; природе же человеческой редко бывает присуще безразличие — если только оно встречается в ней когда-либо, но все в ней является или красотою, или безобразием, и притом как первая является и в человеке и в созданиях его высшею, чем какая встречается в природе, так и второе выражается в нем с ужасающею глубиною. Неживое, неодушевленное никогда не бывает отвратительно; но зато и прекрасно оно бывает в умеренной степени. То же, что носит в себе жизнь и душу, бывает отвратительно, и притом в тем большей степени, чем с высшим совершенством является в нем жизнь и душа. Так, в мире растительном еще совершенно отсутствует отвратительное; в мире животном оно уже есть, но редкое и незначительное по размерам; в более сильной степени оно появляется в человеке уже на низших ступенях его духовного развития — у диких народов и в простых классах цивилизованных наций; и, наконец, достигает своего высшего проявления у людей с высокоразвитою душою. Никогда ни простой человек, ни животное не бывают так глубоко отвратительны, как может быть отвратительно лицо человека образованного; там есть только некрасивое, уродливое,

безобразное, — здесь же гадкое, отталкивающее. То же замечается и в создаваемом: природа творит грозное, вредное, но никогда отвратительное; животное совершает только незначительно безобразное (некоторые физические отправления); несравненно более гадкого совершается уже простым человеком, и в его творчестве, поэтическом и художественном, уже встречаются зачатки отвратительного; но ни в поступках, ни в творимых формах это отвратительное никогда и нигде не достигает таких размеров, как в художественном творчестве развитых классов и в поступках психически развитых людей. И в то время, как самое низкое, таким образом, принадлежит совершенным формам духа, им же принадлежит и самое высокое: какое явление природы превосходит красотой своею красоту самоотвержения, гибели за истину, нравственной чистоты, уединенного изыскания истины, — и блеск звезд во всем величии их не меркнет ли перед светом дымного костра, на котором умирает мученик веры или мысли за то, во что он верит или что мыслит? Что в природе, какой предмет, вид, царство столь прекрасно, как прекрасно бывает человеческое лицо в минуты ли тихой радости или в минуты бесконечной грусти? Что из созданного природою превосходит по высоте своей бессмертные создания человеческого духа — чудные образы его поэзии, глубокие мысли философии, чистые порывы к лучшему, которые он совершил в истории? По справедливости можно сказать, что ни в разнообразии и богатстве своих форм, ни в красоте их Мир человеческий не уступает миру внешнему, — и это даже в том случае, если не исключать из него отвратительное, но только уравновесить его тем прекрасным, что есть в нем сверх, выше того прекрасного, которое лежит в природе.

Ложное и истинное проявляется в науке и в религии, но не чуждо также и другим формам жизни, и самой природе. Так, когда политическая форма принимает развитие, не соответствующее ее природе как общего, которое должно распасться соответственно распадению идеи блага, — то в ней появляются ложные части, составляющие дисгармонию с другими, ранее и правильно развитыми органами. Так, когда искусство начинает преследовать цели, противоречащие его природе, то появляются его ложные виды.

Равным образом в природе все уродливое, отступающее от естественных, в самой сущности вещей предустановленных форм, ложно: таковы аномалии в физических явлениях или неправильности в строении и развитии растительных и животных органов. Ложное вообще можно определить как *не вытекающее из природы того, в чем оно, и не соответствующее этой природе*; а истинное можно определить как *строго вытекающее из природы чего-либо и соответствующее этой природе в ее частях и в ее целом*. Согласно с определением этим и в той области, которая служит главным проявлением ложного и истинного — в науке, — мы называем истинными те знания, которые правильно, т.е. в согласии с природою разума, образованы, а ложными называем те из них, которые неправильно образованы, т.е. в противоречии с природою познающего начала; и самую науку, как орган разума и область деятельности его, мы определяем как истинную тогда только, когда она стремится понять, уразуметь, и признаем за ложную ту науку, которая существует, чтобы учить, улучшать или помогать.

Справедливость и несправедливость по преимуществу обнаруживается в праве, но также не остается совершенно чуждою и другим формам жизни, и даже природе. Так, есть нечто космически несправедливое, когда явления последней слепо и безжалостно губят добрых и бывают благодетельны злым, например когда голод в неурожайные годы ложится всею тяжестью на нуждающихся, а богатым, скупившим хлеб, помогает еще увеличить свои богатства; или когда град побивает хлеб, выращенный с таким трудом и заботой; или когда при пожаре сгорают больные, старики и дети. Также есть нечто несправедливое в ложных формах религии и искусства, например брамаизм и магометанство несправедливо относятся к женщине, или, например, в тенденциозном искусстве часто и незаслуженно оскорбляются целые классы или сословия*. Справедливость вообще можно определить как *заслуженное*

* Напр., у нас после освобождения крестьян, которое всею своею тяжестью легло на дворянство и им же было в значительной степени совершено, именно это дворянство всего более оскорблялось в литературе, и притом теми, которые ничем не пожертвовали при этом великом деле и ничего не сделали для него.

воздаяние, как некоторый вид нравственной причинности: она есть строгое соответствие между добром или злом, свободно совершенным в прошедшем, и между добром или злом же, необходимо следующим в будущем. Несправедливость же можно определить как *незаслуженное воздаяние*, как нарушение нравственной причинности: она есть несоответствие между благом или злом, сотворенным в прошедшем, и между благом же или злом, случайно следующим в будущем. Это нарушение чистой нравственной причинности, как и физической, происходит от вмешательства какой-то непостижимой целесообразности; и если принять во внимание то, что ранее было сказано нами о невозможности появления некоторых видов добра иначе, как через зло, и о необходимом следовании злого из других видов добра, — то эта непонятная вмешивающаяся целесообразность должна представиться нам некоторым могущественным и космическим законом, источник которого далеко от Мира человеческого и который непреодолимо управляет течением событий в этом Мире.

Польза и вред проявляются по преимуществу в государстве и им осуществляются, но также присущи и другим формам жизни и природе. Под пользою я разумею все формы добра, *посредственно производимые*, а под вредом — все формы зла, также не прямо производимые. Так, если из любви к ближнему я прямо помогу ему в нужде, то это будет актом нравственности; если же из политических соображений и несколько не любя ближнего я ввожу такие учреждения, которые способствуют более равномерному размещению благосостояния в стране, понижая богатых и поднимая бедных, то этот поступок мой будет актом пользы. Или еще: рисуя картину, я воплощаю красоту или, издавая сочинение, открываю истину, — и эти поступки мои будут актами художественного и научного творчества; но если, будучи сильным и богатым человеком, я покровительствую искусству и науке, давая средства к жизни и свободному труду художникам и мыслителям, — то это будет актом пользы. Если я сам веду чистую, воздержанную и скромную жизнь, то это будет актом нравственным; но если я, будучи сам безнравственным и чувственным человеком, издал, например, законы об отделении на фабриках муж-

чин от женщин и о недопущении на них работы малолетних, — то это будет актом пользы; и т.д. Вообще все, не лично творимое, и не необходимо по тому побуждению, которое есть прямая причина творимого (например, чувство милосердия есть прямая причина милосердных поступков), но через другое посредствующее (например, учреждения), по побуждениям ума и опираясь на его уменье — есть польза и вред.

Из сказанного ясно, как глубоко несправедлива к человеку и как ошибочна мысль, что нравственность есть то же, что «полезная деятельность», ею определяется и измеряется. Согласно с этим странным взглядом, необходимо было бы допустить, что из всех видов деятельности наиболее нравственная есть политическая, как могущая принести наибольшую пользу, и что поэтому управляемым напрасно было бы и думать возвыситься когда-либо до нравственного уровня государственных людей; что Август, Ришилье и Мазарини суть высокие образцы нравственной красоты в истории; что убогие и бедные люди, вечно нуждающиеся в чужих заботах о себе, суть люди положительно безнравственные, а между ними тяжело больные, слепые и расслабленные суть чудовища безнравственности; что женщина, из доброты призревшая сироту и делившая с ним последний кусок хлеба, нравственна только под тем условием, если из воспитанного выйдет полезный член общества, и что ее самоотверженный поступок теряет всякую цену, если бы сироте случилось умереть еще малолетним; вообще, что смерть воспитанного, изменяющая полезность воспитания, изменяет и его нравственный характер; так что — и это особенно следует заметить — ничто из совершаемого человеком не имеет в момент совершения никакого определенного характера, нравственного ли или безнравственного, и получает таковой лишь в далеком будущем, когда совершенно определяются плоды совершения — полезные или вредные.

То, через что творится добро, есть по преимуществу учреждения, т.е. части политической формы, и поэтому-то в ней как в системе таких частей главным образом проявляется польза. Но, как уже замечено было, ни другим формам жизни не остается чуждо творение пользы, ни самой природе. Например, художник, создавая образы красоты, производит иногда че-

рез них нравственное влияние на современников и потомков, которых не знает; философ и поэт воспитывают людей, им совершенно чуждых; дождь и засуха или уничтожают результаты человеческих трудов, или увеличивают их. Только нужно помнить, что здесь польза есть нечто побочное, то, что вне цели и сверх ее; в политической же форме польза есть цель.

XIII. Если все только что рассмотренные виды добра соединить в одно и рассмотреть в связи друг с другом, то можно заметить, что все они составляют отдельные стороны одного и того же, что в своей сущности и в своем целом ускользает от определения. Это видно из того, что природа ни одного из этих видов добра не выражается в чем-либо таком, что одновременно входило бы в выражение и другого вида добра, так что каждый из них (видов) в отдельности занимает свое место как некоторая часть в другом и целом, которого мы не видим и не знаем иначе, как только в этих отдельных и немногих частях. Так, красота по природе своей есть наружность; она неотразимо влечет нас к себе своею формою, ранее, чем мы анализировали то, что за этою формою, и вопреки всему, что, анализируя, мы нашли бы за нею; она и познается через созерцание, как всякая наружность, и как таковая — не может не быть в чем-нибудь частью; потому что наружное не может быть без внутреннего и вид не может принадлежать себе самому, но необходимо есть вид чего-нибудь. Напротив, справедливость для своего понимания и оценки требует кроме знания видимого, того, что есть, — еще другого, что совершится (воздаяния); она уходит в глубь времени. Такова же и истина по своей природе, но она противоположна справедливости по направлению: эта уходит в будущее, та — в прошедшее. Чтобы определить и оценить истину, недостаточно знать то, чем она является, но еще то, как она появилась — способ образования ее, будет ли то знание, картина или орган растения. Наконец, польза, не будучи какою-либо особою формою добра, придает всем видам его неопределенные размеры, расширяя безгранично сферу их проявления.

До сих пор мы исключительно говорили о частных формах, под которыми известно добро и зло, и избегали всякого слова о нем как о целом. Мы сделали это не

без намерения. То, что постоянно мешало выделиться науке о добре и зле, — это неопределенность чрезвычайно общих представлений о нем, отсутствие в способах его изучения тех простых и строгих приемов, которые прилагаются ко всем другим предметам и явлениям. В этом случае тяжесть и величие предмета как бы подавляла мысль и не давала выделиться в человеческом понимании соответствующей и необходимой форме.

Но мы всего менее думаем, что на изучении частного должна когда-либо или где-либо остановиться наука. Оно, это частное, есть только подготовка общего, и без последнего нет интереса в нем. Поэтому и в настоящей форме науки основная цель — не познать тот или другой вид добра и зла или даже все эти виды, но познать самое добро и зло в его целом, в том, что до сих пор всегда так подавляло человеческий ум. Это — *Общая теория добра и зла*, и соответственно схемам разума она должна распасться на учение о форме существования добра и зла, о его природе, о его свойствах, о его происхождении и назначении, о сходстве и различии в нем и о количественной его стороне, т.е. напряженности и продолжительности страдания, как действительного, так и скрытого в тех или других его видах. Едва ли нужно говорить, что то, что сказано нами здесь о добре и зле, есть часть того, что должно быть сказано в учении о сходстве и различии в нем, где должны быть установлены его виды. Изучение по схемам разума каждого отдельного вида из перечисленных нами должно дать начало длинному ряду частных учений, которые в совокупности своей сложатся в одно великое — в *Учение о проявлениях добра и зла в мире человеческом*.

Глава XVIII

УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ЦЕЛЯХ, ИЛИ О ДОЛЖНОМ

I. Учение о целесообразности в Мире человеческом и две ветви его: учение о целях и учение о средствах. Тройкое значение, в котором может быть понимаема цель: 1. как господствующий член целесообразного процесса, 2. как естественная конечная форма, к которой направляется какое-либо развитие, 3. как желаемое, к чему может быть направлено какое-либо развитие. — II. *О цели как господствующем члене целесообразного процесса*; о могущем и о долженствующем служить целью. — III. *О целях как естественных конечных формах*; их отношение к добру и злу; о способе определять их; они должны быть определены для всех видов человеческого творчества. — IV. О конечной форме науки; общность познаваемого как элемент, нарастающий в научном процессе; всепонимание, как естественная и конечная форма, в которую стремится перейти наука. — V. О конечной форме искусства; полнота выражения, разнообразие выражаемого и склонность к осложнению как постоянно нарастающее в искусстве; изображение всей красоты, всякой и со всем соединенной, как последняя цель искусства. — VI. О конечной форме права; совершенство и полнота как естественно нарастающее в праве; модусы изменения права; система прав, где каждому всякое и на все предоставлено право, на что, какое и кто имеет по природе своей. — VII. О конечной форме религии; религия истинная, всемирная и живая, как идеал, к которому стремится религиозное сознание человечества. — VIII. О конечной форме государства; при определении этой формы в особенности удобно рассмотреть природу государства; разложение и отвлечение, как способ познать эту природу. — IX. Страна и народ как элементы, не образующие собою государства; принадлежащее людям и находящееся на земле также не входит в природу государства; его не образует и та деятельность и результаты ее, которые индивидуальны по происхождению, по цели и по образу совершения или существования. Не суть ли законы, учреждения и постановления государство? исчезает ли государство с их исчезновением? появляется ли оно с их появлением? государство не есть система законов и учреждений; первое определение государ-

ства. — X. Идеи, не личные по происхождению, по цели и по форме, как первый элемент государства; чувства, не личные по происхождению, по цели и по форме, как второй элемент государства; стремления, не личные по происхождению, по цели и по форме, как третий элемент государства. Явление повиновения, единства действия, безличности отношений и деятельности для блага чуждых человеческих масс и отдаленных поколений, как особенности государства. Второе определение государства. — XI. Важность понимания государства как системы психических состояний, соотносительных и неприродных, для понимания явлений возникновения, развития и умирания государств. — XII. Деятельность, не личная по происхождению, по форме и цели, как четвертый элемент государства. Об источнике государственной деятельности. О форме, или процессе, государственной деятельности; ее непрерывность во времени; ее повторяемость в пространстве. — XIII. О целях государственной деятельности; благо как объединяющее начало этих целей; третье определение государства. — XIV. Неиндивидуальность блага, осуществляемого государством; неспособность государства к непосредственным творческим актам, создающим благо; приведение элементов Мира человеческого и физического в причинное сцепление, результатом которого являются творческие акты как сущность государственной деятельности. — XV. Польза как благо посредственно и не для себя производимое; область ее существования, как сфера деятельности государства. Посредствующее, через что производится государством благо; понятие о «государственном органе»; его определение. — XVI. О мере достоинства и совершенства государственного развития; о процессе государственного развития: выделение органов и распадение органов. — XVII. Разложение идеи блага на термины, обозначающие виды блага, как причина исторического развития государств; идея блага, полно и совершенно раскрывшаяся, как конечная цель, к которой бессознательно направляется и сознательно может быть направлено государственное развитие. Органы конечной политической формы, соответствующие видам блага: 1. Орган, способствующий уменьшению физического зла, лежащего в природе человека; его разветвления: орган, облегчающий слабость, и орган, предупреждающий болезнь и борющийся против нее. О необходимости сохранить своеобразие и непринужденность в благотворительности. 2. Орган, борющийся против зла бедности; распадение его на два подчиненные органа — способствующий увеличению богатств и способствующий равномерному распределению их; необходимость, чтобы ни которая из этих задач не затемнялась другою; каким образом возможно это сделать. 3. Орган, охраняющий чистоту нравственной жизни; его отрицательная и положительная деятельность. 4. Орган, воспитывающий умственные силы народа. О воспитании в детском возрасте. О воспитании высшем; почему воспитываемые не выносят из воспитания убеждений и склонностей, которые им стремятся внушить через воспитание? почему не появляется более великих умов и дарований в области научной и художественной и великих характеров в жизни политической? Прерванность

всех психических влияний, из которых слагается воспитание, как причина общего понижения психического уровня в живущих поколениях. Влияние государства на науку и литературу; оно должно быть направлено не на цели (что и о чем написано), но на средства (как написано). 5. Орган, осуществляющий нравственное благо; его отрицательная и положительная деятельность. 6. Орган, осуществляющий благо справедливости; необходимость расширить сферу его влияния. 7. Орган, осуществляющий благо в области воли; об укреплении и направлении воли посредством воспитания и посредством учреждений. 8. Орган для осуществления блага красоты; его положительная и отрицательная деятельность. 9. Орган, охраняющий религию и способствующий осуществлению ее стремлений. — XVIII. О необходимости общей теории государственных органов и ряда частных учений об отдельных органах. — XIX. *О целях как желаемом*; желаемое всегда совладевает с естественною конечною формою, когда выражено в общем виде; имея же частное выражение, оно может расходиться с нею.

I. После *Учения о добре и зле* познание Мира человеческого из области явно действительного переходит в область скрыто действительного и мыслимого возможного. Это учение о двух членах целесообразности, здесь проявляющейся, — *о целях и о средствах*.

Цель может быть рассматриваема тройко: 1) с общей точки зрения, как первый и господствующий член целесообразного соединения, 2) как конечная форма, к которой направляется что-либо развивающееся, и 3) как желаемое, к чему можно направить какое-либо развитие. Соответственно этим трем значениям и самое учение о целях в Мире человеческом распадается на три ветви.

II. *Учение о целях вообще* — это общая теория, как основа и как введение к учению о целях действительных или возможных. Здесь познается цель не только как факт в Мире человеческом, по всем схемам разума, но также и то, что может и что должно служить целью. Не вдаваясь в обсуждение понятия о цели, так как об этом было уже достаточно сказано нами при обозрении форм *Учения о целесообразности*, мы ограничимся здесь только двумя замечаниями относительно могущего и долженствующего служить целью.

Может служить целью только то одно, что каким-либо образом связано или связуемо причинным соединением с чем-либо или существующим, или осуществимым. Таким образом, сфера целесообразности ограничивается сферою причинности и переступить за

ее пределы не может. Это потому, что, как это доказано было выше, целесообразность всегда действует через причинность и непосредственного влияния на мир реальных фактов и явлений не имеет. Это значит, что не все, представляющееся уму как последняя форма какого-либо развития, и не все, задумываемое человеком, может вышолниться, но только то одно, что и как представление, и как желание опирается на реальную связь действительных причин с действительными следствиями. Все, не имеющее под собою этой основы, есть или болезнь, или игра воображения в сфере представлений и фантазия в сфере желаний.

Должно же быть целью то одно, что есть благо или часть блага, и притом или конечное, или лежащее на пути к конечному. Таким образом, уже в этой общей теории обрисовывается, что основной вопрос, к которому последовательно сойдутся все нити исследования двух рассматриваемых форм науки, есть вопрос о соотношении между идеею блага, только мыслимою, и между причинным сцеплением в Мире человеческом, которое действительно, или о борьбе между идеальным началом, исходящим из человека, и между естественною связью вещей и явлений, которая лежит в природе. В этой борьбе искусству, воле и пониманию первого предстоит, не разрывая причинности, покорить ее себе и, таким образом став истинным средоточием Мира человеческого и всемогущим распорядителем его судеб, из игрища истории, чем он всегда был до сих пор, сделаться сознательным и мудрым творцом ее. Не трудно видеть, что эта цель есть свобода, в высшем и в последнем смысле, в каком только она может быть понимаема.

III. *Цели, как последние формы*, к которым естественно направляется какое-либо развитие в Мире человеческом, потенциально предустановлены в природе развивающегося и не имеют отношения к добру и злу; т.е. они не есть необходимо ни добро, ни зло, являясь безразлично тем или другим, и должны быть изучаемы вне своего значения для человека. Однако, когда завершено их учение, человеку и естественно, и необходимо сравнить открытое с добром и злом, потому что он именно есть тот, через кого осуществляются эти последние формы и кому предстоит войти в них.

Эти конечные и естественные цели присущи всем формам жизни и должны быть определены для каждой

из них. О том, как определяются они, было уже сказано нами ранее, при рассмотрении форм *Учения о целесообразности*. Там указали мы, что путь к этому есть последовательное *разложение* природы стремящегося, выделение в ней того, что принадлежит *строению*, и открытие *направлений* в этом строении; и далее — определение направления в самом процессе развития и *направления нарастаний* в строении развивающегося; наконец, указали мы там, когда определены будут все направления в пространстве и во времени, следует мысленно *продолжить* их, пока они естественно не замкнутся. Полученная форма и будет та, к которой стремится недоразвившаяся наблюдаемая форма.

Руководясь этими правилами, мы попытаемся определить последние цели, к которым естественно и необходимо направляются важнейшие сферы человеческого творчества и важнейшие формы, из которых складывается жизнь.

IV. Конечная форма *науки* не могла бы быть определена из понятия о ней, как о «совокупности знаний» или как о «системе знаний». Знаний о чем? знаний каких? системы которой из бесчисленно появлявшихся? — все это не определено и не определимо в смутном и неограниченном понятии «о совокупности» или «о системе знаний». Напротив, из истинного определения науки без труда выводится ее конечная форма. По своей природе наука есть понимание; по своему строению понимание есть соединение идей о сторонах понимаемого. Процесс развития науки состоит не в прибавлении к этим идеям других идей, но в прибавлении к одному, обнимаемому идеями, другого, что еще не обнято ими. В этом состоит *направление процесса*; что в науке нарастает во время его? Нарастает *общность обнимаемого идеями*: от единичного наука переходит к множеству тождественного с этим единичным *во всем* (вид) и далее — к тождественному с ним *во многих частях* (род), затем — *в некоторых* (класс) и, наконец, *в одной* какой-либо части (бытие; его части различаются между собою во всем, но сходны в одном: в том, что все они одинаково есть, существуют). Таким образом, конечная форма науки есть познание всего во всем, т.е. *система идей, соответствующая всем сторонам бытия, которые есть, и обнимающая собою все, в чем есть эти стороны*; это — *всепонимание*, и первое, без

сомнения далекое от совершенства, очертание его мы пытаемся дать, раскрывая строение науки.

V. Конечная форма *искусства* может быть определена через мысленное продолжение тех направлений, которые замечаются в каждом художественном произведении и в двух или более сменах художественного развития в истории. Всякое отдельное произведение искусства стремится выразить *совершеннейшую красоту и совершеннейшим образом*; а при смене эпох художественного развития замечается стремление выражать *иную красоту* (другой тип ее), чем какая выразилась уже, и *осложниться другим*, нежели то, чем осложнялось ранее искусство. Таким образом, *выражение всей (полнота) красоты, всякой (типы) и всем осложненной* есть последняя цель, к которой естественно стремится искусство.

VI. Конечная форма *права* определяется через изучение двух направлений его: стремления к *совершенству* и стремления к *полноте*. И в самом деле, каждое отдельное установленное право может быть менее совершенным и более совершенным, смотря по тому, ближе или далее оно отстоит от истинного права, скрытого в самой природе вещей и отношений. И поэтому в своем развитии каждое такое отдельное право, не изменяя своей принадлежности и своего объекта (того, чье право, и того, на что право), изменяется само, приближаясь к своему совершеннейшему выражению. Система же установленных прав может быть более полною и менее полною, смотря по тому, исчерпывает или не исчерпывает она свои объекты (то, на что право) и субъекты (то, у кого право). Итак, если право может быть *большее и меньшее, на большее и на меньшее* число предметов (или действий), *у большего или у меньшего* числа людей и других модусов изменяемости не имеет, то, следовательно, и конечная форма его есть такая система прав, в которой *каждому всякое и на все предоставлено право, на что, какое и кто имеет по своей природе*.

Здесь может возникнуть вопрос, что значит «право, соответствующее природе чего-либо»? Это можно объяснить следующим примером: если кто-либо сделал какую-либо вещь, то ясно, что право, возникающее при этом, есть право собственности; что принадлежит оно тому, кто сделал вещь; и что объект его есть

сделанная вещь. Что же касается до большего и до меньшего совершенства права, то в этом случае оно выразится большею или меньшею безраздельностью владения вещью, смотря по тому, насколько сделавший ее есть единственный и исключительный творец ее. Так, если возможность сделать (свободу, досуг и безопасность) дало ему государство, а умение сделать дало общество, то и владенье вещью уже не может быть безраздельным. В этом-то смысле мы и сказали, что последняя и естественная цель развивающегося права есть предоставление каждому не меньшего и не большего права, не на меньшее и не на большее, чем какое и на что он скрыто имеет сообразно с природою своею.

VII. Конечная форма, к которой стремится *религия*, определяется из следующих трех ее направлений: направления к истине, направления к оживлению религиозного чувства и направления к полноте господства. И в самом деле, кроме этих трех начал, ни к чему другому не стремится религия, к ним же стремится каждая религия, всюду и постоянно. Так, религия (но не служители ее, которые бывают несовершенны) никогда не терпит в себе лжи; вся основанная на вере, она никогда не может ни действовать, ни существовать с тайным сознанием ложности того, во имя чего действует и существует; и все, что вносится в нее заблуждениями людей, раз будучи сознано как ошибочное, всегда уничтожается ею в себе. Далее, религия терпеливее переносит борьбу против себя, нежели равнодушные к себе, и это также не потому только, что равнодушные здесь опаснее ненависти, но и еще потому, что, чувствуя свое мировое и спасающее значение, она еще может понять, как люди не сразу уразумевают смысл ее и потому ненавидят ее, но не может понять, как и уразумев этот смысл они еще могут оставаться спокойными и свои маленькие дела предпочитать ее великому делу; не может примириться с этим, потому что здесь лежит невозможность самого спасения, сознание, что некого спасать и не для кого было приходить в мир. На этом же, на сознании своего мирового и спасающего значения, основано и стремление религии к господству над всеми людьми и над всеми сторонами их духа и жизни. По самой природе своей религия не может и не должна быть терпима, и та из них,

которая уже не борется более, которая успокоилась, полна тайного атеизма, сознанныго или бессознательного. Как тот, кто видит погибающего человека и не спасет его, есть бессердечный человек, что бы ни говорил его язык; так религия, знающая, что есть хотя один еще не спасенный ею человек, и остающаяся равнодушною к этому, втайне уже думает, что иное, а не она спасает человека или что нет никакого в действительности спасения, о котором говорит она. И как бы могущественна, по-видимому, ни была такая религия, «секира уже лежит при корне ее»; потому что атеизм не есть религия, но только атеизм. Итак, религия истинная, всемирная и живая есть та конечная форма, к которой естественно и необходимо стремится религиозное сознание всего человечества и на которой оно успокоится.

VIII. На конечной форме *государства* мы остановимся несколько подробнее, нежели на предшествующих, частью потому, что о нем прежде мы говорили менее, нежели о других проявлениях человеческого духа, частью же потому, что нигде не может быть выяснена так природа государства, как именно здесь; потому что все потенциально скрытое, что мы предугадываем в неразвитых его формах — а они одни известны нам в истории и в жизни, — в конечной форме становится реальным и видимым. К тому же это послужит и объясняющим примером, как следует вообще определять конечные формы.

Не следует думать, что эта конечная форма неопределима, что сознание чуждо историческому росту политических организмов и что этот рост не может быть подчинен идее. Будущие формы всего, что правильно развивается, могут быть определены никак не с меньшею точностью, чем с какою определяются прошедшие формы; бессознательное внутри себя может быть создано тем, что вне его; и, наконец, если даже мертвая природа подчиняется разумной воле человека, то как не признать способности к этому в живом человеческом мире и его формах? Нет сомнения, что и возникает государство и долго существует потом бессознательно, но так же несомненно, что бессознательно возникшее может потом и быть объяснено, и проникнуто сознанием; и подобно тому как язык народа, столь же бессознательно возникнувший, изу-

чается и через изучение совершенствуется, так и государства, сложившиеся в истории, давая начало пониманию, затем покоряются ему. Как и грамматика, как и все учения о Мире человеческом, политика имеет своею задачею объяснять и руководить.

Если мы всмотримся в государства — все, какие есть или какие возможны, — и мысленно станем отвлекать в них одно от другого, расчленяя таким образом их на части, то, видя, с изменением и исчезновением чего изменяется и исчезает само оно, можем узнать, что именно составляет сущность государства, и открыть истинное его определение.

IX. Так, это мысленное отвлечение без труда убедит нас, что *ни народ, ни страна не составляют государства*; и хотя оно не может быть без них — каждое государство принадлежит народу и находится в той или другой стране, — однако оно не есть они, подобно тому как сила тяготения не есть вещество, хотя есть только в веществе. Страна, народ, человечество — это сфера, в которой проявляется государство, вещество, вне которого оно не может быть наблюдаемо, но которое не должно быть смешиваемо с ним, как материя не должна быть смешиваема с силою, если мы хотим понять их. С уменьшением народонаселения или с потерей части земель государство *ничего* не утрачивает; и как громадные пространства, населенные массами народа, могут быть совершенно лишены государства, так самые незначительные частицы земли и самые маленькие народы могут обладать совершеннейшим государством. Россия, как политический организм, не изменилась с присоединением Сибири или Среднеазиатских владений, но только удвоилась; Пруссия с потерей половины своих земель при Наполеоне осталась неизменною, как государство.

Не составляет также государства и то все, что принадлежит людям и что находится на земле, на которой живут они. Это обладаемое есть богатство народное, и государство так же ничего не утрачивает в себе с уменьшением этого богатства, как ничего не приобретает с его увеличением. Как и народ, как и страна, имущество находится в формах государства, но не составляет собою этих форм. При его *minimum*'е государство может быть столь же совершенно, как и при его *maximum*'е.

Если, далее отыскивая, в чем заключена сущность государства, мы коснемся самой деятельности человека и того, что создается ею, то и здесь заметим, что та деятельность, которая направлена *для себя* и исходит из желания, *в себе* зародившегося, не имеет отношения к государству; равно как не имеет к нему отношения и все то из создаваемого, что *по своей мысли и для себя* создается человеком. Государство ничего не утрачивает и не приобретает в своих формах, когда ученый издает новые исследования или когда в поэте ослабевает творческий дух. Книги, картины, музыка, новые идеи, чувства и желания, пробуждающиеся и замирающие в истории, — все это влияет на государство, но не есть государство, подобно тому как воды реки, своим напором изменяющие ее русло, тем не менее не составляют этого русла и, его обуславливая, еще более обуславливаются им. Все *индивидуальное, личное по происхождению, по цели и по образу совершения или существования не имеет отношения к государству, не составляет никакой части его.*

Мы подходим теперь к теснейшей оболочке государства, к той, которая не так, как предыдущее, свободно облегает его, но уже непосредственно прилегает к его сущности и потому всегда почти смешивается с нею. Это — *законы, учреждения и постановления.* Совокупность их называют государством в тесном смысле, а совокупность людей и земель, соединенных этими законами, учреждениями и установлениями, называют государством в широком смысле. Расследуем, так ли это.

Принятый нами метод разделения и затем отвлечения разделенного даст и здесь непреложное и точное знание, не смешивающее то, что различно. Пусть совокупность законов и учреждения, через которые приводятся они в исполнение, моментально исчезнет в каком-нибудь государстве — с ними исчезнет ли оно само? Напр., если бы в древней Спарте или теперь в России какой-нибудь страшный пожар или какое-нибудь наводнение обратили в пепел все законы и в груды развалин — суды, сенат и прочие учреждения, если б в великом бедствии погибло все и остались одни люди и земля под ними, о которых уже сказано было, что сами по себе они не составляют государства, исчезло ли бы последнее? То, что осталось, уподобилось ли

бы тем диким странам и народам, которых не коснулась государственная жизнь? Нет, государство пребыло бы неизменно, и все, что совершалось в нем ранее, совершалось бы и теперь, с прибавлением только новой деятельности, направленной к восстановлению только что погибшего. После великого бедствия подданные еще с большею, чем прежде, любовью повиновались бы своему государю, подчиненные еще деятельнее спешили бы исполнять поручения своих начальников — словом, все прежние отношения и цели остались бы те же. Итак, ясно, что законы и учреждения суть то, без чего неудобно обойтись государству, но что не есть самое государство.

Возьмем еще обратный пример. Пусть в страну, вновь открытую европейцами и населенную каким-либо первобытным племенем, приехало несколько европейцев, хороших воинов и хороших юристов, и, покорив ее, ввели в ней учреждения и законы своей страны, во всей их полноте и подробностях, без всякого изменения. Эта новая страна стала ли бы тотчас, как только покорители объявили вводимые законы и учреждения, государством, во всем подобным тому европейскому государству, с которым у нее подобные законы и подобные учреждения? Ясно, что нет. Это был бы зародыш государства, и то, что в нем было бы собственно государством, — это не введенные законы и учреждения, но те новые отношения, первобытные и наивные, которые возникли из факта покорения и из необходимости и неумения вышолнять что-то, чего требуют покорители и чего не понимают покоренные. Такое возникающее государство очень походило бы на Англию времен покорения ее норманнами, с которою у нее, однако, не было бы ни одного схожего учреждения и закона, и совершенно не походило бы, например, на современную французскую республику (если б воображаемые завоеватели были французы), с которою у нее были бы одни и те же учреждения и законы. Таким образом, и здесь перед нами обнаруживается, что государство есть не то же, что система установленного в народе и стране верховною властью, но только нечто установившееся в них.

Теперь мы подошли совершенно к государству. В первом примере мы взяли людей и страну, в которых сохраняется государство, когда все погибло. Но ранее

доказано было, что ни страна, ни люди не составляют государства. Что же осталось еще? То, что есть в людях, т.е. их дух и деятельность их. Но и из последнего мы выделили ранее, как не относящееся к государству, все, что по образу, цели и происхождению индивидуально. Итак, оставшееся, т.е. *идеи, чувства и стремления и основанная на них деятельность, которые не индивидуальны по происхождению, по цели и по форме, и есть государство.*

Х. Анализируем это оставшееся и рассмотрим, из чего оно и какую образующую часть входит в государство каждая составная часть его. Тот же метод, который был уже употреблен нами, обнаружит здесь, что то, на чем мы остановились теперь, есть действительно государство, как ранее он обнаружил, что все выделенное не составляет его.

Сюда относятся прежде всего *идеи, не личные по происхождению, по цели и по форме.* Это — представления и понятия, которые одни у всех людей, входящих в государство, которые имеют предметом совокупность этих людей или обширные группы их, которые извне входят в каждого, совокупностью людей даются отдельной личности. Так, в нашем государстве — это общие всем русским людям, не зародившиеся ни в ком из них отдельно, представления о русской земле, о русском народе, понятия о государе, о подданных, о законе, о необходимости повиновения, о беспорядке и безобразии, которые могли бы возникнуть без единства власти и без полноты повиновения. Словом, это совокупность чрезвычайно элементарных и чрезвычайно общих представлений о существующем, о должном и о позволительном, которыми бессознательно живет каждый политический народ и в нем каждый отдельный человек, которые вырабатываются в трудном процессе истории и только веками изменяются в нем. И далее, сюда же принадлежит более тесный круг понятий и представлений, но также общих по происхождению, цели и объекту, которыми живут отдельные несходные между собою группы людей. Таковы представления и понятия управляющих о себе и об управляемых, и среди их — каждого отдельного разряда, напр. всех судей, о себе и о других подобных группах людей.

Теперь представим себе, что в каком-либо государстве разом исчезли бы все эти общие понятия и пред-

ставления — осталось ли бы самое государство? Вообразим, что однажды, засыпая, люди забыли бы, что такое государь и подданный, что такое закон и повиновение, что такое начальник и подчиненный, и, проснувшись, имели бы только те понятия и представления, которые каждый в себе и про себя создал, — понятия о своем доме и хозяйстве, о своих родных и соседях, о своем прошлом и предстоящем будущем, даже знания научные и навыки художественные и ремесленные, словом, все индивидуальное по происхождению, цели и форме — в то утро, когда так измененные проснулись бы все, сохранялось ли бы по-прежнему государство? Ясно, что нет. Все, что мы называем государственною деятельностью и государственными отношениями, разом исчезло бы. Проснулось бы несколько миллионов единичных людей, так же мало составляющих из себя государство, как мало составляют его изолированные друг от друга жители Австралии или индусские отшельники.

Этим объясняется и то, почему в покоренной и первобытной стране, в которую вводятся сложные политические учреждения и законы, возникает государство, соответствующее не этим законам и учреждениям, но другое, зачаточное и первобытное, соответствующее только факту покорения и из него одного вытекающее. В людях покоренной страны нет понятий и представлений, отвечающих сложным учреждениям и законам, и поэтому именно нет и сложного, развитого государства. Есть же государство первобытное и простое, потому что есть только три, всем общие, представления: о совершившемся покорении; о том, что покорившие желают чего-то другого, нежели то, что прежде было в стране; и о необходимости исполнить их желание, покориться их воле.

Отсюда же объясняется и исторический факт неудачи всех нововведений, насильственно вносимых реформаторами в государственную жизнь народов, и медленный, строго последовательный ход вообще всякого исторического развития. Никакой человек, как бы могуществен он ни был, не может вынуть из сознания людей установившиеся понятия и представления и вложить взамен их другие, им самим придуманные; никогда не совершит он волшебства, подобно тому, которое, как пример, мы вообразили несколько выше: именно, чтобы люди, заснувши, забыли все прежние общие

понятия или чтобы они проснулись с новыми, какие в них хотел бы видеть реформатор. А не будучи в состоянии сделать это, никакой человек не в состоянии сделать и действительный, не кажущийся только, переворот в государстве, но только некоторое и незначительное изменение в нем.

Будем продолжать дальнейший анализ охваченного первым определением государства.

То оставшееся, на что мы указали как на государство, кроме идей состоит еще из *чувств, не личных по происхождению, по цели и по форме*. Это чувства, общие всем людям, живущим в государстве, одинаковые во всех их, воспринимаемые отдельными личностями от целой массы, объектом которых служит не тот, в ком чувство, но группы других людей, с ним не связанных никакою естественною связью, ни родством, ни соседством. Таковы чувства преданности своему народу и своей стране, чувство уважения к верховной власти, чувство личной слабости и коллективной силы, чувство тревоги сильнейших по власти за слабейших, чувство ответственности каждого перед всеми, чувство близости, как бы родства между собою, всех единоплеменников и многие другие. Без этих общих и одинаковых чувств государство так же не могло бы существовать, как и без общих одинаковых представлений. Так, если бы в какой-нибудь стране государь вдруг потерял всякое чувство нравственной ответственности перед своими подданными, перед памятью своих предков и перед будущим, если бы у подданных исчезло чувство ответственности перед законами, если б никто более не чувствовал себя лично слабым, никто не чувствовал привязанности к другим, словом, если б в душе всех остались только индивидуальные чувства, — государство моментально исчезло бы, и осталось бы одно только представление о нем, как воспоминание о чем-то бывшем, чего уже нет более. Под влиянием индивидуальных чувств каждый занялся бы своими личными делами, — государь перестал бы управлять, судья не стал бы более судить, полководец повелевать и солдаты повиноваться. Как и в случае исчезновения общих представлений, государство исчезло бы и на месте его осталась бы страна, в которой живут несколько миллионов ничем не связанных между собою людей.

В-третьих, сюда относятся *стремления, не личные по происхождению, по цели и по форме*. Это стремления, источник которых не воля стремящегося, но иная, вне его лежащая воля: отсюда повиновение, как постоянный и необходимый элемент государства; далее, это стремления, одинаковые для всех людей в одних случаях и для многих — в других случаях: отсюда единство действия; наконец, это стремления не для себя или близких себе, но для всех людей, живущих в государстве, или для многих одинаковых по положению в нем: отсюда безличность всех государственных отношений и благо далеких, чужих людей или отдаленных, будущих поколений, как цель его деятельности. Так, судья, исполняя свою должность, следует не своей воле, но чуждой и внешней для него воле закона, т.е. того или тех, кто в этом законе для всех судящих выразил свою волю. Становясь судьей, он перестает быть личностью, индивидуумом, но только единичным воплощением общего государственного органа, во всем схожим с другими воплощениями того же органа; таков он и для судимых, и для тех, по воле кого судит; и самые судимые для него перестают быть людьми с определенными характерами, склонностями, личными чертами и становятся отвлеченными единицами с одним общим определенным свойством — виновностью.

Теперь мы можем дать второе определение государства, то же, которое дано было ранее, но измененное сообразно с выяснившимся значением терминов, вошедших в то первое определение: *государство есть система психических состояний, соотносительных и непринудных*. Соотносительность этих состояний есть причина того, что те, в ком они, являются не чуждыми друг другу, но связанными, соединенными: все соотносящееся разлагается на два члена, из которых каждый необходимо предполагает другой соответствующий себе. Так, в государстве — управляющие и управляемые, судящие и судимые, оберегающие и оберегаемые. Соотносительность же проводит и первое различающее деление в массу людей, всегда однородную до появления государственности и всегда утрачивающую эту однородность с появлением ее. Это первое деление, с которого начинается существование государства, есть деление на управляющих и управляемых. Остальные деления в государстве, весьма

сложные, производятся уже не соотносительностью, но другою причиною, именно целесообразностью. Но двойственность в каждое из подразделяющегося вводит снова соотносительность. Так, напр., не она есть причина того, что появляется суд в государстве, как один из органов его; но она есть причина того, что с появлением этого органа все обнимаемые им люди и относящиеся к нему распадаются на судящих и на судимых, и сообразно с этим распадением в государстве возникает и двойной ряд обязанностей и прав — тех, которые принадлежат судьям, и тех, которые принадлежат подсудимым.

XI. Выведенное нами определение проливает чрезвычайно много света на происхождение, развитие и умирание государств. Отвергая, как ложное, учение о естественном развитии государства из семьи, оно указывает, что образование первого не может произойти иначе как только тогда, когда какая-нибудь внешняя причина выведет однородную массу людей из первобытного природного состояния и вызовет в нем соотносительность психических представлений, чувств и стремлений. Таков акт защиты или, напротив, покорения, таков же акт переселения, так часто необходимый у кочевых народов и могущий сам по себе вызвать образование государства. Оно указывает далее, что ни при каких условиях возникающее государство не может быть сложно, ни его развитие не может совершаться быстро и неравномерно, так как, что бы ни совершалось в делах человеческих, в душах человеческих психические состояния не могут ни возникать многие и разом, ни видоизменяться быстро и беспорядочно, а они-то именно, эти состояния, и суть государство. И как всякое такое психическое состояние тем прочнее становится, чем продолжительнее оно пребывает, то и государство всякое, или в нем всякая часть, при равенстве прочих условий тем прочнее, чем медленнее происходит в нем развитие; и напротив, всякое быстрое и крупное изменение, часто необходимое, единственно спасающее, все-таки расшатывает и ослабляет государственный организм; так что наиболее мудрая политика всегда состоит в том, чтобы никогда не задерживать течение политической жизни, не столько потому, что это прямо вредно, сколько потому, что последующая неизбежная быстрота развития неизмен-

но вредна. Затем то же определение объясняет, почему возникающие государства так легко разрушаются сильнейшими и так бесследно исчезают, что мы наблюдаем, например, в эпоху Великого переселения народов. Разрушить два-три психические соотношения не составляет большой трудности, и, когда они недавни и не укрепились еще, они быстро и бесследно изглаживаются, как бы ни многочислен и повидимому ни силен был народ, в котором они. Напротив, старинное и сложное государство разрушить не только очень трудно, но и совершенно невозможно разом, как бы мало по объему и численности народонаселения оно ни было; потому что здесь предстоит разрушить целый мир психических соотношений, из которых каждое старо и прочно. Поэтому в тех случаях, когда такие маленькие и развитые государства насильственно погибают, они прекращают свое существование только номинально, в действительности же долгое время еще продолжают жить. Показателем этой тайной жизни является та упорная борьба, которую покоривший народ долго еще ведет против неразрушенных психических соотношений в покоренном народе, и то быстрое и моментальное образование сложного государства, к которому способен подчиненный народ, едва на время, в каком-нибудь восстании, перед ним промелькнет независимость и прекратится внешнее давление. Это быстрое образование наружных форм государства возможно потому, что еще существуют его скрытые формы, которые одни существенны и необходимы для государственной исторической жизни. Поэтому всякий политический организм только тогда можно считать совершенно разрушенным, когда люди, некогда составлявшие его, уже не способны более к образованию из себя прежнего государства, хотя бы им и была предоставлена полная независимость. Так, в III или в IV в. после Р.Х. Афины уже окончательно перестали жить. Наконец, это определение объясняет и процесс естественного умирания государств. Этот процесс состоит в последовательном и медленном разложении всех ранее сложившихся психических соотношений и, как в видимом результате этого, — в распадении некогда соотносившегося на изолированное, т.е. не связанное, не соединенное более. Строго говоря, такое умирание отдельных психических соотношений постоянно

совершается в государстве и в пору его развития, и в пору его высшего процветания и могущества; оно сопутствует всякому изменению в политической форме. Но только в обыкновенное время рядом с умиранием одних психических соотношений идет зарождение других, новых, и пока возникающие соотношения многочисленнее умирающих, — политический организм растет и крепнет, и, только когда умирания начинают преобладать над новообразованиями, — он неудержимо начинает клониться к упадку. Проследить, как именно и отчего происходит распадение отдельных соотносительных представлений, чувств и стремлений, — это и необходимая, и полная глубокого интереса задача науки. Мы ограничимся здесь указанием только на два явления ослабления психических соотношений, необходимо связанные с их усложнением. Первое из них состоит в следующем: когда психические соотношения возрастают в числе и в разнообразии, тогда каждое из них ослабевает в напряженности, потому что сила душевная, некогда на одном или на немногом сосредоточенная, теперь сосредоточивается на многом и разнообразном, как бы распределяется между ними и ослабевает в каждой точке своего распределения. Так, у человека, который должен был бы одновременно испытывать только одно чувство, положим справедливости и несправедливости, и иметь одно представление — о необходимости воздаяния за добро добром и за зло злом, и это чувство, и это представление были бы более живы, нежели в том случае, когда рядом с ними у него возникло бы другое представление и другое чувство, положим представление об опасности и чувство тревоги. Поэтому в сложном государстве чувство патриотизма, например, всегда и необходимо слабее, нежели в простом государстве. В первом оно существует как одно в целом мире иных чувств и представлений; во втором оно существует наряду с немногими другими чувствами, а иногда и одно даже. Второе явление состоит в следующем: когда государство, усложняясь, распадается на органы (государь, армия, судьи и пр.), то каждый такой орган получает своеобразное строение и свою особую цель. Люди, которые живут и действуют в пределах этого органа или с ним соотносятся, имеют чрезвычайно мало и необходимости, и возможности сохранить жи-

вость чувств и представлений, соответствующих другим органам государства, и поэтому утрачивают их. Тогда происходит замирание общегосударственных психических соотношений и остаются только специальные, соответствующие одному какому-либо органу государства. Так, в Риме в эпоху падения войны переставали чувствовать себя гражданами, но только воинами, их вожди сильнее чувствовали в себе полководцев, нежели римлян, и т.д. Таким образом, общегосударственная жизнь и связь ослабевает по мере возрастания числа органов в государстве и оживления жизни и связи в них; и даже когда первое умирает, вторые еще продолжают некоторое время существовать, если этому не препятствует никакая внешняя причина. Так, некоторые из римских учреждений, например муниципии, продолжали долго жить после того, как умерло римское государство.

XII. Теперь, разобрав психические соотношения, как основной элемент государства, мы должны перейти к *деятельности*, как второму элементу его, который, указав в первоначальном определении, мы обошли потом молчанием. Эта деятельность всецело основана на соотносительных представлениях, чувствах и стремлениях и есть только внешнее и реальное выражение их. Так, судья не судил бы и судимый не подчинялся бы его приговору, если б у того и другого не было некоторого ряда соответствующих действиям представлений, чувств и желаний; то же самое справедливо и относительно всех других проявлений государственной деятельности.

Не всякая деятельность входит составною частью в государство, но только та, которая *не индивидуальна по происхождению, по форме и по цели*.

И в самом деле, не трудно заметить, что всякая деятельность, источник которой лежит в личной мысли и в личном чувстве, хотя и совершается в государстве, однако не составляет никакой части его; напротив, всякая не личная по происхождению деятельность непременно будет государственною. Второе может быть доказано простым перечислением родов человеческой деятельности, а также и тем соображением, что ничто, кроме государства, не может побудить человека совершить что-либо такое, о чем у него и представления не было ранее, к чему он не чувствует никакого особого

влечения, на что у него нет личного желания. Не составляют исключения из этого и те случаи, когда человек, принадлежа к какому-нибудь обществу, положим торговому, выполняет не им самим задуманные планы. Потому что планы эти все-таки задумываются в единичной мысли того, кто руководит обществом, и притом для одного *этого* общества обязательны эти планы. Но нет мысли, которая двигала бы и направляла все общества, какие есть, и если б возникла она — мы живо чувствуем это — она стала бы государственною, а сами общества превратились бы в государственные органы. Таким образом, каждое общество, взятое в целом и рассматриваемое в связи с другими подобными же обществами, строго индивидуально. Если же внутри общества есть масса лиц, которые повинуются не своей воле и действуют не по своей мысли, то именно настолько, насколько оно имеет не индивидуальный характер, всякое общество имеет сходство с государством, есть в действительности маленькое, неразвитое и специализированное государство. Что это так, это можно видеть из того, что в истории немало государств возникло из торговых обществ через простое уничтожение в последних исключительной специализации (Карфаген, Ост-Индия). Второе же, т.е. что никакая индивидуальная по происхождению деятельность не может быть государственною, доказывается тем, что всякая такая деятельность прерывчата по существованию, своеобразна по форме и единична по месту совершения, деятельность же государственная по самой природе своей непрерывна, единообразна и повторяется на всем пространстве государства. Отсюда также не исключаются те случаи, когда личная деятельность по содержанию совпадает с государственною. Так, акт благотворительности какого-либо частного человека, например построение больницы, может вполне совпасть с актом государственного органа, имеющего своею задачею благотворительность; но тем не менее такой акт не будет составлять никакой части государственной деятельности именно потому, что он индивидуален по происхождению, что он личностью задуман и ею выполнен.

Так же точно деятельность государства не индивидуальна по *форме*. Ее процесс не придумывается (перед совершением) и, раз существую, не изменяется, но толь-

ко выполняется действующими. Отсюда происходит единообразие всех государственных отправления и их повторяемость в пространстве и во времени. Так, в каждом государстве суд над преступлениями повсюду совершается так же, в следующие моменты тот же, что и в предыдущие, через те же стадии проходит и, наконец, в то же время повторяется с сохранением всех своих форм.

XIII. Переходя затем к неиндивидуальности в третьем элементе государственной деятельности — в *целях*, мы вступаем в главную область настоящего исследования. Если психические соотношения образуют основу, как бы остов государства, то цели составляют душу в нем. Ими живет и движется государство: они суть то, ради чего существуют психические соотношения.

Может ли быть найдено какое-либо одно общее выражение для этих целей, обнимающее как те из них, которые действительны, так и те, которые могли бы стать когда-либо желаемыми? Несомненно может: если относительно многого мы не затруднились бы утверждать, что оно никогда не составляло и не составит цели государственной деятельности, то, следовательно, и относительно того, что составляет и может составить эту цель, мы в состоянии найти некоторое общее определение.

Итак, исходя из того положения, что целью государственной деятельности, реальной или мыслимой, никогда не может стать ни зло само по себе, например государство не может поставить своею целью ни обеднение себя (или себе ненужное), ни произведение болезней, ни развращение людей, ни вообще что-либо, соединенное со страданием; и далее, так как объектом, к которому направляется его деятельность, не может быть также и что-либо совершенно разнородное со злом, что не имеет к нему никакого отношения, например, оно не может стремиться ни к изменению цвета и силы блеска в переменных звездах, ни к тому, чтобы свойства одних минералов переместились в другие минералы, — то ясно, что единственное, что составляет или может составить когда-либо цель его деятельности, есть *благо* как отрицание зла, как его противоположное: оно одновременно есть и соотносящееся со злом, и не часть какая-либо его, равно как и не что-

либо с ним сходное. И действительно, ни в истории не существовало когда-либо, ни в воображении человека не создавалось и — мы живо чувствуем это — не создается такое государство, которое осуществляло бы собою или что-нибудь противоположное добру, или нечто не имеющее к нему никакого отношения. Итак, подобно тому как истина есть цель науки или красота — цель искусства, единственная и конечная цель государства, как своеобразной и самостоятельной формы жизни, исходящей из духа, есть благо осуществленное; полным же и правильным определением его будет следующее: *государство есть целесообразно расположенная система психических состояний, соотносительных и неприродных, отражающаяся в деятельности целесообразным процессом, в котором господствующий и направляющий член есть благо.* В этом определении та новая часть, которая относится к целесообразности, так же необходима и достаточна для понимания всего, что относится к будущему и к должному в политической жизни человечества, как другая прежняя часть, раскрывающая сущность определяемого, достаточна и необходима для объяснения прошедшего и естественного в государственной жизни народов.

XIV. Согласно с определением, государственные цели не индивидуальны. То есть в государстве не благо действующего есть цель действия, но благо иное или иных. Так, судья не себе оказывает справедливость, но другим; армия не себя защищает, но других, и т.д. И всякий раз, когда источник и объект действия совпадают, деятельность не имеет государственного характера.

Чем по своей сущности является государственная деятельность; что является содержанием ее как процесса? Никогда творение самого блага, но только приведение элементов Мира человеческого и физического в такое расположение, что из взаимного соотношения их как конечный результат необходимо и уже само собою получается благо. Государственные деяния не суть творческие акты, те, которые рассматриваются во второй форме *Учения о мире человеческом*, но суть создания причинных сцеплений, которые оканчиваются творческими актами. Как бы ни было могущественно государство, оно не в состоянии ни открыть какой-

либо истины, ни написать музыкальное или поэтическое произведение, ни совершить что-либо высоконравственное; но от него зависит, оно может сделать так, чтобы и истины открывались или не открывались, и художественные произведения создавались или не создавались, и люди были нравственны или безнравственны. Нет ни одного вида добра (или зла), который бы мог быть создан государством непосредственно, прямо; оно совершенно бессильно к этому — такова его природа. И наоборот, нет такого вида добра (или зла), который не в состоянии было бы произвести государство косвенно, посредственно, — и в произведении добра таким способом лежит его цель.

Никогда что-либо другое, разнородное от указанного, не составляло и не составит цели государства. Все политические формы, известные в истории, в каждом отдельном своем акте и все формы государства, к каким когда-либо стремились или будут стремиться люди, не ставили и не могут поставить себе иных целей. Вся разница ограничивается тем, что одни государства хорошо достигают этих целей, другие же неумело и что в самой цели одни из них видят многие виды блага, другие — немногие, и одни — одним из этих видов отдают предпочтение, ставят их во главу своих интересов, другие — другим. Афины и Рим, Китай и Англия, негритянская деспотия и Соединенные Штаты одинаково стремились и стремятся к этому различному в одном, к этому отдельному в целом — в благе к его видам.

XV. Все виды блага, производимые не прямо, но через посредство чего-либо, и не для производящего, но для иных, мы назвали ранее *пользою*. Польза, таким образом, не имеет никакого различия от добра и его видов — истины, справедливости, нравственности, красоты и пр.; по сущности она есть то же, что они, но различие есть в способах производства и в разделенности производящего от воспринимающего. Эта польза есть цель государства, и ее явления суть сфера деятельности последнего.

То посредствующее, через что производятся виды блага, суть *органы государства*. Из них каждый, таким образом, целесообразен. И так как виды блага не одинаковы, а [не]одинаковое и производится неодинаковым, то каждый орган сверх того и своеобразен.

Полным определением государственного органа будет, таким образом, следующее: *он есть целесообразная и своеобразная группа психических соотношений, назначением и следствием деятельности которой является какой-либо вид блага.*

Так как государство производит благо не для кого-либо в отдельности, но для всех нуждающихся в благе, то деятельность каждого его органа *непрерывна*. И так как не для одной какой-либо местности стремится оно произвести благо, то каждый из его органов *повторяется* столько раз, сколько раз обширнейшая область деятельности его единичного проявления повторяется на том пространстве, на котором действует государство.

Эта повторяемость присуща каждому государственному органу. То, где совпадают повторяющиеся органы, является как бы узлами государственной жизни, а то, где соединяются они в одно, служит ее центром. Ясно, что значение таких узлов возрастает и уменьшается, смотря по тому, все ли органы при повторениях совпадают или только некоторые. Сделать же возможно одинаково и то и другое.

XVI. Государство неизменно и постоянно является выразителем целой идеи блага — и на первой ступени своего развития, и в своей конечной форме, еще никогда не осуществленной. Это видно из того, что в каждый момент своего существования оно стремится осуществить всякое благо, которое по той или другой причине будет сознано в нем как таковое. И если оно одновременно не стремится и к другим видам блага, то не потому, что считает их вне своей задачи, но потому, что не сознает, т.е. или не знает об них, или не признает их благом для себя.

Мерою государственного развития и совершенства служит то, *насколько далеко в его сознании разложилась идея блага на свои термины, служащие названиями отдельных видов блага, и в соответствии с этим разложением идеи насколько далеко совершилось распадение его самого (государства) на органы как целесообразные и своеобразные части, отвечающие терминам идеи и осуществляющие виды блага.*

На первой ступени государственного развития идея блага является неразложенною и само государство — лишенным органов. Оно, как целое, всем своим сущес-

твом, попеременно осуществляет то одно благо, то другое, не видя в них родового различия, не признавая их как виды. Это — община или племя, где старшина или царь и судит, и предводительствует на войне, и оберегает внутренний порядок и спокойствие; где он есть и тот, кому платится дань, и тот, кто ее непосредственно собирает. Распадение самого государства здесь первоначально и двойственно. Оно имеет два элемента (но не органа, потому что последние только осуществляют благо, тогда как из элементов один не делает этого и, следовательно, не есть орган): управляющий — тот, от которого исходит благо, и управляемый — тот, для которого благо.

С разложением идеи блага на термины и вследствие его происходит распадение государства на органы, т.е. начинается процесс его исторического развития. Это совершается тогда, когда для сознания живущих в государстве ясно становится, что некоторые виды блага постоянны, что добро не является попеременно то безопасностью, то справедливостью, то достатком и пр., но что в нем есть постоянно и одновременно и безопасность, и справедливость, и достаток и пр. и что все это равно необходимо для людей. Тогда для лучшего осуществления этих видов блага выделяются и предназначаются особые органы, т.е. то самое государство, которое некогда попеременно являлось и судящим, и оберегающим и т.д., теперь, разделившись на части, одну из них предназначает для одного вида блага, другую — для другого и приспособляет каждую часть к своему виду блага. Таким образом, возникшие части являются и целесообразными, и своеобразными, т.е. становятся органами.

Дальнейшее развитие государства, или усложнение его формы, происходит следующими двумя путями: наряду с сознанными видами блага сознаются другие как равные, и вследствие этого рядом с действующими органами возникают другие органы как равноправные с ними; и затем в каждом единичном виде блага сознаются новые подчиненные виды его, и вследствие этого каждый из существующих органов распадается на подразделения. Каждое такое подразделение имеет свою задачу осуществлять одну какую-либо часть того вида блага, который прежде признавался как нечто целое и теперь признается как нечто составное. Примером

первого усложнения может служить возникновение наряду с войском, предназначенным охранять безопасность, суда, предназначенного осуществлять справедливость; примером второго усложнения может служить распадение войска на часть, оберегающую государство от внешней опасности (регулярная армия), и на часть, оберегающую его от внутренней опасности (внутренняя стража). Еще лучшим примером этого усложнения может служить распадение суда на светский и на духовный, и первого — на гражданский и уголовный.

XVII. Из сказанного ясно, что развитие государства в систему целесообразных и своеобразных органов и совершенствование через это, которое замечается в политической истории всех народов, имеет под собою как производящую причину и объясняющую истину логическое распадение идеи блага на термины и последних через выражение в соответствующих подчиненных идеях — на новые подчиненные термины и т.д.

Как происходит раскрытие внутреннего содержания идеи блага, так происходит историческое развитие государств — правильно или неправильно, глубоко или поверхностно, полно или односторонне, смотря по тому, правильно или неправильно, далеко или недалеко, полно или неполно раскрывается в историческом сознании народа самая идея. Строгость мышления, отчетливость понимания, тонкость ощущения — все это естественные дары духовного строя народа, заранее предустановливающие тот предел, до которого он дойдет в своем государственном развитии.

Там, где кончается логическое раскрытие идеи блага, т.е. где последние термины ее совпадают с именами единичных благих вещей реального мира, — там кончается и развитие государства, возможное и мыслимое, но никогда еще действительное. Та последняя форма, на которой останавливается государство в развитии, потому что органами его исчерпывается содержание идеи блага, есть конечная форма его. Она может быть определена, предвидена и поставлена как идеал для исторически развивающихся государств через простое логическое раскрытие идеи блага.

Эта конечная форма может служить указателем, во что неизбежно предстоит развиваться государствам

и к чему для избежания ошибок и страдания им следует стремиться сознательно; процесс же раскрытия идеи, правильный, последовательный и до конца совершенный, может руководить государствами в их пути к своей естественной и последней цели, указывая, что вслед за чем должно выделяться в них как органы

Соответственно с тем, как ранее разложили мы идею добра и зла, и государство должно распасться на следующие органы:

I. *Орган, способствующий уменьшению естественного зла, лежащего в физической природе человека — болезни, слабости и смерти, через предупреждение и уничтожение первой, через отдаление третьей, через облегчение второй.* Он естественно должен распасться на два подчиненные органа: тот, который облегчал бы слабость, и тот, который предупреждал бы возникновение и уничтожал бы возникшие болезни и через это отдалял бы смерть.

Задачу первого органа исполняет в настоящее время частная и общественная благотворительность, и насколько ее не хватает на это дело, то должно быть восполнено особым государственным органом, который наблюдал бы, чтобы всякий из живущих в государстве, лишившись ли в младенчестве родительской помощи или в старости — детской, находил эту помощь в государстве. Отечество должно быть и любящею матерью, и заботливым сыном для детей и для стариков, не по своей вине не могущих пропитать себя. Та привязанность, которую через это внушит оно к себе, с избытком вознаградит его за те жертвы, которые оно понесет в этом деле.

Насколько мы можем судить, ни одно государство так не близко к выделению из себя этого органа, как наше. Основанное не на договоре враждующих сторон — монархии, аристократии и демократии, — но на доверчивости всех к человеческому достоинству одного, оно чуждо той холодности и безжалостности, которые так присущи строгому праву, где всякий воздаст другому только то одно, что обязан воздавать, и имеет в себе много мягкости, присущей семейным отношениям, где из любви и милосердия сверх обязательного воздается и нравственно должное. Оно, правда, еще не поставило благотворение как одну из задач для своей деятельности, но и народом нашим чувствуется, что

эта задача входит в состав государственных целей — это видно из того доверия, с каким во всякой нужде и невольном бедствии он обращается за помощью к государству, и последнее готово идти навстречу этому еще безотчетному сознанию и ожиданию народа — это видно из того, какое участие принимает оно в частном и общественном благотворении, как много прибавляет к нему, стремится организовать и правильнее распределить его.

Следует заметить, что с выделением особого государственного органа для рассматриваемой цели нужно тщательно остерегаться того, чтобы его деятельность не уничтожила деятельность частную, имеющую тот же объект. Потому что в деле благотворения есть два блага, из которых только одно сохранится в таком случае, другое же безвозвратно погибнет. Первое благо — это облегчение чужого страдания, и оно останется; второе благо — это то доброе чувство, которое руководит благотворящим и пробуждается при виде благотворения в окружающих, — и оно исчезнет. Поэтому наилучшим образом этот орган государства будет тогда устроен, когда он только возьмет под свое покровительство частную и общественную благотворительность, восполнит все, недостающее ей, но за нею оставит всю непринужденность и все своеобразие выражения. Последнее особенно важно сохранить, потому что в деле благотворения значительную роль играет воображение, и мысль, что оно осуществится не в той форме, в какой рисуется в долгих думах желающего благотворить, может охладить самое желание. И притом жестоко было бы по отношению к нуждающимся и несправедливо по отношению к доброму отвергать благотворение только потому, что оно имеет своеобразные формы.

Второй подчиненный орган уже существует, но он недостаточно развит и дурно устроен, что видно из того, как много болящих не находят себе помощи и как много могущих помочь им не находят применения своим знаниям. Медицинская помощь неравномерно распределена по стране, и в каждой отдельной местности неравномерно распределена среди народа. Привлекаемые богатством, гонимые скукою, доктора стремятся к зажиточным и образованным классам и избегают селиться среди бедных и невежественных.

Итак, в большей степени, чем в настоящее время, совокупность медицинских сил должна войти в государственные формы и устроиться в особый орган. Этому органу должна быть предоставлена очень большая самостоятельность действия и очень большая сила для приведения в исполнение своих предначертаний, и в соответствии с этим на него должен быть возложен долг оберегать здоровье страны и народа. Эта самостоятельность и этот долг должны простираться так далеко, что, не ограничиваясь помощью в единичных случаях, он, как государственный орган, мог бы принимать меры к оздоровлению целых местностей, например через осушение болот, издавать законы, например регулирующие или запрещающие вредные работы, следить за постройкою городов и зданий в них, делать ученые экспедиции для изучения некоторых болезней, по своему усмотрению устраивать высшие школы для себя, открывать в них новые кафедры, и, наконец, в его же распоряжение должны быть предоставлены все естественные целебные средства страны, как-то минеральные источники и пр.; с другой же стороны, не только ни один человек в государстве не должен оставаться без медицинской помощи в случае, когда ищет ее, но ни одна самая незначительная местность не должна находиться вне самого зоркого медицинского надзора, предупреждающего появление болезней, захватывающего в начале их, оказывающего всякую, какая только есть в человеческих силах, помощь в трудных случаях тяжелого страдания.

2. Орган, способствующий увеличению в государстве средств к жизни и более правильному распределению их между живущими в нем. Обе эти задачи должны быть выполнены одинаково тщательно, и ни первая не должна затемнять собою вторую, как это мы видим у одних людей, ни вторая — первую, как это мы видим у других. Выполнено же это может быть через выделение из государства двух органов, из которых один предназначался бы способствовать только увеличению средств, а другой — только распределению их, и оба были бы независимы друг от друга.

Первая часть этой задачи в настоящее время не выполняется в государствах никаким органом, как своеобразною и исключительно для этого предназначенною частью. Но некоторые отделы этой задачи

выполняются самостоятельными или подчиненными другому органами (например, пути сообщения вызвали в государстве отдельную самостоятельную ветвь управления, а промышленность и торговля вошли в ведение одной подчиненной ветви другого государственного органа и т.д., что все неправильно). Во всей же полноте своей эта задача не выполняется ни каким-либо одним органом в государстве, ни всею совокупностью их. Что же касается второй части задачи — распределения средств, — то до последнего времени она не выделялась в сознании людей и, теперь выделившись, не нашла еще соответствующего себе органа в государстве, главным образом вследствие незнания, каким образом можно было бы устроить его.

Мы думаем, однако, что отсутствие основательного разрешения этого вопроса во всей его полноте и целостности не может препятствовать выделению государствами недостающего органа. Последний, не устанавливая правильного распределения средств к жизни, мог бы влиять на большую правильность этого распределения, чем какая существует теперь. Такого покровительство кустарной промышленности, организацию цехов по образцу средневековых, задержание развития железных дорог, которые способствуют возвышению немногих центров промышленности и убивают производительность множества мелких городов, развитие домашних работ на себя через затруднение или запрещение торговли предметами, которые могут быть приготовлены дома трудом семьи (белье и пр.), и многое другое. Весьма нередко случается, что убогие местности оживают и выходят из нищеты через предприятие одного умного и сильного человека, открывающего в ней какой-либо новый промысел, и это помимо фабрик и заводов. Сколько же помощи мог бы оказать здесь всемогущественный государственный орган.

3. *Орган, охраняющий чистоту нравственной жизни.* Этого органа также недостает всем государствам, а между тем он и необходим, и возможен именно как самостоятельная ветвь политической деятельности, а не придаточная только к какой-либо другой ветви. Потому что его влияние несомненно будет встречено большим сопротивлением, для преодоления которого необходима большая сила.

Неисчислимо то, что мог бы сделать этот орган; остановимся на немногом. Сюда относится уничтожение детского труда на фабриках и заводах и установление на каждом из них труда или исключительно мужского, или исключительно женского, — и сколько нравственного добра могла бы принести одна эта простая мера. Далее, он мог бы подавить соблазнительные зрелища, питаемые богатством и праздностью, и могущественно воспротивиться развращению детей одними, простого народа — другими. Еще более мог бы совершить этот орган путем не прямого, но косвенного влияния, всюду поддерживая трудолюбие, тесня праздность, зорко следя за воспитанием и детей в школах, и народа в общественных и в политических учреждениях, сдерживая небрежность слова и распушенность мысли и чувства в литературе, и далее — сосредоточивая вокруг себя, организуя и руководя все, что не только теперь стремится бороться против упадка чистоты жизни, но и то, что к той же цели может послужить, идя из глубины прошлого, давая, таким образом, силу всему воспитывающему, укрепляющему и возвышающему дух, откуда бы оно ни шло. Такой орган, как бы самостоятельна ни была его деятельность и как бы на многое ни посягнул он в установившейся жизни, лишь бы в нем сохранилась чистота и бескорыстие стремлений, всегда будет опираться на тайное сочувствие лучших людей в стране и в народе, а озлобление массы не будет продолжительно, когда он сумеет быстро перевоспитать детей ее или по крайней мере сделать так, что, воспитываясь, они только по слухам будут знать о том, чего лишились отцы их.

4. *Орган, воспитывающий умственные силы народа.* Его задача распадается, по способам и путям выполнения, на несколько ветвей: на прямое воспитание в детском и юношеском возрасте и на косвенное воспитание через общественные и политические учреждения в зрелом возрасте, через науку — немногих избранных, через литературу как совокупность письменных произведений — всей массы народа и еще через многое другое, что было бы трудно здесь перечислить.

Воспитание в детском возрасте, особенно недостаточных классов, как нам думается, должно быть религиозным и практическим. Оно должно быть религиозным, потому что по воззрению простого народа рели-

гия должна быть поставлена в жизни человека во главе всего, и потому что действительно религиозно настроенный воспитанием человек станет со временем и хорошим семьянином, и хорошим членом своей общины и как таковой не только не будет в тягость себе и другим, но еще и захочет и сможет помочь в нужде и ближнему. Соответственно детскому возрасту, когда слаба умственная деятельность и сильно воображение и чувство, это воспитание должно вестись путем участия в местном богослужении и чтения Библии, Евангелия и житий святых и в незначительной степени — путем объяснений. Его целью должно быть не религиозное знание, но религиозность как настроение, серьезное и живое. Практическая же сторона воспитания должна состоять в научении каждого воспитывающегося какому-нибудь ремеслу, способному прокормить человека, где бы он ни был и что бы с ним ни случилось, и тому занятию, к которому он должен перейти по выходе из школы, например в земледельческих местностях — огородничеству и земледелию.

Переходя к воспитанию высшему, мы ограничимся немногими замечаниями о том, чего недостает ему. Это прекрасная мысль — давать такое воспитание, которое, не подготавливая человека ни к чему частному, подготавливает его ко всему, что, сделавшись взрослым, свободно захотел бы избрать он. Как орудие — выбрать для этого предметы, наиболее дисциплинирующие ум, и преподавать их так, чтобы это дисциплинирующее влияние было наиболее сильно, — эти два основных принципа, легшие в основу нашей классической системы воспитания, справедливы и должны быть проведены еще более строго, нежели как это сделано в настоящее время. Но этому формальному воспитанию следует придать содержание, которого оно не имеет. Ум развитой есть сила, которая вообще является благом, однако он может явиться и злом.

Это удивительно, что воспитываемые в наших учебных заведениях не только не выносят из них тех умственных и нравственных склонностей, которые там желают внушить им, но, оставаясь в массе равнодушными к этим внушениям, иногда выносят отвращение ко всему, к чему их стремились привязать там, и фанатическую привязанность к тому, от чего их стремились оттолкнуть. Известно, что антирелигиозное движение

в нашей литературе было создано главным образом людьми, вышедшими из духовных заведений, и что из оканчивающих курс в наших классических заведениях лишь ничтожная частица продолжает начатые занятия на историко-филологических факультетах. И далее, каждый из нас, обратившись к своим личным воспоминаниям, без сомнения найдет, какими из своих убеждений он обязан той или другой книге, тому или другому товарищу, — но что он не найдет ни одного убеждения, которым был бы обязан тому учебному заведению, в котором воспитывался, — это не подлежит сомнению. По крайней мере в течение своей жизни я никогда не встречал такого человека.

Причина этого скрывается в трех условиях: в недостаточности умственного и нравственного развития воспитывающих, вследствие чего, способные обучить, они не способны повлиять; в отсутствии в них самих соответствующих убеждений, так что не в чем убеждать им или если есть в чем, то это не то, в чем следовало бы убеждаться воспитываемым; в формализме отношений между воспитывающими и воспитываемыми, в отсутствии близости, доверчивости и постоянного общения между ними, вследствие чего невозможно благотворное влияние первых и тогда, когда оно могло бы иметь место.

Второй недостаток состоит в следующем: воспитываемые в наших школах не только не имеют необходимых умственных и нравственных склонностей как направлений, как симпатий; они вообще умственно и нравственно не воспитаны, но только обучены и дисциплинированы. Это происходит от того, что в том материале, который служит орудием психического образования в наших школах, заключено в достаточной степени элементов, совершенствующих процесс мышления, делающих это мышление отчетливым и правильным; но очень мало того, что питало бы ум высокими мыслями и чистыми чувствами, что, совершенствуя, воспитывало бы душу. Чтение древних авторов — а они повсюду почти читаются еще дурно — и знакомство с очень немногими образцами своей художественной литературы — вот все, что дается в этом направлении. И это крайне недостаточно, если принять во внимание то великое зло, которое ему приходится уравновесить. Мы разумеем литературу

учебников, на усвоении которых главным образом основывается наше образование. Каждый учебник, одинаково и дурной, и хороший, именно как учебник имеет в себе нечто обратное воспитывающему началу. Изложение сведений, сделанное всегда посредственным умом, никогда с глубоким и живым интересом к излагаемому, торопливо и применяясь к внешним требованиям, — вот неизменные свойства всякого учебника, и не слишком ли ясно, что никогда из него не западет в душу воспитывающегося ни одной глубокой мысли и ни одного светлого и живого чувства. Сказать, что учебник написан прекрасным языком, что местами в нем встречаются замечательные мысли, что он проникнут сильным чувством, — не значит ли сказать что-то смешное, ни с чем не сообразное, — и в том, что это смешно, лежит объяснение так многого не смешного в современной жизни всех образованных народов. Достаточно подумать, что образованные классы всех народов долгие годы детства и юности проводят в постоянном обращении с этими маленькими книжками, переполняющими рынок, в которых смешно искать возвышающего и облагораживающего душу, что, за редкими исключениями, они никогда не имеют ни случая, ни необходимости войти в духовный мир тех великих умов, на которых воспитывалось человечество, — достаточно знать это одно, чтобы понять, почему в наш век, когда так много учатся, подрастающие поколения, обладая обширными и точными сведениями, являются, однако, такими, как будто бы они происходили от первобытных народов Африки или Америки: до такой степени им незнакомо и чуждо все, чем духовно жили и живут еще народы, от которых они действительно происходят. Литература учебников в долгие годы школьного обучения, газеты и журналы в течение всей остальной жизни — вот что отделило новые народы от великих и воспитывающих памятников минувшего творчества и сделало то, что они идут вперед уже не руководимые этими памятниками, которые все более и более забываются.

Третье и последнее замечание, которое мы желали бы сделать, касается особого характера всех впечатлений, из которых слагается воспитание и который не только не парализуется последующим влиянием жизни, но, напротив, усиливается и укрепляется: это прерванность каждого впечатления, недовершенство его.

Никто не останавливался на этом мыслью, а между тем нет ничего, что так могущественно не допускало бы в душе воспитывающегося установиться какому бы то ни было прочному влиянию, хорошему, как и дурному. И в самом деле, один тот факт, что обучение ежедневно слагается из 5 неодинаковых впечатлений утром (классные занятия) и стольких же вечером (приготовление уроков), т.е. что между окончанием одного восприятия и началом другого не проходит более $\frac{3}{4}$ часа, может дать понятие о том, какою *tabula rasa*, иссеченною мелкими и тусклыми черточками, должна стать душа каждого воспитывающегося. Каждая мысль является перерванной другой мыслью, каждое чувство является вытесненным другим чувством; ни одной оконченной мысли, ни одного полного чувства, и это в течение 8 — 10 лет. Теперь представим, что человек с самою восприимчивою душою читает самую потрясающую книгу, которая когда-либо была написана, но так, что через каждую страницу он должен разрешить одну нетрудную задачу по алгебре и затем выучить урок по географии и потом только продолжать чтение, впрочем непрерывное опять только до следующей страницы, — мы спросим, каково должно быть влияние такого чтения? что осталось бы от него в душе читающего, при других условиях, быть может, преображенной бы этим чтением? А мы взяли наилучшую душу и наилучшее впечатление.

Этим объясняется, почему молодые поколения в наше время, выходя из школы на широкую арену жизни, не выносят с собою ни одной привязанности и ни одного интереса; и еще почему на всех поприщах жизни — в общественной деятельности, в науке, в поэзии и искусстве — уже давно не появляется ни одного великого дарования. Никакой гений не в состоянии устоять против трех этих влияний. Кеплер и Дант, пройдя современную школу, сделались бы — один посредственным ученым, другой составителем порядочных стихов.

И здесь опять сказывается та слепая историческая сила, на которую мы указывали ранее, против которой мы бессильны бороться, хотя и чувствуем, куда она влечет нас. Потому что как иначе возможно было бы

устроить воспитание, а устроивши так — как было не погубить в зародыше всякое дарование?

По отношению к науке орган, о котором мы говорим, не может быть столь определяющим, как по отношению к воспитанию, но может быть гораздо более деятелен, чем как это было до сих пор в каком бы то ни было государстве. Интересы науки, ее затруднения, задачи, перед которыми стоит она, не говоря уже о ее нуждах, должны быть столь же близки для государства и народа, как интересы воспитания или правосудия, и гораздо более дороги, чем интересы накопления богатств. Последние уходят так же быстро, как и приходят, а сокровища науки никогда не оставят того, кто раз сумел приобрести их. А между тем как многое здесь зависит от простого недостатка средств, как неисчислимо то, что могло бы быть выполнено наукою при деятельной помощи государства. И каким светом облилось бы в истории подобное государство, интересы чистой истины поставившее не ниже интересов материальных. И как малого стоило бы это для него, — гораздо меньшего, чем сколько стоит самый недолговечный блеск.

Из косвенных влияний на умственное воспитание, какие мог бы оказать этот орган, самое важное есть то, которое коснулось бы направления и исправления уже существующих влияний литературы, как художественной, так и научно-политической. И это влияние государства также могло бы быть могущественным, и оно не встретило бы слишком большого сопротивления, если б было совершенно бескорыстно и кроме умственного воспитания не имело бы других целей (явных или скрытых). Оно могло бы выразиться в покровительстве умственным и художественным произведениям всех веков, откуда бы они ни шли и какому бы народу ни принадлежали, с постоянным соблюдением только одного условия, чтобы они были воспитывающими по своему духу. То есть не то должно быть принимаемо в соображение, что утверждается или отрицается книгою, но то одно, как утверждается или отрицается, совершенно ли и прекрасно или же дурно и отвратительно. До сих пор обыкновенно употреблялся обратный способ: книги, как бы отвратительно они ни были написаны, покровительствовались и одобрялись, лишь бы они защищали известный предмет и служили из-

вестной цели; и никогда цели, сами по себе прекрасные, не были так несправедливо и порою так непоправимо запятнаны, как этими дурными средствами. То отвращение, которое невольно внушали к себе эти последние, естественно переносилось, по ассоциации чувств, и на самые цели.

Кладя в основание своей деятельности обратный принцип — покровительства не целям, какими бы средствами они ни выполнялись, но средствам, чему бы они ни служили, лишь бы были прекрасны, — государство может опереться на живое сочувствие всех лучших людей и в своей отрицательной деятельности: не покровительствуя, но подавляя; несочувствием же и враждою может пренебречь. Потому что никакое стремление не нуждается или не должно нуждаться в низком, и никакое убеждение — в обмане. И, подавляя низкое, обманывающее и глупое в литературе, оно окажет одинаково великую услугу всем стремлениям и всем убеждениям, самым противоположным и враждебным между собою. Дурная защита всегда более вредит защищаемому, в чем бы оно ни заключалось, нежели хорошее опровержение, тогда как последнее, разбиваясь об истину, внушает высокое понятие о ней, первая заставляет думать, что она незащитима хорошими, т.е. справедливыми, доводами.

В нравственном возрождении одинаково нуждаются все партии, все борющиеся за господство в умственном и в политическом мире. Пока еще не достигнув своих целей, они уже успели своими дурными средствами до того развратить всех, что скоро не для кого будет и желать этих целей. Если и есть благо, прекрасное и достижимое, то немногие сохранившие чистоту свою усомнятся, есть ли достойные этого блага, ради которых стоило бы стремиться к нему.

5. *Орган, осуществляющий нравственное благо.* Он может действовать также двояко: отрицательно и положительно. Отрицательное действие его могло бы выразиться в уничтожении или в предупреждении в жизни таких условий, положений и отношений между людьми, которые или необходимо ведут к озлоблению их друг против друга и к обману, или вообще имеют свойство влечь более к этому злу, нежели к обратному добру. Так, напр., всякое наказание, превышающее вину, порождает злобу в наказанном, и наоборот: вся-

кое наказание, не искупающее вину, производит злобу в том, против кого вина. Поэтому установление точных и истинных соотношений между преступлениями и наказаниями может уменьшить количество озлобления в государстве. Или еще: всякие отношения зависимости, порождая страх в зависимых, имеют свойство клонить их чаще к обману, нежели к правдивости; поэтому уменьшение зависимых отношений или устройство их таким образом, чтобы зависимость была не по отношению к тому, с кем непосредственно и постоянно имеет сношения зависящий, но была бы передаваема в руки кого-либо третьего отсутствующего, — может уменьшить количество лжи.

Ту задачу, которую выполнял бы этот орган своею отрицательною деятельностью, наше государство знало, хотя и не из нравственных, но политических побуждений. У нас есть прекрасное постановление, чуждое, как кажется, законодательствам всех стран, которым возбраняется всякое возбуждение ненависти между сословиями или положениями. Оно тем более мудро, что устраняет главнейшее препятствие к спокойному обсуждению неправильных отношений и к скорейшему уничтожению их; и тем более справедливо, что ненависть, возбуждаемая против сословия или класса вообще, в жизни отражается озлоблением против единичных лиц, которые принадлежат к нему от рождения и не виновны в том положении, в которое их поставила история.

Положительная деятельность рассматриваемого органа ограниченнее и труднее. Она может состоять в установлении таких общественных и политических отношений, которые своею привлекательностью, глубокою человечностью и справедливостью невольно влекли бы людей к правде и доброжелательству.

В истории это, правда, редкие случаи, но есть же они, когда какое-нибудь великое полученное добро или великое ожидание теснее сплачивали между собою людей, обыкновенно чуждых друг другу, и делали их более чистыми душою. Не невозможно и в общественных отношениях усановить такие формы, чтобы по крайней мере время от времени проходили по жизни эти нравственные возбуждения. Такое назначение, быть может, могли бы выполнить периодические собрания народа для обсуждения и награды достойнейшего, что кем-либо было сделано за этот период. Дни

великой радости и сознания совершенства чьего-либо всегда возвышают нравственную природу человека.

6. *Орган, осуществляющий благо справедливости.* Его назначение состоит не в том одном, чтобы восстанавливать справедливость, нарушенную в единичных случаях (суд), но также и в том, чтобы восстанавливать ее там, где несправедливость существует как постоянное и давнее зло, например в национальных, политических и сословных отношениях, и предупреждать возникновение этого зла во вновь устанавливающихся отношениях. Таким образом, задача этого органа, вытекающая из полноты его природы, гораздо обширнее, нежели как это существует в действительности, где пока он выполняет ничтожнейшую часть своего назначения. Эта неполнота ведет к запутанности, противоречиям и неисчислимому злу в явлениях действительной жизни. Потому что в самом преступлении не тогда ли только является нарушенная справедливость, требующая восстановления, когда этой нарушенной справедливости не было уже ранее в том, против чего преступление. В случае же, когда она была — а именно он-то и непредупредим при неполноте деятельности этого органа, — что́ может сделать последний, как только или, наказав преступление, восстановить нарушенную несправедливость как бы нечто справедливое, т.е. совершить деяние, противное своей природе, или же, не наказав преступления, открыть простор для изворотливости и произвола, которому с этого момента предоставлено будет обсуждать, что́ хорошо и что́ дурно, т.е. творить добро и зло?

7. *Орган, осуществляющий благо в области воли.* Предметом его деятельности должно служить воспитание воли и направление воли. Первое состоит в развитии в ней внутренней энергии без отношения к тому, на что энергия; второе состоит в том, чтобы уничтожить или ослабить в ней склонность к дурному и предоставить ее стремлению одно хорошее. И так как дурное и хорошее может лежать и внутри человека и вне его, то эта вторая задача распадается на воспитание самообладания как умения господствовать над собою и на воспитание решимости и непреклонности в принятом решении как умения господствовать над окружающим.

То, через что мог бы выполнить свою задачу этот орган, также двойко: воспитание и учреждения. В пер-

вом с детских лет уже можно было бы укреплять волю, заставляя ее преодолевать сперва незначительные, а потом все большие и большие трудности, и направлять ее через внушение симпатии ко всему прекрасному и великому, действуя на воображение и через внушение отвращения ко всему низкому и недостойному. Заметим, что это воспитание воли, на которое было обращено так много внимания в древнем мире, совершенно пренебрежено в настоящее время, когда развитие ее предоставлено игре случайных обстоятельств. Что же касается учреждений, общественных и политических, то они также могут и должны быть воспитывающими и даже направляющими волю. В их устройстве не должно быть ничего, что могло бы развращать волю, напр. возможность подкупов, обмана, трусости и всего бесчестного; и это устройство должно быть таково, чтобы, открывая все более и более широкие сферы свободной, самоопределяющей деятельности, оно одновременно и влекло бы к себе уверенностью в небесплодности здесь труда, и воспитывало бы строгою постепенностью в расширении сферы действия и увеличения самоопределяемости, т.е. свободы этого действия.

8. *Орган для осуществления блага красоты.* Его отрицательная деятельность может быть положительна, а положительная — только отрицательна. Первая состоит в уменьшении всего безобразного в человеке и в творимом им, а также в жизни, ее условиях и формах, — и ясно, что эта деятельность может быть положительна. Напротив, положительной красоты он не может создать, и деятельность его здесь должна ограничиться только удалением всего, что могло бы препятствовать свободному развитию ее. Это — покровительство искусству и открытие доступа к нему для народных масс.

9. *Орган, охраняющий религию и способствующий осуществлению ее стремлений.* С помощью соответствующих мер государственный орган всегда имеет возможность не только удалить от существующей религии всякую опасность или содействовать ее распространению, но — что, по-видимому, гораздо затруднительнее — также и оживить религиозное чувство. Сюда относится улучшение служителей церкви через соответствующее воспитание, уничтожение материаль-

ной зависимости их от мирян, уничтожение в них самих возможности и нужды заботиться о чем-либо, кроме духовного воспитания своей паствы, и, наконец, что особенно необходимо и возможно, — создание условий, при которых чисто физический труд их (например, исполнение треб) не подавлял бы всякую возможность сохранить также и духовную энергию, столь необходимую для наставления и руководства мирян словом и примером.

Мы указали органы государства, к образованию которых оно естественно и необходимо стремится, — и если это указание несовершенно и неполно, что не имеет значения, то оно вполне обусловлено в этом несовершенстве и в этой неполноте недостаточностью сделанного ранее разложения идеи блага, что одно имеет значение. Потому что таким образом ясно становится, что вопрос о конечном и наилучшем устройении государства, в формах которого проходит историческая жизнь народов, сводится к теоретическому вопросу о том, как совершенно и полно раскрыть идею блага.

XVIII. Учение о конечной форме государства не должно ограничиваться указанием строения его, т.е. определением, из каких органов состоит оно и как эти органы расположены в нем. Оно должно выделить из себя еще *общую теорию органов* и ряд *частных теорий*, соответствующих каждому отдельному органу. В общей теории органов может быть разрешен, например, вопрос о том, должен ли во внутреннем своем строении каждый орган сам определять себя, или же он должен быть определяем совокупностью всех других органов или волей единого центра, из которого они все исходят. И далее, должна ли его деятельность быть процессом, повторяющимся неизменно в тех же формах и над тем же материалом, заранее предустановленным для него, — как это мы наблюдаем во всех современных государствах; или же она должна быть свободна, полна инициативы, должна зависеть от того, что он сам (орган) находит подлежащим своему ведению, к чему он видит свой долг стремиться и какие средства считает себя вправе употребить. То или другое разрешение этих вопросов зависит от размещения видов блага в общей идее его и в соответствии с этим — от взаимного расположения органов в госу-

дарстве. Из этих органов те, которые соответствуют самостоятельным видам блага, в самих себе замкнутым, не входящим частью в другое какое-либо благо, должны быть, нам думается, совершенно свободными как во внутреннем устройении себя, так и в определении и изменении своей деятельности. Это предоставило бы им могущество, какого еще никогда не испытывало в себе ни одно учреждение. И система таких органов, столь полно охватывающих благо, столь неограниченных в стремлении к каждому его виду, кто знает, — не приблизила ли бы она человечество действительно к полному и совершенному обладанию им; по крайней мере несомненно, что она повела бы его так далеко по пути осуществления в своей жизни блага, как далеко оно еще никогда не заходило.

Если общая теория должна быть учением об устройении, деятельности, долге и праве всех органов, т.е. содержать в себе ряд истин, относящихся безразлично к каждому из них, то ряд частных теорий должен содержать учения о единичных органах, об устройении, деятельности, долге и праве каждого из них. Таковы были бы теории воспитания, правосудия и многие другие. Ясно, что этих теорий должно быть столько, сколько есть органов в государстве.

XIX. Цели не как естественные конечные формы, но как *желаемое* иногда тождественны с естественными целями, о которых мы говорили до сих пор, иногда отличны от них. И можно заметить даже, когда они совпадают, а когда и могут расходиться. Совпадает желаемое конечное с конечным естественным тогда, когда последнее цельно и обще. Напр., общая конечная форма государства (осуществление всего блага) или науки (осуществление понимания всего) есть в то же время и конечное желаемое; потому что и основаны они на мысленном продолжении и замыкании в целое природенных склонностей человеческой природы: это есть естественное реальное, к осуществлению чего необходимо стремится потенциальная человеческая природа, т.е. чего она желает и чего не может не желать. Расходиться же с желаемым может часть целого и общего. Напр., на пути к своей конечной форме и ранее ее достижения наука проходит несколько периодов, существуя сперва у одного народа, потом у другого и т.д., и конечная форма каждого единичного периода не

совпадает с желаемым: это — форма учености, например Александрийской, которою закончилась греческая наука, или современной, которою заканчивается в настоящее время европейская наука. Также в государстве многие отдельные естественные процессы стремятся завершиться в формы, которые нежелательны. Напр., с развитием государства воля и чувство сострадания имеют склонность ослабнуть, а любовь к чувственным удовольствиям имеет склонность увеличиться. Это нежелательно, всему этому необходимо и возможно искусственно сопротивляться, не переставая, однако же, стремиться к общей конечной форме.

Глава XIX

УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О СРЕДСТВАХ, ИЛИ О ПУТЯХ К ДОЛЖНОМУ

I. Учение о средствах как втором члене целесообразности, проявляющейся в Мире человеческом; тройкий смысл, в котором может быть рассматриваемо средство: как орудие достижения цели, как естественный процесс, через который проходит что-либо развивающееся, и как путь искусственного отклонения от какой-либо естественной формы. — II. Закон действия целесообразности через причинность; определение средства как ряда явлений, причинно соединенных, в котором первое есть действительность, а последнее есть цель. — III. *О средствах как орудии достижения всяких целей*; раскрытие причинной связи в Мире человеческом, как основание для открытия этих средств и пользования ими. О трех способах определения причинной связи в Мире человеческом: через четыре модуля целесообразности, через отдельные исследования групп причинного сцепления, через анализ природы вещей и явлений и открытие одного, что входит общею частью во многое; объяснение последнего способа открытия причин на исследовании причин пробуждения и оживления религиозного чувства. — IV *О средствах, ведущих к должному*; отношение их к средствам достижения всяких целей и к естественным процессам, которые ведут к конечным формам жизни. Нужно ли человеку придумывать что-либо иное, отличное от естественных конечных форм, в которые стремится завершиться его природа и его жизнь? Две формы учения о путях к должному: Учение о естественных процессах, ведущих к конечным формам, и Учение об искусственных процессах, отклоняющих естественное зло, лежащее на пути к конечным формам — V. О путях, ведущих к естественным конечным формам; жизненные процессы, будучи причинными, являются одновременно и целесообразными. О зле, которое присуще естественным процессам; о множественности причин одного и того же явления как орудии уклонения от этого естественного зла.

I. Переходим теперь к рассмотрению второго члена целесообразности в Мире человеческом, подчиненного цели и определяемого ею, — *средств к достижению должного*, или путей, ведущих к нему.

Соответственно трем выясненным значениям, в которых может быть понимаема цель, и средства могут быть рассматриваемы тройко: в своем общем виде, как *орудие достижения цели*, без отношения к тому, какова она, желательна или нежелательна; как *естественный процесс*, который предстоит пройти чему-либо развивающемуся ранее осуществления в своей естественной конечной форме; и наконец, как *путь достижения чего-либо желаемого, отклоняющегося от естественной конечной формы*.

II. Общий как бы канон для всех учений о средствах есть выведенное нами ранее положение, простирающееся на оба Мира, физический и человеческий, что *целесообразность действует через причинность и не может действовать ни без нее, ни через что-либо другое, кроме ее*. Из этого положения прямо вытекает следующее основное определение средств в Мире человеческом: *средства к чему-либо суть ряд явлений, причинно соединенных между собою, в котором (ряде) первое есть существующая действительность, а последнее есть цель, как желаемое, или как естественная конечная форма, или вообще как последний член целесообразного соединения*. К этому определению нужно обращаться всякий раз, когда или предстоит распознать, суть ли средства нечто совершающееся в действительности, т.е. наблюдаемое ведет ли к предполагаемому? или когда предстоит узнать, может ли нечто еще не существующее служить средством, т.е. задуманное поведет ли к желаемому?

Теперь, сделав эти предварительные замечания и опираясь на них, обратимся к учениям о трех родах средств.

III. *Учение о средствах к достижению всяких целей* есть раскрытие причинного сцепления в Мире человеческом. Сообразно основному закону об отношении целесообразности к причинности, раз это раскрытие будет совершено, станет возможно осуществление всякой цели, если хоть одна из близких или дальних причин ее осуществима.

Разрешить эту задачу предстоит будущему, и она потребует для себя продолжительного времени и много утомительного труда. Мы ограничимся немногими замечаниями относительно того, как может быть ведено здесь изучение.

Во-первых, раскрытие всего причинного сцепления может быть основано на четырех модусах целесообразного процесса, краткое выражение которых, выведенное нами ранее, содержится в формулах: «вещь для вещи», «вещь для явления», «явление для явления» и «явление для вещи», — где под явлением разумеется всякое изменение, простое и сложное, а под вещью все существующее, т.е., напр., и свойства.

Имея в виду эти четыре формулы, следует разложить все, из чего слагается Мир человеческий, на два параллельные ряда: на *ряд явлений* и на *ряд вещей*; затем по отношению к каждому отдельному явлению следует рассмотреть, какие другие явления оно вызывает или одним своим существованием, и притом одновременно с собою (причинное сосуществование), или своим совершением, и притом после себя (причинное преемство), и далее — какие вещи создает оно. Сделав это относительно всех явлений, нужно поступить также и относительно каждой вещи. Едва ли нужно оговариваться, что под «каждым из явлений» и под «каждою из вещей» здесь разумеется каждый «класс тождественных вещей или явлений», напр. явление страдания, или — пример вещи — идея религиозная.

Когда разложение вещей и явлений в ряды совершено, определение причинной связи не может представить собою никакого затруднения. Она открывается путем простой элиминации, по правилам Бэконовой индукции: «каждое явление или вещь, исчезающая, изменяющаяся или появляющаяся с исчезновением, изменением или появлением другого явления (или вещи), находится с ним в причинной связи». Следовательно, вопрос здесь сводится к многообразному наблюдению действительной жизни и к осмотрительному и искусному опыту в тех случаях, когда он возможен.

Гораздо более затруднения может представить разложение вещей и явлений в ряды, и именно — полнота этого разложения. Но и здесь трудность состоит не в непреодолимости чего-либо, но в утомительности продолжительной и сложной классификации. И мы позволим себе заметить здесь, что если б то время, которое обыкновенно в подобных случаях тратится на бесплодные сетования о невыполнимости работы, было употреблено на действительное выполнение ее, то она не столько бы утомила трудящихся, сколько те-

перь их жалобы утомляют слушающих. Так именно случилось со сложностью законов общественной жизни, до такой степени будто бы чрезмерной, что, вследствие неуверенности преодолеть ее, до сих пор никто не пытался даже ответить на вопрос — в чем именно состоит эта сложность и какое отношение она имеет к открытию самых законов?

И притом разнообразие и многочисленность явлений и вещей Мира человеческого скорее кажущаяся, нежели действительная, и она немедленно рассеется, раз будет внесен сюда свет правильной и точной классификации. Все беспорядочное и не приведенное в систему имеет свойство представляться бóльшим, нежели есть на самом деле, по той причине, что в нем каждая отдельная вещь кажется ни с чем не схожею, потому что сходное с нею лежит далеко от нее или закрыто другими вещами; будучи же приведено в систему, все располагается в немногие классы, роды и виды. И ранее, когда нам необходимо было указать, между чем и чем в Море человеческом могут быть соотношения, и затем — какие есть виды добра и зла, мы привели пример подобной классификации, правда далекой от полноты, но зато и нисколько не затруднительной.

Во-вторых, избегая утомительности этой классификации и жертвуя полнотой, которую дает она, можно брать единичные вещи или явления в Море человеческом и исследовать изолированно их в причинном отношении, узнавая всякий раз: *какие различные вещи и явления могут исходить от единичного исследуемого как следствие?* и далее — *само оно, будучи единичным, какими различными вещами или явлениями как причинами может быть произведено?* Ряд таких частных исследований, в отдельности незатруднительных и интересных, со временем исчерпает собою весь Мир человеческий; а будучи соединены вместе, эти исследования дадут полное раскрытие всего причинного сцепления в нем. Как на поясняющий пример своей мысли, мы укажем на следующие задачи: «определить все причины и все последствия субъективного религиозного настроения», или «определить все причины и все последствия сильно развитого воображения», или «определить все причины и все последствия централизации учреждений». Чрезвычайная живость подобного труда, его глубокая плодотворность и занимательность за-

ставляет думать, что, если бы изучение повелось этим путем, оно окончилось бы скорее, чем как можно думать, судя по многочисленности задач.

Наконец, есть еще третий способ раскрытия причинной связи, но он также связан с предварительной классификацией. Ранее мы говорили, что закон существует между всякими двумя вещами или явлениями в Мире человеческом, в которые что-либо входит общею частью. И так как закон есть соотношение, а соотносится между собою лишь то одно, что находится в причинной связи, то, следовательно, способ открытия, между чем и чем существует закон, есть вместе и способ определения, между чем и чем существует причинная связь. Основываясь на этом, после предварительной классификации вещей и явлений в Мире человеческом *следует каждую вещь и каждое явление разложить на простейшие, не разложимые далее элементы и смотреть, во что и во что одно и то же входит, как составная часть: все, связанное общностью какого-либо элемента, будет связано и причинною связью.* Этот аналитический путь исследования может вполне заменить опыт и наблюдение, о которых мы говорили выше. И это тем более важно, что опыт редко возможен в Мире человеческом, а наблюдаемые факты не всегда бывают расположены в порядке, удобном для индуктивного вывода.

Возьмем для примера субъективное религиозное чувство и посмотрим, как можно было бы определить причины его пробуждения и оживления через аналитическое рассмотрение его природы.

Так как идея Божества есть идея Существа Единого, Всемогущего и Праведного, то живость представления и ощущения Его будет увеличиваться всякий раз, когда в духе или в жизни окружающей будет нечто такое, что могло бы направить течение идей к единству, к правде и к силе. Течение же идей (или чувств) в направлении к чему-либо происходит тогда, когда или это что-либо становится известным и притягивает к себе, или когда отталкивает что-либо противоположное. Итак, ощущение единства может явиться или тогда, когда созерцаемое не разнообразно, или тогда, когда в созерцаемом разнообразном открывается единство. Отсюда — бедное однообразие окружающей природы и философское понимание единства общего

в ней — суть одинаково причины оживления религиозного чувства.

Переходим ко второму атрибуту. Представление о силе может возникнуть и положительно — при виде чего-либо, что превышает силу человека; и отрицательно — при ощущении недостаточности своей силы для чего-либо. Первое естественно возникает при виде изменений в природе, которые размерами своими все превосходят размеры тех изменений, которые может произвести в ней человек. Отсюда — мысль о причинах явлений и процессов природы может пробудить мысль о Божестве, или как о Едином Существе, когда что-либо другое направляет течение мыслей к единству более, нежели к разнообразию; или как о многих существах, из которых каждое производит один какой-либо разряд действий (например, в греческом политеизме колебания земли производились одним божеством, волнения моря — другим, дуновение ветра — третьим и т.д.). Отрицательно же религиозное чувство, связанное с представлением силы, оживляется тогда, когда у человека есть величайшая потребность и жажда могущества и сознание, что ни в нем самом и ни в чем окружающем нет этого могущества. Так в величайшем несчастье и среди безысходного горя человек невольно ищет опоры и защиты во всемогуществе Творца своего*

Наконец, в связи с третьим из указанных атрибутов религиозное чувство оживляется также отрицательно. Человеческой душе чужда и непонятна окончательная несправедливость. Он допускает ее только как временное и местное, что почему-либо необходимо, но что непременно вознаграждается, заглаживается или в другое время, или в другом месте. Его нравственное чувство так же не может себе представить закончившуюся в самой себе несправедливость, как его ум не может представить себе причину, которая, совершившись, однако, не вызвала бы следствие. Поэтому всякий раз, когда в окружающей жизни он начинает сильнее поражаться несправедливостью, которая на земле не находит себе никакого воздаяния, его душа невольно кло-

* Чрезвычайно яркое выражение этот психический факт получит в следующей замечательной поговорке нашего народа: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался»

нится к мысли, что эта справедливость будет воздана за пределами земной жизни, что там вознаградится незаслуженное страдание и там получит свое возмездие неотомщенное преступление.

Итак, рассмотрев только три атрибута, вытекающие из природы Верховного Существа, мы нашли пять причин, которые, не будучи ни в чем сходны между собою, одинаково производят оживление представления об Верховном Существо. Рассмотрев подобным же образом другие атрибуты, мы могли бы открыть и еще многие другие причины этого оживления.

IV. Средства, ведущие к третьему виду целей — к должному, желаемому, — суть ряды причинных явлений, не требующих особого изыскания, так как они содержатся, как часть в целом, в общем раскрытии причинного соединения в Мире человеческом. Это последнее обнимает собою и добро и зло, открывает для человека пути и к тому и другому, и по которым из них пойдет он — это будет зависеть от его свободного выбора.

Мы думаем, лучшее, что может сделать здесь человек, это воспользоваться естественною силою несущего его исторического потока и, не тратя силы на придумывание чего-либо другого, совершеннейшего, нежели конечные формы жизни, сохранить всю свою энергию на уклонение от того, что в этом движении может угрожать ему опасностью. Формы, в которые сама собою стремится завершиться человеческая природа и жизнь, и прекрасны, и непреодолимо влекут к себе. Борьба с этим влечением если и возможна на время, будет безуспешна в конце концов, потому что не на что будет опереться человеку в сопротивлении тому, что из его же природы вытекает; и к тому же не нужна эта борьба, потому что влекущее не дурно или по крайней мере придуманное будет хуже. Все, что, искусственно изобретая, человек ставил перед собою в истории как последнюю задачу: чувственные наслаждения (эпикурейцы), добродетель и мудрость (стоики), аскетизм (буддизм), образование (французский рационализм XVIII в.), гуманность (германское просвещение), наибольшее счастье наибольшего числа людей (английский утилитаризм) и еще многое другое лучшее, — все это было так же прекрасно, как и неполно, и никогда и ничто из этого не признавалось за высшее благо

одинаково всеми народами и на все времена, но только некоторыми и на некоторое время. В естественных же конечных формах все это содержится, но только как часть и, умеряемое одно другим, не только утрачивает свою исключительную односторонность, но еще и усложняется и дополняется многим другим, что в перечисленном не названо.

Поэтому два учения о последних двух родах средств удобнее будет соединить в одно — в *Учение о естественных процессах*, ведущих отдельные стороны жизни к их *естественным конечным целям*; но только дополнив его *Учением об искусственных процессах*, которые, будучи преднамеренно осуществлены, могли бы *отклонить* историческое развитие человеческой природы и жизни от некоторого естественного зла, расположенного на пути к конечным формам.

V. Это учение о путях, ведущих к конечным формам, распадается на столько ветвей, сколько есть видов добра; а дополнительное учение об отклоняющих путях распадается на формы по числу видов зла. Мы не будем останавливаться на перечислении ни тех, ни других, так как приблизительное указание видов добра и зла сделано нами ранее и пути, ведущие к ним, соответствуют этому указанию. Приведем только какой-нибудь пример для объяснения, что значит «естественный путь к конечной форме» и что значит «путь, отклоняющий от зла».

Пусть развивающееся в естественную конечную форму есть государство. Процесс его развития будет слагаться из трех видов изменения, из которых первым выступит растяжение политической формы через увеличение того, что стягивается ею. Так и бывает в действительности, и эта действительность из случайного наблюдаемого становится для разума внутренне необходимою, когда, всмотревшись во взаимное отношение трех форм политического изменения, он замечает, что каждая простейшая из них обуславливает собою следующую, более сложную. Так, в самом начале своего существования всякое государство ведет войны, отнимает у соседей земли и подчиняет себе другие племена, — и это в том периоде, когда оно само чуждо еще всякой организации, когда князь и народ представляют собою весь состав его. Последующим изменением является вторая форма усложнения — удвоение ка-

кого-либо элемента в государстве, и нетрудно заметить, в какой тесной зависимости находится оно от предыдущей формы изменения. В начале исторического существования государства, при понятном отсутствии какой бы то ни было дисциплины, только личное присутствие повелевающего придает действительность повелениям, и, когда оно становится невозможным за растянутостью земель и народонаселения, появление помощника его становится естественным и необходимым. Что это не есть усложнение в самой политической форме, но только удвоение, это видно, во-первых, из того, что у помощника нет никакой другой деятельности, которая раньше не была бы у князя, — следовательно, с его появлением не появляется в государстве ничего нового, и, во-вторых, из того, что к нему (помощнику) не переходит никакая часть деятельности князя, которой этот последний одновременно лишался бы — следовательно, здесь не происходит и распада какого-либо элемента в государстве, но только чистое удвоение, вызванное расширением земли и народонаселения. И это также наблюдается в действительности, и в истории нашего народа, быть может, яснее, нежели где-либо: волостель, как замена личного присутствия князя там, где он не может быть, есть первое и естественное усложнение в государстве, возникающее вслед за его расширением. Это удвоение делает возможным дальнейшее расширение владений племени путем завоеваний. И наконец, когда и самое расширение, и связанное с ним простое умножение всякого рода дел достигает того, что и удвоение уже становится недостаточным, тогда происходит распадение самой политической формы. Некогда удвоившийся только орган вновь разделяется так, что одной его части представляются одни дела, а другой части — другие. И когда при этом появляется вопрос, как именно разделить прежде смешанную в одно деятельность, тогда впервые пробуждается и сознание — правда еще неясное, чуждое отчетливости — что подлежащее ведению государства есть не одно, но многое и различное. Последующие распадения политической формы являются чрезвычайно запутанными и совершаются по очень различным причинам, между которыми скопление в одних руках многих дел остается, впрочем, едва ли не важнейшею. К ней присоединяется: борьба за

власть лиц и сословий, вред соединения в одном лице некоторых таких обязанностей, которые, будучи совмещены, не могут выполняться хорошо, и т.д. Такое распадение политической формы наиболее отчетливо можно наблюдать в римской истории. Заметим, что все эти изменения, происходя по причинам, вместе с тем и целесообразны: это видно из того, что они продолжают свое существование и тогда, когда исчезают эти причины, потому что достигаемая ими польза не может быть достигнута никаким другим способом, как только выделенными своеобразными органами.

Это — «процесс естественный», потому что он движется естественными нуждами, возникающими в истории; и он направляется к «конечной форме», потому что, каковы бы ни были эти естественные нужды, вызываемое ими распадение политической формы на целесообразные части движется к осуществлению блага все в большей и большей полноте и целостности, — что и есть цель государства.

По мере этого естественного развития государства и вследствие его возникает своеобразное зло. С растяжением политической формы ослабевают та связь, которою она соединяет между собою людей. В маленьких государствах при равенстве прочих условий чувство единства всех граждан, привязанность всех их к стране своей — все то, что принято называть «патриотизмом», — естественно и необходимо сильнее, чем в обширных государствах, где слабо представление о себе как о принадлежащем к чему-то самостоятельному и целому, что отличается от других политических организмов. С удвоением органов, повсюду и постоянно действующих одинаково и над одним и тем же (например, суд везде начинает твориться над одними и теми же преступлениями и в одних и тех же формах), исчезает то разнообразие, та красота различия, которая присуща бывает государствам в начале их развития, и заменяется повсюду монотонным однообразием: исчезает местный язык, местные нравы и обычаи, всякие предания, верования. Они заменяются, быть может, и лучшим, и более совершенным, чем в отдельности каждое вытесняемое, но все-таки при этом исчезает многое прекрасное, чего нет в этом лучшем. Наконец, с усложнением политической формы отдельные, обособившиеся органы мало-помалу утрачивают

воспоминание о той общей цели, ради которой они выделились, и деятельность свою, раз установленную, начинают ошибочно принимать за цель своего существования: они не изменяют ее и тогда, когда или вследствие изменившихся условий жизни, или вследствие чего другого эта деятельность уже не соответствует первоначальной цели органа. Так, орган, выделившийся для возвышения умственных и нравственных сил народа через воспитание, привыкает мало-помалу в увеличении числа воспитываемых и количества воспитания видеть цель свою, потому что в этом именно состоит его деятельность. Так, орган, выделившийся для улучшения и ускорения сообщений в стране, начинает в удлинении и улучшении дорог видеть назначение своего существования, хотя бы через это и падало благосостояние множества малых городов в пользу немногих больших центров; и т.д.

Это три вида зла, возникающие из сущности трех видов изменения в государстве, и они усложняются еще многочисленными другими видами его, которые появляются с выделением всякого органа. Напр., личное мужество упадает, когда государство берет на себя охрану личности каждого, что всегда можно наблюдать на границах цивилизованного государства и нецивилизованного. Всякий орган, возникая для осуществления некоторого определенного добра, влечет за собою и некоторое определенное же зло, вообще неуничтожимое. В своем роде это специфический яд государства, паразиты, которых оно никогда не может избежать, потому что они скрытно заключены в самом существе его, как, например, мужество — в опасности жизни и робость — в безопасности ее.

Пути искусственного ослабления этого естественного зла суть ряды причинной связи, оканчивающиеся явлениями, противоположными злу, которые, таким образом, не уничтожая его, что невозможно, уравнивают. При помощи этих рядов искусственных явлений можно достигнуть того, что зло, оставаясь в политической форме, не коснется человека, живущего в ней; подобно тому как естественный изъян в дороге, восполненный искусственно, делается незаметным для путника.

Самое же осуществление этих искусственных исправлений исторического пути возможно на основании

множественности причин одного и того же факта или явления в Мире человеческом. Исходя из этой множественности, всякий факт или явление, которые исчезли с исчезновением одной причины, можно вновь вызвать к существованию, искусственно создав его другую причину. Так, чувство единства и привязанности к своей стране, создаваясь малочисленностью граждан и теснотою границ, создается также и централизованностью управления, общностью интересов и жизни, каждым общегосударственным предприятием или общегосударственной опасностью. И мы можем наблюдать в современной политической системе государств, как это следствие остается неизменным, когда исчезают его причины, — потому что их заменяют другие причины. Так, в маленькой, но децентрализованной Швейцарии чувство единства граждан не сильнее, нежели в большой, но централизованной Франции; или чувство патриотизма в обширной России, ведущей непрерывные войны, не слабее, нежели в Португалии, которая хотя не обширна, но не ведет войн.

Глава XX

УЧЕНИЕ О МИРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ: О ДОСТИГНУТОМ ИЛИ ОБ ИСТОРИИ

I. История как изображение, понимание и оценка совершенного и совершившегося в Мире человеческом. — II. Что в Мире человеческом не подлежит ведению истории? Второе определение ее, как науки; существенное и несущественное в ней; ее метод. — III. *Изображение* прошедшего как первая задача истории; о двух родах исторического искажения: внешнем и внутреннем. О даре художественного понимания [и] о даре художественного изложения; об истории национальной; о трудности написать художественную историю человечества. — IV. *Понимание* прошедшего как вторая задача истории; о расчленении цельного исторического процесса на единичные процессы; об элементах единичных процессов; о причинах внешних и о причинах внутренних в исторических процессах; о формах исторических процессов; о силах, движущих исторические процессы и о законах, которые управляют ими. — V. *Оценка* прошедшего как третья задача истории; что именно должна определить история, оценивая, и при помощи чего ею может быть совершена правильная оценка; заключительные мысли об истории как последней ветви учения о Мире человеческом. Общий обзор всех форм понимания; невозможность вне их приобрести какое-либо познание; что в сказанном о них непреложно и что может быть ошибочно.

I. То, что до сих пор отдельно служило объектом понимания — действительное и мыслимое — снова соединяется в последней форме учения о Мире человеческом. Сохраняя тот идеальный характер, который исключительно присущ учениям о добре и зле, о целях и о средствах, эта последняя форма снова возвращается к тому реальному, что заключено в трех учениях о творчестве. Пользуясь всем пониманием, которое дают первые учения, она прилагает его к объяснению того, что сотворено было некогда человеком и что в общем виде, теоретически только, рассматривали вторые учения.

Это — *история как изображение, понимание и оценка* совершенного и совершившегося* в Мире человеческом; с нею исчерпывается его содержание, и с тем вместе завершается *Учение о познаваемом*, а с ним — и самое *Понимание*.

II. Остановимся внимательнее на каждой из трех задач истории. Но сперва сделаем несколько предварительных замечаний о том, что именно подлежит ее изучению, что изображает, понимает и оценивает она.

Предметом изучения здесь снова становится человек, как центр и движитель своеобразного мира явлений; то же, при помощи чего он изучается, суть законы духа и жизни, ранее установленные, и далее — явления добра и зла и целесообразность.

Но не все в человеке и в его прошлых судьбах изучается историей. Ее предмет, мы сказали, есть совершенное и совершившееся, т.е. не то, что было только, но что *изменялось* в бывшем. Что же изменялось в человеке и в жизни?

Тело человека всегда оставалось неизменным. Его организм теперь таков же, и в нем то же происходит, что происходило и чем он был и тысячелетия тому назад. Ни свидетельства памятников, ни раскопки древних могил, ни изображения человека, так нередко находимые на различных предметах, — ничто из этого не говорит нам об изменениях в его теле. Итак, дух — вот одно в человеке, что изменялось и что, следовательно, имеет историю.

И в жизни также не все изменялось. Она есть синтез творчества, исходящего из человека, — с одной стороны, законов, явлений добра и зла и целесообразности — с другой стороны. Только одно первое изменяется в ней, второе же остается вечно неподвижным.

Итак — *история есть изображение, понимание и оценка генезиса духа в его творчестве*.

Отсюда ясно, что существенно в истории и что второстепенно. Существенны идеи, которые прошли некогда через сознание человека, стремления, которые овладевали им в различное время, чувства, которые

* Под «совершенным» мы разумеем сознательно и произвольно сделанное человеком; под «совершившимся» — бессознательно и невольно происшедшее, напр. изменения в языке, экономической жизни и пр.

пережил он; второстепенны же дела его. Их значение ограничивается тем, насколько в них выразилось, что́ думал, что́ чувствовал и чего желал человек. Отсюда ясно, что история не есть история дел, *rerum gestarum* * *descriptio*, чем она всегда была по преимуществу, но история внутренней жизни человека.

Этим отделением существенного от несущественного определяется и метод истории; он есть *психологический*. В каждом явлении жизни искать проявления духа и через это познавать его; и познанное в духе обратно вносить в явления жизни, чтобы осветить и понять их, — вот приемы, которые одни могут быть истинно плодотворны в истории.

Теперь, сделав эти необходимые замечания, обратимся к рассмотрению тройной задачи истории.

III. *Изображение* прошлых судеб человека должно предшествовать пониманию их, и это понимание — оценке. Потому что ранее, чем понять что-либо, необходимо узнать его; и прежде чем оценить, нужно понять. Поэтому ни одна из задач истории не может быть выполнена правильно, как бы ни были совершенны прилагаемые к этому силы, если будет нарушена строгая последовательность в выполнении.

Дать истинное изображение прошедших судеб отдельного ли народа, всего ли человечества или какой-нибудь одной эпохи в его жизни может *художественная история*. Чтобы она была совершенна, историку необходимо обладать даром художественного понимания человека и жизни и даром художественной передачи понятого. Первое состоит в том, чтобы по немногим чертам, оставшимся от эпохи или от деятельности исторического человека, воссоздавать целое, которому принадлежат эти черты, и притом с такою истиною, что для всякого было бы очевидно, что ни другому чему-нибудь, кроме воссозданного, не могут принадлежать эти черты, ни воссозданное не могло бы проявиться иначе как только в этих чертах, которые сохранились в исторических памятниках. Это — дар воображения отгадывать скрытое по известному, и не нужно думать, что он может повредить исторической истине: он только дополняет ее, но не искажает; ему можно довериться, потому что если глубже и всесто-

* описание деяний (*лат.*).

роннее исследовать его сущность, то деятельность его получит свое обоснование и оправдание. Он действует, основываясь безотчетно на огромном количестве наблюдений, некогда сделанных над действительностью, но забытых потом и сохранившихся только в темной стороне духа, — в той, куда не проникает ясное сознание. Его участие в созидании истории оправдывается безошибочностью его деятельности в других областях: так, напр., и в жизни мы нередко и правильно отгадываем характеры людей, хотя никогда опыт и наблюдение не дают нам полного знания их, но всегда только частичное; мы, не колеблясь, утверждаем, как поступят близкие нам люди в тех или в других определенных случаях, хотя эти случаи еще не наступили, — и не обманываемся при этом; поэт и художник в немногих чертах умеют представить перед нами цельный образ человека, и мы по этим немногим чертам умеем понимать представляемый образ и, кроме того, что говорит о нем художник, знаем еще и многое другое, о чем не говорит он, и не ошибаемся. Словом — это естественная, неуничтожимая и прекрасная способность человеческого ума дорисовывать то, что как бы не дорисовано в действительности, продолжая начатое в ней до тех пор, пока оно не замкнется само собою, образуя полные формы, которым ничего не недостает и которые в таком только виде возможны, понятны и истинно действительны — более, чем сама действительность, которая так часто бывает недокончена.

Художественно понятое историк должен, мы сказали, и художественно передать. Это значит, найденное в памятниках, и ничего не изменяя в них, он должен так воссоздать в слове, чтобы у читающего возникло в воображении не то одно, что есть в памятниках, но и то все, что понял в них историк, хотя об этом он прямо и не говорит. И это требует не меньшего дарования, чем какого требует самое понимание. Художественность в истории не следует смешивать ни с живостью рассказа, ни с драматизмом изложения, ни с красотами языка, потому что все это может присутствовать в истории и, однако, она не будет художественною, равно как она может быть художественною и тогда, когда в ней ничего этого нет. Это — качества исключительно внешние, тогда как художественность есть внутреннее, и притом она не качество только, но

самая сущность изложения. Достигается она при помощи языка и при помощи особого, целесообразного размещения излагаемого. Достоинства первого состоят в полном соответствии с предметом изложения, но не в искусственном приноровлении к нему, а в свободном как бы следовании из его сущности. Так что в то время, как точный смысл слов обрисовывает все наружные, передаваемые проявления того, о чем говорится в историческом произведении, излагает события и описывает факты, — язык выражает тот общий, непередаваемый дух, который скрывается за этими подробностями и производит их. Целесообразное же размещение излагаемого состоит в художественном различении того, что типично и характерно для эпохи или лица исторического и что нетипично и нехарактерно, в удалении последнего и в расположении первого так, чтобы впечатление от изображения вполне соответствовало изображаемому, как понимает его историк.

Ясно, что, чем более узок изображаемый предмет, чем он однороднее, тем менее он требует от историка богатства художественного дара; и, чем он шире, тем большего требует разнообразия в даровании. Наиболее легким поэтому с художественной стороны следует признать изображение отдельных исторических эпох в жизни единичных народов. Так, для изображения Реформации в Германии достаточно понять дух немецкого народа и сущность самой Реформации, т.е. найти в душе своей начала, соответствующие обоим этим элементам, слившимся в произведении одного исторического события. Уже труднее правильно понять и изобразить одну и ту же эпоху в жизни нескольких народов, например эпоху Реформации в Европе. Вместить в своей душе элементы настолько противоположные, как дух Лютера и дух Кальвина, проникнутые одновременно и сущностью германского характера, так рельефно выразившегося в реформационном движении, и французским складом ума и воображения, так определенно сказавшимся в кальвинизме, — все это требует значительного богатства и разносторонности дарования от историка. Трудность еще более возрастает при изображении цельной истории какого-либо народа, когда она или закончена, или вообще прошла много фазисов развития; потому что здесь дух художника-историка должен отразить в себе и выра-

зять в слове самые разнородные состояния и стремления национального ума и чувства. Так, для историка Франции нужно понять дух столь несходных между собою эпох, как эпохи рыцарства и католицизма, эпохи возрождения наук и искусств и сложения государственного единства и далее — Реформации и придворной жизни времен Людовика XIV, революции и реставрации. Людовик Святой и Филипп Красивый, Мольер и Руссо, Баярд и Робеспьер, ученые отшельники Порт-Рояля и придворные куртизанки XVII и XVIII вв., гонимые и гонители — все это должно найти родственный отзвук в душе его, все это должно быть одинаково не чуждо ему. Национальный историк должен быть столь же богат духом, как и народ, к которому принадлежит он; и, выразитель этого духа, он один должен стоять не ниже, чем вся масса этого народа и весь длинный и разнообразный ряд сменившихся в нем поколений. И появление такого историка представляет собою как высшее счастье для народа, истинную награду его исторического труда, так и явление, редкое в жизни даже самых даровитых наций. Потому что он не только сохраняет для памяти внешние события жизни своего народа, что не трудно и не интересно, но и делает для всех народов и для всего будущего понятною его внутреннюю психическую жизнь и через это пробуждает к нему сочувствие, как бы вводит его в семью всех народов. И может случиться, что народ совершит и многое трудное, и создаст высокое во всех областях творчества, но так и умрет, не дождавшись своего национального историка и не оставив после себя национальной истории. Это великое несчастье для народа. Это значит жить и не оставить следа после себя, это значит пронестись над землею бесплодным звуком, который, как бы ни был прекрасен, — должен скоро замолкнуть.

Наконец, художественное воссоздание исторической жизни всего человечества представляет собою невероятные трудности. Все то, что мы сказали о национальном историке и национальной истории, имеет приложение и здесь, но только сказанное должно расширяться настолько же, насколько расширился самый предмет, о котором мы говорим. В историке-художнике, который способен был бы воспроизвести прошедшую жизнь человечества, должно в значительной степени произойти то распадение духа, на которое мы

указывали ранее, и несомненно сам он может появиться не иначе как в эпоху упадка глубокой и всесторонней цивилизации. Отразить в своем духе дух всех народов и пережить с ними все времена; проникнуть попеременно и в узкий практицизм Китая, и во всю роскошь фантазии индусов; найти в себе сочувствие и холодному анализу Аристотеля, и некоторой как бы поэтической бессмыслице поклонников Пророка; понять и то, что чувствовали крестоносцы, когда при виде всякого города спрашивали: «Не это ли Иерусалим?» — и то, что чувствовал Вольтер, когда смеялся над ними; понять и бичевания св. Франциска, и *esprit** французских салонов; благоговеть перед законом с Аристидом и смеяться над ним с Алкивиадом; восторгаться с гуманистами находке старой рукописи и с Буддою думать о средствах прекратить мучения всего сущего, и все это не склоняясь к одному более, нежели к другому, всему отдаваясь столь же искренно и глубоко, как отдавался в различные эпохи своей жизни сам человек, — это требует такой всеобъемлемости духа, о какой даже приблизительного понятия не дала нам история.

IV. *Понимание* есть задача философской истории. Оно состоит в раскрытии, что каждое явление в прошедшей жизни человечества имело для себя достаточные основания в одновременных и предшествующих фактах и что ни одно явление не исчезло не произведя всего того, что скрыто заключалось в нем. Это — причинность в истории.

Предмет истории есть всегда процесс, но не простой, состоящий из развития одного чего-либо, а сложный, состоящий из развития многого. Внимательно всматриваясь, его всегда можно расчленить на несколько строго самостоятельных процессов, и, какой бы исторический момент мы ни взяли, в нем мы всегда заметим, что одно прибывает увеличиваясь, другое убывает уменьшаясь, иное заканчивается уже, а иное только зарождается. И первая задача философской истории заключается в том, чтобы выделить все эти особые процессы, из которых слагается целый и по видимому однородный процесс истории. Так, политическую историю нового времени было бы ошибочно рассмат-

* дух (франц.).

ривать как борьбу между различными, противоположными стремлениями. В ней нет поборающих и побораемых, нет убеждающих и убежденных, наконец. Правильнее рассматривать ее как синтез одновременных исторических течений, причем как бы в известный момент ни замирало которое-нибудь из них, оно в действительности всегда продолжает существовать, но только временно закрывается другим, более сильным течением. Таким образом, только для внешнего наблюдателя, который видит одну наружную сторону, может представиться, напр., в жизни Франции за последнее столетие, что в ней одно сменяется другим; для взгляда же более глубокого откроется, что в своем целом жизнь этой нации есть как бы ряд переплетающихся нитей или — возьмем сравнение из органической природы — как бы ряд мускулов, из которых ни один не перерывается другим, но только или заходит за него скрываясь, или опять выходит и покрывает его собою. Так, монархия в ней никогда не переставала существовать и при республике, равно как и республика продолжала жить при монархии: элементы обеих политических форм были и есть в ней в каждый исторический момент, но никогда во всей своей целости, а только отчасти, разделяя между собою и учреждения, и народ.

Расчленив цельное историческое развитие на эти единичные составляющие процессы, история должна каждый из них подвергнуть тщательному изучению. Так, для Рима это была бы: история городского сословия и деревенского, история патрициата, нобилитета, войска, и далее — история учреждений, эллинизма на италийской почве, восточных культов, наконец — история семьи, нравственности и пр. Таких отдельных процессов в истории каждого развитого народа существует много.

Изучая каждый единичный процесс, необходимо определить, из чего зародился он и каким образом, т.е. определить источник его и форму изменения, первую и зачаточную в нем. Далее, следя за постепенным ростом его, нужно всякий раз определять и внешние причины, то сдавливающие его извне, то дающие ему возможность шире распространиться, и внутренние — те, которые движут во времени это то расширяющееся, то суживающееся в пространстве. Затем, так же строго отделяя причины внешние от внутренних, необходимо

отметить момент, с которого процесс последовательно начинает уменьшаться, и, наконец, форму, в которой, замыкаясь, он исчезает.

Скажем несколько слов о том, что мы разумеем здесь под причинами внешними и внутренними. Внешние причины суть не источники какого-либо процесса, не то, что создает его, но только извне лежащие условия, в которых, уже созданный, он развивается и которыми он видоизменяется и в величине, и в форме, но никогда в сущности. Внутренние же причины суть те, которые создают и потом движут процесс, и ими же определяется его сущность. Внешние причины всегда принадлежат какому-либо другому процессу, развивающемуся параллельно с тем, на который они действуют, и в нем, в этом другом процессе, они суть внутренние и существенные. Поэтому они могут существовать или не существовать, видоизменяться или не видоизменяться, — от этого тот процесс, для которого они внешни, не перестанет ни существовать, ни развиваться далее. Внутренние же причины лежат всегда в пределах самого процесса, и без них он не может ни возникнуть, ни продолжаться. Они принадлежат или природе человека, суть свойства какой-либо стороны его духа, которая в целом историческом процессе не сразу обнаруживается, но рано или поздно должна проявиться и начать собою отдельный процесс, который и входит составною частью в синтез других, уже ранее существовавших процессов. Так, напр., когда государственная жизнь такова, что все способные в народе могут получать образование и все образованные могут получать доступ к почетным и выгодным занятиям, то масса простого народа будет все понижаться в умственном отношении сравнительно с тем, чем он был тогда, когда образование еще не коснулось его: через постоянное выделение из себя всего даровитого по уму и характеру, что прежде оставалось в его недрах, он вырождается через некоторое время в слабоумный и апатичный класс. Но это будет причина не внутренняя, но внешняя: параллельно с народною массою развивающийся образованный класс простым своим ростом в количественном отношении будет стеснять рост простого народа. Или еще: когда в Риме роскошь и безнравственность достигли высокой степени, тогда появились законы, стеснявшие и то и другое; но для упадка нравов и увеличения роскоши отсутствие соответству-

ющих законов было только внешнею причиною. Так же по отношению к нобилитету усложнение политической жизни и упадок патрициата были только внешними причинами, внутреннею же причиною было то, что в политическую форму, где бы и какова бы она ни была, начало нобилитета всегда входит скрытым элементом. Власть в государстве неизменно сосредоточивается у лучших или по роду, или по богатству, или по образованию, или по заслугам государству (знатность); и если в Риме первое пало, третьего не было, второе не выделилось в особое начало по причине отсутствия значительной промышленности и торговли, то необходимо должно было появиться четвертое, т.е. нобилитет.

Единичные исторические процессы могут совершаться по всем модусам изменения, которые мы установили ранее: они могут быть раскрывающимися, сомкнутыми и замкнутыми. Так, процесс развития учреждений (распадения политической формы) всегда бывает раскрывающийся: они последовательно все усложняются и усложняются, и, когда историческая жизнь прекращается, они не отпадают, но замирают. Борьба партий всегда имеет форму сомкнутого процесса: они чередуются в господстве, и жизнь народа тою стороною своею, которая касается их, как бы пульсирует. Наконец, большая часть других процессов, как, например, развития и упадка благосостояния или нравственности и т.п., имеет форму замкнутую: обыкновенно в жизни народов они так же постепенно уменьшаются и исчезают, как постепенно появились и возросли.

Эти единичные процессы, как и всякое изменение, движутся *силами* и управляются *законами*. Силами являются в них стороны духа, а законы их суть соотношения между элементами духа, процессами творческими и формами жизни, как внешние, напр. между формою духа и формою жизни, так и внутренние, напр. между одною формою духа и другою формою духа же. Так, напр., процесс исторического возникновения, развития и упадка науки движется силою понимания, или разумом; процесс развития нравственности в истории имеет под собою, как движущее начало, нравственное чувство; процесс расширения государства движется твердостью воли и широтою желания и т.д. Единичные формы духа — идеи, чувства, стремления — всегда суть внутренние причины и, следова-

тельно, истинные двигатели отдельных исторических процессов, а дух в своем целом есть движущая сила всей истории. Что же касается до законов исторических процессов, то, совершаясь в духе и в жизни, эти процессы не могут управляться никакими иными законами, кроме как только теми, которые лежат в духе и в жизни: в истории и нет ничего соотносящегося, кроме духа и жизни, она и есть только синтез проявлений первого и второй, обнимающий собою всех людей и все времена. Но ничего особого, что было бы ему одному присуще, нет в историческом процессе; нет никаких особых законов истории, в ней исключительно действующих и ведению ее, как науки, исключительно подлежащих, — как нет в мириадах капель падающего дождя другой силы тяжести и других законов движения, кроме тех, которые существуют и для всякой одной капли, случайно и где-нибудь упавшей на землю. Только ошибочное признание за историю того, что составляет ее наружную сторону — *regum gestarum**, — могло внушить ошибочную мысль, что в ней есть что-нибудь отличное от обыкновенной повседневной жизни и что, следовательно, в ней есть свои особые законы, которые в ней самой, но не в духе и не в жизни следует искать. Так, можно быть уверенным, что процесс зарождения, возрастания и упадка благосостояния какого-либо исторического народа, например Афин или Рима, не управлялся никакими другими законами, кроме тех, которые политическая экономия открыла из размышлений и наблюдений над повседневной жизнью; а между тем это есть несомненно исторический процесс, один из многих, которые в совокупности своей составляют цельную историю.

Когда, таким образом, история какого-либо народа будет расчленена, каждый процесс в ней прослежен от зарождения до исчезновения и ко всем им будут подысканы соответствующие силы в духе и законы в Мире человеческом, тогда раскроются в ней достаточные основания для всего совершившегося и полнота последствий каждого события, и в своем целом она явится внутренне необходимою и понятною.

V. Последняя задача истории состоит в том, чтобы *оценить* прошедшую жизнь человечества. Эту жизнь

* деяния (лат.).

и в самом деле можно рассматривать не только как *совершенство*, но и как *творение*; потому что те процессы, из которых слагается она, все заканчиваются формами творимого — наукою, искусством, религиею, правом, государством, и в своем последовательном развитии они постепенно создают, частица за частицею, эти формы. С такой точки зрения минувшая жизнь народов разложится на ряд фактов, оценить внутреннее достоинство которых не только возможно, но и необходимо.

И предыдущие учения о Мире человеческом дают орудие для такой оценки: *Учение о целях или о должном* дает возможность оценить, к тому ли стремились люди в прошлом, к чему они должны были стремиться; а *Учение о средствах или о путях к должному* дает возможность понять, целесообразно ли поступали они, стремясь, или заблуждались, отклоняясь от истинного пути.

Но этим не исчерпывается оценка совершенного единичными народами и всем человечеством. Недостаточно определить, заблуждались или не заблуждались они в избрании целей для себя и в выборе средств для их достижения; необходимо еще оценить, как далеко они удалились от того, что служило исходною точкою для них, — и она для различных народов была не одинакова: не с одного и того же начинали все они свой исторический труд; и необходимо измерить, насколько приблизились они к тому, что для всех их служило и продолжает служить одною целью.

Это определяется через сравнение достигнутого с теми конечными формами, к которым естественно и необходимо стремится жизнь, и форм сотворенного — с видами добра и зла. Это сравнение раскроет, чего еще недостает человеку и его жизни и как далек еще он от завершения своей истории.

С выполнением этой задачи будет выполнено все, что должна и что может выполнить история, как последняя ветвь *Учения о Мире человеческом*. В своей художественной части она раскроет перед живущими, чье минутное существование возросло на прахе стольких народов и тысячелетий, чем был в свое время этот прах, какая жизнь билась в нем и какая судьба его постигла, — она даст понимание сущности того, что совершилось. В своей философской части объяснит она, почему иная судьба и не могла постигнуть народы, какая внутренняя необходимость господствовала над

их жизнью, — она же и порождала, она же и губила всякое явление в ней: здесь раскроется причинная связь в истории. Наконец, в своей последней части она оценит, сколько достоинства заключалось в той отошедшей жизни, как многим обязаны мы этому холодному праху, с каким уважением должны сохранять память о нем и, сами готовые присоединиться к нему, как бережно должны передавать его наследие тем, которые на жизненном пути готовятся заступить наше место.

И если когда-нибудь суждено будет появиться историку, — а возможно, что нить исторической жизни прервется и он не появится, — который выполнил бы все эти три задачи одинаково и совершенно; если бы в его распавшемся духе отразились и нашли отзвук все мысли, все чувства и все желания, которыми радовалось и страдало человечество, и все бы это он понял и оценил так, как будто бы сам пережил с народами их многовековую и изменчивую судьбу; если бы с этою художественностью в нем соединился такой светлый разум, что стало бы понятно ему все, что совершилось, и, проследив это совершившееся, он сказал бы, что в нем и не произошло ничего, кроме того, что должно было произойти, что нет в истории ни излишка, ни недостатка; и, наконец, если бы при этой силе понимания и при знании всей глубины порока и зла — что необходимо для понимания — в нем еще сохранилась та чистота души и те стремления к конечному добру, без которых невозможно оценить нравственное значение совершившегося и придать нравственный смысл своему труду, — если, повторяем, когда-нибудь появится историк, который так полно вместит в себя жизнь человечества и так совершенно отразит ее в своем труде, — это будет совершеннейший человек, какого знает история, и им произведенное — лучшее и драгоценнейшее, что от нее останется.

Мы обзрели все формы *Понимания*; и каково бы ни было то, что сказано нами в пределах каждой из них, самые пределы таковы, что через них никогда не переступит человеческий разум, но все, что он создаст в будущем, ляжет содержанием внутри их.

И в самом деле, что́ есть в науке или что может когда-либо появиться в ней, кроме *понимания*? и что́

в самом понимании может быть, кроме *познающего, познавания и познаваемого*? Что́ может быть усмотрено в познающем, кроме сторон бытия его, и чем может быть познавание, кроме как только или проверяющим исследованием *узнанного уже*, или изысканием новых истин относительно *неузнанного*? И из них первое — исследование — что́ другое может проверять, кроме *мыслимого и совершаемого*, а второе — изыскание — из чего другого может состоять, как не из *мышления и приемов изучения, или методов*, и на что другое может быть направлено, кроме как на лежащее *вне сознания и внутри* его? Самое же познание, то, что является результатом взаимодействия между познающим и познаваемым, что другое может иметь своим объектом, кроме мира *внешнего* для человека и мира *внутреннего* для него? Внешний же мир в чем другом может быть познаваем, кроме как только в *существовании* своем, в *изменении* и элементах его — законах, силах, процессах, в *сущности* своей, в *свойствах*, в *причинах* и в *следствиях*, в *целях*, в *сходстве* и *различии* и в *количественных* отношениях; и по отношению к каждой из этих сторон, что другое может быть узнано, кроме того, *что́ такое эта сторона* и какое имеет она *приложение* ко всем *единичным* вещам в Космосе и к самому Космосу как *целому*: например, что́ такое причинность, каковы причины всего и какая причина того, в чем все? И наконец, в Мире человеческом что́ другое может быть изучено, кроме *творчества* человеческого, а в нем — *творящего, творения* и *творимого*, и далее — кроме законов или *соотношений* в нем, уже не творящих и не сотворенных, *добра и зла*, которым является творимое, *целей* или конечных форм, к которым стремится оно и которые только мыслимы, *путей* к этим конечным формам и *истории*, как совокупности совершенного и совершившегося в Мире человеческом? Не совершенно ли ясно, что вне этого не только никогда не вращалась человеческая мысль, но что это — круг, так прекрасно замкнувшийся, что из него она никогда не будет иметь ни сил выйти, ни даже желания, потому что нет вне этого ничего, чего мог бы пожелать человек узнать, что в силах был бы назвать он как предмет желаемого познания? Не так же ли все это непреложно, как то, что нет ничего третьего среднего, кроме *узнанного* и *неуз-*

нанного, простого и сложного, внутри лежащего и вне находящегося, общего и частного, целого и дробного и всего подобного, что мы всегда стремились избирать как руководящее начало деления в исследованном нами *Понимании*, чтобы, уловив сущность науки в целом и потом внутренне дробя ее, не упустить какой-либо части этого целого?

И, таким образом, эта архитектоника науки, происшедшая не через нагромождение знаний друг на друга — как это всегда было до сих пор, — но через проведение *внутренних делений* в *Понимании*, соответственно тому, как оно само распадается на свои элементы, не должна ли эта архитектоника пребыть вечною и неподвижною, и весь последующий научный труд человека не должен ли свестись к простому замещению ее форм, стать овеществлением этой архитектоники, как идеального построения, через приобретение уже указанных в ней, но еще не найденных знаний?

Но, раскрывая эту архитектонику, мы не ограничились одним выделением ее форм, но и дали в пределах их некоторые знания, первые и основные, например не ограничились указанием на изменение или целесообразность как на объекты самостоятельных ветвей *Понимания*, но и определили элементы их, указали отношение целесообразности к причинности, модусы ее, а для изменения определили типы процессов и в каждом из них — взаимное отношение начал деятельного и пассивного. И так как эти первые и основные истины были положены нами в каждой форме науки, а за пределы этих форм по самой природе их никогда не переступит разум, то ясно, что все последующее человеческое знание будет только подтверждением, исправлением и дальнейшим развитием сказанного здесь и иным чем-либо, с ним не связанным, никогда не сможет стать. Как в семени тайно заключено будущее растение через выражение форм его в *minimum*'е вещества; так здесь в *minimum*'е истин скрыто заключены все формы того древа познания, которому отныне предстоит расти через усвоение и размещение по этим формам других истин.

Теперь, прежде чем окончательно оставить этот предмет и перейти к другому, укажем, что менее твердо в изложенном, где может скрываться в нем заблуждение, что по преимуществу должно быть принимаемо с осторожностью.

Непреложно в нем все, что принципиально; ошибочно же может быть все, что не принципиально. Объясним, что́ разумеет мы под тем и другим.

Принципиально, что наука есть *Понимание*, как в процессе своем, так и в сущности, и в цели и, будучи таковым, разлагается на *познающее, познавание и познаваемое*, учения о которых суть основные формы науки; но сказанное о том, *из чего* должны состоять эти формы и *каковы* они, — не принципиально. Что в познавании *исследование* должно предшествовать *изысканию* — это принципиально; но все, высказанное о средствах вышолнить предварительное исследование и о том, что́ может служить правилами и критериями при этом вышолнении, — не принципиально. Что изыскание слагается из мышления и приемов изучения — это принципиально; но что мышление состоит только из раскрытия идей и их сочетания — это не принципиально; возможно, что в нем есть и другое что-нибудь. Или еще — и этот пример лучше всего может объяснить разницу между тем, что принципиально и что не принципиально, — истина, что ветви *Учения о познаваемом* должны и по числу, и по содержанию своему соответствовать сторонам бытия и схемам разума, есть истина принципиальная; но так ли определили мы самые схемы разума и стороны бытия, и, следовательно, состоит ли *Учение о познаваемом* из учений о существовании, изменении и пр., — это уже не принципиально. Также распадение каждой ветви *Учения о Космосе* на общую теорию и два частных учения — это есть истина принципиальная; но все, изложенное в пределах этих форм, например: что́ такое изменение, каковы формы процессов, как распределены в последнем начала пассивное и деятельное, где пребывает закон и другое многое, что мы сказали об изменении, — все это не принципиально. Словом, начало формальное, проводимые деления в *Понимании* всегда принципиальны и непреложны; но в выделенном, как в части, проведены ли все второстепенные деления, какие допускает природа этой части, и далее — все, касающееся содержания, т.е. того, что *между* делениями, что внутри исчисленных форм, — все это сказано сверх положенной цели: *определить строение науки* — это не принципиально и, может быть, ошибочно.

КНИГА III

О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУ НАУКОЮ, ПРИРОДОЮ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ЖИЗНЬЮ

Глава I

ОБ ОТНОШЕНИИ НАУКИ К ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА И К ЕГО ЖИЗНИ

I. Условия образования науки: стремление к познанию и способность к нему. Сомнение как источник стремления к познанию; определение сомнения. Ясность в строении мышления и последовательность в развитии его как условия способности к познанию; необходимость сознавать постоянно грань между известным и неизвестным как условие сохранения пытливости в уме; эта грань всегда проводится религиею и затемняется скептицизмом; поэтому религиозные эпохи были плодотворны для науки, а эпохи скептицизма бесплодны для нее. — II. Об отношении науки к жизни человека. Два рода явлений, на которые распадается жизнь: явления, восходящие как к причине своей к первоначальным частям человеческой природы, и явления, восходящие к произведенным частям человеческой природы; взаимное отношение этих двух рядов жизненных явлений; к которому из этих двух рядов принадлежат явления понимания; несвязанность понимания с жизнью. — III. Об отношении науки к природе человека. Два рода человеческой деятельности: произвольная и необходимая; различие между объектами первой и второй: в произвольной деятельности: 1. объекты суть создания человеческой воли, 2. они подвижны и временны, 3. они внешни для человека, его природы и способностей, 4. между ними и между природою человека есть отношение, но нет соотношения; в необходимой деятельности: 1. объектами служит не поставленное человеком, но поставленное перед ним, 2. эти объекты неподвижны, 3. в деятельности, движущейся к их осуществлению, раскрывается природа человека, 4. между ними и между природою человека есть соотношение, определенное и по-

стоянное. Цели как объекты произвольной деятельности; назначения как объекты необходимой деятельности. Понимание есть процесс свободно-необходимый в отношении к жизни человека и в отношении к природе его; в понимании раскрывается часть первозданной природы человека; оно есть первое и конечное назначение человека.

I. Для образования науки необходимы два условия: *стремление* к ее образованию и *способность* образовать ее. Первое по-преимуществу вызывается особенным состоянием человеческого разума, которое можно выразить словами «колебание», «сомнение», «недоумение» относительно вещей, постоянно существующих как вне человека, так и в нем самом: оно есть сознание незнания или неуверенность в знании. Это состояние не есть естественное для разума — последнее заключается в чистом и спокойном созерцании кажущегося истинным; и не есть состояние, удобное для него, — оно постоянно мешает ему прийти в положение, соответствующее его природе. Поэтому сомнение вызывает некоторое страдание в разуме, схожее с тем, какое испытывается человеком, когда он, получив толчок, вдруг теряет равновесие и не знает, упадет ли или удержится в прежнем положении. Те усилия не упасть, которые делает в этом случае организм, по своей сущности совершенно тождественны с теми усилиями, которые делает разум, стараясь перейти из состояния колебания, неуверенности в своем знании к состоянию твердого и спокойного знания.

Этот переход совершается по внутренней непреодолимой потребности разума, которую ничто не может задержать и которой ничто не может способствовать. Она находится вне воли самого человека, и если бы последний сам захотел остаться в прежнем состоянии, он не в силах был бы сделать это; тем более этого не может случиться, когда другие захотели бы оставить его в нем.

Эти усилия разума перейти от неестественного для него состояния сомнения к сообразному с его природой состоянию уверенности, спокойного знания — и есть стремление к образованию науки. Поэтому с того момента, как пробуждается в человеке сомнение, начинается образование науки, — и оно приобретает характер непреодолимый, постоянный и всеобъемлющий, потому что во время самого процесса образова-

ния твердого знания происходят постоянно новые колебания, сомнения, которые становятся новыми побуждениями к стремлению все далее и далее, пока, наконец, в разуме не установится понимание единое и цельное, без перерывов и без противоречий. Тогда разум приходит в свое естественное состояние, по своей сущности тождественное с тем, из которого он выведен был сомнением, и снова погружается в созерцание, — но уже не того маленького мира, которым он жил прежде.

Так, по справедливости можно сказать, что если стремление к истинному есть самая человеческая сторона в нашей природе, то пробуждается она сомнением; и если, как думали и думают многие, человеческая природа не ограничивается одною материальною, землею стороною, но и заключает в себе другую сторону, иного и высшего происхождения, то сюда по преимуществу перед всем другим следует отнести дух бескорыстного сомнения: из всего окружающего человека только ему одному свойственно оно, и вершины человеческого развития всегда украшались им.

Второе условие для образования науки, мы сказали, есть *способность* образовать ее. Она лежит в самых свойствах того ума, в котором пробудилось стремление к ее образованию. Всякий раз, когда это стремление и эти свойства встречаются вместе, они образуют науку. Но бывают случаи, когда они и не встречаются: тогда наука не может быть образована. Впрочем, самое стремление к ее образованию способствует развитию тех свойств в уме, которые делают возможным это образование; так что с его пробуждением рано или поздно, после больших или меньших усилий, наука будет создана.

Все разнообразные свойства ума, необходимые для этого, сводятся к двум: к *ясности в строении мышления* и к *последовательности в развитии его*. Первое состоит в естественном отвращении ума от всего смутного и неопределенного, что не может быть воспринято им без некоторого болезненного усилия, необходимого для приведения воспринимаемого в тот вид, в котором единственно оно может быть усвоено мышлением, т.е. к идеям ясным и отчетливым. Из этого стремления ума вносить в воспринимаемое ясность и отчетливость вытекает то, что в нем постоянно происходит *отделение ложного от истинного*, что в сочетании с пробуж-

дившимся уже ранее духом сомнения и изыскания и производит науку, как истинное понимание. И в самом деле, раз в уме пробудилось сомнение в справедливости того, что прежде казалось ему истинным, он, в силу внутренней необходимости, начинает образовывать новые знания (идеи) — о том же объекте, но иного содержания. Но они могут быть смутны, неопределенны, сбивчивы. И если ум, пробудившийся к исканию, не обладает ясностью, то эти идеи, часто столь же ложные, как и те, которые были прежде, принимаются им за истину, и поэтому наука, как истинное понимание, не образуется. Так разрешаются все сомнения, религиозные и другие, на Востоке, что производит замечательные религиозные движения, но никогда — науки. Причина этого лежит в характере ума восточных народов, лишенного ясности и особенно отчетливости. Напротив, когда разум, в котором под влиянием сомнения начали образовываться новые идеи, слагаться иное понимание, обладает ясностью, то он не воспринимает те из них (идей), которые смутны и безотчетны, и принимает только те, которые ясны и правильны. Поэтому сочетание сомнения и ясности в строении мышления необходимо создает то, что составляет части науки, т.е. отдельные части истинного понимания.

Но для образования цельной науки необходимо еще другое свойство ума — последовательность в развитии воспринимаемого и стремление к этому развитию. Это свойство и это стремление вытекают отчасти из самой ясности и отчетливости мышления. Последнее, строго отделяя известное от неизвестного, повсюду выделяет грань между ними; и так как известное обыкновенно находит свою опору и свое объяснение в неизвестном, то отсюда вытекает постоянное стремление ума все глубже и глубже спускаться в область неизвестного. Этот процесс обоснования известного через раскрытие неизвестного и есть то, что мы называли стремлением разума к развитию воспринимаемого им. Заметим, что это постоянное сознание грани между известным и неизвестным есть условие, без которого невозможно развитие науки, — а между тем оно встречается не часто. Обыкновенно не сознают отчетливо этой границы, и неизвестное считается уже известным; это совершенно убивает науку, потому что

убивает источник ее — стремление узнать неизвестное: нет интереса исследовать то, что кажется уже известным. Вот почему верующая религия со своею нетерпимостью и преследованиями гораздо менее повредила развитию науки, чем верующий скептицизм*. Первая не скрывала, что есть многое необъятное, что остается неизвестным для человека. Поэтому эпохи ее господства отмечены в истории великою пытливостью духа и плодотворными открытиями. Вся греческая философия выросла и развилась в глубоко религиозное время: Ксенофан, Эмпедокл, Парменид, Анаксагор, Сократ и ученики его — все они жили в эпоху, чуждую распущенности религиозного чувства, и потому-то именно во всей жизни и в каждом слове их чувствуется такая удивительная любознательность, и любовь их к трудно доставшейся истине была так велика, что некоторые из них ради нее решались оставить отечество, а другие приняли смерть. Так же и в Европе эпоха высшего развития религиозного чувства отмечена великими системами схоластической философии — Альберта Великого, Дунс Скота, Вильгельма Оккама, Рожера Бэкона и многих других, а полное одушевления реформационное обновление церкви тотчас же за собою вызвало основание новой философии и почти всех наук, какие существуют теперь: Декарт участвовал в 30-летней войне, ему современником был Бэкон, а учениками первого были Гейлинкс, Малбранш и Спиноза, а второго — Локк и Ньютон. Напротив, то, что мы называли верующим скептицизмом, эта уверенность, что в не изведанных еще областях бытия нет ничего отличного от того, что есть в изведенном, всегда порождал умственный индифферентизм, при котором невозможно плодотворное изыскание в науке. Так, все эпохи религиозного упадка были вместе и эпо-

* Выражение «верующий скептицизм» может показаться противоречащим самому себе; но это противоречие только грамматическое, — и оно пропадает, если вникнуть в то историческое явление, которое обозначается им: напр., французские энциклопедисты были скептиками, но и вместе с тем они, несомненно, были верующими в том, чего касался их скептицизм; относительно многих вопросов у них не было точных ответов, — но они нимало не сомневались, что эти ответы, если бы когда-нибудь были найдены, оказались бы непременно *такими*, а не *иными*; в XIX в. на некоторые из этих вопросов были даны ответы, но не те, которые ожидались в XVIII в.

хами умственного падения. Когда пала греческая религия, с нею и философия выродилась в бесплодную александрийскую ученость; когда с Возрождением пал католицизм, пала и схоластическая философия, а новая, это замечательно, не зародилась, — она, как сказано уже, появилась только после Реформации. Наконец, когда оживление, вызванное последнею, заглохло в XVIII в. и наука утратила свой истинно плодотворный характер, это столетие сделало только общеизвестным то, что было создано великим предыдущим столетием. Но замечательно, что как только с начала нынешнего столетия и до 50-х годов вновь возродилось религиозное чувство, тотчас вновь возродилась и оригинальность науки. В это именно время германский дух создал гуманные науки — науку о языке, историю древнюю и средневековую, историю права и многие другие. И как только с того времени вновь ослабло религиозное чувство — наука все более и более стала перерождаться в ученость, и той пытливости духа, которою исполнены были оба Гумбольдта, Риттер, Эли де-Бомон, Нибур, Пухта, Савиньи, оба Гримма, мы уже не встречаем более. Это неизменное сопутствование двух фактов, сильной религиозности и духа научного изыскания, продолжающееся в течение всей истории человечества, не разрывающееся ни при каких прихотливых изменениях одного из них, заставляет предполагать между ними причинную связь, которую мы постарались указать в постоянном сознании при религиозности грани, отделяющей известное от неизвестного. Оно, это сознание, лежащее следствием в религии и причиною в науке, делает то, что наименее религиозные народы суть вместе и наименее способные к науке, и обратно — наиболее религиозные обнаруживают наибольшее творчество в ней.

Кроме ясности ума, указывающей на грань между известным и неизвестным, для стремления к дальнейшему развитию воспринимаемого необходима еще *пытливость* его, неудержимо влекущая человека переступить эту грань. Она порождается некоторою болью ума при ощущении недостающего в понимании. И последняя бывает настолько нестерпима, что для восполнения этого недостающего переносится всякая физическая боль. Эти два последние свойства производят то, что мы назовем духом изыскания, разумения в че-

ловеке. Пробуждаемый первоначально сомнением, он затем, в свою очередь, пробуждает новые и новые сомнения и становится истинным двигателем науки, неотдыхающим и неустающим.

Итак, вот условия образования науки — каждым народом и в нем каждым человеком. Необходимо стремление к познанию, и оно порождается сомнением. Необходима способность к познанию, и она порождается — ясным строем мышления, который отделяет истинное от ложного, и последовательностью в мышлении, которая порождается тою же ясностью и еще пытливостью; пытливость же порождается сознанием грани между известным и неизвестным.

Из сказанного очевидным становится, что зарождение, развитие и упадок науки всецело и исключительно обуславливаются причинами, лежащими в природе человека — состояниями и свойствами его разума. Поэтому ничто внешнее для человека никогда не создавало и не создаст науки, никогда не останавливало и не остановит ее. Чистый интерес ума узнать еще неизнанное — вот единственное, что двигало ее, и раз этот интерес прекращается, наука умирает безусловно и безвозвратно.

Отсюда становится понятным, почему так безуспешна была всегда борьба против науки и почему так бесплодно все, что делается для ее процветания. И те и другие усилия основывались на непонимании ее сущности и ее происхождения, и все, что создавали и что создают они, лежит вне науки, в стороне от пути, которым двигается она. Костры не остановили ее, а университеты и академии не помогут ей.

И в самом деле, какие гонения перенесла она, и они не приостановили ее развития, потому что не действовали на причины, из которых она развивается. Века наибольших преследований не были ли веками ее величайшего торжества, временами открытий, о которых с детства привыкли слышать мы? И напротив, сколько усилий делается теперь для ее развития: собираются библиотеки и музеи, устраиваются академии, и жизнь тех, кто проводит в них свои долгие и лучшие годы, обеспечивается во всем, чтобы никакие заботы не отвлекали их от уединенного труда. Но странное явление замечается повсюду. наука падает неудержимо, творчество видимо иссякает в ней, дух исследования

и изыскания готовится замереть с жизнью немногих еще оставшихся представителей старой науки. И те жертвы на пользу ее, и то благоговейное уважение, которые несут и которое оказывают ей народы и государства, уже не награда за то, что совершает она, но воспоминание о том, что она совершила некогда: в ней уже нет жизненности, и только тени великих двигателей ее великого прошлого охраняют ее от всеобщего отчуждения и пренебрежения.

И это явление понятно. Можно ли открыть что-нибудь, не ища? Можно ли искать чего-нибудь без интереса найти? И когда нет этого интереса, пробудится ли он, если для него воздвигнется университет или академия или соберется библиотека? Те, для кого сделано это, будут заниматься в них; они станут располагать все в новые и новые сочетания ранее открытые истины, станут собирать по различным вопросам мысли всех времен и всех народов. Но что откроют они, какую невысказанную мысль скажут, когда нет более интереса в их уме, не о чем им сказать что-нибудь?

Наука живет не в университетах и академиях, но во всякой душе, ищущей истины, не понимающей и хотящей понять. Только эта потребность понимания создает науку; все же остальное, что шумно делается — как думают для науки, — делается для удовлетворения человеческого тщеславия, личного и национального, и к науке не имеет отношения: быть может, она погибнет среди этих забот о ней, превратившись окончательно в ученость; и возродится, когда исчезнет все, что создали эти заботы.

Рассмотрим отношение науки, такой и так создаваемой, к жизни человека и к его природе. В противоположность науке, искусственно создаваемой и бесцельно существующей, она имеет строгое и точное отношение к тому, из кого исходит и среди чего пребывает, и допускает анализ этого отношения.

II. Если мы возьмем какое-либо явление человеческой жизни, личной, общественной или политической, и станем отыскивать его причину, то после нескольких попыток найти ее в явлениях же жизни, и именно этими последними руководимые, всегда придем, наконец, к человеческой природе. Она есть тот центральный узел, из которого исходят и к которому возвращаются

снова все нити явлений причинной связи, из которых слагается жизнь.

Однако если мы внимательно всмотримся в части этой природы, которые служат источниками жизненных явлений, то мы найдем в них значительную разницу. Одни из них *произведены* в человеке, не первоначальны в нем; другие же не произведены, *первозданны*. Отсюда и явления жизни могут быть разделены на *вызванные*, те, которые есть, но не необходимы: это явления, исходящие из непервоначальных частей человеческой природы; и на *естественные*, те, которые необходимы, не только есть, но и не могут не существовать: это явления, исходящие из первоначальных частей человеческой природы.

Так, чувство тщеславия не есть первоначальное в человеке, потому что тщеславиться можно только перед кем-нибудь, и, следовательно, появилось оно в то время, когда уже развита была общественная жизнь. Так же не первоначальны в человеке все стремления к богатству; и в самом деле, богатство, как обладание средствами жизни сверх того, что нужно для жизни, служит для удовлетворения тщеславия. Это видно из того, что оно (тщеславие) обнаруживается в явлениях, имеющих целью или удивить, или внушить зависть кому-нибудь: в обладании жилищем, во всех отделениях которого нельзя одновременно жить за их многочисленностью, или платьями, которых одновременно нельзя надеть по той же причине, или пищею и напитками, которых одному нельзя употребить, лошадьми, на которых нельзя сразу ехать, прислугою, которой нечего сразу приказать, и всем прочим подобным, что не нужно. Все это, употребляясь попеременно, служит для удовлетворения тщеславия, о котором сказано было уже, что оно не принадлежит к первоначальным чувствам человека. Итак, деятельность, направленная к приобретению богатства, будет ли она личная, общественная или государственная, есть вызванная и не необходимая.

Столь же очевидно, что не первоначально в нашей природе стремление к могуществу. Последнее есть возможность всегда охранять свою безопасность и нарушать чужую. Следовательно, возникает она тогда, когда уже произошли нарушения своей безопасности, т.е. обиды и притеснения, и когда возбужденный этим гнев

заставляет желать нарушения чужой безопасности. Оно появляется поэтому во времена племенной и политической жизни и есть часть человеческой природы, вызванная условиями этой жизни. Отсюда всякая деятельность человека, направленная к увеличению могущества, личного, общественного или государственного, есть также деятельность не первоначальная и не необходимая.

Теперь возьмем другие явления. Пусть человек повредил какой-нибудь член своего тела или заболел чем-нибудь. На какой бы ступени исторического развития ни находился он, пусть будет он даже первым человеком на земле, он тотчас сделает что-нибудь, чтобы исправить повреждение или уничтожить болезнь. Ясно, что деятельность эта не вызвана никаким условием жизни /и не восходит к какой-либо части, которая в нем вызвана этими условиями.

Или возьмем чувство наслаждения красотой природы или пение. Нельзя найти в условиях жизни ничего такого, что создавало (не говорим — усиливало) в человеке такие стороны, вследствие которых он стал бы чувствовать наслаждение в созерцании красивого и удовольствие в пении. По мере простого развития его природы, т.е. раскрытия того, что первоначально в неразвитом виде лежало в ней, он почувствовал и то и другое. В справедливости этого можно убедиться из того, что чувства эти увеличиваются по мере общего развития человека (следовательно, когда развивается самая природа его), тогда как произведенные, вызванные чувства всегда увеличиваются по мере развития чего-либо частного, именно того, что производит, вызывает их. Напр., желание могущества так же велико у диких племен, как и у образованных, если только они находятся во вражде с кем-нибудь (частное условие). По всем изложенным основаниям всякая художественная деятельность первоначальна.

Обратимся к разрешению вопроса, в каких взаимных отношениях находятся эти два ряда явлений — первоначальных и непервоначальных.

Первоначальные явления, мы сказали, восходя к постоянному в человеческой природе, необходимы — они не могут не быть. Непервоначальные же явления временны, — они могут исчезать, как и все появившее-

ся, с исчезновением той вызванной стороны в человеке, из которой исходят. Этим обуславливается их взаимное отношение.

Если два ряда явлений, принадлежащих к этим противоположным родам, сталкиваются, и притом так, что их совместное существование не может продолжаться, то уничтожиться должно то из них, которое может уничтожиться, уже по тому одному, что другое не может прекратить своего существования, а совместности не выносят они. Не может уничтожиться первоначальная деятельность; следовательно, должна исчезнуть непервоначальная.

Пусть, далее, два ряда явлений тех же противоположных родов сталкиваются, но так, что совместность для них не только возможна, но и желательна, с тем условием, однако, чтобы одно было господствующим и независимым, как бы целью, а другое — подчиненным и служебным, как бы средством. В этом случае подчиниться должна также непервоначальная деятельность, и опять потому, что первоначальная не может подчиниться. И в самом деле, предположим на время, что подчинилась первоначальная деятельность и что она стала средством для лучшего осуществления непервоначальной, которая есть цель. Последняя (непервоначальная деятельность) вследствие особенностей своих может исчезнуть, с первою же этого не может произойти. Итак, в случае этого исчезновения мы будем иметь средство, у которого нет цели, т.е. осуществляющее без осуществляемого. Что значит это противоречие? Оно означает, что с исчезновением цели необходимо должно исчезнуть и средство, которое служило ей. Итак, предположив возможным служебное отношение первоначальной деятельности, мы пришли к требованиям, несовместным с ее природою: она должна исчезнуть и не может исчезнуть. Это показывает, что самое предположение наше невозможно в действительности, т.е. что первоначальная деятельность в случаях столкновения ее с непервоначальной может быть только господствующею.

Если при тех же условиях сталкивается непервоначальная деятельность с непервоначальной же, то дать господствующее положение одной из них зависит от свободного выбора человека. Соответственно тому, которая для него имеет большее значение, кажущееся

или действительное, он ставит ее целью, а другую, менее важную деятельность, обращает в средство.

И наконец, когда сталкивается первоначальная деятельность с первоначальной, то ни которая из них не может ни исчезнуть, ни подчиниться; но обе должны развиваться одновременно, свободно или борясь между собою, но никогда не покоряя друг друга. При этом свободное их развитие дает высшее удовлетворение человеческой природе, а борьба — мы не исследуем, возможна ли она и необходима ли при естественном течении дел — производит страдание, неуничтожимое, пока не уничтожена самая борьба.

Теперь приложим сказанное к науке. По своей природе она есть понимание. Понимание же исходит из разума, который не вызван временно в человеке подобно, напр., чувству гнева или тщеславия, но составляет часть его первоначальной природы. Он не возник в истории, не исчезнет в ней и остается неизменным в том, что касается его строения и законов. Перемены происходят только в силе его проявлений, но это не относится к природе проявляющегося. Поэтому явления *понимания, или научной деятельности, суть первоначальные в жизни.*

И как таковые, по всем изложенным выше основаниям, они не подчинены и не могут быть подчинены ни чему из того, что есть в жизни человека, личной, общественной или государственной. Все последнее — мы повторяем эти основания в применении к вопросу — также восходит, как к своей причине, к какой-либо стороне человеческой природы, первоначальной или произведенной в нем. Восходящее к произведенному в человеке несамостоятельно — создано в истории, изменяется в ней и в ней исчезает; восходящее к первоначальному в нем безусловно самостоятельно. Но ни то, ни другое не может господствовать над пониманием, потому что оно само восходит к первоначальной стороне в человеческой природе, и притом к такой, которую трудно не признать важнейшею в нем, строго отделенною от всего другого и неизменною в существенном.

Поэтому в своем целом, как исторический процесс, *понимание не связано с жизнью*: оно составляет особенный мир, который развивается рядом с миром жизни, понимает его и часто управляет им, но само никогда не управляется им и не служит ему.

Рассмотрим теперь, в каком отношении находится этот процесс понимания, не связанный с жизнью, к самой природе человека, из которой он исходит.

III. То, что совершает человек, бывает двоякого рода: одно задумывается им и им же приводится в исполнение — это область *произвольно совершаемого*; другое совершается им, но определяется не им — это область *непроизвольно совершаемого*: здесь воля человека не создает его деятельности, но выполняет то, что определено лежащим вне ее. В первом случае она является активно действующею, во втором она пассивно повинуетя. К действиям первого порядка принадлежат бесчисленные поступки человека в жизни личной и общественной: он постоянно придумывает для себя цели, ставит перед собой задачи и достигает их — путешествует, ведет войны, постановляет законы, приобретает богатство; повсюду здесь он является и *определителем* совершаемого, и *совершителем* определенного. Процесс понимания принадлежит к явлениям второго порядка. И в самом деле, всмотримся в него глубже. Несомненно, что совершается этот процесс человеком: *он* в нем понимает; но столь же несомненно, что *не им* определяется этот процесс: он определен его природой с того момента, как она существует, и до того момента, как она перестанет существовать. Никогда в этой природе ничего не изменялось, и ничего никогда не будет изменено на всем протяжении того времени, пока она есть: разум никогда не начнет чувствовать, а чувство никогда не начнет мыслить. Эта природа с присущим ей строением лежит вне влияния человеческого могущества, ибо она служит источником, из которого это могущество вытекает и обращается на внешние предметы, и всякое увеличение его поведет за собою только более совершенное выполнение того, что определено ею. Но она сама, эта природа, и ее строение определены не человеком, но тем, что создало его; а следовательно, и все, что в свою очередь определено ею, т.е. и процесс понимания, есть произведение не собственной воли человека, но воли того, что создало его, чего он не знает и чему он повинуетя с такою полнотою, как ничему из того, что знает. Переступить эту волю он может не иначе как только переступив через свою собственную природу, т.е. перестав быть человеком.

Поэтому понимание, будучи столь совершенно свободно от всего лежащего вне природы человека, столь же совершенно определено этою природою. И таким образом, в своем развитии, т.е. как цельный исторический процесс, оно есть явление *свободно-необходимое*: свободное от всего, лежащего вне человека, но развивающееся необходимо по законам, лежащим в нем самом.

Рассмотрим объекты произвольной и необходимой деятельности человека.

То, что служит объектом его произвольной деятельности, мы называем *целью* ее, и, когда эта деятельность временна, — временною, а когда она постоянна, — конечною; так, счастье в теории утилитаризма служит последнею, или конечною, целью человеческой деятельности. Если мы рассмотрим характер этих целей и того, что совершается для их достижения, то мы заметим в них следующие черты, которые резко отделяют их от объектов необходимой деятельности: 1) *эти цели создаются, видоизменяются и уничтожаются самим человеком*: они суть произведения его воли; 2) *они подвижны и сами по себе временны*; характер вечности им может придать только человек, и лишь в идее своей. Так, счастье, по взгляду многих, есть конечная цель жизни, но по взгляду других — нет; тот или другой характер получает оно, как цель, от воли признающих его целью. Это второе свойство вытекает из предыдущего и есть только видоизменение его, или, точнее, есть это же самое свойство, рассматриваемое по отношению ко времени; 3) *эти цели и процессы достижения их остаются внешними для человека, его природы и способностей*. И в самом деле, деятельность, направленная к их достижению, состоит во временном приспособлении сил и способностей человека к этим целям и через их посредство — в приспособлении к этим же целям предметов внешнего мира. Своими силами и способностями человек пользуется здесь как орудием; и после достижения цели это орудие остается в том же виде, как и до того времени, когда цель была поставлена; это орудие могло быть и не употреблено для этой цели, а когда она достигнута, оно может быть снова употреблено для другой, отличной от прежней цели; 4) *между этими объектами произвольной деятельности и между способностями*

и силами человека, употребляемыми для их достижения, есть только отношение, временное и случайное, устанавливаемое человеком; но нет соотношения постоянного и необходимого. Т.е. эти силы и способности созданы не для этих целей, хотя и могут быть употреблены для них. Это прямо следует из того, что одни и те же способности служат для достижения различных целей.

Таковы четыре признака целей произвольной деятельности человека. Их нетрудно проследить на каком-либо примере. Так, если мы возьмем какое-нибудь механическое занятие, то без труда заметим, что 1) цель его (приготавливаемая вещь) создана человеком, 2) что она подвижна (человек может изменить в себе образ делаемой вещи или даже совсем уничтожить его и заняться приготовлением другой вещи), 3) она есть внешняя для его способностей и органов (ум и руки лишь временно и случайно приспособлены к деланию этой вещи, равно как и бесчисленных других), 4) между нею и способностями нет соотношения, но только отношение (руки и ум не суть созданное для приготовления *этой* именно делаемой вещи).

То, что служит объектом необходимой деятельности человека, по природе и свойствам своим глубоко отличается от этих целей. Их сходство ограничивается тем, что, как в первом, так и во втором случае, они остаются объектами некоторой деятельности. И в самом деле: 1, *в произвольной деятельности объектом служит не поставленное человеком, но поставленное перед ним.* Здесь не его воля творить себе цель, но эта цель сотворена была тогда, когда была сотворена его природа с присущим ей строением; таким образом, *здесь нет свободного выбора цели.* Напр., возьмем процесс понимания: его объектом служит истина (правильное знание), и ясно, что этот объект выбран не человеком, — он указан ему его природою. Не человек сказал себе: «у меня есть способность понимания, употребляю ее на то, чтобы узнать истину»; и он не может сказать себе: «перестану узнавать истину, употребляю понимание на что-нибудь другое». Он стал понимать невольно и бессознательно для самого себя, повинуюсь своей природе, но не господствуя над нею. Какие усилия ни употреблял бы человек, деятельность разума всегда будет только процессом понимания, и в результате

этого процесса всегда получится только истина: ни объекта не может он изменить, поставив, например, вместо истины добро, ни процесса понимания, превратив его, напр., в процесс действия или чувствования. Отсюда прямо вытекает следующее замечательное свойство рассматриваемых объектов: 2, *объекты необходимой деятельности человека неподвижны*; их нельзя ни уничтожить, ни изменить, ни заменить другими; 3, *в деятельности, движущейся к этим неподвижным объектам, раскрывается природа человека*; например, в понимании, которое направляется к достижению истины, раскрывается природа разума. Как уже было показано ранее, взятый в самом себе, до того момента, с которого он начинает понимать, разум не заключает в себе ничего действительно существующего и представляет собою ряд чистых стремлений и чистых возможностей выполнить эти стремления. И те и другие превращаются в реальности только в процессе понимания и в нем одном обнаруживаются; подобно тому как заключенное в семени обнаруживается в дереве, которое из него вырастает. Вот отчего разум может быть рассматриваем и исследуем только в понимании; в последнем раскрывается его природа, строение и свойства, и, чем оно далее подвигается, углубляясь, расширяясь и усложняясь, тем отчетливее выступают они. Таким образом, здесь природа человека *не остается неизменной*, как при деятельности произвольной (например, как рука при делании вещи); процесс стремления к объектам здесь не есть только внешнее приспособление органов человека к чему-то внешнему для них. Напротив, в этом стремлении раскрывается потенциальное, бывшее в человеке ранее, в реальное, что мы называем явлениями жизни (процесс научного творчества); 4, *между объектами необходимой деятельности и между сторонами человеческой природы, из которых исходит эта деятельность, существует не простое отношение временное, устанавливаемое человеком и меняющееся, но неизменное соотношение, предопределенное не волею человека, определенное и постоянное*. Здесь объекты деятельности даны в деятельной природе. Цели не придуманы человеком, но вложены в природу его. Так в понимании: между истиною и разумом существует неизменное соотношение; ни разум не может стремиться к чему-либо другому, кроме истины,

ни истина не может быть достигнута чем-либо другим, кроме разума. Разум существует для истины и создан для нее; истина существует потому, что есть разум.

Вот глубокие отличия между произвольною и необходимою деятельностью человека и между объектами той и другой. И, устанавливая отношение между ними, мы не должны терять из виду ни их *родового сходства*, как явлений некоторой деятельности и как некоторых объектов ее, ни их *видового отличия*; и это сходство, и это различие мы должны выразить в их названиях. Итак, называя предмет стремлений и в том и в другом случае именем *объектов*, мы называем эти объекты *целями* — в первом и *назначениями* — во втором случае.

И действительно: в понимании, столь необходимом, столь постоянном, и в истине, к достижению которой движется оно сперва без участия человеческой воли, потом при ее содействии и, наконец, вопреки ей (когда человек усиливается что-либо оставить скрытым от себя, напр. в религии и политике, и не может), — в этом стремлении нельзя не видеть *назначения человека*. Нужно захотеть не думать, чтобы не подумать этого; нужно сознательно отвернуться от факта, чтобы не видеть его; нужно молчать, чтобы не быть вынужденным признать его — усилия напрасные и утомляющие.

Так как природа человека, с одной стороны, не ограничивается разумом и так как, с другой стороны, он (разум) не есть что-либо произведенное в ней, но составляет ее первоначальную часть, то и в этом назначении человека стремиться к познанию истинного мы не можем, с одной стороны, признать всего назначения человека, а с другой стороны, не можем не видеть в нем его первого и конечного назначения. Конечного потому, что оно не составляет ни части чего-либо, ни средства к чему-либо; первого потому, что разум есть первое и существеннейшее, что открывается нам в духе при его анализе.

Вот единственный, нам думается, истинный взгляд на науку как на понимание. Не может усомниться в справедливости его всякий, кто глубже вдумается в отношение ее к человеку. Потому что невозможно не заметить глубокого и отчетливого различия между явлениями понимания и между всеми другими явлениями человеческой жизни.

Глава II

ОБ ОТНОШЕНИИ ВОЛИ ЧЕЛОВЕКА К НАУКЕ

I. Две опоры, на которые может опираться человеческая деятельность: воля самого человека и воля, создавшая его; отношение этих опор к науке в случае признания ее: 1. свободным произведением человеческой деятельности, 2. явлением, исторически возникшим и обусловленным, 3. орудием для достижения каких-либо целей; невозможность соединить свободу науки с утилитарно-практическим взглядом на нее. Процесс понимания как свободно-необходимый; отношение свободы в понимании к необходимости в нем; произвольность понимания; к пониманию стремится не человек, но первоначальная природа человеческая, неуправляемая и неизменяемая; отношение к свободно-необходимой деятельности двух опор всякой деятельности человека; о безусловной свободе понимания. — II. Отделение науки ищущей от науки неищущей; отсутствие в последней объектов познания; антагонизм между ею и между наукою ищущей. — III. Единство науки и ее безграничность; общность причин возникновения, общность целей и общность способов образования как основание единства науки; неопределенность единичных причин и целей науки как основание ее безграничности; значение термина «научность»; отделение науки как понимания от науки в сложившихся формах ее. — IV. Понятие о самостоятельной науке у отдельных народов; на чем основана возможность этой самостоятельности; необходимость ее как органа, который разрешал бы сомнения и вопросы, пробуждающиеся в его сознании, и преодолевал бы трудности, возникающие в его жизни.

I. Выказанный взгляд на происхождение науки проливает ясный свет и на вопрос об отношении к ней воли человека, и света этого ничто не может ни рассеять, ни заглушить, пока не затемнен самый взгляд человека на науку. Именно: из него прямо вытекает идея о безусловной свободе понимания и с тем вместе печать высшего освящения, которое всегда лежало на некоторых признанных истинах, переносится с них на

самый процесс отыскания истины: не она одна неприкосновенна, но самое это *искание* ее.

И в самом деле, человек в своих желаниях и действиях исполняет или волю свою, или волю высшую, создавшую его. Поэтому всякое стремление и действие человеческое имеет только две опоры: или личный произвол человека, или повиновение воле, создавшей его. И, совершая что-либо относительно самого себя или другого, человек только на них может опереться. Вне их нет ничего, что могло бы оправдать и освятить его волю и что поэтому могло бы поддержать ее.

Рассмотрим отношение этих двух опор человеческих стремлений к науке. Оно изменяется, смотря по тому, чем мы признаем ее и как будем смотреть на ее происхождение и цель.

Итак, пусть наука будет *произведением человеческой воли*. Ясно, что в этом случае она может быть подавлена волею несоздающих ее, причем обе из существующих опор поддерживали бы и оправдывали эту подавляющую волю, не поддерживая и не оправдывая воли создающих и охраняющих науку. И в самом деле: во-первых, подавляющие могли бы сослаться на то, что они подавляют науку потому, что у них есть на это желание. И в обществе, где человек творит для себя закон, против этого ничего нельзя возразить. В таком обществе все подчинено закону и им регулируется, и наука, как создание воли, должна также регулироваться им, т.е. поощряться, сдерживаться и подавляться, смотря по воле тех, кому предоставлено творить закон. Во-вторых, подавление науки может быть совершено, опираясь и на вторую из двух указанных опор.

Равным образом к отрицанию свободы понимания ведет и признание науки *явлением, исторически возникшим и обусловленным*. И в самом деле: человек, создающий, видоизменяющий и уничтожающий обусловленные исторические явления, может, как таковое, ограничить и подавить и науку, причем вопрос может быть только о средствах, но не о праве исполнить это. Был феодализм, и человек уничтожил его; была и есть наука, отчего не уничтожить ее? Все созданное историей — ею и разрушается; оно опирается только на то, что существовало, — на что обопрется оно, когда потребуют, чтобы оно не существовало более?

Пусть, далее, наука будет *не целью сама для себя, но средством, орудием* для достижения чего-либо другого, что человек ставит для себя целью, например религии, как думали некогда, или пользы, наслаждения, могущества, как думают теперь. В таком случае человек может распоряжаться ею, как и всяким орудием, по своему усмотрению, — т.е. приспособлять ее к своим целям, отбрасывать в ней то, что не способствует достижению их, и подавлять ее в целом, если почему-либо он убедится, что она не столько приносит ему пользы, сколько приносит вреда. Нужно заметить, что некоторые области науки в продолжение долгого времени признавались не только не полезными, но и положительно вредными, и ничто не может доказать, что не настанет времени, когда они снова будут признаны таковыми. Мы думаем даже, что если религиозные преследования против науки окончились навсегда, то политические гонения против нее в настоящем значении еще и не начинались. Пункт, на котором необходимо сосредоточить здесь все внимание, состоит в том, что тут не может быть и вопроса о том, что полезно или вредно для человека вообще, но только вопрос, что признается вредным или полезным в данное время данным поколением людей; *не действительность пользы, но только действительность признания пользою*. И следовательно, наш взгляд на полезность науки имеет значение только для нас и не должен быть принимаем во внимание.

Итак, *при взгляде на науку как на явление исторически возникшее, созданное волею человека и служащее орудием для достижения иных целей, лежащих вне науки, не может быть удержана свобода ее*.

В нашей жизни стремление к свободе мысли всегда было желанием, но никогда убеждением. Потому что никогда и никем не было объяснено, почему именно мышление должно быть свободно. Замечательно, что одновременно с этим стремлением к свободе науки устанавливался и утилитарно-политический взгляд на нее, причем никто не заметил, что совместно эти два взгляда не могут существовать. Осуждая преследования науки, мы осуждаем свой взгляд на нее (утилитарный); а защищая этот взгляд, мы оправдываем эти преследования. Потому что, в этом нет сомнения, подавление науки никогда не было одновременно с признанием ее пользы. Но признание полезности или вре-

да науки во всякое данное время может зависеть только от воли живущих в это время или от воли тех, кому они предоставили право и власть заботиться о своей пользе. Следовательно, все стеснения науки, когда-либо происходившие и когда-либо имеющие произойти, справедливы. Вот ряд положений, необходимо вытекающих из взгляда на науку, как на явление, не носящее в самом себе своего значения. Всякая попытка выйти из этого круга положений будет напрасна. Они вытекают из утилитарно-политического взгляда на науку, как теоремы геометрии вытекают из ее аксиом, и не существует правильной мысли, которая могла бы их опровергнуть.

Таким образом, если бы удерживать установившийся взгляд на науку, как на нечто служебное, как на *ancillam vitae**, то было бы необходимо отказаться от ее свободы. Но истина состоит в том, что этот взгляд есть заблуждение и что оно могло возникнуть только в жизни общества, в котором не существует науки, но только нечто сходное с ней, а следовательно, не может существовать и правильного понимания ее. Этот взгляд необходимо исчезнет, едва пробудится общество к науке. А с его исчезновением утвердится незыблемо и идея свободной науки, основанная уже не на безотчетном желании, но на сознательном убеждении.

И в самом деле, наука, как понимание, есть процесс свободно-необходимый по своей природе и происхождению. Но если мы рассмотрим эти два свойства его в их взаимном отношении, то увидим, что они связаны между собою причинною связью: понимание есть процесс свободный, потому что оно есть процесс необходимый, и, чем полнее эта необходимость, тем полнее эта свобода. Но необходимость науки, как развивающегося процесса понимания, безусловна и всесовершенна; потому что этот процесс восходит, как к своей причине, только к одному строению разума, и раз это строение существует, существует и он: наука дана в разуме, как следствие дано в причине. А поэтому и свобода ее от всего, лежащего вне разума, безусловна и всесовершенна: она ни к чему не имеет отношения в жизни, ни с чем не связана причинною связью, а поэтому ни от чего не зависима.

* служанку жизни (*лат.*).

Будучи процессом внутренне необходимым, понимание по отношению к создающему его есть деятельность произвольная. Произвольно же совершаемое человеком не может подлежать осуждению. И поэтому наука, будучи свободна от явлений жизни, свободна и от суда человеческого.

В этой произвольной деятельности человек выполняет не свое желание, но требование того, что есть первоначального в его природе. Строение же этой первоначальной природы определено не им самим, но создавшим эту природу. И поэтому, стремясь к пониманию, человек выполняет не свою волю, но повинуется воле создавшего его. И следовательно, все, стесняющее процесс понимания, есть возмущение против Творца человеческой природы.

И так как это стремление предустановлено для человека в его природе и, понимая, он выполняет свое назначение на земле, то все, препятствующее этому пониманию, отклоняет его от его назначения. И поэтому как тот, кто сам в себе почему-либо подавляет этот дух исследования и изыскания, так равно и тот, кто в другом подавляет его, мешая проявлению этого духа разумения, одинаково стремятся отклонить человека от его назначения и восстают против воли того, кто указал ему это назначение.

Но всякая воля и сила имеют только две опоры: волю человека и волю Создавшего его. А так как в стремлении к пониманию человек проявляет и свою волю, и волю Творца своей природы, — у последнего же не может быть двух противоположных желаний, но только одно, несомненно проявившееся в создании одинаковой природы всем людям, то очевидно, что человеческое понимание опирается на обе опоры, стесняющее же его не имеет под собою ни которой из них.

Это значит, что в природе вообще не существует силы и права, могущего стеснить разум и науку; и самая попытка к этому есть возмущение против человека, природы и Того, кто создал все.

Так как понимание всецело определено человеческою природою, то очевидно также, что правила, определяющие в обществе произвольно-совершаемое, не касаются и не могут коснуться его. Как не может быть предметом правила то, чтобы с возрастом человека лета его увеличивались, ни то, чтобы они уменьша-

лись, так точно не может быть предметом регулирующего правила наука как понимание.

Наконец, так как в природе человека лежат не самые истины, но только стремление и способность находить их, и, следовательно, воля Создавшего его хотела, чтобы он сам трудился в их отыскании, то ясно, что все сказанное переносится с найденных и установленных истин на самое искание истины, с результата на процесс, его подготовляющий. И таким образом, печать высшего освящения, какое существует на земле и в жизни, освящения воли, создавшей человека, кладется на самые усилия человека найти истину, со всеми теми состояниями и свойствами его разума, которые обуславливают образование науки: на дух бескорыстного сомнения и на жажду проникнуть во все, скрытое от человека.

Когда я понимаю, я не имею отношения ни к людям, ни к жизни их; я стою перед одною моею природою и перед Творцом моим; и моя воля лежит в воле Его. В это время Его одного знаю и Ему одному повинуюсь; и все, что становится между мною и между Творцом моим, восстает против меня и против Творца моего.

II. Выведенное отношение науки к природе человека и к его жизни и воли человека к науке справедливо не относительно всякой науки; оно касается только *науки ищущей* и не распространяется на *науку неищущую*.

Под наукою ищущею я разумею науку чистую, возникающую из сомнения как причины своей и развивающуюся через пытливость как движущую силу свою; под наукою же не ищущей я разумею науку, существующую как занятие, наполняющее досуг человека и доставляющее удовольствие ему. Иногда последняя называется *ученостью* или *образованностью*, смотря по тому, преобладает ли в ней трудолюбие над удовольствием или удовольствие над трудолюбием. Она сопровождается появлением обширных литератур и особенных учреждений, помогающих заниматься этими литературами.

Наука ищущая всегда стремится дать достоверное и твердое разрешение чему-нибудь волнующему и тревожащему человеческий разум; и поэтому она творчески развивается по мере тех вопросов, которые пробуж-

даются в человеческом разуме; наука же ищущая, как удовольствие и наполнение досуга, не имеет этой цели. В ней нет того особенного страдания разума, о котором было говорено выше, и потому нет настоящего стремления прийти к безусловно-твердому решению чего-либо. Поэтому она не развивается и не совершенствуется, хотя постоянно увеличивается через возрастание и числа занимающихся ею, и количества трудов их.

Вообще говоря, она не имеет объектов изучения и занимается не миром природы и жизни, не самыми предметами и явлениями, но тем, что когда-либо думалось и писалось об них; поэтому весь характер ее чисто литературный, и, хорошо зная, что думали о том или другом вопросе различные люди в различные времена, она никогда не стремится разрешить, что именно следует думать о них человеку: она ничему не учит и ни в чем не руководит.

Вот почему мир не обязан этой науке ни одной великой идеей и ни одним плодотворным объяснением. Народы никогда не прислушивались к тому, что совершалось в ней, как и она, ко всему безучастная, никогда не прислушивалась к жизни народов. Суетная и суетливая, она ни разу не задумалась ни над чем великим и не повела человека ни к чему достойному, существуя без цели и без причины, без значения и без достоинства.

Между обоими видами науки существует антагонизм, которого было бы трудно избежать. Наука ищущая постоянно тревожит покой, который присущ науке не ищущей и так необходим для нее; наука неищущая постоянно закрывает собою те задачи, перед которыми стоит наука ищущая. Ее собственные интересы таковы, что они не могут естественно возникнуть в разуме, а между тем система учреждений, которыми она окружается и поддерживается, и ее обильная литература постоянно вовлекают умы в круг этих интересов и, путем незаметных влияний, делают их неспособными к науке ищущей. Правда, естественно развиваясь, ум вообще тяготеет к вопросам науки ищущей; но система учреждений науки неищущей делает трудным и редким это естественное развитие, и, с ранних лет проходя через них, только немногие и особенно одаренные сохраняют неискаженными свою первоначальную при-

роду и естественные склонности своего мышления. Все же остальные выносят из них подавленными те свойства и состояния духа, на которые ранее мы указали как на необходимые для образования науки*. Вот отчего расцвет не ищущей науки всегда сопровождается упадком науки ищущей.

III. Единство науки обнаруживается в единстве происхождения ее, в единстве ее цели, а также и в единстве способов, которыми она образуется.

Единство происхождения состоит в том, что всегда и повсюду, где она возникает, ей необходимо и безусловно предшествует сомнение, из стремления разрешить которое и развивается она. Ни из какого другого источника она не зарождается, и нет другого средства, с помощью которого можно было бы пробудить ее.

Единство цели науки проявляется в том, что она стремится к отысканию истины и ни к чему другому не может стремиться, так как только истина является окончательною формою всякой деятельности разума, а в науке раскрывается его природа.

Наконец, единство способов образовать науку проявляется в единстве способов правильно находить истину. Это единство обусловлено самым строением человеческого разума и теми формами мышления, которые одинаковы у всех людей и во все времена. Эти формы мышления вытекают из первозданной природы разума и не подлежат влиянию истории, не будучи обязаны ей своим происхождением.

Но если мы сравним единство причин и цели науки с единством способов образования ее, то мы заметим между ними некоторую разницу. Именно: в способах образовать науку есть не только единство, но также и ограниченность. Они одинаковы у всех людей, и их немного у всех их — это несколько строго определенных приемов мышления. Что же касается до причин и цели науки, то при их единстве — сомнения и истине — они безграничны и неопределенны в своих объектах. Только из сомнения зарождается наука, но предметы сомнения не ограничены и не определены. Только истина есть цель науки, но предметы истины не ограничены и не определены. Сомневайся во всем, что

* Сомнение, последовательность мышления, пытливость и пр. См. выше гл. I.

доступно сомнению, ищи правильного разрешения всего, в чем заронилось сомнение. Причина и цель одина для всех людей; то, что обнимается ими, зависит от свободного выбора каждого человека.

Так как «научность» не обозначает ничего другого, как «правильность в разрешении», придающая убедительность истине, то и самая наука не есть что-либо возвышающееся над обыденною жизнью и недоступное для простых людей, но есть то самое, что занимает, волнует и тревожит их, но только решенное с большею правильностью, чем как обыкновенно решают они. И эта самая правильность решения не недоступна им, потому что в их человеческой природе лежат все необходимые условия для нее, все те формы мышления, которыми владеют и величайшие из мыслителей. Только этого не сознают они, и сосредоточение науки в тесных кругах, занимающихся ею, но ничего не ищущих в ней, мешает пробудиться этому сознанию. В истинном же и глубоком своем значении, в которое не утратил веры человек, наука есть разрешение всех человеческих сомнений, обнимающее собою все ищущее на земле. Все, что жаждет понимания, и только его одного, стоит в пределах науки; все, что не жаждет его, стоит вне этих пределов.

В этом смысле, как чистое понимание, наука поднимается над тем, что до сих пор называлось этим именем, и, вообще говоря, отделяется от него. Она утрачивает все формы, в которые заключали ее до сих пор, и перестает быть связанной с каким-либо местом, временем, корпорациями и учреждениями. И одновременно с этим выделением из себя всего чуждого ей она принимает в себя все, что когда-либо и где-либо стремилось к познанию. Мальчик, смотрящий на пламя и задумывающийся над тем, что такое оно, юноша, задумывающийся над нравственными вопросами жизни, — стоят в пределах ее, хотя бы они и не разрешили своих сомнений. Но ученый, с успехом сдавший на магистра и готовящий докторскую диссертацию, стоит вне пределов ее, потому что не жажда познания руководит им.

IV. По справедливости можно сказать, что народ, создавший науку и не создавший ничего другого, больше носит в себе человеческого достоинства, чем тот народ, который создал все и не создал науки; потому

что в ней одной раскрывается разумная сторона человеческой природы и народ, который не создал ее, прошел свое поприще, ничем не выразив, что и он не лишен этой стороны. Печальна судьба такого народа и недостойно памяти имя его: он жил в мире и не заинтересовался им, прожил жизнь и не задумался над нею. Какой интерес и нужда другим народам знать о нем: он чужой в семье их. Не избежать ни заблуждений ему, ни опасностей, плода их; потому что некому их объяснить ему и некому указать ему путь.

Под самостоятельной наукою какого-либо народа я разумею науку, которая возникает и развивается из причин, лежащих в жизни этого самого народа, и им образуется.

Такая наука будет самостоятельна потому, что существование ее не зависит от существования науки у других народов и не обуславливается ею в своем содержании и в объектах своего исследования. Если бы даже исчезла наука у всех народов, то самостоятельная наука, оставшаяся у одного из них, продолжала бы существовать неизменно; так как не исчезла бы причина, из которой она развивается и которая лежит в жизни народа, ее образующего.

Но причина, из которой развивается наука, есть сомнение; и следовательно, возникновение самостоятельной науки у какого-либо народа обуславливается тем, способен или нет его разум пробудиться к сомнению.

Дар же сомнения не заимствуется и не передается, не покупается и не продается. Поэтому и заимствованная наука не может быть ничем, как только ученостью, ищущая же и творческая наука всегда будет самостоятельна. И к ней пробуждаются народы, когда пробуждается в них искание.

Самая же возможность образовать самостоятельную науку обусловлена безграничностью и неопределенностью объектов научного исследования. Это их свойство производит то, что всякий народ может образовать свое понимание как разумное воззрение на мир и на жизнь и безгранично развивать его, расширяя и углубляя. Пробудившееся в нем сомнение будет источником этого понимания; пробудившееся в нем искание будет движущею силою его. Как и наука, другими народами образованная, она будет создаваема теми же

способами и также будет стремиться к истине. Но то, о чем истина, будет иное, чем у других народов; а с ним иное будет и содержание, иная будет и самая наука.

И в самом деле, раз какие-либо сомнения существуют — а разве человечество уже покончило с ними? — не значит ли это, что нет еще правильного, равно для всех убедительного, т.е. научного, разрешения их? И если да, то стремление разрешить их не будет ли стремлением образовать науку, а правильное разрешение их, дающее в результате истинное понимание, — самою наукою? И наука эта, причина которой возникла в жизни данного народа и которая сама образована им, не будет ли наукою самостоятельною? Итак, самостоятельная наука возможна для всякого народа, и она необходима для него, как выражение жизни его разума и как раскрытие лучшей стороны его природы. В своем историческом развитии она будет последовательным разрешением всех вопросов и сомнений, пробуждающихся в его сознании, и всех трудностей, возникающих в его жизни.

}

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Здесь, естественно, оканчивается выполнение задачи, которую мы себе поставили. Но быть может, не будет излишним, если прежде, чем окончательно отойти от нее, мы сделаем общий обзор этого выполнения и последним взглядом окинем тот утомительный путь, по которому медленно двигались до сих пор.

Тайное чувство, которое руководило нами при постановке задачи этого труда, было чувство неудовлетворенности теми двумя формами, под которыми, последовательно видоизменившись в истории, ныне является деятельность человеческого разума, — наукою и философиею; и это чувство поддерживалось сознанием, что оно разделяется и всеми лучшими умами нашего времени, — теми умами, которые не могут остановиться в познании ни на достоверной поверхности, ни на недостоверной глубине. И в самом деле, с тех пор как наука бережно остерегается всякого умозрения и не руководится более принципами и целями полного объяснения, а философия до такой степени чуждается всего доказательного и простого, что если бы каким-нибудь образом прояснилась одна из ее собственных областей или если бы затемнилась и спуталась одна из областей точной науки, то можно быть уверенным, что она тотчас отвернулась бы от первой и приняла бы в себя вторую, — в это время, при этом странном раздвоении деятельности одного и того же деятеля, самый деятель, человеческий разум, уже не может более оставаться удовлетворенным; и вопрос: что́ такое — уже не наука, не философия, но то нормальное, что должно было бы заканчивать собою деятельность познающего в человеке начала и по сравнению с чем должны быть оценены и изменены наука и философия,

этот вопрос становится основным и первым вопросом сознания.

Это нормальное, это третье по отношению к науке и к философии, что должно быть и целью и результатом деятельности человеческого разума, мы обозначили термином «Понимание»; каковы бы ни были изменчивые судьбы науки ли, философии ли или чего другого еще, это все нормально, естественно и необходимо до тех пор, пока оно есть понимание, и перестает быть таковым с того момента, как изменяет ему. Затем мы предприняли исследование того, что такое это понимание.

Понимание не есть только знание, потому что нередко, многое зная, мы ничего еще не понимаем; и оно не есть также наука, как система знаний об одном, или философия, как система мыслей о другом. Оно есть знания, такие и так соединенные, что ни до появления их разум не может почувствовать себя вполне и навсегда удовлетворенным, ни после их появления — оставаться еще неудовлетворенным; это есть то, что заканчивает собою деятельность разума, приобретая что, он от искания переходит к созерцанию, после чего он довольствует в себе, не ищет, не спрашивает более; и не может уже искать, не в силах более спрашивать.

Чтобы определить, какие знания и как соединенные дают это удовлетворение, мы обратились к исследованию самой природы разума; и это исследование раскрыло перед нами, что он есть *потенция познания*, в которой последнее так же предустановлено в своем строении, как в семени предустановлены формы растения, из него развивающегося. Однако подобно тому, как только с присоединением вещества земли из семени вырастает дерево, так и в разуме не ранее возникает познание, как тогда только, когда он воспримет в себя материю его (объекты) через органы чувств, эти питомники свои, эти корни, которыми он, чуждый физическому миру и с ним не схожий, гнездится в этом мире, соприкасается и взаимодействует с ним. То, лежащее в разуме, что определяет собою могущее возникнуть в нем познание, мы назвали его *схемами*; а то, лежащее вне разума, что составляет вторую потенцию познания, как бы материю его, мы назвали *сторонами бытия*; и знания, такие и так соединенные, чтобы они соответствовали всем схемам разума и об-

нимали все стороны бытия, мы признали как понимание. И в самом деле: не может ни разум оставаться еще неудовлетворенным, когда познано уже все, имеющее в нем соответствующую себе схему, ни в самом познании возникнуть еще что-либо, когда уже нет более условий для его возникновения. Неудовлетворенность есть именно стремление потенциального к действительному, и она прекращается, когда первое исчезает во втором; *Понимание* есть в самом деле конечное в деятельности разума, потому что оно именно есть то реальное, для возникновения которого предустановлен разум, как его первая потенция, и для перехода в которое он ищет соединиться с внешним миром, как себе соответствующую второю потенциею его.

Затем предстояло раскрыть самые схемы разума. Так как они неизменно должны обнаруживать себя в каждом процессе познавания, обуславливая возможность его и в нем соединяясь со сторонами познаваемого, то мы предприняли [попытку] исследовать этот процесс, наблюдая при этом, чтобы, каков бы ни был в нем объект познаваемый, самое познание, им даваемое в результате, было законченным. Потому что: каковы элементы понимания, всякого, чего бы ни касалось оно, — это был основной вопрос, который предстояло разрешить. Произведенное исследование обнаружило, что объект познаваемый становится понятым, когда относительно его образовано разумом семь идей: *идея существования, идея сущности, идея свойств, идея происхождения (или причины), идея следствия (или цели), идея сходства и различия и идея числа*; и что раз закончилось образование этих идей, то, чего касаются они, не возбуждает более к себе любопытства разума. Поэтому идеи эти мы признали слагающими из себя понимание, то в разуме, что стремится и что способно образовать их, — его схемами, а их объекты, т.е. самое существование, сущность, свойство, причину, следствие, сходство и различие и число, — сторонами бытия, элементами, из которых образуется все в нем и все оно, как целое.

Через эти исследования определилась и *сущность* того третьего и нормального, что должно быть целью и результатом деятельности человеческого разума, и выяснились *границы* его, как *наружные*, так и *конечные*. По своей сущности оно должно неизменно состо-

ять в повторяющихся процессах образования перечисленных идей, — о чем, это не определено еще; по своим границам оно извне отделяется от простого знания и от учености (эрудиции), а в конце замыкается невозможностью когда-либо переступить за пределы схем разума и сторон бытия.

Ограничив извне *Понимание* и уловив несомненно внутри его то, чем вечно должна оставаться деятельность разума, что ни с чем не может быть сравниваемо и ничем оцениваемо, но с чем бесспорно должно быть и сравниваемое все иное в умственной деятельности человека — наука ли, философия ли, и от большего или меньшего сходства с ним должно заимствовать свое достоинство, — мы предприняли провести в этом *Понимании* внутренние деления, или, что то же, расчленить его, и через это расчленение вывести архитекtonику того целого, во внутренних формах которого неизменно предстоит размещаться знаниям, которые будет приобретать человек, равно как и тем, которые приобрел уже он.

Заметив, что *Понимание* слагается из того, что познает, из процессов познавания и из того, что познается, мы разделили его на три ветви: *Учение о познающем*, как о первой потенции познания, *Учение о познавании*, как о взаимодействии между обеими его потенциями, и *Учение о познаваемом*, как его второй потенции. Ясно, что ни в *Понимании* не остается ничего, что не вошло бы в эти деления; ни в них не входит ничего такого, что не было бы уже заключено в *Понимании*. Затем, указав, что изучение познающего (разума) должно состоять в определении семи сторон его бытия, мы перешли к познаванию и познаваемому.

В *познавании* раньше, чем приобретать знания, необходимо предварительно исследовать то, что уже узнано, чтобы или, убедившись в истинности приобретенных знаний, удержать их, или, открыв в них ложность, — отвергнуть. Затем мы показали причины неуспешности предпринимавшихся до сих пор исследований, указали возможность его выполнить и определили принципы этого всеобщего исследования.

За предварительным исследованием узнанного уже должно последовать приобретение новых знаний; эту ветвь познавания мы назвали *Учением об изыскании*; его разделили мы на *Учение о мышлении* и на *Учение*

о методах, как о приемах изучения, т.е. процессах, где мышление смешивается с получаемыми извне впечатлениями, отыскиваемыми, группируемыми и объясняемыми. Высказав несколько замечаний о том, на что должно быть обращено особенное внимание при изучении мышления, мы перешли к методам и разделили их на способы познавать объекты, лежащие вне сознания, и на способы разрешать затруднения, возникающие в самом сознании. Способы же познания объектов вместо общеупотребительных делений мы разделили, по числу сторон бытия, на методы познавать существование, на методы познавать сущность, на методы познавать свойства, на методы определять причины и следствия (или цели), на методы находить сходства и различия и, наконец, на методы изучать числа и вообще количественную сторону в существующем; потому что, думали мы, когда человек научится познавать каждую отдельную сторону в бытии, тогда он в силах будет познать и каждую вещь, в нем лежащую, до конца (понять ее) и до конца же может понять и все бытие.

Затем мы перешли к *познаваемому*; его мы разделили на лежащее вне сознания и не из него исходящее во внешний мир и на то, что или лежит в сознании, или из него исходит; первое есть мир, который открывается человеку, когда он вступает в него и, вступив, познает этот мир как нечто внешнее и чуждое для себя, — это Космос; второе есть дух человеческий, как творческий источник нового порядка вещей: государств, наук, искусств и пр., — и его мы назвали Миром человеческим; и, разделив так познаваемое, убедились, что вне пределов этих двух учений — о Космосе и о Мире человеческом — не может быть приобретено о нем никакой истины.

Учение же о Космосе как объективном бытии по числу сторон последнего мы разделили на семь форм: на *Учение о существовании и изменении*, на *Учение о сущности*, на *Учение о свойствах*, на *Учение о причинности и о целесообразности*, на *Учение о сходстве и различии* и на *Учение о числе, или о количестве*. В этих сторонах существует Космос или по крайней мере в этом только он познаваем, и если в нем лежит еще другое что, то это другое не может возбуждать к себе любопытства человеческой мысли, потому что не име-

ет в ней соответствующей себе схемы. Каждое из перечисленных учений о сторонах Космоса мы разделили далее на три ветви: на *Общую теорию*, предмет которой составляет самая сторона бытия без отношения к тому, в чем она пребывает, и на два частных учения: на *Учение о проявлениях познанной стороны в вещах и в явлениях Космоса* и на *Учение о познанной стороне в Космосе, как в целом*; напр. учение о причинности, о причинах совершающегося и существующего в Космосе и о причине самого Космоса; то же и относительно других сторон. Таким образом, по отношению к каждой из семи сторон бытия установленные учения рассматривают Космос со стороны *общего*, что лежит в нем, и *частного*; и далее — со стороны *целого и дробного**. Семь учений о вещах и явлениях в Космосе образуют собою тот круг познания, в котором до сих пор всегда вращалось точное познание (мир специальных наук о природе), общие же учения и учения о Космосе как целом составляют ту область, в которой до сих пор неизменно вращалась философия**. Однако же между этим кругом и этою областью, с одной стороны, и между точными науками и философиею — с другой, есть та разница, что, тогда как за пределы перечисленных учений никогда не в силах будут выйти никакая философия и ни одна наука, из пределов существующей науки и философии может выйти человеческий ум; т.е. что перечисленные нами сферы познания есть те, в которых бессознательно до сих пор жила наука и философия и в которых она открыла и познала только ничтожную пока частицу. Так, одно *Учение об изменениях существующего и совершающегося в Космосе* настолько же превосходит своею обширностью и сложностью мир существующих наук о природе, насколько этот последний превосходит своею сложностью и содержательностью какую-либо одну специальную науку. А мы взяли только одно из семи учений, и даже в нем — только вторую из трех ветвей.

Внутри каждого из семи учений о сторонах Космоса кроме указанных трех делений (познание общего,

* Дробное совпадает с частным.

** С исключением логики, которая входит в *Учение о познавании*, и психологии, которая входит в *Учение о познающем* и в некоторые из учений о мире человеческом.

дробного и целого) мы провели еще и многие другие, внимательно следя каждый раз, чтобы они соответствовали тому, как делимое само и естественно распадается на свои элементы; т.е. чтобы вне их (делений) не осталось что-либо из того, что в термине «*Понимание*» было обнято как целое и как не допускающее за пределы свои любопытства разума. Проводя эти второстепенные деления, мы всякий раз останавливались мыслью на внутреннем содержании их и, таким образом, в пределах сил своих дали объяснения того, что такое существование, изменение, сущность, свойство, причинность, целесообразность, сходство и различие и число. И в самом деле, с понятиями этими постоянно обращается наше мышление, и не слишком ли нестерпимо для последнего, что то, что оно ежеминутно прилагает к единичному, когда исследует его или думает о нем, то само по себе остается совершенно неисследованным и неопределенным? Эти объяснения, думали мы, если и ничему не помогут в будущем при составлении настоящих и окончательных теорий, то и ничему не помешают в них; с этою целью мы повсюду, где могли заметить сомнительность высказываемых решений, со вниманием указывали на то, что делает их сомнительными. Далее, рассматривая учения о вещах и явлениях в Космосе, мы приводим руководящие примеры того, как эти учения могут быть образованы.

Потом мы перешли к *Учению о мире человеческом*. Это учение мы разделили сообразно элементам, из которых слагается объект его, на *Учение о творчестве*, и последнее — на учения *о творящем, о творении и о творимом*, далее: на *Учение о законах, или соотношениях, в творчестве*, на *Учение о добре и зле*, как особом значении, которые получает творчество независимо от воли творящего, на *Учение о целях, или о должном, в творчестве*, на *Учение о средствах, или о путях к должному* и на *Учение о достигнутом, или историю*, — где повсюду под «творчеством» разумелось все совершаемое духом (сознательно) и совершающееся в нем (бессознательно), а под творимым, под третьим элементом в творчестве — то, что исходит из субъективного духа или что возникает из взаимодействия индивидуумов: наука, искусство, нравственность, право, религия, государство. Затем в каждом из пере-

численных учений мы провели новые деления и продолжали это до тех пор, пока разделенное не представляло собою простого синтеза сторон всякого бытия: существования, сущности, свойства и пр., — и тогда его мы разлагали на семь учений, познающих его в этих сторонах бытия. Как и в *Учении о Космосе*, мы повсюду и здесь останавливались на том, что, лежа между проводимыми делениями, составляет самое содержимое *Понимания*; таковы многие вопросы, над которыми издавна привык останавливаться человеческий разум: о том, что такое человеческий дух и бессмертен ли он? что такое религия, государство, искусство, — и еще над многим другим.

Обозрев все формы *Понимания*, мы остановились мыслью на вопросе: как относится оно к человеческой природе и жизни, что оно такое по отношению к первой и каковы должны быть его отношения ко второй? и, глубже вдумываясь в этот вопрос, нашли, что оно есть то, в чем раскрывается природа человеческого разума и что служит первым назначением человека, как целесообразно устроенного существа; и что отношения ее к жизни и разнообразным формам, под которыми является последняя: к религии, государству, искусству и пр. — есть отношение свободное. Ни *Понимание* не управляется ими, ни они — пониманием, и обоюдное влияние их хотя и возможно, однако не носит в себе никакой внутренней необходимости, не вытекает ни из их природы, ни из природы его. И наконец, как на последнем вопросе, мы остановились мыслью на том, как должен сам человек относиться к *Пониманию*, которое исходит из него как процесс, и как результат — устанавливается в нем? И, найдя, что оно восходит, как к причине своей, к первоначальной природе человека, и далее, что человек в своем желании может опереться только или на свою, или на волю Творца своей природы, нашли, что оно не подлежит по самой сущности своей ничьему осуждению и никакому изменяющему влиянию; что оно свободно извне, потому что необходимо внутри себя.

Таково *Понимание*, как третье и нормальное по отношению к науке и к философии; нетрудно видеть их взаимное отношение.

Прежде всего *Пониманию* чуждо то раздвоение, тот антагонизм, который существует между наукою и меж-

ду философию; и это по двум причинам. Первая причина есть то, что в нем второстепенен *вопрос о методе*: этот последний — только орудие познания, и он не затемняет в нем, как затемняет в науке и в философии, того, ради чего он существует как орудие. *Понимание* ищет быть правильным, но оно не ищет быть ни исключительно умозрительным, ни исключительно опытным; оно не надеется обладать истинами более достоверными, чем какие содержатся в точных науках, и не отказывается от средств познания, которые создали математику. Вторая причина есть то, что *Понимание* объектом своим имеет *действительное* и что это действительное оно стремится не узнать только, но *объяснить, уразуметь*; поэтому повсюду учениям о вещах и явлениях оно предпосылает общие теории — неизменно с умозрительным характером, и на этих общих теориях возводит частные учения — неизменно с опытным характером. Значение руководящее принадлежит в нем умозрению: оно указывает, *что и как* должно быть познано; но эти указания — только схема, только путь, и указанное умозрением находится опытом, там и таким образом, как определено умозрением.

Далее, *Понимание* не допускает извращение своей природы, и с ним не может произойти того, что происходило в истории с наукою и с философию. И в самом деле, термины «наука» и «философия» несколько не определяют того, что в них содержится, что ими обозначается: остается совершенно неизвестным, что такое наука, и совершенно неопределенным, что такое философия. Поэтому имена эти прилагает к себе то, что нередко бывает совершенно чуждо всяких научных и всяких философских элементов, что по своей природе не есть даже познание: таково чисто субъективное развитие мыслей в философии, не имеющее ничего объяснить, ничего уразуметь, такова же чистая эрудиция, не имеющая даже объектов познаваемых. Напротив, в термине «понимание» есть определенное значение, и мы живо чувствуем, когда умственная деятельность становится им и когда она перестает быть им; поэтому и в истории *Понимание* или есть — и тогда оно не извращено, или извращено — и тогда его совершенно нет.

Но есть и другое, более глубокое различие между *Пониманием* и между наукою и философию.

Наука и философия причинны в своем основании: они управляются тем, что лежит позади их, что вызывает их к существованию и что их изменяет в истории; по мере того как открываются новые явления и факты, появляются новые науки; по мере того как изменяются исторические настроения, изменяет философия свой характер; ни в какой момент их развития нельзя сказать относительно их будущего ни того, к чему пойдут они, ни того, какими путями они пойдут. *Понимание* же целесообразно: в нем сознаны границы, до которых пойдет оно, и определены пути, по которым оно достигнет их; оно не блуждание более, для него нет возврата, ему чуждо искание и сомнение; все это в содержимом его, там, где движутся науки и философия, но не в нем самом.

Поэтому, что касается до точных наук, то они случайны в своем содержании и развитии: в прошедшем каждая единичная наука возникала тогда, когда открывался какой-либо новый своеобразный порядок явлений и предметов, и в будущем предстоит наукам возникать до тех пор, пока не исчерпается это своеобразие природы; причем остается совершенно неизвестным, какие это будут науки, чего коснутся они. Наука находит свои объекты или, если и ищет их, то без всякой определенной мысли о том, что именно такое будет найденное и где его найти; поэтому и существующие классификации точного знания всегда суть не классификации *науки*, но только *наук*, тех, какие есть, но не тех, какие возможны и необходимы: они не предвидят будущего, их значение и правильность ограничивается переживаемым моментом науки, они преходящи. Из *Понимания* удалена эта случайность: ранее, чем познало свои объекты, оно знает и каковы они, и где, и притом до последнего предела своего; все познаваемое распределено уже в нем, лежит содержимым в его формах, но только закрытое еще, непознанное; раскрывать это лежащее внутри его, познавать единичное и строго определенное — это все, что здесь остается разуму.

Наука и философия частичны, множественны и промежуточны: ими не завершается деятельность человеческого разума, они представляют собою блуждание туда и сюда, но не к концу, их много и во всем своем множестве они не изучают ни всего бытия в его целос-

ти, ни того частного, что лежит в нем, во всей его полноте: только некоторое и в некотором познают они, но не все во всем, что и в чем доступно познанию; именно исчерпывающего характера недостает им. Напротив, *Пониманию* присущ этот исчерпывающий характер: вне его нет познаваемых объектов, и в каждом единичном объекте нет познаваемых сторон; и притом оно одно: не только в настоящем, но и в будущем, как возможного, оно не допускает множественности в себе; не может явиться никакого второго *Понимания*, и, даже если бы изменился самый разум человека в строении своем, если бы в нем возникли иные схемы познания, чем какие существуют теперь, — *Понимание* не изменилось бы, не перестроилось, но только к семи учениям о сторонах Космоса в нем прибавилось бы еще восьмое или девятое. Таким образом, оно есть последнее в деятельности разума, то, в чем он может найти успокоение, что способно уничтожить в нем боль непонимания, что для уничтожения этого именно зла — части другого и обширнейшего, которое заложено в человеческой природе, — и появляется как имеющее возместить его благом созерцания истины, неизменной в своем содержании, о непреходящем во времени, законченной.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. *Под наукою я разумею вечное понимание вечно существующего, в стремлении и в способности образовать которое раскрывается природа человеческого разума.*

Как кажется все знания, обладающие характером, выраженном в этом определении, входят в состав науки; из знаний обладающих этим характером, некоторые хотя и называются обыкновенно научными, однако их справедливее было бы выделить из области науки, так как между ними и между знаниями несомненно ненаучными нельзя провести определенной границы.

II. Предметом науки может быть только вечно существующее. Это потому, что только знания о нем могут обладать характером постоянства. Знание же о временно существующем необходимо будет временным, потому что оно перестает быть знанием с исчезновением того, что оставляет предмет его: ибо можно ли знать о том, чего нет? И потому как бы ни много было таких знаний, они не образуют и по самой природе своей не могут образовать науки, потому что ее содержание должно быть постоянно, и ее части не могут то появляться, то исчезать. Так, например, знание различных случаев теплоты, или различных случаев движения тел не составляет науки и не входит в нее; но знание постоянных свойств теплоты и постоянных законов движения образуют науку. Замеченные случаи нагревания или движения исчезли и могут не повториться, а с ними и то, что мы заметили о них, исчезло утратив свое значение. Напротив, свойства теплоты и законы движения никогда не исчезнут и будут постоянно обнаруживаться в явлениях теплоты и в явлениях движения, как бы ни изменялись последние; поэтому

и знание о них никогда не утратит своего значения. Вот почему справедливо будет сказать, что знание и всего, что случилось с тех пор, как существует мир, не составило бы науки, ни даже малой части ее; но вывод одного постоянного закона или определение свойства уже кладет основание науке, уже составляет часть ее.

Ясно, что, определив, что́ в существующем временно и что́ постоянно, мы определили бы, знание чего не составляет науки и знание чего образует ее. Временно в нем то, что случается, а постоянно то, что производит это случающееся; первое назовем *явлениями* (что является и исчезает), а второе назовем просто *существующим* (то есть не в то или другое время, что́ составляет явление, но постоянно); и в этом определенном и ограниченном смысле будем употреблять эти названия.

На эти два великие отдела распадается мир как целое, и по этим двум отделам как объектам деятельности человеческого разума распадается создаваемое им на науку и простое знание. Существующее есть [объект науки]* вечное производящее, одно составляющее объект науки; явления суть временно производимое, обусловленное и изменяющееся, составляющее объект простого, не научного знания.

Но так как существующее, будучи скрыто под явлениями, непосредственно не доступно ощущению, единственно же доступное для него лежит вне области науки, то этим определяется и самое строение, путь и характер науки: она стремится понять существующее через явления, проникнуть в недоступное для чувств через изучение доступного им.

Так, вещество, не произведенное и не обусловленное вещами производит вещи и в них проявляется; вне вещей неизвестно вещество и не может быть познаваемо; но познание самых вещей было бы ничтожно, если бы через них мы не познавали вещества. Так, силы не произведены и не обусловлены явлениями, но производят и обуславливают их и в них проявляются; вне явлений не известны силы и не могут быть наблюдаемы; но самое наблюдение этих явлений не имеет значения, когда в них не наблюдаются силы. Так, законы не созданы и не определены существующим

* В скобках слова вычеркнуты. — В.С.

и происходящим, но создали и определили порядок в происходящем и соотношение в существующем; вне этого порядка и соотношения не проявляются законы и не могут быть исследованы; но, исследуя этот порядок и соотношение, мы интересуемся не им самим, но тем невидимым и скрытым, что произвело его и что мы называем законом его. Так, типы, по которым образуется все в Космосе и происходит все в генезисе, не созданы этим возникающим и умирающим во времени, но могущественно направляют образующую силу и определяют формы, в которые отливаются предметы и явления. Вне этих единичных предметов и процессов не могут быть познаны эти типы; но, познавая эти отдельные предметы и процессы, мы должны иметь в виду не описание только их, но определение этих типов как невидимых форм, в которые влагается природою все видимое.

III. Относительно этого вечно существующего человек может образовать знания *ложные* и *истинные*. Первые в самой природе своей носят начала изменчивости: они или заменяются другими ложными знаниями, или исчезают, когда на место их становятся знания истинные. Последние же по самой природе своей неизменны: потому что нет другого знания, которое могло бы заменить их.

Таким образом, временны те знания, которые или, будучи истинны, имеют предметом временное, или, имея предметом вечное — ложны. Вечные же знания суть те, которые и истинны, и имеют предметом вечное. Только последние образуют науку; это требование так же обуславливается тем, что содержание должно быть постоянно.

Теперь следует сказать о том, что

КОММЕНТАРИИ

Первый том «Сочинений Василия Васильевича Розанова» представляет читателям философский трактат «О понимании», публикацией которого в 1886 г. было положено начало литературной деятельности философа и писателя. Сведения о более ранних литературных опытах Розанова довольно отрывочны. Думается, что у Розанова отсутствовал обычный для пишущих людей период бурного юношеского бумагописания. Это подтверждают и свидетельства его автобиографических материалов (см.: *Розанов В.В. О себе и жизни своей.* М., 1990. — С. 685—692). Вся гимназия и первая половина университета прошли у него под знаком необыкновенного для юноши труда по освоению мировой культуры и напряженного разрешения личных мировоззренческих проблем. «С детства, с моего испуганного и замученного детства, я взял привычку молчать (и вечно думать). Все молчу... и все слушаю... и все думаю... И все, бывало, во мне зреет, медленно и тихо... Я никуда не торопился, «полежать бы»...» (*Розанов В.В. Уединенное.* СПб., 1912. С. 229). В богатом и отличном по сохранности авторском архиве писателя есть тетрадка под заглавием «Стихотворения В.Розанова», помеченная августом-октябрем 1879 г. В ней переписаны начисто стихотворения, а также «поэма» «Ева», с датой написания: 1 февраля 1880 г. (см.: Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 419, оп. 1, ед. хр. 241). Кроме этих стихотворных опытов нам неизвестны никакие другие художественные начинания Розанова. Однако в вышеназванных автобиографических материалах говорится о «первом зародыше...последующего умственного развития». Речь идет о проблемах нравственного идеализма в системе утилитаризма, под влиянием которого находился гимназист Розанов. На втором курсе университета (1879/80 гг.) эти философские начинания сформировались в статью под названием «Исследование идеи счастья как идеи верховного начала человеческой жизни». Судьба автографа нам неизвестна. Журнал «Русская Мысль» в декабрьской книжке за 1895 г. в «Списке не принятых редакцией журнала рукописей» объявил среди прочих и вышеупомянутую статью Розанова. В ответ на это уведомление Розанов, тогда сотрудник консервативных журналов и газет Москвы и Петербурга, в «Письме издателю» «Русского Слова» (1896, 12 января) разъяснил своим читателям участие в либеральном журнале: «Эта статья... была передана им не менее четыр-

надцати лет назад, в бытность... студентом Московского университета, через единственного знакомого в то время литератора, Ф.Д.Нефедова». Вероятно, эта статья погибла в недрах редакции «Русской Мысли», но «идея человеческого счастья» долго жила в душе философа и он воплотил свой юношеский замысел в статье «Цель человеческой жизни», которую опубликовал в «Вопросах Философии и Психологии» (1892. Кн. 14, 15).

Среди документов университетской поры сохранилось постановление заседания историко-филологического факультета от 26 марта 1881 г. о присуждении студенту 3-го курса Розанову премии им Н.В.Исакова за реферат по логике на тему «Основание поведения» с ходатайством перед Советом Московского Императорского университета его подтвердить (см.: Центральный государственный исторический архив г. Москвы. Ф.418, оп. 50, ед.хр. 216, л.1), а также выписка из журнала заседаний Совета Университета от 7 апреля 1881 г. с решением о присуждении премии Розанову и ходатайством перед правлением Университета о выплате денежного вознаграждения в сумме семьдесят пять рублей (там же, л.2). Сохранилась пометка на заявлении Розанова в Университет (около 7 июня 1882 г.) о том, что он является «стипендиатом Хомякова», однако дополнительных сведений по этому делу не обнаружено. Наконец, в архиве Центрального государственного исторического архива г.Москвы (Ф.418, оп. 5143, ед.хр. 7207) хранится реферат Розанова по всемирной истории на тему «Карл V, его личность и отношение к главным вопросам его времени». На титуле сшитой тетради в восьмую долю листа в 60 страниц профессор В.И.Герье поставил оценку: «Весьма удовлетворительно», что было в те времена высшим баллом.

Публикуемая книга является наиболее фундаментальным трудом из всего розановского творчества по широте и развернутости философской проблематики, при том, что для Розанова это был первый опыт осуществления его жизненного призвания. Начало работы над книгой надо отнести к последнему году пребывания в Московском университете, т.е. к 1881/1882 гг. Вероятно, из-за сформировавшегося замысла книги Розанов отказался от предложения остаться при университете. «Московский проф. Герье предлагал мне держать экзамен на магистра, — писал он Н.Н.Страхову 15 февраля 1888 г., — и я под предлогом незнания языков отказался от этого, и когда он настаивал, говоря, что это необходимо, я просто отказался, потому что года на 3 пришлось бы заниматься посторонними предметами...» (Отдел рукописей библиотеки Академии наук Украины. Киев). Работа над книгой в основном выпала на брянский период жизни Розанова (1882—1887). «В июле 1885 г. [...] я поставил «точку» в конце огромной рукописи» (*Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. СПб., 1902. — 2-е изд. — С.278*). Издание книги Розанов осуществил за свой счет, ежемесячно откладывая от учительского жалованья по 15—20 рублей. Таким образом скопленные более чем 1000 руб. он заплатил владельцам типографии Э.Лисснеру и Ю.Роману (Москва, Арбат, дом Платонова) за печатание 600 экз. книги «О понимании», которая вышла в свет в июне 1886 г. Местонахождение автографа книги нам не известно.

«После отпечатания книги «О понимании», — писал позднее Розанов, — у меня стоял уже план другой, такой же по величине книги «О потенциальности и ее роли в мире физическом и человеческом», — после которой, мне казалось, нужно поставить «точку» всякой философии и почти всяким книгам. [...] И, словом, мне казалось, что «моя философия обнимет ангелов и торговлю» (Розанов В.В. Литературные изгнанники. СПб.1913.— С.116). Однако выход книги был совершенно не замечен философской общественностью. Немалую роль в этом сыграли две отрицательные рецензии, появившиеся в литературных журналах (см.: «Вестник Европы», 1886, № 10, подписана Л.С. (Л.З.Слонимский.— В.С.); «Русская Мысль», 1886, № 11, без подписи). Слонимский начал рецензию с указания на то, что «автор сделал все от него зависящее, чтобы оттолкнуть от своего трактата любознательную публику; он пишет тяжелым слогом, строит свои теории на определенных и словесных оборотах, пребывает исключительно в области схоластики и пускается в бесконечные туманные разглагольствования». В анализе философской проблематики книги рецензент обнаружил меньшую находчивость: по его мнению, в понятии понимания надо подразумевать «психологический процесс», т.е. то, «что принято разуметь под этим словом». Поэтому, продолжает рецензент, неправильно трактуемое центральное понятие книги дает и неправильные выводы. Другой, безымянный, рецензент «Русской Мысли» также не потрудился уяснить замысел книги Розанова и, не приведя никаких аргументов по существу, решил ее участь категорическим заключением: «Обширная работа не имеет большого значения... основные мысли, им (Розановым. — В.С.) защищаемые, представляют либо ошибочные утверждения, либо преувеличения».

«В те годы и вообще, — писал сам Розанов, — несколько меня удивило, каким образом при восьми университетах и четырех духовных академиях не появилось совершенно никакого отзыва и никакого мнения о большой книге (40 печатных листов), во всяком случае не нелепой или не только нелепой» (Розанов В.В. Литературные изгнанники. С. 128). Урон, нанесенный его творческому философскому пафосу научным бездушием, Розанов, естественно, жаждал компенсировать частными отзывами. Он разослал книгу Н.Н.Страхову, В.И.Герье, К.Н.Леонтьеву, С.А.Рачинскому, П.А.Кускову, А.Н.Майкову, В.С.Соловьеву и др. и получил ряд положительных и доброжелательных откликов. По свидетельству П.А.Кускова, со стороны А.Н.Майкова «восторг был полный». Майков «даже выразил желание сказать при случае, Делянову [министр народного просвещения. — В.С.], что у него профессора философии учат географии елецких юношей, а в университете читают философию учителя географии из уездных училищ» (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 419, оп. 1, ед. хр. 507, л. 3-5). Розанов в то время был учителем географии Елецкой классической гимназии. Однако книга была обречена — она почти не раскупалась, и владельцы книжных магазинов возвращали автору нераспроданный тираж. Из-за неудобства транспортировки в провинцию Розанов приказал

отдать нераспроданный тираж букинистам «за что дадут» (см. мою подборку материалов о судьбе книги в журн. «Москва», 1992, № 1). Попадающиеся сейчас экземпляры книги встречаются чрезвычайно редко, чаще всего с дарственными автографами Розанова.

При подготовке настоящего издания орфография и пунктуация текста там, где редактор счел это необходимым, приближены к современным нормам. Авторские орфографические и синтаксические архаизмы сохранены (например, тождественный, взаимодействие, повидимому, брамаизм и др.). Сохранены также различные авторские сокращения слов, не унифицировалось написание терминов с прописной или строчной буквы. Явные опечатки и искажения текста исправлены без комментариев.

Переводы иностранных слов и выражений принадлежат И.Маханькову.

Сохранился экземпляр книги «О понимании» из коллекции известного библиофила Н.П.Смирнова-Сокольского, находящийся сейчас в Музее книги Российской национальной библиотеки (Москва) с значительной авторской правкой первых трех страниц и следующими замечаниями на последнем форзаце (любезно указал мне И.И.Петренко):

«Экземпляр, исправленный согласно первоначальному и лучшему тексту рукописи, который в день отдачи его в типографию был испорчен мною в непонятном смущении, что сразу будет понята моя мысль; я захотел, чтобы читатель, взяв в руки книгу, оставил ее в недоумении на несколько минут от непонятности и трудности первых трех страниц, и с этой целью запутал их. См. мою рукопись и список с нее переписчика. Всякий, исправивший мою книгу по этому экземпляру, этим выразит к ней уважение и мне сделает доброе дело. 1893 года, апреля 26-го. Василий Васильевич Розанов.— С.Петербург».

Согласно пожеланию Розанова, мы восстановили первоначальный текст первых трех исправленных страниц и даем его в Приложении. Конкретно каждый случай розановского исправления текста оговаривается в комментариях.

¹Весь текст со слов «Так как деятельность разума» зачеркнут Розановым и вместо него поставлено: «Под наукою я разумею вечное». — 10.

²Вместо слова «неизменно» вписано слово «вечно». — 10.

³Вместо слов «Из существующих знаний все те, которые обладают» вписано: «Как кажется, все знания, обладающие». — 10.

⁴Текст, начиная со слов «Таким образом, определение» — вычеркнут. — 10.

⁵Вместо вычеркнутого слова «неизменно», вписано слово «вечно». — 10.

⁶Вместо текста со слов «требование вытекает из того» вписан текст: «потому, что только знания о нем могут обладать характером постоянства. Знание же о временно существующем необходимо будет временным, потому что оно перестает быть знанием с исчезнове-

нием того, что составляет предмет его: ибо можно ли знать что-либо о том, чего нет? И потому как бы ни много было таких знаний, они не образуют и по самой природе своей не могут образовать науки, потому что ее содержание должно быть постоянно, и ее части не могут то появляться, то исчезать. Так, например,». — 10.

⁷Вместо вычеркнутых слов: «науку, потому что замеченные» вписано: «науку. Замеченные». — 11.

⁸Вместо слов: «значение; свойства», вписано: «значение. Напротив, свойства». — 11.

⁹Вместо вычеркнутых слов: «Основываясь на этом не будет ошибочным» вписано: «Вот почему справедливо будет». — 11.

¹⁰Вместо вычеркнутых слов: «или одного» вписано: «или определение одного». — 11.

¹¹Вместо вычеркнутых слов: «единично и частно» вписано «случается». — 11.

¹²Вместо вычеркнутого текста, начинающегося со слов: «общее, производящее это единичное и частное», написан следующий текст: «то, что производит это случающееся; первое назовем явлениями (что является и исчезает), второе назовем просто *существующим* (то есть не в то или другое время, что составляет явление, но постоянно); и в этом определенном и ограниченном смысле будем употреблять эти названия.

На эти два великие отдела распадается мир как целое, и по этим двум отделам как объектам деятельности человеческого разума распадается создаваемое им на науку и простое знание. Существующее есть [объект науки] вечное производящее, одно составляющее объект науки; явления суть временно производимое, обусловленное и изменяющееся, составляющее объект простого, не научного знания.

Но так как существующее, будучи скрыто под явлениями, непосредственно не доступно ощущению, единственно же доступное для него лежит вне области науки, то этим определяется и самое строение, путь и характер науки: она стремится понять существующее через явления, проникнуть в недоступное для чувств через изучение доступного им». — 11.

¹³Вместо слова «неизменно» вписано слово «вечно». — 12.

¹⁴Вместо слова «постоянное» вписано слово «вечное». — 12.

¹⁵Вместо слова «постоянное» вписано слово «вечное». — 12.

¹⁶Вместо вычеркнутых слов «содержание ее не может измениться» вписаны слова «должно быть постоянно». — 12.

¹⁷Вместо вычеркнутого слова «рассмотрим» вписаны слова «следует сказать о том». — 12.

¹⁸Пример неполноты индуктивного метода, часто приводимый в учебниках логики. — 108.

¹⁹Ср.: «Мы можем определить причину как объект, предшествующий другому объекту и смежный ему...» (Юм Д. Сочинения. В 2т. М., 1965. Т. 1. С. 278). — 111.

²⁰Сочинения Томаса Броуна (точнее Брауна, Brown), не переведенные на русский язык и Розанов пользовался побочными источ-

никами. В раннем труде своем «Inquiry into the relation of Cause and Effect» (Исследование взаимоотношения причины и действия) Броун защищает учение Д.Юма о причинности. — 111.

²¹Ср.: «Настоящую причину составляет совокупность предшествовавших фактов...» (*Милль Дж.С.* Система логики. В 2 т. СПб ; М.; 1878. — Т. 1. С. 359). Широкое рассмотрение проблемы причинной связи — в главе 5 «О законе всеобщей связи причины со следствием» (с. 353 — 399). — 111.

²²См.: *Юм Д.* Сочинения. В 2 т. М., 1979. — Т. 2. С. 78. К сожалению, у Рида такого высказывания не обнаружено. См книгу *А.Ф.Грязнова* «Философия Шотландской школы» (Изд-во Московского университета, 1979), посвященную в основном Т Риду. — 114.

²³Розанов говорит о факте из жизни молодого Мартина Лютера, который (как считают биографы великого германского реформатора) послужил основанием ухода его в августинский монастырь. — 403.

²⁴У Плутарха такого сообщения не обнаружено. Ср. слова, которые высказывал греческий оратор и философ I-II вв. по Р.Х. *Дион Хризостом* в своей Олимпийской речи (12.51) по поводу нравственного и психотерапевтического воздействия статуи Фидиева Зевса: «Даже тот, чья душа подавлена тяготами, тот, кто претерпел в своей жизни много бедствий и печалей; кому даже сладкий сон не приносит утешения, даже и тот, думается мне, стоя перед этой статуей, забудет все ужасы и трудности, которые приходится переносить человеческой жизни» (Памятники позднего ораторского и эпистолярного искусства II-V вв. М., 1964. — С. 24). — 448.

²⁵Начальные строки стихотворения *М.Ю.Лермонтова* без заглавия и неизвестного года написания. — 451.

²⁶Начальные строфы из стихотворения 1856 г. *А.К.Толстого* без названия. — 451.

²⁷См.: *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Ч. 2. Кн. 5. Гл. V. — Великий Инквизитор. В романе Достоевского рассказ о Великом Инквизиторе назван повестью. — 463.

²⁸Ср. слова Дмитрия Карамазова из романа *Ф.М.Достоевского* «Братья Карамазовы»: «Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетает на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает от идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы» (*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Л., 1976. — Т. 14. — С. 100). — 467.

²⁹Ср.: «Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Л., 1974. — Т. 10. — С. 471). — 468.

³⁰См. разговор между Иваном и Алешей Карамазовыми в романе Достоевского «Братья Карамазовы» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 14. — С. 220 — 221). — 468.

³¹Розанов имеет в виду рассказ Версилова о своем сне, который он назвал «Золотым веком». См.: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Л. 1975. — Т. 13. — С. 375 — 376. — 469.

³²*Архонт* в Афинах — высшее правительственное лицо; *Булé* — совет пятисот в Афинах, — занимался предварительным рассмотрением дел. — 471.

³³В «Политии» (IV, IX 1296a) Аристотель противопоставляет демократии и аристократии идеал «среднего» государственного устройства («политию»), инициативу практической реализации этого идеала в греческом мире Аристотель приписывал Александру Македонскому (не называя его имени). О государственном строе Македонии Аристотель умалчивает. — 471.

³⁴*Кафры* (банту) — народ на западном берегу Южной Африки; отличается высоким ростом и силою, совершенством телосложения и мужественностью *Готтентоты* (самоназв. — кой-коин), народ в Намибии и Южно-Африканской республике, древнейшие обитатели Южной Африки. — 472.

³⁵Розанов передает выражение немецкого писателя Х.М.Виланда (1733—1812) в пересказе *Е.А.Боратынского* Ср.: «Виланд, кажется, говорил, что ежели б он жил на необитаемом острове, он с таким же тщанием отделявал бы свои стихи, как в кругу любителей литературы» (*Боратынский* — И.В.Киреевскому. Июнь, 1839 // Татевский сборник (сост. С.А.Рачинского). СПб., 1899. — С. 48). — 473.

³⁶Розанов поддерживает тезис эстетики натуралиста Н.Г.Чернышевского о преимуществе прекрасного в природе перед прекрасным в искусстве, поданный в полемическом виде Ап.Григорьевым в статье «Искусство и нравственность: Новые Grübeleien по поводу старого вопроса» (1861): «В «искусстве для искусства» я не видел, да и до сих пор видеть не могу ничего, кроме праздной игры в слова, звуки или краски; в искусстве, рабски отражающем жизнь без осмысления ее разумным (но не рассудочным) светом, — ничего, кроме ненужного и бледного повторения жизни, к которому — и притом только к которому — прямо относится известное положение г.Чернышевского, что красавица нарисованная никогда не может быть так хороша, как настоящая, и что яблоко на картине никогда не может быть вкусно, как яблоко на яблоне» (*Григорьев Ап.* Искусство и нравственность. Москва. «Современник». 1986.—С.264). Высказывание Ап.Григорьева основывается на следующем тексте Чернышевского: «Наше искусство до сих пор не могло создать ничего подобного даже апельсину или яблоку» (*Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений. В 16 т. М., 1940. — Т. 2. — С. 38). Центральный тезис Чернышевского оспаривал и Ф.М.Достоевский в статье «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах» (1864): «Положим, яблоко натуральное едят, но яблоко нарисованное для этого именно и нарисовано, чтоб на него смотреть, а не есть» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Л. 1980. — Т. 20. — С. 108). — 475.

³⁷ В издании 1886 г. ошибочно повторена часть XII. В настоящем издании мы исправляем оплошность редакции. — 483.

³⁸ Розанов цитирует отрывок (с небольшой неточностью) из сочинения *Сильвиана* «О правлении Божьем» (Кн. V, 4—9), который в русском переводе включил Стасюлевич в свою знаменитую хрестоматию. Ср.: «Большая часть людей заражена новым неизмеримым злом: никто не считает себя счастливым, пока не видит других несчастными» (*Стасюлевич М.М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. В 3 ч. 1902. — Ч. I. — изд 3-е. — С. 73). — 512.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август (63 до Р.Х. — 14 по Р.Х.) — 531 543
- блаж. Августин Аврелий (354 — 430) — еп. гиппонский — 276 532
- Александр Великий (356 — 323 до Р.Х.) — 426
- Алексей Михайлович (1629 — 1676) — русский царь с 1645 г. — 450
451
- Алкивиад (ок. 450 — 404 до Р.Х.) — афинский стратег — 607
- Альберт Великий (Альберт фон *Больштедт*; ок. 1193 — 1280) —
немецкий схоластик — 621
- Анаксагор из Клазомен (ок. 500 — 428 до Р.Х.) — 621
- Анджелико Беато (наст. имя и фам.: Фра Джованни да *Фьезоле*; ок.
1400 — 1455) — итальянский живописец — 483
- Аристид (ок. 540 — ок. 467 до Р.Х.) — афинский полководец — 607
- Аристотель (384 — 322 до Р.Х.) — 101-103 384 465 471 473 509 607
— «*Органон*» — 102
- лорд Байрон, Джорж Гордон (1788 — 1824) — 404 430 467 469 473
— «*Манфред*» (1817) — 469
- Белинский, Виссарион Григорьевич (1811 — 1848) — 465
- Баярд, Томас Фрэнсис (1828 — 1898) — североамериканский полити-
ческий деятель — 606
- Беранже, Пьер Жан (1780 — 1857) — 535
- Беркли, Джорж (1685 — 1753) — 404
- Броун (Браун) Томас (1778 — 1820) — шотландский философ — 111
- Будда — 607
- Бэкон, Роджер (ок. 1214 — 1294) — 621
- лорд Бэкон, Фрэнсис (1561 — 1626) 101 102 104 288 400 415 473 517 621
- Ващенко-Захарченко, Михаил Егорович (1825 — 1912) — матема-
тик — 366
— «*Начала Эвклида с пояснительным введением и толкованием*»
(Киев. 1880) — 366
- Вольтер (наст. имя и фам.: Мари Франсуа *Аруэ*; 1644 — 1778) — 403
535 536 607
— «*Rucelle*» («*La rucelle d'Orleans*») — «*Орлеанская девственница*»,
1757) — 403
— Жанна д'Арк — 403
- Галилей, Галилео (1564 — 1642) — 288

- аббат Гаюи, Рене Жюст (1743 — 1822) — французский минералог, создатель научной кристаллографии — 189 225
 Гейлигкс, Арнольд (1624 — 1669) — голландский философ — 621
 Гейне, Генрих (1797 — 1856) — 404 430 467
 Геродот (между 490 и 480 — ок. 425 до Р.Х.) — 404
 Гёте, Гете, Иоганн Вольфганг (1749 — 1832) — 469 473
 — «Фауст» (1808 — 1831) — 469 473
 Гишарх (ок. 180 или 1900 — 125 до Р.Х.) — древнегреческий астроном — 509
 Гоббес (Гоббс), Томас (1588 — 1679) — 288
 Гоголь, Николай Васильевич (1809 — 1852) — 454 462 464 465
 — «Ревизор» (1836) — 454
 — Осип — 454
 Гончаров, Иван Александрович (1812 — 1891) — 453 459 461 462 464 466
 — «Обломов» (1847 — 1859) — 454
 — Обломов — 461
 — «Обрыв» (1849 — 1868) — 454 459
 — Вера — 459
 Гримм, Вильгельм (1786 — 1856) — немецкий филолог — 622
 Гримм, Якоб (1785 — 1863) — немецкий филолог — 622
 барон Гумбольдт, Александр Фридрих Вильгельм (1769 — 1859) — немецкий естествоиспытатель, путешественник — 622
 Гумбольдт, Вильгельм (1767 — 1835) — немецкий филолог — 622

 Данте Алигьери (1265 — 1321) — 403 404/467 472 473 580
 — «Божественная комедия» (1307 — 1321) — 472 473
 Декарт, Рене (1596 — 1650) — 288 368 384 400 517 621
 Достоевский, Федор Михайлович (1821 — 1881) — 462 — 464 466
 — «Бесы» (1871 — 1872) — 467
 — Кириллов — 467
 — «Братья Карамазовы» (1879 — 1880) —
 — «Легенда о Великом Инквизиторе» — 463 468 469
 — «Подросток» (1875) — 469
 — Нелли — 464
 — Свидригайлов — 464
 Дунс Скот, см.: Иоанн, Дунс Скот

 Жанна д'Арк (ок. 1412 — 1431) — 403

 Зевс Олимпийский — 450
 Зороастр (Заратуштра) — в иранской мифологии пророк и основатель религии зороастризма — 404

 Иннокентий III (1160 или 1161 — 1216) — папа римский — 332
 Иоанн, Дунс Скот (ок. 1266 — 1308) — средневековый схоластик — 621

 Кальвин, Жан (1509 — 1564) — 400 426 605

- Кант, Иммануил (1724 — 1804) — 384
 Карамзин, Николай Михайлович (1766 — 1826) — 367
 Кашлер, Иоганн (1571 — 1630) — 288 509 570 581
 Конт, Огюст (1798 — 1857) — 415
 Ксенофан Колофонский (ок. 570 — после 478 до Р.Х.) — 621
- Лашлас, Пьер Симон (1749 — 1827) — 373
 — «Небесная механика» («Трактат о небесной механике». Т. 1 — 5, 1798 — 1825) — 371
 Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814 — 1841) — 430 462
 — «Три пальмы» (1839) — 451
 Лессинг, Готхольд Эфраим (1729 — 1781) — 476
 — «Лаоокон, или О границах живописи и поэзии» (1766) — 476
 Ливий, Тит (59 до Р.Х. — 17 по Р.Х.) — 404
 Линней, Карл (1707 — 1778) — 348
 Лобачевский, Николай Иванович (1792 — 1856) — 366
 — «Полное собрание сочинений по геометрии» (Казань, 1883) — 366
 — «Воображаемая геометрия» — 366
 — «Новые начала геометрии с полною теориею параллельных» — 366
 — «Пангеометрия» — 366
 Локк, Джон (1632 — 1704) — 621
 Ломоносов, Михаил Васильевич (1711 — 1765) — 367
 Людовик IX Святой (1214 — 1270) — французский король с 1226 г. — 606
 Людовик XIV (1638 — 1715) — французский король с 1648 г. — 606
 Лютер, Мартин (1483 — 1546) — 403 605
- Мазарини (Мазарини), Джулио (1602 — 1661) — кардинал — 543
 Малербранш (Мальбранш), Никола (1638 — 1715) — 404 621
 Меровингв — первая королевская династия во Франкском государстве (кон. 5 в. — 751 г.) — 339
 Милль, Джон Стюарт (1806 — 1873) — 111
 Мильтон, Джон (1608 — 1674) — 472
 — «Потерянный рай» (1667) — 472
 Мольер (наст. имя и фам.: Жан Батист *Поклен*; 1622 — 1673) — 606
- Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769 — 1821) — 554
 Нибур, Бартольд Георг (1776 — 1831) — немецкий историк античности — 622
 сэр Ньютон, Исаак (1643 — 1727) — 509 621
- Оккам, Вильгельм (Уильям) (ок. 1285 — 1349) — 621
 Островский, Александр Николаевич (1823 — 1886) — 465 482
 — «Свои люди сочтемся!» (1849) — 465
- Парменид из Элеи (ок. 540 или ок. 520 до Р.Х. — ?) — 621
 Перикл (ок. 490 — 429 до Р.Х.) — 531
 Петр I Великий (1672 — 1725) — 332

- Пифагор Самосский (6 в. до Р.Х.) — 241 399
 Платон (428 или 427 — 348 или 347 до Р.Х.) — 276 384 473
 — «Respublica» («Государство») — 276 270
 Плутарх (ок. 45 — ок. 127 по Р.Х.) — 448
 Птоломей (Птолемей), Клавдий (ок. 90 — ок. 160 по Р.Х.) — 509
 Пухта, Георг Фридрих (1798 — 1846), немецкий юрист, представи-
 тель исторической школы права — 622
 Пушкин, Александр Сергеевич (1799 — 1837) — 462 465 466
 — «Евгений Онегин» (182 — 182) — 451
 — «Каменный гость» (1830) — 469
 — «Моцарт и Сальери» (1830) — 469
 — «Скупой рыцарь» (1830) — 465 469

 Рафаэль Санти (1483 — 1520) — 483
 — «Сикстинская Мадонна» (1518) — 483
 Рид, Томас (1710 — 1796) — английский философ — 114
 Ригтер, Карл (1779 — 1859) — немецкий географ — 622
 Ришелье (Ришелье), Арман Жан дю Плесс (1585 — 1642) — кар-
 динал, французский государственный деятель — 543
 Робеспьер, Максимилиен (1758 — 1794) — 606
 Руссо, Жан Жак (1712 — 1778) — 403 535 606

 Савиньи, Фридрих Карл (1779 — 1861) — немецкий юрист, глава
 исторической школы права — 622
 Сальвнан, прозванный Maitre des Evegues (ок. 390 — ок. 484) —
 марсельский священник, богослов и поэт — 502
 — «De quibernatione Dei» («О правлении Бога», 439 — 451) — 512
 Сократ (ок. 470 — 399 до Р.Х.) — 621
 Спиноза, Бенедикт (1632 — 1677) — 384 404 473 621
 Сципионы — знатный римский род, из которого вышли видные
 исторические деятели — 276

 Тацит (ок. 50 — ок. 117 по Р.Х.) — 404 450
 Тиверий (Тиберий) (42 до Р.Х. — 37 по Р.Х.) — римский император
 из династии Юлиев — Клавдиев с 14 г. по Р.Х. — 451
 гр. Толстой, Лев Николаевич (1828 — 1910) — 453 460 462 464 466
 — «Анна Каренина» (1873 — 1877) — 453 460
 — «Война и Мир» (1863 — 1869) — 453 460
 гр. Толстой, Алексей Константинович (1817 — 1775) — 451
 Тургенев, Иван Сергеевич (1818 — 1883) — 464 482

 Фалес (ок. 625 — до Р.Х.) — 26
 Фидиас (Фидий) (нач. 5 в. — ок. 432 — 431 до Р.Х.) — 448
 — «Зевс Олимпийский» — 448
 Филипп IV Красивый (1268 — 1314) — французский король с 1285 г.
 из династии Капетингов — 606
 Франциск Ассизский (1181 или 1182 — 1226) — 607
 Фукидид (ок. 460 — 400 до Р.Х.) — 404
 Фурье, Шарль (1772 — 1837) — 276

Херасков, Михаил Матвеевич (1733 — 1807) — 451
— «Россияда» (1779) — 451

Цезари — 276

Цезарь, Гай Юлий (102 или 100 — 44 до Р.Х.) — 332 426 531

Шеллинг, Фридрих Вильгельм (1775 — 1854) — 404

Шекспир, Уильям (1564 — 1616) — 463 464 466 467

— Гамлет — 463 464

— Корделия — 464

— Лир — 464

— Офелия — 464

— Фальстаф — 464

— Яго — 464

Шиллер, Иоганн Фридрих (1759 — 1805) — 403 404 469 471 473

— «Дон Карлос» (1783 — 1887) — 469

— «Орлеанская дева» (1801) — 403

— Жанна д'Арк — 403

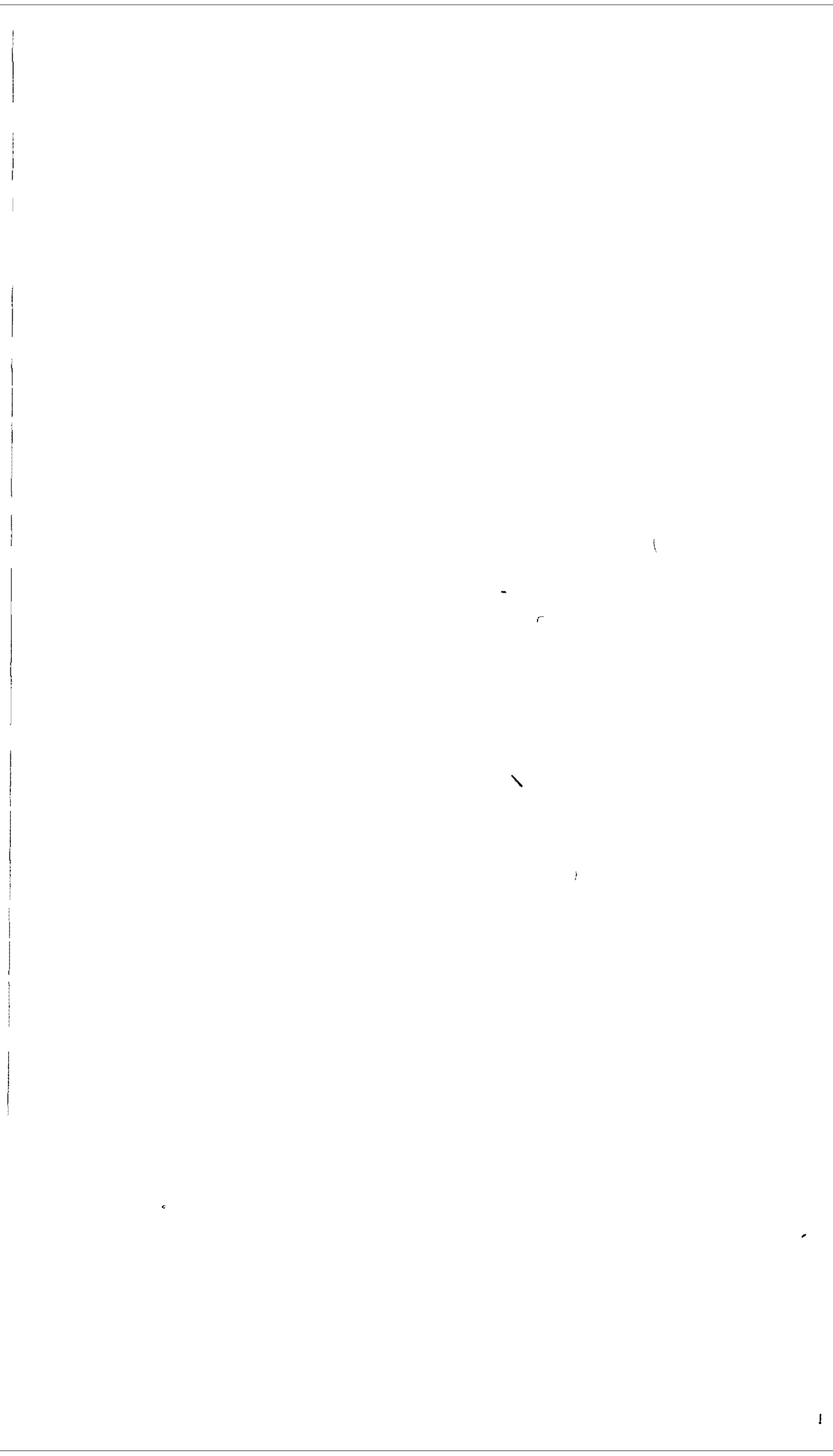
Шопенгауэр, Артур (1788 — 1860) — 404

Эвклид (Евклид) (3 в. до Р.Х.) — 366 367

Эли де Бомон, Жан Батист Арман Луи Леонс (1798 — 1874) —
французский геолог — 622

Эмпедокл из Агригента (ок. 490 — ок. 430 до Р.Х.) — 621

Юм, Давид (1711 — 1776) — 111 114

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Аксиомы 32, 35, 72, 118
— математические (а. математики) 104, 105
— мнимая 109
— происхождение 35
— а. относительно познания (ва)ния 33
Акт 568
— творческий (а. творчества) 304, 374, 547
художественного и научного 542
первоначальность 321
— благотворительности 565
— защиты или покорения 561
— нравственности и пользы 542, 543
— переселения 561
— созидания и уничтожения 348
— тела
и мысли или чувства 530 (см. Поступок)
Алгебра 13
— есть общая теория количества без отношения к тому, что количественно 359
— есть учение о величинах вообще 368
— и арифметика 359
Анализ 82, 384, 134, 323, 414, 440, 462
— психологический 461
— спектральный 520
— субъективный 384
— цель 23
— природы вещей и явлений 589
— строения и процесса 119
— и синтез 9, 343
определение 337
Аналогия
— строгая логическая 319
Анатомия
— сравнительная 269
Англичане 400
Англия
— времен покорения ее римлянами 556
Аристократия 572
Арифметика см. Алгебра
Артистичность 461
Архитектура (зодчество)
— есть самое простое и самое древнее из искусств 443
— арабская 479
— византийская 472
— готическая 404, 472, 479
символика 473
— греческая 479
— китайская 479
— безличность 439
— безымянность 444
— величие и сила 444
— законы 478
— природа 439
— красота в а. 478, 479
и в живописи 480
— линия в а. 478, 479

* Составлен А.В.Матешук.

- как пространственная форма, очертания 439, 443
- стили в а. 452
- как тождество в замысле и в духе 444
- симметрия (двойственность красоты) в а. 478
- части в а.
- тождественные и тождественные числа 478
- соразмерность 477
- удвоение 478
- и целое 477, 478
- число в а. 477, 478
- и живопись 472
- и скульптура
- чувства в а. и с. 446 (см. Идея, Настроение, Чувство, выражение)
- Архонты 471
- Аскетизм (подвижничество) 418, 512, 531
- как идеал в душе 531
- истинный (а. в чистом виде)
- есть чистая одухотворенность, т.е. жизнь духом и в духе 532
- первоначальный
- виды: воздержание и целомудрие 531
- а. в буддизме 595
- и развращенность окружающей жизни 320 (см. Воздержание)
- Астрономия
- знание 513
- и небесная механика 371
- Атеизм
- тайный 553
- изображение во всемирной литературе 467
- и религия 553 (см. Вера)
- Атомы 160, 168, 180-182, 194, 195, 312
- кристаллов 225
- Атрибут (атрибуты) 206, 239
- как самостоятельные сущности 105
- определение 205, 273
- причина 239
- сущность 237, 240
- форма существования
- есть бывание как временное и не необходимое соприкосновение с пространством 273
- вещей 105
- и производные свойства 277
- и сущность разума и идей и объектов 73 (см. Космос, Правда, Сила и др.)
- Бедность (недостаток, бедные, неимущие) 526
- есть источник худшего из видов рабства — нравственного 527
- как важнейшее из зол 525
- как источник физического страдания 525
- и всех видов духовного 526
- следствия 519 (см. Богатство, Зло)
- Безобразиие (безобразное) 471
- определение 539
- б. в человеке, в творимом им и в жизни, ее условиях и формах 585
- и низость 483 (см. Прекрасное)
- Безразличное 305, 324
- Беспричинность
- и причинность 269
- Бессердечие
- как равнодушие к чужим мучениям 512
- Биология 270
- Благо (добро)

- как цель государств (государства) 338, 351, 435, 547, 560, 568, 598
- всестороннее см. б., большинства
- высшее 595
- прекрасное и достижимое 582
- виды 435, 568 - 570
 - как целое и как составное 570
 - некоторые в.б. постоянны 570
 - (см. Истина, Справедливость, Нравственность, Красота и пр.)
- общее понятие (идея) 547
 - разложение (логическое разложение, распадение, логическое раскрытие, раскрытие внутреннего содержания, процесс раскрытия) 540, 571, 572
 - как причина исторического развития государства 547
 - на термины (виды блага) 547, 569
 - и органы государства 570 - 572, 586, 587
 - и подчиненные, низшие понятия (идеи) 435, 436
- большинства (всестороннее б. людей) см. б., как цель государства
- спокойного созерцания истины 441, 665
- и польза 568
 - (см. также Добро; см. Идея, Богатство, Государство, орган)
- Благосостояние
 - как цель государства 276
 - физическое, умственное и нравственное 435
 - зарождение, возрастание и упадок 611
 - равномерное размещение
 - в стране 542
 - и богатство см. Учреждения, косвенное влияние
 - или нравственность
 - развитие и упадок 610 (см. Государство, орган)
- Благодетельность (благодетельность)
 - как одна из задач государства 572
 - частная и общественная 572, 573
 - необходимость сохранить своеобразие и непринужденность в б. 547 (см. Акт)
- Богатство (излишек, излишество обладаемого, богатые) 528
 - как обладание средствами жизни сверх того, что нужно для жизни 265
 - народное
 - и государство 554
 - следствие 519
 - увеличение и равномерное распределение 547
 - добро от б.
 - многовидно, но не обильно 528
 - зло от б.
 - не многовидно, но обильно 528
 - и недостаток (бедность, бедные) 424, 524, 528, 541, 542
 - как источник зол (как зло) 519, 527
 - и добро 519
 - и праздность 576 (см. Благосостояние, Стремление)
- Боги
 - греческие
 - суть совершеннейшие из людей 448
 - старые 429
- Божество см. Творец

- Болезнь (болезни) 383, 572, 574
 — определение 523
 — возникновение (происхождение) 523, 524
 причины (источник) 524, 525
 — признаки и сущность 524
 — тела
 исцеляет дух 525
 — борьба против б. 523
 — условия возникновения, продолжения и напряженности 519, 523, 524
 — и смерть 386
 Боль (ощущение боли) 526
 — физическая (б. физическо-го страдания) 526, 527, 623
 — средства прекращать учение о 524
 — б. от сознания незнания 441
 Большое (большее)
 — и малое (маленькое, меньшее) 352
 бесконечно м. и бесконечно б. 360
 и равное 358, 360
 (см. Уменьшение)
 Борьба (борющиеся)
 — лиц и сословий за власть 597
 — самолюбий 525
 — за господство
 в умственном и политическом мире 582
 — между духом и материей 455
 — между пассивным и деятельным началом природы 455
 Ботаника 164
 Брамаизм
 — древних индусов 472
 — и магометанство
 отношение к женщине 541
 Буддизм 404, 430, 513
 Будущее 153, 559, 654
 — и настоящее 142, 154
 — и прошедшее 108, 112, 544
 Булэ 471
 Бытие (пребывание) 49, 70, 73, 142, 239, 323, 328, 410
 — как целое 647
 — определение 140, 296
 — действительное (реальное, существующее, действительность б.) 32, 51, 53, 108, 126, 132, 143, 174, 175, 295
 есть видимое, осуществленное 307
 степень совершенства 164
 и потенциальное (образующееся) 63, 126, 143, 147, 164, 200
 условия перехода п.б. в р.б. 144 (см. Причина, переход)
 — дробное (частное) и целое (общее) 126, 129
 — потенциальное (образующееся)
 начала₁ (противоположность начал) 126
 особенности (модусы) 126
 и другие формы бытия 144, 147
 (см. действительное)
 — чистое 129
 — атрибуты 139
 — бессилие 290
 — виды (роды, формы) см. действительное, потенциальное, дробное, чистое
 общие представления о ф.б. 138
 — высшие и темные области 134
 — непостижимость 66
 — неустойчивость (переход б. из формы в форму) 290
 — первая причина 134
 — познание 49
 — потенции 176

- признаки 65
- природа 140
- прочность и вечность 290
- самозарождение 142
- скрытая основа и видимое проявление 100
- стороны (элементы) 134, 359, 365, 411, 646, 647, 649, 650
 - пассивная и деятельная 290, 291
 - соответствующие схемам разума 51, 60, 66, 96, 187, 373
 - находим в каждой вещи 373, 374
 - простой синтез 651
 - и бывающие вещи 359
- учение о сходстве и различии 137
 - есть учение о формах существования 137
- целостность 654
- элементы см. стороны
- и небытие 138 - 140, 142, 148, 149
 - в абсолютном смысле 298, 299
 - превращение б. в абсолютное н. невозможно 176
 - количественные отношения 150
 - господство н. над б. в целесообразности 307
 - тайна самопроизвольного возникновения б. из н. 138 (см. также Пребывание, Существование, Космос, Мир, внешний; см. Идея)
- Ваяние см. Скульптура
- Величие см. Красота
- Величина (величины) 46, 353, 362
 - мнимые 13
 - наименьшая
 - уменьшение 364
 - свойства 365, 366
 - соотношения 365
 - последнего возможного деления (бесконечно малое) 360
 - действия над в. 366
 - недостатки учения о в. 368
 - учение о в. вообще и о в. в их проявлении в природе 366 (см. Алгебра)
 - и способность увеличиваться и уменьшаться 361
 - и форма 355
 - и числа
 - типы: дробные, отрицательные, мнимые и т.д. 365
 - изучение их по схемам разума 364 (см. также Количество; см. Математика, содержание)
- Вера
 - писателей 462
 - насмешка над чужою в. и возвышение себя 468
 - и атеизм 463
- Вечное (неуничтожаемое)
 - и временное (уничтожаемое) 51, 191
- Вещество (вещественное, масса, материя) 66, 151, 153, 169, 171, 173, 183, 215, 216, 221, 223, 230, 381, 383
 - определение 246
 - безжизненное 225 и живое 186
 - движущееся 162, 205
 - материальное 243, 246
 - одухотворенное 373
 - двойкая природа: пассивное и деятельное 388
 - органическое как совершенно пассивное 317
 - оформленное 163
 - физическое

- и человекoвеческий дух 380
- обмен в. в организме 363
- отноше^{ние} к пространству 282
- к другим основным элементам бытия 282
- постоянство количества 243
- и неуничтожимость 251
- природ^ы 391
- происхо^{ждение} 230
- распад^{ение} на первоначальные части 394
- скважн^{ость} 282
- опреде^{ление} 274
- соверш^{еннейшие} формы 194
- строен^{ие} (разумная планомерность в расположении) 248, 314 (см. Сущность, пребывающего)
- учение о свойствах 282
- элемент^ы (частицы) 127, 163, 215, 225, 228, 520
- неизмен^{яемость} и простота 164
- располо^{жение} 164
- мозга 379
- в. в св^{оих} последних формах
- и мысл^ь 363
- и безвещественные формы 225
- и вещи 151, 335, 337
- и дух 240, 336, 381, 387, 390
- и идеи¹ воспр^{изведение} идей в в. 347
- раскры^{тие} в в. идеи жизни 236
- и проц^{есс} 246
- и раст^{ение} 167
- и форм^а 174-176, 179, 180, 242, 243, 246, 248, 615
- в. вн^е ф. не имеет на-
- правления, повсюду однородно, тождественно 311, 312
- и сила 225 (см. Сущность, Умирание)
- и явления вещества 448 (см. Семя, Сила)
- Вещь (вещи, то, что существует) 25, 131, 146, 187, 188, 239, 250, 343, 352, 381, 412, 441
- суть конкретные воплощения целесообразности 312
- каждая в. имеет свою индивидуальную потенцию 184
- как все существующее 591
- как причина другой вещи 326
- как результат генезиса 187, 189, 217, 231
- как самостоятельное бытие 242
- как синтез своих сторон 217, 242
- как синтез сторон бытия 411
- как цель и средство целесообразности 338
- внешние, конкретные (действительные, единичные реальные, отдельно пребывающая) 132, 152, 365, 391, 441
- познание 410
- признаки, природа, свойства и содержание 131
- и идеи 137
- и Космос как целое 614
- искусственно делаемые человеком (сотворенная в., создания духа) 152, 231, 375, 395—397, 399, 409
- суть всегда смешанные вещи 409

- чистейшие (чистые)
 - суть формы 409
 - (см. также смешанные)
- нематериальные 382
- неопределенные 219
- неорганические и органические (см. Природа, царства)
- оформленные 390, 394
- прекрасная (прекрасные) 473
- создание 474
- происшедшая
 - первоначальное и произведенное в п. в. 335
- смешанные 390 - 392, 440
 - и вещество и очертание как неизменно входящее в с. в. из природы и духа 373
 - (см. также Создаваемое)
- существующая
 - потенциальность (потенциальное состояние) 154
 - и реальное 162
- сходные
 - суть как бы копии, воспроизводящие один оригинал, или как бы следы, оставленные в веществе некоторым прототипом 346 (см. Род)
- счисляемые 361
- физические 372
 - и психические
 - учение о природе 235, 250
- атрибуты 163
- бытие см. Сущность
- вещество 152
- вид (роды) 131, 353
 - изменение 163
- видимое разнообразие
 - процесс создания 188
- возникновение (происхождение, образование) 186, 187, 218
- группы (классификация)
 - 183, 349
- конечные формы и последние соотношения 339, 440
- логическое комбинирование 105
- мнимый мир
 - и мнимые отношения между в. 130
- непреходимость некоторых 245
- несамосущность 116
- природа (сущность) 128, 144, 156, 159, 163, 235, 236, 249, 250, 256, 270, 290, 352, 541
 - всегда состоит из вещества и формы (бывает и вещество, и форма) 257, 294
 - лежит в ее составе и в строении (расположении состава) 250
 - как цель и средство целесообразного процесса 335
 - и свойства 248, 282
- причина 159, 163
 - есть она же сама 244
- происхождение см. возникновение
- прототип 346, 349
- различие
 - в продолжительности и постоянстве существования 338
- свойства 7, 144, 156, 159
 - природа 378
- соотношение 340
- состав и строение см. Состав
- стороны: существование, сущность и свойства (см.)
 - происхождение 217
- существование 130
 - (см. также существующая)
- сущность см. природа
- тайна изменяемости 290
- творческий источник 372

- форма 152, 155, 162
- господствующая и при-
входящая 440
- цели 163
- элементы 156
- владение вещью 552
- возможность и умение
сделать в. 552
- необходимое и не необхо-
димое в. 238
- художественный взгляд
на в. 349
- в. для вещи
и для явления 591
- в. одного вида 219
- и дух 375
- смешение
 как результат целесооб-
разной деятельности
 334
- (см. также смешанные)
- и представление в. 132
- и существование 130, 155,
156, 187
- или явления 126, 128, 144,
246, 290, 302, 311, 326,
327, 328, 335—337, 371,
590, 654
- одаренные различными
 сущностями
 взаимная воспроизво-
димость их невозможна
 348
- однородные 301
- разложение
 в ряды 591
 на простейшие элемен-
 ты 593
- цели 339
- единичные 312, 313
- целесообразность 318
- взаимодействие 328
 (см. также Вещи в Космо-
 се, Предмет; см. Идеи)
- Вещи в Космосе (реальные
вещи) 172, 181, 186, 188,
214, 216, 231, 355, 358, 359
- суть все познаваемое 28
- определение 183
- атрибуты 194
- возникновение отдельных
сторон 186
- природа (сущность) 249,
271
- свойства 272, 273, 279
- и (или) явления 359
- изучение 340
- количественная сторона
 358, 371
- природа 369
- сходство и различие 355
- цель 340, 343
 учение о 342
- учение о существовании
158, 163
(см. Генезис, Явления)
- Взаимодействие 274
- Вид (виды)
- необходимо есть в. чего-
нибудь 544
- определение 354
- общий
 как объект понимания 411
- собственно в. 402
- отношение
 к другим в. 354
 (см. Род)
- Вкус и запах
- определение 274
- Влияния
- внешние для духа (в. при-
роды и жизни) 534
- изменяют волю 406
- Внешнее (лежащее в при-
роде, вне находящееся)
403, 449
- и внутри лежащее 614
- Воздаяние 544
- Воздержание (явление воз-
держания) 531
- и аскетизм 519
- Воззрение
- невозможность материа-
листическо-механическо-
го в. на природу 373
- простого народа 576

- и факты 77
- Возможное
- и действительное 488
- Возникновение
- и исчезновение 242
- Война (войны) 595, 600
- Войско (воины) 556, 570
- распадение:
 - регулярная армия и внутренняя стража 571
 - (см. Полководцы)
- Волнения 402
- не суть чистые формы духа 402
- как производящий источник поступков 402
- определение 402
- общие и единичные 534
- и настроения
 - страдательные или злые 520, 534
 - анализ происхождения 534, 535
 - (см. Душа)
- Воля 56, 214, 319, 321, 324, 373, 378, 412, 488, 565
- есть синтез двух противоположных борющихся сил: исходящей из природы человека и исходящей из мира внешнего 407
- есть третья из общих форм, под которою является дух 406
- не есть нечто абсолютно зависимое от внешних условий 407
- не есть нечто абсолютно свободное 407
- первоначально укрепляется пониманием 415
- составляет часть первоначальной человеческой природы 407
- как святая и непрекосновенная и незаконная и подлежащая осуждению 495
- определение 82, 406
- внешняя сознательная 290
- нравственная 469
- человеческая см. Человек
- виды: склонность, стремление, желание, страсть 407
- воспитание (укрепление) и направление посредством учреждений 548, 584, 585
- всемогущество (могущественная в.) 492 и бессилие 495
- избыток 498
- индифферентизм и фанатизм 415
- направление
 - злое 534
 - и напряженность изменение 406, 407
- проявления 433
- свобода 373 или зависимость
 - вопрос о 406, 407
 - отрицание абсолютной 407
- состояния: решительность, колебание, равнодушие 407
- строение 270
- твердость и широта желания 610
- формы
 - по схемам разума 406, 407
- характер
 - объективный и субъективный 437
- цели 373
- элементы: волевое движение, его напряженность (сила напряжения), его объект 406, 407, 433 и состояние 373
- всех 497
- закона 560
- одного 494
- сильнейшего на земле че-

- ловека 494
- стремящегося
- и внешняя для него (лежащая вне его) 305, 560
- и внешний мир 373
- и другие стороны духа 433
- и желание 499
- и понимание
- могущественнейшие 388
- и чувство сострадания 499
- и любовь к чувственным удовольствиям 588
- (см. Влияния, Государство, орган, Зло, Творчество, политическое)
- Воображение 585
- есть самая удивительная из человеческих способностей, источник всего возвышенного и всего низкого 531
- как источник зла и добра 519
- как психический элемент в чувственных наслаждениях 531
- как составной и необходимый элемент всех высших форм человеческого творчества 531
- сильно развитое 592
- человеческое 364
- живость и сила 332
- живые образы 400
- неутомимость 332
- читателя 573
- влияние на в. силою прекрасных образов 330
- и мысль 525, 573
- Вопрос
- основной и первый (основные и первые)
- в учении о мире человеческом 377
- для сознания 413
- общие правила (общая теория) разрешения 97
- и сомнение 123
- Воспитание 529, 515
- высшее 547
- не подготовляя ни к чему частному, подготовляет ко всему 577
- орудие 577
- духовное 585
- косвенное
- в зрелом возрасте
- через общественные и политические учреждения 576
- прямое
- в детском и юношеском возрасте 547
- должно быть религиозным и практическим 576, 577
- его целью должно быть не религиозное знание, но религиозность как настроение 577
- умственное
- косвенное влияние на у.в. литературы и государства 581
- полезность и нравственный характер 543
- система 516
- классическая
- есть формальное в. 577
- всей массы народа
- через литературу 576
- немногих избранных
- через науку 576
- решимости и непреклонности
- как уменья господствовать над окружающими 584
- самообладания
- как уменья господствовать над собою 584
- прерванность каждого впечатления в в. 579, 580
- прерванность психических влияний в в. 547
- и воспитываемые 599

- и дарование 580
- и обучение 578
(см. Воля, Воспитывающие, Закон)
- Воспитывающие (воспитатель) 330
- способны обучить, но не способны повлиять 578
- недостаточность умственного и нравственного развития 578
- убеждения 578
(см. Воспитывающиеся)
- Воспитывающиеся (воспитываемые)
- душа 579, 580
- и воспитывающие формализм отношений 578
- Восприятие 352
- Восстание (восстания) 562
- народные 538
- Восторженность
- и религиозность 405
- и аскетизм 404
- Впечатления (внешние импульсы) 17, 34, 42, 43, 330, 351, 353, 354, 476
- внешние (в. внешнего мира) 39, 43, 56, 57, 61, 89
как возбуждение для творческой деятельности 474
- первое (первые) 38 - 41, 62
- тождественные 347
- чувственные 63, 281
и чувственные представления 32
и идеи 60
- и представление 353
(см. Различие)
- Временное (временно существующее, временная сторона явлений)
- как объект (предмет) простого (ненаучного) знания 9, 10
- и местное 594
- и постоянное 12, 81
в вещах 238
- Время (времена) 15, 58, 59, 126, 195, 240, 291, 359, 399, 544, 596
- есть координата изменения, условие мирового генезиса и мера процесса генезиса 187, 235, 254
- однородно и не имеет формы 366
- как начало, в котором движется всякий генезис 233
- определение 233
- древнее 404
- настоящее 212
- спокойные и счастливые 432
- чистое 369
- вечность (вечная течучесть, нескончаемость) 235, 256, 277, 366
- исчезновение из движения 358
- моменты 290
- неопределенные промежутки 386
- нескончаемость см. вечность
- элементы тождество 233
- недостаток учения о в. 358
- преемственность во в. 194, 452
- и изменение 235
- и существование 235
(см. также Настоящее; см. Пространство)
- Вселенная
- ложные представления о 513
(см. также Космос)
- Всепонимание 42
- есть конечная форма науки 546, 550
(см. также Понимание)
- Выбор

- свободный 595
- выводы (вывод) 92, 94, 105, 106, 117
- индуктивный 593
- логический
- доказательная сила 400
- высокое
- и низкое 531
- гармония
- частей мира 290
- г. в природе и в жизни 124
- и закономерность в природе
- как следствие причинности 285
- и порядок 245
- генезис (процесс генетический, изменения, развитие в бытии) 190, 205, 214, 216, 218, 219, 221, 231, 233
- есть причинное соединение (синтез) его элементов (изменений) 192, 195, 224
- в г. нет ничего случайного 195
- в г. нет ничего сверх необходимого 195
- г. не имеет настоящего 254
- как процесс или явление 231
- определение 255
- мировой (г. мира, Космоса, учение о г. К.)
- источник (причина) 302
- и происхождение 232
- конечная форма 232, 233
- основной атрибут — общая закономерность 232
- строение, направление и общий тип 233
- элементы 232, 233
- родовой 230
- и индивидуальный 186, 230
- атрибуты 194 - 196
- виды:
- явления и процессы 192
- изменения сосуществующие и преемственные 219
- идея 232
- исчезновение и существование 212
- общая теория 196, 216, 227
- и отдельные учения 188
- начало (начальный момент)
- не имеет реальной формы существования 212
- и предел 190
- признаки присутствия 195
- причины 229
- продолжительность процесса 189
- происхождение 189, 204
- свойства 185
- следствия (конечные формы) 216
- сущность 190
- есть смена существований 233
- учение о 185, 190
- сходство и различие 219
- формы (формы и типы, виды) 219, 221, 227
- и формы возникающих вещей 186
- (см. также Процессы, неопределенные и определенные)
- элементы (начала) 190, 191, 195, 204, 221 - 224
- (см. также Начала, противоположные)
- вещей (предметов и явлений) в Космосе 227, 232
- и самого Космоса 196
- Космоса как целого 187
- народа
- как живого существа, развивающегося в политической форме 438
- языка, нравов, экономи-

- ческих отношений 409
 — и сменяемость видов бытия и причинность 289 (см. также Развитие)
 Геометрия 101, 105, 106, 112, 172, 360
 — есть наука о протяженности 106
 — есть учение о формах пространства 359, 366, 367
 — как образец законченной науки 367
 — аналитическая 368
 — развитие (историческое развитие)
 фазисы 358, 367, 368
 — содержание и предмет 367
 — теоремы и аксиомы 637
 — идеи в г. 86 (см. также Пангеометрия; см. Понятия, чистые, Фигура, Форма)
 Гипотеза (гипотетичность) 109
 Гнев (чувство гнева) 361, 381, 406
 — или тщеславия 628
 Горение 195
 Горести
 — и печали 448
 — и радости 448
 Государственность 391
 — как форма, определяющая жизнь народов 395
 Государство (государства, устройство государственное, государь) 50, 302, 312, 373, 375, 389, 418, 422, 434, 475, 499, 516, 527, 581, 583, 598, 651, 652
 — есть идеи, чувств и стремления и основанная на них деятельность, которые не индивидуальны по происхождению, по цели и по форме 557
 — есть не то же, что система установленного в народе и стране верховною властью, но только нечто установившееся в них 556
 — есть произведение формы жизни, прошедшей через волю 440
 — не есть система законов и учреждений 546
 — осуществляется в учреждениях 496
 — разрушается, когда от него отделяется политическая форма 394
 — существует для осуществления пользы 326
 — тем прочнее, чем медленнее происходит в нем развитие 561
 — является выразителем идеи блага 569
 — как политическая форма совершенства 391
 — как политический организм
 свойства и цель 276
 — как система психических состояний соотносительных и неприродных 547
 — определение
 истинное 554
 первое 546, 559, 560
 второе 547, 560, 561
 третье 547
 — бессознательное (живущее бессознательной жизнью)
 внутренние формы 351
 и чуждая ему цель 338
 — возникающее см. возникновение
 — древние 339
 — дурно устроенное 529
 — европейское 556
 — маленькие и развитые (старинное и сложное)
 тайная жизнь и борьба 562
 единство граждан и их привязанность к стране

- в м. г. 598
- образование 562
- и обширные 598
- и простое (зачаточное и первобытное) 558, 563
- могущественные и обширные 498
- наше 468
- основанное не на договоре враждующих сторон, но на доверчивости всех к человеческому достоинству 572
- правильное 389
- римское 339, 564
- сложившееся в истории и понимание 554
- сложное см. маленькие
- совершеннейшее 544
- современные 586
- централизованное и децентрализованное 600
- цивилизованное и нецивилизованное 599
- благоденствие 471
- влияние
 - на науку и литературу должно быть направлено не на цели, а на средства 548
- возникновение (образование, происхождение, возникающее г., зародыши г.) 553, 556, 562
- внешние причины (условия) 561
- и развитие и умирание 547, 561
- вопрос о конечном и наилучшем устройении 586
- деятельность
 - отрицательная 582
 - смешанная 597
- жизненность 288
- изменение (изменения в г.)
 - есть процесс естественный 598
 - целесообразные 598
- виды. растяжение, удвоение, распадание 596 - 599
 - и виды зла 599
- польза 598
 - (см. также развитие)
- исчезновение 599
- начало существования 560
- неспособность к непосредственным творческим актам, создающим благо 547
- область
 - есть массовое отношение людей к людям 497
- орган (органы) 351, 572, 586, 598, 599
 - государь, армия, судьи и пр. 563, 564
 - возникают для осуществления некоторого добра 699
- целесообразны 568
- понятие о "г.о.", его определение 547, 568, 569, 570
- развитие (генезис учреждений) 438
- общая теория и частные учения об о.г. 586, 587
- борющийся против зла бедности
 - распадение на о., способствующий увеличению средств и способствующий более правильному их распределению (о., обеспечивающие благосостояние) 435, 547, 574, 575
 - отношение его к науке 580, 581
- воспитывающий умственные силы народа 576
- единичные 586, 587
- осуществляющий благо в области воли 548, 584, 585

- осуществляющий благо
справедливости (в обла-
сти справедливости) 548,
583, 584
- осуществляющий нравст-
венное благо 548, 582, 583
- охраняющие безопас-
ность 351, 435, 570, 571
- охраняющий религию
и способствующий осу-
ществлению ее стремле-
ний 548, 585, 586
- охраняющий чистоту
нравственной жизни 547,
575, 576
- регулирующие порядок
435
- способствующий умень-
шению физического зла
в природе человека 547,
572-574, 585
- деятельность 569
и общая цель 598, 599
- повторяемость 569
- удвоение 598
- конечной политической
формы (идеального госу-
дарства)
и виды блага 547, 548
- особенности: повинове-
ние, единство действия,
безличность отношений
и деятельность для блага
чуждых человеческих
масс и отдаленных поко-
лений 547, 560
- отношения
первобытные и наивные
556
(см (Со)отношения)
- план устройства
в уме политика 334
- политическая зависи-
мость 421
- политическая система
современная 600
- покровительство
умственным и художест-
венным произведениям
(искусству) 528, 581, 585
не целям, а средствам 582
- природа (сущность), 546,
553, 555, 568
- развитие (государствен-
ное развитие, процесс
развития, генезис) 434-
438, 596, 597
- возможное и мыслимое
и действительное 571
- естественное (естествен-
ные процессы в г.) 588, 598
ложное учение о естест-
венном р. г. из семьи
561
- и воля и чувство состра-
дания 588
- и любовь к чувственным
удовольствиям 588
- историческое (история г.,
усложнение формы г.) 570
- и процветание и могущес-
тво 563
(см. также изменение; см.
Благо, общее понятие)
- разрушение (распадение г.
на органы) см. развитие
- совершенствование 571
- строение (устройство)
287, 586
- умирание (процесс естест-
венного умирания)
есть процесс разложения
психических соотношений
562, 563
- формы 554, 555, 586
суть идеи должных отно-
шений между людьми 382
наружные и скрытые 562
неразвитые 553
конечная (общая конеч-
ная, естественная конеч-
ная, последняя) 596, 588
как идеал 571
учение о 586, 587
(см. также цель, Фор-
мы, политические)

- цель 572
есть осуществление блага (произведение добра) 568 (см. Благо, Идея, блага)
- части 554, 557, 561
- элементы: идеи, чувства, стремления и деятельность, не личные по происхождению, по цели и по форме 546, 547, 596, 597, 598
управляющий и управляемый 570 (см. (Со)отношения, психические)
- власть лучших в г. 610
- действительный переворот в г. 559
- деления в г. 560
- общность интересов и жизни в г. 600
- отношения и цели в г. 556
- и новые исследования 555
- и ослабление творческого духа 555
- и подданные 529, 556, 558, 559
- и понимание 515
- и страна 559
и народ и человечество как сфера проявления и вещество 544 (см. также Общество, Племя; см. Жизнь, Понятие, Целесообразность, и причинность)
- Готика 445
- Гражданин 339 (граждане) 600
- малочисленность и теснота границ 600
- и чиновник 424
- Грамматика 554
- Греки 26, 27, 288, 448
- Грех
— первый 485
- Грусть 414, 513
- и радость 418, 449
- Гуманность (германское просвещение) 595
- Дар
— наблюдения и любовь к жизни и к самому человеку 461, 462
- Дарование
— поэтическое 419
- Движение (движения, движущееся) 107, 111, 136, 168, 187, 282, 302, 352, 380
— есть или соединение, или разъединение 347
— есть соединение пространства и времени 246, 247, 369, 370, 371, 411 (см. Механика)
— производится теплотой (д., произведенное теплотой) 348, 354
— сумма д. в природе не изменяется 243
— как космическая сила природы
сущность, свойство и законы 22
— как элемент всякого изменения 334
— определение 368
— молекулярное (д. молекул, элементов) 18, 19, 21, 24, 191
форма, величина и законы 22
— нормальное 370, 371
— поступательное 340
— прямолинейное 350
— произведенное другим движением 354
— психическое (д. человеческого духа) 18
— разумное 333
— религиозное 413, 429
— целесообразное (целесообразно направленное) 305, 331, 340
есть цель производящих

- причин и производимых действий 336
 не строго причинное 336
 изменение 358
 начало и конец 247
 свойства
 суть отношения к соединенному пространству и времени 379
 скорость (ускорение) и уменьшение времени (с уменьшением времени) 358, 370
 сочетание 334
 элемент (элементы) 247, 358
 взаимное отношение 369
 зависимость д. от изменения э. 369
 вещества 23
 духом 381
 небесных светил 193, 200
 д. в искусственных механизмах и живых организмах 289
 д. вообще
 и тепловые явления 22
 и покой (неподвижное) 191, 205, 327
 и толчок 291
 и явление 338
 и процессы 335
 (см. Закон)
 движущее (движитель)
 и движимое (движимый) 210, 230, 347, 411
 (см. также Жизненность)
 ворянство 541
 дедукция (дедуктивное мышление)
 и индукция (индуктивное мышление) 109
 (см. также Логика, Аристотеля)
 действие
 — есть как бы овеществленная внешним объектом напряженность 207
 — есть осуществленное стремление и удовлетворенная напряженность 207
 — свобода 585
 — возвратное процесса на дух, в котором он совершается, и на объективный дух, воспринимающий процесс 499
 — человеческое 327
 — единство 560
 — напряжение 329
 — продолжительность 329
 — личности 496
 — силы на тело 191
 — и действующее 329
 (см. Сила, Теплота)
 Действительность (действительное) 155, 333, 391, 476
 — как объект понимания 653
 — как случайно наблюдаемое и внутренне необходимое 596
 — существующая 590
 — изображение (отображение) в искусстве 475
 — созерцание (наблюдение) 475
 — возможного 154
 — д. в настоящем 154
 — и цель 589, 590
 (см. Предчувствие)
 Дела
 — личные 559
 — человеческие 561
 Демократия 572
 Деспотия
 — негритянская 568
 Деятели
 — исторические цели 342
 Деятельность 30, 267
 — внешняя 25
 — государственная (д. государства, д. органа государства) 548

- есть д. не индивидуальная (не личная) по происхождению, форме и цели 564
 как составная часть (элемент) государства 564
 целесообразная 309
 источник 547
 непрерывность во времени, повторяемость в пространстве 547
 проявления 564
 сущность 547
 форма, или процесс 547
 цели 547
 и частная (индивидуальная) 563 - 565, 573
 — направленная к приобретению богатства
 есть вызванная и не необходимая 625
 — нравственная
 есть обнаружение нравственного чувства в отношении к людям 421
 — общественная 580
 — одноцельная
 и модус 236
 отношение о. д. к модусу (единичной форме д.)
 есть отношение понятия к представлению 266
 — политическая 495, 575
 есть наиболее нравственная 543
 как наиболее важное проявление воли 433
 — практическая 25
 — теоретическая 25
 — свободная, самоопределяющая 585
 — свободно-необходимая 634
 — умственная (д. разума) 48, 416, 419, 653
 раздвоение 6
 цель 7
 — целесообразная (д. в соответствии с целесообразностью, сознательная) 17, 295, 304, 305, 314, 325, 341
 есть д. человека как разумного существа 306
 есть понятие 266
 границы 310
 модусы 236, 266
 разложение понятия
 ц. д. на представления модусов ее 267
 — человеческая (д. человека) 113, 555
 роды (виды) 564
 произвольная и необходимая 617
 объекты 617
 сфера 309
 цель и средство в ч. д. 309 (см. Счастье)
 — виды 543
 — задачи и моменты 435
 — и пассивность 455
 — и результаты
 индивидуальные
 не образуют государства 546
 (см. также Государство)
 Диалектика
 — и вера и чувство 515
 Диамagnetизм 384
 Дисциплина 597
 Дифференции см. Отличия, видовые
 Добродетель
 — как цель нравственности 440
 — и мудрость (стойки) 595
 Добро (доброе, явления добра, благо, хорошее) 343, 632
 — есть то, что исключает страдание, как действительное, так и возможное 522
 — как последняя цель всего 388
 — высочайшее (выдающееся)

величайшее (выдающее-
я) зло 420
их связь есть непонят-
ный по своей цели, но
несомненный закон 537
нравственное 576
положительное
как отсутствие страдания
526
производимое бедностью
и болезненной жаждой
религиозного 527
противоположное избыт-
ку и недостатку
и удовольствие как обла-
дание необходимым 530
противоположное чувст-
венности 531
виды:
производимые богат-
ством и бедностью 528
сферы проявления 544
кажда
и понимание его 488
идея 89
внутреннее самораскры-
тие 90
сущность 544
и зло (дурное, явления
зла) 50, 76, 86, 123, 124,
270, 352, 372, 375, 441, 469,
500, 519-521, 525, 530,
536, 541, 582, 595, 599, 614
как целое 544, 545
определение (понятие о)
550
временное (предвари-
тельное) 519, 522
виды 520-530, 545, 568,
592, 596
физическое и психичес-
кое (духовное) 519, 526,
523
частные формы 544
производимые богат-
ством и бедностью 528
и проявления
предварительное изу-

чение 519
невозможность про-
явления некоторых
видов д. иначе, как
через з. 542
необходимое следование
з. из видов д. 542
общая теория (изучение д.
и з. по схемам разума)
520, 545
неопределенность общих
представлений о д. и з.
545
учение (наука) о д. и з.
375, 544, 651
д. и з. в достижении
и в достигаемом 520
д. и з. в жизни и ее фор-
мах 538, 539
д. и з. в объектах жизнен-
ных форм 520
д. и з. в совершении 520
д. и з. в человеке и вне
его 584
и страдание 519
— и наслаждение 522
(см. Стремление)
Доброта 379
— определение 421
(см. Нравственность, ис-
точник)
Довод (доводы)
— справедливые 582
— д. с безусловным значени-
ем 400
Догма
— религиозная 531
Доказательства (доказатель-
ство) 108, 208
— сложное
общая связь 400
общий вывод из 400
— строгое
присутствия или отсутст-
вия целесообразности 313
— природа 382
(см. Связь, причинная,
Существование, действи-

- тельность)
 Доктора 573
 Должное
 — есть цель творчества 375
 — пути к д.(средства и пути к д.) 372, 375, 589
 учение о 614
 Досуг 530, 639
 — или желание 526
 Достигнутое
 — и конечные формы 612
 Достоверность
 — безусловная 104
 Достаток 570
 Драматизм
 — заключается в борьбе между типами и характером 455
 Древность 397, 400
 Древняя Греция 417
 Древняя Спарта 555
 Дурное см. Зло
 Дух (душа, духовное, нематериальное, начало психическое) 186, 209, 215, 216, 228, 230, 309, 332, 347, 356, 377, 391, 400, 405, 415, 477, 593, 606
 — есть все ограничивающее и определяющее 392, 393
 — есть источник форм (определяющее начало) 395, 409
 — есть по преимуществу жизнь 449
 — есть общая форма (форма форм, вообще форма, чистая форма) 373, 393, 394, 409, 462
 всех единичных исходящих из него форм 392
 — есть творческий источник политических форм и форм прекрасного 375
 — д. в целом есть движущая сила всей истории 611
 — не есть только свойство организма 379
 — нет способа (модуса) исчезновения д. 393, 394
 — как вечно совершенствующаяся и вечно стремящаяся форма 344
 — как источник жизни 372
 мира исходящих вещей 389
 неразрушимых вещей 373
 — как отправление мозга 385
 — как самостоятельное (нематериальное) существо 372, 373, 382, 384, 572
 отрицание 387, 388
 — как самостоятельный источник мышления (явлений мышления), чувства, воли 376, 377
 — как средоточие мира человеческого 392
 — как творческий деятель (источник) 389, 399
 — выражаемый в языке 451
 — совершенный 488
 — сознающий иллюзии 130
 — субъективный 340, 378, 390, 651
 — человеческий (д. человека) 98, 391, 430, 445, 652
 как источник жизни 376
 как источник мира человеческого 374
 как творческий источник нового порядка вещей 372, 649
 полярность: способность совмещать в себе одновременно противоположное 467
 учение о ч. д. как понимание см. Схемы разума
 и вещи физического мира 372
 — беспокойство

- присуще композитору 449
- воля 375
- гармония 432
- жизненность 34
- жизнь см. Музыка
- изыскания (исследования) 624
- как истинный двигатель науки 623
- нематериальность (невещественность) 380, 392
- обнаружение д. во внешнем (в жизни) 462
- особенности 392
- отношения д. к различному и однородному 535
- подвижник 532
- потенциалы 473
- природа и свойства 382, 389
- происхождение 230
- самоуглубление 413
- создания (произведения, творения д., сотворенное духом) 231, 397, 399 (см. Вещи, искусственно делаемые)
- состояния
 - общие и вечные 417, 418
 - и свойства необходимые для образования наука 641
- способность
 - производить неопределенное число раз одну и ту же форму 373
 - творить разнообразные формы 373
- стороны 433, 537, 538, 610
- внешние и внутренние 437
- строение 376
- схемы 388
- творческая деятельность 375, 389
- форма (формы) 410, 449
- внутренняя
 - и предметы внешнего мира 474
 - воплощаемые во внешнем мире 462
 - единичные: идеи, чувства, стремления (разум, чувство, воля) 231
 - суть внутренние причины (истинные двигатели) отдельных исторических процессов 610
 - познающая (разум) 401
 - природа 505
 - существования 376
 - процесс в ф.д. 505
 - и вещество 399
 - и предмет 441 (см. Низкое, и высокое)
 - части 395, 462
 - элементы
 - соотношения между 610
 - бескорыстного сомнения 639
 - изыскания 638
 - растения 463
 - художника (художника-психолога) 382, 383
 - распавшийся на свои формы 400, 462, 463, 467
 - вопрос о бессмертии д. 393, 396, 398
 - явления в д.
 - совершаются во времени (пребывают в одном времени) 395, 449
 - последовательность 270
 - д. в самом себе 373
 - и вещество (материя, материальное) 251, 374, 382, 440, 455, 492
 - как два самостоятельные (отдельные) и противоположные начала 388, 389
 - и внешние объекты 406
 - и жизнь 552
 - как производящее и произведенное 214 (см. История)
 - и природа 443
 - и существование 254

- и тело (плоть) 344, 378, 379, 383, 385, 455, 487, 525, 531, 532
- связь между д. и т. 382
- существование д. по разрушению тела 373
- (см. Влияния, Волнения, Движение, психическое и др.)
- Душа (души) 123, 158, 417, 535, 578
- великие 532
- человеческая 446, 473, 594
- не чужда совершенно религиозного чувства 431
- способна и склонна к восприятию религиозной концепции 432
- и жизнь 462
- волнения 535
- больные стороны 449
- нравственная сторона 535
- потребности 513
- состояния 121, 122
- чистота (чистые д.) 532, 613
- обыкновенных людей 538
- сильных людей 532
- (см. также Дух; см. Образ)
- Евреи 288
- (см. Чувство, религиозное)
- Европейцы 27
- Единичное (отдельное, одно, частное, конкретное, единичный случай) 651
- и многое (множество, различное) 345, 499, 550, 589, 597
- (см. Сходство)
- и неконкретное 132
- и общее (все, целое) 60, 124, 126, 128, 155, 234, 301, 452, 487, 614, 626, 650
- ч. есть только подготовка о. 545
- выведение ч. из о. 400
- познание о. и ч. по схемам разума 411
- и объективное 520
- и строго определенное 654
- и частное 377
- (см. также Простое; см. Сущность)
- Единица (единицы) 46-48, 360, 362
- Единое
- и различное 62
- Единство
- и разнообразное (разнообразии) 350, 351, 594
- е. в разнообразии 593
- разнообразии в е. 301
- и тождество 21
- Естествознание 28
- Желание (хотение, желания) 25, 132, 158, 180, 270, 332, 361, 381, 383, 520, 522, 555, 573, 638
- безотчетное
- и сознательное убеждение 637
- источники: первоизданная и измененная природа человека 373
- неудовлетворенность 406
- сила 332
- могущества 626
- и убеждение см. Стремление
- и нежелание (апатия) 537
- (см. Воля, виды, Чувство)
- Живое
- и не живое (неодушевленное) 539, 540
- Живопись 448, 452, 473, 531
- есть образное выражение чувств при помощи плоскости 445
- это искусство падшего человека, обреченного на труд и на страдания и уже почувствовавшего их 447

- испанская 404
 итальянская 404
 фламандская 404
 неизменный предмет
 человек как 447
 природа (сущность) 439
 и назначение (цель, задача) 477
 произведение см. Изображение, Образ, в душе художника
 значение рисунка в ж. 445
 элементы (плоскость, линия и контур, перспектива, тень и краски) 439, 444 - 446
 мера (число) в ж. 479, 480
 образ в ж. 445
 чувство (мир личных ч.) в ж. 439, 448, 452
 (см. Чувство, выражение)
 ж. в средние века 475
 и другие образные искусства 445, 446
 и скульптура 477
 (см. Идеал)
 животное (животные организмы) 219, 221, 350, 555
 образование 220, 241
 потенциальность форм существования 170
 прототип 265
 (см. также Мир, животный; см. Растение)
 изначность 53
 как начало деятельности, движущее 178
 жизнь (явления жизни) 25, 29, 91, 76, 77, 79, 91, 123, 158, 173, 186, 214, 260, 236, 323, 324, 404, 413, 453, 475, 552, 593, 603, 625, 632, 636
 есть обнаружение (проявление, выполнение) целесообразности в явлениях 258, 260, 261
 есть синтез творчества, с одной стороны, зако-
 нов, явлений добра и зла и целесообразности с другой 602
 — суть все, исходящее из духа и получающее после акта творчества свое особое, самостоятельное существование 376
 — слагается из явлений причинной связи 625
 — понятие о 235
 — как стремление возможного к действительному и действительная 488
 — безболезненная 525
 — внутренняя
 высокие радости
 и внешние удовольствия 533
 — воздержанная и скромная 542
 — государственная см. политическая
 — узлы и центры 569
 — древнеримская 512
 — земная 595
 — истинная 325
 — историческая 431 - 433, 444, 562, 610
 наружная сторона 608
 периоды спокойной 331
 происхождение 230
 и поэтические произведения 455
 (см. также История)
 — нравственная 18, 501
 (см. Государство, орган)
 — общественная 625
 формы 418
 и личная 91
 — обычная (обыденная, ж. обыкновенных людей) 402, 642
 — органическая
 причина развития 236
 — переполненная страданиями и страхом 536
 — политическая 18, 350, 501,

- 562
 усложнение 609, 610
 и племенная 626
 и связь
 ослабеваает по мере возрастания числа органов в государстве и оживления ж. и с. в них 564
- продолжительная и чуждая физических страданий (ж. духом и в духе) 525 (см. также Аскетизм, истинный)
- прошедшая (отошедшая) достоинство и наследие 613
 память о 613
- религиозная 18, 495
 исполнена внутренней радости и тверда против бедствий 494
 достоинство 440
- умственная 18, 24, 501
- художественная 18
- человеческая 209, 538
 личная, общественная и политическая 624
 интересы 325
- высший и последний момент 176
- непосредственность 530
- неразрешимая загадка 300
- нравственные вопросы 642
- общие условия 489
- образ 516
- поприща 580
- преобразование (изменение) 602
 пониманием 415
- различающее начало (различение) в ж. 455
- разложение и созидание 415
- разнообразие (разнообразие и контрасты) 413, 453
 и разнообразие и глубина духовной ж. 461 - 462
- роды ж., присущие неимущим 526
- суэта текущей 525
- существование 325
- типические черты см. Формы
- тожество 455
 с собою самой 455
- условия 626
 изменение 599
- утонченность и регулярность 437
- формы (жизненные формы, стороны, элементы, черты) 230, 376, 392, 405, 439, 440, 454, 484, 500, 520, 610
 исшедшая из разума — наука, исшедшие из чувств — искусство, нравственность, право, религия; исшедшая через волю — государство 440, 441
- конечные (цели) 595, 589
 общественные и политические 418
- происхождение 302
- усложнение
 и психическая энергия индивидуумов 288
- элементы см. формы
- явления 88, 235, 440
- духа 27
- подчиненного и равного 422
- природы
 в отдаленные эпохи 288
- воля к ж. 8
- новое и разнообразное в ж. 415
- ж. вне религии
 исполнена страдания и неверна относительно всего хорошего 494
- ж. в организмах 215
- правильное отношение к ж. 82

- пресыщение жизнью 439
- и ее проявления 426
- и смерть 147
(см. Дух, Народ, Человечество и др.)
- Заблуждение** (заблуждения, ложное знание) 9, 314, 552, 615
- это фантом, призрак ума 533
- частные 76
- источник 295
- и истина 76
- и незнание 533
- и опасности 643
- Заведения**
- учебные
- духовные 577
- классические 578
- Зависимость**
- национальная
- слабейшего народа (слова) от сильнейшего 412
- экономическая
- неимущих и должников от кредиторов и богатых 422
- побежденного от победившего 412
- Зависть** 386
- к лучшему 546
- Закон** (законы) 12, 336, 424, 607, 609, 616, 629, 635
- есть один из основных элементов бытия 282
- есть постоянное (вечное) и необходимое (неизменное) соотношение между чем-либо (между элементами изменения) (з. как соотношение) 199, 202, 375, 501, 614
- не имеет существования, отдельного от явлений и процессов 197
- как источник (причина)
- закономерности (закономерности генезиса) 185, 189
- как неизменный порядок в космосе 184
- как произведение человеческого духа 197
- как регулирующее начало в природе 197
- как средство достижения цели 338
- как целое
- и его части 499, 501
- как элемент изменения 185
- определение 201, 499, 593
- верховный 203, 232
- мнимый 109, 212 (см. Причина, и следствие, Силы)
- общий (основной, всеобщие, основные, первичные по происхождению) 186, 299, 590
- и частные (производные) 185, 203
- отдельные 222
- постоянные и необходимые 505
- узнанные и понятия
- сравнительное изучение 203
- группы см. классификация
- действие 200
- неразрушимое и нечувствительное 499
- достоверность 105
- искание
- как напрасный труд 504
- источник 201, 202
- классификация 185, 186
- назначение 185, 202
- непреодолимое влияние 504
- общая теория (общее учение о з.) 196, 201
- и частные учения (учения об отдельных з.) 499,

- 500, 505
- общее правило (з. законов) 203
- объект действия 200
- отношение з. к самому себе 501
- природа (сущность) 185, 199, 200, 212, 501, 504
- причина
 - или происхождение 185, 201, 202, 504
 - по времени предшествует и по могуществу превосходит всякий дух, всякий процесс в и всякую творимую им форму 505
- роды и виды 505
- свойства 185
 - ненарушимость, вечная деятельность, неуничтожимость 201
 - и неразделяемость 501
- совершенство 496
- соотношение з. между собой 203
- стороны 501, 504
- существование (форма существования) 197-200, 501
- сфера действия 203, 505
- сходство и различие в з. (типы з.) 184, 505
- взаимного влияния форм творчества 514
- взаимного притяжения вещей 202
- влияний среды 331
- возвратного действия творчества на творящий дух 515
- всемирного тяготения (з. тяготения) 197, 200, 283
- всеобщей связи (сцепления) причины со следствием см. Причина, и следствие
- движения (простого движения) 11, 18, 221, 222
- духа
 - определение 505
 - виды 499, 505-508
 - и жизни 602
- воспитания человека и человечества 515
- жизни 505
 - виды 500, 516-518
- изменения 201
- исторического процесса (истории) 611
- количественного соотношения между членами целесообразности 305
- механики (механического соотношения) 262, 336, 374
- нераспределенности потенциальности в несовершенных существах (верховный космический з.) 165, 166
- общественной жизни 592
- отражения 135
- познания 505
- политических форм 375
- политической экономии 611
- постепенного ослабления энергии причины как деятеля по мере удаления и дробления ее следствий 285
- постоянства сил и их безразличия в отношении к массе 166
- природы 169
- прогрессивного возрастания и уменьшения чисел между частями в архитектуре 479
- процесса понимания 499
- развития государства 499, 514
- развития нравственности и нравственных учений 499, 512
- развития осложненных

- форм творчества 514
- развития права 499
- развития религиозного процесса 499, 512
- синтеза процессов 499, 514
- синтеза элементов соединения 200
- (слепой) причинности 322
- исключение 489
- соотношений 272
- сохранения существования в природе 285
- творения (творчества, творческих процессов, художественного процесса) 505
- виды: з. процесса и з. синтеза процессов 499, 508, 509
- тождества между природою причины и природою следствия 372, 381
- тождества между явным смыслом содержания и между тайным смыслом формы в поэзии 450
- тождества функционирования в органическом мире 386
- физики и химии (физические и химические з.) 263
- и силы 262
- целостности законов 501
- з. в Мировом человеческом роде и виды 499
- з. об отделении на фабриках мужчин от женщин 542
- и о недопущении на них работы малолетних 542, 543
- з. о происхождении человеческих знаний 35
- з. о смене форм правления 514
- отношение человека к з. 199
- учение о з. 375
- и закономерность (закономерные явления) 185, 197, 200
- и его исполнитель в развитии государстве 325
- и изменение 198
- и повиновение 558
- и правила 514
- и силы 375
- механические (природы механической) 222, 263
- первичные и производные 222
- простые и сложные 222
- сфера проявления (распространения) 223
- и учреждения
- суть то, без чего не обойтись государству, но что не есть самое государство 556
- (см. Закономерность, (Со)отношение, между формами, Учение)
- Законодательство 583
- несистематизированное 400
- усовершенствование и увеличение исторической опытности у народа 425
- систематичность 400
- (см. также Право)
- Закономерность (явления закономерности, порядок изменения)
- как вечная и необходимая правильность в совершающемся 197
- понимание
- сводится к пониманию закона и его действия 196
- строение 203
- сходство и различие в з.
- определение
- должно основываться на сравнительном изучении законов 202

- цель — классификация законов природы 202
- Защита**
— дурная и хорошее опровержение 582
- Звук (звуки)** 20, 58, 59, 302, 391, 449
— преемственно сменяющиеся 416
- Здравый смысл** 156
- Земледельцы** 421, 422, 424
- Зло (злоба, дурное, явления зла)** 386, 456, 553, 578, 589
— есть все, что явно или скрыто включает в себе страдание 522
— неуничтожимо 599
— как положительное и сильное наслаждение (чувственное удовольствие) 526
— как следствие естественного развития государства 598
— внешнее и внутреннее 423
— естественное 596
пути искусственного ослабления 599
— нравственное (з. в области нравственного чувства) 520, 526
особенный источник и первоисточник 536
формы: ложь и ненависть 536
— политическое 527
— психическое 519
— религиозное 526
— умственное 526, 533, 534
формы: незнание, ложное знание и задерживание в стремлении к знанию 519, 533
— физическое (лежащее в физической природе человека, з. в области чувства) 534, 547, 572
- виды (формы): болезнь, слабость и смерть 519, 523 - 525
и следствия 519
космический характер и неуничтожимость 523
область проявления: влечения и настроения 519 (см. Государство, орган)
— частное 76
— виды 530, 534
— природа 76
— причина 423, 526
первая 484
— происхождение 528
— способы уничтожить 76
— бедности 547
— чувственных наслаждений 519
— з. в области воли 527
формы (виды) 520, 537 (см. Нежелание)
— з. в области самого духа см. умственное
— з. в области справедливости (чувства справедливости) 520, 527
происхождение и исчезновение 537
— з. в области чувства см. физическое
— и заблуждение 76, 77
— и самообман источник 526 (см. Бедность, Добро, Ложь, Непонимание и др.)
- Знаки**
— письменные и словесные 397
- Знание (знания, познание)** 20, 32, 40, 65, 67, 275, 492, 514, 544, 646, 648
— как врожденное 109
— как целое 5
— определение 16
— внешние (случайные и эмпирические) 116

- временные и вечные 12
- истинные (достоверное з., истинность з.) 31, 34
- определение 13
- и всеобщее 109
- и ложные 278, 541
- определение 12
- ложное (ложность з.) см. Заблуждения
- и незнание 519
- научное
- и навыки художественные и ремесленные 558 (см. также Наука)
- ненаучное 11
- ничего не объясняющее 413
- новые
- содержание 620
- приобретение 648
- и старые 68
- опытное 35
- полное и частичное 604
- предопытные (предварительное) 35, 442
- приобретенные 512
- истинность или ложность 648
- простые 33, 114, 648
- условия введения простых з. в науку 27 - 30
- религиозное 577
- твердое и спокойное 618
- точное 130
- и непреложное (несомненное) 41, 55
- фактическое 348
- человеческие
- несовершенство и неполнота (недостаточность) 109, 520
- совокупность 15
- чистое 14
- недостоверность 130
- объект (предмет) 16, 23, 24, 35, 123
- тождество (соответствие) и различие з. и его пред-
мета 12, 13
- признаки (критериумы) 23, 24
- приобретение 28
- условия (способы) 9, 27
- природа 9, 26, 27
- разделение
- на науку и философию 8
- свойства 13
- беспокойство от неуверенности в з. 441
- недостаток средств к з. и препятствия приобретать з. 534
- различие между отдельными з. 9, 26
- з. о предметах (чувственные з.)
- и самые предметы 278
- и наука 28
- и понимание 17 - 21
- различие 24
- по природе и происхождению 14
- в развитии 14, 15
- и предусмотрительность и воля 523 (см. Астрономия и пр., Состояние)
- Зоология 104
- Зрение 16, 18, 22, 347
- и образ 448
- и осязание 398
- Идеал (идеалы) 82
- истинные 388
- жизни и человека 408
- есть сведение до *minimum*'а физической жизни 423
- и. для живописи и скульптуры 481
- и его отрицание 350 (см. также Образец; см. Искусство, Красота, прототип)
- Идеализм (идеалисты) 384, 388, 389

- Идея (идеи) 42, 53, 57, 59, 70, 133, 148, 158, 180, 182, 208, 214, 252, 331, 366, 371, 414, 553, 602, 630
- есть начало чисто отвлеченное 340
 - есть самостоятельное существо, проявляющееся в сознании, но не творимое им 436
 - как пассивное начало 208
 - как предмет или явление природы 85
 - как предмет полного понимания 85
 - как прототип запечатляется в вещах как в своих копиях 347
 - как схемы вещей 60
 - определение 87
 - взаимно противоречащие 415
 - восходящие 90
 - высшие 48, 88, 90
 - и низшие 91
 - врожденные (предопытные) 109
 - диалектически развивающаяся 415
 - логическая 436
 - неожиданные 393
 - новые 555
 - общая (общие, общего значения, абстрактные, и. отвлеченного характера) 33, 38, 45, 49, 60, 61
многих сходных вещей 347
и ряд и. более низких 220
и частные (конкретные) 88, 89
(см. также Схемы разума)
 - однородные 215
 - правильные, разумные 322 (см. также ясные)
 - протестантская 472
 - прошедшая через сознание 340
 - религиозная 430, 475, 591
 - смутные и безотчетные 620
 - философская (и. философии) 511
и политическая 417
 - чистые 334, 389
 - ясные и отчетливые 619, 620 (см. также правильные)
 - ассоциация 384
 - возникновение (образование, происхождение) 44-46, 61, 62, 86, 87, 95
порядок 32
и исчезновение 84
и назначение 84, 95
 - всеобщность 87
 - жизненность 87
 - законы раскрытия 84
 - комбинирование 45
 - логическое развитие и осуществление в действительной жизни 322 (см. осуществление)
 - нематериальность 87
 - неподвижность (состояние неподвижности) 86
и неизменяемость 87
 - несводимость и. друг к другу 49
 - объект (объекты) 49, 51, 54
 - осуществление (овеществление и. в материи, воспроизведение и. в веществе) 331, 333, 347
есть путь от чистого пребывания в сознании субъекта до овеществления во внешнем объекте 332
 - отличие и. друг от друга 95
 - потенция 33
 - преломляемость (самоуничтожаемость) 87, 88
 - природа 89
и природа разума и реаль-

- ных предметов 84
- процесс раскрытия (раскрытие, процесс самораскрытия) 94
- конечные формы 89
- законы (правила) 91
 - и причины 89, 90
- элементы 90, 91
- разложение
 - на термины 84, 215
 - и соединение 202
- роль и. в истории 88
- свойства 84, 95
- содержание (состав) 58, 87, 95
- и взаимное расположение 40, 41
- и форма 58, 88, 89, 95
- сочетаемость (сочетание, сочетаемые и.) и несочетаемость (несоединимость) 94, 102
- существование (формы существования) 72, 84, 85, 87, 89
 - цель 88
 - внешних вещей 88
- схемы 61
- сходство и различие
 - внутреннее и внешнее 88
- теория анализа 91
- термины 94
- типы 89
 - и число 84
- формы 72, 84, 89
 - низшие: представления и понятия
 - и высшие: собственно и. 85
- будущего желаемого 309
- Божества
 - есть идея Существа Единого, Всемогущего и Праведного 593, 594
- бытия
 - и небытия 140
 - и сторон бытия 146
- вещи (вещей, *idea rei*, и. предметов) 320, 321, 343
 - возникает в духе 331
 - как смешанная из идеальных и реальных начал 320
 - и сами предметы 240
 - всего сущего 90
- государства 89, 321, 334
- истинность
- жизни
 - проявление в веществе
 - как причина развития органической жизни 236
- красоты (прекрасного) 388
- науки и философии 473
- пангеометрии 366
- порядка 381
- средневекового католицизма
 - поэтическое воплощение 472
- статуи
 - образование 409
- существования
 - потенция 61
- философского пантеизма 473
- цели (целесообразных процессов) 313
 - есть идея рода 321
 - есть образ, или понятие, которое возникает в духе и стремится выразиться в веществе 310
 - и сами процессы 305
- высокое понятие об и. 582
- общность обнимаемого идеями 550
- и. в поэзии
 - проводятся через образы характеров или путем аллегории 473
 - политическая 475
- и. в разуме чего-либо, не встречающегося в природе 347
- и. в скульптуре, архитектуре и живописи

- выражаются при помощи символов 473
- и вещи внешнего мира (мир реальных вещей) 88, 91
 - соответствие 87
 - и мысли
 - в художественных произведениях 469
 - или чувства 593
 - и термины 236 (см. также Понятие; см. Благо, Мир и др.)
- Идиотизм**
- как равнодушное отношение к неизвестному 533
- Известное (изведенное) и неизвестное (неизведенное) 92, 617, 620, 621**
- постоянное сознание границ между и. и н. есть условие развития науки 620
 - как следствие в религии и причина в науке 622
 - как условие сохранения пытливости ума 617
- Изменение (изменения, изменяемость) 93, 118, 119, 185, 201, 221, 306, 616, 651**
- есть один из основных элементов бытия 282
 - есть движение 371
 - есть по своей сущности сложение (соединение) и разложение (разделение) 192, 210, 217, 243
 - способы (модусы) 218
 - есть по своей сущности нечто деятельное 206
 - не есть свойство существующего, но есть произведение активного и воздействующего начал 206
 - всякое и. совершается во времени 193
 - состоит в несохранении тождества 238
 - как основа мироздания 234
 - как отделение силы от вещества 191
 - как синтез элементов 198, 202
 - как элемент, повторяющийся в генетическом процессе (как элемент генезиса) 189
 - простой и неразложимый 192
 - определение 187, 209, 210, 299
 - видимое 300
 - возможное и действительное 203
 - массовые 19
 - отдельные
 - как элементы процесса 241
 - политические формы 596
 - преемственные
 - ряд (причинное преемство) 185, 230
 - и сосуществующие 193, 194, 219
 - сложные
 - сосуществующие 192
 - и простые 192, 591
 - сосуществующие см. преемственные
 - чистое 209
 - атрибут 198, 211
 - виды 194
 - возможность 204
 - непостижимая тайна 300
 - отрицательное определение 185, 190
 - порядок (закон) 229, 241
 - потребности 406
 - причинное преемство см. преемственные
 - процесс
 - как целое 241
 - типы 615
 - строение

- и порядок 241
- способы: разложение, убавление, увеличение и прекращение 164
- сущность 190, 237, 239
- элементы (элемент) 294
- суть постоянные и необходимые соотношения 218
- им бывает всякое движение 243
- смысл и форма существования 207
- сочетание (особенность сочетания) и форма (тип) 224
- и процесс 248
- (см. также Начала, пассивное и активное)
- внутреннего мира 421
- духа и жизни (и. в духе человеческом и в жизни) 418, 429
- роста
- состоит в соединении материи и формы 192
- состава и свойства предметов 192
- формы предмета
- есть сближение и удаление его частей 192
- случайное и временное в и. 209
- тождество в и. 367
- и. в вещах 230, 231
- и. в государстве
- виды: усложнение, удвоение 596, 597
- и. в Космосе 228, 302
- и. в направлении и. 215
- и. вообще и определенное 160
- и. в экономической жизни 602
- и. в языке 602
- учение об и. 355
- и изменяемое 229
- и изменяющееся 229
- и исчезновение 118, 119
- и причинность 300
- или целесообразность как объекты самостоятельных ветвей Понимания 615
- (см. также Стремление, см. Тождество)
- Изменяемое 378
- и изменяющее 209, 210
- (см. также Начало, пассивное и активное, см. Изменение)
- Изображаемое (изображенное, красота сама в себе) 479
- увеличение и уменьшение 480, 481
- и действительное 480
- (см. Изображение)
- Изображение 440
- первые 510
- достоинства или недостатки 538
- неправдоподобность 480
- способы (средства) 476
- субъективный (психологический) и объективный 440, 464
- будущего атеистического состояния людей 469
- красивого 510
- и. в скульптуре, в поэтическом произведении и в живописи 483
- и изображаемое (изображаемый предмет) 476, 481 - 483
- (см. Искусство, История)
- Изобретение (изобретенное)
- как высшее благо 195, 596
- искусственно
- как последняя задача в истории 595, 596
- и естественные конечные формы 596
- и открытие 397, 398
- Изучаемое (предметы изу-

- чения) см. Познаваемое
 Изучение см. Позна(ва)ние
 Изыскание (искание) 486, 639
 — слагается из мышления
 и приемов изучения 616
 — правильное 78
 — учение об и. 648
 — и созерцание 646
 — и сомнение 654
 (см. Исследование)
 Императивы 88
 Имя (имена, название) 81,
 465
 — вида и рода 92
 — единичных благих вещей
 и термины идеи блага 571
 — отношения 93, 94
 — предмета 93
 — свойства (признака) 93, 94
 — и. без значения 469
 — и действительность 6
 Индейцы 436
 Индивидуальное (индивиду-
 ализм, индивидуаль-
 ность) 242, 244
 — определение 415
 — и. по происхождению, це-
 ли и форме 558
 Индивидуумы (индивидуум,
 особь) 339, 353
 — выдающиеся 399, 400
 — взаимодействие 651
 — одного рода 220
 — и вид 354
 — и род 230
 (см. также Личность)
 Индифферентизм (индиффе-
 рентисты)
 — религиозные 431
 — умственный 533, 621
 Индукция (индуктивная те-
 ория, индуктивное изуче-
 ние природы)
 — как простое перечисление
 108—109, 110
 — определение 118
 — Бэконова 591
 — исчерпывающая 109
 — аксиомы 117, 118
 — основы 105, 110
 (см. также Логика, Бэ-
 кона)
 — и дедукция 117, 118
 Индусы 288
 — роскошь фантазии 607
 Инстинкты 30, 31, 56, 415
 Интересы
 — минутные 525
 — воспитания
 или правосудия и накоп-
 ления богатств 581
 — чистой истины
 и материальные 581
 Ирония (чувство иронии)
 — определение 535
 — и гордость 418
 Искажение
 — историческое
 внешнее и внутреннее 601
 Искусство (искусства, худо-
 жественное творчество)
 356, 374, 375, 378, 404, 419,
 473, 484, 516, 528, 530, 538,
 580, 651, 652
 — нет ничего более универ-
 сального и вечного, чем
 и. 418
 — как воплощение красоты
 510
 — как воспоминание об ут-
 раченном идеале 483
 — как мир полезных вещей,
 которые украшены 511
 — как особенная ветвь чело-
 веческого творчества 510
 — как предчувствие и ожи-
 дание, видение будущего
 идеала 483
 — как форма жизни, закан-
 чивающая художествен-
 ные процессы 439
 — как часть творчества 411
 — невиданные 393
 — образные 390
 — политическое
 — религиозное 417

- новое 429
- тенденциозное 541
- чистое 475
 - есть свободное, т.е. не связанное с полезным, и самостоятельное, т.е. не зависящее от изображаемых предметов 511
 - есть воплощение красоты как формы духа в вещах внешнего мира 476
 - есть истинное и необходимое человеку 476
 - ложный призрак 476
 - и натурализм (натуральное и.) 440, 475
- бессознательность, невольность и необходимость 440
- виды (роды, образные и.): архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия 440, 448, 452, 470, 474, 476, 477
- ложные 540
- границы и природа 476
- внутренняя потребность 510
- возникновение (происхождение, начало) 440, 510
- высшие моменты проявления 510
- задача 475
- изучение как самостоятельных существ 375
- произведение 231, 418
- осложнение см. способность
- познание 411
- предмет (предметы) 483
 - суть прекрасные формы 404
- развитие (процесс развития)
 - периоды 510, 511
- родство с человеческой душой 510
- способность (свойства)
 - осложняться влиянием других сторон жизни (другими видами человеческого творчества) и осложнять их собою 440, 470, 511
- техника 416
- формы
 - осложненные и осложняющая (приведшая) 474
 - основная и посредствующая 475
- цель (цели, назначение) 440
 - изображение красоты как последняя цель 546
 - истинная 474
 - противоречащие его природе 540
- древности 445
- человеческого разума 318
- изображаемое в и.
 - уместность и неуместность 440, 476, 477
- политическое начало в и. 471
- полнота выражения, разнообразие выражаемого и склонность к осложнению в и. 546
- сходство и различие в и. 440
- учение об и.
 - формы 470
- форма в и.
 - как очертание (явление) и вещество 443
- число и мера в и. 440
- чувство в и. 404
- и виды и. 302
- и другие виды творчества 391
- и идея понимания 473
- и наука
 - происхождение 473
 - покровительство искусству и науке 542

- и право 516
- и чувство прекрасного 429
(см. Государство)
- Исследование (изучение, познание) 79
- как процесс применения общего правила к единичному случаю 77
- всеобщее
 - основные начала (принципы) 74, 648
 - причины неуспешности 648
- предварительное 648
- правила и критериумы 616
- средства выполнения 616
- умозрительное 106, 107
- безграничность
 - причина 42
- безуспешность (неуспешность)
 - причина 76
- границы 68
- импульс 43
- исходное основание (общие и бесспорные начала) 75, 76
- критериумы: общность, истинность, простота
 - приложение 77
- область 44
- объекты (предмет) 43, 74, 76, 107
- первая и основная задача 77
- природа 78
- процесс 78
- способы (пути, приемы) 29, 77
 - аналитический
 - и опыт и наблюдение 593
 - косвенный
 - и прямой (непосредственный) 377
 - ложные 79
- цель 75
- отдельного мнения 78
- природы
 - средства и орудия 65
- и изыскание (изыскания) 614
 - и. в познавании должно предшествовать изысканию 616
 - определение 75
 - задачи и сфера 75
- и исследуемое 75
(см. также Позна(ва)ние)
- Исследуемое 81
 - достоинство 82
 - сопоставление 79
 - способ образования 78
(см. Исследование)
- Истина (истинность, истины, истинное, правильное знание) 10, 15, 28, 45, 70, 104, 124, 297, 303, 343, 359, 381, 396, 398, 400, 412, 488, 492, 496, 542, 568, 603, 624, 632, 637, 639, 644, 649, 653
 - есть результат (конечная форма) мышления (деятельности разума) 84, 641
 - есть соединение понимания с предметом понимаемым 470
 - образует собою науку (есть цель науки) 441, 641
 - как объект процесса понимания 631
 - как понятое существующее 441
 - как смешанный результат творческого процесса 441
 - как условие неизменности познания 9
 - безусловная 400
 - найденные и установленные 639
 - неизменная в своем содержании и непреходящая во времени 655
 - новые (вновь находимая) 397

- относительно неузнанного 614
- общая теоретическая частные практические применения 119
 - объясняющая 571
 - первые и основные 615
 - признанные 634
 - принципиальные и не принципиальные 616
 - сверхопытные 35
 - чистые 88
 - восприятие 77
 - объект (предметы) 107, 641
 - природа 544
 - происхождение (способ образования) 473, 544
 - способы (пути) изыскания (отыскания) 29, 95, 635, 641
 - степень достоверности 105
 - существование
есть единственно чистая и совершенная форма существования 399
до ее сознания (и. в простейшем смысле) 398
 - уединенное изыскание 540
 - математик 107
 - гибель за и. 540
 - и. о геометрических соотношениях 146
 - и. о нарушенном и восстановленном единении человека с Творцом 486
 - и. о науке 441
 - и ложь (ложное) см. Ложь
 - и сомнение 641
 - и справедливость 544 (см. также Правдивость; см. Стремление)
- Историк (историк) 403, 406, 603-605, 621
- как совершеннейший человек 613
 - национальный
- появление
есть высшее счастье для народа, истинная награда его исторического труда и явление редкое в жизни даже самых даровитых наций 606
- и. — современники 531
 - и. — художник 605
- дух (распадение духа) 606, 607
- распавшийся дух 613
 - Франции 606
- История (историческая жизнь, историческое развитие, путь исторический) 31, 75, 86, 99, 138, 146, 201, 339, 342, 372, 393, 409, 430, 440, 445, 479, 493, 512, 528, 536, 540, 551, 555, 568, 583, 635, 645, 651, 653
- есть только синтез проявлений духа и жизни 611
 - есть учение о сотворенном 375
 - не есть и. дел, но и. внутренней жизни человека 603
 - историю творят люди веры и религиозного чувства 426, 427
 - как изображение, понимание и оценка генезиса духа в его творчестве 602
 - совершенного и совершившегося в Мире человеческом 601, 602
 - как наука 611
 - метод 601
 - существенное и несущественное в и. как науке 611
 - как понимание прошедшего 396
 - как последняя ветвь учения о Мире человеческом 601, 612
 - национальная 601, 606

- политическая 607
- римская (и. римских цезарей, и. Рима) 450, 598
- философская понимание как задача 607
- художественная 603 трудность написания 601 (см. также художественность в и.)
- цельная (и. в целом) необходимость и понятность 611
- авторитет 30
- естественная сила 595
- задачи (задача) 602, 603 изображение прошедшего как первая з. 601 понимание прошедшего как вторая з. 601 оценка прошедшего как третья з. 601 последняя 611 (см. Изобретение)
- метод есть психологический 603
- отдельные процессы источник и формы изменения 608 внешние и внутренние причины 608
- предмет 602, 605 есть всегда процесс 607
- части философская и художественная 612
- народа (народов) политическая 571 достаточные основания 611
- Рима 471
- человечества 324, 325
- высшие моменты духовного просветления в и. и разрушение и мрак 531
- изображаемое (изображение, излагаемое) в и. внешние качества и сущность 604
- целесообразность размещения 605 состоит в художественном различении того, что типично и характерно и что нетипично и нехарактерно 605
- отдельных исторических эпох в жизни народов 605
- цельной истории народа 605
- впечатление от 605
- необходимое зло в и. 429
- причинная связь в и. 613
- развитие в и. (ход и.) 25, 396, 492, 558
- самостоятельное и несамостоятельное в и. 628
- стихийная сила в и. 469
- существенное и второстепенное (несущественное) в и. 602, 603
- художественность в и. (художественное воссоздание и.) 604, 606 (см. изображаемое в и.)
- и жизнь (и личная ж, и повседневная ж.) 77, 401, 432, 457, 494, 553, 611 (см. также Развитие, историческое; см. Государство, Искажение, Момент и др.)
- Источник
 - творческий новых вещей 375
 - нематериальных истекающих вещей 382 (см. др. рубрики)
- Кальвинизм 605
- Картина (картины) 394, 544, 555
 - и сцены 453
- Католицизм 622
 - и протестантство 400
- Китайцы 26

- Классификация (классификации, деление, систематизация) 104, 172, 443
- есть соединение сходного в науках в одно и распределение различного в них в особое 442
 - как цель и задача науки 214
 - всеобщая
 - первые основы 355
 - искусственные (искусственная) 68, 202
 - руководящий признак 349
 - необходимые формы деления и подразделения 349
 - трудность 349
 - и естественные 348, 349 (см. совершеннейшая)
 - истинные
 - в смысле соответствия природе науки 443
 - обычные (существующие) 355, 356
 - продолжительная и сложная 591
 - совершеннейшая к. законов природы
 - есть естественная 202
 - признак 202, 203
 - вещей 355
 - подлежащего исследованию 77
 - точного знания (наук) 654
 - сил и законов 355
 - существующего (пробывания) 158, 159
 - к. видов пребывания есть основание к. 156
 - к. по методам 442
 - к. по объектам познаваемым 442
 - к. по элементам понимания 443
- Классы (класс)
- недостаточные 576
 - образованные (зажиточные и образованные) 579
 - и бедные и невежественные (и простой народ) 573, 609
 - множественных вещей или явлений 591
 - или сословия 541
- Книга (книги) 555, 581
- атеистическая 489
- Количество (количества, количественность, количественная сторона) 113, 128, 345, 355
- как сторона бытия 358
 - алгебраические 368
 - методы познавать 97
 - общая теория (общее учение о) 358, 359, 365
 - состав
 - по схемам разума 359
 - формы (форма существования)
 - общие 360
 - вечно потенциальная и временно реальная 360
 - и самое к. 359
 - генезиса 207
 - к. в действии и в состоянии 359 (см. также Величина, Число)
- Конкретное 103, 398
- Концепция
- религиозная к. мира и жизни 409
- Корыстолюбие (корыстолюбивый) 386, 497
- Космос (мир, бытие, вселенная) 12, 23, 53, 62, 108, 110, 117, 127, 152, 159, 163, 187, 199, 201, 203, 210, 212-217, 220-222, 229, 230, 245, 270, 288, 290, 300, 305, 314, 328, 372, 384, 425, 443
- разумен, гармонически устроен и доступен для понимания 322

- как общее для движения 411
- как произведенное следствие 303
- как синтез всего 126
- как синтез существующего и совершающегося 305
- как целое 127, 128, 221, 236
 - атрибуты 272, 284
 - свойства 273
- определение 196, 302
- бесцельность см. Мир, без целесообразности
- возникновение (происхождение)
 - и сохранение 305
- жизненность 184
- законы и силы 184
- изучение (задача изучения) 270, 271
 - систематическое 229
- количественная сторона 62, 128, 371
- начала 158
- общая теория 128, 649
 - и частные учения о 616
- нравственный смысл 322
 - и высшая разумность 323
- план
 - и формы 271
- природа (сущность) 236
 - есть состав и строение 303
- причины (причина, причинность) 128, 184, 302, 303
- процесс образования 302
- свойства 128
- существование (формы существования в к.) 128
 - образующееся и потенциальное 127
 - способность к. к с. 322
- сходство и различие 128
- устройство и развитие
 - нравственная разумность как следствие целесообразности 305
- цель (целесообразность в к.) 128, 184
- цельность 202
- существенное в к. 100
- формы в к. (к. и его формы) 185
 - разнообразие 184
 - происшедшего и установившегося 231
- учение (наука) о к. (о существовании к. как целого) 127, 128, 183, 185, 236, 376, 649, 650, 652
 - формы (ветви учения о сторонах к.) 188, 616, 649, 655
- и причинность (причина) 284
 - и целесообразность 272
- и пространство и время 272, 284
- и разум 61, 272, 284
- и части (и его часть) 183, 221, 371
 - (см. Генезис)
- Красота (начало красоты, явление красоты) 173, 196, 214, 245, 428, 474, 531, 542
 - есть нечто, ни с чем не связанное 470
 - есть чистая форма 470, 477
 - по природе своей есть наружность (форма) 544
 - познается через созерцание 544
 - как господствующая форма искусства 470
 - как объект чувства красоты лежит не во внешней природе 404
 - как нечто космическое 417
 - как предмет искусства 483
 - определение 483
 - положительная свободное развитие 585
 - проникнутая религиоз-

- ным настроением 405
- физическая (к. тела)
 - как предмет поклонения и восхищения в античности 419
- чистая 405
- источник 511
 - возможность двойного 408
- мир к. в человеке 417
- мерило 511
- начало
 - и последнее назначение человека 483
- образы 473, 474, 543 (см. Мир)
- полнота 551
- прототип (идеал) 388, 405 в душе человека 511
- спокойное созерцание и наслаждение ею 527
- типы 551
- духа
 - как предмет поклонения в средневековье 419
- мирообъемлющего и всепроницающего чувства и к. науки и жизни 426
- различия (разнообразия) государств в начале их развития 598
- религии древних греков 472
- созерцания
 - как самостоятельная потребность 510
- художественного произведения
 - и первоизданная природа изображаемого 483
- явлений природы (к. в природе, к. созданного природой)
 - и поступков людей (человеческого духа, к. в созданиях человека) 539, 540
- к. в вещи 477
- к. в государстве (в политической форме) 470, 471
 - к. в науке 472
 - к. в религии 471, 472
 - к. сама в себе 483
 - необходимость для к. некоторого определенного числа 477
- и (или) безобразия (отвратительное, безобразное) 483, 527, 539, 540
 - как объект искусства 520, 538, 539
 - и природа 539
 - и величие 483
 - и прекрасное 470
 - и религия (религиозность) 472, 475 (см. также Чувство, красоты; см. Архитектура, Стремление, Форма, политическая)
- Крестоносцы 607
- Крестьяне 541
- Кривизна (понятие кривизны)
 - как непостоянство в направлении 367
 - геометрическое 367
- Кристалл (кристаллы) 219, 222
 - образование (процесс образования) 193, 194, 343 (см. Кристаллография 371)
- Критериум (критериумы) 314
 - важнейшие 413
 - общие см. к. способа, к. соответствия
 - обычные к. мнений и знаний 74
 - частные (к. отдельных областей жизни)
 - общее правило нахождения 74
 - зарождения или упадка науки 413
 - отличия мнимой науки от истинной 413

- соответствия для исследования человеческих дел, или всего совершаемого 74, 77, 80
определение 78, 79
- способа для исследования человеческих мнений, или всего сознаваемого 74, 77, 79, 80
определение 78
- Культуры
- искусственные 318, 319
- Культы (культ)
- восточные 608
- религиозный прекрасный (к. греков) 471
безобразный (к. мексиканцев и финикийцев) 471
- Легенда
- о Великом инквизиторе 463, 468, 469
- Лжепророки 433
- Линии (линия) 478
- определение 444
- геометрические (геометрическая) природа 293
- кривые с непостоянным направлением 368
- произвольные или подражающие природе 510
- прямая (прямизна л.) геометрическое понятие (определение) как л. с тождественным, нигде не изменяющимся направлением 367
и кривизна 378
- и объем 446
- и очертания 510 (см. Архитектура, Живопись, элементы, Скульптура)
- Лирика 404
- Литература (литературы) 78, 404, 541
- как совокупность письменных произведений 576
- научная (научные, научно-политическая) 389, 520, 581
- русская (наша) 465, 469, 475
достоинства и заслуги 468
антирелигиозное движение в н. л. 577
и всемирная 469
- художественная см Художественность
- типов 461
- учебников 578
- натуральная школа в л. 465, 466
- низкое, обманывающее и глупое в л. 582
- новые явления в л. см. Типы, и характеры (см. также Поэзия, Творчество, литературное; см Атеизм, Воспитание, умственное, всей массы народа)
- Лицо
- как изображаемое в искусстве 444, 485
- Личность (личное, индивидуальность, индивидуальное) 557
- охрана 599
- и государство 555
развитие 220
- и масса (группа людей) 445, 559 (см. также Индивидуумы)
- Логика (наука логика) 103, 104, 119, 401
- входит в учение о познании 650
- Аристотеля
суть система схем первичного мышления 103
как учение о сочетаемости идей 96
и логика Бэкона 96,

- 101, 102
 различие задач и взаимная необходимость 96
 (см. также Дедукция)
- Бэкона 104
 как учение о комбинациях элементов мышления 96
 определение 102
 (см. также Индукция)
- мысли и жизни 326
- Ложь (ложное, лживый, обман) 153, 386, 441, 479, 527, 582, 585
- есть нарушенная правда 484
- кто не боится, тот никогда не лжет 423
- порождается страхом 536
- первая
 и первая злоба
 причина 484
- совершенная и несовершенная 537
- и истина (правдивость, истинное) 423, 484, 536, 583, 623
- и. и л. в науке и в религии 540, 541
- и. и л. в формах жизни и в природе 540
- и ненависть
 немислимы как перво-данное в человеке 484
 и любовь и правдивость (правда) 536, 537
 (см. Страх)
- Лучшие
- или по роду, или по богатству, или по образованию, или по заслугам государству (знатность) 610
 (см. также Человек, лучшие)
- Любовь (чувство любви)
- как сострадание 537
 болезненное 512
- как естественное расположение к ближнему 512
- как потребность собственного страдания 512
- первоначальное и естественное
 чистое, но пассивное 537
- чрезмерная
 как источник страха и ненависти 520
- несовершенного существа к совершенному 536
- и доверие 536
- и ненависть 484, 536
 к ближнему 512
- и правдивость
 источники 520
- и справедливость
 рождается из чрезмерного страдания 537
- л. к жизни и к человеку 461
- л. к земному 418
- л. к истине
 и ненависть к злу 457
- Любознательность 30, 412
- есть признак незанятости ума 55
- Любопытство 296
- Магнетизм 229, 282, 302
- животный 380
- Масса
- безвидная 390
- хаотичная 390
- этнографическая 394
- и энергия 347
- Математика 104, 359, 364, 400, 653
- как наука о величинах 274
- чистая 365
- основы 104
 происхождение 105
- содержание
 составляют изыскания отношений между величинами 274
- Материализм (материалистический)

- ты) 380, 381, 389
 (см. также Миросозерца-
 ние, материалистическое)
- Материя** (материал, вещест-
 во) 214, 238, 303, 331, 646
 — есть общее начало вещей
 250
 — не есть только потенция
 оформленных вещей 127
 — как начало пассивное
 и безобразное 252, 253
 — безвидная 160
 — безжизненная 52
 — физическая 270
 — атрибут (атрибуты) 270
 и природа 252
 — беспричинность и безна-
 чальность 251
 — назначение 251
 — одухотворение идеями
 333
 — пассивность 235
 — потенция 159
 — протяженность 277
 — форма существования 127
 — вещества 243
 — и сила 544
 — и форма (формы) 58, 70,
 158-161, 163, 173, 235, 251-
 253, 256, 394, 523
 противоположность 253
 взаимодействие 252
 наука (учение) о м. и ф. по
 схемам разума 251, 252,
 256
 (см. также Первоматерия;
 см. Дух)
- Мелодия**
 — в музыке 452
- Мера**
 — художественная 458
 — достоинства и совершен-
 ства государственного
 развития 547
 — в музыке 481
 — в поэзии
 как метр и строение и как
 полнота без излишеств
- 481
- Месмеризм** 380
- Метеорология** 28
- Место** (местопребывание)
 240, 353, 398
 — географическое 394
- Метод** (методы, способы,
 путь) 109, 400, 649
 — есть орудия познания
 (приемы изучения) 652
 — недостоверные 105
 — частный 125
 — природа 125
 — методов 124
 — отделения первозданной
 природы человека от
 внешних влияний приро-
 ды и жизни 534, 535
 — познания свойств 100
 — учение о 648
- Механика** 270, 358
 — есть учение о движении
 359, 369
 как чистом соединении
 пространства и времени
 366
- Минерал** 374, 375
- Мир** 19, 61, 297, 300, 485
 — есть как бы разум, выра-
 женный в вещах 61
 — как внешний объект мыс-
 ли 425
 — как целое (как «целое»,
 как «бытие», как «все») 58
 и его части 323
 — каков он есть, лишен выс-
 шей гармонии 468
 — античный 419
 падение 448
 — Божий и человеческий 127
 — вещественный см. внеш-
 ний
 — внешний (физический, ве-
 щественный, реальный,
 объективный, внешний
 для человека, Космос, м.
 вне нас) 8, 32-35, 38, 40,
 43, 50, 52, 53, 58, 60, 63,

- 90, 129, 229, 235, 316, 317, 344, 363, 374, 375, 382, 390, 392, 441
 как источник, отклоняющий волю от ее первоначального направления 373
 впечатления 15
 объекты (единичные предметы и явления)
 изучение 124
 природа 375
 и влияние 33
 свойства 375
 существование 375
 формы 343
 и бытие 375
 и разум
 и субъективный (внутренний, мыслимый, идеальный, м. внутри нас, дух) 64, 267, 458-460, 474
 (см. также м. вещей, Бытие, Космос, Сущестующее)
 — внутренний
 внешнее обнаружение 421
 (см. внешний)
 — древний 512, 514, 585
 — животный см. органический
 — нравственный 19
 — органический и неорганический см. Природа, царства
 — реальный см. внешний
 — физический (м. физической природы) см. внешний
 — человеческий 23, 119, 228, 331, 372, 373, 375, 423, 499, 504, 505, 518, 519, 522, 542, 611
 как общее для творчества 411
 как продолжение бытия 372-392
 изменчивый, непостоянный 328
 законы (закон) 374, 518
 проявляются в человеческом творчестве 500
 источник 500
 отличие
 от Космоса 373
 формы 393
 формы познания 375
 элементы причинного сцепления 547
 (единичные) вещи и явления в м.ч. 518, 521, 547, 591, 592, 600
 значение и смысл в м.ч. 500
 невидимые соотношения в м.ч. и общий путь их открытия 500
 постоянное и необходимое в м.ч. 501
 причинное сцепление (причинное соединение, причинная связь) в м.ч. 547, 589-592, 595
 три способа определения 589
 учение (учения) о м.ч. 554, 649-651
 есть учение о Духе 375, 376
 соотношения в м.ч.
 путь открытия 500
 цели в м.ч. 343
 и физический 339, 373, 374, 521, 590
 — эллинизированный 514
 — языческий 397, 429
 — вечность 58, 59
 — возникновение (возникновение м. из ничего, происхождение) 59, 232
 причина 323
 — жизнь и разнообразие 213
 — классификация 62
 — модусы 589
 — политические судьбы 468, 469
 — развитие (закономерное

- развитие м., мировое развитие, мировой генезис)
 необходимость 290
 сила 232
 цели 232
 верховный закон 232
 — система 355
 — целесообразность 323
 — цель
 как системы организмов 264
 последняя 323
 — цельность 254
 — вещей (м. реальных, материальных, физических вещей, вещей и явлений) 50, 65, 137, 163, 181, 250, 313, 338, 343, 370
 как порождение случая 168, 169
 мнимый 130
 единичных и конкретных 232
 и существующее 132
 искусственно сделанных 258
 прекрасных 470
 и полезных 510
 происшедших (оформленных, определившихся) 164, 216, 286, 338
 (см. также внешний)
 — живых существ см. органический
 — идей 15, 60, 62, 90
 нисходящих 210
 и м. вещей 33, 61
 — конкретных представлений 220
 — конкретных фактов 124
 — образов красоты (художественных и поэтических образов) 440
 — природы и жизни 22, 640
 (см. Жизнь, Природа)
 — психических соотношений см. Соотношения, психические
 — м. существующих (специальных) наук о природе 650
 — м. без целесообразности 323
 есть бессмысленный 324
 есть великая шутка 324
 — м. в целом и в подробностях 100
 — порядок в м. 196
 — и познание 64
 — и разум 64
 (см. также Природа; см. Совершающееся)
 Мировоззрение
 — правильное 74
 (см. также Миропонимание, Мирозерцание)
 Мироздание 134, 269, 417, 425
 — конечный смысл 344
 — причина возникновения и существования 344
 — части 186
 (см. также Космос)
 Миропонимание 127, 128, 166, 213, 429
 (см. также Понимание)
 Мирозерцание (человеческое м.) 373
 — материалистическое 387
 (см. также Материализм)
 — механическое 387
 — цельное 215
 — ясное и спокойное 455
 (см. также Мировоззрение, Миропонимание)
 Миростроение (мироустройство) 166, 251
 — основа 133
 — причина 290
 — и миросохранение 328
 Мистицизм см. Скептицизм
 Мнение (мнения)
 — исследуемое 79
 — истинное и ложное 78
 — и доказательства 385
 Множество см. Единичное

- Могущество
 — человеческое источник 629
 (см. Человек, потребность)
- Модусы
 — восприятия и передвижения 265
 — изменения: раскрывающиеся, сомкнутые и замкнутые 610
 (см. Род)
- Мозг 385
 — есть не причина психических явлений, но условие, при котором они происходят в духе 385
 — не есть орган мышления и других психических явлений 387
 — как необычное условие психических явлений 384
 — как орган психических явлений 372
 — расстроенный 384
 — строение 387
 — и другие органы 387
- Момент
 — исторический 607, 608
- Монархия (монархическое государство) 339, 572
 — идея 320
 — и республика 608
- Мужество
 — и опасность жизни 599
 — и сила 437
- Музыка 473, 555
 — есть единственное искусство, все построенное на числах 484
 — в м. выражается жизнь духа 434, 449
 — в м. отражается поток чувств 449
 — как преемственное очертание способна к выражению преемственно раскрывающегося чувства 449
 — природа 391, 439, 448
 — мелодия в м. 452
 — композиция в м. 416
 — форма в м. движется, а не пребывает 449
 исходит из духа и есть не пространственное очертание, но временное 448
 — число в м. 477
 — и другие искусства 448, 449
 (см. Чувство, выражение)
- Мученик
 — веры или мысли 540
- Мучения 447
 — малые 493
 (см. Сущее)
- Мыслитель (мыслители)
 — великие умственный склад и творения 401
 — истинный и творец науки 474
- Мысль (умственная область, умственный мир, мыслимое) 5, 6, 20, 68, 133, 270, 364, 383, 388, 494, 511, 565, 579, 580, 614
 — есть в известном порядке соединенные понятия 391
 — высокие и чистые чувства 578
 — сжатая и сложное содержание 265
 — чужие 474
 — деятельность 413
 — образ м. художника 146
 — последовательность 348
 — процессы 40
 — форма 391
 — всех времен и всех народов 624
 — ложь или бесцельность в м. 538
 — и ее выражение 154, 396
 — и желание 336

- и истина 486
- и чувство 404
- Мышление (процесс (состояние) мышления, умственный взор) 18—20, 24, 46, 146, 161, 182, 202, 378, 381, 385, 388, 474, 495, 651
- есть движение идей 84, 85
- есть движение, из которого выделилось пространство 371
- состоит только из раскрытия идей и их сочетаний 616
- как деятельность 525
- как искание (созерцание) истины 270, 401
- как элемент 97
- правильное 154
- и неправильное (неправильный процесс м.) 138, 139, 412
- и отчетливое 578
- чистое 85
- видоизменения и применения 97
- затруднения (затруднения в м.) 84, 97, 122
- изучение 649
- неясность, неопределенность и излишняя образность 419
- отчетливость 385
- и ясность 620
- порядок (последовательность) 623, 641
- и направление, сила и окружающее физическое вещество 380
- потенциальность 181
- приемы 641
- процесс 108, 578
- строгость 571
- творческая сила 45
- формы 72, 97, 642
- вытекают из первозданной природы разума и не подлежат влиянию истории 641
- элементы
- целесообразное строение (целесообразная система) 103
- ясность строения (ясный строй) и последовательность развития 619
- как условия способности к познанию 617, 623 (см. Сомнение)
- учение о м. 648
- и впечатления 648, 649
- и ощущения 15
- и приемы изучения, или методы 614
- и разум 515
- и чувства 210, 401
- и воля 395
- и желание 386
- Наблюдательность см. Наблюдение, дар
- Наблюдение (наблюдения) 55, 65, 71, 99, 105, 108, 114, 120, 147, 244, 340, 407, 501
- как отражение существующего в разуме 120
- внешнее и внутреннее 464
- многообразное действительной жизни 591
- отдельное 28
- простое
- и различие 522
- частные 147
- чистое 119
- чувственное 18, 19, 29
- дар 461
- предмет 28
- ценность 28
- ошибки при н. 121
- н. над действительностью 604
- н. над другими 536
- н. над психическими явлениями 384
- и описание 121

- и опыт 20, 101, 146, 147, 591
- разноречивые показания 123
- и понимание жизни и человека 463
- и умозрение 176, 202 (см. Размышление, Сравнение, моменты)
- Нагревание (явление нагревания) 193
- Надежда
 - и отчаяние 418
 - и опасение 420
- Наказание
 - превышающее вину и не искупающее вину порождает злобу (озлобление) 582
 - и вина 582
 - и милосердие 493
 - и (или) осуждение 423 (см. Преступление)
- Направление (направления) 121
 - геометрическое понятие 367
 - тожество 107
 - н. в формах и процессах 313 (см. Форма)
- Напряженность (состояние напряженности) 402
 - есть действие, ни на что не переходящее 207
 - есть деятельность неосуществленная 211
 - есть неудовлетворенное стремление 211 (см. Страдание, действительное)
- Народ (народы) 415, 418, 422, 424, 426-533, 572, 581, 596, 603, 608, 623
 - английский 469
 - германский 469
 - дикие 26, 539
 - исторический 498, 611
 - кочевые 561
 - македонский 471
 - маленькие 541
 - наиболее религиозные обнаруживают наибольшее творчество в науке 622
 - наименее религиозные суть и наименее способные к науке 622
 - не создавший науки 642, 643
 - новые 579 и древние
 - духовная (психическая) сила 288
 - нравственный разрушение психического строя 529
 - образованные 579
 - первобытные (первобытное народное состояние людей) 561, 579
 - покоривший и покоренный 562
 - русский 468, 469
 - создавший науку 642
 - бедная и через силу трудящаяся часть как хранилище заблуждений, исторических и национальных 526
 - вырождение 609
 - государственная жизнь 558
 - доверие к государству 572, 573
 - духовный строй (дух) 607 естественные дары 571
 - жизнь 210, 389, 610
 - внутренняя психическая 606
 - внешние события 606
 - не одаренных духовными силами 436
 - новых 396
 - историческое сознание 571, 586

- масса простого 609
(см. Предрассудки)
- нисхождение и восхождение
по историческому пути
531
- однородная масса
и государственность 560,
561
- периодические собрания
назначение 583
- психический склад (внутренний склад чувств
и мыслей) 436, 437
- семья 606
- судьба 612
- язык 437
- великое несчастье для н.
606
- все даровитое по уму
и характеру в н. 609
- сочувствие к н. 606
- и государства
отношение н. и г. к науке
624
- и человек 444
- и человечество 332
(см. Воспитание, Генезис,
Государство, орган, Истори-
к, национальный,
Страна)
- Народонаселение 434
- объем и численность 562
- уменьшение 544
- и растянутость (расшире-
ние) земель 597
- Наружное (наблюдаемое, ви-
димое)
- и внутреннее (скрытое)
100, 544
- Наслаждение (наслаждения)
414, 636
- физические 526
- чистые 528
- чувственные 521, 522, 595
(см. Зло)
- н. в ощущении господства
и силы
- есть сила, которая под-
держивает и двигает госу-
дарство 498
- н. красотой и мыслью 422
- и радость 422
- Наставление
- и руководство
словом и примером 586
- Настоящее (настоящее вре-
мя) 212
- определение 254
- и будущее 495
- и прошедшее 229, 230,
232, 323
и будущее 318
в целесообразности 308
- Настроение (настроения)
402, 404, 405
- есть неясное предчувствие
приближающегося пробуж-
дения того или другого
чувства 404
- суть чувства с чрезвычай-
но общим характером
(есть более общая форма
чувства) 403, 404
- как вид чувства, выража-
емого архитектурой и
пробуждаемого ею (н.
в архитектуре) 439, 449
- как чистые формы духа
403
- определение 444
- историческое 654 (см.
Стиль)
- субъективное религиозное
592
- торжественное 417
- беспричинность (беспри-
чинное и беспредметное
н.) 403
- влияние н. на философию
404
- значение н. в истории 403
- объект 403
внутренний 404
- природа 403
- чистота

- как произведений духа 403
- и волнения 445 (см. Поэт)
- Наука (науки, научное исследование) 13, 21, 23, 27, 28, 65, 68, 71, 74, 78, 86, 91, 96, 100, 109, 129, 155, 166, 228, 231, 302, 374, 378, 385, 425, 429, 489, 495, 497, 516, 528, 530, 580, 634, 635, 651
- есть разрешение, всех человеческих сомнений 642
- есть приизведение формы жизни, исшедшей из разума 440
- живет не в университетах и академиях, но во всякой душе, ищущей истины 624
- как достояние отдельного класса людей 29
- как (истинное, чистое) понимание (как цельное миропонимание) 33, 66—69, 153, 550, 620, 628, 633, 639, 642
- формы: учение о познающем, учение о познаваемом 69, 70, 615, 634
- как область человеческого творчества 30, 31
- как одна мысль 391
- как переход разума от релятивных определений к субстантивным 94
- есть процесс свободно-необходимый по своей природе и происхождению 637
- как свободное произведение человеческой деятельности (воли) 634-636
- как совокупность (система) знаний 33, 67, 550
- как форма, заканчивающая процесс понимания, исходящий из разума 439
- как явление, исторически возникшее и обусловленное 634 - 636
- как явление не носящее в самом себе своего значения 637
- определение 8, 9-32, 642 истинное 550
- греческая 587
- гуманные 622
- дедуктивные и индуктивные 442
- европейская 588
- искусственно создаваемая и бесцельно существующая 624
- ищущая и не ищущая 634, 639, 640
- опытные и умозрительные 442
- отдельные отношение о.н. между собою 442
- развивающаяся наружное проявление 389
- синтетические и аналитические 442
- современная 587
- специальные 387
- творческая история 56
- точные 650
- художественная 417
- цельная (н. в целом) образование 620 сущность 615 и отдельные формы (отдельные н., части) 68, 615
- антирелигиозность или религиозность 413
- архитектоника овеществление как идеальное построение 615
- великое прошлое 624
- высшие формы 377
- границы 5, 10
- деление (внутреннее раз-

- деление, классификация) 439
- по методам
- на опытные и умозрительные, синтетические и аналитические, дедуктивные и индуктивные 442
- по объектам познаваемым
- на физические, математические, гуманитарные, филологические, естественные и пр. 442
- по способам происхождения
- на описательные, дедуктивные, индуктивные 103
 - (см. также Классификация, точного знания)
- единство и безграничность 634
 - жизненность 624
 - задача (задачи) 23, 26, 95, 153, 563, 581
 - интересы, затруднения, нужды 581
 - источник см. Сомнение, Стремление, узнать неизвестное
 - конечная форма см. цель
 - назначение см. цель
 - недостаток средств и помощь государства 581
 - неспособность к последовательному развитию 67
 - полнота 213
 - образование см. Стремление к (по)знанию
 - объем содержания 67
 - оригинальность 622
 - польза 636, 673
 - жертва в пользу 624
 - правильность 26
 - предмет 9, 10, 31
 - предшественники старой 624
 - природа (сущность) 5, 9, 10, 30, 68, 69, 441, 442, 550 и происхождение 623
 - развитие (процесс исторического возникновения, развития и упадка, история н.) 19, 26, 229, 610, 621
 - определение 550
 - направление 550
 - причины 623, 643
 - происхождение (возникновение) 442, 623
 - процесс созидания 410 (см. также Творчество, научное)
 - свобода см. Стремление
 - свойства 441
 - содержание 9, 12, 26, 28, 31,
 - сокровища 581
 - строение (построение, формы н.) 8, 67, 68, 355, 442
 - сущность см. природа
 - сходство и различие (сходное и различное в н) внутреннее и внешнее 441, 442
 - форма (формы) 26, 139, 207, 229, 296, 301, 306, 468, 505, 619, 642
 - конечная см. цель
 - истинная 415
 - цель (назначение, стремление, конечная форма) 5, 19, 20, 439, 441, 587, 642
 - есть познание всего во всем, т.е. система идей, соответствующая всем сторонам бытия 550
 - части
 - как отдельные части истинного понимания 620
 - борьба против н. (гонения н.) 623
 - истинное и ложное в н. 472
 - отчуждение от н.

- и пренебрежение к н. 624
- плодотворное взыскание в н. 622
- покровительство науке 528
- уважение к н. 624
- н. об обществе 270
- н. о творчестве в области слова
- есть учение о поэзии 464, 465
- н. со смешанным методом: механика, астрономия, физика, политика 442
- и другие формы творчества 442
- и знание (знания) 9, 10, 26, 27, 55 (см. Состояние, знания)
- и искусство 351
- и понимание 26, 30, 55, 443, 613
- и природа человека 9
- и дух 439
- и его жизнь 624
- и разум 429
- и религия 621
- и ученость 27, 622, 624
- и философия 6-8 (см. Идея)
- и религия 513
- (см. также Понимание, процесс, Процесс, научный, Творчество, научное; см. др. рубрики)
- Нации (нация)
 - французская 608
 - (см. также Франция)
 - цивилизованные
 - простые классы 539
- Начала (начало) 103
 - активное (деятельное, определяющее, образующее, движущее, изменяющее, ограничивающее, сдерживающее, оформли-
 - вающее) 164-166, 180, 190, 231, 332
 - никогда не бывает вещественным, материальным 210
 - по природе своей всегда есть нечто движущее 214
 - условия, увеличивающие силу 305
 - сущность (природа, свойства)
 - как чистая деятельность 209
 - сфера действия 215
 - формы существования 207, 208
 - (см. пассивное, Стремление)
 - воспитывающее 579
 - генетирующее
 - есть синтез сил и форм 223, 224
 - деятельное см. активное
 - идеальное (форма)
 - и реальное (состав) 348
 - ложные см. Зло, и заблуждение
 - непротяженное 158
 - пассивное (определяемое, образуемое, движимое, изменяемое, ограниченное, сдерживаемое, оформливаемое)
 - может быть и вещественным, и невещественным 210
 - как чистое тождество с самим собой 209
 - связь
 - с пространством 216
 - формы 229
 - и активное (взаимное отношение а. и п. н.) 127, 167, 173, 186, 188-190, 200, 205, 208, 210, 214, 223, 224, 253, 285, 394, 616
 - по природе суть вечные условия генезиса 204

- как источники изменения 212
 как слагаемое и разлагаемое и слагающее и разлагающее в генезисе 210
 определение 204, 209
 борьба 214
 виды: вещество и силы природы 208, 209
 количественное соотношение (количественная сторона) 186, 188, 216, 277
 происхождение 212, 213
 раздельность (раздельное существование) 186, 214
 соединение (соединения), и разъединение
 как исходный момент генезиса 208
 причины единичных, конкретных 213
 момент 214
 случайность или необходимость 190
 способы (модусы) 186, 187, 216, 230
 сходство и различие 186, 214
 и пространство 210
 как чистая и полная напряженность и как чистая протяженность и размещение 207
 (см. также и Материя, и форма)
 — противоположные 149, 214, (см. активное, пассивное)
 — психические (психическое) 246, 489
 влияние 384
 состав 270
 и физическое 530
 — религиозное
 в искусстве 472
 — формальное 616
 — сущность соединения 204
 — форма существования 204
 Немыслимое
 — и невозможное 299
 Ненависть
 — порождается перенесенным страданием, внешним или внутренним, или страхом 536
 — н. против сословия или класса
 и озлобление против единичных лиц 583
 — и красота 527
 Необходимость (необходимое) 125, 471
 — двойная 186, 219
 — историческая 457
 — скрытая мировая 323
 — и не необходимое 238
 Начальник (начальники)
 — и подчиненный (подчиненные) 556, 558
 Небытие (несуществующее) 126
 — есть нечто несказуемое, невыразимое 139
 — как вид существования 126
 — как положительное условие для бытия 138
 — как предмет истины и заблуждения 135
 — как противоположность бытия, как его отрицание, как его исходная точка 137
 — не как отрицание бытия, но как нечто самостоятельное 140
 — определение 140
 положительное 139
 — частное и несовершенное 140
 — чистое 139
 — идея (понятие о н.)

- определение 139
- категория отношения 141
- количественная сторона 141
- мнимость и действительность 139
- несуществование 141
- познание 142
- признаки
 - н. не имеет никаких признаков 141
- свойства 139, 140
- существование 138, 141
 - неразрешимость вопроса о 127
- сходство и различие 140
- тождественность самому себе 141
- цель 140
- н. в абсолютном смысле 142
- н. в частном и ограниченном смысле 142
- формы учения о 126
- и отрицание 138
- и пустота 137-139 (см. Бытие)
- Неверующие
 - искренне 489
 - и верующие 489
- Невозможность (невозможное) 299
 - логическая 315
- Недостатки 536
- Недостаток см. Бедность
- Недоступное
 - природа 213
- Недоумение см. Сомнение
- Нежелание (апатия)
 - есть зло в области воли 537
 - есть одно из самых мучительных состояний 537
 - появляется от внутреннего распада духа 537
 - порождается отращением к людям и к жизни 537
- Незнание
 - производит особенный вид страдания в разуме 533
 - противно природе разума 533
 - спокойное 533
- Неизвестное 135
 - впечатления от н. 55
- Неизменное (неизменно существующее)
 - есть постоянная, скрытая и обуславливающая сторона явлений 11
 - как предмет (объект) науки 9-12
- Неимущие см. Бедность
- Неопределенность см. Процессы, неопределенные
- Неподвижное (неподвижность)
 - и движущееся 317
 - и изменимость 317
- Непонимание
 - как зло 655
- Несовершенное
 - и совершенное 513
- Несовпадение
 - состоит или в недостатке, или в излишестве 491
- Несоответствие
 - определение 352
- Несправедливость (несправедливое) 594
 - есть несоответствие между благом и злом 542
 - как незаслуженное воздаяние, как нарушение нравственной причинности 542
 - как постоянное и давнее зло 584
 - космическое 541 (см. также Обида)
- Несуществование
 - безотносительное 155
 - виды 155 (см. Существование)
- Нетожество 299

- Неудовлетворенность**
— есть стремление потенциального к действительному 647
- Неуничтожимое**
— и уничтожающееся (временное) 394
(см. также Вечное)
- Неузнанное** 623
- Нечто** 137
- Неясность**
— есть основное свойство сомнения 123
- Низкое (низость)**
— и высокое
самое н. и самое в. принадлежит совершенным формам духа 540
— и жестокость 424
- Ничто** 131, 132
- Нобилитет** 609
— как скрытый элемент политической формы 610
- Нравственность (нравственное, нравственный характер)** 50, 442, 440, 516, 608, 651
— имеет своим объектом внутренний мир человека 496
— имеет целью добродетель 495
— как критериум 80
— определение 496
— идея 90
— источник
есть чувство доброты и правдивости 497
— обедиение и понижение 529
— процесс развития в истории 610
— характер (тип) 512
— и безнравственное в совершаемом человеком 543
— и религия 516
— и свобода 423
(см. также Творчество, нравственное, Уровень, нравственный, Учение, нравственное, Чувство, нравственное; см. Акт, Воспитание, полезность)
- Нравы** 424
— преобразование 437
— упадок 609
— и обычаи 27
- Нуждающиеся** см. Бедность
- Нужды**
— естественные 598
— физические и духовные 530
- Оберегающие**
— и оберегаемые 560
- Обида (обиды)** 497
— есть грубая, простая, первоначальная форма несправедливости 424
— беспричинные о. сильнейшего 425
— и притеснения 626
- Обман**
— и правдивость см. Ложь, и истина
- Образ (образы)** 383, 404, 460, 461
— в о. всегда выражается состояние духа 448
— в о. всегда есть нечто запечатленное и ставшее неподвижным 448
— как пространственное очертание 397
— определение 416
— бесплодный 332
— воплотившийся в вещь (овеществленный) 332, 334, 336
— изваянный
и его действительная величина 481
— мыслимый см. Сознание, образы
— поэтические см. Поэзия

- прекрасные (о. красоты, прекрасные о. искусства и чувства) 474
- воплощаются в формах очертаний, звуков или слов 416
- чистые и осложненные 475
- отдельные черты и цельный о. 476, 477
- пространственный (нарисованный, о. в живописи, или картина) 452, 453 и изваянный 447
- художественные как потенции в природе человека 417
- конкретные и единичные 417
- чистый 334
- постоянство о. в происходящем и постоянство вещей в существующей 195
- аскетизма 532
- делаемого и процесс (способ, путь) делания 334
- отдаленного будущего 332, 333
- о. в душе ваятеля 409
- о. в душе композитора 391
- о. в душе поэта 458
- о. в душе художника 391, 396, 398, 558
- о. в уме читателя и воображении поэта 427
- и картины как пространственный элемент в поэтической форме 439
- и копия, подобие человека в живописи 446
- и очертания 394
- или понятие 379
- и слова 452
- Образец (образцы, идеал) 350
- нравственной красоты в истории 543
- чувственности и чистой одухотворенности 532
- Образование (обучение, воспитание) 595, 609
- определения 81
- школьное 579, 580
- Обстоятельства
- внешние 346
- игра случайных 585
- Обучение см. Образование
- Общее (все) 412, 500
- и постоянное 147 (см. Единичное)
- Общество (общества, общественные организации) 331, 635
- как государственный орган 565
- как специализированное государство 565
- павшее (чуждое нравственности) 420, 422
- торговое 565
- разложение (процесс разложения) 194, 215
- устройство человеческого 336
- Общественность
- широкое развитие 437
- Обычаи
- начальные 424
- и привычки 424
- Объективное
- и субъективное 98, 121
- Объект см. Предмет
- Обязанность (обязанности)
- соединение в одном лице 597, 598
- и права двойной ряд 561
- Одно см. Единичное
- Однородное см. Сходство
- Одухотворенность
- свободная и обремененность веществом 487
- Окружность 360

- геометрическое понятие 367
- Опасность 595
 - внутренняя и внешняя 571
 - общегосударственная 600
- Описание 120, 229
 - как совершеннейшее выражение наблюдения, закрепление умственного впечатления 120
 - простое 104
 - точное 173
 - цельное и систематическое 171
 - предмет 121
 - и классификация 231
 - и повествование 4
 - и рассуждение 442 (см. Наблюдение, Теория)
- Определение (определяющее) 84, 93, 115
 - есть орудие геометрии 369
 - как цель, исходная точка и орудие изучения 92
 - должно стремиться к раскрытию природы определяемого, а не к указанию только на его признак 361
 - геометрическое 173
 - атрибутивные 115
 - недостатки 111, 112
 - значение (роль) в развитии знания (науки) 84, 94
 - классификация 111
 - роды и виды 84, 92—94
 - теория 91
 - и определяемое 111, 114
 - и существующее 115
 - положительное и отрицательное 270
 - формальное 292
- Опровержения
 - и доказательства 79
- Определяемое
 - сущность 94
- Опыт (опыты, опытное изучение) 25, 35, 38, 63, 99, 100, 109, 161, 178, 179, 388
 - искусственные 101, 119, 147, 280
 - осмотнительный и искусный 591
 - чувственный 61
 - и умственный 32, 35
 - и наблюдение (наблюдения) 59, 296, 604
 - и размышление (умозрение) 34, 63, 100, 442
- Орган (органы)
 - как многоцельные части 235
 - как целесообразно устроенная часть целого (организма) 235
 - государственный см. Государство, орган
 - многоцельные (многоцельность о.) см. одноцельные
 - одноцельные (одноцельность о.) 235
 - есть способность всякого о. только к одному направлению, постоянному во времени, неизменному в форме, с тождественным сознанием 385
 - развитие в многообразные формы 267
 - и многоцельные 236, 264, 265, 267, 268
 - растительные и животные направленность в строении и развитии 541
 - жизнь 235
 - есть выполнение цели, для которой о. предназначен своим строением, есть осуществление назначения, вложенного в него природою 261
 - полная функция 386
 - развитие 268
 - у прототипа рода

- в разнообразные формы у видов 267
- соответствие о. друг другу 260
- строение (формы) и деятельность (модусы целесообразной деятельности, целесообразные процессы) 264
- и назначение 365
- формы см. строение
- размножения как основание для искусственной классификации растений (Линней) 348 (см. Организм, Чувство)
- Организм (организмы, органическое) 173, 186, 195, 216, 222, 223, 230, 343, 374, 375, 387, 526, 618
- есть выражение целесообразности живого мира органических существ 258
- есть обнаружение целесообразности в веществе 260
- имеет двойственное строение, т.е. имеет тождественные части 353
- как произведение физической природы 525
- как целесообразное соединение органов 267
- как целое 235 и его части 258-260
- политический (политические, государственный) 215, 350, 435, 561, 563, 598 современные 339 новообразования и умирания в п.о. 563 (см. также Государство)
- простой см. Протоорганизм
- растительные и животные см. Растения, и животные
- самые малые 520
- жизнь слагается из жизни его органов 260, 261 и особенности 280
- основные типы: протоорганизм, класс, род, вид 236, 268 классификация 268, 269
- природа 235
- происхождение (процесс образования) 230, 343
- разновидности 304 искусственные 319
- разумность (разумная целесообразность, скрытая в о.) 259, 260
- рост (развитие) 193, 212
- свойства 180, 369
- сила 318
- строение 235
- существование 377
- цель как рода 264
- человека 12, 524 и мышление, чувства и воля 377, 379
- формы учения об о. 236
- и его вещественная форма (вещество, материя) 398, 524
- и жизнь 235, 258 составляет особенность и сущность органического мира 257
- и неорганическое тело 258
- и органы (распадение о. на органы) 232, 236, 264, 265, 268, 269
- и искусственно сделанные вещи (предметы искусственные) аналогия между 259, 260
- Органичность (органическое)
- определение (сущность) 257
- о. в царстве (мире) растений и животных 257
- и безжизненное 50
- Основа (основание, основа-

- ния) 64
- логическое и следствие 267
- правильные 400 (см. Индукция, Математика)
- Осуществляющее
 - и осуществляемое 627
- Осязание 18
- Отвращение
 - от всего земного 418
- Отечество 572
- Откровение 427
 - необходимость 440, 488 и сущность 486
- Открытие
 - есть нахождение того, что уже ранее существовало 398 (см. Изобретение)
- Отличия
 - видовые 354
- Отношения (отношение, соотношения) 35
 - есть неизменное тождество 501
 - всякое с. может быть выражено в законе 283
 - как самостоятельные существа 257
 - возможные и невозможные 276, 277
 - временные и случайные (устанавливаемые человеком) и постоянные и необходимые 631, 632
 - государственные (общественные и политические) 422, 584
 - безличность 560
 - привлекательность, человечность и справедливость 583
 - формы
 - и нравственные возбуждения 583
 - дружественные 497
 - личные 422
 - мировые материи и духа, вещества и формы, причины и цели 271
 - национальные, 422, 584
 - неправильные 583
 - общественные см. государственные
 - оценивающее 378
 - семейные 497
 - сословные (о. сословия к сословию) 422, 497, 584
 - существующие в природе 273
 - точные количественные 355
 - человеческие естественное и неестественное (искусственность) в ч.о. 437
 - численные 358
 - экономические 302, 422
 - взаимности (обоюдного влияния, безразличия) 274
 - господства и подчинения 497
 - дающих законы к приводящих их в исполнение 497
 - духа к телу суть о. не свойства к сущности, но сущности же к сущности (существа к существу) 380
 - зависимости 421, 583
 - окружности к диаметру 361
 - равенства и неравенства 274
 - о. между людьми 391, 393, 582
 - и соотношение 617 (см. также (Со)отношения; см. Свойство)
- Отражение 25
 - действительного мира 107
- Отрицание 71, 364

- неопределенное 137
- и отрицаемое 138
- и утверждение 107, 134
- Отчаяние 324-326
- Отчужденность (отрешенность)
 - от всего на земле 428
- Отшельничество
 - и покаяние 420
- Очергания (очертание) 539
 - видимое 441
 - линейное 445
 - преемственные см. Поэзия
 - пространственные 443, 444 (см. Поэзия) и временные 449 (см. Архитектура, Плоскость)
- Ошибки
 - суть особый вид зла в деятельности 533
 - невольные 5
 - субъективные и объективные 97
- Ощущение (ощущения, чувственное о.) 100, 157, 158, 301, 530
 - болезненные 387
 - непосредственное 98
 - субъективные 278
 - тонкость 571
 - единства 593
 - неудовлетворенности 406
 - радости 99
 - собственного безобразия 527
- Падение
 - есть проявление силы тяготения 411
 - и возвышение внутренние и внешние 421
- Палеонтология 318
- Памятники (исторические памятники) 603, 604
 - свидетельства и раскопки 602
- Память 606, 613
 - предков 559
- Пангеометрия
 - Лобачевского 366
- Партии
 - нуждаются в нравственном возрождении 582
 - борьба 610
- Патриотизм (чувство патриотизма) 563
 - определение 598
 - п. в России 600
- Патриархат 608
 - упадок 610
- Первоматерия
 - и первоформа 253
- Первочисло 365
- Перемещение
 - чистое 214
- Перечисление 477
- Периоды (период)
 - исторические 420
 - Возрождения 403
 - Реформации 403
- Писатель (писатели, художник)
 - великие особый язык 400, 404
 - художественные 463
 - дух 404 и его характеров 464
 - природа дарования 460
 - художественная сила 459
 - знание писателем других людей 463
 - совершенное понимание и предвидение у п. 463
 - и критик 463
- План 7, 8, 76, 103, 320
 - творческий 313
 - и планомерное 315 (см. Сила, сопротивления)
- Планомерность
 - определение 316
 - и последовательность как вероятные признаки целесообразности и разум 316

- Племя (племена, община) 498, 570, 596
 — суть однородные неразвитые государства 435
 — дикие и образованные 626
 — первобытное 556
 — общественная жизнь 435
- Плоскость**
 — как основа (основание) живописи 439
 и как пространственное очертание 444, 445
 — геометрическая 445
 — и линии 146
- Побуждение (побуждения)**
 — есть прямая причина творимого 543
 — нравственные и политические 583
- Повелевающий**
 — и повеления 597
- Повиновение**
 — как постоянный и необходимый элемент государства 560
- Повторяемость**
 — как вероятная сущность числа 358
 — независимых существований 361
 — п. в архитектуре 478
- Подлежащее**
 — логическое 92, 93
- Подобное (подобие, явления подобия) 353**
 — и не подобное 504
 — воздействие
 — и противоположное
- Подражание 349**
- Познаваемое (предметы познаваемые, познание, предметы познания, изучения) 42, 70, 410, 441, 647, 649, 653, 655**
 — занимает промежуточное положение между идеею цели и самою целью 340
 — как частное проявление бытия 49
 — общность как элемент в нарастающем научном понимании 546
 — природа, свойства, причины, цель 49
 — распадение по элементам понимания 443
 — созерцание 44
 — стороны 50
 — сущность (природа) 50, 84
 методы открытия и определения 99
 — тройственность и единство 48
 — учения о 126, 127, 129, 153, 373, 602
 по числу и содержанию должны соответствовать сторонам бытия и схемам разума 616
- Позна(ва)ние (изучение) 13, 31, 42, 43, 50, 56, 61, 64, 65, 70, 94, 98, 122, 411, 642, 645, 647, 648, 653, 654**
 — единства п. не существует 6
 — состоит в мышлении 84
 — как вторая потенция познания 648
 — как процесс образования обыкновенных, единичных знаний 86
 — как результат взаимодействия между познающим и познаваемым 614
 — как цель 85
 — как цельное воззрение человека на мир и на себя 68
 — определение 614, 648
 — бескорыстное 423
 — истинное 84
 — неизменное как содержание науки 9

- отрицательное и отрицательные доказательства 71
- развивающееся 70
- точное (точное научное) 172, 650
- возможность 61
- виды: неопределенные и определенные 51, 52
- временная неполнота и недостаточность 65
- границы (ограниченность) 64 и обусловленность 65, 66
- дело 325
- достоверность 135
- методы 99, 110, 120
- область 500
- объекты (предметы) 47, 50, 410, 439, 614, 634
- бесчисленность 75 (см. Существование)
- потенции 646
- природа 78
- процессы 48, 54, 109
- развитие 94
- способы (средства) 72, 85, 653 (см. Наблюдение, Описание)
- строение 646
- сферы 656
- схемы см. Схемы разума
- формы 70, 74, 75, 82, 92, 142
- цель 68, 94, 147
- бытия 49
- количества 50
- общего, дробного и целого 650
- пространства (положения) и времени 50
- существующего 321
- целей и следствий 120
- истинное и ложное в п. 9
- последовательность и преемственность в п. 196
- учение о 13, 153 (см. Логика)
- п. в духе 603
- п. через постановку вопросов 84
- и понимание 94
- и совершенное 75 (см. также Исследование, Способность)
- Познанное см. Познаваемое
- Познающее (познающее начало) 70, 401
- как первая потенция познания 648
- причина 73
- стороны бытия 613
- учение о 153
- Покой см. Движение
- Поколение (поколения)
- подрастающие (молодые) 579, 580
- Полезное см. Польза
- Политеизм
- греческий 594
- Политика (политики) 403
- наиболее мудрая состоит в том, чтобы не задерживать течение политической жизни 561
- задача 554
- и жизнь
- непрочность победы и недолговременность поражения в п. и в ж. 420
- и историки 471 (см. также Творчество, политическое; см. Стремление)
- Полководцы
- и солдаты (воины) 559 как граждане (римляне) 564
- Положения (положение)
- взятое за основание 88
- отрицательные 139
- теоретические 312
- и противоположения 88
- Положительное
- и отрицательное 352, 484

Полусуществование 154

Польза (явления пользы, полезное) 407, 436, 470, 471, 636

— есть верховное начало человеческой жизни 322

— есть цель в политической форме 544

— не есть особая форма добра 544

— как благо посредственно и не для себя производимое

— как критериум 80

— область существования как сфера деятельности государства 547, 568

— как цель государства 338, 440, 496, 568

— определение 568

— действительность и действительность признания пользой 636

— способы производства 568

— сущность 568

— творение 543

— и вред проявляются преимущественно в государстве и им осуществляются 542 как объект политической формы 520 как формы добра и зла 542

определение 543

— и цель 544

(см. Наука, Поступок)

Помешательство 467

— и безумие 462

Помощь

— медицинская 573, 574

Понимаемое 57

Понимание (процесс понимания, явление понимания) 13, 20, 27-29, 42, 44, 50, 71, 297, 301, 319, 373, 406, 421, 428, 545, 602, 629

— есть деятельность непрои-

звольная 638

— есть единственная деятельность разума 10

— есть жизнь разума и сущность его 33

— есть конечное (последнее, цель и результат) в деятельности разума 646, 647, 655

— есть первое и конечное назначение человека 618, 633, 638, 652

— есть явление свободно-необходимое (процесс свободно-необходимый) 30, 618, 634, 638, 652

— восходит к первоначальной стороне в человеческой природе 628, 629

— в п. раскрывается часть первоначальной природы человека 618, 634

— п. в целом (п. как целое) как исторический процесс 628, 630

— слагается из схем идей, предствленных в разуме 64

— как всепонимание 33, 65

— как задача философской истории 607

— как особенный мир 628, 629

— как состояние есть неудовлетворенность разума 414

есть цель п. как процесса 414

— как сущность науки 9

— определение 7, 15, 18, 637, 638, 646, 652

— движущееся

как элемент и как целое 411

— единое и цельное 619

— нисходящее и восходящее 408

— полное (полнота и цель-

- ность п.) 134, 226, 279
и правильное 97
— правильное (точное, истинное) 366, 390
и наука 644
— умозрительное и опытное 653
— философское
духа и жизни 459
единства общего в природе 593
— архитектоника 648
— безусловная свобода 634, 635
— внешние условия 9
— высшие ступени развития 415
— границы 33, 654
определены схемами разума 64
— идея (идеи) 8, 265
внутреннее самораскрытие 90
— исчерпывающий характер 655
— критериумы см. признанки
— метод 439
— начала см. распадение
— произвольность 634
— не связанность п. с жизнью 617
— нормы 50
— область 411
— общие идеи (схемы) см. Схемы
— отчетливость 571
— потенции: разум и внешний мир 647
— потребность
создает науку 624
— предмет (объект, объекты) 24, 34, 64, 69, 97, 654
действительное (реальное) и мыслимое 601
увеличивающаяся общность 408
и форма 439, 470
— признаки (критериумы)
24, 408
— природа 24, 127, 188, 414, 652, 653
— процесс (процесс образования, образование) 25, 32, 33, 39, 43, 47, 53, 56, 63, 64, 66, 134
есть творчество в разуме 410
общий для всей науки и для множества процессов создания науки 410
две стороны 54
план 64
результат 412
совершенствование
в духе и в жизни 414
форма и предел 412
цель 64
— распадение (внутренние деления в п., начала п.)
на познающее, познавание и познаваемое 69, 443, 613-616
— самоопределяемость 408, 411
— совершенство
и созидание науки 411
— содержание 32
— строение 184, 550
— схемы см. общие идеи
— усложнение 415
— усовершенствование (усовершенствованное п.)
прямое и непосредственное 22
фазисы: анализ и синтез 22, 23
способность п. к у. 9
— формы (форма) 127, 135, 143, 153, 185, 246, 416, 613, 652, 654
учение о познающем, учение о познавании, учение о познаваемом см. соответствующие рубрики
беспримесная 441
заключенная в схемах ра-

- зума 470
- общий обзор 601
- пределы 613
- и познание 601
- ясность 332, 333
- Космоса в его причинном сцеплении 268
- процесса и вещи 218
- недостающее в п. 622
- п. в истории (в настоящем и будущем) 653, 655
- и жизнь 628, 629
- и природа человека 629, 652
- и знание 412, 413
- и истина 470
- и наука и философия 652, 653
- и необходимость и потребность узнавать 412
- и понимаемое 473
- и чувство 415
(см. также Всепонимание; см. Скептицизм)
- Понятие (понятия, термины) 385, 598, 651
- есть в известном порядке соединенные мысли, т.е. форма оформленных вещей 391
- геометрические см. чистые
- истинные 75
- логические
- о частных целях 267
- новые
- и приобретенные 75
- смутные 106
- центральное 357
- чистые 218
- геометрические (геометрические истины, п. геометрии) 106, 107, 334
- возникновение в сознании человека 367
- объект 106
- разложение
- в веществе на предствле-
- ния 267
- п. о причинности производящей и обуславливающей 372
- п. о Творце
- как источнике человеческой природы 440
- п. о типе образцового государства 350
- и определение 106
- и представления
- отвечающие сложным учреждениям и законам 558
- установившиеся общие 558
- и убеждения
- твердые 333
- (см. также Идеи, Термины; см. др. рубрики)
- Пороки (порок) 432, 488
- личные
- и недостатки
- как причина бедности 529
- осуждение
- в религии 386
- разложение сущности исследуемого 534
- и зло
- знание глубины 613
- Последовательность
- определение 316
- Последующее
- и предыдущее 112, 118, 339, 340, 341
- Послушание 532
- Постановления
- письменные
- сознаваемые и действительные
- как обычаи 511
- Постоянное (постоянство)
- цель 81
- и необходимое
- и случайное и изменяющееся 125
- и непостоянное 317
- Поступок

- как акт пользы 542, 543
- самоотверженный п. женщины 543
- Потенции (потенция, потенциальность, потенциальное, потенциально скрытое, неосуществленность, возможность, способность) 64, 117, 119, 145, 163, 171
- каждая п. есть п. единичной вещи 181
- как часть реальной вещи 144, 145
- как явления 144
- живые и законченные 165
- мертвые и бесформенные 165, 170
- необходимая 64
- неопределенная 177 (см. определенные)
- определенные 167 и неопределенные 32, 165, 169, 173, 176, 346
 - их постепенное распределение и совершенство реальных существ 127
- полуопределенные 165, 166
- смешанная 165
- взаимнодействие 151, 145,
- виды см. неопределенные и определенные
- (действительное) существование 146, 154
- жизненность, сила и законы 145
 - изучение 146
- источник 144
- определенность и ограниченность
 - и индивидуальность вещи (определенность формы реального бытия) 172
- переход
 - в реальное (в реальность) 148, 150
- предустановленность 181
- природа 53, 144, 146
 - и свойства и отношения 147
- причина 144
- проявления 147
- распределенность (распределение) 165
 - совершенная 174
- реальность 144
- свойства 144, 151
- возможности
 - простая и сложная 39
- действительного бытия (действительности) 39, 147
- действительной фигуры 161
- идей (идеи) 62
 - существования (чистого существования) 38, 62
- крайних существ: химических соединений и организмов 165
- сущности 144
- общие правила о п. 147
- п. в природе 126
- и реальное (реальность) 166, 180, 187, 200, 207, 217
- Потребность (нужда) 498
 - действительная (естественная) и извращенная 531
- Поучение
 - нравственное 428
- Поэзия (поэтическое произведение) 390, 391, 417, 473, 531, 580
 - есть по преимуществу создание воображения 458
 - поэзии присуща форма, соединенная из пространственных и временных элементов 439
 - это вторая жизнь 459
 - определение 449
 - проникнутая философскими идеями 419
 - чистая, беспримесная 466

- богатство и красота 465
- предмет или содержание 439, 450
- природа 439
- ритм (размер) и язык (музыкальный элемент) 439, 450-452
- предшествуют самому произведению и стихотворению 452
- смысл 450
- сюжет 452
- виды пространственных очертаний в п.: картины природы и бытовые сцены 453
- любовь к п. 419, 420
- наука (учение) о п. 464, 465, 470
- новые явления в п. есть выражение общего настроения художника или поэта 452 (см. также Типы, и характеры)
- образ в п. (поэтические о.) 452-454, 540
 - вид: тип и характер 439
 - противоположность 439
 - роль в жизни и в истории 439
 - и художественные 439, 440
- преемственные очертания в п. 452
- собственно п. и проза 484
- и жизнь 458, 459
- и история 450, 451
- и художественность (художественная литература) 458, 460, 464-466
 - как два способа изображения прекрасного в области слова 439
 - недостатки 459 (см. также Произведения, поэтические, Творчество, литературное, поэтическое; см. Закон, тождества, Идея, Мера)
- Поэт (поэты) 419, 473, 474, 477
 - должен изображать дух создаваемого образа 476, 477
 - название 465
 - истинный и писатель 452 и художник и композитор 473, 474
 - думы, чувства и желания 453
 - душа (дух) 453 творческий 555
 - настроение у п. является всепроникающим чувством 404 или художника 452
 - и мыслители 437, 474
 - и художники 604 с сильным и живым воображением порок 482 (см. Философия)
- Правдивость
 - как болезненное отвращение ко лжи 537
 - как тождество между идеями, чувствами и желаниями и между словами и поступками 421
 - определение 421
 - и доброта 422 (см. также Истина)
- Правило
 - предмет 638, 639
- Правильное (правильность)
 - математическая в строении или в процессе 371
 - и ложное 75
- Правление 516
 - формы: монархическая, аристократическая, демократическая, олигархия, охлократия и тирания 514

- смена ф.п. в Риме и в греческих государствах 514
- Право (законодательство, права) 351, 516, 541, 651
- имеет целью свободу 495
 - обнаруживается первоначально в обычаях, т.е. выполняется прежде, чем сознается 511
 - по природе своей есть то, что позволяет 495
 - осуществляется в ряде отрицательных законов 496
 - существует и тогда, когда никем не сознано, нигде не написано, ни разу не произнесено 496
 - вечные отражаются в законах созданных, написанных или произнесенных 496
 - древнее обычное и современное правильное 339
 - истинное 551
 - отдельное 551/
развитие, принадлежность и объект 551
совершеннейшее выражение 551
 - средневековое и римское 538
 - строгое
холодность и безжалостность 572
 - установленные система, 551
объекты и субъекты 551
 - беспорядочность как недостаток 538
 - идея 89
 - источник
есть присущее человеку чувство справедливости 497
 - конечная форма (цель)
есть система прав, в которой каждому всякое и на все предоставлено п., какое и кто имеет по своей природе 551
 - красота 515
 - модусы изменения (изменяемости) 546, 551
 - назначение
в общественной жизни 538
 - направления:
стремление к совершенству и полноте 551
 - область
есть внешние отношения человека к человеку, человека к человечеству и человечества к человеку 496
и формы по применению 496
 - п. человека 496
 - п. гражданина 497
 - п. государства 497
 - объект
есть действия человеческие 496
 - систематичность (система) 546
как достоинство 538
 - совершенство и полнота как естественно нарастающее в п. 546
 - собственности
большее и меньшее совершенство 552
 - и доброжелательство 583
 - и нравственность
и государство
стремятся подчинить себе человека 495
сферы деятельности:
внешние, внутренние и массовые отношения людей 440
сходство и различие 495
 - и власть 637
 - и понимание 515
(см. Средства, Чувство)
- Практицизм

- Китая 607
- Пребывание см. Существование
- Пребывающее
 - все п. разлагается на вещество и строение 311
 - и происходящее 234 (см. также Сущестующее; см. Сущность)
- Предвидение (явление предвидения)
 - определение 463
 - п. в органическом мире 266
 - и всемогущество 9, 23
- Предельность
 - и беспредельное 488
- Предмет (предметы, вещи, объекты) 23, 32, 41, 45, 59, 72, 79, 92, 115, 388
 - как предмет стремлений 633
 - единичные (определенные) 62, 79, 124
 - как внутреннее содержание низших форм идей 90
 - вещественные и невещественные условия 146
 - строение 100
 - лежащие вне сознания 649
 - мыслимые 103
 - и (или) реальные 105, 361
 - наиболее дисциплинирующие ум 577
 - однородные 68
 - познаваемые см. Познаваемое
 - реальные
 - определение 48
 - счисляемые 360
 - сходные 46
 - и различные 47
 - атрибут (постоянное свойство) 93 (см. свойства)
 - изучение 42
 - отражение
 - в сознании 52
 - природа (сущность) 40, 42, 45, 60, 93, 99
 - и природа разума 64
 - причина 43, 45, 60
 - и следствие 48, 55
 - происхождение 45
 - роды и виды 62
 - свойства (признаки, атрибуты) 40, 41, 42, 45, 46, 48, 60, 376
 - и сущность 55
 - состояние
 - реальное и потенциальное 44
 - сравнение 44
 - существование 42
 - сущность см. природа
 - цель 45, 60
 - п. в действительности не похожи на то, чем они нам представляются 278
 - п. в самом себе 42
 - и (или) явления 68, 79, 90, 93, 94, 98, 99, 298, 545
 - возникновение 142
 - природа 100
 - формы 12
 - невидимые и видимые (наблюдаемые) 143
- Предприятие
 - общегосударственное 600
- Предположение 81, 82, 92, 93, 627
- Предрассудки
 - и суеверия
 - в простом народе 533
- Представление (представления) 35, 59, 62, 220, 354, 531
 - общие и одинаковые исчезновение 559
 - комбинирование 45
 - полнота 254
 - привычки 398
 - сила 398
 - части 354
 - п. о необходимости воздаяния за добро добром

- и за зло злом 593
- п. об одновременности 352
- п. об отдельных видах блага 409
- п. о себе как о принадлежащем к чему-либо самостоятельному и цельному 598
- и понятие 353
- у людей, входящих в государство 557
- и чувства
- и стремления (желания)
- соотносительные 564
- распадение 563
- (см. Понятие, разложение)
- Предсуществование см. Существование, потенциальное
- Предсуществующее 59
- Предубеждение 109
- Предусмотрительность 307
- Предчувствие
- действительности
- и сама действительность 486
- Предыдущее
- и последующее 115
- Преимства (преимство) 301
- причинные
- в Космосе
- и их распределение во времени 302
- (см. также Связь, причинная)
- чистые 371
- (см. Сосуществование, Факт)
- Прекрасное 402
- как критерий 80
- уничтожение 530
- и (или) безобразное (омерзительное) 352, 478, 479-481, 527, 531
- это соединение красоты с чем-либо чуждым ей 470
- п. и б. в художественном произведении 482
- и низкое, недостойное 585
- Преступление 584, 598
- неотмщенное 595
- и наказание 582, 584
- Преходимость
- как атрибут соединения пассивного и деятельного начал 211, 212
- формы существования 212
- Прибавление
- причина, сила 144
- и убавление 170
- Признаки (признак) 354, 441
- видовой 92
- определяющие 289, 290
- признака 115
- сущности 115
- Принуждение
- внешнее и внутреннее 423
- Природа 23, 27, 49, 107, 108, 150, 153, 164-166, 200 215, 239, 311, 317, 319, 441, 443, 510, 513, 525, 542, 638
- как источник индивидуальности всего 245
- безжизненная
- и нравственные цели 388
- бессознательная
- силы и законы 336
- первоначальные по происхождению и всеобщие по сфере действия 221
- внешняя (окружающая) 122, 416
- бедное однообразие 593
- и сознание 359
- деятельная 632
- духовная 82
- живая 154
- и мертвая
- и разумная воля человека 553
- органическая 608
- постоянство форм 304
- искусственное видоизменение 304

- физическая 389, 390, 417, 488
- ей чуждо безобразию 539
- и мир человеческий 430
- и нравственная 102
- и окружающая жизнь
 - не суть источники религиозного процесса 409
- и разум
 - строение 363
- человеческая см. Человек
- бытие
 - первые источники 133, 134
- группы 301
- и жизнь 595
- и вообще органическая п. 385
- и человеческое могущество 629
- дары 459
- действие 140
- жизнь и разнообразие 186
- закономерность (закон) 201
- изменение
 - человеком 594
- изучение (умственное рассмотрение) 100, 228
- картины 452
- количественная сторона 234
- красота
 - и благодетельная правильность линий 522
 - и уродливое 540
- общие законы 147
- одухотворение 388
- правильность и последовательность 290
- первоначальное невинное состояние 485
- порядок 492
- развитие
 - беспредельное 144
 - постоянство 234
- разнообразие
 - безграничное 144
 - видимое
 - сводится к разнообразию свойств 277
- своеобразие 654
- силы 183, 186
- сущность
 - и существование 234
- строение
 - единство 234
- сходство и различие
 - с другими сторонами бытия 234
- тайны 299
- творчество 169
- царства 170
 - неорганическое (мир неорганических веществ, минералов и горных пород) 170, 173, 174, 183, 226, 231, 261, 262, 369
 - вещество и количество 172
 - свойства 171
 - сравнительное совершенство потенциалов 170-174
 - сущность 171
 - и кристаллы 172, 176, 177, 183
 - и простые смеси 170-172
 - органическое (растительное и животное, мир растительных и животных организмов, растений и животных, живых существ) 146, 152, 231, 172, 174, 183, 184, 226, 257, 261, 263, 397, 300, 304, 315, 539
 - как последовательно развивающаяся и планомерно расположенная система организмов 267
 - определение 173
 - история и строение 265, 268
 - объяснение особенностей 269
 - основной и отличительный закон 386

- развитие (история) 267
 причинное
 теория 235, 263
 конечные результаты
 262
 общий закон 236, 264
 последовательность (ос-
 новные моменты
 в р.о.м.) 235, 262, 268
 совершенство 180
 формы
 постоянство и видоиз-
 менение 318
 целесообразность 235
 и м. минералов 257
 и м. существ психических
 267
 — цели 313, 328
 — части
 соотношение и взаимо-
 действие 364
 постоянная закономерная
 правильность 364
 — явления 140, 541
 — вещей
 в ее частях и в целом 541
 и отношений 551
 — определяемого 107
 — проявляющегося 628
 — соотносящегося
 неизменное в п.с. 501
 — творимого 392
 — активное и деятельное
 в п. 291
 — подражание природе (изо-
 бражение п. без измене-
 ний) 511
 — постоянство форм в п. 318
 — проявление деятельного
 начала в п. 228
 — и вещество 390
 — и ее образ 369
 — и жизнь 18, 19, 119, 466
 и воспроизведение 475
 — и противоестественное
 489
 — и свойства 287
 (см. также Мир; см. Кра-
 сота)
 Притяжение 166, 270, 284
 — определение 274
 — земли 350
 (см. Сила)
 Причина (причинная связь,
 причинное соединение,
 причинность, явления
 причинности, причинное
 сцепление, соединение)
 38, 50, 102, 110, 117, 126,
 138, 239, 240, 286, 300, 302,
 316, 319, 348, 614
 — есть душа всего неоргани-
 ческого и мертвого, ис-
 точник его устройства
 и ключ к его пониманию
 261
 — есть полная реальность
 307
 — есть соединение произво-
 дящего и производимого
 307
 — есть факт внешнего мира
 335
 — понятие 235
 — п. слепа 307
 — как посредствующее меж-
 ду целесообразностью
 и действительностью 305
 — как потенция 295
 — как производительность ве-
 щей 117, 118
 — как сцепление пространст-
 венное и временное 285
 — определение 11, 114, 116
 истинное, полное и совер-
 шенное 115
 мнимое (мнимая п.) 116,
 285
 есть определение причи-
 ны как «безусловно пре-
 дыдущего» 292, 293
 эмпирическое происхож-
 дение 115
 — внешние и внутренние
 609, 610
 — истинная

- происхождения всего 300
- мнимая см. определение, мнимое
- однородная с сознанием человека 304
- первая (первоначальная) как первое желание 357
- общая 288
 - как производящий деятель 287
- полная 224
- производящая и обуславливающая 326, 571
- простейшие
 - перерождение простейших п. в более сложные 263
- скрытые 118
- случайные и внешние 169
- сосуществующие 192
 - первоначальные 302
- чистая (чистая нравственная) 377
 - и физическая
 - нарушение 542
- атрибуты 43
 - и признаки 289
- группы 589
- двойкий схематизм 286
- изучение
 - план и цель 301
- логические определения 104
- назначение 290
- общая теория 285, 286, 296
- общие законы 147
- одухотворение 388
- порядок 492
- отклонение
 - от чистого нравственного пути 423
- природа 43, 118, 263, 347
 - ложное определение 119
- происхождение (источник) 290
- распределение 128
 - и проявление в Космосе 301
- свойства
 - основные (основное) и определяющие 289
 - и производное 115
 - способ познать 289
- сосуществование см. типы
- существование 286
 - реальное
 - и потенциальное 287
 - форма
 - как простого и необходимого соединения причины и следствия 288 (см. типы)
- сущность 115, 288, 289
- типы (формы, роды):
 - сосуществование и преемство см. Связь, причинная
- энергия
 - постепенное ослабление 287
- вещей и явлений (явлений и процессов) в Космосе 285-287, 594, 301, и мысли о божестве 594
- всего единичного (п. в отдельных явлениях природы) 115, 286
- всего существующего и совершающегося 43
- изменения (изменений)
 - внешняя действующая 206
 - в организмах, в духе и в жизни 228
- Космоса
 - как целого 285, 286
 - план и система в п. 286
 - п. в значении абсолютном, безотносительном (п. вообще)
 - имеет существование вечное 287
 - и ее проявления 112
 - п. в истории
 - определение 607
 - п. в самой себе 128, 286
 - и другие стороны бытия

- 285, 286, 293
 — знание о п. 110
 — прошедшее и будущее в п. 307
 — и генезис вещей (изменение бытия) 289
 — и действие 197
 — и переход бытия из состояния потенциального в реальное 289
 — и природа вещи или явления 285
 — и свойства 294
 — и следствие (следствия, последствия) 48, 99, 115-115, 132, 135, 136, 197, 203, 226, 238, 262, 274, 285-289, 293, 296-298, 301, 303, 307, 323, 326, 347, 384, 592, 594, 600
 знание отношения п. и с. есть единственное средство проникнуть в недоступные части мироздания 286
 п. постоянно и необходимо тождественна со своим с. 298, 299
 есть одно 299
 как часть и целое 298
 мнимый закон о всеобщей связи п. и с. (всеобщей причинной связи между явлениями) 96, 104, 105, 107, 108, 110, 117, 295, 299
 непрерывность сцепления 291
 определяющие признаки 289, 290
 порядок следования 337
 постоянство и безусловность 115
 свойства и природа 117, 118
 характер и соотношение признаков 119 (см. Явления)
 — и случайность 263
 — и существование 293
 — и сущность 234
 есть всегда одно 249
 вещи или явления 294
 — и цель (цели, целесообразность) 17, 261, 264, 269, 294, 295, 307, 336, 345, 590
 сущность 237
 (см. Беспричинность)
 Причинность см. Целесообразность
 Прогрессия
 — арифметическая
 и геометрическая 362
 Продажа 113
 Продукт
 — двойная ценность: естественная и рыночная 113
 — спрос и предложение 113
 Произведение (произведения)
 — литературные
 содержание 462
 — музыкальные
 отдельные формы
 и общая мелодия 452
 — поэтические
 виды: драма, лирика, эпос 390
 полнота 391
 есть отсутствие в нем невыполнимых целей 481
 и излишества 481, 482
 цель 481, 482
 республиканская идея в п.п. 453
 (см. также Поэзия)
 — художественное (п. искусства) 113, 457, 510, 568
 стремится выразить совершеннейшую красоту совершеннейшим образом 551
 содержание и форма 452
 — зодчества
 отдельные
 и общий стиль 452
 — образного искусства (жи-

- вописи) 453
- Произведение (производительность)
- как акт творчества 117
 - как явление 117
 - историческое 605
 - целесообразного процесса
есть всегда свободный акт
творческого разума 321
- Производительность
- мелких городов 575
- Производящее
- и производимое (произведенное) 117-119, 289, 301
 - и воспринимающий 568
- Произвол
- грубый 484
 - и изворотливость 584
- Происходящее см. Совершающееся
- Промысел 575
- Промышленность
- кустарная 575
 - центры 575
 - и торговля 437, 575, 610
- Простое (одно)
- и сложное 21, 50, 119, 136, 151, 164, 214, 223, 235, 264, 265, 350, 351, 517, 518, 614
 - разложение с. на п. 500
- Пространство 126, 132, 157, 161-163, 214, 216, 246, 358, 360, 379, 569
- есть координата бытия, условие протяжения и мера всего протяженного 235, 254
 - есть скрепляющий элемент основных сторон бытия: существования и сущности 247
 - как бесконечная возможность конечного протяжения вещей 156
 - как вечное условие всего сущего 160
 - как высшее условие бытия вещей 156
- как мера материи и вместительнице форм 235, 253
 - как неизменное и вечное условие конкретных вещей 132, 133
 - как сущность пребывания 126
 - чистое 369
 - абсолютная неподвижность 256
 - безграничность 235, 256, 277
 - неправильное понятие 513
 - овеществление форм 234, 247
 - однородность 133
 - природа 133
 - тождественность (тождество) 133, 161
 - участки 290
 - формы 146
 - неподвижность и вечность (устойчивость) 248, 249
 - части 133
 - частицы 396
 - строение в п. 185
 - и время 57, 146, 152, 194, 235, 243, 253, 288, 302, 515
 - есть разложившееся на свои начала движение 247
 - есть координаты мира 254
 - внутренние свойства 256
 - однородность (тождественность) и безграничность 256
 - противоположность 254
 - и движение 358
 - и протяжение и изменение 255
 - и формы 364, 366
 - и явление и процесс 185
 - и протяженность 235 (см. Строение, Существование)
- Противоположность (противоположное, противоположнейшее) 414, 466, 512
- определение 351

- п. в человеческой душе и жизни 464
- и однородное 420 (см. Стремление)
- Противоречие 155, 415, 619
 - грамматическое 612
 - противоестественность как несогласие с природой вещей 492
- Протоорганизм 236, 268
 - и органический мир 236
- Прототип см. Вещи, сходные, Красота, Род
- Протяженность (протяжение) 206
 - и направление 106
 - и пространство и материя 252
- Процесс (процессы) 195, 305, 648
 - есть изменяющееся изменение 193
 - есть основа и личной жизни человека, и общей жизни всех людей 422
 - есть преемство сосуществующего необходимо в пространстве 194
 - есть сложное изменение, состоящее из многих простых, соединенных причинным преемством 193
 - есть совершеннейший тип генезиса 193
 - как порядок расположения элементов изменения 334
 - как причина возникновения вещей 186
 - как строение многих сложившихся элементов 248
 - определение 243
 - внутренний (невидимые, скрытый) 16, 19, 21, 22
 - единичный (единичные) исторические
 - силы и законы 610
 - модусы изменения 610
- понимания 399
 - и конкретный 321
- естественные 589
- жизненные 589
- законодательный начало 423
- цель 423
- изменяющиеся
 - виды начатия и окончания 230
- искусственные 589, 596
- исторический 516, 611
 - зарождение и исчезновение 611
 - внешние и внутренние причины 601
 - силы и законы 610, 611
 - формы 601
 - расчленение
 - на единичные п. 601
- логический 436
- мыслительные 97
- научный (п. научного творчества) 414, 632
 - источник зарождения 408
 - субъективные и объективные следствия 415
 - цель 408
- неопределенные
 - сущность
 - состоит в двойном отсутствии необходимости 219
 - и определенные 186, 219, 220
- нравственный 515
 - дает внутреннее успокоение душе и служит источником чистой радости 422
 - определение 219
 - действие
 - объективное 408
 - субъективное
 - и свойства 421, 422
 - конечная форма 423
 - способность
 - смягчать и скреплять

- человеческие отношения 408
- определенный формы (виды): раскрывающийся (см.), замкнутый и сомкнутый (см.) 223, 224, 227, 231, 232
 - производит одну и ту же вещь 220
 - конечная форма (назначение) 227
 - общие законы (правила) 227
 - полное понимание 226
 - расположение в пространстве и строение во времени 227
 - свойства и природа 227
 - соотношение (сочетание) элементов 220, 226 (см. неопределенные)
 - политический 437
 - состоит в последовательном усложнении (последовательном росте) государства 434
 - как важнейшая сфера творчества в области воли 409
 - свойства и влияние на отдельные стороны духа и жизни 436, 437
 - усложнение формы 434
 - постоянный 343
 - правовые
 - сложный или простой 144
 - раскрывающийся 220, 221, 225
 - есть самая типичная и самая совершенная форма процессов и генезиса вообще 220
 - по сущности и строению совпадает с процессом раскрытия идей 220
 - свойствен живому существу 226
 - сущность
 - есть развитие 225
 - и сомкнутый 186
 - религиозный см. Творчество, религиозное
 - сомкнутые (сомкнутый, замкнутые) 220, 221, 224, 226
 - представляют собой неизменное и постоянное повторение одного и того же элемента 221
 - свойствен космическим телам или небесным светилам 226
 - особенность
 - есть вечная повторяемость 224
 - отсутствие преемственности в с.п. 226
 - творческий (творческие, п. творения, п. творчества и творческой жизни) 376, 439, 441, 610
 - зарождение в духе и воплощение во внешнем 409
 - прямая цель и побочные следствия 418
 - стороны: субъективная и объективная (т. п. в духе и в жизни) 408, 409
 - и дух 515
 - и понимание 418
 - целесообразный см. Целесообразность
 - величина и форма
 - сущность 609
 - источники и извне лежащие условия 609
 - механизм 312
 - особенности 193
 - примеры 193
 - расположение (строение) 338
 - есть сочетание форм в пространстве 243, 246
 - во времени 185, 193
 - роды 321
 - следствия и употребление

- 408
- соединение, совместное развитие и разъединение 514
 - строение см. расположение
 - цели 312
 - вечного истечения как возможная причина начала деятельного 186
 - возникновения, развития и умирания языка 438
 - действия или чувствования 632
 - изменения как объект учения о сущности генезиса 189
 - образования определение 149
 - осложнения (развития) нравственного чувства 419, 420
 - значения в истории и политике 420
 - отнятия и прибавления 131
 - причинного воспроизведения есть всегда процесс изменения чего-либо, т.е. движения 347
 - различным различного предел 347, 348
 - развития учреждений (распадания политической формы, расширения, устройства государства) 516, 610
 - разделения и уничтожения 348
 - разложения 267
 - сравнения 45
 - стремления к объектам определение 632
 - творения (творчества) и формы творимого 513 (см. Творчество)
 - и результат 639
 - п. в истории 607 (см. Строение, см. др. рубрики)
- Прошлое (прошедшее, предыдущее) 58, 576, 612, 654
- как обуславливающее, но не производящее 292, 293
 - изменение 216
 - и будущее (последующее, производимое) 195, 292, 293, 296, 297, 300, 304, 467, 492, 542, 558
 - и настоящее 235, 254
 - и сосуществующее (настоящее) 117
- Проявление
- как сущность пребывания образующегося бытия 148
- Пруссия
- как государство 554
- Прямая (прямизна) 380
- геометрическое понятие 367
 - и ее сочетания 368
- Психическое 214, 270
- Психология
- входит в Учение о познающем 650
- Пустота 58, 129, 138, 142, 148
- существование 156 (см. также Небытие)
- Путь (пути)
- сообщения 574
 - к конечным формам естественный и отклоняющийся от зла 596
 - в истории как совокупность совершенного и соврешившегося 614
- Пытливость 20, 641
- определение 21
 - порожденная сознанием грани между известным и неизвестным 625

- Рабочий
— и фабрикант 424
- Равенства (явление равенства) 353, 361
- Равное
— и неравное 360
- Радость (радости) 270, 414, 417, 449
— великая
и сознание совершенства 583
— внутренняя 423
— небольшие 493
— непреходящая и покой 493
— религиозная 404
— жажда 533
— мучительное в р. 422
— и горе (горесть, горести) 419, 421
земные 418
— и отчаяние 494
— и спокойное веселье 456
- Развитие 225
— историческое
цельное
и единичные (отдельные) составляющие процессы 608
ступени 626
понимания, искусства, нравственности, права и государства 515
(см. История)
— космическое 323
— нравственное (р. нравственного чувства)
как производящая причина деятельности и учения 421
формы: чувства, деятельность и учение 421
— общее генетическое и конкретные генезисы 216, 217
— психическое
вершины 385
— человеческое см. Человек
- последовательность (формы р.) 52
от форм простейших к более сложным (от простого в сложное) 262, 263, 265
— железных дорог 575
— и совершенство государственное
мера 569
(см. также Генезис; см. Способность, Стремление)
- Разврат 526, 532
- Развращение
— детей и простого народа 576
- Различие (различия, различное)
— возникают или через удаление от подобия, или через присоединение и отделение чего-либо в причинном процессе 350
— определение 191
— родовые, видовые и индивидуальные 235
— сложное
как цель 345
— возникновение (происхождение) 185, 345
— источник соотношения 499
— сущность
есть присутствие иного в ином 346, 347
— методов и предметов 442
— природы (сущности) 354
— различия 192
— р. в степени
и сходство в сущности 432
— р. по составу и по форме 355
— впечатления от р. 352
— трудность для р. воспроизводить р. 345
— и сущность 347
(см. также Сходство и различие)

- Размышление 55, 58
 — и наблюдение над повседневной жизнью 611
- Разнообразие (разнообразное)
 — как одна из целей живой природы 265
 — р. в самих р. 348
 — и однообразии 21 (см. Речь, метрическая, Скульптура)
- Разрушение
 — есть переход формы в форму через форму (процесс) 395
 — и изменение 395
- Разум (intellect, познающее начало, сила понимания) 15, 16, 19, 24, 31, 49, 52, 53, 58-61, 68, 70, 75, 100, 134, 142, 150, 181, 201, 260, 282, 300, 310, 320, 321, 330, 398, 406, 416, 428, 441, 485, 500, 610, 619, 640
 — есть всегда и необходимо первоисточник (творческая потенция) всякой целесообразной деятельности (идей целесообразной деятельности) 313, 321, 322
 — есть мир, выраженный в символах 61
 — есть первое и существеннейшее в духе 633
 — есть первоисточник идей государства 320
 — есть потенция познания 646
 — не обязан своим происхождением ничему внешнему 423
 — совершенствуется и возвышается через последовательное повторение в нем процессов понимания 414
 — составляет часть первоизданной (р. как первоизданная часть) природы человека 628, 653
 — разуму присуща форма понимания 473
 — как одна из потенций понимания 64
 — как потенция, стремящаяся к действительности (как бытие потенциальное) 53, 63, 533
 — как приемник впечатлений 52
 — как ряд чистых стремлений и чистых возможностей выполнить эти стремления 632
 — как система идей 51
 — как творческий первоисточник неопределенного числа целесообразностей (как источник целесообразности) 313, 320
 — определение 32, 33, 53, 60, 70
 — последнее и полное 62, 64
 — анализирующий 145, 484
 — единичный и всеобщий 67, 73
 — наблюдающий 108
 — нормальный (нормальное состояние р.) 410
 — познающий и познаваемый космос 60
 — сомневающийся и спрашивающий состояния 123
 — человеческий 613, 652
 — деятельность, цель и результат 647, 648, 654
 — сила 170
 — формы деятельности: наука и философия 645, 648
 — аксиомы 100
 — бессилие 256, 414, 415
 — внутреннее строение 270,

- 412
- границы (ограниченность) 33
- движение
- формы и цель 103
- деятельность (деятельное состояние) 10, 44, 45, 47, 52, 56, 74, 410, 646
- всегда будет только процессом понимания 632
- свободна только по отношению к творческому акту и к возникновению со-творенной им идеи 322
- и необходима 322
- внутренняя 316
- целесообразная 25, 319
- жизненность 54 - 57, 72, 73
- природа 32, 53
- задача и назначение (цели) 261, 262
- законы 57
- первое достоинство по отношению к целесообразности 329
- плодотворность 418
- потенциальность (потенциальное состояние) 173, 535
- переход
- в состояние реальное 64, 85
- потребности 55
- предмет 23
- природа (сущность) 10, 11, 12, 13, 15, 33 - 35, 40, 42, 43, 50, 52, 55, 57, 60, 71, 73, 74, 87, 116, 123, 270, 541, 618
- законы 316
- и строение 63
- причина 73
- произведение (произведения) 389, 391
- произвол 86
- самоуглубление 153
- свобода 15
- свойства 73, 632
- сила (сила проявления) 25, 628
- состояния: сомнение, созерцание, пытливость и др. 72, 122, 123
- естественное (сообразное с природой)
- заключается в чистом и спокойном созерцании кажущегося истинным 618
- и неестественное 618
- нормальные и ненормальные (близкие к безумию и само безумие) реальное и потенциальное 39
- и свойства 623
- стремление (стремление р. к пониманию) 40, 44, 55 - 57
- причина и источник 42
- строение 32 - 34, 39 41 - 43, 56, 69, 72, 73, 632, 637, 641, 655
- предопытное 57
- и законы 628
- и строение мира 66
- существование 72
- предопытное 38, 39
- вид см. формы
- сущность см. природа
- схемы см. Схемы разума
- типы (склад)
- в средние века и Новое время 399
- и состояния 373, 401
- требования 298
- и свидетельства чувств 297, 299
- уверенность (убежденность) 109
- формы (вид, формы существования) 34, 53, 54
- как потенции разумения 73
- (см. также Понимание, формы)
- цель см. задача

- ясность 25
- влияние на р. силою убеждения 330
- норма в р. 401
- предопытное и предыдущее в р. (предчувствования р., схемы) 60 (см. также Схемы разума)
- процессы в р. 74, 401
- существенное и неизменное в р. 62
- творчество в р. см. Понимание, процесс
- формы учения о р. 70
- и бытие 33
- и воля 321
- и знание 33
- и идеи и вещи (мир реальный) 67, 73
- и мир (физический мир) 64, 65, 646
- и мышление 499
- и наука 499
- и неразумное 489
- и опыт 101
- и (по)знание (процесс познания) 67, 646
- и понимание 20, 33
- и сознание 121
- и сомнение 643
- и чувство (чувствование) 14, 79, 148, 499, 629
- и целесообразность 305, 319 (см. также Мышление, Сознание; см. др. рубрики)
- Разумное**
- может быть произведением только разума 315
- Разумность**
- есть отношение к предметам и явлениям, соответствующее с истинною, но не кажущуюся природою их 274
- высшая 322
- и доброта
- как свойства человека 275
- и планомерность 336
- Расстояние** 359
- Растение (растения)** 219, 221, 374
- образование (процесс образования) 220, 224
- орган 544
- организм 230
- развитие 321
- формы 177, 179
- и животные (растительные и животные организмы) 180, 258, 260, 265, 315
- типы (формы) 317, 321 (см. также Природа, царства; см. Семя, Силы, жизненные)
- Расы** 399, 400
- Рационализм** 288
- французский р. XVIII в. 595
- Реальное (реальность)** 295
- как цель потенциального 67 (см. также Бытие, действительное; см. Потенция)
- Революции** 404, 406
- Религиозность** 405
- в живописи 470
- и красота 418 (см. Воспитание, прямое)
- Религия (религии, жизнь религиозная, состояние религиозное)** 374, 403, 432, 516
- есть или восстановленное, или стремящееся к восстановлению отношение человека к Творцу своему (отношение между человеком и Творцом его) 484, 485
- в ней одной человек находит успокоение и она одна дает радость 495
- не терпит в себе лжи 552
- обращается не к народу,

- а к человеку и имеет предметом не исторический момент, но все прошедшие и будущие судьбы человечества 485
- одновременно покоряет себе все силы духа, перерождает всего человека 429
- основана на вере 552
- по природе своей не может и не должна быть терпима 552
- как последняя цель всех человеческих усилий 495
- как установившийся культ 462
- как учение о нарушенном и восстановленном отношении человека к Творцу его и природы 440
- истинная (всемирная и живая, истинные) 486
 - есть конечная форма, к которой естественно и необходимо стремится религиозное сознание всего человечества 553
 - в р. и. человеческий дух является не творящим, но воспринимающим и передающим 427
 - как идеал религиозного сознания человечества 546
 - и ложные (неистинные) 427, 484, 486
- новая (новая р. в истории) 276, 432, 433
- прекрасная (р. египтян) 472
 - и безобразная (р. кафров, готтентотов, черемисов, чувашей) 472
- языческая 472
- внутреннее достоинство 492
- внутренняя необходимость 440
- достоинство 489
- значение
 - мировое и спасающее 552
 - в истории 440
- изменение
 - и всех сторон человеческого духа и жизни 408
- истинное понимание 494
- направления: к истине, к оживлению религиозного чувства и полноте господства 552
- оставление 422
- основные 485
- предмет 485
- распространение 585
- служители 552
- содержание:
 - осуждение дурного, воспоминание о лучшем, жажда будущего 485, 492
- старые элементы 429
- стремления 548
- части 485
- цель 484
- язык 485
- греков 472
 - и их архитектура и скульптура 472
- борьба против р. и равнодушие к ней 552
- достигнутое в р. 495
- истины и заблуждения в р. (культе) 485, 486
- неполнота и ошибки (искаженность) в р. 486
- непонятное и неизвестное и понятное и известное в р. 484, 485
- опасность для р. 585
 - защитники и истолкователи как опасность для р. 462
- р. в жизни человека 576
- и аскетизм 617
- и действительность 440
- и искусство
 - сложные формы 541

- и красота 471
- и новые стремления 495
(см. также Творчество, религиозное, Чувство, религиозное; см. Скептицизм)
- Ремесло
 - и занятие 577
- Республика (республики) 320
 - аристократические и демократические 339
 - французская (современная французская) 420, 556
 - история 471
 - древних греков 471
- Рефлексия 463
- Реформа 309
- Реформаторы 558, 559
- Реформация 400, 429
- Речь
 - мерная 416
 - метрическая
законы: тождество, разнообразие в тождестве и тождество в разнообразии 481
- Рим (римляне) 26, 288, 417, 436
(см. Роскошь, Эпоха)
- Ритм (размер)
 - и язык
есть выражение общего настроения художника или поэта 452
предшествуют произведению и стихотворению 452
- Робость
 - и безопасность жизни 599
- Род
 - определение 354
 - модусы возможной деятельности 266
 - образование 230, 265
 - понятие 354
 - прототип 267, 354
 - сходных вещей 441
 - и вид 172, 265, 339, 354, 443, 466
(см. Индивидуум, Явления)
- Родина
 - оставление 422
- Романо-германцы 26, 288
- Роскошь
 - и безнравственность в Риме 609
- Россия
 - как политический организм 544
- Рост (явление роста) 195, 282, 302
- Рынок 113
- Салоны
 - французские 607
- Самобытие 242
(см. Сущность, Условность)
- Самовосстановление 282
- Самонаблюдение 536
- Самоопределяемость
 - есть существенный атрибут научного процесса, вытекающий из его природы 413
- Самоотвержение 540
- Самоуничтожение
 - в буддизме 433
- Сверхчувственное 20, 21, 131
- Свет 302, 362
 - природа и свойства 100, 101
- Свобода
 - как цель права 440
 - осуществление как цель государства 276
 - с. от невольных привычек профессии 384
 - с. от удовольствий 423
- Свойство (свойства) 35, 38, 126, 182, 239, 345, 442, 591, 592, 630
 - всякое с. есть соотношение 283
 - по природе суть отношения 272
 - увеличивают связность

- в природе, придают ей цельность и служат источником разнообразия 272, 277
- как промежуточные члены в целесообразном процессе 305
- как проявление сущности 128
- как следствия природы 293
- как средство для целесообразно действующего разума 335
- определение 273
- геометрические 282
- единичное 272, 279
- мнимые 272, 278
- основные (определяющие, существенные) 272, 278
- постоянны в предмете 277
- и второстепенные (производные) 112, 277
- произведенные 277
- пространственные 379
- простые и сложные 272
- психические
- суть отношения духа к тому, что лежит вне его 274
- физические 282
- химические 282
- чисто жизненные 282
- виды см. мнимые, основные, производные, произведенные
- возвратное действие 372
- изучение
- опытное 281
- по схемам разума см. общая теория
- комбинации 100
- назначение 272, 277
- общая теория (учение о с. по схемам разума) 272, 275 - 277, 281
- открытие, понимание и объяснение 100
- отношение
 - к другим сторонам бытия 272, 273, 279
 - природа 274, 275, 379
 - причина (источник) и происхождение (процесс происхождения, возникновения) 272, 275, 276
 - сходство и различие 277
 - цель 275
 - элементы 281
 - вещей (предметов) и явлений (в Космосе) 272, 289
 - причина изменения 206
 - геометрических и вообще математических величин 274
 - животных тканей 282
 - Космоса как целого 272
 - минералов 282
 - растительных тканей 282
 - свойства
 - есть чистая сторона бытия 411
 - состава или строения в вещах и элемента изменения или процесса в явлениях 234
 - теплоты 11
 - физических тел 274
 - количественные соотношения в с. 272
 - различное в с. 354
 - с. в самом себе
 - формы существования 272, 273
 - и предметы
 - как отдельные самостоятельные сущности 367
 - и различия 274
 - и (со)отношения 274
 - при анализе свойств природы разлагаются в отношения 273
 - количественная сторона 279
 - и то, в чем оно пребывает 372 (см. Сущность)

Связь

- естественная, родства или соседства 559
- причинная 14, 15, 19, 21, 24, 45, 74, 110, 114, 115, 118, 124, 192, 291, 296, 500, 518, 521, 589, 595, 599, 622, 625
- есть с. причинного пре-емства
 - и причинного сосущест-вования 112-114, 285-287, 291, 293, 294, 300, 301, 326-328, 531, 590
- определение 591
- доказательство постоянства 108
- способы раскрытия 591-593
- поступка или факта и це-ли 80
- (см. также Преемства, Причина, и следствие, Со-единение, причинное, Со-существование; см. Яв-ления)
- с. между закономерным соотношением и простым сходством 504

Святость

- и чистота 467

Сдержанность (осторож-ность в суждениях)

- как признак равнодушия (сердечной холодиости) 424

Сектанты

- религиозные благосостояние, нравст-венные достоинства, об-щественные и политичес-кие условия жизни 529

Семя (семена) 178, 200, 455

- есть синтез форм и жиз-ненности 224
- и вещество 177, 179, 224
- как потенции 173, 174, 175
- и зародыш 315

- и растение (дерево) 475, 615

Семья см. Соединение, се-мейное

Сенат 555

Сила (силы) 121, 182, 186, 229, 303, 350, 603

- есть один из основных элементов бытия 282
- как активное начало изме-нения 198
- как источник деятельнос-ти 253
- как часть движения 411
- движущие 186, 214, 215, 374 (см. Синтез)
- деятельная 331, 347
- условия увеличения 332
- доказательная 385
- духовные (душевная) 255, 563
- жизненные 228
- растений (растительные с.) 177, 208
- исторические 228
- слепая 580
- медицинские 573
- механические 228, 229
- молекулярные 228
- общественные 186
- общие и частные 186
- органические 186
- психические 186, 208, 228, 388
- соединяющие, разъединя-ющие, направляющие 186
- творческая 374
- физические (чисто физи-ческие) 170, 384
- закон сохранения с. (мни-мый з.) 212
- законы действия 183
- источник и действие 229
- механическое значение 387
- природа (сущность) 229
- свойства и способы про-явления 229

- форма и сфера пребывания 229
- внутреннего "я" и внешних обстоятельств в характере 454
- действия и противодействия (сопротивления) (преодолевающая и преодолеваемая с.) 329-331
- исправляющего влияния (исправляющая с.) 330, 331
- притяжения 180, 228
- сопротивления между планом и целью 329
- сродства 164, 166, 188 как потенции 167 и с., смешивающие вещества 169
- тяготения (всемирного тяготения) 205, 215, 228, 229 не есть вещество, хотя есть только в веществе 554
- убеждения, ласки и прекрасного образа 331
- представления о с. 594
- и вещество 387 как элементы изменения 199 соединение 191 как элементы генезиса 221 - 224
- и мужество 437
- и существование 378 (см. др. рубрики)
- Сильное и слабое 352
- Символы 60, 137, 391
 - утверждения и отрицания 351
- Синтез 184
 - движущей силы с силою направляющей 222
 - одновременных исторических течений 608
 - силы, вещества и закона 224
 - целого 305
- Системы (система)
 - искусственная и естественная основания и достоинства 345
 - истинность, стройность и гармония в построении 473
 - идеализма 473 и материализма 472
 - с. в различных предметах 361
 - и классы, роды и виды 542
- Сказуемое
 - логическое 81, 92 - 94
- Скептицизм 6
 - верующий и наука 621
 - в понимании и мистицизм в религии 514, 515
- Склонность (склонности)
 - естественные 407
 - умственные и нравственные 577 как направления и симпатии 578
 - к дурному и стремление к хорошему 584
- Скорость 206
- Скрытое
 - и явное 195
- Скульптура (ваяние, статуя, скульптор) 394, 446, 448, 452, 531
 - есть совершеннейший род искусства 447
 - есть частный вид искусства 411
 - основа: очертание трех измерений (пространственная форма) 439, 446
 - природа (сущность) 439 и предмет 477
 - произведения красота 481

- средства 446
- линии в с. 446
- отсутствие разнообразия в с. 446
- и другие виды искусств 446, 447
- и живопись 446, 447, 480, 481
- и поэт 417
(см. Чувство, выражение)
- Слабейший
- по уму, ловкости, силе 424
- Слабость 525, 572
- определение 523
- страдающего 536
- Следствие (следование) 86, 240
- есть не более, как измененная причина 299
- преемственное 514
- производимое или обуславливаемое 326
- производящая причина 348
- ряд (ряды) 99
(см. Цель)
- Слово (слова) 428, 441, 475, 604
- как средоточие мира, средоточие истории 427
- религиозное 430
- значение 121
- небрежность и распущенность мысли и чувства в литературе 576
- смысл 451
точный
и язык 605
- с. о человеке и жизни 463
- Сложение
- как процесс и как строение 283
- и разложение как сущность изменения 185
- Сложное см. Простое
- Слуга
- и господин 423, 424
- Случайность (случай, случаи, случайное) 144, 284, 654
- определение 319
- единичные 312
- Смерть 177, 330, 403, 543, 572
- есть отделение оформливающего от оформливаемого 373, 394
- как изменение чего-либо в чем-либо 373
- как одна из составных сторон существования 395
- определение 523
- близкого человека 525
- и бессмертие 523
(см. также Умирание; см. Жизнь)
- Смеси (смесь) 170, 174, 183
- определение 168
- искусственные 169
- потенции 168
- и соединения 169
(см. Существование, формы)
- Смешивание
- как явление 171
- Сновидения
- грезы и сбывшееся на самом деле 486
- События (событие)
- историческое 605
- полнота последствий 611
- и факты 605
- Совершаемое 80, 651
- область с. произвольно и непроизвольно 629
(см. Совершенное, Сознваемое)
- Совершающееся (происходящее, мир явлений) 327, 651
- природа 235
- с. однообразно 305
(см. Сущестующее, Сущность)

- Совершение
 — плоды
 полезные или вредные 543
 Совершенное
 — есть сознательно и произ-
 вольно сделанное челове-
 ком 602
 — единичным народом
 и всем человечеством 612
 — и совершаемое 75
 Совершенство
 — сравнительное 487
 — и безобразии 477
 Совершившееся
 — есть бессознательно и не-
 вольно происшедшее 602
 — нравственное значение
 613
 Соединение (соединения) 158
 — внешнее 115
 — причинное 228
 анализ природы 289
 виды (типы): причинная
 связь преемств (причин-
 ные преемства) и причин-
 ная связь сосуществова-
 ния (причинные сосущест-
 вования) см. Связь, при-
 чинная
 классификация 291, 292
 количественные соотно-
 шения 293
 преобладающая и исклю-
 чительная формы 193
 существующего и совер-
 шающегося 300
 — семейное
 прочность
 и увеличение образова-
 ния 504
 — химические 151, 183, 282
 искусственное 347
 — целесообразное 326
 — потенции (возможность
 осуществления)
 определение 164
 — процесс образования 167
 — существование 167
 формы 164
 и пространство 168
 — вещества и формы 163
 — элементов
 химическое 182
 и механическое 168
 (см. Способность)
 Содержание
 — и форма 51, 58, 151, 175,
 220, 327, 390, 396 - 398, 431
 Создаваемое
 — по необходимости 510
 — и создающее 521
 Созерцаемое 593
 Созерцание 218, 619
 — общее 123
 мироустройства и течения
 жизни 413
 — и понимание 173
 (см. Красота)
 Созерцательность
 — присуща всем образным
 искусствам 449
 Сознаваемое
 — и действительное 13
 — и жизнь 75
 — и совершаемое 74, 84
 Сознание (сознающий дух)
 16, 18, 23, 25, 35, 59, 43,
 45, 75, 76, 85, 95, 107, 120,
 124, 148, 307, 308, 310, 334,
 336, 352, 354, 496, 644, 649
 — общее тайное 397
 — разумное 469
 — утраченное 384
 — чистое 317
 — ясное 604
 — акты 42, 316
 — границы 130
 — образы 130, 132
 — основной и первый вопрос
 645
 — период 530
 — состояние 287, 123
 — долга 323
 — творящего духа 344
 — отдельных людей
 и свидетельство истории

- 495
- затруднения в с. 649
 - лежащее вне и внутри с. 614
 - и воображение 530
 - и исторический рост политических организмов 553
 - и мир вещей 124
 - и ощущение 34
 - и речь 121
- Сознательность**
- сущность
 - в области действия
 - заключается в целесообразности 80
- Сомнение (сомнения, состояние сомнения, колебание, недоумение) 7, 68, 122, 142, 144, 148, 401, 403, 408, 413, 533, 642**
- есть сознание незнания или неуверенности в знании 618
 - вызывает страдания в разуме 618
 - не есть естественное для разума состояние 618
 - как источник (причина) науки (развития науки) 639, 641, 643
 - как источник стремления к познанию 617
 - как общее недоверие к бессознательно установленным по преданиям мыслям и взглядам на природу 413
 - определение 617
 - новые 623
 - как новые побуждения к стремлению 619
 - религиозные 620
 - влияние
 - на образование новых идей 620
 - дар 643
 - дух бескорыстного
 - свойствен только челове-
- ку 619
 - научное разрешение 644
 - причины 122
 - процесс образования 122
 - следствия (влияние) 122
 - теория разрешения
 - формы: учение о с. вообще и собственно теория разрешения всех видов с. 122
 - и вопросов 123, 521
 - формы 123
 - пути выхода из с. 97, 123
 - и образование науки 618
 - и ясность
 - сочетание с. и я. в строении мышления 620
 - (см. Вопрос, Истина, Неясность, Разум)
- Соотносительность**
- психических представлений, чувств и стремлений 561
 - (см. также Соотношения)
 - и целесообразность 561
 - (Со)отношения (соотношение, соотносящееся) 113
 - определение 501
 - геометрические 153
 - общегосударственные
 - замирание 564
 - и специальные 564
 - постоянные и необходимые 505
 - причинное
 - между определенностью процессов и сложностью сил и законов 223
 - пространственные 112
 - психические 562, 569
 - как основной элемент государства 564
 - напряженность 563
 - ослабление и усложнение 563
 - умирание и зарождение 563
 - число и разнообразие 563

- элементы в с. 504
- с. в творящем, в творении и в творимом 499, 505
- с. между творческими процессами и духом 499, 500 и формами жизни 499, 500
- с. между формами и формами духа
суть законы, соединяющие элементы разума, чувства и воли 505
(см. Генезис, элементы, Неясность)
- Соприкосновение**
- есть явление простое и чистое (несложное) 133
- Сопrotивление**
- субъективное 332
- Сословия** 424
- военное, земледельческое, управляющее 435
- городские и деревенские 608
- организация 516
- Состав**
- определение 256
- и строение
как сущность вещей 234, 240, 241
- Состояние (состояние)** 402, 449
- суть внутренние отношения чувства к самому себе 402
- беспечальное 448
- деятельное и равнодушное 386 и с. покоя
и бытие реальное и потенциальное 199, 200
- психические 19, 23
суть государство 561
прочность и продолжительность 561
соотносительность (соотносительные и неприродные) 560
- созерцательные 449
- знания
как отдельных наук 472
как единой ветвящейся науки 472
- подавленности, скептицизма, усталости и возбуждения 401
- покоя 402
- пробуждения 402
- творчества 402
высшего, или гениальности 401
- стороны бытия 401
- и стремления национального ума и чувства 606
(см. др. рубрики)
- Сострадание (чувство сострадания)** 423
- как источник правового процесса 408
- всегда деятельное 537
- и любовь 496
- и справедливость 424, 425
- Сосуществование**
- есть преемство, возникающее вне времени 370, 371
- есть движение с выделившимся временем, в котором осталось чистое пространство 370
- причинное (причинная связь) и причинное преемство см. Связь, причинная (см. Явления)
- Сочувствие** 607
- и несочувствие и вражда 582
- Сотворенное** 374
- и виды добра и зла 612
- и не сотворенное 390
- Спасение** 426, 428, 552, 553
- Спиритуалисты** 380, 381
- вера
в существование духа 380
- Спокойствие**
- есть естественное состоя-

- ние художника 449
- Способ (способы)**
- познания и изображения человека субъективный, психологический и объективный, наблюдательный 466
 - художественного понимания и изображения объективный и субъективный 440
- Способность (способности)** 182
- как основной атрибут начала пассивного 186
 - познавательная 31
 - представляющие (психологические) слабость (бессилие) 255
 - различающая в чувстве 425
 - чистая 54, 62, 63
 - объект 55
 - с. бесконечно увеличиваться и уменьшаться (бесконечной делимости величин) не есть только мыслимая, но и реальная 362
 - с. к познанию см. Мышление, ясность
 - с. к развитию 52
 - с. к соединению и стремление 168, 170
 - с. образовать идею 38
 - с. получать и удерживать впечатления 34
 - с. понимать жизнь 82
 - и любовь к суждению 330 (см. Стремление)
- Справедливость (справедливое, чувство справедливости)** 343, 570, 571
- есть строгое соответствие между добром и злом 542
 - как вид нравственной причинности 541, 542
 - как заслуженное воздаяние 541, 542
 - как критериум 80
 - как цель государства 276
 - нарушенная (нарушение с. в единичных случаях) 584
 - воздаяние 595
 - первоначальное естественное сила и красота 537
 - понимание и оценка 544
 - и законодательство развитие 425
 - и несправедливость (чувство несправедливости) 424, 537, 541, 563, 584 как объект права 520
 - и нравственное (чувство нравственное) 428 несовпадение 424 (см. Государство, орган, Зло)
- Спрос**
- и предложение 113, 114
- Сравнение (сравнивание, процесс сравнения)** 122
- как познавательный процесс 120
 - простое 115, 399
 - моменты: наблюдение, описание, сравнение, умозаключение 97
 - способы 122
 - сущность 97
 - неравного в различном 534
 - и сравниваемое 432
 - и тождество 141
- Среда (id, quod inter ideam rei et rem ipsam)**
- есть инертная для цели 340, 341 и безразличная для нее 331, 332
 - окружающая 430
- Средние века (средневековый мнр)** 393, 419, 429
- Средство (средства)** 329, 589, 633

- есть производящее 327
- тройкий смысл: как орудие достижения цели, как естественный процесс, как путь искусственного отклонения от естественной формы 589, 590
- как причина 327
- определение 589, 590
- к должному и к достижению всяких целей 589
- открытие и пользование ими 589
- роды 590, 596
- сознательное употребление 309
- и право 635
- и цель (производимое) см. Целесообразность, члены, Цель
- Стиль**
- как отражение исторического настроения 439 (см. Архитектура)
- Стихотворение** см. Произведение, поэтическое
- Стоицизм (стоики)** 404, 512
- Страдание (страдания, явления страдания)** 331, 416, 423, 448, 474, 477, 497, 533, 574
- как искупление (в Брамизме) 433
- внешние 493
- внутреннее 536
- действительное или скрытое 519
 - напряженность и продолжительность 545
- незаслуженное 595
- перенесенное как источник ненависти 520
- физические 528
- чрезмерное и обыкновенное 537
- чужое
 - жажда 512
 - облегчение 528, 573
- детей 468
- разума 640
- тела и духа 523
- и радость 50, 447, 473
- с. от пустоты жизни 527 (см. Напряженность, Ненависть)
- Страна (страны)** 573
- покоренная и первобытная 558
- и народ (народы) дикие 556
 - как элементы, не образующие собою государства 546
- Страсть (страсти)**
- минутные 426
- необузданные 532
- особенная источник и удовлетворение 498
- преемственные стадии развития как цель художественного произведения 482 (см. Воля, виды)
- Страх** 422
- как источник лжи 520
- причины 536
- с. в зависимых 583
- Стремление (стремления)** 53, 312, 354
- есть вид изменения 140
- есть само повторяемое 360
- как желание и убеждение 636
- как основной атрибут начала деятельного 186
- не личные по происхождению, по цели и по форме 560
 - источник 560
 - есть возможность всегда охранять свою безопасность и нарушать чужую

- 625
- новое 495
 - одинаковые
 - для всех людей или для многих 560
 - противоестественные 378
 - человеческие 406
 - борьба противоположных 607
 - объект 55
 - политики 511
 - частиц 282
 - с. к богатству 625
 - с. к добру (несуществующему, к конечному добру) 270, 613
 - с. к истинному
 - есть самая человеческая сторона в нашей природе 619
 - с. к красоте 379
 - с. к могуществу
 - с. к осуществлению 149
 - с. к (по)знанию (с. узнать неизвестное, с. к образованию науки) порождается сомнением 623
 - как источник науки 621
 - внутренние и внешние причины задерживания 534
 - и способность к нему (к ее образованию) 617, 618
 - как условие образования науки 619
 - с. к противоположному 467
 - с. к развитию 52
 - с. (с. разума) к развитию воспринимаемого 620, 622
 - с. к свободе науки и утилитарно-политический взгляд на нее 636
 - с. разрешить сомнение и с. образовать науку 644
 - и способность (способнос-
- ти) 39, 57, 63, 173, 177, 178, 441, 487, 488
 - как атрибуты элементов изменения пассивного и деятельного начал 211
 - чистые с. и чистая способность 61, 62
 - (см. Способность, к соединению)
 - и убеждение 582
- Строение**
- как выражение и орган целесообразности 311
 - планомерное 339, 340
 - изменения
 - и процесса (и с. процесса как целого) 234, 241
 - с. во времени и пространстве (с. процесса во времени и с. вещи в пространстве) 218, 241
 - и процесс 305
 - как местопребывание целесообразности 304
 - раскрытие 340
 - (см. также Процесс, расположение)
 - и форма 336
- Строй**
- политический
 - величие
 - и величие в поэзии и искусстве 437
- Стыд**
- и зависть 527
- Субъективное (субъективные явления)**
- природа и признаки 98
 - происхождение и назначение 98
- Суд (суды) 434, 497, 555, 571, 584, 598**
- как один из органов государства
 - появление 561
 - светский (гражданский и уголовный) и духовный 571

Судимые

— как отвлеченные единицы с одним общим свойством — виновностью 560 (см. Судья)

Судья (судьи, судящие) 559

— не есть личность, индивидуум, но только единичное воплощение общего государственного органа 560

— и судимый (судимые) 560, 561, 564

Сущее

— средства прекратить мучения всего с. 607

Существо (существа) 165, 166

— Верховное природа и атрибуты 593-595

причина оживления представления о 593-595

— духовные степени совершенства 487

— живые 262

постоянство форм 304

— организованные 235

— органические виды 304

— полное (самосущество) и неполные 117

— психические природа, состав и строение 236, 269, 536

и физические 269, 270

— реальные 145

— свободное и сознающее 536

— развитие и усложнение (процесс миробразования) 165

— самостоятельность 378

— свойство 275, 378

— с. с физическим характером 380

— и явление природа 275

Существование (действи-

тельность, существование всех вещей и явлений, пребывание, пребывающее, бытие) 41, 49, 50, 55, 93, 110, 127, 137, 143, 163, 164, 168, 169-171, 173, 183, 184, 290, 345, 398, 441, 599, 651

— есть или первоначальное самосущее (беспричинное) начало, или часть самосущей первоначальной природы 126, 136

— как предмет (объект) познания 130, 131, 133, 154, 155

— как вечная возможность временного пребывания вещей 156

— как высшее условие бытия вещей 156

— есть соприкосновение с пространством 132, 133, 246

— определение 130-132, 154

— изменяющееся и изменение существующее 188

— образующееся 148, 187

— полное (самосуществование)

и двойное (неполное) 117

— потенциальное (возможное) 143, 144, 265, 406

есть скрытое предсуществование всего действительного 142

и другие формы бытия 144

и реальное см. формы

— причинное 192

в космосе

и его распределение в пространстве 302

— реальное 156, 163

— совместное 516

— чистое 129, 399

— анализ 248

- вечность (вечное) 137, 163
- виды: бытие и небытие (небытие, бытие материальное, бытие образующееся, бытие реальное) 126, 137, 143, 146, 147, 157 (см. также формы)
- возникновение и исчезновение 293, 294
- действительность и объективность
 - доказательства (доказательство) 130
 - косвенное 135
- источник (причина) 97, 126, 135, 136
- количество
 - в природе для всех моментов времени остается одинаковым, пребывая вечно тождественным самому себе 294
- логические определения 99
- неуничтожимость (уничтожение с. невозможно) 134, 156
- открытие (познание) с. и определение его форм
 - способы (методы) 96, 98, 99
- природа
 - как космического явления 132
- продолжительность 352
- происхождение
 - познание 126
- простота (с. просто по составу) 157
 - есть основной атрибут с. 136
 - и разнообразие форм 127
- самосущность (первоначальность, вечность и нескончаемость) 135
- свойства 97, 133
 - основные и определяющие 126, 133, 135
 - и признаки 133 - 135
- смысл и (на)значение 137
- сознание
 - начинается с чувственного впечатления 98, 99
- существование 130
- сущность 97, 133, 135, 237
 - и основные атрибуты 135
- сходства и различия в с. 97, 352, 353
- тождественность 157
- убывание и прибывание 127, 157
- утверждение или отрицание 135
- формы (форма): потенциальное (образующееся, идеальная ф.с.) и реальное 39, 71, 96, 98, 128, 133, 137, 142, 146-148, 152, 154, 156, 160, 180-183, 191, 211, 310, 343, 344, 398
 - идеальная ф.с. есть потенция будущей реальной ф.с. 334
- изменение (перемена) 144
 - мнимое и действительное 133
- смесей 127, 168, 169
- трех царств природы 170
 - горных пород 127, 171
 - и минералов 127
 - растений 127, 173
 - животных 127
 - вещей 183
 - Космоса 184
 - (см. также виды)
- цель (следствие) 97, 137
 - определение 126
- число (количественная сторона) 97
- вещей (вещей в Космосе) 163, 228
- генезиса
 - форма 189
 - временность и вечность 189
- с. вообще 128

- проявление
 в Космосе и вещах 153
 — с. само по себе 148
 — преимущества в праве на с. 324
 — способность к с. 148
 — учение о с. 129, 185
 — и исчезновение 118
 — и несуществование 71, 132, 155, 318
 — и преинства в природе 301
 — и свойства 218
 — и существующее (существующие вещи, мир единичных конкретных вещей) 129, 133, 359
 — и сущность 218, 246-248
 как основные стороны бытия 247
 (см. Сила, Смерть)
 Существующее (пребывающее, существующий мир вещей и явлений, вещи в обширном смысле) 21, 62, 72, 73, 76, 109, 119, 137, 147, 220, 240, 324, 419
 — есть или разум или неразум, т.е. мир вещей 63
 — с. реально и потенциально 44
 — внутренняя природа и строение (внутренний процесс) 14, 99
 и внешние признаки (наружные формы) 14, 42
 — действительность (пребывание, существование) 132, 136
 — области (вся область) 112, 117
 — образ 132
 — отражение в сознании 16
 — природа 33, 40, 235
 и свойства
 общая идея 40, 42, 47
 — разумение 74
 — свойства (сочетания из свойств)
 методы познавать и доказывать 96
 — стороны 32, 97
 — существование см. действительность
 — части
 суть отдельные предсуществующие вещи 240
 — цели (цель, целесообразность, следствия)
 неосуществленные 97
 общая идея 32, 44, 47, 49
 — познания 68
 — реальных предметов и явлений 69
 — количественная сторона в с. 33
 — порядок и соотношение в с. 11, 12
 — производящее в с. 33
 — роды и виды в с. 33
 — самостоятельность, индивидуализм в с. 239
 — и несуществующее 140
 — и совершающееся 99, 100, 240, 241, 246
 сущность 234, 241-243, 246, 248-250
 (см. также Бытие, Мир, вещей и явлений, Познаваемое; см. Существование)
 Сущность (сущности) 50, 126, 236, 245, 275, 345, 619, 651
 — есть вещество и форма 347, 348
 — есть источник самобытия 238
 — есть основная сторона (основа) вещей (бытия) 236, 238, 377
 — есть основа бытия и самостоятельности вещей 239, 240, 242, 244
 — есть основа родового отличия и сходства 235, 249

- есть основа самобытного существования (самопробытия) всего 234, 334, 335
- не есть одно во всем 234
- определение 237, 240, 244
- как основа всего 128
в пребывающем и происходящем 234
- как производящая или воспринимающая основа для свойств 248
- абстрактная 63
- единая мировая и отдельные 245
- различные (несходные) 234, 354
- беспричинность и бесцельность 245
есть тождество со своей причиной и целью 234, 244
- единство и неизменяемость 249
- метод открытия (распознавания) 234, 244
в вещах и явлениях 234
- множественность воплощений с. в существующем 249
- множественность проявлений с. в совершающемся 249
- общая теория (общее учение, изучение с. по схемам разума) 234, 236, 237
- отношение к числу 235
- пребывание (состояние) вечное и временное (вечность и временность) 234, 242, 245
потенциальное и реальное 242
скрытое и обнаруженное 234
- признаки см. свойства
- природа 234, 236, 237, 239
- причина (происхождение) 237, 244
и назначение 234
- свойства (признаки и природа) 132
основные и определяющие 234, 243, 244
- сохраняемость и неизменность 244
- тождество см. беспричинность
- форма (формы) пребывания (существования) 234, 236, 241, 242
процесс перехода из одной ф. в другую 147
- цель (или следствие) 237
есть она сама 249
- пребывающего (с. в пребывающем)
есть планомерно расположенное вещество 246
слагается из вещества и формы 334
- совершающегося (происходящего, с. в совершающемся) 201
есть планомерно расположенный процесс 246
состоит в строении элемента изменения и в строении процесса 334
- явлений 234, 241
- с. в самой себе (сама в себе) 128, 236
- и атрибут 205, 237
- и вещь 242
одновременность 241, 242
- и другие стороны бытия 234, 245, 248
- и единичное 236
- и свойства (свойства, природа вещей) 234, 238, 239, 248, 335, 354, 377
- и цель 235
(см. Причина, Существование)

- Сходство (сходства, сходное, однородное) 104, 220
- неисшедшие 345
 - единство и усиление как цели 345
 - способность располагаться в системы 345
 - способы происхождения 345
 - сущность есть повторяемость одного во многом 346 (см. Сходство и различие)
- Сходство (тождество) и различие (сходства и различия, сходное (тождественное) и различное) 44, 50, 93, 97, 102, 103, 128, 150, 278, 345, 352, 353, 441, 651
- видовое (родовое) основа
 - лежит в с. и р. свойств 249
 - и индивидуальное 249
 - форма существования 345, 346
 - индивидуальное основа
 - лежит в происхождении как процессе и в причине как источнике этого процесса 249
 - атрибуты 347
 - классификация неполнота 345
 - количественная сторона 345, 354, 355
 - методы познавать и доказывать 97
 - общая теория 345, 346, 355
 - постепенность возрастания 348
 - происхождение 349, 350
 - модусы 349
 - свойства 345
 - содержание 345
 - способность образовывать системы 348 (см. также Классификация)
 - сущность 345
 - типы: тождество, различие, противоположность, несоответствие 345, 351
 - форма реального существования (с. и р. наблюдаемые в природе)
 - с. и р. имеет столько форм, сколько есть сторон в бытии 352 (см. видовое, индивидуальное)
 - цели 350
 - вещей и явлений в Космосе 345
 - Космоса
 - с лежащим вне его (того, что не есть Космос) 345, 356
 - с Разумом, Первою причиною, Конечною Целью 345
 - отношение в с. и р. многого к одному 347
 - учение о с. и р. в самом себе по схемам разума 346
 - с. и р. относительно времени и относительно места 352-354
 - с. и р. относительно формы чистого существования 353
 - т. и р. по цели или по причине 353
- Схемы (схема) 302, 653
- определение 60
 - понимания 33, 38, 45, 49, 412, 413
 - определение 63, 64
 - центр 38-40, 61, 62, 73
 - определение 63
 - жизненность 61

- природа и назначение
61
(см. также Схемы разума)
- с. для образования общих идей количеств 360
 - с. в мире физическом 60
- Схемы разума (схемы, присущие разуму, общие правила р., идеи разума, схемы познания) 32, 70, 96, 102, 122, 123, 127, 130, 138, 146, 196, 215, 217, 228, 229, 232, 236, 237, 239, 240, 273, 279, 283, 376, 401, 407, 441, 497, 647, 650, 655
- суть общие идеи (формы учения, общие теории, общее учение, наука) об основных сторонах бытия: о сущности (природе), существовании, свойствах, пространстве и времени, причине и цели (причинности и целесообразности), сходстве и различии и числе (количественной характеристике) вещей и явлений
(см. соответствующие рубрики)
 - как чистые потенции 65
 - как элементы понимания 443
 - определение 646, 647
 - повторяющаяся деятельность 412, 413
 - объекты 647
 - реальное содержание 64, 65
 - соединение образует собою форму понимания 441
- Счастье
- как последняя, конечная цель человеческой деятельности (жизни) 88, 630
 - невозможно без нравственного процесса 422
 - наибольшее наибольшего числа людей (английский утилитаризм) 595
 - идея как идея верховного начала человеческой жизни 88, 91
 - и бедствия 325
- Счет 359
- Сюжет
- определение 452
- Творец (Божество) 430, 468, 485, 489, 492
- есть Тот, перед кем мало все великое на земле 494
 - воля 485, 494, 638, 639
 - всемогущество 594
 - отношение Т. к человеческой природе 487
 - природа и жизнь 488
 - живость представления и ощущения Его 593
(см. Идея, Понятие)
- Творимое (творение) 439, 440, 651
- естественность, правдивость,сообразность с жизнью и природой человека 466
 - формы наукою, искусством, религиею, правом, государством 612
 - т. в искусствах 449
(см. Творящее)
- Творящее
- и творимое 429 и творение 500, 614
(см. Творчество)
- Творчество (деятельность человеческого духа) 82, 438, 473
- как синтез творящего, творения и творимого 411
 - определение 651
 - духовное

- формы:
художественное, политическое, религиозное (государство, искусство, наука, нравственность, право, религия) 138, 442
- литературное (т. в области слова) 458, 460, 464
- способы: психологический и объективный 464
- наука о 465
- (см. также Литература, Поэзия)
- научное (т. в области разума, т. в разуме) 408, 624
- есть предвидение, господство над природою, увеличение человеческого счастья 415
- есть процесс образования понимания, всестороннее познание и создание науки как понимания всего 410
- состоит в последовательном развитии понимания 410
- происхождение 413
- употребление, пользование 414
- свойства 413
- следствие 415
- и цель 414
- сущность 410
- (см. также Наука)
- нравственное (т. в области чувства, т. в области нравственности) 228
- осложнение 408, 419
- способность
- возрастать под влиянием противоположного 408
- значение
- для истории и политики 408
- формы: чувство, деятельность, учение 408
- (см. также Нравственность)
- политическое (т. в области и воли) 228, 409, 433
- есть процесс возникновения, развития и упадка политических форм 433
- (см. также Государство, Политика)
- поэтическое
- и художественное 540
- психическое 146
- религиозное (процесс р.т., процесс религиозный) 226, 426, 432
- содержит в себе все стороны духа и жизни 433
- как исхождение из субъективного духа форм жизни 427
- и внешнее влияние 432
- как склонность к образованию самостоятельного воззрения на человека, природу и Творца 462
- определение 428
- виды 427
- влияние
- на человека и жизнь (и природа человека) 426
- значение 427, 431
- в истории 408
- исследование
- по схемам разума 431
- общее в единичных р. п. 432
- особенности 427-430
- первая и вторая: космический характер и соединение всех элементов духа 408
- последнее замирание 431
- симптомы 409
- условия 409
- появление (пробуждение и развитие) 432
- и падение привычек, обычаев нравов 429

- сущность
 определение 431
 элементы
 во времени (процесс) 432
 сущности (процессирующее) 432, 433
 и религиозная восприимчивость 463
 и религиозность 462
 и наука, искусство, поэзия 430
 (см. также Религия)
 — сложное 308
 — умственное 102
 — художественное 215, 228
 определение 416
 бесцельность 408
 влияние
 на мышление 408
 на чувство нравственного и религиозного 408
 внутренняя необходимость (внутренние законы)
 и внешние формы 417
 свойства: непроецируемость и самоопределяемость 408, 416, 417
 субъективная и объективная сторона 416
 сущность 417
 тенденция
 к осложнению другими видами человеческого творчества 417
 формы 417
 осложненные (осложнения)
 влияние на разум 408
 цель 417
 и научное 408, 416, 417
 и понимание 417
 (см. также Архитектура, Живопись, Искусство, Музыка, Поэзия, Скульптура)
 — человеческое (человека)
 75, 373, 440, 500, 546, 614
 как составная часть смешанных вещей 391
 проявления 390
 виды (формы) 393, 408
 — акт (акты) 399
 как возможная причина начала пассивного 186
 — виды (формы, области) 410, 422, 514, 606
 производятся отдельными сторонами человеческой природы 429
 (см. духовное)
 — процессы 228
 — совершенство 418
 — существенная сторона 458
 — цель (должное в т.) и причина 80
 учение о 651
 средства (пути) к 651
 и причина 80
 — Гоголя 465
 — природы 75
 — законы в т. 372
 учение о 651
 — проявления добра и зла в т. 499
 — соотношения в т. 372, 499
 — учение о т. 375, 601
 распадается на учение о творящем, о творении и о творимом 376, 651
 — т. в архитектуре, живописи и скульптуре
 есть наслаждение 449
 — т. в музыке
 есть нередко страдание 449
 — т. в области, что лежит под политической формой
 бессознательность 409
 — т. в области чувства 408, 410
 определение 410
 красоты см. художественное

- нравственного (нравственности) см. нравственное
- справедливости 423
 как способность различать справедливое и несправедливое 424
 как процесс установления справедливых отношений между людьми 424
 и нравственное т. 408, 423, 424
- т. в природе 142
- и воля творящего 651
 (см. также Состояние, творчества)
- Тело (тела, плоть) 17, 20, 21, 186, 230, 293, 294, 302, 377, 383, 532
- как физический организм 379
- есть элементы вещества и их соединения 231
- движущиеся 370
- живые 223 см. также органические
- небесные 374
- неорганические природа 235
- однородные и разнообразные 276
- органические (организм) смерть 215
 и органические 251
- смешанные 168
- естественные нужды и влечения 525
- неподвижность, неизменяемость 344
- объем и температура 16, 18, 19, 22
- органы 526
- строение (расположение частиц) 206
- сущность (состав и строение) 276
- частицы вещества в т. 394
- член 626
- и организмы 214
 (см. также Вещи; см. Дух)
- Теократии 339
- Теоремы (теорема) 381, 399
- геометрическая (геометрические) 367, 513
- истина, выраженная в г.т. 397
- процесс доказательства 333, 334
- Пифагора 274
- т. о свойствах причины и следствия 118
- и ее открытие 398
- Теория (учение, исследование)
- геометрические пределов 362, 379
- индуктивная (т. индуктивного изучения, т. наведения) и дедуктивный вывод 96
 (см. также Логика, Бэкона)
- настоящие и окончательные 651
- общая (общие) как основы для частных учений (и частные учения) 229, 653
 генетического процесса 188
 нахождения методов познания бытия 125, 126
- приемы как распознавание причин по признакам, содержащимся в определении причинности 96, 97
- воспитания 587
- методов познания объектов 101
- описания 453
- определения признаков существования 134
- правосудия 587
- пределов см. геометричес-

- кие
- причинной связи 74
- силлогизмов
- цель (назначение) 101, 102 (см. также Логика, Аристотеля)
- сравнения
- формы: т. наблюдения, т. описания, т. сравнивания описаний, т. умозаключений 120
- умственных процессов и приемов изучения 82
- целей и средств 74
- художественные пародии на т. 417 (см. Сомнение)
- Теплота (явление теплоты) 15, 20, 22, 24, 94, 287, 302, 250
- есть (молекулярное) движение 270, 289, 293, 301
- производится движением 348
- как причина движения 244
- определение 17, 93
- природа и свойства 100
- солнца и животных 274
- и движение 11, 248, 249, 294
- Термины 157
- определение 84 (см. также Понятие)
- Типы (тип) 402
- есть отражение жизни, создание ее 455
- суть собирательные лица (есть собирательная личность), выразители своего сословия или своей профессии 454, 461
- создан общими условиями жизни (его совершенствуют обычные условия) 454
- типами держится жизнь 454
- это тот, который как
- все 455
- как пассивный элемент жизни 455
- общие 137
- не законченные, не завершенные (т. в жизни) 454
- борьба и гибель 457
- изображение 460
- имя
- как название целого класса людей и целого явления в жизни 461
- человеческой испорченности 331
- и характеры 393, 415, 454-457, 464, 467, 477, 482
- как новый факт (новые явления) в литературе (в художественном творчестве) 464, 465
- как цель поэтического произведения 481
- борьба 456
- взаимные чувства и отношения 455, 457
- внутренний мир 460, 461
- жизнь 457
- изображение 458, 459
- нравственная и роковая необходимость существования их друг возле друга 457
- поступки и слова 460, 461
- примирение в философском и историческом смысле 457 (см. также Поэзия, образ)
- Титанизм 468
- То же
- и иное 352
- Тождество (тождественное)
- есть отрицание изменения 395
- есть отсутствие различия 190
- есть противоположное изменению 395
- определение 351

- совершенное 351
- различного (т. в разнообразии, в разнообразном) 23 (см Речь, метрическая)
- т. в изменении геометрическое понятие 367
- т. в продолжительности, форме процесса и в содержании 386
- т. в совершенстве 489
- т. самому себе 190
- т. с единичным во всем
 - есть вид 550
 - во многих частях
 - есть род 550
 - в некоторых частях
 - есть класс 550
 - в одной части
 - есть бытие 550
- и противоположность 352 (см. Архитектура)
- Торжествующее
 - и униженное 420, 421
- Трагедия
 - величайшая в жизни и истории 458
- Трение
 - производит электричество 20
- Треугольник 368, 369
 - воображаемый 363
 - прямоугольный 360, 478
 - равнобедренный как особая форма греческой архитектуры 479
 - равносторонний 360
- Труд
 - детский на фабриках и заводах 575
 - исторический 612
 - научный 618
 - постоянный физический но не истощающий 530 и постоянная праздность 526
 - нравственный смысл 613
 - цель и окончание 5, 6
 - ценность 113
 - уединенный 633
 - присвоение плодов чужих трудов 527
- Трудность
 - есть увеличивающаяся напряженность энергии 347
- Трудолюбие
 - и праздность 576
- Трусость 585
 - есть одна из сил природы 411
 - существует для равновесия между частями вселенной 326
- Тщеславие (чувство тщеславия) 625
 - человеческое личное и национальное удовлетворение 624 (см. Гнев)
- Тяготение (всемирное тяготение) см. Закон, Падение, Сила, Тяжесть
- Тяжесть 192, 283, 380
 - вещи и всемирное тяготение 487
- Убеждение 384
 - ложное 394
 - у. в возможности познать существующий мир 279
 - и склонности 547 (см. Сила)
- Удивление 22, 408, 413, 436
- Удовлетворение
 - высшее 628
 - чувства 402
- Удовольствие 591
 - и трудолюбие 639
- Узнанное
 - и неузнанное 614
- Ум (умы, разум), 29, 378, 413, 483, 650
 - как пронизательность 218

- великие (у. великого человека, у. великих людей, великий индивидуальный) 378, 415, 534
- духовный мир 579
- склад мышления 400
- и великая коллективная слабость в человечестве 494
- единичные 86
- и дарования в области научной и художественной 547
- лучшие 388, 645
- непредубежденный 382
- образующий склад 516
- обыкновенные 385
- первые
- всего человечества 384, 385
- посредственный 579
- развитой
- есть сила как благо или зло 577
- сильнейший (Аристотель) 471
- бессодержательность 31
- боль 622
- деятельное состояние (деятельность) 25
- и характер 9
- задачи 25
- иллюзия 130
- истинный признак 21
- колебания 494
- назначение 25
- освобождение 44
- отсутствие потенциальности 533
- побуждение и умение 543
- политика 391
- развитие 640
- и приобретение знаний 526
- свойства 619, 620
- есть последовательность в развитии воспринимаемого и стремление к этому развитию 620
- сила 25, 28, 384
- недостаток 533
- способность (способности) 25, 604
- к оправданию дурного 494
- французский склад и воображения 605
- цель 25
- и опыта 472
- чистый интерес 623
- ясность 25
- и отчетливость 620
- и пытливость 622
- отделение ложного от истинного в у. 620
- и разум
- как источник знания и понимания 9
- определение 25
- восточных народов 620
- Уменьшение
- реальная бесконечность 358
- и увеличение
- модусы 356, 361
- (см. Большое, Способность)
- Умирание
- есть одна из составных сторон жизни духа 395
- есть расторжение связи между веществом оформленной вещи и формой 394
- определение 176
- и рождение 282
- (см. также Смерть)
- Умозаключение (умозаключения, сила умозрительная) 44, 63, 65, 99, 100, 124, 147, 280
- восходящее 100
- правильные 102
- простые (элементарные)
- как элементы всякого по-

- знавания 102
 и сложные 104
 — типы 103
 (см. Сравнение, моменты)
 Умозрение (умозрительное исследование) 20, 168, 233, 296
 — высшие сферы 425
 — и опыт 653
 (см. также Ум, Мышление)
 Университеты
 — или академии 623, 624
 Уподобление
 — и привыкание 504
 Управление
 — децентрализованное (децентрализованность у.) 600
 и централизованное 400
 Управляющие
 — и управляемые 560
 Уровень нравственный 543
 — низкий 422
 — общий 420
 Условие (условия)
 — внешние 85, 317
 — географические 436
 — частное 626
 Условность
 — как противоположность самобытию 273
 Утверждение см. Отрицание
 Утилитаристы (утилитаризм) 415
 — теория 630
 Учебники 578
 — язык 579
 Учение (учения)
 — как система законов 283
 — мистические (у. Востока) 514
 — общее (общие) см. Схемы разума и другие рубрики
 — нравственные 512
 есть выражение нравственного чувства в слове (нравственная проповедь)
 или теоретическое обоснование его со стороны разума (нравственная философия) 421
 по природе своей есть правдивость и доброта 421
 последовательно перерождает человеческие души и человеческую жизнь 432
 и религиозное 231
 — религиозное 428
 полно цельности и единства и в этом его тайна, особенность и сила 428
 проникнуто мудростью нравственности, исполнено красоты 428
 содержит в себе все элементы человеческого существа 428
 многосторонность влияния 429
 — утилитарные и теории интуитивной нравственности 512
 — частные
 опытный характер 653
 — Зороастра 404
 — и жизнь 431
 (см. также Теории; см. др. рубрики)
 Ученость (эрудиция) 648
 — или образованность 639
 — александрийская (бесплодная) 587, 622
 — и пытливость 31
 Ученый (ученые) 555
 — отшельники Порт-Рояля 606
 Учреждения (у. общественные и политические) 27, 309, 320, 436, 542, 555, 584, 587, 608, 639
 — должны быть воспитывающими и направляющими волю 585
 — суть то, через что творит-

- ся добро и в чем проявляется польза 543
- суть части политической формы 543
 - римские 564
 - косвенное влияние на благосостояние граждан и на переход от благосостояния к богатству 529
 - система 389
 - устройство 585
 - и нравственные условия 529
(см. также Суды, Сенат и т.п.)
- Факт (факты)** 29, 58, 59, 109, 114, 115, 118, 124, 327, 328, 373, 400, 493, 497
- беспричинный 105
 - загадочный и необъяснимый 110
 - историко-филологический 578
 - исторический неудачи насильственных нововведений 558
 - наблюдаемые 593
 - неожиданный 41
 - одновременные и предшествующие 607
 - постоянный (постоянство ф.) и его необходимость 108
 - психический 383
 - скрытые 110
 - частные и общие выводы 400
 - величина 319
 - множественность причин 599
 - недостаток 337
 - цель 80
 - внешнего мира 107
 - жизни как обычные проводники явлений добра и зла в человека 526
 - минувшей жизни народов внутреннее достоинство 612
 - отсутствия в природе внешней еще где-нибудь духа, кроме человека 382, 384
 - отсутствия прямого действия духа на вещество и вещества на дух 372
 - преемств и факты сосуществования 112
 - покорения 556, 558
 - расстройства духовных явлений с расстройством организма человека 372
 - существования мышления, чувства и воли 387
 - ф. в жизни человека и природы 326
 - ф. в литературе 464
 - и мнения 76
происхождение 77
(см. Явления)
- Фанатизм** 333, 420
- Фантазия** 458
- Фантомы** 98, 441
- и истинное положение вещей 492
- Феодальный строй (феодализм)** 339, 635
- Фигура (фигуры)** 146, 161, 194
- как потенция 161
 - геометрическая (геометрические) 222, 277, 291, 341, 347, 350, 356
наблюдаемые и мыслимые 360
природа
и существенные свойства 291
 - правильные 369
 - нематериальность 161
- Физика** 270
- математическая 371
- Физиология (физиологи)** 270,

- 384, 385
 — сравнительная 269
 Филология 28
 Философия (философ) 231, 387, 404, 531, 540, 650
 — дает знания, удовлетворяет разум 513
 — александрийская 515
 — греческая 514, 515
 — новая 621, 622
 — опытная (Бэкон) 400
 — схоластическая 622
 великие системы 621
 — Декарта
 и французское законодательство 517
 — изменение характера 654
 — субъективное развитие мысли в ф. 653
 — и поэт, воспитывающий людей 544
 Форма (формы) 161, 172, 250, 315, 338, 472, 517
 — как общее
 и ее ложные части 540
 — суть очертания пространства 246
 — вещественная 396
 — геометрические (геометрически правильная ф.) 369
 никогда не исчезнут 394
 свойства и природа 248
 — государственная см. политическая
 — исшедшая (исходящие) из духа
 как пространственные 453
 конкретна и единична 392
 и вещество 409
 — конечные (конечная) 588, 590, 596, 598
 естественное зло 589
 пути к 589
 (см. также Цель)
 — наружные 14
 — неопределенные (неправильные, ф. с постоянным изменением кривизны) 368, 369
 — одухотворенные 388
 — органические
 видоизменение 304
 искусственное 318, 319
 постоянство 317, 318
 — политическая (политические, государственные, ф. в государстве) 339, 378, 391, 392, 417, 433, 437, 442, 470, 471, 516, 563, 568, 574
 наилучшая 471
 осложненные 492
 простая (простые)
 совершенные 435 (см. также Племена)
 достоинства и недостатки 538
 общая цель 434, 435, 470, 538, 544
 развитие 434-438
 не соответствующее ее природе 540
 скрытая причина 409
 распадение 597, 598
 растяжение (напряжение) 434, 596, 598
 совершенство: постоянство, определенность, правильность 436
 сущность 470
 состоит в последовательном усложнении 434
 часть и общее в п.ф. 434, 538, 608
 элемент красоты в п.ф. 471, 538, 608
 (см. также Государство, Республика, Монархия и пр.)
 — предустановленные (естественные) 541
 — преемственные (ряд преемственных ф.)
 последующая и предыдущая 220, 443

- прекрасные 388
- промежуточные 317
- пространственные 379, 416, 446, 496
 - отношения и свойства 368
- реальная (видимые) и потенциальная (скрытая, невидимые) 160-163
- скульптурные (ф. статуи) 392, 446
 - как цель делания ее 335
- сменяющиеся см. преемственные
- устойчивая (постоянные) 317, 343
- чистая (господствующая, основная, ф. в чистом виде) 178
 - как начало геометрическое (пространственное) 178
 - и вещество
 - есть уже оформленная вещь 392
 - и вторая (присоединившаяся, осложняющая) 472, 474, 475
- достоинства и недостатки 538
- изменение 160
- образование ф. в духе 409
- отличительная черта: неподвижность, неизменяемость 162
- природа
 - чистая (первоначальная) 253
- синтез 178
- содержание
 - неопределенное 386
- существование 127
- видов существования 160
- выражения чувства: образ, звук, слово, сочетание линий 418
- движения 162
- духа
 - и процессы 499
 - и ф. жизни 499
 - и ф. другого духа 610
- жизни (ф.ж., творимые человеком, проявления человеческого духа) 497, 505, 516, 553
 - происхождение их бессознательно, невольно и необходимо 473
 - и дух 516
- образов человека
 - в поэтических произведениях 454
 - (см. также Характеры, и типы)
- познания 441
- растений и животных
 - новое разнообразие 388
- существования (пробывания)
 - различных сторон вещи 163
 - целых вещей 163
- чувства 515
- ф. во внешнем мире 417
- ф. во времени
 - как выражающее в музыке 439
- ф. в музыке 391
- ф. в поэзии 391
- ф. с тождественным (с тождественно изменяющимся) направлением 268
- недостаток учения о ф. 358
- учения о существовании ф. 178
- и воля 499
- и дух 390
- и направление 311
 - ф. есть само н., или, точнее, система направлений 312
- и процесс
 - как первичные основы всего мироздания 241
- и части 409
 - влияние развития

- на дух и его стороны
409
- и числа 364
- и формы духа 466
- и явления 339
(см. Материя, Содержание, Строение)
- Франция (французы) 400,
417, 471, 556
- Хаос (хаотичность) 390
- бегущей жизни 492
- вещей и явлений 338
в государстве 338, 339
- Характер (характеры) 399,
400, 458-460, 463, 560
- всегда одинок 454
- выходит из своей личности 454
- нарушают правильное течение жизни и возмущают спокойный уклад ее 454
- движут жизнь 455
- погибает как победитель с верой в торжество свое 456
- совершенствуют исключительные условия 454
- это дух, самостоятельный и замкнутый, богатый целями и сильный в стремлении 455
- это тот, который ни с кем не схож 455
- как деятельное изменяющее начало в жизни 455
- великие 437
в политической жизни 547
- германский
сущность 605
- испорченный
перерождение
путем воспитания 330
- сильные 437
- противоположные 464
- человеческий
богатство и разнообразие 530
- и общественные и политические учреждения 519,
528, 529
- воспроизведение (изображение)
в художественном произведении 457
способы 458, 460, 461
- мир идей (внутренний мир) 456, 457
- и склонности и личные черты 650
- особенность
суть движения 457
- сила
и косное сопротивление массы 457
- цели 455
- чувства и стремления 457
- и другой характер 457
(см. Типы)
- Химия (химизм) 166, 269, 270
- Христианство (христианин, христиане) 429, 462
- древние (первые) 420, 472
- лучшие 462
- и чистый спиритуализм 472
(см. Эпоха)
- Художественность (художественное, художественная литература 465, 581)
- есть главным образом произведение наблюдательности 458
- это опозитизированная жизнь 459
- образцы 578
- наблюдение в х. 458
- и антихудожественность 482
- и жизнь 458, 459
- и светлый ум 613
- Художник (писатель) 416,
465, 518
- х.-историк 605
- х.-наблюдатель 460, 462

- и х.-психолог 440, 459
- х.-психолог 459
- дух (душа) 462
 - распавшаяся (распавшаяся на изображаемые им характеры) 464
- разнообразие творимого и болезненность творчества 462
- воображение 457
- дух (душа) 334, 475
- созерцательная 461
- настроение
 - выраженное в образе 396
- нравственное влияние на современников и потомков 543, 544
- спокойное наблюдение 461
- трагизм жизни 467
- чувства 418
- и мыслитель
 - истинный 473
 - и неистинный 474
 - (см. Спокойствие)
- Царство (царства природы)
 - ступени развития (усложнение) 264, 434
 - формы (типы) 317, 318
 - (см. Природа, царство)
- Цвет 46, 206
 - определение 274
- Целесообразность (явления целесообразности, целесообразный процесс) 126, 235 258, 260, 269, 284, 286, 327, 328, 589, 651
 - есть душа всего органического, живого, есть загадка его явлений и свет разумения 261
 - есть явление, где произведение и произведенное есть одно 307
 - действует через причинность (закон действия ц. через причинность) 335-337, 589, 590
 - множит роды и виды и сокращает индивидуумы 305, 338
 - может заключаться только в форме и процессе 343
 - по своей природе всегда разумна 307
 - пребывает не в материи, но в форме и не в механизме элемента изменения, но в расположении элементов 340
 - произвела этот мир 319
 - † производит сущность вещей и явлений 335
 - сознательна 308
 - как могущественный и космический закон 542
 - как начало чисто отвлеченное (чисто идеальное) 335, 350
 - как нечто планомерное по природе 334
 - как система 308
 - как целый процесс 304
 - определение 3, 4, 300, 308, 312
 - несовершенная (недоразвитая, как бы зачаточная форма ц.) 305, 344
 - разумная (не бессознательная, но разумная) 318
 - человеческая
 - и ц. в природе 319
 - скрытая в мире
 - признание 325
 - первая задача 329
 - атрибуты 314
 - вопрос о признании или отрицании (вопрос о ц.) 324, 325
 - легкомысленное разрешение 325, 326
 - есть не только глупость, но и великое преступление 325
 - действие

- в сфере инертного и безразличного 335, 337
- единичное явление (единичный конкретный процесс) 320, 333
- идея или представление о 320
- источник (непосредственная причина) 304, 305, 319, 320
- логическое определение 314
- место (сфера) пребывания 304, 310, 311
- модусы (типы) 326 - 328, 591, 615
- причинная связь 305
- распределение в природе 305
- назначение
- состоит в том, чтобы придать бытию нравственное значение и сообщить ему высший разумный смысл, одухотворить его 329
- в жизни природы 322
- направление 312, 341
- невозможность прямого открытия 313
- область (сфера) распространения 304, 310, 313
- образцы 314
- общая теория 303, 304, 308, 314
- справедливость или сложность 341
- отсутствие 323
- пределы распространения 306
- признаки 314
- планомерность в строении, последовательность в развитии, постоянство 304
- свойства 314
- состав: средство, цель и сознание 304, 308, 309, 326, 337
- способ открытия 305
- способы проявления 328
- сущность (природа) 264, 265 314, 340
- форма существования (существование) 304 - 306, 308, 310, 333
- идеальная
- и реальная 333, 334
- и сущность 334
- члены 305, 313, 317
- промежуточные 304
- количественное соотношение 305
- свойства 320
- связь
- есть связь творимого, творящего и творческих идей 308
- элементы см. состав
- ц. в мире (во внешней природе) 313, 317, 342
- есть факт внешний для человека, не подчиненный его воле 325
- ц. в самой себе 304
- и движение 312
- и действительное 305
- и другие стороны бытия (отношение ц. к другим сторонам бытия) 304, 308, 333
- и причинность 261, 262, 300, 305, 306, 314, 333, 615
- роковая невозможность для ц. обойтись без п. 457 в государстве 338, 339
- и реальный мир 335, 336
- и свойства 305
- и сила сопротивления среды 305
- и строение
- ц. всюду и вечно выражается необходимо в строении 312
- и сущность 305
- и сходство и различие (отношение ц. к сходству

- и различию) 305
- ц. есть источник различия в вещах 337
- ц. есть причина временно-го и непостоянного существования одних и вечно-го — других 337
- и число 305, 338 (см. Строение)
- Целое (общее) 603
- как однородное 151
- новое 145
- потенция 151
- и дробное 614, 650
- и части (часть, частное) 14, 35, 95, 141, 145, 149, 151, 163, 216, 235, 326, 379, 411, 453, 458, 478, 495, 504, 516-518, 520, 544, 587, 595 (см. Архитектура)
- и элемент 411 (см. Синтез)
- Цель (цели) 10, 50, 90, 101, 103, 240, 319, 321, 323, 332, 356, 372, 388, 492, 614, 632
- всегда бывает сущностью 335
- по природе своей неиз-менна и неуничтожима (неизменность и неунич-тожимость ц.) 322, 338, 343
- как господствующий (последний) член целесооб-разного процесса (соеди-нения) 546, 590
- как естественная конечная форма развития 546, 548, 590
- как желаемое 590
- иногда тождественны с ес-тественными ц. (конечны-ми формами) 587
- и должное
- средства, ведущие к 595
- как объекты произволь-ной деятельности 618
- как произведения воли че-ловека 630
- определение 82, 310
- государственные (ц. госу-дарства) 343, 572
- действительная и призрачная 495
- минутные 426
- общественные конечные 596
- и политические 321
- общие 83
- и конкретные 264
- полезная 510
- последняя
- как осуществленная воля 357
- сами по себе прекрасные и дурные средства 581, 582
- сложная (сложные)
- есть идея общего значе-ния 268
- части 351
- и простые (частные, еди-ничные) 119, 236, 237
- сознанная и желаемая 306
- частные
- суть идеи частного значе-ния 268
- (см. сложная)
- воплощение 332
- деление 402
- идея (образ, или понятие, ц. и идея ц.) 313, 332
- вторичное прохождение идеи ц. через сознание 305
- непосредственные источ-ники происхождения 320
- познание
- возможность 119
- метод 97
- природа 311, 322
- процесс определения 340, 341
- свободный выбор 631
- Космоса 305, 306
- сложного 305
- существующего и совер-

- шающегося (ц. в вещах и явлениях)
 план изучения 305
 способ открытия 305
 — ц. в жизни 83
 — ц. в разуме
 общее и точное название 343
 — и добро и зло 546
 — или должное учение о 614
 — и назначения 633
 — и следствие (следствия, происшедшее, произведенное) 295, 474
 — и средства (средство) 83, 86, 128, 295, 317, 320, 326-328, 330, 337, 344, 350, 452, 453, 495, 546, 590, 612
 в форме своего существования обусловлены формой существования целесообразности 311
 как члены целесообразности 308
 противоположность свойств 304
 — и стремящееся к чему-либо 315
 (см. Теория)
 Цена (ценность) 114
 (см. Продукт)
 Церковь
 — служители
 материальная зависимость от мирян 585
 улучшение
 через воспитание 585
 физический труд и духовная энергия 586
 и миряне (паства) 585, 586
 — и реформиционное обновление 621
 Цехи
 — средневековые 575
 Цивилизация 430
 (см. Эпоха)
- Частицы (молекулы) 17, 50
 (см. также Элементы; см. Стремление)
 Частное см. Единичное
 Часть (части) 46, 633
 — как постоянный и неизменный элемент сущности 379
 — своеобразие и целесообразность 258
 (см. Целое)
 Человек (люди, человеческие существа) 19, 24, 25, 27, 124, 137, 146, 157, 321, 349, 350, 473, 496, 515, 623, 639
 — есть еще более пассивный носитель творчества в области красоты, нежели творчества в области истины 416
 — еще далек от завершения своей истории 612
 — изменяется, когда изменяются его взгляды на назначение своей жизни 276
 — когда ч. действует свободно, он действует всегда нравственно 423
 — как высшая форма природы 388
 — как дух 487
 живет «дыханием» Творца 488
 — как личность или как народ
 в искусствах 453, 454
 — как одна из форм вещества 388
 — как определитель совершаемого и совершитель определенного 629
 — как пассивный носитель понимания и наблюдения 412
 — как разумное существо (как одаренный разумом) 323, 324
 — как средоточие в мире

- своего творчества 500
- как существо, сложенное из материи и формы 523
- как целесообразно устроенное существо 652
- как центр и движитель своеобразного мира явлений 602
- определение 92, 93
- безнравственный и чувственный 542
- бессердечный 553
- государственные 342 и управляемые нравственный уровень 543
- добрые и правдивые 419
- испорченный нравственное возрождение как цель 330 способы 330
- исторический 603
- лучшие 582 в стране и в народе 576 (см. также Лучшие)
- мудрые и дальновидные 494
- нравственные и безнравственные 568
- обладающие большою силою воли и большим трудолюбием, но лишённые интереса к пониманию 28, 29
- образованный 533, 539
- обыкновенные 403
- одаренные 640
- одинаковые по положению 560
- первый 626
- предубежденные 382
- простой 539, 540, 642
- религиозно настроенный 576 есть хороший семьянин и хороший член общины 577
- склонный к уединению и находящий удовольствие в общественной жизни 432
- убогие и бедные 543
- умный и сильный 575
- чуждый художественного творчества 417
- бессилие 492
- внутренний мир 313, 416, 448, 512, 513 и мир внешний 614
- воля (человеческая в.) 146, 169, 487, 495, 617, 632, 634 разумная акт 324 сила 28, 318 и в. создавшего его 634, 635 и деятельность (действия) 629 и цель 631
- группы (множество) и гений 444 и отдельные личности 557
- деятельность (действие, дела) 530, 602, 603, 635 все что ни делает ч., он делает для того, чтобы забыться 493 произвольная (д. ч., направленная к достижению произвольных целей) 630, 632, 633 и необходимая 630 - 633 частная и общественная 306 объекты 630, 632, 633 разумность, планомерность 323 целесообразность в д. ч. 336
- достоинство умаление 533
- дух (душа) 403, 432, 535, 609 не есть единичный факт в мироздании 486

- не есть произведение вещества 486
 стремится к правде, истине, любви 486
 предельность и недействительность 488
 стороны 426
 и деятельность 557
 и тело (организм) 602
- духовное развитие и материальное состояние 493
- желания (стремления) 602, 635, 638, 652
- жизнь (ч. и его жизнь)
 личная, общественная и государственная 628
 психическая 402
 отдельные психические моменты (грусть, тоска, отчаяние, беспечность, веселие, самоуверенность) 432
 разложение и падение 511
 и природа 407, 525, 589
- здоровое состояние 526
- изображение 602
- интересы важнейшие и истины высшие 430
- история 486
- качества 248
- мнение 434
- назначение (удел) 119, 120, 343, 344, 493
 первое (первое и конечное) 323, 493
 стремиться к познанию истинного 633
 и спасение 428
- неравновесие 526
- нравственное возвышение 525
- нравственное чувство 594
- нужды 522
 и потребность 25
- общее развитие и увеличение произведенных чувств 626
- отношения (отношение)
 внешние, внутренние и массовые
 как сферы деятельности
 права, нравственности и государства 440
 к науке 634, 635
 к различным видам умственных произведений 413
 (см. Отношения)
- образ (изображение)
 цельный 604
 в искусстве 445, 446, 468, 480
- первая причина 487
- первоначальное невинное (первобытное) состояние 496
 и отпадение от Творца (Духа) 486
- попытки
 найти Религию 427
- поступки 629
- потребность 530, 531
 и жажда могущества 594
- природа (человеческая п.)
 8, 31, 321, 343, 372, 393, 394, 407, 425, 430, 482, 484, 500, 538, 539, 609, 623, 630, 632, 639, 642, 655
 слаба, податлива и похотлива 494
 как источник (причина) жизненных явлений 617, 625
 как новый источник прекрасных форм 388
 как одно целое
 в религиозном творчестве 426, 428
 как целесообразно устроенное 483
 определение 487, 625
 духовная 82
 нравственная 583
 первожданная (чистая, первожданная чистота ч. п., первожданная часть ч.

- п., первоначальное в ч. п.)
 429, 534, 617, 638
 как выражаемое и пробуждаемое скульптурой 439
 как источник нравственного процесса 408
 неуправляемая и неизменная 634
 и вечная 30
 величие понимания 426
 и непервоначальные части 625, 626, 628
 возвращение к 408, 409, 448
 потенциальная
 и естественная реальная 587
 творящая
 и формы творимые 343
 внутреннее страдание 440
 внутреннее строение
 направление 342
 идеальные (мыслимые)
 и неразвитые формы 120
 извращение (перерождение) 537
 испорченность 534
 и греховность 485
 красота 530
 или безобразие 539
 недостаточность, немощь 534
 неизменный и необходимый закон 537
 несовершенства (недостатки)
 виды: несовершенства органов чувств и языка, ошибки субъективные и объективные 121
 произвол 20
 простое развитие 626
 раздельность 426
 элементы
 физические и психические 519
 и естественные склонности
 смышления (разумная сторона в п.ч.) 638, 643
 и произведенное человеческой природой
 как источники человеческих стремлений 406
 — развитие
 историческое 596
 психическое
 ступени (периоды) 25, 471
 художественное 471
 стороны
 важнейшая 628
 материальная 619
 строение 534, 629
 постоянное в п. ч. 626
 и способности 617
 и животного 525
 — свобода (свободный выбор) 642
 ч. свободен в том, на что есть право 495
 и нравственность 495
 — свойства
 возникающие под влиянием воспитания, окружающей среды и пр. 277, 278
 — связь 598
 — созерцание 522
 — союз ч. с Творцом 485
 — способности (способность) 180, 181
 воспринимать истину, добро и др. 488
 — степень духовной силы 487
 — творчество 449
 — цель (цель существования) 124, 269, 328
 стремление ч. к цели 321, 322
 — энергия 595
 — внешнее для ч. 623
 — временное в ч. 30
 — мысль, чувства и воля в ч. 488
 — отношения между л. 415

- понимание у ч. 487
- сила в ч. 468
- стороны в ч. 440
- чувства у ч. 487
- л. в различные эпохи во все времена 403, 611
- ч. в религии 495
- л. с высоко развитою душою 539
- л. с деятельным характером 527
- л. с пассивным характером 527
- ч. на низших ступенях духовного развития 539
- ч. с восприимчивой душою 580
- ч. с глубоким и тонким умом 22
- ч. с грубым умом 22
- ч. со спокойным характером и слабою силою представления образов 400
- ч. с сильным художественным воображением 400
- ч. с созерцательной душою 455
- ч. (изучающий) и природа (изучаемое) 20, 24
- и внешний мир 425
- и государство (общество) 564, 565
- и животное отличие 510
- и жизнь как предмет художественного произведения 482 в поэзии 453 (см. Идеал)
- и страна ни л., ни с. не составляют государства 557
- и тип 454 (см. также Мир, человеческий; см. Историк, Разум, Творец, Характер)
- Человечество 325, 388, 494, 579, 587, 644
- детство и юность 448
- жизнь 495, 613 прошедшая (минувшая) 603, 606, 607 как совершение и творение 611 факты 612
- история 601, 622
- мысли, чувства и желания 613
- общее благо 530
- счастье ч. и отдельного человека 493, 494
- удовлетворение 492
- Человечность
- основа 533
- Число (числа, количество) 47, 50, 126, 218, 360, 441, 651
- есть отражение, символ повторяемости (отраженная, символизированная повторяемость) 361
- могут взаимно переходить друг в друга, происходить одно от другого 365
- участвует во всех взаимодействиях 364
- большее и меньшее 361
- именованные и самые количества 359
- первое 46
- правильные и постоянные и неправильные и непостоянные красота 480
- произвольные и безобразия в вещах 478
- пространственные уменьшаются никогда не исчезая 363
- рациональное 478 и иррациональное 365
- сложное 46
- тождественные 478
- единство

- и множественность 358
- значение
 - положительное и отрицательное 477, 478
- количественная сторона 365
- назначение
 - в природе 364
- общая идея 32, 44, 46-49, 62
- отношение
 - к другим сторонам бытия 358, 365
 - между ч. 360
- первоисточник 358
- происхождение 48
 - в сознании человека 364
 - и назначение 358
- свойства (способность)
 - см. Уменьшение
- сущность
 - есть повторяемость 360, 361
- типы
 - и их противоположность 358
- форма существования 358
- всех возможных делений (бесконечно большое ч.)
 - см. Бесконечно малое
- ч. в самом себе 365
- ч. в искусстве
 - есть мера 477 (см. Музыка)
- и (или) величина (величины)
 - по происхождению столь же перводанна, как и само бытие 364
 - определение 361
 - бесконечно малое 362, 363
 - обозначаемые числами 361
 - первоисточник 365
 - происхождение 364
 - сущность 361
 - типы 364
 - изучение по схемам ра-
- зума 364
 - (см. также Первочисло)
- Чистота 582
 - внутренняя 432
 - нравственная 540
- Читатель
 - сознание (воображение) 482, 604
- Чувственность 531
 - есть удовлетворение потребностей тела, осложненное воображением 530
 - грубая
 - проявления 379
- Чувство (чувства, ощущения) 21, 79, 99, 131, 133, 158, 180, 208, 214, 378, 482, 494, 511, 580
 - есть форма духа 401, 402
 - внешние 18, 19
 - выражаемое искусством разнообразно 445 (см. выражение)
 - доброе 573
 - житейское 426
 - злое 534
 - индивидуальное 559
 - массовое (массовые)
 - по характеру сходны с настроениями, бывают беспредметны 406
 - тождественны по сущности с волнениями 406
 - перемены 405, 406
 - мировое 425
 - не испытанные 393
 - нравственное (нравственные) 404, 405, 418, 424
 - есть одна из сторон перводанной человеческой природы 422, 423
 - не обязано своим происхождением ничему внешнему 423
 - в чистом виде есть сочетание доброты и справедливости 419
 - как движущее начало раз-

- вития нравственности 610
 напряженность 419, 420, 423
 осложненные формы:
 страдание, самоотречение и аскетизм 419
 причины отклонения
 от естественного процесса развития 423
 процесс осложнения 419
 профанация 418
 (см. также Нравственность; см. Зло, нравственное, Развитие, нравственное)
 — общее (общее и одинаковое, общие всем людям, живущим в государстве) 559
 и единичный образ 452
 (см. также Патриотизм)
 — однородное и цельное и мир возвышенных и тонких ощущений 414
 — поэтическое 458
 — произведенные (вызванные) и произведенные 626
 — религиозное 405, 511, 585, 622
 трудно уживается с развитыми политическими формами 437
 как потенция 431
 болезненное 526, 527
 первоначальное и вторичное 427
 простое
 энтузиазм 418
 субъективное
 причины пробуждения и оживления 593
 аналитическое рассмотрение природы 593
 художественно воплотимое
 типы 418
 виды 373
 время (исторический период) появления 427
 предмет: человек, т.е. все страны и народы 427
 оживление (пробуждение и оживление)
 причины 589, 594
 производящая причина и текущая окружающая жизнь 427
 распущенность 621
 сущность (природа)
 состоит в отрешенности от всего личного, от всего земного 425
 р.ч. у евреев и христиан 405
 и природа человека 431
 и художественное ч. 472
 (см. также Религия)
 — тяготящее
 освобождение от 418
 — ассоциация 582
 — атрибуты 402
 — виды 410
 значение каждого
 как творческого источника какой-либо стороны жизни 405
 изучение
 по схемам разума 405
 — влияние
 на жизнь индивидуальную и общественную 402
 — временность, изменчивость и подвижность 87
 — выражение (процесс выражения) 80
 в линиях (архитектура), в пластических и скульптурных образах (живопись и ваяние), в звуках (музыка) и в слове (поэзия) 419
 — колебания 373, 405
 — обман 154
 — образование 202
 — объект (предмет) 401

- ограниченность 66
- органы 14, 16, 17, 19, 20, 98, 100, 122, 398, 488, 646
- деятельность 121
- недостатки 97
- и сознание 121
- первоизданность 497
- роль (значение)
- в истории 402, 403
- строение 41, 270
- типы
- суть особенные складыв ч., особенные сочетания однородных видов ч. 403
- удовлетворение 402
- форма существования (формы, под которыми является ч.)
- суть творческие источники самостоятельных и важнейших областей жизни 402
- потенциальная 401
- элементы 499
- безнадежности и отчаяния 404
- беспомощности, внутренней пустоты и одиночества 513
- бессилия 414, 415
- благоговения 535
- величия и силы 418
- верующих 484
- волнения 406
- восторженности 535
- грусти (грустные ч.) 383, 397, 403
- доверия 402
- зависти 402
- определение 534
- красоты (прекрасного, ч. наслаждения красотой, художественное ч.) 402, 405, 416, 418, 428, 626
- определение 473
- борьба
- с нравственным ч. 418
- процесс развития 420
- формы 419
- милосердия
- есть прямая причина милосердных поступков 543
- напряженности 425
- неверия 534
- неудовлетворенности 645
- отращения 472
- отчаяния 406
- отчужденности 418
- подавленности и надежды 404
- подозрения 406
- радости 381, 406
- симпатии и антипатии 79
- страха 402
- стыдливости 379
- тревоги, колебания, неуверенности 449
- уважения 535
- эгоизма
- приемственное развитие 512
- влияние на ч. добротой обращения 330
- внутренняя фальшь в ч. 538
- и воля
- как формы, под которыми является творческий дух 373, 499
- и его нисходящие формы (типы): волнения, состояния, настроения 373, 404
- и желание 496, 555
- природа 121
- и запечатленное им 396
- и искусство 499
- и нравственность 499
- и образ, звук или слово 416
- и право 499
- и чувствование 499, 515 (см. Архитектура, и скульптура, Способность, различающая и др.)
- Чудесность
- натуральная 269

Чудо (чудеса) 381

Школа

— современная 580

Электричество 20, 94, 202, 229, 270, 282, 302, 384

Элементы (частицы) 149, 150, 158, 164-167, 169, 170, 183, 186, 201, 224, 302

— суть только полуопределенные потенции 167

— определяющие и определяемые 127

— как синтез 224

— научные и философские 653

— пространственные 161

— художественный 471

— природа и соотношение 112, 113

— соединения 127

ряд тождественных 225

— сочетание (сочетания, комбинация) 23, 59

в сознании 107

— строение 120

— разума, чувства и воли 505

— и сочетание элементов 102

Элиминация 591

Эллинизм

— на италийской почве 608

Энергия

— внутренняя 584

— нравственная

сумма н.э. вечно остается постоянной в человеке и человечестве 420

Энтузиазм 535

Энциклопедисты 339

— французские были скептиками 621

Эпикуреизм (эпикурейцы) 404, 512, 595

Эпоха (эпохи, эра) 605

— религиозные плодотворны для науки

617

— дух 606

— Августа 531

— античного язычества 276

— Возрождения 445, 531

— возрождения наук и искусств и сложения государственного единства 606

— высокого развития цивилизации и богатые воображением 532

— высшего развития религиозного чувства в Европе 621

— падения Рима 422, 493, 564

— Перикла 531

— революции и реставрации 606

— религиозного упадка и умственного падения 622

— реформации и придворной жизни 606

— рыцарства 606

и католицизма 605

— скептицизма

бесплодны для науки 617

— упадка

идей и чувств 420

цивилизации 607

— христианства 276, 448

— художественного развития

смена 551

Эрудиция

— чистая 653

(см. также **Ученость**)

Юристы 556

Явления (явление) 22, 24, 25, 29, 45, 57, 108, 113, 158, 183, 185, 194, 195, 314, 337, 398, 613

— есть возникновение различия 192

- есть всякое изменение, простое и сложное 591
- есть сосуществование изменяющегося — необходимо во времени 194
- есть только вторая форма существования вещей в Космосе 182
- как причина возникновения свойств в вещах 186
- как роды 181
- как сложное изменение есть появление различия в самом различии 192
- как соединение изменений, связанных причинным сосуществованием (как сосуществующие изменения) 185, 217
- определение 192
- внешние (наблюдаемые, наружные, видимые и осязаемые) 57
- внешние признаки (видимая сторона) и скрытый процесс (сущность) 16, 17, 21
- и внутренние (невидимые и неосязаемые) 19, 431
- единичные 181
- жизненное (я. действительной жизни) 112, 270
- запутанность, противоречие и зло в 584
- закономерные 185
- изучаемое 116
- имеющие целью или удивить или внушить зависть 625
- историческое 621
- космические 314
- необыкновенное 41
- нравственные 484
- обширнейшие и самомаleastшие 501
- общественные 158
- одновременно происходящие 501
- органические
- особенный характер 369
- происхождение организмов и причинности в о.я. 302
- и внутренняя форма 369 (см. Организмы)
- причинно соединенные 590
- противоположные злу 599
- психическое (психические): мышление чувство, воля 135, 158, 378
- не суть функции не только мозга, но и никакого органа 386
- как отправления мозга 384, 385
- как нераздельная часть организма 379
- атрибуты 270
- источник
 - производящий 381, 382
 - нематериальность 381
- причины
 - физиологические 384
 - происхождение 384
 - содержание и форма 373
 - существование 380
 - и материальные 380
 - и организм
 - их отношения суть отношения свойства и сущности 372
 - происхождение духа и причинности в п.я. 302 (см. Мозг)
- реальные 101
- тепловые см. Теплота
- физиологические 158
- физические 23, 112, 158, 270, 362
- аномалии в ф.я. 541
- возможность возникновения 181
- группы (одновременность я.) 270
- законы 158

- множественность причин 589
- особенности (особенности природы) 181, 182, 185, 192
- потенции: силы природы, способности духа и свойства организма 181
- пребывание в Космосе 129
- признак 114
- причина 20, 108, 244, 617 и следствие 55
- причинная связь (ряд, цепь, ряды причинных я., причинно соединенные я.) как необходимое и постоянное соотношение 108 (см. Связь, причинная)
- производящие силы 158
- происхождение 102, 110
- разнообразие 23
- разумная последовательность в развитии 314
- роды 302, 617
- строение в пространстве 192
- сущность (природа) 102, 117, 131, 249 состоит в происхождении, в образовании 182 и свойства 55
- условие существования и несуществования 280
- формы существования 180-182
- добра и зла неизвестны в своем чистом виде 522
- жизни вызванные и естественные 625
- изменяемости анализ (умственный) 210 в самом себе 188
- несоответствия в расположении частей 353
- причины 624, 625
- роста 180 определение 175
- света 202
- целомудрия 531
- и процессы 187, 193-196, 201, 217, 221, 230 как два вида сложных изменений (генезиса) 190, 193
- жизненные 229
- исторические 229
- общественные 212
- психические 212, 229
- и силы (сила)
- и законы (закон) 11, 12, 487
- и факты 81, 119
- новые 653
- я. для вещи 591
- я. для явления 591 (см. также Совершающееся; см. Вещи, Существо)
- Язык (речь)
- определение 121
- русский 469
- самый точный есть дипломатический язык Франции 437
- красота 604
- начало 510
- недостатки 97
- Древнего Рима есть совершеннейший по строению 437
- есть лучшее методическое орудие в деле воспитания ума 437
- я. в истории 604
- соответствие предмету изложения 605 (см. Поэзия, ритм, Процесс, возникновение, Учебники)
- Язычество 429 (см. Эпоха)
- Ясность
- и пытливость 621 (см. Сомнение)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	III
В.В.БИБИХИН	IX
О ПОНИМАНИИ. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания	1
ПРИЛОЖЕНИЕ	657
КОММЕНТАРИИ	663
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	675
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	681

Розанов В.В.

Р 64 Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания /ИМЛИ РАН. Ред. и коммент. В.Г.Сукача, вступ. ст. В.В.Бибихина. — М.; Танаис, 1995. — XXV, 808 [2] с., 1 л. портр. — (Лит. изгнанники).

ISBN 5-87603-004-X

“О понимании” — первый том, открывающий творчество раннего Розанова. Это фундаментальнейший философский труд в русской науке, “география ума человеческого” (Рцы).

Для историков русской философии и интересующихся творчеством В.В.Розанова в целом.

Розанов Василий Васильевич
О ПОНИМАНИИ
Опыт исследования природы,
границ и внутреннего строения
науки как цельного знания

Редактор *А В Матешук*
Оформление художника *А И Ольденбургера*
Технический редактор *С П Лебедева*
Корректор *Ф Н Морозова*

ЛР № 062955 от 03 09 93

Набор и верстка, произведены на компьютерно-издательском комплексе
"Poltype" фирмы "Брахер и Ко Лтд"
Подписано в печать 15 12 94 Формат 84x108/32 Бумага офсет № 1
Гарнитура "Таимс" Печать офсетная Усл - печ л 43,68 Усл кр -отт 43,68
Уч -изд л 48,97 Тираж 5 000 экз (первый завод) Заказ № 491

Издательство "ТАНАИС",
117571, Москва, пр Вернадского, д 86, корп "О", комн 119
Отпечатано с оригинал макета в АО "Астра семь",

121019, Москва, Филипповский пер, 13